X Уральский демографический форум. Том I

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ В РЕГИОНЕ

X Уральский демографический форум

Международная научная конференция

Сборник статей

Том I

Российская академия наук
Уральское отделение
Институт экономики

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ В РЕГИОНЕ

X Уральский демографический форум

Международная научная конференция

Сборник статей

Екатеринбург
2019

УДК 312
ББК 60.7 (2 Рос)
С69

Сборник подготовлен при поддержке гранта РФФИ 18-010-01049-А «Методология и методика системной оценки взаимосвязи средовых факторов и здоровья населения в задаче устойчивого развития регионов России»

Ответственный редактор: д-р экон. наук, проф. О. А. Козлова
Рецензенты: д-р экон. наук. В. Г. Логинов,
д-р экон. наук Г. Н. Пряхин

С69 **Социально-экономические и демографические аспекты реализации национальных проектов в регионе:** сб. статей X Уральского демографического форума / отв. ред. д. экон. наук О.А. Козлова. – Том I. – Екатеринбург : Институт экономики УрО РАН, 2019. – 434 с.

ISBN 978-5-94646-620-2

В сборнике представлены доклады X Уральского демографического форума с международным участием «Социально-экономические и демографические аспекты реализации национальных проектов в регионе», посвященного актуальным проблемам социально-демографического развития России и ее регионов.

В первом томе размещены пленарные доклады и материалы научных докладов дискуссионной площадки: «Социально-экономические факторы демографического развития».

Сборник статей представляет интерес для экономистов, специалистов в области управления демографическими процессами, социологии и психологии воспроизводства населения, медицины и здоровьесбережения населения, историков, географов, преподавателей, аспирантов и представителей общественных и некоммерческих организаций, интересующихся вопросами демографической и семейной политики.

УДК 312
ББК 60.7 (2 Рос)

ISBN 978-5-94646-620-2
© Институт экономики УрО РАН, 2019

Содержание

Пленарные доклады 6

Корнилов Г. Е. Профессор А.И. Кузьмин и Уральский демографический форум: десятилетняя история 6
Архангельский В. Н. Региональная дифференциация рождаемости в России... 16
Синельников А. Б. Влияние распада семей, повторных браков и сожительств на рождаемость 28
Калачикова О. Н. Репродуктивное поведение современных мужчин: установки, практики и ценность отцовства 36
Соловьев А. К. Демографические условия реализации стратегии развития пенсионной системы 43

Социально-экономические факторы демографического развития 48

Акрамова Ш. Г. Региональные особенности демографического развития Республики Узбекистан 48
Альбрехт О. А., Тараданов А. А. Социально-экономические факторы формирования семейного благополучия 54
Андреева Е. Л., Ратнер А. В., Кузнецова Д. Е. Стимулирование реализации человеческого капитала в рамках поддержки международной кооперации и экспорта 62
Апахова В. М., Ваторопин А. С. Женский персонал исправительных учреждений в России: основные функции и особенности использования 68
Бурдяк А. Я. Демографический вектор жилищных программ 72
Быкова Д. Г., Багирова А. П. Государственная информационная поддержка семьи в регионах с высокой рождаемостью 79
Ворошилова А. И. Перспективы развития методов математического моделирования демографических процессов с учетом социокультурных детерминант 86
Гараева Э. И., Костина Н. Б. Добровольная бездетность в современной России: отношение со стороны общества 93
Глухих П. Л., Осинцев С. И. Социально-демографический портрет российского технологического предпринимателя 99
Гончарова К. С. Социально-экономическая политика, направленная на снижение экономического неравенства населения (на примере субъектов ЦФО) 107
Dimitrova E. K. Social differences in the attitudes towards the balance of time for paid work and private life in european perspective 118
Злотников А. Г., Смалюга А. К. Беларусь как донор российской миграции 125
Злотников А. Г. Тенденции в структуре рождаемости Беларуси 132
Исломов Ф. С. Социально-экономические факторы демографического развития Республики Таджикистан 143
Груздева М. А., Калачикова О. Н. Развитие отечественного здравоохранения в контексте целей национального проекта 147
Камарова Т. А. Условия дистанционной занятости как фактор демографического развития: типично «женские» профессии 154
Кованова Е. С. Современные тренды миграций сельской молодежи 161
Козлова О. А., Секицки-Павленко О. О. Метод Салливана как один из

инструментов качественной оценки общественного здоровья..... 166
Коровкин А. Г., Королев И. Б., Синица А. Л. Основные направления миграции населения регионов России и их экономическая специализация за период 1991-2015 годов 172
Кулькова И. А. О взаимосвязи рождаемости с увеличением пенсионного возраста в России..... 180
Кучмаева О. В. Тенденции брачности и вероятность вступления в брак в России 185
Лавров А. С. Усыновление (удочерение) в Российской Федерации: государственное и общественное стимулирование семей 194
Левина Е. И., Бозоян М. В. Роль человеческого фактора при различных видах опроса 200
Литвиненко Т. В. Ресурсопользование, миграция и трансформация поселений в восточных регионах России: географические особенности и различия..... 207
Лифшиц М. Л. Прогнозная модель миграционного прироста населения РФ..... 212
Лифшиц М. Л., Неклюдова Н. П. Факторы распространения энтеробиоза и педикулеза в регионах РФ 217
Логинов В. Г. Особенности формирования человеческого потенциала Уральского севера 223
Майданова Т. В. Социальная активность молодежи как инструмент для профессиональной ориентации и построения карьеры (на примере подготовки вожатских кадров)..... 231
Макарова М. Н. Факторы здоровья в оценках молодежи: результаты социологического исследования 239
Максакова Л. П. Социальная работа в аспектах демографического старения ... 244
Малыш Е. В. Влияние рентоориентированного поведения рантье на семейную политику..... 253
Мельникова А. С. Особенности женской дистанционной занятости в интернет-бизнесе 262
Неганова В.П., Седельников В.М. Ценностно-ориентированный подход в маркетинге взаимоотношений..... 269
Ошергин М. Н., Багирова А. П. Ориентации российских юношей на отцовский родительский труд: оценка и направления развития 276
Панькова А. А., Назаров А. В. Телезанятость как форма нестандартной занятости..... 282
Патрушева С. Б. Адаптация и демография: два взаимосвязанных понятия при исследовании малоизученных территорий 289
Пациорковский В. В. Изменение численности населения городских округов и муниципальных районов Свердловской области в 2010-2018 гг. 295
Пономарева Н. С. Бедность населения как один из социально-экономических факторов, влияющих на уровень рождаемости в России 302
Сандомирский И. А. К вопросу о социально-демографических рисках..... 307
Сафиуллин М. Р., Сафиуллина Р. М., Щербина И. В. Динамика географии бедности населения России за 2012 — 2018 годы 310
Симагин Ю. А. Динамика системы малых городских населенных пунктов

России в начале XXI века 316
Субхонов А. И. , Носирзода А. Одинаев Дж. К., Азизова У.У. Вопросы планирования семьи в условиях рыночной экономики в Республике Таджикистан 324
Терентьева М. А. Рынок труда в северных регионах: особенности и государственная политика..... 330
Тонких Н. В. Характеристика влияния дистанционной женской занятости на репродуктивное поведение 337
Фаузер В. В. Миграционный фактор и компоненты демографической динамики населения Республики Коми — составной части российской Арктики 345
Февралева С. В. Оценка продвижения Хабаровского края к целям социально-экономического развития 353
Хакназаров С. Х. Экологические проблемы Октябрьского района Югры в разрезе социологических исследований 358
Хуснутдинова А. А. Территориальная дифференциация демографической ситуации в Екатеринбургской агломерации 364
Царенко И. В. Особенности оборота трудовых ресурсов в социально-экономическом пространстве Пермского края..... 370
Черешова С. В. Государственная политика и настроения субъектов родительского труда 379
Чистова Е. В. Занятость пенсионеров в России: концепция активного долголетия..... 384
Чучкалова С. В., Зяблых М. М. Прогнозирование численности женщин репродуктивного возраста..... 388
Шамова Е. А. Динамика процессов формирования компетентностного кода территории 393
Шамсутдинова Н. К. Воспроизводство человеческого капитала в Республике Башкортостан: условия и последствия его потери..... 402
Шмарова И. В. Результаты родительского труда как индикаторы достижения целей национальных проектов 407
Шубат О. М. Перспективы роста рождаемости в рамках Национального проекта «Демография»: статистические оценки..... 414
Шутова Н. В. Стимулирование родительского труда работников предприятий как фактор демографического развития России 421
Южакова Э. В. Инвестирование родителей в человеческий капитал детей: теоретический анализ факторов и результатов 427

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

УДК 930

Корнилов Г.Е.

ПРОФЕССОР А.И. КУЗЬМИН И УРАЛЬСКИЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ФОРУМ: ДЕСЯТИЛЕТНЯЯ ИСТОРИЯ[1]

В статье, посвященной памяти профессора А.И. Кузьмина, обозначены основные вехи его научной деятельности, организация им десяти заседаний Уральского демографического форума. Проанализирована 10-летняя история форума, выделены главные проблемы дискуссий, подчеркнута его значимость в научной жизни региона и страны.

Ключевые слова: научный форум, Уральский демографический форум, организация форума, история форума, А.И. Кузьмин

Александр Иванович Кузьмин (13.04.1953 — 24.05.2019) — коренной екатеринбуржец, выпускник философского факультета Уральского государственного университета им. А.М. Горького. Его путь в науку типичен для своего времени. В 1977 г. поступил в аспирантуру Института экономики, здесь сформировалась группа, занимавшаяся демографией Урала (И.П. Мокеров, Б.С. Павлов), защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата экономических наук «Социально-экономические факторы рождаемости на примере Уральского региона» (1984) [19] и работал здесь до 1991 г. В 1990 г. он совместно с И.П. Мокеровым издает монографию «Экономико-демографическое развитие семьи» [21].

Затем судьба свела А.И. Кузьмина с Институтом истории и археологии УрО РАН, где он занимался доказательством сопоставимости демографических показателей Урала в XIX–XX вв., написав наиболее известную и цитируемую работу «Семья на Урале (демографические аспекты выбора жизненного пути») (1993) [18], которая легла в основу его диссертации «Теоретико-методологические принципы исследования самосохранительной функции семьи» на соискание степени доктора социологических наук (1997) [20]. В 1996 г. совместно с сотрудниками института Е.Ю. Алферовой, С.В. Голиковой, Г.Е. Корниловым, А.Г. Оруджиевой, занимавшимися исторической демографией, была подготовлена монография «Население Урала. XX век. История демографического развития» (книга посвящена памяти Павла Матвеевича Кузовлева (1907–1976) — энтузиаста демографических исследований Урала, руководителя группы демографии сектора трудовых ресурсов (1965–1976 гг.) в ИЭ УрО РАН) [22]. В 2000 г. эта же группа под ру-

[1] © Корнилов Г.Е. Текст. 2019.

ководством А.И. Кузьмина издала книгу «Этнодемографическое развитие Урала в XIX–XX вв. (историко-социологический подход)» [30].

Затем А.И. Кузьмин работал профессором в Уральской академии государственной службы при Президенте РФ (2000–2006 гг.), в 2006 г. вернулся в Институт экономики УрО РАН. Именно в этом академическом учреждении он провел наиболее масштабные научные исследования репродуктивного и самосохранительного поведения городского и сельского населения Урала, уделив особое внимание проблемам прогнозирования и демографической политики в регионе.

А.И. Кузьмин стал крупным аналитиком в сфере демографического поведения семьи и личности, социального прогнозирования и качества жизни населения. Принимал активное участие в разработке концепций и программ демографической политики для различных территорий Урала. Возглавлял Общественный совет по демографической политике при губернаторе Свердловской области. Ему принадлежит более 200 научных работ, многие из которых имеют фундаментальное значение [13, 15; 23; 25; 27; 28; 29].

А.И. Кузьмин — основатель и лидер Уральского демографического форума, который 10-й год подряд проходит в г. Екатеринбурге, собирая ученых и специалистов со всей России, общественников и представителей власти. Мы посвящаем это заседание памяти нашего коллеги, великолепного ученого, бессменного председателя организационного комитета форума.

В 2010 г. готовилась Всероссийская перепись населения. В обществе активно обсуждали сложную демографическую ситуацию — практически прошедшие почти 20 лет в России фиксировался отрицательный естественный прирост, население неуклонно сокращалось. Демографическая ситуация в стране и ее регионах, в их числе и на Урале, характеризовались как кризисная, или катастрофическая. На фоне постоянного снижения уровня жизни большей части населения страны падала рождаемость, а смертность на этом фоне возрастала. Оба показателя в этом случае явились следствием социального неблагополучия, растущей тревоги в обществе.

Процессы депопуляции по-разному проявились в регионах. Все эти обстоятельства привели к идее собрать Демографическую конференцию в Екатеринбурге. Инициаторами ее проведения выступили два академических института — Институт экономики и Институт истории и археологии УрО РАН. К идее форума присоединились Уральский институт управления РАНХ и ГС при Президенте России, Уральский государственный медицинский институт Минздрава России и Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина. Идею поддержало Законодательное Собрание Свердловской области и Женский парламент Свердловской области. Конференция прошла 10–11 марта 2010 г. Цель ее состояла в обсуждении актуальных проблем семейной и демографической политики с участием ведущих ученых в области демографии, права, истории, медицины, представителей органов государственной власти, представителей общественности и институтов гражданского общества. С 2011 г. научное мероприятие называется Уральский демографический форум (табл.).

Таблица

Уральский демографический форум, 2010–2019 гг.*

Номер	Дата	Название	Основные проблемы	Количество		
				участников	докладов	томов
I	10–11 марта 2010 г.	Демографическая политика в регионе: проблемы и перспективы	1.Социально-экономические инструменты эффективной демографической политики 2.Социальные и социально-психологические проблемы демографической политики 3. Политика занятости и миграционная привлекательность региона 4. Историко-демографические процессы на Урале в XIX–XX веках	450	94	3
II	27–28 апреля 2011 г.	Преемственность поколений: социально-демографические аспекты	1. Социально-экономические проблемы воспроизводства и замещения поколений населения России в XXI веке 2. Исторические аспекты воспроизводства населения Урала (XVIII–XX вв.)	350	69	2
III	7–8 июня 2012 г.	Демографический и миграционный потенциал региона	1. Демографический и миграционный потенциал региона 2. Приоритеты демографической и миграционной политики 3. Медико-демографические аспекты формирования демографического и миграционного потенциала в регионах России 4. Социально-психологические аспекты повседневности и формирования миграционного поведения личности 5. Историческая роль миграции в формировании населения Уральского региона	265	86	2
IV	23–24 мая 2013 г.	Горизонты демографического развития России: смена парадигм научного предвидения	1. Трудовой и миграционный потенциал России: варианты и альтернативы изменений в стратегической перспективе 2. Установки демографического поведения населения в контексте смены научных парадигм	281	92	1

Номер	Дата	Название	Основные проблемы	Количество		
				участников	докладов	томов
			3. Историческая реконструкция демографического перехода как основа научного предвидения 4. Социокультурный и психологический диссонансы регулирования демографических процессов 5. Медико-демографические оценки воспроизводства и замещения поколений в России. Институт семьи в XXI веке			
V	5–6 июня 2014 г.	Институты развития демографической системы общества	1. Социально-экономические институты развития демографических и миграционных систем 2. Социальная инфраструктура как основа развития института семьи и брака 3. Исторический опыт социальной регуляции демографического поведения поколений 4. Совершенствование нормативно-правового обеспечения демографических процессов в РФ 5. Роль института здравоохранения в управлении процессами воспроизводства населения в современной России 6. Формальные и неформальные практики функционирования демографической системы российского общества 7. Круглый стол «Эффективность института материнского (семейного) капитала и родовых сертификатов как мер пронатальной политики в регионе»	160	98	2
VI	15–16 июня 2015 г.	Демографические процессы на постсоветском пространстве	1. Исторические тренды демографических процессов 2. Временной континуум в восприятии и представлениях поколений	220	138	2

Номер	Дата	Название	Основные проблемы	Количество		
				участников	докладов	томов
			3. Институционально-коммуникативные технологии в системе государственной семейной политики 4. Региональные аспекты рождаемости и активизации родительского труда 5. Экономико-демографическое поведение домохозяйств в условиях перехода на инновационный тип развития 6. Медико-демографические аспекты естественного и механического движения населения 7. Опыт демографической политики на постсоветском пространстве: риски пенсионной реформы			
VII	2–3 июня 2016 г.	Динамика и инерционность воспроизводства населения и замещения поколений в России и СНГ	1. Население России в XX веке: историко-демографический анализ 2. Социально-психологические аспекты воспроизводства населения 3. Семья как субъект социальной политики в России 4. Государственная политика в сфере воспроизводства рабочей силы 5. Демографический потенциал регионов России: динамика роста 6. Медико-демографические аспекты замещения поколений 7. Особенности миграционных процессов на постсоветском пространстве	230	156	2
VIII	8–9 июня 2017 г.	Демографический потенциал стран ЕАЭС	1. Исторический опыт оценки демографического потенциала стран ЕАЭС 2. Институт родительства в современном обществе	200	103	2

Номер	Дата	Название	Основные проблемы	Количество		
				участников	докладов	томов
			3. Социологические и психологические аспекты брачности 4. Социально-экономические факторы формирования качества населения 5. Миграционные факторы формирования демографического потенциала в пространстве ЕАЭС 6. Медико-демографические аспекты здоровьесбережения 7. Междисциплинарные аспекты исследований демографического потенциала			
IX	8–9 июня 2018 г.	Демографическая и семейная политика в контексте целей устойчивого развития	1. Исторический опыт влияния демографических катастроф на динамику общественного развития 2. Социально-экономические факторы воспроизводства и миграции населения 3. Продвижение ценностей родительства и семьи в современном обществе 4. Социологические, психологические и медико-демографические аспекты функционирования семьи и общественного здоровья 6. Круглый стол «Устойчивое демографическое развитие регионов»	230	122	2
X	10–11 июня 2019 г.	Социально-экономические и демографические аспекты реализации национальных проектов в регионе	1. Людской потенциал России XX века в условиях модернизации 2. Социологические, психологические и медико-демографические аспекты социализации молодежи 3. Многодетность как социальный феномен 4. Роль и значение родительства в рамках национального проекта «Образование»		150	1

Номер	Дата	Название	Основные проблемы	Количество		
				участников	докладов	томов
			5. Социально-экономические факторы демографического развития 6. Круглый стол «Уральский демографический форум: итоги и перспективы»			
				2386	953	17

* Составлено по: [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 14; 16; 17; 24; 26].

В программах девяти прошедших Уральских демографических форумов (2010–2018 гг.) нашли отражение общие для различных стран и регионов России тренды развития, актуальные направления демографии и смежных гуманитарных дисциплин: мировой экономический кризис, демографическая политика и устойчивое развитие государства и общества, семейная политика и формирование воспитательной среды, будущее семьи в цифровом мире, здравоохранение и сбережение населения, борьба с социально значимыми опасными заболеваниями (см. табл.). Материалы опубликованы в 17 томах.

Практически все 953 доклада были построены на результатах оригинальных исследований авторов. Часть заслушанных докладов составили сообщения представителей общественных движений, культурных центров, образовательных, медицинских учреждений, представителей органов власти — такое пересечение интересов, объединение знаний и опыта в сфере демографии трудно переоценить. Синергетический эффект достигается тогда, когда проблемы демографии обсуждаются с разных точек зрения. Народонаселение является объектом изучения различных наук, все гуманитарные и общественные науки находят свой предмет исследования.

В течение 10 лет Уральский демографический форум стал настоящим брендом Института экономики УрО РАН, Уральского региона и событием в демографической науке и политике, вызывающим интерес не только во всероссийском масштабе, но и в мировой научной и общественной среде. Ежегодно в форуме принимали участие зарубежные ученые и партнеры России (Армения, Белоруссия, Болгария, Германия, Израиль, Италия, Казахстан, Кыргызстан, Монголия, Словакия, США, Таджикистан, Украина, Узбекистан, Южно-Африканская Республика), что подтверждает высокий статус мероприятия и его международный уровень.

Научная цель организации Уральского демографического форума, как задумывали ее организаторы, состоит в том, чтобы, опираясь на усилия демографов, экономистов, историков, медиков, юристов, осуществить комплексную квалифицированную экспертизу демографических и миграционных процессов в прошлом и настоящем, определить перспективы институтов семьи и брака в регионах России. Анализ 10-летней деятельности форума подтвердил, что поставленная цель достигнута.

Список источников

1. Горизонты демографического развития России: смена парадигм научного предвидения: сб. материалов IV Уральского демографического форума с международным участием / отв. ред. акад. РАН А.И. Татаркин. — Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2013. — 429 с.

2. Демографическая и семейная политика в контексте целей устойчивого развития: сб. ст. IX Уральского демографического форума: в 2-х томах / отв. ред. д. социол. н. А.И. Кузьмин. — Том I. — Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2018. — 704 с.

3. Демографическая и семейная политика в контексте целей устойчивого развития: сб. ст. IX Уральского демографического форума: в 2-х томах / отв. ред. д-р социол. наук А.И. Кузьмин, д-р ист. наук Г.Е. Корнилов. — Том II. — Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2018. — 419 с.

4. Демографическая политика в регионе: проблемы и перспективы. Материалы научно-практической конференции: пленарное заседание. Екатеринбург, 2010. — 136 с.

5. Демографическая политика в регионе: проблемы и перспективы. Материалы научно-практической конференции: доклады на секциях. — Часть I. — Екатеринбург, 2010. — 140 с.

6. Демографическая политика в регионе: проблемы и перспективы. Материалы научно-практической конференции: доклады на секциях. — Часть II. — Екатеринбург, 2010. — 190 с.

7. Демографические процессы на постсоветском пространстве: сб. материалов VI Уральского демографического форума с международным участием / отв. ред. акад. РАН А.И. Татаркин, д. социол. н. А.И. Кузьмин. — Том I. Пленарные доклады. Исторические тренды демографических процессов. Временной континуум в восприятии и представлениях поколений. Институционально-коммуникационные технологии в системе государственной семейной политики. Региональные аспекты рождаемости и активизации родительского труда. — Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2015. — 394 с.

8. Демографический и миграционный потенциал Урала: материалы круглых столов III Уральского демографического форума / отв. ред. д. социол. н., проф. А.И. Кузьмин. — Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2012. — 370 с.

9. Демографический потенциал стран ЕАЭС: сб. ст. VIII Уральского демографического форума / отв. ред. д. социол. н. А.И. Кузьмин. — Том I. — Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2017. — 411 с.

10. Демографический потенциал стран ЕАЭС: сб. ст. VIII Уральского демографического форума / отв. ред. д. социол. н. А.И. Кузьмин. — Том II. — Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2017. — 404 с.

11. Динамика и инерционность воспроизводства населения и замещения поколений в России и СНГ. Сб. ст. VII Уральский демографического форума с междунар. участием / отв. ред. акад. РАН А.И. Татаркин, д-р социол. наук А.И. Кузьмин. Т. I. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2016. 426 с.

12. Динамика и инерционность воспроизводства населения и замещения поколений в России и СНГ: сб. ст. VII Уральский демографического форума с междунар. участием / отв. ред. акад. РАН А.И. Татаркин, д-р социол. наук А.И. Кузьмин. — Том II. — Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2016. — 438 с.

13. Институализация взаимодействия гражданского общества с публичной властью в публично-правовых образованиях / Банных Г.А., Воронина Л.И., Зайцева А.В., Костина С.Н., Кузьмин А.И., Куликов В.Б., Неркарарян А.С., Сыманюк Н.В. / ред. А.И. Кузьмин, Л.И. Воронина. — Екатеринбург: Изд-во УрФУ, 2018. — 168 с.

14. Институты развития демографической системы общества: сб. материалов V Уральского демографического форума с международным участием / под ред. А.И. Татаркина, А.И. Кузьмина. — Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2014. — 517 с.

15. Информационная культура жителей Свердловской области: поселенческий и социально-демографический аспекты / Банных Г.А., Заборова Е.Н., Костина С.Н., Кузьмин А.И. / отв. ред. С.Н. Костина, А.И. Кузьмин. — Екатеринбург: УрФУ, 2016. — 222 с.

16. Исторические аспекты воспроизводства населения Урала (XVIII–XX вв.): сб. науч. ст. / под ред. Г.Е. Корнилова, Е.Ю. Баранова. — Екатеринбург: ИИиА УрО РАН, 2011. — 119 с.

17. Исторические и социально-психологические проблемы миграционного поведения: сб. науч. трудов / под ред. Б.Ю. Берзина. — Екатеринбург: Уральский институт РАНХиГС, 2012. — 120 с.

18. Кузьмин А.И. Семья на Урале (демографические аспекты выбора жизненного пути). — Екатеринбург: УИФ «Наука», 1993. — 237 с.

19. Кузьмин А.И. Социально-экономические факторы рождаемости (на материалах Урала): автореф. дис. … канд. экон. наук. — М., 1984. — 21 с.

20. Кузьмин А.И. Теоретико-методологические принципы исследования самосохранительной функции семьи: дис. … д-ра социол. наук. — Екатеринбург: УрГУ, 1997. — 397 с.

21. Мокеров И.П., Кузьмин А.И. Экономико-демографическое развитие семьи / отв. ред. Б.С. Павлов. — М.: Наука, 1990. — 102 с.

22. Население Урала. XX век. История демографического развития / Кузьмин А.И., Оруджиева А.Г., Корнилов Г.Е. — Екатеринбург: Изд-во «Екатеринбург», 1996. — 212 с.

23. Опыт социального прогнозирования крупного северного города / А.И. Кузьмин, А.А. Бадина. — Екатеринбург: Библ-чка журн. «ЧиновникЪ», 2006. — 183 с.

24. Преемственность поколений: социально-демографические аспекты: Материалы круглого стола «Социально-экономические проблемы воспроизводства и замещения поколений населения России в XXI веке» / отв. ред. проф. А.И. Кузьмин. — Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2011. — 202 с.

25. Смертность трудоспособного населения регионов России в показателях и тенденциях / Величковский Б.Т., Козлова О.А., Кузьмин А.И., Макарова М.Н., Нифантова Р.В., Полкова Т.В., Пышминцева О.А., Трушкова Е.А., Третьяк А.Н., Цепилова Т.М., Тухтарова Е.Х., Уханова А.В., Левина Е.И., Шибалков И.П. / отв. ред. О.А. Козлова. — Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2017. — 184 с.

26. Социально-экономические и пространственно-временные особенности развития демографических процессов в регионах России: сб. материалов VI Уральского демографического форума с международным участием. — Том II. Экономико-демографическое поведение домохозяйств в условиях перехода на инновационный тип развития. Медико-демографические аспекты естественного и механического движения населения. Опыт демографической политики на постсоветском пространстве: риски пенсионной реформы (круглый стол) / отв. ред. акад. РАН А.И. Татаркин, д. социол. н. А.И. Кузьмин. — Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2015. — 445 с.

27. Социальные и демографические проблемы семьи бизнесмена / Кузьмин А.И., Ободяников Е.З. — Екатеринбург: Академкнига, 2002. — 236 с.

28. Стратегия хозяйственного освоения малоизученных территорий Уральского Севера / Атаманова Е.А., Богданов В.Д., Большаков В.Н., Бочко В.С., Важенин С.Г., Важенина И.С., Воронина Л.Н., Захарчук Е.А., Игнатьева М.Н., Козлова О.А., Кузьмин А.И., Литвинова А.А., Литовский В.В., Логинов В.Г., Макарова И.В., Мезенцева Е.С., Неганова В.П., Некрасов А.А., Нифантова Р.В., Пасынков А.Ф. и др. / отв. ред. А.И. Татаркин. — Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2011. — 520 с.

29. Экономический потенциал населения в контексте регионального развития: социокультурный аспект / Шеломенцев А.Г., Козлова О.А., Кузьмин А.И., Дорошенко С.В., Антропов В.А., Нифантова Р.В., Бедрина Е.Б., Неклюдова Н.П., Макарова М.Н., Трушкова Е.А., Воронина Л.Н., Пышминцева О.А., Тухтарова Е.Х., Казмалова О.Н., Кузовкова С.В., Топоркова А.Д. / отв. ред. О.А. Козлова. — Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2017. — 194 с.

30. Этнодемографическое развитие Урала в XIX–XX вв. (Историко-социологический подход) / Е.Ю. Алферова, С.В. Голикова, С.П. Епанчинцев, Г.Е. Корнилов, А.И. Кузьмин, А.Г. Оруджиева. — Екатеринбург: Изд-во «Екатеринбург», 2000. — 104 с.

Информация об авторе

Корнилов Геннадий Егорович (Россия, Екатеринбург) — доктор исторических наук, профессор, ФГБУН «Институт истории и археологии Уральского отделения РАН» (Россия, 620990, Свердловская обл., г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 16; e-mail: iia-history@mail.ru).

Kornilov G.E.

Professor A.I. Kuzmin and the Ural Demographic Forum: a ten-year history

In an article dedicated to the memory of Professor A.I. Kuzmina, marked the main milestones of scientific activity, the organization of ten meetings of the Ural demographic forum. The 10-year history of the forum is analyzed, the main problems of the discussions are emphasized, its importance in the scientific life of the region and the country is emphasized.

Keywords: scientific forum, Ural demographic forum, forum organization, forum history, Professor A.I. Kuzmin.

Author

Kornilov Gennady Egorovich (Russia, Ekaterinburg) — Doctor of Historical Sciences, Professor, Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Russia, 620990, Sverdlovsk Region, Yekaterinburg, Sofia Kovalevskaya St., 16; e-mail: iia-history @ mail. ru).

УДК 314.3

Архангельский В.Н.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ РОЖДАЕМОСТИ В РОССИИ[1]

Субъекты Российской Федерации существенно различаются по уровню рождаемости. Динамика этих различий в XXI веке в значительной степени была связана с региональными особенностями изменения показателей рождаемости под влиянием мер помощи семьям с детьми.

Ключевые слова: рождаемость, суммарный коэффициент рождаемости, очередность рождения, помощь семьям с детьми, регионы.

В России сохраняются значительные региональные различия в уровне рождаемости. В 1990 г. коэффициент вариации суммарного коэффициента рождаемости составлял 15,7%. В начале 1990-х гг., когда рождаемость активно снижалась, региональные различия ее уровня существенно возрастали и в 1993 г. коэффициент вариации суммарного коэффициента рождаемости равнялся 19,6%. Затем он несколько снизился и в 2000-2005 гг. составлял 14,6-14,8%.[2] В 2006 г. коэффициент вариации суммарного коэффициента рождаемости достиг минимальной за рассматриваемый период величины 13,9%. В 2007 г., когда начали реализовываться дополнительные меры государственной помощи семьям (прежде всего, материнский (семейный) капитал), региональная дифференциация рождаемости в России возросла и коэффициент вариации суммарного ее коэффициента составил 16,4%. В 2008-2010 гг. он был на уровне 15,9-16,3%, а в 2011 г. значительно вырос до 18,1%. Начиная с 2012 г., когда существенно усилились региональные меры, коэффициент вариации несколько снизился и составлял в 2012-2014 гг. 17,0-17,2%. Еще большее его снижение произошло в 2015 (15,4%) и 2016 (15,1%) гг. В 2017 г. он был равен 16,0%, а в 2018 г. — 15,5%, т.е. почти столько же, сколько в 1990 г.[3] Следует иметь в виду, что в действительности региональная дифференциация суммарного коэффициента рождаемости в России несколько больше, так как при расчете приведенных выше коэффициентов вариации не учитывалась величина этого показателя в некоторых регионах, в том числе с относительно высоким уровнем рождаемости (прежде всего, это относится к республикам Ингушетия и Чеченская, Ненецкому автономному округу), так как для них нет данных о суммарном коэффициенте рождаемости за некоторые годы рассматриваемого периода.

Самый высокий суммарный коэффициент рождаемости в 2018 г. был в Республике Тыва (2,96). Свыше 2,0 его величина также в республиках Че-

[1] © Архангельский В.Н. Текст. 2019.

[2] Здесь и далее приводимые показатели рассчитаны по данным Росстата.

[3] Не за все годы рассматриваемого периода есть величина суммарного коэффициента рождаемости по республикам Ингушетия, Крым и Чеченская, по Ненецкому, Ханты-Мансийскому–Югре и Ямало-Ненецкому автономным округам, Севастополю. Для обеспечения сопоставимости коэффициент вариации за все годы рассчитан без учета данных по этим субъектам Российской Федерации.

ченской (2,60), Алтай (2,35) и Бурятия (2,04), в Ненецком (2,24) и Чукотском (2,02) автономных округах. С другой стороны, менее 1,3 суммарный коэффициент рождаемости в Республике Мордовии (1,25), в Смоленской (1,28) и Ленинградской (1,12) областях.

В 1990-е гг. рождаемость снижалась во всех регионах. Однако степень ее снижения существенно различалась. Более чем на 1,0, в 1999 г., по сравнению с 1990 г., снизилась величина суммарного коэффициента рождаемости в республиках Бурятия, Дагестан, Кабардино-Балкарская, Калмыкия, Тыва и Хакасия, в Еврейской автономной области. Во всех этих регионах в 1990 г. данный показатель был не менее 2,4 (исключение составляет только Республика Хакасия, где величина суммарного коэффициента рождаемости в 1990 г. составляла 2,274). Только в республиках Алтай и Саха (Якутия), где в 1990 г. имела место столь же большая величина суммарного коэффициента рождаемости (соответственно, 2,524 и 2,462), ее снижение к 1999 г. было существенно меньшим (соответственно, на 0,780 и 0,755). В Забайкальском крае в 1990 г. суммарный коэффициент рождаемости составлял 2,484 и к 1999 г. снизился почти на 1,0[1].

С другой стороны, менее чем на 0,5 величина суммарного коэффициента рождаемости снизилась в 1999 г. по сравнению с 1990 г. в Московской и Томской областях, Камчатском крае, Москве. Несколько большим ее снижение было в Мурманской и Нижегородской областях, Санкт-Петербурге. В 1990 г. ни в одном из этих регионов величина суммарного коэффициента рождаемости не превышала 1,7, а в Московской области, Москве и Санкт-Петербурге была менее 1,5.

Таким образом, масштаб снижения величины суммарного коэффициента рождаемости в 1999 г. по сравнению с 1990 г. тесно связан с ее уровнем в 1990 г. Коэффициент корреляции составляет 0,866.

В начале XXI века в России происходило некоторое повышение рождаемости, имевшее региональные различия. Почти во всех регионах в 2006 г. суммарный коэффициент рождаемости был выше, чем в 1999 г. Исключение составили только республики Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкарская, Калмыкия, Карачаево-Черкесская и Татарстан. В некоторых из них суммарный коэффициент рождаемости повысился в самом начале 2000-х гг., а к 2006 г. вновь снизился и был ниже уровня 1999 г. В Республике Ингушетия снижение рождаемости продолжалось не до 1999 г., а до 2004 г., и ее повышение в 2005-2006 гг. не привело к достижению уровня 1999 г.

Наибольший прирост суммарного коэффициента рождаемости в 2006 г. по сравнению с 1999 г. произошел в Хабаровском крае, Республике Тыва, Сахалинской, Свердловской и Ярославской областях, Чукотском автономном округе.

[1] Как и в отношении коэффициентов вариации, в данном случае не могут быть учтены изменения суммарного коэффициента рождаемости в 1999 г., по сравнению с 1990 г., в республиках Ингушетия и Чеченская, в Ненецком, Ханты-Мансийском–Югре и Ямало-Ненецком автономных округах, так как для них неизвестна величина этого показателя в 1990 г. (по Чеченской Республике также и в 1999 г.).

С другой стороны, менее, чем на 0,05 повысилась за этот период его величина в Воронежской, Ленинградской, Тамбовской и Ульяновской областях, Ставропольском крае, республиках Башкортостан, Мордовия и Саха (Якутия), Ненецком автономном округе.

Существует связь между приростом суммарного коэффициента рождаемости в 2006 г. по сравнению с 1999 г. и величиной этого коэффициента в 1999 г. Причем связь обратная. Коэффициент корреляции составляет -0,549. То есть при меньшей величине суммарного коэффициента рождаемости в 1999 г. был больший ее прирост к 2006 г. Однако, на столь тесную обратную связь во многом повлияло то, что, как отмечалось выше, в ряде регионов с относительно высокой рождаемостью в 2006 г. величина коэффициента суммарной рождаемости была ниже, чем в 1999 г. Если их исключить из расчета, то коэффициент корреляции снижается до 0,117, но его величина остается отрицательной. Связи между снижением величины суммарного коэффициента рождаемости в 1999 г. по сравнению с 1990 г. и ее повышением к 2006 г. практически нет (коэффициент корреляции 0,146).

С 2007 г. в Российской Федерации активизировалась демографическая политика в отношении рождаемости. 9 октября 2007 г. была утверждена Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года. Среди направлений решения задачи по повышению уровня рождаемости в Концепции, прежде всего, отмечено «усиление государственной поддержки семей, имеющих детей, включая поддержку семьи в воспитании детей»[1]. Еще раньше, с 1 января 2007 г., при рождении второго или последующего (если раньше не пользовались этой мерой) ребенка семьи стали получать право на материнский (семейный) капитал.[2] С начала 2007 г. также был существенно увеличен размер пособия по уходу за ребенком до достижения им возраста 1,5 лет (минимальный размер этого пособия был дифференцирован по уходу за первым и вторым и последующими детьми), была установлена компенсация части родительской платы за детей, посещающих государственные и муниципальные дошкольные образовательные учреждения (в дифференцированном размере на первого, второго, третьего и последующих детей).

Анализируя региональные различия в динамике рождаемости в период с 2007 г., его целесообразно разделить на два: 2007-2011 гг., когда основное влияние на динамику рождаемости оказывали федеральные, т.е. одинаковые для всех регионов, меры государственной помощи семьям с детьми, и начиная с 2012 гг., когда активизировалась региональная демографическая политика и меры, реализовывавшиеся в разных регионах, существенно различались между собой (например, размер и условия предоставления регионального материнского капитала). Кроме того, в первые годы, вероятно,

[1] Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс]. URL: http://docs.cntd.ru/document/902064587)

[2] См. Федеральный закон №256-ФЗ от 29 декабря 2006 г. «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» [Электронный ресурс]. URL: http://docs.cntd.ru/document/902021711.

в части семей имела место реализация откладывавшихся ранее рождений, чего, скорее всего, уже практически не было в период после 2010 г.

В 2011 г. наибольший прирост величины суммарного коэффициента рождаемости, по сравнению с 2006 г., был в республиках Алтай, Ингушетия, Кабардино-Балкарская, Тыва, Удмуртская и Чеченская. С другой стороны, менее всего увеличился за этот период суммарный коэффициент рождаемости в Ленинградской, Магаданской, Орловской и Сахалинской областях, в Чукотском автономном округе.

Относительно больший прирост суммарного коэффициента рождаемости в 2011 г. по сравнению с 2006 г. имел место в тех регионах, в которых была выше величина этого показателя в 1990 г. Коэффициент корреляции составляет 0,582. Это может быть связано с более распространенными в этих регионах ориентациями на относительно большее число детей, рождение которых могло откладываться в неблагоприятных социально-экономических условиях и реализоваться при активизации мер поддержки семей с детьми.

Существенна и связь между приростом величины суммарного коэффициента рождаемости в 2011 г. по сравнению с 2006 г. и степенью ее снижения в 1999 г. по сравнению с 1990 г. Коэффициент корреляции составляет 0,447.

Можно было бы предполагать и наличие связи между приростом величины суммарного коэффициента рождаемости в 2011 г. по сравнению с 2006 г. и среднедушевыми денежными доходами в 2006 г., полагая, что при более низком уровне жизни меры поддержки семей более значимы. Однако в данном случае коэффициент корреляции составляет -0,200. То ест при более низких доходах прирост суммарного коэффициента рождаемости больше, но связь сравнительно слабая. В то же время отметим, что если в целом по России среднедушевые денежные доходы в 2006 г. составили 10154,8 рубля, то в регионах с наибольшим приростом суммарного коэффициента рождаемости в 2011 г. по сравнению с 2006 г. этот показатель был существенно ниже: в Удмуртской Республике — 6262,0, в Республике Алтай — 5557,0, в Кабардино-Балкарской Республике — 5258,5, в Республике Тыве — 4819,6, в Республике Ингушетии — 3658,8 руб..[1]

Региональные различия в динамике суммарного коэффициента рождаемости в 2012-2015 гг. были существенно иными, чем в 2007-2011 гг.

В четырех регионах его величина в 2015 г. была меньше, чем в 2011 г.: это республики Алтай, Ингушетия, Карачаево-Черкесская и Чеченская. Три из них (республики Алтай, Ингушетия и Чеченская) в 2007-2011 гг. входили в число регионов с самым большим приростом суммарного коэффициента рождаемости.

Наибольшим прирост суммарного коэффициента рождаемости в 2015 г., по сравнению с 2011 г., был в Ненецком и Ямало-Ненецком автономных округах, в Калужской, Курганской и Сахалинской областях, в республиках Коми и Марий Эл.

[1] Данные Центральной базы статистических данных.

Судя по коэффициенту корреляции (-0,578), казалось бы, можно говорить о сравнительно тесной обратной связи между величиной суммарного коэффициента рождаемости в 2011 г. и ее приростом к 2015 г. Чем меньше была величина этого показателя в 2011 г., тем большим был ее прирост, и наоборот. Но столь высокий коэффициент корреляции связан только с тем, что в отмеченных выше четырех регионах при относительно высоком суммарном коэффициенте рождаемости в 2011 г. к 2015 г. она снизилась. Если исключить их из расчета, то коэффициент корреляции будет практически нулевым (0,001).

Аналогичная ситуация при оценке связи прироста суммарного коэффициента рождаемости в 2015 г. по сравнению с 2011 г. с величиной этого показателя в 2006 г., т.е. перед началом реализации дополнительных мер помощи семьям с детьми. Коэффициент корреляции составляет -0,517. Но при исключении из расчета указанных выше четырех регионов коэффициент корреляции составляет всего 0,068.

Коэффициент корреляции между приростами суммарного коэффициента рождаемости в 2011 г. по сравнению с 2006 г. и в 2015 г. по сравнению с 2011 г. составляет -0,532. Но при исключении из расчета четырех регионов с сокращением величины этого показателя к 2015 г. коэффициент корреляции снова снижается почти до нуля (-0,095).

В период после 2011 г. активизировались региональные меры поддержки семей с детьми, которые существенно различались в субъектах Российской Федерации. Можно предположить, что эти различия оказали влияние на дифференциацию прироста суммарного коэффициента рождаемости в 2015 г. по сравнению с 2011 г.

Анализ региональных мер в регионах с наибольшим приростом суммарного коэффициента рождаемости в этот период показал, что в Ямало-Ненецком автономном округе была установлена самая большая, среди всех российских регионов, сумма материнского (семейного) капитала — 350000 рублей при рождении (усыновлении) третьего ребенка или последующих детей[1]. Вторая по величине сумма этого капитала в Ненецком автономном округе — 300000 рублей (с ежегодной индексацией).[2] В Республике Коми размер материнского (семейного) капитала вдвое меньше — 150000 рублей, но это тоже существенно выше, чем в большинстве других регионов. Кроме того, по нему, в отличие от других регионов, была предусмотрена ежегодная единовременная выплата в размере 25000 рублей для компенсации некоторых видов расходов семьи[3]. Такая же сумма (150000 рублей)

[1] См. Закон №73-ЗАО «О материнском (семейном) капитале в Ямало-Ненецком автономном округе» от 1 июля 2011 г. (http://docs.cntd.ru/document/422400855)

[2] См. Закон Ненецкого автономного округа №36-оз «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» от 1 июля 2011 г. (http://docs.cntd.ru/document/453104574)

[3] См. Закон №45-РЗ «О дополнительных мерах социальной поддержки семей, имеющих детей, на территории Республики Коми» от 29 апреля 2011 г. (http://docs.cntd.ru/document/895296741)

материнского (семейного) капитала в Сахалинской области. Но, во-первых, предусматривалась ее ежегодная индексация, а во-вторых, и это главное, в отличие от большинства регионов, где материнский (семейный) капитал предусматривается на третьего или последующего ребенка, в Сахалинской области право на него возникает при рождении второго или последующего ребенка и, следовательно, распространяется на значительно большее число рождений[1]. Кроме того, в Сахалинской области регионе семьям при рождении первого ребенка, начиная с января 2015 г., единовременно выплачивается 50000 рублей, студенческим семьям при рождении ребенка (независимо от очередности) выплачивается 50000 руб., а также оказывается ежемесячная социальная помощь в размере величины прожиточного минимума детей на каждого ребенка, в январе 2012 г. законодательно была установлена областная ежемесячная денежная выплата на каждого ребенка в возрасте до 3 лет (до июля 2015 г. — 1500 руб., затем — 2000 руб.)[2].

В последние годы суммарный коэффициент рождаемости снижается.

Только в Республике Калмыкия и Москве в 2018 г. он был несколько выше, чем в 2017 г., а в Псковской области он не изменился (с точностью до 0,01). В Республике Ингушетия суммарный коэффициент рождаемости повышается в 2017 и 2018 гг.

Если сравнивать минимальную достигнутую в последние годы (для большинства регионов — 2018 г.) величину этого показателя с тем ее максимумом, который был достигнут в предшествующие годы, то наибольшее его снижение произошло в республиках Алтай, Ингушетия, Саха (Якутии), Тыва и Чеченская, в Ненецком автономном округе, а наименьшее — в Чукотском автономном округе и в Москве.

При более существенном повышении суммарного коэффициента рождаемости в 2015 г. по сравнению с 2011 г. меньше его снижение в последние годы. Коэффициент корреляции составляет -0,715. Но если из расчета убрать четыре упоминавшихся региона, где в 2015 г. по сравнению с 2011 г. суммарный коэффициент рождаемости не повысился, а снизился, то коэффициент корреляции составляет всего -0,210. Коэффициент корреляции между величиной снижения коэффициента суммарной рождаемости в последние годы и приростом его в 2011 г. по сравнению с 2006 г. оказался почти таким же, как с приростом этого показателя в 2015 г. по сравнению с 2011 г. Он составил 0,737, но только со знаком «+». Т.е. в тех регионах, где прирост суммарного коэффициента рождаемости в 2011 г. по сравнению с 2006 г. был относительно большим, существеннее было и его снижение в последние годы. Если же рассматривать повышение суммарного коэффи-

[1] См. Закон Сахалинской области №21-ЗО «О дополнительных мерах поддержки семей, имеющих детей» от 9 марта 2011 г. (http://docs.cntd.ru/document/895288111)

[2] См. Закон Сахалинской области «О социальной поддержке семей, имеющих детей, в Сахалинской области» (6 декабря 2010 г. №112-ЗО) (http://docs.cntd.ru/document/895276339); Закон Сахалинской области «О внесении изменений в Закон Сахалинской области «О социальной поддержке семей, имеющих детей, в Сахалинской области» (27 января 2012 г. №3-ЗО) (http://docs.cntd.ru/document/453114428)

циента рождаемости в целом за период 2007-2015 гг., то его связь со снижением этого показателя в последние годы совсем слабая — коэффициент корреляции равен -0,063.

Оценивая региональную дифференциацию динамики рождаемости в России в связи с активизацией мер поддержки семей с детьми в период с 2007 г., целесообразно использовать показатели рождаемости, дифференцированные по очередности рождения, так как такого рода дифференциацию имеют многие из этих мер. Они ориентированы, главным образом, на поддержку вторых рождений.

Ограниченность использования этих показателей связана с тем, что с 1998 г. сбор информации о распределении родившихся по очередности на федеральном уровне не осуществлялся из-за изменений в Законе «Об актах гражданского состояния». Однако в некоторых регионах продолжали собирать и обрабатывать такую информацию.

По 28 регионам данные о распределении родившихся по очередности рождения за период с 1999 г. есть за каждый год. Еще по 3 регионам этой информации нет только за 2000 г. и по 1 региону — за 2000 и 2002 гг. Отсутствие информации за эти годы не мешает сравнительной оценке изменения показателей рождаемости по очередности рождения в период 2000-2006 гг. и начиная с 2007 г. Таким образом, анализ динамики показателей рождаемости по очередности рождения, позволяющий оценить влияние на эту динамику реализации мер поддержки семей с детьми, может быть осуществлен по 32 регионам.

В 2007 г. (первый год реализации программы федерального материнского (семейного) капитала) во всех этих регионах имел место значительный прирост суммарного коэффициента рождаемости по вторым и по третьим и последующим рождениям. Во всех регионах (кроме Ненецкого автономного округа) он был значительно больше среднегодового прироста этих показателей за период их ежегодного повышения в 2000-2006 гг. В большинстве регионов (по вторым рождениям исключение составили Московская, Мурманская и Тульская области, Ненецкий автономный округ, а по третьим и последующим — только Ненецкий автономный округ) он был значительно больше и по сравнению с максимальным годовым приростом за этот период. Более того, в республиках Адыгея, Башкортостан, Дагестан, Калмыкия, Марий Эл и Татарстан, в Кировской, Орловской, Пензенской и Ульяновской областях прирост суммарного коэффициента рождаемости по вторым рождениям в 2007 г. был больше, чем в целом за период его ежегодного повышения в 2000-2006 гг. (в Волгоградской области величины этих приростов совпадают). По третьим и последующим рождениям это имеет место в 23 регионах из 32-х.

Оценка влияния мер государственной поддержки семей с детьми на динамику рождаемости может, видимо, быть осуществлена путем сравнения фактически имевшей место динамики показателей рождаемости с той, которая могла бы быть при отсутствии влияния этих мер. Одним из подходов к оценке этой гипотетической динамики показателей рождаемости может,

видимо, быть пролонгация среднегодового прироста суммарного коэффициента рождаемости, который имел место за период его ежегодного повышения в 2000-2006 гг. В целом по России это период 2000-2004 гг., но по регионам он различался. При этом целесообразно, видимо, делать такой расчет только для суммарного коэффициента рождаемости по вторым и по третьим и последующим рождениям, так как анализ показывает, что на динамику суммарного коэффициента рождаемости по первым рождениям дополнительные меры государственной поддержки семей с детьми практически не влияли.

Результаты расчетов показывают, что даже в 2017 г., несмотря на существенное снижение суммарного коэффициента рождаемости, в большинстве регионов, для которых осуществлялся расчет, фактически имевшая место величина этого показателя была существенно больше той, которая имела бы место при сохранении в 2007-2017 гг. среднегодового прироста величин суммарного коэффициента рождаемости по вторым и по третьим и последующим рождениям, который имел место в период его ежегодного повышения в 2000-2006 гг. В этой связи возникает вопрос, правомерно ли говорить о не- результативности демографической политики в отношении рождаемости, учитывая значительное снижение суммарного коэффициента рождаемости в 2017-2018 гг.? С чем сравнивать его величину в эти годы? С, вероятно, завышенным из-за тайминговых сдвигов суммарным коэффициентом рождаемости в 2015-2016 гг. и, возможно, в 2014 г., или с тем трендом, который мог бы иметь при отсутствии влияния мер поддержки семей с детьми, или с каким-то иным трендом…

Оценка, выполненная по аналогичной методике для России, в целом показала, что при сохранении в 2007-2017 гг. прироста суммарного коэффициента рождаемости по вторым и по третьим и последующим рождениям на уровне среднего за период 2000-2004 гг. (в 2005 г. величина этих показателей в целом по стране снизилась), число родившихся в целом за 2007-2017 гг. было бы на 11,3% меньше того, которое фактически имело место [1, с. 20].

Среди 32 регионов, для которых есть данные о распределении родившихся по очередности рождения за период 1999-2017 гг. и, следовательно, может быть использована данная методика оценки прироста числа родившихся под влиянием реализации мер поддержки семей с детьми в период 2007-2017 гг., наибольший абсолютный прирост числа родившихся имел место в Челябинской (58,6 тыс. человек) и Кемеровской (53,2 тыс.) областях, в Республике Татарстан (57,9 тыс.).

Наибольшая (среди 32 регионов, для которых мог быть выполнен соответствующий расчет) относительная разница между фактическим числом родившихся и тем, которое было бы при сохранении в 2007-2017 гг. среднегодового прироста суммарного коэффициента рождаемости по вторым и по третьим и последующим рождениям, какой был в период его повышения в 2000-2006 гг., имеет место в Республике Марий Эл и составляет 21,4%.

Больше отмеченной выше общероссийской (11,3%) эта разница также в Кировской (15,9%), Кемеровской (13,8%), Челябинской (11,5%) и Костромской (11,4%) областях.

В двух регионах — Республике Дагестан и Ненецком автономном округе — величина этого показателя оказалась отрицательной. То есть фактическое число родившихся меньше того, которое имело бы место при сохранении среднегодового прироста суммарного коэффициента рождаемости на уровне в 2000-2006 гг. Конечно, из этого не следует, что реализация мер демографической политики способствовала снижению рождаемости. Вероятно, данная методика требует совершенствования, в том числе, возможно, учета специфики динамики рождаемости в регионах.

Выше отмечались различия в распределении регионов по приросту суммарного коэффициента рождаемости в 2011 г. по сравнению с 2006 г. и в 2015 г. по сравнению с 2011 г. Имеющиеся данные о распределении родившихся по очередности рождения позволяют проанализировать изменение суммарного коэффициента рождаемости по вторым и по третьим и последующим рождениям в 2011 г. по сравнению с 2006 г. для 43 регионов и в 2015 г. по сравнению с 2011 г. для 63 регионов.

Среди них наибольший прирост суммарного коэффициента рождаемости по вторым рождениям в 2011 г. по сравнению с 2006 г. был в республиках Марий Эл и Удмуртской. Несколько меньше в республиках Татарстан, Хакасия и Чувашска, в Омской и Челябинской областях. С другой стороны, менее всего повысился суммарный коэффициент рождаемости по вторым рождениям в этот период в Республике Дагестан и Ленинградской области.

Республика Марий Эл осталась в числе лидеров по приросту суммарного коэффициента рождаемости по вторым рождениям в 2012-2015 гг. В 2015 г. по сравнению с 2011 г. величина этого показателя в Республике Марий Эл возросла на 0,225. Еще большим ее прирост был в Кировской области (на 0,242, что в 1,5 раза больше, чем в 2011 г. по сравнению с 2006 г. (на 0,161)). С другой стороны, менее чем на 0,05 повысился в 2015 г., по сравнению с 2011 г., суммарный коэффициент рождаемости по вторым рождениям в республиках Калмыкия, Карачаево-Черкесская и Саха (Якутия), в Ставропольском крае.

В большинстве регионов, по которым имеющаяся информация позволяет сопоставить прирост суммарного коэффициента рождаемости по вторым рождениям в 2011 г. по сравнению с 2006 г. и в 2015 г. по сравнению с 2011 г., этот прирост был больше в первом пятилетии (2007-2011 гг.) реализации дополнительных мест государственной поддержки семей с детьми. Такое соотношение приростов суммарного коэффициента рождаемости по вторым рождениям в эти два периода имело место в 32 регионах.

Только в 11 регионах (республики Дагестан, Карелия и Коми, Калужская, Кировская, Новгородская, Орловская, Пензенская, Самарская, Тульская и Ульяновская области), наоборот, прирост суммарного коэффициента рождаемости по вторым рождениям в 2015 г., по сравнению с 2011 г. был больше, чем в 2011 г. по сравнению с 2006 г.

Иная ситуация в соотношении величин прироста в двух этих периодах суммарного коэффициента рождаемости по третьим и последующим рождениям. В 18 регионах этот прирост в 2011 г., по сравнению с 2006 г., был больше, чем в 2015 г. по сравнению с 2011 г. Но в большинстве (24 из 43) регионов, по которым есть данные о приросте суммарного коэффициента рождаемости по третьим и последующим рождениям за оба эти периода, большим этот прирост был во второй период, т.е. в 2015 г. по сравнению с 2011 г.

В 2011 г. по сравнению с 2006 г. наибольший прирост суммарного коэффициента рождаемости по третьим и последующим рождениям был в республиках Дагестане и Калмыкии, а наименьший — в Республике Мордовия, в Ленинградской, Мурманской и Тульской областях.

Если в 2011 г. по сравнению с 2005 г. в Республике Дагестан был один из самых больших приростов суммарного коэффициента рождаемости по третьим и последующим рождениям, то в 2015 г., по сравнению с 2011 г., наоборот, наименьший среди регионов, по которым есть соответствующая информация. Наибольший прирост суммарного коэффициента рождаемости по третьим и последующим рождениям в 2015 г., по сравнению с 2011 г., был в Ненецком автономном округе. В 2011 г., по сравнению с 2006 г., в этом регионе, наоборот, был один из самых низких приростов величины этого показателя. Весьма существенно увеличился в 2015 г., по сравнению с 2011 г., суммарный коэффициент рождаемости по третьим и последующим рождениям также в Ямало-Ненецком автономном округе, в Республике Коми и в Сахалинской области.

Почти во всех регионах в 2017 г. суммарный коэффициент рождаемости по вторым рождениям был меньше, чем в 2015 г. (кроме Чукотского автономного округа).

Наиболее значительное снижение суммарного коэффициента рождаемости по вторым рождениям в 2017 г., по сравнению с 2015 г., произошло в Республике Алтай (на 0,211). Более чем на 0,15 он снизился также в республиках Марий Эл, Удмуртская, Тыва и Чувашская, в Курганской, Омской и Оренбургской областях.

С другой стороны, менее всего сократилась величина суммарного коэффициента рождаемости по вторым рождениям в Москве, Московской и Сахалинской областях.

Величина сокращения суммарного коэффициента рождаемости по вторым рождениям в 2017 г., по сравнению с 2015 г., связана с приростом этого показателя в 2015 г. по сравнению с 2011 г. (коэффициент корреляции — 0.412) и в еще большей степени с его величиной в 2015 г. (коэффициент корреляции — 0,613).

Пока нельзя однозначно сказать о причинах значительного снижения суммарного коэффициента рождаемости в 2017 г., продолжившегося и в 2018 г.

Первый заместитель министра труда и социальной защиты Российской Федерации А.В. Вовченко, выступая на сессии «Демография как фактор

глобальной политики: современные тенденции» в рамках XXIII Петербургского международного экономического форума, сказал: «Мы связываем причину снижения рождаемости, прежде всего, с экономикой, с уровнем дохода наших семей, который за последние годы не растет»[1] . Скорее всего, эта причина снижения рождаемости в какой-то степени имеет место.

Однако есть, по меньшей мере, три обстоятельства, заставляющие предположить, что на изменение рождаемости в последние годы влияет не только эта причина, но и так называемый тайминговый провал, неизбежный после вероятных тайминговых сдвигов (относительно более раннее рождение вторых детей в части семей в связи с приближавшимся первоначально установленным сроком завершения (до конца 2016 г.) федеральной программы материнского (семейного) капитала) в 2015 г. и первой половине 2016 г. (возможно, отчасти и в 2014 г.).

Во-первых, резкая девальвация рубля в конце 2014 г. не оказала никакого негативного влияния на динамику рождаемости, в 2015 г. она значительно повышалась.

Во-вторых, помесячные данные свидетельствуют о том, что снижение рождаемости началось в сентябре-октябре 2016 г., т.е. через 9 месяцев после того, как Президент Российской Федерации В.В. Путин в Послании Федеральному Собранию 3 декабря 2015 г. сказал о продлении как минимум на два года программы федерального материнского (семейного) капитала[2].

В-третьих, значительное снижение суммарного коэффициента рождаемости в 2017 г., по сравнению с 2015 г., было по вторым рождениям, а по третьим и последующим рождениям оно было либо небольшим, либо (в большинстве (59) регионов) суммарный коэффициент рождаемости по третьим и последующим рождениям в 2017 г. был больше, чем в 2015 г. Трудно предположить, что ситуация с уровнем жизни значительно повлияла на вторые рождения и почти совсем не повлияла на третьи и последующие рождения. В то же время влияния «тайминговых» сдвигов на изменение суммарного коэффициента рождаемости по третьим и последующим рождениям, вероятно, практически не было. Воспользоваться правом на получение федерального материнского (семейного) капитала можно при рождении третьего или последующего ребенка, если ранее правом на этот капитал не пользовались. А это значит, что второй ребенок у матери должен был родиться до 2007 г. То есть интервал между рождением второго ребенка и третьего ребенка в 2014-2016 гг. должен составлять не менее 8-10 лет.

Результаты проведенного анализа показали, что в России сохраняются существенные региональные различия в уровне рождаемости. Те или иные меры демографической политики несколько по-разному влияют на динамику рождаемости в регионах. Сближению показателей рождаемости за счет повышения в регионах с относительно более низким ее уровнем могла

[1] См.: https://rosmintrud.ru/social/demography/122

[2] См. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации 3 декабря 2015 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/40542/page/2.

бы, вероятно, способствовать более активная и результативная демографическая политика в них, основанная, видимо, на софинансировании из федерального и региональных бюджетов.

Список источников

1. Демографическая ситуация в России: новые вызовы и пути оптимизации: национальный демографический доклад. М.: Изд-во «Экон-Информ», 2019 [Электронный ресурс]. URL: http://испи.рф/news-2019-0017/.

Информация об авторе

Архангельский Владимир Николаевич (Россия,Москва) — кандидат экономических наук, заведующий сектором, Центр по изучению проблем народонаселения экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, строение 46); ведущий научный сотрудник, Международная лаборатория демографии и человеческого капитала РАНХиГС (119571, Москва, пр. Вернадского, д. 82, строение 1); ведущий научный сотрудник, Центр социальной демографии Института социально-политических исследований РАН (ИСПИ РАН) (119333, Москва, ул. Фотиевой, д. 6, корпус 1); e-mail: archangelsky@yandex.ru)

Arkhangelskiy V. N.

REGIONAL DIFFERENTIATION OF FERTILITY IN RUSSIA

Subjects of the Russian Federation differ significantly by level of fertility. The dynamics of these differences in the 21st century was largely associated with regional characteristics of changes in fertility rates influenced by measures of assistance to families with children.

Keywords: fertility, total fertility rate, birth order, assistance to families with children, regions

Author

Arkhangelskiy Vladimir Nikolaevich (Russia, Moscow) — Candidate of Economic Sciences, Head of Sector, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Economics, Center for Population Studies (119991 Russia (Russia, Moscow), Leninskiye Gory, 1–46), Leading Research Fellow, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), International Laboratory of Demography and Human Capital (119571 Russia Moscow, Prospect Vernadskogo, 82-5); Leading Research Fellow Center for social demography of Institute for Social and Political Studies of the Russian Academy of Sciences (119333 Russia Moscow street Fotievoj, 6-1); e-mail: archangelsky@yandex.ru)

References

1. The demographic situation in Russia: new challenges and ways of optimization: national demographic report. Moscow, 2019 [Electronic resourse]. URL: http://испи.рф/news-2019-0017/.

УДК 314.57

Синельников А. Б.

ВЛИЯНИЕ РАСПАДА СЕМЕЙ, ПОВТОРНЫХ БРАКОВ И СОЖИТЕЛЬСТВ НА РОЖДАЕМОСТЬ[1]

Среднее число детей у женщин, повторно вступивших в брак, выше, чем в первом браке, однако разведенные женщины имеют меньше детей, чем замужние. Большинство разведенных женщин либо не выходят замуж повторно, либо разводятся вновь. Это приводит к снижению рождаемости в России.

Ключевые слова: первый брак, повторный брак, прекращение брака, развод, сожительство, среднее число детей, рождаемость.

Если 100 женщин (включая и незамужних) к концу репродуктивного периода своей жизни произведут на свет менее 210 детей (немногим более двух на одну женщину), то рано или поздно начнется депопуляция (естественная убыль населения). В России этот негативный демографический процесс продолжается уже более четверти века с небольшими перерывами. Но когда большинство семей ко времени выхода супруги из репродуктивного возраста имеет двух детей при сравнительно небольшом числе супружеских пар без детей и с одним ребенком, с одной стороны, и супругов, имеющих трех и более детей — с другой стороны, это тоже означает убыль населения. Реальное значение имеет данный критический показатель в расчете на одну замужнюю женщину. Чтобы рассчитать эту цифру, надо умножить показатель для всех женщин на поправочный коэффициент, величину которого можно определить по данным выборочного наблюдения репродуктивных планов населения (РПН-2017), проведенного Росстатом в 81 из 85 субъектов РФ в 2017 г. (численность опрошенных — мужчин 18-60 лет и женщин 18-44 лет — составила 15021 чел.). Базы микроданных РПН-2017 (а также предыдущего аналогичного исследования за 2012 г. РПН-2012) размещены в открытом доступе на сайтах Росстата. Это дало возможность автору настоящей статьи построить комбинационные таблицы по сочетаниям ответов на различные вопросы из анкеты исследования. При этом было установлено, что среднее число рожденных детей у женщин 40-44 лет, которое очень близко к итоговому (после это возраста крайне редко не рожают), составляет 1,48 ребенка у всех женщин и 1,81 у замужних (если брак зарегистрирован). Поправочный коэффициент определяется как: 1,81/1,48 = 1,22. Критическое (т.е. необходимое для обеспечения простого воспроизводства населения) значение показателя составляет 2,1 ребенка в расчете на одну женщину. Но

[1] © Синельников А.Б. Текст. 2019.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект №18-011-01037 «Межрегиональные исследования жизненных ценностей и нетранзитивности семейно-детных ориентаций женщин, мужчин и семейных пар на основе сквозного анализа сопоставимых данных (1976 - 2020 гг.)»).

в расчете на одну замужнюю женщину этот показатель равен: 2,10 ×1,22 = 2,56. Это ближе к трем, чем к двум детям в среднем на одну полную законную семью. При любом правдоподобном варианте распределения по числу детей, из которого складывается эта средняя величина, простое замещение поколений гарантировано лишь тогда, когда большинство (не менее 55%) окончательно сформированных полных семей имеют 3 и более детей (табл. 1).

Простое воспроизводство теоретически возможно и тогда, когда 65% замужних женщин в итоге имеют не более 2 детей (в действительности столько имеют 83%), 15% — 3 или 4 (что почти в точности совпадает с данными РПН-2017) и еще 20% — пять и более. Но 20-кратное превышение гипотетической доли многодетных семей над реальной их долей (1%) неправдоподобно. Компенсация малодетности подавляющего большинства семей обеспечивается за счет значительной доли многодетных семей (каждая пятая). Подобное распределение семей по числу детей со статистической точки зрения не является нормальным, а с учетом материального положения многодетных родителей и отношения к ним со стороны малодетного большинства как к асоциальным маргиналам, которые не хотят и не могут создать нормальные условия для своих детей [1, с. 55-58], представля-

Таблица 1

Условное (необходимое для обеспечения простого замещения поколений) и фактическое распределение по числу рожденных детей в сравнении с распределениями по желаемому и ожидаемому числу детей

Категория опрошенных и вариант распределения	Число детей							Всего	Из них с 3 и более детьми	В среднем
	0	1	2	3	4	5+	Нет ответа / трудно сказать			
Замужние женщины в конце репродуктивного возраста (40-44 лет)										
Фактическое итоговое	3	34	46	14	2	1	-	100	17	1,81
Условно необходимое	3	12	30	40	13	2	-	100	55	2,56*
«Фантастическое»	3	35	27	13	2	20	-	100	35	2,56*
Все женщины репродуктивного возраста (18-44 лет)										
Желаемое число	2	17	48	22	3	2	5	100	27	2,15
Ожидаемое число	3	25	44	14	2	1	10	100	17	1,88

Источник: Федеральная служба государственной статистики / Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения/итоги наблюдения / Распределение по желаемому и ожидаемому числу детей [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/RPN17/index.html (дата обращения 25.05.2019). Фактическое, условно необходимое и «фантастическое» распределение рассчитано автором по базе микроданных РПН-2017 [Электронный ресурс]. URL: http://std.gmcrosstata.ru/webapi/jsf/tableView/tableView.xhtml (дата обращения 13.04.2019).

* Расчет среднего числа основан на допущении, что семьи с 5 и более детьми имеют по 6 детей.

ется фантастическим. При таком отношении число многодетных семей не может быть значительным. Их образ жизни слишком резко отличается от принятого в современном обществе, чего не скажешь о среднедетных семьях с 3-4 детьми, которые реже сталкиваются с негативным отношением окружающих. Более реалистично стимулировать среднедетность, а не многодетность.

К тому же даже и при таком фантастическом варианте распределения суммарная доля женщин, родивших трех и более детей, должна составлять 35%. На вопрос «Сколько всего детей (включая имеющихся) вы хотели бы иметь, если бы у вас были все необходимые для этого условия?» 22% ответили — «трех», 3% «четырех», 2% — «пять и более». То есть суммарная доля женщин, желающих иметь трех и более детей, составляет лишь 27%. Это заметно меньше, чем в «фантастическом» и условно необходимом вариантах распределения. Причем и среди этих 27% подавляющее большинство (22%) ориентированы на трехдетную семью, а доля желающих иметь пять и более детей (даже если условия жизни это позволяют) ничтожна (2%).

Если же иметь в виду конкретные репродуктивные намерения всех опрошенных женщин 18-44 лет (большинство из которых моложе 40 лет и еще могут эти планы реализовать), то, с учетом реальных условий жизни, среди них собираются иметь трех детей 14%, четырех — 2%, пятерых и более — лишь 1%. Это распределение по ожидаемому числу детей почти полностью совпадают с распределением женщин 40-44 лет по числу рожденных детей, которое в этом возрасте очень близко к итоговому.

В распределении по ожидаемому, фактическому итоговому, и даже по желаемому числу детей модальным вариантом является двухдетная семья, а доля женщин, имеющих трех и более детей, либо ориентированных на рождение такого их числа, составляет от 17 до 27%, т.е. в 2-3 раза меньше необходимых для простого замещения поколений 55%. Главная причина недостаточной эффективности мер по повышению рождаемости, направленных на создание благоприятных условий для рождения детей, состоит в том, что подавляющее большинство женщин не желают иметь более двух детей ни при каких условиях. По данным РПН-2017, мнения мужчин по этому вопросу мало отличаются от мнений их жен.

Основным типом семьи для обеспечения простого замещения поколений должна быть трехдетная семья. Но в действительности численно преобладают семьи с двумя детьми, да и то лишь среди замужних женщин, как в первом, так и в повторном браке, причем только тогда, когда этот брак зарегистрирован. Распределения по итоговому числу детей (и соответствующие средние показатели) весьма различны у замужних, одиноких и сожительствующих, т.е. состоящих в неофициальном союзе. Кроме того, данные показатели зависят и от очередности брака.

Среднее число детей у женщин, состоящих в первом законном браке, — 1,77 (чаще всего они имеют двух детей), а у сожительниц, которые счита-

ют, что состоят в первом «незарегистрированном браке», — 1,36 (среди них однодетных больше, чем двухдетных).

По показателю среднего числа детей сожительницы занимают промежуточное положение между замужними и одинокими, т.е. никогда не состоявшими ни в законном, ни в гражданском браке. Среднее число детей у одиноких — 0,51. Из них 57% никогда не рожали, остальные 43% все-таки стали матерями, хотя и сами признают, что никогда не состояли ни в каких формах брака. Как правило, одинокие матери имеют одного ребенка.

Среднее число рожденных детей у женщин, состоящих в зарегистрированном повторном браке (включая появившихся на свет от прошлых браков, сожительств или связей), близко к двум (1,98), т.е. больше, чем в первом браке, но не обеспечивает простого воспроизводства. Семьи, основанные на законном повторном браке, чаще всего в итоге имеют двух детей, а в т.н. повторном незарегистрированном браке (или союзе) — одного ребенка. Средний показатель для последней группы составляет 1,69. Это даже меньше, чем в законном первом брачном союзе (1,77).

Женщины, состоящие во втором или последующем гражданском браке, по показателю среднего итогового числа детей (1,69) находятся посередине между женщинами, у кого отношения с новыми спутниками жизни официально закреплены (1,98), и одинокими женщинами, которые в прошлом имели законных мужей, но на момент опроса не имеют даже и сожителей (1,35). Большинство женщин из последней группы имеют одного ребенка.

Среднее число детей у женщин, которые в прошлом состояли в так называемом «гражданском» браке, но на момент опроса были одинокими, составляет лишь 0,95. Из них 51% имеют одного ребенка, а 28% вообще не имеют детей. Преобладание однодетности характерно не только для одиноких, но и для разведенных матерей [3, с. 79; 4; 24].

По мнению С.В. Захарова, Е.В. Чуриловой и В.С. Агаджаняна, распад браков и «партнерских союзов» приводит к рождению значительного числа детей в повторных браках и неофициальных «повторных союзах» [2, с. 42-44]. Это могло бы повысить уровень рождаемости в целом, но лишь при очень благоприятной (и далекой от реальности) ситуации, когда почти все разведенные женщины вновь вступают в законный брак и больше не разводятся. Однако и в таком случае уровень рождаемости был бы недостаточным для простого воспроизводства.

Авторы, которые утверждают, что подавляющее большинство разведенных мужчин и женщин вступают в новый брак [2, с. 37], включают в число браков также и неофициальные «партнерские союзы». Невысокая степень компенсации разводов законными повторными браками может объясняться снижением популярности законного брака, особенно среди тех, которые прошли через развод и лишились при этом жилья или другого ценного имущества. Многие из них фактически создают новые семьи, но не оформляют это в загсе. Однако данные, приведенные в таблице 2, не подтверждают это мнение.

Таблица 2

Компенсация прекращения браков новыми браками и сожительствами (% к числу мужчин 18-60 лет и женщин 18-45 лет, имеющих опыт прекращения первого брака)

Пол	Год	Среди лиц данного пола с опытом прекращения первого брака:			
		состоят в зарегистр. браке	состоят в незарегистр. браке	не состоят в браке	Всего
Мужчины	2012	32	23	45	100
	2017	30	18	52	100
	Изменение:+/-	-2	-5	+7	
Женщины	2012	23	17	60	100
	2017	19	12	69	100
	Изменение:+/-	-4	-5	+9	

Источник: расчеты по данным РПН-2012 и РПН-2017.

За 5 лет между исследованиями РПН-2012 и РПН-2017 доля состоящих в законном повторном браке среди лиц, переживших распад первого брака, уменьшилась с 32 до 30% у мужчин (на 2%) и с 23 до 19% у женщин (на 4%). Однако уменьшение компенсации разводов зарегистрированными браками не сопровождалось ростом компенсации за счет незарегистрированных повторных браков. Напротив, неофициальная компенсация сократилась еще более заметно: у мужчин с 23 до 18%, т.е. на 5%, у женщин — с 17 до 12%, т.е. тоже на 5%. В итоге доля одиноких среди лиц с опытом прекращения первого брака даже у мужчин повысилась на 7%: с 45 до 52%. У женщин этот показатель увеличился даже на 9% — с 60 до 69%. Более половины мужчин и более двух третей женщин репродуктивного возраста, переживших распад первого брака, либо не вступают в новый брак (с регистрацией или без нее), либо их новые браки тоже распадаются и в итоге они остаются одинокими.

Столь низкие показатели компенсации распада браков новыми брачными союзами (с регистрацией или без нее) отчасти объясняются тем, что, вопреки распространенному мнению, прочность у повторных союзов не выше, чем у первых [3, с. 76-77]. Среднее число детей у женщин, когда-либо переживших распад первого брака (включая как имеющих, так и не имеющих новых супругов или партнеров), составляет 1,46 (см. табл. 1), т.е. на 0,31 меньше, чем у женщин, чей первый брак сохранился до 40-44 лет (1,77). Негативный репродуктивный эффект послеразводного безбрачия и распада повторных браков для подавляющего большинства этих женщин намного превосходит позитивный эффект вступления в новые законные и нерасторжимые браки у сравнительно небольшой их части — около 20%. В аспекте рождаемости неофициальные повторные союзы менее продуктивны, чем зарегистрированные.

Среди мужчин и женщин, состоящих в законном браке, лишь немногие (от 6 до 14%) откладывают рождение детей из-за неуверенности в надежно-

Таблица 3

Доля респондентов, откладывающих рождение детей из-за неуверенности в прочности отношений с супругом/партнером (% к числу лиц данного пола и брачного статуса, ответивших на соответствующий вопрос).

Пол	Очередность брака, в котором состоят	Доля откладывающих рождение детей		Соотношение долей для незарегистрированных и зарегистрированных браков
		Брак зарегистрирован	Брак не зарегистрирован	
Муж.	Первый	9	42	4:1
	Повторный	6	56	9:1
Жен.	Первый	14	46	3:1
	Повторный	10	47	5:1

Источник: расчеты автора по базе микроданных РПН-2012 и РПН-2017.

сти отношений с супругами. Но среди сожителей и сожительниц эти сомнения приводят к откладыванию «прибавления в семействе» в 42-56% случаев, т.е. в 3, 4, 5 или даже в 9 раз чаще, чем в зарегистрированных браках. Эти пропорции зависят от пола респондентов и очередности брака (табл. 3).

Многие демографы являются сторонниками теории второго демографического перехода. Согласно этой теории, традиционная модель семьи, основанной на первом для обоих супругов законном браке с несколькими общими детьми, устарела, а сами институты семьи и брака трансформировались. Во многих современных развитых странах (в том числе и в России) регистрация брака уже не считается обязательной в глазах общественного мнения, которое рассматривает сожительство как «гражданский брак».

Кроме того, брак перестал рассматриваться как союз на всю жизнь, который может быть расторгнут по требованию мужа или жены только в случае доказанного в суде нарушения другим супругом взаимной верности или прочих элементарных правил семейной жизни (отсутствие заботы о членах семьи, жестокое обращение с ними и т.п.). В наше время считается морально приемлемым поступком уход жены от нелюбимого мужа к любимому человеку, даже если покинутый муж ни в чем не виноват и у них есть дети. Столь же либерально общественное мнение относится и к мужьям, которые бросили своих жен и детей ради новой любви. Последовательная полигамия (т.е. смена нескольких брачных партнеров) стала нормой поведения. Более того, некоторые авторы даже считают, что повторные браки способствуют повышению рождаемости. Однако это утверждение справедливо (да и то далеко не полностью) лишь в отношении зарегистрированных повторных браков. Но и в такой ситуации преобладающей является не трехдетная, а двухдетная модель, из-за чего не обеспечивается даже простое замещение поколений в этих повторнобрачных семьях, ни, тем более, компенсация еще более выраженной малодетности в семьях прочих типов. Кроме того, в зарегистрированных повторных браках состоят лишь около 30% среди мужчин и 20% среди женщин, первый брак которых прекратился.

Влияние **повторных браков** на рождаемость не следует смешивать с влиянием **распада семей**, который далеко не всегда приводит к повторному браку. Да и сами повторные браки тоже распадаются, причем не реже, чем первые. Кроме того, многие разведенные мужчины и женщины больше не верят в брак на всю оставшуюся жизнь, хотят обезопасить себя хотя бы от потери жилья (что часто бывает после развода) и поэтому отказываются как от регистрации новых браков, так и от рождения общих детей (особенно если уже есть дети от предыдущих браков). Поэтому среднее число детей в незарегистрированных браках меньше, чем в зарегистрированных. Более чем у половины (53%) женщин 40-44 лет, состоящих в незарегистрированных союзах, либо нет детей, либо есть лишь один ребенок. 88% этих единственных детей рождены не от нынешних партнеров, а от бывших мужей или сожителей.

С демографической точки зрения различия по среднему числу детей в зависимости от очередности и официальности супружеского союза не выходят за рамки малодетности (1-2 ребенка в семье). С учетом низкой степени компенсации разводов новыми брачными и внебрачными союзами, непрочности тех и других, а также меньшей детности сожительств по сравнению с браками той же очередности ясно, что для повышения рождаемости надо поддерживать традиционную модель «естественной семьи», основанной на прочном первом законном браке с тремя и более детьми. Иного способа остановить естественную убыль населения России не существует.

Список источников

Ачилъдиева Е.Ф., Синельников А.Б. Многодетная семья в современной России // Семья в России. — 1994. — № 2. — С. 55-59.

Захаров С.В., Чурилова Е.В., Агаджанян В.С. Рождаемость в повторных союзах в России: позволяет ли вступление в новый супружеский союз достичь идеала двухдетной семьи? // Демографическое обозрение. — 2016. — Т.3, №1. — С. 35-51.

Синельников А.Б. Новые тенденции структурных изменений семьи // Семья в России. — 1996. — № 2. — С. 17-29.

Население России 2013: двадцать первый ежегодный демографический доклад / отв. ред. С. В. Захаров; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. — 428 с.

Информация об авторе

Синельников Александр Борисович (Россия, Москва) — доктор социологических наук, профессор социологического факультета, кафедра социологии семьи и демографии МГУ имени М. В. Ломоносова (119234, Москва, Ленинские горы, МГУ, д. 1, строение 33, социологический факультет; e-mail: sinelka@mail.ru).

Sinelnikov A.B.

THE INFLUENCE OF FAMILIES' BREAKDOWN, REMARRIAGES AND COHABITATIONS ON BIRTH RATE

The average number of children in remarried women is higher than in the first marriage But divorced women have fewer children than married women. Most divorced women are either

not remarried or are getting divorced again. This leads to a decrease in the birth rate in Russia.

Keywords: first marriage, remarriage, termination of marriage, cohabitation, average number of children, birth rate.

Author

Sinelnikov Alexander Borisovich (Russia, Moscow) — Professor, Doctor of Sociology, Moscow State Lomonosv University, Faculty of Sociology, Department of Family Sociology and Demography. (119234, Moscow, Leninsky Gory 1–33, MGU, Faculty of Sociology; e-mail: sinelka@mail.ru).

References

Achildieva E. F., Sinelnikov A. B. Large Family In Modern Russia // Sem'ja v Rossii. [Family in Russia]. — 1994. — No. 2. — P. 55-59.

Zakharov S., Churilova E., Aghajanyan V. Fertility In Higher-Order Marital Unions In Russia: Does A New Partnership Allow For The Realization Of The Two-Child Ideal? // Demograficheskoe obozrenie [Demographic Review]. — 2016. — Vol. 3, No. 1. — P. 35-51.

Russia's Population in 2016: 21st Annual Demographic Report / Executive editor S.V. Zakharov ; National Research University Higher School of Economics. — Moscow: Izd. dom Vysshej shkoly jekonomiki [HSE Publishing House], 2018. — 428 p.

Sinelnikov A. B. New Trends In Structural Changes Of The Family // Sem'ja v Rossii [Family in Russia]. — 1996. — No. 2. — P. 17-29.

УДК 314.3, 316.6

Калачикова О. Н.

РЕПРОДУКТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ МУЖЧИН: УСТАНОВКИ, ПРАКТИКИ И ЦЕННОСТЬ ОТЦОВСТВА[1]

В работе представлены результаты исследования репродуктивного поведения населения, показаны установки и практики мужчин и женщин в сфере детности, контрацепции и абортов, ценности родительства.

Ключевые слова: репродуктивное поведение, отцовство, репродуктивные установки

Поведенческие факторы рождаемости — важнейший предмет демографических исследований. Воспроизводство населения, его параметры и последствия являются стратегическим вопросом общественного развития, что признается на федеральном уровне в разработке ряда концептуальных и программных документов, нацеленных на обеспечение воспроизводства населения и развития человеческого капитала. Для рождения и, что еще более актуально, воспитания детей предпочтительно создание союза родителей, выполняющих функции защиты, заботы, обучения ребенка, социализации в целом. В современных условиях роли матери и отца трансформируются вместе с институтом семьи, обретают новые смыслы и практики, отличные от представлений, распространенных в обществе ранее. Роль и значение отца в связи с нуклеаризацией и растущей эгалитарностью семей дополняется считавшимися ранее «женскими» бытовой и психологической заботой, поддержкой, повседневным участием в жизни детей. Согласно анализу теоретико-методологических подходов, к понятию «генеративное поведение», проведенному Л.А. Давлетшиной, репродуктивное поведение можно считать частью, базисом генеративного, которое помимо собственно деторождения включает систему родительских практик, формируя новое поколение. В статье изложены результаты анализа гендерных особенностей репродуктивных установок и практик на данных очередной волны мониторинга репродуктивного потенциала и поведения населения Вологодской области, проведенного ФГБУН ВолНЦ РАН в 2019 г.

Признание ценности семьи распространено среди мужчин примерно так же, как среди женщин, и устойчиво занимает лидирующую позицию. Второе место занимает здоровье, потеснившее родительство, это произошло за счет повышения осознания важности здоровья, при этом ценность родительства в среднем также возросла (табл.1).

---

[1] © Калачикова О.Н. Текст. 2019.

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований № 19-011-00644 «Генеративное поведение российских мужчин в условиях демографического кризиса: Приволжский и Северо-Западный округа РФ (сравнительный анализ)».

Таблица 1

Важнейшие жизненные ценности, в % от числа опрошенных соответствующего пола, 2019 г.

Вариант ответа	Мужчины	Женщины
Счастливая и дружная семья	83,1	89,1
Здоровье	71,5	76,3
Материнство/отцовство	56,7	69,2
Деньги, карьера	37,3	24,1
Любимая профессия	17,9	17,6
Образование	6,0	5,7
Общественное признание, популярность	4,0	2,3

Это свидетельствует о том, что внимание к проблемам семьи, получившие большое одобрение, семейный капитал, пособия, увеличенные и дифференцированные в зависимости от очередности ребенка и другие меры, имели эффект [3, 4]. Об этом говорил и рост рождаемости, наблюдавшийся до 2016 г.

В 2005 г., до пересмотра мер демографической политики, родительство к важнейшим жизненным ценностям относили только 38% респондентов (36% мужчин и 42% женщин). В 2019 г. доля мужчин, включивших отцовство в три главные жизненные ценности, составила 57%, среди женщин материнство — 69%.

Вместе с тем установки детности остаются в интервале 2-3 детей. При этом мужчины ориентированы на малодетность даже больше, чем женщины. По данным опроса 2019 г., средние предпочитаемые числа составили, соответственно: идеальное и желаемое — 2,11 против 2,16. Однако предполагаемая степень достижения желаемой детности у мужчин выше: ожидаемое число детей — 2,01 против 1,99 у женщин. То есть представления о количестве детей в семье сравнялись, а собственные шансы иметь столько детей, сколько хотелось бы, женщины оценивают более пессимистично.

Среди причин малодетности лидируют, как и ранее, материальные проблемы (низкие доходы — 51%), нестабильность экономической ситуации в стране; на втором месте (46%) — вариант ответа «столько детей мне вполне достаточно». Распространенность констатации безусловного предпочтения малодетности с начала мониторинга (2005 г.) выросла на 8 п.п.– с 38 до 46%.

Среди тех, кто планирует иметь троих и более детей в семье, самая частая причина — любовь к детям (80%). Мужчины чаще, чем женщины, следуют семейной традиции многодетности (37 против 25%), чувству долга за сохранение рода (23 против 18%). Для женщин значимой остается этическая неприемлемость аборта (27%, среди мужчин — 10%).

Ориентация на бездетность обусловлена нежеланием менять привычный образ жизни (41% мужчин, 58% женщин), нежеланием иметь детей в

принципе (41 и 26% соответственно). Для женщин второе место в рейтинге причин бездетности занимают проблемы со здоровьем (47%, среди мужчин так ответили 19%).

Закрепление малодетности подтверждается превалированием психологических репродуктивных мотивов. Дети связываются с субъективным переживанием радости, родительского счастья. Почти половина женщин считают детей обязательной частью семьи, среди мужчин только 40%. Для мужчин более значим социальный мотив — дети будут наследовать, продолжать их дело, чуть больше, чем женщины, они ожидают от детей помощи в старости и в ведении хозяйства (положительная экономическая мотивация). Экономические мотивы отрицательной направленности — демотиваторы (дети — дополнительная трата денег, снижение материального достатка семьи) встречаются относительно редко, но среди мужчин представлены шире (табл. 2).

В вопросах планирования семьи по ряду аспектов наблюдается единодушие мужчин и женщин. Считают, что следует обсуждать заранее сроки появления детей и их количество, 57% мужчин и женщин, что не следует — по 19%, примерно четверть затруднилась ответить. Признают допустимость аборта безусловно и при определенных обстоятельствах 77% мужчин и 79% женщин. Мужчины по-прежнему демонстрируют меньшую по сравнению с женщинами осведомленность в вопросах репродуктивного здоровья и поведения (особенно в «женских»: роды и аборты), гораздо реже посещают андролога (уролога), даже в случае имеющихся проблем, раньше начинают сексуальную жизнь (табл. 3). Учитывая, что средний возраст сексуального дебюта почти на 10 лет меньше возраста брачующихся, вопрос о приемлемости добрачных связей уже не стоит.

Более свободны представления мужчин о сексуальных связях, в том числе параллельно с несколькими партнерами: подобные отношения ка-

Таблица 2

Осознаваемые роли детей, в %, 2019 г.

Вариант ответа	Мужчины	Женщины
Дети — это радость жизни	65,7	77,3
Обязательная часть семьи	40,3	48,4
Наследники, продолжатели вашего дела	46,0	37,3
Помощь в старости	39,9	36,9
Помощь в ведении хозяйства	21,1	18,3
Дополнительная трата денег	8,1	5,9
Снижение материального положения семьи	4,9	3,5
Помеха отдыху, личной жизни	4,9	3,5
Помеха карьере	3,3	2,5
Источник доходов (пособие по беременности и родам, детские пособия)	1,7	1,7
Другое	0,9	0,9

Таблица 3

Сексуальный дебют: представления об оптимальном и фактический возраст (в%)

Возраст сексуального дебюта	Мужчины		Женщины	
	оптимальный	фактический	оптимальный	фактический
15 лет и ранее	3,9	9,3	2,1	5,1
16–17 лет	26,9	42,6	18,5	32,8
18–20 лет	54,1	42,4	63,2	53,4
21–24 года	8,1	5,7	10,9	7,8
25 лет и старше	0,9	0,0	0,5	0,9
Затрудняюсь ответить	6,0	-	4,7	-

тегорически не допустимы для 46% мужчин и 71% женщин, 26% мужчин и 17% допускают их до брака, 18 и 5% соответственно видят в этом разнообразие, важность применения контрацептивов при наличии более чем одного партнера отметили 10% мужчин и 6% женщин. Число партнеров с начала сексуальных отношений у мужчин выше, чем у женщин (в среднем 5,0 против 3,3), увеличивается с возрастом. Однако уже сейчас можно прогнозировать более высокую итоговую полигамность относительно более молодых поколений (табл. 4). При сравнении как мужчин, так и женщин 1984 г.р. и ранее с поколением рожденных в 1985-1994 г.р. видно, что доля имевших одного партнера уже ниже и, возможно, сократится еще.

Важный аспект репродуктивного поведения и один из маркеров сексуальной культуры — применение контрацепции. Примерно 80% опрошенных, живущих половой жизнью, с какой-либо частотой ис-

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос: «Сколько у Вас было половых партнеров с начала сексуальных отношений?» (в % от тех, кто живет половой жизнью)

Вариант ответа	Мужчины в возрасте, лет					Женщины в возрасте, лет				
	15-19	20-24	25-34	Старше 35	Среднее	15-19	20-24	25-34	Старше 35	Среднее
Один	23,1	7,6	6,9	7,1	7,7	77,8	30,6	15,2	17,5	19,4
Два	57,7	22,7	17,4	13,4	17,5	5,6	35,5	36,1	22,3	28,0
3-5	19,2	37,9	27,9	34,8	32,0	0,0	22,6	30,7	29,6	28,6
5-10	0,0	9,1	21,5	16,7	17,0	11,1	1,6	5,7	13,2	9,4
Более 10	0,0	7,6	7,3	11,6	9,2	0,0	1,6	2,5	2,5	2,4
Затрудняюсь ответить	0,0	15,2	19,0	16,4	16,6	5,6	8,1	9,8	14,9	12,2
Среднее число партнеров	2,2	4,3	5,0	5,3	5,0	1,8	2,4	3,2	3,7	3,3

Таблица 5

Использование контрацепции при первом сексуальном контакте, в % от живущих половой жизнью

Использование контрацепции	Мужчины в возрасте, лет				Женщины в возрасте, лет			
	15-19	20-24	25-34	Старше 35	15-19	20-24	25-34	Старше 35
Нет	26,9	27,3	35,4	54,8	11,1	37,7	38,1	44,5
Да	73,1	72,7	64,6	45,2	88,9	62,3	61,9	55,5
Презервативы	69,2	65,2	50,6	36,0	72,2	40,3	46,3	39,2
Прерванный половой акт	15,4	10,6	14,2	7,1	22,2	16,1	11,5	11,8
ГОК (гормональные оральные контрацептивы)	0,0	1,5	2,4	2,4	0,0	11,3	8,2	6,5
«Безопасные дни»	7,7	0,0	4,9	2,1	11,1	3,2	4,5	4,5
ВМС (внутриматочная спираль)	0,0	0,0	1,2	1,2	0,0	0,0	0,0	0,0
Спермицидные средства	0,0	3,0	2,4	0,6	5,6	1,6	0,8	1,1
Другое	0,0	0,0	0,0	0,3	0,0	0,0	0,4	0,6

пользуют средства и методы контрацепции, но ее адекватность остается спорной. Достаточно широко распространены методы с низкой эффективностью (прерванный половой акт, календарный метод). В целом по выборке остается высокой доля незащищенных сексуальных дебютов — 40%. Вместе с тем более молодые люди демонстрируют большую грамотность и ответственность в данном вопросе, особенно девушки (табл. 5).

Отказ от контрацепции более чем в половине случаев обусловлен планированием беременности, однако в четверти ответов объясняется собственным нежеланием, 5% мужчин и 10% женщин указали, что партнер не хочет применять контрацепцию. Причины, связанные с ложным убеждением о вреде контрацептивов, невозможности их приобретения практически не представлены, что является несомненным успехом деятельности по повышению медико-гигиенической грамотности населения, реализуемой в регионе.

Таким образом, мужчины ориентированы на малодетность так же, как и женщины, ценность родительства для мужчин ниже, чем для женщин. Дети для отцов не только радость в жизни, но и элемент статусности, вклад в будущее. Можно сказать, что для женщины дело жизни — рождение и воспитание детей, а для мужчины дети — наследники и продолжатели дела его жизни. В целом все еще сохраняется понимание деторождения как зоны ответственности женщины. Вопросы, связанные с половой жизнью супругов, контрацепцией, абортами, преимущественно решает партнерша. Мужчины не стремятся повысить уровень медико-гигиени-

ческой грамотности не только в сфере женского репродуктивного здоровья, но и своего, по-прежнему избегают посещения врачей (уролога или андролога). Между тем, это серьезный фактор риска ввиду высокой полигамности и низкой контрацептивной и сексуальной культуры в целом. Молодые люди в среднем демонстрируют более высокую либеральность в сексуальной жизни, контрацептивную грамотность. Сочетание ориентации на малодетность, раннее начало половой жизни и полигамность, ослабление авторитета легитимного брака и размывание представлений о гендерных ролях — базис вариативности смыслов и практик отцовства современных мужчин, обуславливающий сосуществование традиционных патриархальных, эгалитарных, матриархальных моделей семьи с разной степенью активности и вовлеченности отцов в воспитание детей [1].

Список источников

Безрукова О.Н. Отцовство в трансформирующемся обществе: ожидания матерей и практики отцов //Социологические исследования. — 2013. — № 11. — С. 118-130.

Давлетшина Л.А. Репродуктивные стратегии мужчин как фактор повышения рождаемости: территориальные различия // Солидарность и конфликты в современном обществе: материалы научной конференции XII «Ковалевские чтения», 15-17 ноября 2018 г. / отв. редактор: Ю.В. Асочаков. — СПб.: Скифия-принт, 2018. — С. 392-394.

Зверева Н.В., Архангельский В.Н. Предварительные итоги и перспективы современной политики в области рождаемости в России // Федерализм. — 2010. — № 2 (58). – С. 72

Калачикова О.Н. О причинах роста рождаемости населения в период активизации демографической политики России (на примере Вологодской области) / О.Н. Калачикова, А.А. Шабунова // Проблемы прогнозирования. — 2013. — № 5. — С. 129–136.

Информация об авторе

Калачикова Ольга Николаевна (Россия, Вологда) — кандидат экономических наук, зам. директора, зав. отделом исследования уровня и образа жизни населения, ФГБУН «Вологодский научный центр Российской академии наук» (160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56А; e-mail: onk82@yandex.ru).

Kalachikova O.N.

REPRODUCTIVE BEHAVIOR OF MODERN MEN: ATTITUDES, PRACTICES AND THE VALUE OF FATHERHOOD

The paper presents the results of a study of the reproductive behavior of the population, shows the attitudes and practices of men and women in the field of childhood, contraception and abortion, the value of parenthood.

Keywords: reproductive behavior, fatherhood, reproductive attitudes

Author

Kalachikova Olga Nikolaevna (Russia, Vologda) — Candidate of Economics, Deputy Director, Head of the Department of the Federal State Budget Institution of Science «Vologodskiy Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (160014, Vologda, Gorkogo Str. 56A).

References

1. Bezrukova O.N. Paternity in a transforming society: the expectations of mothers and the practice of fathers // Sociological Studies. — 2013. — №11. — From 118-130.

2. Davletshina L.A. Reproductive strategies of men as a factor in increasing fertility: territorial differences // Solidarity and conflicts in modern society: Proceedings of the Scientific Conference of the XII «Kovalev Readings», November 15-17, 2018. / Ed. Editor: Yu.V. Asochakov. — SPb .: Scythia-print, 2018. — P. 392-394.

3. Zvereva N.V., Arkhangelsky V.N. Preliminary Results and Prospects of Modern Politics in the Field of Fertility in Russia // Federalism. — 2010. — No. 2 (58). — WITH. 72

4. Kalachikova O.N. On the reasons for the increase in the birth rate of the population during the period of the activation of the demographic policy of Russia (on the example of the Vologda Oblast) / O.N. Kalachikova, A.A. Shabunova // Problems of forecasting. — 2013. — No. 5. — P. 129–136.

УДК 369

Соловьев А. К.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ ПЕНСИОННОЙ СИСТЕМЫ[1]

Сегодня главный двигатель экономики — человеческий капитал. Социальное обеспечение и страхование является составной частью человеческого капитала каждого работника. Сегодня ведется дискуссия о том, как измерять благополучие той или иной страны.

Ключевые слова: демография, пенсионная система, пенсия, застрахованные лица, пенсионеры.

Вместо валового внутреннего продукта предлагается принципиально новый критерий — индекс счастья, отражающий благосостояние людей в разных странах мира, с помощью которого измеряют благополучие граждан. В условиях демографической трансформации нетрудоспособный период занимает все больше места в человеческой жизни. Пропорционально этой тенденции достойное пенсионное обеспечение должно стать важнейшей частью человеческого капитала.

Пенсия — это гарантированная ежемесячная выплата для обеспечения граждан в старости, в случае наступления инвалидности, потери кормильца или при выработке выслуги лет в одной сфере трудовой деятельности. Пенсионное обеспечение России состоит из обязательного пенсионного страхования и негосударственного пенсионного обеспечения. Обязательное страхование — форма, при которой страховые отношения между страховщиком и страхователем возникают в силу закона. Оно включает страховую пенсию и финансируется за счет страховых взносов работодателя и средств федерального бюджета. Негосударственное пенсионное обеспечение — негосударственные пенсии, выплачиваемые в рамках договоров с негосударственными пенсионными фондами. Но государство в любом случае все это регулирует с помощью госбюджета и рыночно-финансовых институтов [1, с. 60].

Участники пенсионной системы — застрахованные лица, страхователь и страховщик. Единственный страховщик на территории всей страны — Пенсионный фонд РФ. В некоторых государствах существует много пенсионных фондов (они могут быть отраслевыми, по видам профессий, например, пенсионный фонд шахтеров Германии, и т. д.). В России все сосредоточено в руках Пенсионного фонда. Страхователи — юридические и физические лица, уплачивающие в ПФР обязательные страховые взносы за своих работников (застрахованных лиц) либо за себя лично. Застрахованные лица — граждане, на которых распространяется обязательное пенсионное страхование.

[1] © Соловьев А.К. Текст. 2019.

Пенсионный фонд РФ в настоящее время занимается вопросами не только назначения пенсий, но и выдачи материнского капитала и реализации программ софинансирования. Единая государственная система социального обеспечения — система по учету всех социальных выплат. Эта информационная система позволяет получать гражданам и органам власти актуальную информацию о мерах социальной поддержки в отношении отдельно взятого человека и в целом по стране.

В России 44,7 млн пенсионеров, более 21 млн льготников, всего выдано 150 млн СНИЛС. Право на пенсию имеют и не граждане Российской Федерации, проживающие в России и временно работающие здесь. Когда они уезжают к себе, то мы по соглашению платим им часть пенсии, которую они заработали в нашей стране. Всего зарегистрировано около 9 млн плательщиков страховых взносов — страхователей, к которым относятся юридические лица и индивидуальные предприниматели.

Бюджет Пенсионного фонда РФ составляет более 8 трлн рублей — это второй бюджет в стране после федерального. Страховые взносы, переводимые работодателями, равняются почти 60 % бюджета ПФР. Кроме того, бюджет Пенсионного фонда пополняется из нескольких источников: за счет денежных средств федерального бюджета (на повышение страховых пенсий и финансирование льготных пенсий; для покрытия расходов на пособия по инвалидности, доплаты к пенсиям, материнский капитал и т. п.), за счет доходов, связанных с самостоятельным пенсионным накоплением граждан.

Лишь 75 % покрывают страховые взносы, а 25 % составляют трансферты из бюджета. Госбюджет гарантирует Пенсионному фонду выплаты из федерального бюджета на пенсии и пособия льготным категориям граждан (например, если оформляется досрочная пенсия, на которую имеют право учителя и врачи, лица, работающие на вредных производствах, на Крайнем Севере). Это достаточно многочисленная категория граждан, которая сохранилась со времен СССР. Льготы покрываются за счет федерального бюджета, и пока они существуют, будет дотация из федерального бюджета. Основные расходы ПФР связаны с пенсионным обеспечением. Львиная доля — это ежемесячные денежные выплаты, часть монетизированных льгот, материнский капитал.

Если говорить о вызовах пенсионной системе, то наиболее серьезное изменение пенсионной системы началось после кризиса 2008 года. Тогда существенно снизились пенсии, вследствие чего увеличился трансферт из федерального бюджета. В 2010 году он достиг 4 % ВВП, а страховые взносы — 26 %. Соотношение пенсий и заработной платы достигло 30 %, а соотношение с прожиточным минимумом — до 1–4 %. Возникла критическая ситуация, которая потребовала корректировки долгосрочной стратегии пенсионной реформы [2, с. 135].

Стратегия долгосрочного развития пенсионной системы РФ до 2030 года обозначила три основных направления развития: гарантирование приемлемого уровня социального обеспечения, обеспечение долгосроч-

ной финансовой устойчивости и удержание на приемлемом уровне страховой нагрузки. То есть по сути нужно было повысить уровень пенсионного обеспечения, гарантировать долгосрочную финансовую устойчивость и не нагружать бизнес. Но это три диаметрально противоположные задачи: из бюджета мы не можем взять денег, также как и повысить нагрузку на бизнес, и в то же время нам необходимо повысить пенсии. Казалось бы, задача неразрешимая.

Для этого были разработаны шесть направлений:

1) совершенствование тарифно-бюджетной политики;

2) совершенствование формирования пенсионных прав в распределительной составляющей пенсионной системы;

3) развитие корпоративного пенсионного обеспечения;

4) реформирование института накопительной составляющей пенсионной системы;

5) реформирование института досрочных пенсий;

6) развитие международного сотрудничества в сфере пенсионного обеспечения.

Основные из этих направлений — тарифно-бюджетная политика, изменение пенсионных прав, развитие иных видов пенсий. Раньше законом был установлен тариф страховых взносов в ПФР — 26 %. В 2010 году тарифная нагрузка на основные категории плательщиков была сохранена на действующем уровне, но, кроме того, были установлены пониженные тарифы для некоторых категорий плательщиков страховых взносов (для сельскохозяйственных товаропроизводителей, организаций и индивидуальных предпринимателей, имеющих статус резидента технико-внедренческой особой экономической зоны и пр.). Было понятно, что 26 % — это много. И государство отреагировало, сделав тариф страховых взносов на обязательное пенсионное страхование 22 %, а 4 % компенсирует федеральный бюджет.

Для увеличения размера пенсий действующих пенсионеров необходимо было усилить зависимость пенсии от заработной платы, стажа, стимулировать граждан к более позднему выходу на пенсию (чем дольше они работают, тем больше отчисляют), повысить требования к минимальному стажу для назначения страховой пенсии. Потому что страховая пенсия — это солидарная система: если вы мало отчисляете, то должны мало получать. Раньше минимальный стаж, необходимый для выхода на пенсию, составлял пять лет. При этом средний стаж был равен 34 годам. Для стабилизации системы принято решение минимальный стаж постепенно увеличить к 2024 году до 15 лет. Также установили минимальные требования по отчислениям взносов. Все это оздоровило пенсионную систему.

По новой пенсионной формуле на размер пенсии влияют размер заработной платы, длительность страхового стажа, возраст обращения за назначением трудовой пенсии. До 2002 года формула была стажево-зарплатной. Эта формула в меньшей степени характерна для страховых систем. В основном так рассчитываются пенсии для военных, госслужащих, которые

финансируются из бюджета. Если вы проработали определенное количество лет, то пенсия составляет столько-то процентов. Например, в советское время пенсия составляла 55 % от заработной платы при стаже 25 лет у мужчин и 20 лет у женщин. Далее за каждый дополнительный год занятости добавляется 1 %, при этом максимальное значение — 75 % (45 лет стажа у мужчин и 40 лет у женщин). Но в советское время при начислении пенсии можно было учитывать зарплату за два последних года работы или любые пять лет. То есть вся ваша трудовая деятельность не учитывалась, взносы не перечислялись, финансирование шло из бюджета.

С 2002 по 2014 гг. действовала пенсионная модель, основанная на принципах страхования и накопления — условно-накопительная система. В среднем люди на пенсии живут около 20 лет. Установив коэффициент Т (средний срок ожидаемого периода нахождения на пенсии), им сказали: «К выходу на пенсию за вас была отчислена такая-то сумма, ее нужно разделить на ожидаемый период выплаты пенсии (228 мес.) и пенсия составляет столько-то». Однако в солидарной системе реальных средств на счетах нет. Сколько сегодня за работника в месяц перечислили взносов, столько сегодня мы раздали пенсий, в том числе вашим родителям.

С 2015 г. введена балльная система начисления страховой пенсии, при которой граждане избавились от необходимости подсчета пенсии по трем формулам. За стаж до 2002 года пенсия будет считаться по одной формуле, с 2002 по 2014 гг. — по другой, а с 2015 года — по третьей. Для этого мы автоматически конвертировали все права в коэффициенты (ИПК). Количество пенсионных кэффициентов зависит от начисленных и уплаченных страховых взносов в систему обязательного пенсионного страхования и длительности трудового стажа. За каждый год трудовой деятельности гражданина при условии начисления работодателями или им лично уплаченных страховых взносов на обязательное пенсионное страхование у него формируются пенсионные права в виде пенсионных коэффициентов. Такая система используется, например, в Германии, Франции и других странах [3, с. 45].

Наряду с пенсией по старости сохраняется система досрочного выхода на пенсию. Всего существуют 27 оснований для досрочного назначения трудовой пенсии. В отношении досрочников был введен дополнительный тариф: работодатели должны уплачивать дополнительные взносы за места с вредными и опасными условиями труда. Во-первых, потому что работник раньше выходит на пенсию, во-вторых, это стимулирует работодателя принимать меры для исключения этих мест из категории вредных и опасных. Эти рабочие места есть, например, на металлургических предприятиях. Чтобы не платить дополнительные тарифы, работодателям нужно устанавливать фильтры, системы очистки, выдавать средства индивидуальной защиты. Таким образом мы побуждаем работодателей инвестировать средства в модернизацию производства. Вместе с тем, это и вопрос договоренностей между тремя сторонами социального партнерства: работниками, работодателями и государством (вы учитесь в университете, который имеет профсоюзное учредительство). Пока мы договорились о тарифе, кото-

рый покрывает, к сожалению, только 30 % льгот. Шаг сделан, но несбалансированность сохранилась.

В результате реализации Стратегии обеспечивается рост пенсий относительно прожиточного минимума. Но начался кризис, а затем были наложены санкции. В результате в 2015 году соотношение средней зарплаты и прожиточного минимума опять стало снижаться.

Список источников

Соловьев А.К. Исследование влияния неформальной занятости на сбалансированность бюджета ПФР и формирование пенсионных прав работника // Проблемы теории и практики управления. — 2017. — № 10 — С. 54-64.

Соловьев А.К. и др. Пенсионный возраст: актуарно-статистическое обоснование. –М.: Прометей, 2018. — 236 с.

Соловьев А.К. Пенсионная реформа: иллюзии и реальность: учебное пособие. –М.; Издательство «ООО «Проспект», 2014. — 296 с.

Информация об авторе

Соловьев Аркадий Константинович (Россия, Москва) — доктор экономических наук, профессор, Финансовый университет, заслуженный экономист России; начальник Департамента актуарных расчетов и стратегического планирования (г. Москва, ул. Шаболовка, д. 4; e-mail: sol26@100.pfr.ru

Solovev A.C.

DEMOGRAPHIC CONDITIONS OF IMPLEMENTATION OF THE STRATEGY OF DEVELOPMENT FOR THE PENSION SYSTEM

Today the main engine of economy — the human capital. Social security and insurance is a component of the human capital of each worker. Today the discussion about how to measure wellbeing of this or that country is conducted.

Keywords: demography, the pension system, pension, the insured persons, pensioners.

Author

Solovev Arkadii Constantinovich (Russia, Moscow) — doctor of economics, professor, honored economist of Russia, Head of the Department of actuarial and strategic planning of the Pension fund (Moscow, Shavolovka st., 4; e-mail: Sol26@100.pfr.ru)

References

1. Solovyov A.K. Research of influence of informal employment on balance of the budget of RPF and formation of the pension rights of the worker//problems of the theory and practice of management. — 2017. — page 54-64.

2. Solovyov A.K., etc. Retirement age: actuarial and statistical justification. - M.: Prometheus, 236 pages.

3. Solovyov A.K. Pension reform: illusions and reality. Manual//M.; Publishing house “LLC Prospekt, 2014, 296 pages.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

УДК 314.02

Акрамова Ш. Г.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН[1]

В статье рассмотрены региональные различия демографических процессов административных единиц Республики Узбекистан. Анализ совершен на основе статистических данных Государственного комитета по статистике Республики Узбекистан за период 1991-2018гг.

Ключевые слова: население, демографические процессы, средний возраст, возрастные группы, рождаемость, смертность, естественный прирост.

Узбекистан с демографической точки зрения является стратегически важной территорией как в Центральной Азии, так и на пространстве СНГ. Как известно, Узбекистан по численности населения является лидером в Центральной Азии и одним из крупнейших государств СНГ, занимая третье место после России и Украины. На начало 2019 года в стране проживало около 33 255,5 тыс. человек.

В течение последней четверти века глобальные демографические изменения оказали существенное влияние и на Узбекистан. По мнению З.Н. Тожиевой, республика одновременно с переходом к рыночной экономике пережила и демографический переход. Также подчеркивается, что изменения в репродуктивных установках населении стран, переживающих переходный период, сопровождаются не только сокращением количества детей, но и изменением их качества в положительную сторону [2, с. 16].

Демографическая ситуация в республике меняется, но в современных условиях, по мнению отечественных демографов, она сформировалась на оптимальном уровне. По их мнению, за годы независимости в Узбекистане сложилась демографическая ситуация, которая полностью отличается от таковой периода Советского Союза в результате модернизации и социального развития страны, а также успешных структурных преобразований в экономике [3, с.11].

При реализации стратегии развития республики важно мобилизовать все ее факторы, в том числе те, которые влияют на рост человеческого капитала. Эти источники являются прежде всего демографическими аспектами развития человеческого капитала. Демографический потенциал страны может стать возможностью вывести ее на новый этап экономического

[1] © Акрамова Ш.Г. Текст. 2019

развития. В этом контексте Узбекистан обладает огромным потенциалом и возможностями. Одним из основных принципов «сильной социальной защиты» является то, что «узбекская модель» перехода к рыночным отношениям основана на демографических и национальных особенностях нашей страны.

За годы независимости (1991-2019) население Узбекистана выросло на 12,5 млн и достигло 33,3 миллиона на 1 январь 2019 года. В последние годы среднегодовые темпы прироста населения составляют в среднем 1,6-1,7%. Статистические данные показывают, что за последние 10 лет темпы прироста населения несколько увеличились по сравнению с предыдущими годами. Нужно отметить что самый низкий среднегодовой темп прироста наблюдался в 2001-2006 годы и составил 1,2%. Относительно высокий уровень рождаемости предопределил высокий рост численности населения. Динамичный рост численности населения при условиях снижения суммарного коэффициента рождаемости ниже 2,5 п.п объясняется вступлением в репродуктивный период высокой доли женщин, которые родились в 1980-х годах в период высокого уровня рождаемости.

В современных условиях при непрерывном возрастании численности населения республики и существовании региональных различий в демографическом развитии исследования в данной области приобретают важное значение.

В период 1991-2018 гг. постоянное население республики увеличилось почти в 1,6 раза. Самый высокий рост численности постоянного населения наблюдается в таких областях, как Сурхандарьинская (1,89), Кашкадарьинская (1,86), Наманганская (1,74) Хорезмская (1,69), Андижанская (1,68), Джизакская (1,67) и Ферганская (1,63). Самыми низкими темпы роста численности постоянного населения были в г. Ташкент. За 1991-2018 гг. оно увеличилось всего в 1,16 раза, то есть на 16%, и на начало 2018 года составило около 2,5 млн человек. Но нужно отметить, что в данном случае анализируется динамика численности постоянного населения, по некоторым оценкам, численность населения г. Ташкент в данное время превышает 5 млн чел (см. табл.).

Удельный вес населения областей в общей численности населения за анализируемый период также претерпел существенные изменения. Доля населения г. Ташкент и Ташкентской области значительно понизилась в общей численности населения. Так если удельный вес численности населения Ташкента в 1991 году составлял 10,3%, то в 2018 году этот показатель достиг уровня 7,5%. В Ташкентской области эти показатели составили 10,3% и 8,8% соответственно. Самые высокие положительные изменения данного показателя наблюдаются в Кашкадарьинской, Сурхандарьинской, Наманганской и Самаркандской областях (см. табл.).

Развитие населения Узбекистана в течение анализируемого периода характеризовалось не только стремительным ростом его численности, но

Таблица

Численность постоянного населения Республики Узбекистан и ее административных единиц (тыс.чел., доля в общей численности в %)*

Адм. единицы Республики Узбекистан	1991		2000		2010		2018	
Республика Узбекистан	20607,7	100%	24487,7	100%	28001,4	100%	32656,7	100%
Республика Каракалпакстан	1270,6	6,2	1503	6,1	1632	5,8	1842,3	5,6
Области:								
Андижанская	1789	8,7	2186,2	8,9	2549,1	9,1	3011,7	9,2
Б ухарская	1195,1	5,8	1419,3	5,8	1612,5	5,8	1870,2	5,7
Джизакская	792,2	3,8	974,8	4,0	1116,8	4,0	1325	4,1
Кашкадарьинская	1694,4	8,2	2166,8	8,8	2616,1	9,3	3148,4	9,6
Навоийская	682	3,3	783,3	3,2	851,6	3,0	958	2,9
Наманганская	1551,8	7,5	1924,3	7,9	2258,5	8,1	2699,6	8,3
Самаркандская	2200,9	10,7	2670,3	10,9	3119	11,1	3720,1	11,4
Сурхандарьинская	1332	6,5	1736,7	7,1	2075	7,4	2514,2	7,7
Сырдарьинская	559,1	2,7	642,2	2,6	714,4	2,6	815,9	2,5
Ташкентская	2129,8	10,3	2350,2	9,6	2585,9	9,2	2861,2	8,8
Ферганская	2214,6	10,7	2664,4	10,9	3074,6	11,0	3620,2	11,1
Хорезмская	1066	5,2	1323,9	5,4	1561,6	5,6	1805	5,5
г. Ташкент	2130,2	10,3	2142,3	8,7	2234,3	8,0	2464,9	7,5

Составлено на основе данных официального сайта Государственного Комитета по статистике Республики Узбекистан [Электронный ресурс]. URL: https://stat.uz/uz/130-ochiq-ma-lumotlar/696-doimiy-aholi-soni и статистического сборника: Статистический ежегодник регионов Узбекистана». — Ташкент, 2018. — С. 17.

и изменениями в половозрастной структуре. Хотя средний возраст населения стремительно растет, Узбекистан по классификации ООН относится к странам с относительно молодым населением и на состояние 1 января 2018 года он составил 28,7 года.

Как видно из статистических данных самое молодое население проживает в Сурхандарьинской (26,9), Кашкадарьинской (27,1), Сырдарьинской (27,5) областях, в то времы как население г.Ташкент (32,8) и Ташкентской (30) области может быть классифицировано как относительно взрослое население (см. рис. 1).

Анализ рапределения населения по основным возрастным группам также свидетельствует о наступающих тенденциях старения населения. Доля населения старше трудоспособного возраста в 1991 году составляла 7,8% в среднем по Республике Узбекистан. Показатели выше среднереспубликанского уровня были в г. Ташкент (11,7), Ташкентской и (9,1), Ферганской (8,2) областях. На начало 2018 года в республике доля лиц старше трудоспосбно-

Рис. 1. *Средний возраст населения Республики Узбекистан и ее регионов, лет*[1]

[1] Составлено на основе статистического сборника Государственного комитета по статистике Республики Узбекистан: Демографический ежегодник Узбекистана. — Ташкент, 2018. — С. 93.

го возраста достигла 9,7%. В то время как лидерами по данному показателю являются г.Ташкент (15,3), Ташкентская область (11,5), Бухарская область (10,4) и Ферганская область (10,1). В качестве относительно молодого может быть классифицировано население Сурхандарьинской, Сырдарьинской и Кашкадарьинской областей. Доля лиц старше трудоспособного возраста в данных областях составила 7,9%, 8,1% и 8,2% соответственно[1].

Согласно действующему законодательству Республики Узбекистан, границы трудоспособного возраста определены для мужчин от 16 до 60 лет и для женщин от 16 до 55 лет [4]. Нужно отметить, что верхняя граница трудоспособного возраста в результате роста продолжительности жизни в большинстве развитых странах намного выше. Также нужно отметить, что высокая нагрузка на рынок труда, которая определяется большим количеством населения в трудоспособном возрасте в республике, на данном этапе пока не порождает необходимость повышения этого возраста [1, с. 27]. Хотя в ближайшем будущем этот процесс будет неизбежным.

Как уже отмечалось, рост численности населения Республики Узбекистан объясняется в основном естественым движением населения, то есть относительно высокими показателями рождаемости и низкой смертностью. Общий коэффициент рождаемости в целом по республике за 1991-2018 гг. снизился с 33,7 до 22,1 ‰. Самый высокий показатель — в Сурхандарьинской области (26,1 ‰). К регионам с рождаемостью в пределах 20-25‰ относятся такие административные единицы, как Республика Кара-

[1] Статистический ежегодник регионов Узбекистана: стат. сборник. — Ташкент, 2018. — С. 25.

Рис. 2. *Общие коэффициенты рождаемости, смертности и естественного прироста населения в Узбекистане (на 1000 населения)*[1]

[1] Составлено на основе статистического сборника Государственного комитета по статистике Республики Узбекистан: Статистический ежегодник регионов Узбекистана. — Ташкент, 2018. — С. 22.

калпакстан (20,6), Ферганская (21,0), Хорезмская (21,0), Навоийская (21,6), Сырдарьинская (21,8), Андижанская (22,6), Наманганская (22,9), Джизакская (23,6), Самаркандская (24,4), Кашкадарьинская (24,6) области. Самые низкие показатели рождаемости наблюдаются в г.Ташкент (17,7), Ташкентской (19,3) и Бухарской (20,0) областях (см. рис. 2).

В общем изменения в возрастной структуре населения республики в целом и ее отдельных регионов оцениваются как благоприятные с точки зрения демографических возможностей для потенциального экономического роста. Относительное снижение рождаемости и смертности привело к росту доли населения в трудоспособном возрасте, что оценивается как возможность обеспечения экономического развития и повышения благосостояния семьи. Но нужно отметить что, результат не является автоматическим, а обусловлен проведением эффективной скоординированной политики в области профессионального образования, здравоохранения и рынка труда. В противном случае эти возможности могут трансформироваться в угрозы.

Список источников

Акрамова Ш.Г. Особенности формирования трудовых ресурсов в Узбекистане // New university Economics & Law . — 2017. — № 11-12. — С. 26-30.

Тожиева З.Н. Ўзбекистон аҳолиси: ўсиши ва жойланиши (Монография). — Ташкент: “Фан ва технология”, 2010.

Убайдуллаева Р.А. Демографическое развитие Узбекистана в годы независимости. // Демографическое развитие республики Узбекистана в годы независимости: Докл. респ. научно-практ. конф. — Ташкент, 2011.

Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан No 106 «О совершенствовании методики учета незанятого населения, нуждающегося в трудоустройстве» от 24.05.2007 [Электронный ресурс]. URL: www.lex.uz

Информация об авторе

Акрамова Шахноза Ганишеровна (Республика Узбекистан, Ташкент) — научный сотрудник, Научно-исследовательский центр «Научные основы и проблемы развития экономики Узбекистана» при Ташкентском государственном экономическом университете (100003, г.Ташкент, ул. Ислама Каримова, д. 49 ; e- mail : shahnoza-tiu@mail.ru).

Akramova Sh. G.

REGIONAL FEATURES OF DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT OF THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN

The article discusses regional differences in demographic processes of administrative units of the Republic of Uzbekistan. The analysis is made on the basis of statistical data of the State Committee on Statistics of the Republic of Uzbekistan for the period 1991-2018.

Keywords: population, demographic processes, median age, age groups, fertility, mortality, natural increase.

Author

Akramova Shakhnoza Ganisherovna (Republic of Uzbekistan, Tahskent) — Researcher, Research Center “Scientific bases and problems of the development of the economy of Uzbekistan” under the Tashkent state university of economics (49, Islam Karimov, Tahskent, 100003, Uzbekistan; e-mail: shahnoza-tiu@mail.ru).

References

1. Akramova Sh.G. Features of the formation of labor resources in Uzbekistan // New university Economics & Law. — 2017. — No. 11-12. –P. 26-30.

2. Todjiyeva Z.N. Population of Uzbekistan: growth and resettlement (Monograph). — Tashkent: “Science and technology”, 2010.

3. Ubaydullaeva R.A. Demographic development of Uzbekistan in the years of independence. // Demographic development of the Republic of Uzbekistan in the years of independence. Report in republican scientific and practical conference. — Tashkent, 2011.

4. Resolution of the Cabinet of Ministers of the Republic of Uzbekistan No 106 “On the improvement of the accounting methodology for the unemployed population in need of employment” of 24.05.2007. URL: www.lex.uz

УДК 316.014

Альбрехт О.А., Тараданов А.А.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ СЕМЕЙНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ[1]

В статье использованы результаты проведенного авторами анкетирования и в городах Челябинской области. Цель статьи – показать значимость и влияние социально-экономических факторов на формирование семейного благополучия. Проанализированы уровень образования, занятость, уровень жизни семей.

Ключевые слова: социально-экономические факторы, семейное благополучие, занятость, образование, уровень жизни семьи, моногород.

Активное влияние социально-экономических факторов связано с развитием финансовой среды и западных стандартов жизни, которые продолжают активно воздействовать на рыночные отношения и менять ценностные ориентации у людей разного возраста. Растущее социальное неравенство и социальная дифференциация российского общества привели к появлению социальных групп и слоев, различающихся не только образом и укладом жизни, но и особенностями репродуктивного и брачного поведения. Важнейшими социальными последствиями изменений в отношениях собственности и формирования новой социальной структуры российского общества стали процессы социального расслоения семей. Для государства, общества и демографии самой радикальной реакцией семьи на изменения в социально-экономических условиях существования и растущей бедности остается решение, когда супруги откладывают рождение ребенка до лучших времен.

Социально-экономическое изучение семьи основывается на анализе ее базовых показателей (воспроизводство, брачность, детность, уровень жизни и др.) и реализации хозяйственно-экономической функции семьи. Стабильность и эффективность данных показателей сводится к понятию семейного благополучия.

В ракурсе социально-экономических проблем особую актуальность имеет тема семейного благополучия как критерия развития общества. Понятию семейного благополучия уделено мало научного внимания. «Семейное благополучие, как интегральная характеристика, связанная с социальным управлением, нуждается в активном социологическом изучении в условиях современного общества» [4, с. 316]. «Семейное благополучие представляет собой такие отношения элементов социальной структуры общества, в которых посредством семьи удовлетворяются потребности каждого из этих элементов (институтов, социальных групп, индивидов)» [6, с. 58].

С.Н. Бурова определяет семейное благополучие как «спокойную счастливую жизнь в семье и обеспеченность всем необходимым. Получение и

[1] © Альбрехт О.А., Тараданов А.А. Текст. 2019

наличие благ рассматривается как с материальной точки зрения, так и с точки зрения душевного спокойствия и эмоционально-психологического комфорта» [1, с. 108-109]. По ее мнению, уникальность семьи заключается в необходимости ощущения индивидом благ, которые могут дать семья и семейная жизнь. Но есть причины социального индивидуального уровня, которые либо не позволяют создать это благополучие, либо ломают уже имеющееся.

Семейное благополучие базируется на таких социально-экономических факторах, как занятость, уровень образования, материальное благосостояние, социально-экономический статус и др. Проведем анализ социально-экономических факторов семейного благополучия на основе результатов анкетного опроса 2015 года. В анкетировании принимали жители городов Магнитогорск (570 человек) и Карталы (198 человек) Челябинской области (N = 768). Половозрастной и брачный состав опрошенных распределился следующим образом: 67,4% женщин, 32,2% мужчин и 0,4% не указали свой пол, в возрасте старше 18 лет, состоящие в браке (официальном либо неофициальном (гражданском)) либо не состоящие в браке, но имеющие детей.

Предсказуемым результатом заключения брака (табл. 1) являются счастье, любовь и забота (77,6%) и естественно «продолжение рода» (46%). Третьим по значимости респонденты видят в браке материальное благополучие – 20,1%.

Таблица 1

Ожидания респондентов от брака

Варианты ответов на вопрос: «Что получает человек после вступления в брак?» (не более 3 вариантов)	Все опрошенные Челябинская обл.		Все опрошенные г. Магнитогорск		Все опрошенные г. Карталы	
	чел./ответов	%	чел./ответов	%	чел./ответов	%
Счастье, любовь и заботу	596	77,6	433	76,0	163	82,3
Независимость от родителей	106	13,8	80	14,0	26	13,1
Эмоциональное удовлетворение	125	16,3	102	17,9	23	11,6
Продолжение рода	353	46,0	279	48,9	74	37,4
Физиологическое удовлетворение	68	8,9	57	10,0	11	5,6
Материальное благополучие	154	20,1	130	22,8	24	12,1
Ничего	29	3,8	25	4,4	4	2,0
Проблемы	72	9,4	52	9,1	20	10,1
Затрудняюсь ответить	26	3,4	16	2,8	10	5,1
Другое	22	2,9	18	3,2	4	2,0
Не ответили	6	0,8	6	1,1	0	0,0
Всего	1557	202,7	1198	210,2	359	181,3

Таблица 2

Основная занятость семьи

Варианты ответов на вопрос: «Чем ваша семья занята в большей степени?» (не более 2 вариантов)	Все опрошенные Челябинская обл.		Все опрошенные г. Магнитогорск		Все опрошенные г. Карталы	
	чел./ответов	%	чел./ответов	%	чел./ответов	%
Домашним хозяйством (ремонт, работа в саду, уборка)	381	49,6	275	48,2	106	53,5
Карьерой и образованием	118	15,4	90	15,8	28	14,1
Детьми	319	41,5	260	45,6	59	29,8
Помощью родителям	90	11,7	69	12,1	21	10,6
Зарабатыванием и накоплением денег	198	25,8	147	25,8	51	25,8
Отдыхом	93	12,1	77	13,5	16	8,1
Другое	31	4,0	18	3,2	13	6,6
Не ответили	6	0,8	2	0,4	4	2,0
Всего	1236	160,9	938	164,6	298	150,5

Таблица 3

Основные ценности респондентов

Варианты ответов на вопрос: «Что сейчас для Вас является ценным и важным?» (не более 3 вариантов)	Все опрошенные Челябинская обл.		Все опрошенные г. Магнитогорск		Все опрошенные г. Карталы	
	чел./ответов	%	чел./ответов	%	чел./ответов	%
Семья	655	85,3	481	84,4	174	87,9
Друзья	102	13,3	80	14,0	22	11,1
Учеба	36	4,7	26	4,6	10	5,1
Работа	359	46,7	267	46,8	92	46,5
Свободное время	65	8,5	59	10,4	6	3,0
Религия	25	3,3	20	3,5	5	2,5
Материальное благополучие	344	44,8	257	45,1	87	43,9
Удовлетворение в любви, интимной жизни	100	13,0	80	14,0	20	10,1
Хобби (любимое занятие)	116	15,1	94	16,5	22	11,1
Другое	17	2,2	13	2,3	4	2,0
Всего	1819	236,8	1377	241,6	442	223,2

В рейтинге основных занятий семьи (табл. 2) «Зарабатывание и накопление денег» также стоит на третьем месте — 25,8%. Таким образом, в формировании и жизнеустройстве семьи социально-экономические аспекты являются значимыми и приоритетными.

Важность материального благополучия респонденты включили в лидирующие позиции — 44,8%, после семьи (85,3%) и работы (46,7%) (табл. 3). Проведенное социологическое исследование (2011 г.) в монопрофильном городе Серов Свердловской области подтверждает значимость экономического фактора: 76,2% заводчан в качестве важной жизненной ценности указали материальное благополучие [5, с. 94].

Половина респондентов (50,3%) трудятся в разных городских учреждениях (табл. 4). Но современная ситуация в моногородах такова, что муж, а часто и жена, трудятся на градообразующих предприятиях: 31,4% среди опрошенных. Занятость в организациях разной формы собственности влияет на уровень бюджета семьи. По мнению Т.Ю. Черкашиной, занятость на промышленных объектах повышает вероятность финансового лидерства женщины, по сравнению с работой в государственном учреждении. В промышленных городах преобладает статусный тип женского материального лидерства в семье, когда женщины получают достойную зарплату и заняты на более выгодных предприятиях. В других же городах преобладает компенсаторно-вынужденный тип — финансовое доминирование женщины обусловлено слабым экономическим положением мужа: от его низкой оплаты труда до отсутствия работы [7, с. 87].

По мнению Е.В. Сатыбалдиной, женщины чаще, чем мужчины (44,9% против 34,8%), причиной своей трудовой деятельности на заводе называют высокий заработок, ибо заработная плата в традиционно «женских» секторах эко-

Таблица 4

Занятость респондентов

Варианты ответов на вопрос: «Ваша занятость»	**Все опрошенные Челябинская обл.**		**Все опрошенные г. Магнитогорск**		**Все опрошенные г. Карталы**	
	чел./ответов	**%**	**чел./ответов**	**%**	**чел./ответов**	**%**
Работаю на градообразующем предприятии	241	31,4	211	37,0	30	15,2
Работаю в другом городском учреждении	386	50,3	259	45,4	127	64,1
ИП	29	3,8	18	3,2	11	5,6
Студент(ка)	19	2,5	16	2,8	3	1,5
Нахожусь в декретном отпуске	18	2,3	14	2,5	4	2,0
Домохозяин(ка)	25	3,3	15	2,6	10	5,1
Временно безработный	16	2,1	8	1,4	8	4,0
Другое	34	4,4	29	5,1	5	2,5
Всего	768	100,0	570	100,0	198	100,0

номики в провинциальном городе значительно ниже, чем на производстве. У 31,2% опрошенных женщин г. Серова зарплата является единственным финансовым средством, что характеризуется как нестабильное финансовое положение, которое обязывает женщин надеяться только на самих себя. Лидерство и финансовая независимость женщин также подтверждены данными, что 74,1% горожанок не перестали бы работать даже при условии достаточного дохода супруга [5, с. 95]. Можно предположить, что нежелание женщин-заводчанок переходить в статус домохозяек объясняется также потребностью в профессиональной социализации, карьерном и личностном росте.

Матерям и отцам, работающим на производстве, приходится часто сталкиваться с возникающими производственными трудностями, такими как: ранний утренний уход на работу по причине ее удаленности, график работы в ночное время и выходные дни, который не совпадает с режимом деятельности детского образовательного учреждения, негативное отношение работодателей к частым отпускам по уходу за больным, поэтому тяжело, а подчас даже невозможно воспитывать много детей. Из-за таких проблем семьи вынуждены регулировать деторождение и постоянно обращаться за помощью к своим родителям или прибегать к платным услугам нянь, что влияет на семейное благополучие.

Среди опрошенных горожан только более 9% не имеют профессионального образования (табл. 5). Это хорошие данные, характеризующие

Таблица 5

Образование респондентов

Варианты ответов на вопрос: «Ваше образование (или место учебы)?»	**Все опрошенные Челябинская обл.**		**Все опрошенные г. Магнитогорск**		**Все опрошенные г. Карталы**	
	чел./ответов	**%**	**чел./ответов**	**%**	**чел./ответов**	**%**
ВПО–технический профиль	189	24,6	148	26,0	41	20,7
ВПО–естественнонаучный профиль	45	5,9	27	4,7	18	9,1
ВПО–гуманитарный профиль	190	24,7	140	24,6	50	25,3
СПО–технический профиль	166	21,6	117	20,5	49	24,7
СПО–естественнонаучный профиль	17	2,2	12	2,1	5	2,5
СПО–гуманитарный профиль	29	3,8	22	3,9	7	3,5
НПО	53	6,9	47	8,2	6	3,0
Среднее полное	69	9,0	52	9,1	17	8,6
Неполное среднее	3	0,4	0	0,0	3	1,5
Не ответили	7	0,9	5	0,9	2	1,0
Всего	768	100,0	570	100,0	198	100,0

большинство занятых людей как работников с теоретической базой, с профессиональными навыками и компетенциями. Особенностью системы профессионального образования в моногородах является односторонняя подготовка высококвалифицированных специалистов в области градообразующей отрасли производства. По результатам опроса, в данных городах у половины опрошенных высшее профессиональное образование: 24,7% респондентов с гуманитарным профилем, 24,6% — с техническим профилем и 5,9% — с естественнонаучным образованием. Респондентов со средним профессиональным образованием — около 30%, но людей с таким дипломом становится меньше, потому что идет массовая тенденция к получению высшего образования, даже в зрелом возрасте. Конкурентным критерием на рабочее место кроме профессиональных знаний и умений выдвигается также и наличие высшего профессионального образования. Данное обстоятельство имеет положительное влияние на семейное благополучие. Во-первых, с повышением уровня образования повышается педагогическая, сексуальная и репродуктивная культура людей, во-вторых, повышается трудовая конкурентоспособность, что увеличивает бюджет семьи и дает меньшую вероятность остаться без работы, в-третьих, обучение и «получение диплома» расценивается молодыми как барьер, после преодоления которого только можно вступать в брак в более сознательном возрасте с уже полученной профессией, сформированными демографическими установками на семью. Но статистически давно доказано, что чем выше образовательный уровень матерей, тем меньше у них детей.

Уровень доходов населения, также как и образование, выступает социально-экономическим показателем. Степень социального развития города зависит от работы предприятий и материального и финансового положения населения. Социологические исследования в городе Магнитогорске показали, что у большинства горожан заработанная плата по основному месту работы является единственным и главным источником доходов. У магнитогорцев неактуально извлечение дополнительных финансовых средств [2]. Большинство (около 50%) занятых на предприятиях Магнитогорска живут «от зарплаты до зарплаты» и более 37% живут сносно. И только 7,3% опрошенных указали, что у них полный достаток. Тем не менее, даже среди работающих в городской металлургической промышленности встречаются те (5,3%), кто проживает за чертой бедности [3, с. 168]. Странно, что имея работу на престижном градообразующем предприятии, семьи моногорода финансово неблагополучны. Полное материальное благополучие есть только у 7,3% работников промышленных предприятий, и этот показатель даже не приближен к десятой части опрошенных.

Но сами респонденты оценивают уровень жизни своих семей в большей степени как средний — 72,7% (табл. 6). В данном анкетировании не было заявлено стандартизированных критериев оценивания, а акцент делался на субъективном восприятии финансового благополучия своей семьи.

Из этого следует, что социально-экономические факторы имеют значимость и влияние на семейное благополучие. Уровень жизни своих семей

Таблица 6

Уровень жизни семей респондентов

Варианты ответов на вопрос: «Оцените уровень жизни Вашей семьи»	Все опрошенные Челябинская обл.		Все опрошенные г. Магнитогорск		Все опрошенные г. Карталы	
	чел./ ответов	%	чел./ ответов	%	чел./ ответов	%
Ниже среднего	139	18,1	93	16,3	46	23,2
Средний	558	72,7	422	74,0	136	68,7
Выше среднего	57	7,4	41	7,2	16	8,1
Не ответили	14	1,8	14	2,5	0	0,0
Всего	768	100,0	570	100,0	198	100,0

большинством респондентов оценен как средний. Третья часть опрашиваемых занята на главных градообразующих объектах, что влияет и вносит коррективы в уклад и уровень жизни семьи. Основная доля респондентов имеет базовое профессиональное образование. Так, человек, имеющий высокий уровень знаний, тянется для создания семьи к подобному человеку. Получение диплома может отсрочить процесс заключения брака, рождения детей и др. Образованность повышает социальный и материальный статус семьянина. По значимости социально-экономические факторы занимают третье место в рейтингах жизненных ценностей.

Список источников

Бурова С.Н. Благополучие семьи как предмет социологического исследования (методологические основы изучения) // Социология. — 2009. — № 4.– С. 98-111.

Лаптев В.М. Магнитогорск: социально-демографические особенности супериндустриального промышленного города. // Чиновник.иара. ru [online]. — № 108(53) [Электронный ресурс]. URL: http://chinovnik.uapa.ru/ru/issue/2008/01/4/ (дата обращения: 18.05.2019).

Мустаева Ф.А. Семья и дети как объект социальной работы: монография. — Магнитогорск: МаГУ, 2009. — 313 с.

Сосновская Н.А. Восприятие семейного благополучия в современном белорусском обществе // Социологический альманах: научное издание / Национальная академия наук Беларуси, Институт социологии. — 2017. — Вып. 8. — С. 314-322.

Сытыбалдина Е.В. Семья в системе жизненных ценностей жителей среднего уральского города // Социологические исследования . — 2010. — № 7. — С. 90-95.

Тараданов А.А. Семейное благополучие в современной России: генезис и практика: дис. …д-ра социол. наук: 22.00.04 / Урал. акад. гос. службы. — Екатеринбург, 2004. — 302 с.

Черкашина Т.Ю. Экономические статусы супругов: внутрисемейная иерархия / под ред. Богомоловой. — Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2005. — 155 с.

Информация об авторах

Альбрехт Ольга Александровна (Россия, Магнитогорск) — специалист по УМР, ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический университет им. г.И. Носова», ИДПО МГТУ «Горизонт», e-mail: olga_albre@mail.ru

Тараданов Александр Ардалионович (Россия, Челябинск) — доктор социологических наук, профессор кафедры социальной работы и социологии, ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет», e-mail: taradanov@csu.ru

Albrecht O.A., Taradanov A.A.

SOCIO-ECONOMIC FACTORS OF FORMATION FAMILY WELL-BEING

The article uses the results of the survey by the authors in the cities of the Chelyabinsk region. The purpose of the article is to show the importance and influence of socio-economic factors on the formation of family well-being. The level of education, employment, living standards of families are analyzed.

Keywords: socio-economic factors, family well-being, employment, education, family standard of living, monotown.

Authors

Albrecht Olga Alexandrovna — specialist at UMR IDPO MSTU «Horizon», Nosov Magnitogorsk State Technical University, e-mail: olga_albre@mail.ru

Taradanov Alexander Ardalionovich — doctor of sociological Sciences, professor of the department of social work and sociology, Chelyabinsk state University, e-mail: taradanov@csu.ru

References

1. Burova S.N. The welfare of the family as a subject of sociological research (IU-topologicheskie foundations of the study) // Sociology. — 2009. — No. 4.– P. 98-111.

2. Laptev V.M. Magnitogorsk: socio-demographic features of the superindustrial city. // Official. Uara. EN [online]. — №108(53). Access mode. URL: http://chinovnik.uapa.ru/ru/issue/2008/01/4/ (accessed: 18.05.2019).

3. Mustaeva F.A. Family and children as an object of social work: monograph. — Magnitogorsk: Magu, 2009. — 313 p.

4. Sosnovskaya N.A. Perception of family well-being in modern Belarusian society // Sociological almanac: scientific publication / national Academy of Sciences of Belarus, Institute of sociology. — 2017. — Issue. 8. — P. 314-322.

5. Satybaldina E.B. The Family in the system of values of inhabitants of average Ural city // Sociological researches. — 2010. — No. 7. — P. 90-95.

6. Taradanov A.A. Family well-being in modern Russia: Genesis and practice: dis. d-RA SOC. Sciences: 22.00.04 / Ur.Acad. public service. — Yekaterinburg. 2004. — 302 p.

7. Cherkashina T.Y. Economic status of spouses: family hierarchy / Ed. Bogomolova. — Novosibirsk: publishing IEIE SB RAS, 2005. — 155 p.

УДК 339.9

Андреева Е.Л., Ратнер А.В., Кузнецова Д.Е.

СТИМУЛИРОВАНИЕ РЕАЛИЗАЦИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В РАМКАХ ПОДДЕРЖКИ МЕЖДУНАРОДНОЙ КООПЕРАЦИИ И ЭКСПОРТА[1]

Актуальность статьи обусловлена важностью задачи поддержки развития несырьевого экспорта, оптимального встраивания в глобальные цепочки создания стоимости, привлечения иностранных инвестиций в российскую экономику, и при этом большой ролью такого фактора, как человеческий капитал. Основная идея и цель исследования — выявить, в какой форме стимулирование развития и реализации человеческого капитала (т.е. институциональный фактор поддержки ВЭД в части поддержки реализации человеческого капитала) может содействовать развитию международной кооперации и экспорта. В существующих работах недостает комплексной систематизации институтов поддержки ВЭД, что побудило при помощи анализа разнообразия инструментов поддержки ВЭД и их обобщения (в качестве методов исследования) выявить ряд институциональных форм стимулирования ВЭД в части поддержки реализации человеческого капитала. Они относятся: к обучению начинающих экспортеров; к стимулированию развития экспортоориентированного предпринимательского потенциала на базе институтов поддержки предпринимательства; к стимулированию продуктивной бизнес-коммуникации через организацию международных мероприятий экономической направленности (приемов и визитов делегаций и бизнес-миссий, организации международных выставок и бизнес-форумов в регионе) и поддержку участия отечественных компаний в зарубежных выставках; к содействию подготовке кадрового потенциала, а именно, к содействию подготовке специалистов по производству конкурентоспособныхв мире товаров и специалистов по ВЭД; и к косвенному содействию повышению квалификации местных кадров через стимулирование привлечения иностранных производственных инвестиций и локализации на российской территории совместных производств. Результаты позволяют продвинуться в сторону комплексного видения влияния институционального фактора на ВЭД региона.

Ключевые слова: международная кооперация и экспорт, институциональный фактор ВЭД, поддержка ВЭД, реализация человеческого капитала, профессиональный потенциал, предпринимательский потенциал, стимулирование реализации потенциала

Задача развития несырьевого экспорта, оптимального встраивания в глобальные цепочки создания стоимости, привлечения иностранных инвестиций и передового производственного потенциала в реальный сектор отечественной экономики являются для российской экономики одними из важнейших. На федеральном уровне принят национальный проект «Международная кооперация и экспорт», направленный на решение этих задач.

[1] © Андреева Е.Л., Ратнер А.В., Кузнецова Д.Е. Текст. 2019

Очевидно, что на внешнеэкономическую деятельность (ВЭД) страны (региона), среди прочего, существенно влияет ее (его) человеческий капитал. Например, он отражает научно-технологический потенциал страны, влияющий на качество ее роли в глобальных цепочках создания стоимости [2]. Исследователями отмечается значимая роль реализации потенциала человеческого капитала в, например, ревитализации старопромышленных регионов (например, в США, где эта реализация осуществлялась в том числе за счет интеграции образования и производства [4, с. 82]). В частности, в случае ВЭД характеристики человеческого потенциала региона (то, как он готов воспринимать стимулирование ВЭД, а также его квалификационные («производительные») качества) влияют на успех поддержки для ВЭД, которую оказывает институциональный фактор. Институциональный фактор можно трактовать как фактор норм и правил, и, в особенности говоря о задачах развития экспорта и международной кооперации, целесообразно обратиться к такой компоненте этого фактора, как механизмы содействия. Они реализуются системой поддержки ВЭД, представленной целым рядом министерств, ведомств и других институтов содействия ВЭД федерального уровня, а также органами власти и другими институтами содействия регионального уровня.

В связи с высокой ролью человеческого капитала в развитии ВЭД представляется актуальным поставить цель выявить, в какой форме стимулирование развития и реализации человеческого капитала (т.е. институциональный фактор поддержки ВЭД в части поддержки реализации человеческого капитала) может содействовать развитию международной кооперации и экспорта. Анализ разнообразия инструментов поддержки ВЭД и их обобщение позволяют выявить ряд институциональных форм стимулирования ВЭД в части поддержки реализации человеческого капитала (рис.).

Так, исследователями отмечается актуальность обеспечения достаточного уровня готовности предпринимателей к экспортной деятельности [6, с. 12]. Возможность обучения начинающих экспортеров предусмотрена Региональным экспортным стандартом посредством создания в регионах образовательных площадок (в том числе с возможным привлечением Российского экспортного центра), в рамках которых предприниматели смогут получать знания по ряду тем (реализация экспортного проекта, государственная поддержка экспорта, маркетинг и др.).[1] Например, в Свердловской области обучение по международной деятельности проводится Областным фондом поддержки предпринимательств[2].

Исследователями также отмечается важность создания в регионах благоприятной деловой среды, благоприятного делового климата [1], т.е. способствующего раскрытию предпринимательского потенциала населения. Поддержка предпринимательства, в том числе инновационного, получает

[1] Региональный экспортный стандарт // Российский экспортный центр [сайт]. URL: https://www.exportcenter.ru/company/region_standard/ (обращение: 30.4.19).

[2] Развитие экспорта // СОФПП [Электронный ресурс]. URL: https://sofp.ru/vidy_podderjki/group/export/ (28.5.19).

достаточно широкое развитие. Принята Стратегия развития малого и среднего предпринимательства в РФ на период до 2030 г. Можно отметить, что стартапы, в том числе инновационные, поддерживаются «Сколково».

На региональном уровне действуют различные институты поддержки предпринимательства. Так, Галиевой М.Ш. приводится пример регионов Приволжского федерального округа, где действуют центры бизнес-инкубирования (например, в Республике Татарстан, Пермской, Самарской и Нижегородской (в том числе инновационные инкубаторы) областях), центры развития предпринимательства (например, в Пермском крае, Самарской области), институты гарантий (агентство в Нижегородской области и фонд - в Самарской) [3]. Фонды поддержки предпринимательства (например, в Свердловской области) позволяют получать займы на льготной основе.

В условиях глобальной конкуренции режим доминирования рынка производителя часто уступает место режиму рынка потребителя [5, с. 40], и экспортёрам приходится всё больше пользоваться своим «коммуникационным потенциалом» и имиджем. Стимулирование продуктивной деловой коммуникации с зарубежными контрагентами осуществляется в регионах через организацию международных мероприятий экономической направленности: приёмов и визитов официальных делегаций (на региональном уровне организуются министерством внешнеэкономических связей), в ходе которых заключаются договорённости об экономическом сотрудничестве между регионами и могут проводиться встречи с представителями профильных иностранных министерств; приемов и визитов бизнес-миссий (организуются Торгово-промышленной палатой), в ходе которых можно найти зарубежных бизнес-партнеров и провести первичные переговоры; международных выставок в регионе (выставки федерального уровня, как, например, «Иннопром» в Свердловской области, организуются Ми-

Рис. *Институциональный фактор поддержки ВЭД в части поддержки реализации человеческого капитала*

нистерством промышленности и торговли России при участии регионального правительства); международных бизнес-форумов, в ходе которых можно почувствовать деловую культуру и рыночную конъюнктуру страны контрагента. Содействие в поиске зарубежных бизнес-партнёров и обеспечении делового общения с ними (услуги перевода, переписки) может осуществлять Торгово-промышленная палата, а также торговые представительства России за рубежом (находятся в ведении Минпромторга России). Также осуществляется (на федеральном уровне) поддержка участия компаний региона в зарубежных выставках. В рамках содействия деловому общению, когда происходит реализация «коммуникационного потенциала» представителей отечественных предприятий-экспортеров, со стороны системы поддержки ВЭД осуществляется трансляция и распространение на них норм делового общения, делового этикета. Культура делового общения российских контрагентов (как «культурная составляющая» человеческого потенциала) вносит вклад в создание впечатления о стране (регионе) за рубежом, ее имиджа.

Большую роль играет содействие подготовке кадрового капитала. Представляется, что это содействие может быть подразделено на содействие подготовке специалистов по ВЭД, которую осуществляют вузы; и на содействие подготовке специалистов в сфере экспортоориентированных отраслей хозяйства, которые производят востребованные в мире конкурентоспособные товары. Здесь может оказываться содействие деятельности средних и высших учебных профессиональных заведений, относящихся по профилю к реальному сектору экономики, а также содействие организации прикладного образования. Кроме того, сотрудники самих институтов поддержки ВЭД не только получили соответствующее образование, но и периодически могут проходить повышение квалификации.

Также представляется, что содействие повышению квалификации местных кадров осуществляется через стимулирование привлечения иностранных производственных инвестиций и технологий, в том числе посредством инструментов стимулирования локализации зарубежного производственного потенциала на российской территории (например, специальный инвестиционный контракт). В соответствии с требованиями локализации, направленной на импортозамещение, но также и на развитие российской производственной базы, транснациональные компании задействуют местных, российских специалистов, обучая их современным технологиям.

Таким образом, анализ позволил выявить ряд институциональных форм стимулирования ВЭД в части поддержки реализации человеческого капитала. Они относятся к обучению экспортеров, стимулированию развития экспортоориентированного предпринимательского потенциала, стимулированию продуктивной бизнес-коммуникации, содействию подготовке производственных и внешнеэкономических специалистов, и к косвенному содействию повышению квалификации местных кадров через стимулирование локализации иностранных производств.

Благодарность

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских учёных — кандидатов наук МК-3463.2019.6.

Список источников

1. Абазиева К.Г., Гуденица О.В., Гончарова С.Н. Ключевые направления развития системы поддержки экспорта на региональном уровне // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. — 2019. — № 4 (107). — С. 23-28.

2. Андреева Е.Л., Татаркин А.И. Перспективы неоиндустриального развития России в условиях текущих сдвигов // Экономист. — 2016. — № 2. — С. 11-22.

3. Галиева М.Ш. Сравнительный анализ государственной инфраструктуры поддержки внешнеэкономической деятельности в регионах Приволжского федерального округа // Вектор экономики. — 2017. — № 5 (11). — Статья № 83.

4. Мальцев А.А., Мордвинова А.Э. Американская модель ревитализации старопромышленных регионов // Вестник РУДН. Серия: Экономика. — 2018. — Т. 26. — № 1. — С. 76-88. DOI: 10.22363/2313-2329-2018-26-1-76-88

5. Орлова г.А., Зеленюк А.Н., Савинов Ю.А., Тарановская Е.В. Государственная поддержка экспортеров // Российский внешнеэкономический вестник. — 2018. — № 3. — С. 33-45.

6. Спартак А.Н. Возможности российской экспортной экспансии и ее государственная поддержка // Российский внешнеэкономический вестник. — 2017. — № 5. — С. 3-18.

Информация об авторах

Андреева Елена Леонидовна (Россия, Екатеринбург) — доктор экономических наук; руководитель центра, ведущий научный сотрудник, Институт экономики УрО РАН; профессор, Уральский государственный экономический университет (620014, Россия, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: elenandr@mail.ru).

Ратнер Артем Витальевич (Россия, Екатеринбург) — кандидат экономических наук, научный сотрудник, Институт экономики УрО РАН (620014, Россия, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: aratner@inbox.ru).

Кузнецова Дарья Евгеньевна (Россия, Екатеринбург) — ведущий экономист, Институт экономики УрО РАН (620014, Россия, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: dk140516@mail.ru).

Andreeva E.L., Ratner A.V., Kuznetsova D.E.

STIMULATION OF REALIZATION OF HUMAN CAPITAL WITHIN SUPPORT OF INTERNATIONAL COOPERATION AND EXPORT

The relevance of the article is caused by importance of the problem of support of non-raw export development, optimum entering into global value creation chains, foreign investments attraction, and at that by a big role of human capital. Main idea and research objective: to reveal, in what form the stimulation of human capital development and realization (i.e. the institutional factor of foreign trade activity (FEA) support in a part of support of human capital realization) can assist development of international cooperation and export. Existing works have a shortage of complex systematization of FEA support institutes, what induced by means of analysis of the variety of instruments of FEA support and their generalization (as research methods) to reveal a number of institutional forms of FEA stimulation in part of support of human capital realization. They belong: to exporters' training; to stimulation of development of export-oriented enterprise potential; to stimulation of productive business communication through organization of international measures of economic orientation (receptions and visits

of delegations and business missions, organization of international exhibitions and business forums in region) and support of domestic companies' participation in foreign exhibitions; to assistance to staff potential's training, namely, to assistance to training of specialists on internationally competitive goods' production and of foreign trade specialists; to indirect assistance to professional development of local staff through stimulation of attraction of foreign production investments and foreign production localization. The results allow to move towards complex vision of institutional factor influence on region's FEA.

Keywords: international cooperation and export, institutional factor of FEA (foreign trade activity), FEA support, human capital realization, professional potential, entrepreneurial potential, stimulation of potential's realization

Authors

Andreeva Elena Leonidovna — Doctor of Economics, Professor; Head of the Center, Leading Research Associate, Institute of Economics of the Ural branch of the Russian Academy of Sciences; Professor at the Ural state university of economics (620014, Russia, Ekaterinburg, Moskovskaya str., 29; e-mail: elenandr@mail.ru).

Ratner Artem Vitalyevich — Candidate of Economics, Research Associate, Institute of Economics of the Ural branch of the Russian Academy of Sciences (620014, Russia, Ekaterinburg, Moskovskaya str., 29; e-mail: aratner@inbox.ru).

Kuznetsova Darya Evgenyevna — Leading Economist, Institute of Economics of the Ural branch of the Russian Academy of Sciences (620014, Russia, Ekaterinburg, Moskovskaya str., 29; e-mail: dk140516@mail.ru).

References

1. Abazieva K.G., Gudenitsa O.V., Goncharova S.N. Klyuchevye napravleniya razvitiya sistemy podderzhki eksporta na regional'nom urovne [Key directions of development of the system of export support on regional level] // *Nauka i obrazovanie: khozyaystvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie [Science and eductaion: economy and economics; entrepreneurship; law and governing]*. — 2019. — Issue 4 (107). — P. 23-28. (In Russ.)

2. Andreeva E.L., Tatarkin A.I. Perspektivy neoindustrial'nogo razvitiya Rossii v usloviyakh tekushchikh sdvigov [Perspectives of neo-industrial development of Russian in terms of current shifts] // *Ekonomist [Economist] (Russia)*. — 2016. — Issue 2. — P. 11-22.

3. Galieva M. Sh. Sravnitel'nyy analiz gosudarstvennoy infrastruktury podderzhki vneshneekonomicheskoy deyatel'nosti v regionakh Privolzhskogo federal'nogo okruga [Comparative analysis of state infrastructure of support of foreign economic activity in regions of Volga federal district] // *Vektor ekonomiki [Vector of economics]*. — 2017. — Issue 5 (11). — Article 83. (In Russ.)

4. Maltsev A.A., Mordvinova A.E. Amerikanskaya model' revitalizatsii staropromyshlennykh regionov [American model of industrial areas revitalization] // *Vestnik RUDN. Seriya: Ekonomika [RUDN Journal of Economics]*. — 2018. — Issue 26 (1). — P. 76-88. DOI: 10.22363/2313-2329-2018-26-1-76

5. Orlova G.A., Zelenjuk A.N., Savinov Yu.A., Taranovskaja E.V. Gosudarstvennaya podderzhka eksporterov [State support of exporters] // *Rossiyskiy vneshneekonomicheskiy vestnik [Russian foreign economic journal]*. — 2018. — Issue 3. — P. 33-45.

6. Spartak A.N. Vozmozhnosti rossiyskoy eksportnoy ekspansii i ee gosudarstvennaya podderzhka [Prospects for Russia's export expansion and its state support] // *Rossiyskiy vneshneekonomicheskiy vestnik [Russian foreign economic journal]*. — 2017. — Issue 5. — P. 3-18.

УДК 316.443

Апахова В. М., Ваторопин А. С.

ЖЕНСКИЙ ПЕРСОНАЛ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ В РОССИИ: ОСНОВНЫЕ ФУНКЦИИ И ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ[1]

В статье рассматривается проблема использования женского персонала в исправительных учреждениях. Выявляются его функции и особенности трудовой деятельности. Подчеркивается необходимость гендерной дифференциации персонала в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, исправительные учреждения, женский персонал исправительных учреждений, функции женского персонала.

В настоящее время в исправительных учреждениях в России недостаточно используется женский персонал при взаимодействии со спецконтингентом, что снижает потенциальную эффективность деятельности учреждения при реализации своих функций.

Исправительные учреждения регулярно проводят процедуры, связанные с безопасностью осужденных и персонала, которые требуют участия женского кадрового состава. Например, обыск осужденных женщин, по международным нормам, не может проводиться лицами мужского пола, так как при проведении данной процедуры необходимо проявление чуткости и уважения к достоинству личности, а также соблюдение этического контекста [3, с. 61].

Но проведение досмотров и обысков является не единственной функцией, присущей женскому персоналу исправительных учреждений, что требует дополнительной его подготовки. К таким функциям можно отнести:

– содержание домов ребенка при исправительных учреждениях;

– развитие трудовой составляющей исправительных учреждений;

– развитие воспитательной составляющей исправительных учреждений;

– развитие культурно-досуговой и спортивной сфер в исправительных учреждениях.

Указанные функции необходимы для успешной ресоциализации осужденных после возвращения их из мест заключения. Кроме того, женский персонал способствует созданию необходимых и приемлемых условий жизнедеятельности для женщин-заключенных при отбывании ими срока в учреждениях, исполняющих наказания.

Если говорить об особенностях использования женского персонала в уголовно-исполнительной системе, то можно отметить следующие:

1. Дифференциация трудовой деятельности по гендерному признаку — исправительные учреждения должны, по нашему мнению, использовать женский персонал, в первую очередь, при развитии культурного уровня

[1] © Апахова В.В., Ваторопин А.С. Текст. 2019

осужденных. Правда, применение творческого подхода к трудовой деятельности в исправительных учреждениях весьма ограничено спецификой уголовно-исполнительной системы. Но активизация женского персонала в данной сфере может повысить качество и количество культурно-досуговых мероприятий, проводящихся для спецконтингента в рамках осуществления воспитательной функции.

Культурная составляющая крайне необходима для безболезненного возвращения осужденного в общество после окончания срока и выхода из исправительного учреждения. Также данный аспект позволяет проводить работы в области профилактики и предупреждения рецидивов.

2. Необходимо расширение границ личной ответственности сотрудников-женщин в исправительных учреждениях. Для реализации исправительной функции учреждений персоналу необходимо обладать высоким личным потенциалом. Особенно при взаимодействии со сложными группами осужденных женского пола. При наличии и постоянном развитии потенциала женского персонала учреждение может уделять особое внимание потребностям женщин-осужденных. Этот подход требует внутреннего понимания социальных и психологических потребностей последних и, соответственно, надлежащего управления ими. В результате становятся возможными предупреждение и профилактика внешне скрытых причин неадекватного поведения спецконтингента.

Все вышеизложенное в полной мере относится и к исправительным центрам. В связи с этим отметим, что сегодня можно говорить о повышении эффективности применения альтернативных лишению свободы наказаний — в Российской Федерации за последние несколько лет сократилось количество осужденных женщин, содержащихся в исправительных учреждениях. В 2016 году количество осужденных женщин составило 39,5 тыс. человек, в 2017 году — 38 тыс. человек, в 2018 году — 35,6 тыс. человек. При этом рост преступности среди женщин увеличивался: в 2016 году он составил 14,6%, в 2017 году — 15,75%, в 2018 году — 16,0%. То есть данные статистики свидетельствуют об увеличении уровня женской преступности при сокращении общей численности содержащихся в исправительных учреждениях, что как раз характеризует повышение использования альтернативных методов наказания. Эти методы, чаще всего, предполагают исправительные и принудительные работы, которые и реализуются исправительными центрами [1, с. 47].

Очевидно, что в исправительных центрах также должен использоваться женский персонал, желательно имеющий опыт работы в исправительных учреждениях. Это необходимо для трудовой дифференциации при распределении осужденных женщин для подходящего вида трудовой деятельности с учетом специфики женского труда и ориентации на корреляцию трудовой функции с воспитательным воздействием.

При рассмотрении проблемы использования женского персонала в исправительных учреждениях, на наш взгляд, особое внимание следует уделить дифференциации управленческого воздействия на женщин-подчи-

ненных. Как отмечают ученые Уральского института управления РАНХиГС, в Российской Федерации доминируют установки на жесткий стиль управления, и это становится отталкивающим фактором при привлечении женского персонала к работе в данной системе [2, с. 153]. При этом управленческое воздействие на определенные группы персонала не должно ущемлять права других категорий работников, что предполагает невозможность смягчения управленческих требований к женскому персоналу. Другими словами, необходим поиск адекватных мер воздействия на женский персонал с учетом имеющихся гендерных различий работников.

Таким образом, можно сделать вывод о необходимости использования потенциала женского персонала исправительных учреждений для повышения эффективности их работы. При этом следует учитывать особенности его использования, в том числе четко определить функционал данной группы работников исправительных учреждений.

Список источников

1. Грушин Ф. В. Альтернативные наказания в Российской Федерации: тенденции развития // Вестник Томского государственного университета. Право. — 2014. — № 2 (12). — С. 47-51.

2. Чевтаева Н. г., Качанова Е. А., Никитина А. С. «Мягкие» и «жесткие» стратегии социального контроля наркопотребления // Социологические исследования. — 2018. — № 11. — С. 152-156.

3. Andrew Coyle. A human rights approach to prison management // International Centre for Prison Studies. Handbook for prison staff. Second edition. — London, 2009. — 167 p.

Информация об авторах

Апахова Валентина Максимовна (Россия, Екатеринбург) — аспирант, Уральский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66, e-mail: apahova.valentina@gmail.com)

Ваторопин Александр Сергеевич (Россия, Екатеринбург) — доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и социологии управления, Уральский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66, e-mail: asvatoropin@gmail.com)

Apakhova V. M., Vatoropin A. S.

FEMALE CORRECTIONAL STAFF IN RUSSIA: MAIN FEATURES AND PECULIARITIES OF USE

The article deals with the problem of the use of female staff in correctional institutions. Its functions and features of labor activity are revealed. The necessity of gender differentiation of personnel in the penitentiary system of the Russian Federation is emphasized.

Keywords: penal system, correctional facilities, female correctional staff, the function of the female staff.

Authors

Apakhova Valentina Maksimovna (Russia, Ekaterinburg) — post graduate student, Ural institute of management, branch of The Russian presidential academy of national economy and

public administration, 620144, 8 Marta Street, 66, Ekaterinburg, e-mail: apahova.valentina@gmail.com).

Vatoropin Alexander Sergeevich (Russia, Ekaterinburg) — doctor of sociology, associate professor, head of the Department of theory and sociology of management, Ural institute of management, branch of The Russian presidential academy of national economy and public administration (620144, 8 Marta Street, 66, Ekaterinburg, e-mail: asvatoropin@gmail.com).

References

1. Grushin F. V. Alternative punishments in the Russian Federation: tendencies of development // Bulletin of Tomsk state University. Law. — 2014. — № 2 (12). — P. 47-51.

2. Chevtaeva N. G., Kachanova E. A., Nikitina A. S. «Soft» and «hard» strategies of social control of drug use // Sociological research. — 2018. — № 11. — P. 152-156.

3. Andrew Coyle. A human rights approach to prison management // International Centre for Prison Studies. Handbook for prison staff. Second edition. — London, 2009. — 167 p.

УДК 314.17, 365.2, 332.85

Бурдяк А. Я.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ВЕКТОР ЖИЛИЩНЫХ ПРОГРАММ[1]

Создание благоприятных условий для семей с детьми, расширение их возможностей и поддержка при улучшении жилищных условий позволят преодолеть целый ряд сложившихся негативных трендов, среди которых снижение рождаемости, сокращение объемов жилищного строительства в условиях дефицита жилья и стареющего жилищного фонда. В статье показана значимость стесненных жилищных условий как барьера к рождению ребенка. Продемонстрирован масштаб влияния программы материнского капитала на принятие решения о рождении детей. Описано актуальное состояние программ, работающих на стыке двух приоритетных направлений государственной политики — демографического развития и жилищной обеспеченности населения. Это материнский капитал, льготная ипотека под 6% годовых для семей, родивших второго и последующих детей, законодательное закрепление права на ипотечные каникулы и другие инициативы. Работа основана на анализе законодательства, официальных документов, статистических итогов массовых выборочных обследований населения.

Ключевые слова: жилье, демография, материнский капитал, семьи с детьми, ипотечное кредитование

Демография и жилищная обеспеченность населения входят в число активных приоритетных направлений государственной политики России с середины 2000-х годов. Объективные обстоятельства последних лет таковы, что страна вступила в полосу резкого снижения рождаемости [1, с. 117-145], а построенный в большей части в советское время жилищный фонд стареет, будучи недостаточным для того, чтобы по числу квадратных метров на человека соответствовать уровню европейских стран [1, с. 328-335]. Среди целей жилищной политики — увеличение объемов жилищного строительства, развитие ипотечного кредитования и повышение доступности приобретения жилья для населения. По сравнению с ситуацией 2004 г. (до начала активной работы по достижению этих целей) здесь наблюдается значительный прогресс [4, с. 39-58], однако в 2018 г. по причине дефицита инвестиций объем ввода жилья сократился на 5% к предыдущему году и на 12% по сравнению с 2015 г. [3, с. 66]. Для ипотечного кредитования 2018 год был рекордно хорошим, однако с ноября ставки по кредитам пошли вверх, и рост жилищного кредитования приостановился [3, с. 19].

В области демографии официальная статистика свидетельствует о том, что на текущий момент число рождений продолжает сокращаться[2]. Среди

[1] © Бурдяк А.Я. Текст. 2019

[2] ЕМИСС, оперативная статистика Росстата [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/

помех к рождению желаемого числа детей в 2009 г. жилищные трудности называли 33% женщин и 36% мужчин[1]. В 2012 г.[2] значимость жилищных условий как барьера к деторождению возросла до 55-60% тех, кто хотел бы иметь больше детей, но не может себе этого позволить. В том же году стимулирующий эффект программы материнского капитала[3] на решение родить еще одного ребенка респонденты детородных возрастов оценивали на самый высокий балл среди мер демографической политики — 3,45 (мужчины) и 3,87 балла (женщины) по 5-балльной шкале. Предоставление льготных жилищных кредитов молодой семье заняло в данном рейтинге второе место, получив 3,35 и 3,63 балла по мнению мужчин и женщин, соответственно.

Молодые семьи и семьи с детьми — самые уязвимые категории с точки зрения стесненности жилищных условий [2], и проблема нехватки жилья продолжает играть одну из ключевых ролей при принятии решения о ребенке. В 2017 г. на жилищные трудности, как обстоятельство, влияющее на рождение детей, сослались 45% тех, у кого планируемое число детей меньше желаемого[4]. Среди респондентов, которые собираются иметь еще детей, но позже, через два года и более, 57% назвали жилищные трудности и отсутствие собственного жилья фактором откладывания рождения. Оценивая степень влияния мер государственной поддержки, 20% опрошенных отмечали, что предоставление «материнского (семейного) капитала» сильно или очень сильно повлияло на их личное решение иметь большее число детей.

Среди целей использования материнского капитала, размер которого составляет на текущий момент 453 026 руб., доминирует жилье: 80% подававших заявление на выдачу государственного сертификата на материнский (семейный) капитал[5], направили (или собираются направить) его средства на улучшение жилищных условий. Таким образом, программа материнского капитала работает на стыке двух Национальных проектов — «Демография» и «Жилье и городская среда». В 2019 г. в программу внесены важные изменения. Для пресечения имеющихся на практике злоупотреблений и мошенничества, в результа-

[1] Краткие итоги выборочного обследования «Семья и рождаемость» / Росстат. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/2010/family.htm

[2] Краткие итоги выборочного статистического наблюдения репродуктивных планов населения в 2012 г. / Росстат [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/publish/prezent/videoprezent/reprod_rus.mp4

[3] В целях сохранения позитивных демографических тенденций в стране действие Федерального закона от 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» продлено до 31 декабря 2021 г. включительно (Федеральный закон от 28 декабря 2017 г. №432-ФЗ).

[4] Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения за 2017 г. / Росстат, N= 15 тыс. домохозяйств.

[5] Комплексное наблюдение условий жизни населения за 2016 г. / Росстат, N= 60 тыс. домохозяйств. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/KOUZ16/index.html

те которых средства материнского капитала не расходуются на цели, предусмотренные законодательством, с одной стороны, уточнен список документов[1], обязательных для направления средств материнского капитала на улучшение жилищных условий. С другой стороны, расширен список оснований для отказа гражданам, имеющим право на получение средств материнского (семейного) капитала, в распоряжении этими средствами.

Во-первых, уточнены характеристики кредитных организаций. Возможность использования средств материнского капитала для погашения обязательств по договорам займа на приобретение или строительство жилого помещения сохраняется только при условии, если такие договоры заключены с кредитными организациями, кредитными потребительскими кооперативами, которые подконтрольны Банку России, а также АО «ДОМ.РФ», и действующими не менее трех лет сельскохозяйственными кредитными потребительскими кооперативами. Во-вторых, теперь запрещено вкладывать материнский капитал в аварийное жилье, непригодное для проживания, подлежащее сносу или реконструкции. Пенсионный фонд и его территориальные органы будут направлять запросы об отсутствии или наличии такой информации в органы местного самоуправления, государственного жилищного надзора, муниципального жилищного контроля.

Важная мера поддержки многодетных семей, которые платят ипотеку, была озвучена в Послании Президента Федеральному Собранию[2] — это выплата многодетным семьям, в которых после 1 января 2019 г. родился третий или последующие дети, из федерального бюджета по 450 тыс. рублей в счет погашения ипотечного кредита. На данный момент идет проработка закона[3] в министерствах — Минфине России, Минтруде России, Минстрое и Минюсте России. Как видно из формулировки, закон будет иметь обратную силу, давая право на такую выплату по случаю рождения третьего и последующих детей с начала 2019 года.

Еще одно нововведение, направленное на устойчивость ипотеки, — ипотечные каникулы. Возможность пересмотра условий кредитного договора и получения заемщиком некоторых уступок в случае возникновения у него финансовых затруднений и сложностей с выплатами существовала и раньше, однако такая реструктуризация выступала предметом переговоров заемщика с банком и достигалась в результате длительных согласова-

[1] Федеральный закон от 18 марта 2019 года № 37-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» / Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: http://www.pravo.gov.ru.

[2] Послание Президента Федеральному Собранию от 20.02.2019 / Сайт Президента России [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/59863

[3] Поручение номер 15 из Поручений Д.А. Медведева по итогам обсуждения в Государственной Думе отчёта Правительства о результатах работы в 2018 году. 25 апреля 2019 / Правительство РФ [Электронный ресурс]. URL: http://government.ru/

тельных процедур. Принятый 1 мая 2019 г. закон[1] максимально упрощает процедуру получения ипотечных каникул, предлагая четкий перечень правил и документов, на основании которых заемщик получает практически безусловное право на 6-месячный период каникул по ипотечным платежам за единственное свое жилье в случае возникновения у него трудной жизненной ситуации.

Под трудной жизненной ситуацией здесь понимаются: снижение доходов заемщика в результате потери работы (с регистрацией в качестве безработного в службе занятости без заработков), болезни и длительной (более 2 месяцев) нетрудоспособности, инвалидности (назначение I или II группы инвалидности заемщику). Также основанием для ипотечных каникул выступает снижение доходов заемщика (вместе с созаемщиками) на 30% и более, в результате которого платежи по ипотеке стали превышать 50% его доходов — в данном случае сравниваются доходы за последние два месяца перед обращением за каникулами с ситуацией предыдущего года (12 месяцев). Еще одно обстоятельство, которое дает право на каникулы, — это рост у заемщика числа иждивенцев (несовершеннолетних детей, инвалидов I или II группы) с одновременным снижением его доходов на 20% по сравнению с ситуацией на момент заключения кредитного договора, в результате которого платежи по ипотеке стали превышать 40% его доходов. Так как подавляющее большинство заемщиков ипотеки — это семьи с детьми и молодые семьи, а перечисленные выше ситуации включают в себя рост кредитной нагрузки при рождении детей, ипотечные каникулы позволят смягчить финансовые трудности для данной категории домашних хозяйств, при этом избавляя банки от появления просроченных кредитов вследствие рождения детей.

Подчеркнем, что в перечисленных случаях закон обязывает банки предоставлять ипотечные каникулы только на основании заявления заемщика и сопровождающих документов, подтверждающих трудность жизненной ситуации. Каникулы предоставляются всего один раз на протяжении срока ипотечного кредита; по желанию заемщика они могут быть меньше шести месяцев в случае восстановления его платежеспособности. По процедуре срок кредита автоматически пролонгируется, соответствующие суммы, на которые уменьшаются платежи по ипотеке в течение каникул, нужно будет выплатить в обычном порядке по окончании первоначального срока возврата кредита. Для банков важно, что предоставление ипотечных каникул не ухудшает качество кредита и позволяет не увеличивать размер формируемых резервов на возможные потери по таким ссудам, как это делается по просроченным кредитам. С точки зрения статистического учета данное нововведение выводит часть просроченных кредитов из разряда таковых,

[1] Федеральный закон от 01.05.2019 № 76-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части особенностей изменения условий кредитного договора, договора займа, которые заключены с заемщиком — физическим лицом в целях, не связанных с осуществлением им предпринимательской деятельности, и обязательства заемщика по которым обеспечены ипотекой, по требованию заемщика».

однако статистика Центрального банка РФ о просроченных на 90 дней и более платежах по ипотечным кредитам с 01.02.2019 в открытом доступе больше не публикуется[1], поэтому и разночтений в ней не будет. Закон вступит в силу через 90 дней после официального опубликования.

Достаточно новая мера, направленная на повышение рождаемости, — предоставление права на льготную ставку по ипотеке («детская ипотека»). Программа субсидирования жилищных (ипотечных) кредитов (займов), предоставленных гражданам Российской Федерации, имеющим детей, была запущена в 2018 г. и на данный момент уже проработала один год из пяти, заложенных в документе. С ее помощью семьи родившие начиная с 1 января 2018 г. и не позднее 31 декабря 2022 г. второго, третьего и последующих детей имеют возможность взять ипотеку на жилье в новостройках под 6% годовых или рефинансировать под такую ставку кредит на покупку жилья на первичном рынке, взятый ранее.

Программой в ее первоначальной редакции был предусмотрен трехлетний, пятилетний или восьмилетний периоды действия 6-процентной ставки для семей, в которых в 2018-2022 гг. родится, соответственно, второй, третий или еще двое детей вдобавок к уже имеющемуся ребенку. Однако в апреле 2019 г. вступили в силу изменения Программы[2], снявшие ограничение по сроку, — теперь для заемщиков, родивших второго и последующих детей, льготная ставка 6% устанавливается до конца срока ипотечного кредита.

Следует отметить еще одно важное изменение в Программе «детской ипотеки», которое начало действовать в этом году. Граждане Российской Федерации, проживающие на территории Дальневосточного федерального округа и приобретающие жилое помещение на указанной территории, при рождении у них начиная с 1 января 2019 г. и не позднее 31 декабря 2022 г. второго ребенка и (или) последующих детей, являющихся гражданами Российской Федерации, получают право на ипотеку по ставке 5 процентов годовых на весь срок кредита (займа) при покупке у юридического или физического лица на вторичном рынке жилья готового жилого помещения или жилого помещения с земельным участком, расположенных в сельских поселениях на территории Дальневосточного федерального округа. Таким образом, вдобавок к общефедеральной программе «детской» ипотеки на новостройки по ставке 6% годовых, при рождении вторых и последующих

[1] Показатели рынка жилищного (ипотечного жилищного) кредитования / ЦБ РФ [Электронный ресурс]. URL: https://www.cbr.ru/statistics/pdko/mortgage/

[2] Постановление Правительства РФ от 30.12.2017 № 1711 (ред. от 28.03.2019) «Об утверждении Правил предоставления субсидий из федерального бюджета российским кредитным организациям и акционерному обществу «ДОМ.РФ» на возмещение недополученных доходов по выданным (приобретенным) жилищным (ипотечным) кредитам (займам), предоставленным гражданам Российской Федерации, имеющим детей» // Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс. Изменения от 28.03.2019 вступили в силу 13.04.2019 / Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. URL: http://www.pravo.gov.ru.

детей семьи ДВФО получают право на ипотечный кредит для покупки сельского жилья на вторичном рынке под 5% годовых.

Итогом первого года действия программы (февраль — декабрь 2018 г.) стали 4446 ипотечных кредитов, выданных семьям, родившим 4556 детей, среди которых 3566 чел. были вторыми по счету детьми в семье, и 990 — третьими или последующими по очередности детьми (78,3 и 21,7%, соответственно). Стартовый год не мог дать высоких количественных показателей по определению, так как семьи, решившиеся на рождение ребенка в ответ на демографическую инициативу политики, еще не успели реализовать свое намерение. Первый квартал 2019 г.[1] показал значительный прирост участников программы детской ипотеки: количество кредитов выросло на 84% к декабрьским итогам, в том числе на 59% стало больше рефинансированных кредитов и на 101% увеличилось число новых «детских ипотек». Нарастающим итогом с февраля 2018 г. по март 2019 г. было выдано 8199 льготных ипотечных кредитов, при этом в семьях, получивших право на льготную ипотеку, родилось 8250 детей, в том числе 6339 чел. — это вторые дети (76,8%) и 1911 чел. — третьи и дальнейшие по очередности. Если принимать во внимание, что за весь 2018 г. российское население взяло 1,47 млн ипотечных займов, то детская ипотека составляет менее 0,6% по количеству. Однако цель программы состоит в поддержке семей с детьми, рождаемости и жилищного строительства. Средний размер кредита, предоставленного по программе, — 2,4 млн руб., следовательно, на текущий момент совокупный объем кредитов, предоставленных с февраля 2018 г. по март 2019 г., — около 20 млрд рублей, что составляет 1/30 от объема, предусмотренного Программой семьям, родившим детей на эти пять лет (общая сумма кредитов не более 600 млрд рублей).

Подводя итог, отметим, что меры поддержки семей с детьми, направленные на помощь при улучшении жилищных условий, играют значительную роль, мотивирующую семьи к рождению второго ребенка и последующих детей. Материнский капитал, льготная ипотека создают на рынке жилья преференции для данной категории семей, испытывающей значительный дефицит в жилье.

Список источников

Аганбегян А.Г. О приоритетах социальной политики. — М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018. — 512 с.

Бурдяк А.Я. Обеспеченность жильем в постсоветской России: неравенство и проблема поколений // Журнал исследований социальной политики. — 2015. — Т. 13. — № 2. — С. 273–288.

Ежемесячный мониторинг социально-экономического положения и самочувствия населения: 2015 г. — март 2019 г. / Российская академия народного хозяйства и государственной

[1] Информация о выданных (приобретенных) жилищных (ипотечных) кредитах (займах) гражданам Российской Федерации, имеющим детей и размере субсидии, предоставленной на возмещение недополученных доходов, нарастающим итогом с 2018 по 2019 год от 26.04.2019 г. / Минфин России. [Электронный ресурс]. URL: https://www.minfin.ru/

службы при Президенте Российской Федерации / под ред. Т.М. Малевой. 2019 [Электронный ресурс]. URL: https://www.ranepa.ru/social/informatsionno-analiticheskij-byulleten

Косарева Н.Б., Полиди Т.Д., Пузанов А.С. Жилищная политика и экономика в России: результаты и стратегия развития. — М.: НИУ ВШЭ, 2015. — 387 с.

Информация об авторе

Бурдяк Александра Ярославовна (Россия, Москва) — старший научный сотрудник, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Институт социального анализа и прогнозирования (119034, г. Москва, Пречистенская наб. д. 11, стр.1, каб. 309, e-mail aleksandra.burdyak@gmail.com).

Burdyak A. Ya.

DEMOGRAPHIC VECTOR OF HOUSING PROGRAMS

Favoring families with children in their housing improvements will help to overcome a number of negative current trends, such as a decline in fertility, a reduction in housing construction in the face of housing shortages and housing stock ageing. It is shown that cramped living conditions often serve as a barrier to the new birth. On the contrary, the maternity capital program has positive impact on the family decision to have one more child. We describe policy programs running on the edge of demographic development and housing priorities. These are maternity capital, preferential mortgage for families with new-born second or subsequent children, the right to mortgage holidays and other legislative initiatives. The work is based on the analysis of legislation, official documents, and statistics of mass surveys of the population.

Keywords. Housing, demography, maternity capital, families with children, mortgage lending

Author

Burdyak Aleksandra Ya. (Moscow, Russia) — Senior Researcher of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; e-mail: aleksandra.burdyak@gmail.com

References

Aganbegyan A. G. O prioritetah social'noj politiki [On the priorities of social policy] / Moskva: Izdatel'skij dom «Delo» RANHiGS, 2018. — 512 p. — M.: Publishing house «Delo» RANEPA, 2018. [In Russian]

Burdyak A. Obespechennost' zhil'em v postsovetskoj Rossii: neravenstvo i problema pokolenij [Housing in Post-Soviet Russia: Inequality and the Problem of Generations] // The Journal of Social Policy Studies. — 2015. — Vol. 13. — No. 2. — P. 273–288 [Электронный ресурс]. URL: http://jsps.hse.ru/en/2015-13-2/152212008.html [In Russian]

Ezhemesyachnyj monitoring social'no-ekonomicheskogo polozheniya i samochuvstviya naseleniya: 2015 g. — mart 2019 g. [Monthly monitoring of socio-economic situation and well-being of the population: 2015 — March 2019] / Russian Academy of national economy and public administration under the President of the Russian Federation; ed. T. M. Maleva. 2019. [In Russian] [Элктронный ресурс]. URL: https://www.ranepa.ru/social/informatsionno-analiticheskij-byulleten

Kosareva N. B., Polidi T. D., Puzanov A. S. Zhilishchnaya politika i ekonomika v Rossii: rezul'taty i strategiya razvitiya [Housing policy and economy in Russia: results and development strategy]. M.: HSE. 2015. — 387 p. [In Russian]

УДК 331.101.262: 316.365.2

Быкова Д.Г., Багирова А.П.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИНФОРМАЦИОННАЯ ПОДДЕРЖКА СЕМЬИ В РЕГИОНАХ С ВЫСОКОЙ РОЖДАЕМОСТЬЮ[1]

Демографическая ситуация в Республике Тыва характеризуетсяя высоким уровнем рождаемости и естественного прироста населения. В статье рассмотрен опыт Агентства по делам семьи и детей Республики Тыва по продвижению образа родительства в социальных сетях.

Ключевые слова: родительство, рождаемость, социальные сети, продвижение, Республика Тыва, Свердловская область.

В современном обществе информация стала одним из главных ресурсов, и с каждым днем растет число людей, которые все чаще и продолжительнее используют информационные технологии в своей повседневной деятельности. В 2017 году численность пользователей Интернета в России составила 90 млн человек, или 73% населения страны [4, с. 20]. Цифровизация приводит к замещению привычных форм общения, а также к получению, распространению и передаче информации в онлайн-формате. Так, интернет-издания активно вытесняют классические СМИ благодаря оперативности и доступности данных, а общение между людьми все чаще осуществляется с помощью социальных сетей и электронных сервисов. Переход к интернет-коммуникациям кардинально изменил механизмы получения, восприятия и обработки информации, что, в свою очередь, требует изменения процесса управления представлением информации с целью получения максимальной эффективности ее восприятия человеком [5, с. 66]. Государство не должно отставать от этих процессов. Органам власти всех уровней следует ускорить внедрение информационных технологий и интернет-сервисов при реализации государственной, в том числе демографической, политики. В статье будет рассмотрен опыт Свердловской области и Республики Тыва в этом направлении. Тыва рассматривается нами как субъект Российской Федерации с высокой рождаемостью, реализующий программы интенсивной информационной поддержки семьи, региональные органы исполнительной власти которого занимаются целенаправленным формированием и продвижением образа родительства в самой популярной российской социальной сети «Вконтакте».

Проведенный в 2016 году контент-анализ тематических сообществ по семье и родительству в социальной сети «Вконтакте» показал, что по запросу «мама» обнаруживается более 80 тыс. групп, из которых число подписчиков в 3-4 сообществах близко к 2 млн чел. [2, с. 29]. При этом ни одна

[1] © Быкова Д.Г., Багирова А.П. Текст. 2019

Исследование проведено в рамках проекта «Рождаемость и родительство в российских регионах: модели, стратегии активизации, прогнозы», поддержанного Советом по грантам Президента РФ на государственную поддержку ведущих научных школ Российской Федерации (НШ-3429.2018.6).

официальная группа органов государственной власти, ответственных за реализацию семейной политики, не выделяется таким охватом аудитории, зачастую он практически несопоставим даже с численностью населения в репродуктивном возрасте. Так, например, в Мурманской, Нижегородской и Новосибирской областях на официальные группы министерств, занимающихся в том числе и семейной политикой, подписано менее 0,5% численности репродуктивно активного населения этих регионов. При этом Распоряжением Правительства РФ, которым утвержден план мероприятий в рамках Десятилетия детства, предусмотрено достаточно большое количество мер, связанных с информированием населения — в частности, «оказание содействия освещению в государственных средствах массовой информации мероприятий плана, направленных на укрепление института семьи и духовно-нравственных традиций семейных отношений, а также на патриотическое воспитание детей и молодежи, пропаганду нравственных ценностей и популяризацию здорового образа жизни детей и подростков»[1]. Отметим, что ведение социальных сетей, в отличие от использования СМИ — менее затратный инструмент информирования и продвижения, однако, несмотря на его высокую популярность среди населения, он слабо используется органами власти.

В качестве примера подобного недостаточного использования социальных сетей для целей демографической политики может быть приведена Свердловская область. Официальная группа Свердловского областного родительского комитета — практически единственный пример сообщества в социальной сети «Вконтакте», которое оказывает помощь органам государственности власти по продвижению родительства и ценностей семьи. Ресурс государственных средств массовой информации для этих целей также используется в ограниченном масштабе. Этот вывод был подтвержден результатами проведенного нами в 2017 году исследования материалов «Областной газеты» — основного государственного ежедневного печатного СМИ Свердловской области [7, с. 284-286]. В ходе указанного исследования была апробирована методика анализа государственных СМИ на предмет продвижения установок на осознанное родительство. В результате операционализации понятия «родительство» были выделены две группы категорий, позволяющие охарактеризовать количественный и качественный аспекты родительства. Выделенные категории были использованы в качестве единиц контент-анализа.

Предложенная нами методика анализа государственных СМИ на предмет продвижения установок на осознанное родительство может быть использована и для исследования официальных групп в социальных сетях. Мы решили изучить опыт региона с высокой рождаемостью по государственной информационной поддержке семьи через социальные сети. Для исследования была выбрана Республика Тыва.

[1] Об утверждении плана основных мероприятий до 2020 года, проводимых в рамках Десятилетия детства: Распоряжение Правительства РФ от 06.07.2018 № 1375-р (ред. от 01.12.2018) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

Демографическая ситуация в Тыве кардинально отличается по большинству показателей от среднего по нашей стране уровня. В 2017 г. общий коэффициент рождаемости в Республике Тыва был равен 3,19, что почти в два раза выше среднероссийского, а естественный прирост составлял 13,1 ‰ при 0,9 ‰ в среднем по Российской Федерации [3]. На рисунке 1 приведены данные о динамике рождаемости в этом субъекте РФ в сопоставлении с общероссийскими, а на рисунке 2 — соотношение этих показателей, сглаженное с помощью скользящей средней. Видно, что за последние почти 30 лет СКР в Республике Тыва постоянно был более чем в 1,5 раза выше среднероссийского значения, а с 2002 года наблюдается значительная положительная динамика этого показателя. В настоящее время наблюдается

Рис. 1. *Динамика СКР в РФ и Республике Тыва*

Рис. 2. *Соотношение значений СКР в Республике Тыва и РФ в целом*

почти двукратное превышение республиканского значения над среднероссийским.

Отметим, что при этом в Республике Тыва самая низкая по стране обеспеченность экономическими ресурсами (ВРП на душу населения, обеспеченность жильем, детскими садами) [6, с.75]. Республика Тыва — один из немногих, если не единственный, субъект Российской Федерации, в котором действует специальный орган исполнительной власти, занимающийся формированием государственной семейной и демографической политики, — Агентство по делам семьи и детей Республики Тыва [1].

Нами был проведен контент-анализ постов в официальном сообществе в социальной сети «Вконтакте» Агентства по делам семьи и детей Республики Тыва за 2018 год. В таблице представлены основные показатели, характеризующие состояние и деятельность этого сообщества в 2018 г. Отметим, что в начале 2018 г. численность населения Республики Тывы в репродуктивном возрасте составляла 154,3 тыс. человек [3] — следовательно, подписчиком анализируемой группы являлся каждый 15-й житель Республики.

Всего в 2018 году в сообществе было опубликовано 1216 постов, что говорит о высокой публикационной активности в нем. В среднем здесь публиковалось почти 5 сообщений в течение одного рабочего дня. По результатам анализа установлено, что большая часть постов (около 63%) была связана с родительством. Из них 69% постов практически в равном соотношении были посвящены пяти основным качественным характеристикам родительства: активная жизненная позиция родителя, общение в семье, физическое развитие ребенка, окружение ребенка, обучение. На рисунке 3 представлено соотношение постов с упоминанием различных категорий родительства.

Краткий анализ контекста, в котором упоминались качественные характеристики родительства в Республике Тыва, позволяет сделать следующие выводы:

1. Наличие активной жизненной позиции у родителей. Это проявляется через их волонтерство и помощь детским домам, участие в мероприятиях и праздниках, посвященных здоровому образу жизни. Кроме того, было опубликовано много примеров из жизни многодетных матерей, успешно совмещающих карьеру и материнство.

Таблица 1

Основные характеристики официальной группы Агентства по делам семьи и детей Республики Тыва в социальной сети «Вконтакте» в 2018 г.

Показатели	Количественное значение показателей
Численность подписчиков	10054
Количество отметок «мне нравится»	22095
Количество репостов	3747
Количество постов	1216
Количество постов, направленных на формирование образа родительства	771

Рис. 3. *Распределение постов по категориям, характеризующим родительство*

2. Преобладание материалов относительно роли отца в семейном общении, ответственности и взаимопонимания в семье. В 2018 году в Республике Тыва было анонсировано и проведено несколько мероприятий, направленных на улучшение семейных отношений (например, «Слово об отце», «Семьи счастливые моменты» и «Своди бабушку в кино»).

3. Распространенность материалов о здоровом образе жизни детей и их физическом развитии — публикации о детских спортивных мероприятиях, прививках, необходимости соблюдать гигиену, правильно питаться и осуществлять профилактику заболеваний.

4. Акцентирование необходимости обучения детей — публикации о развитии компетенций детей, творческих занятиях в школе и детском саду, поддержке традиций, например, по сохранению тувинского языка и проведению дней творчества.

5. Распространенность материалов, связанных с социальным и иным окружением детей. В публикациях отмечается, что в окружении ребенка важно присутствие братьев и сестер, значимо общение детей с природой. Вместе с тем, внимание уделяется профилактике преступности и обеспечению безопасности детей в Интернете и при использовании смартфонов.

В целом в ходе нашего исследования выявлены необходимые к тиражированию в других субъектах РФ позитивные практики региональных органов власти. При этом важно отметить, что Республика Тыва является единственным субъектом Российской Федерации, в котором в период с ноября 2012 по май 2019 года функционировал орган исполнительной власти, занимавшийся исключительно вопросами семьи и детей. Кроме того, в 2014 году республиканские власти провели Первый форум матерей Тывы [1], а в 2015

году по итогам Первого форума были приняты Кодекс чести мужчин Тывы и Свод заповедей матерей Тывы [1]. Эти документы направлены на поддержку семьи, они были опубликованы на официальных сайтах региональных органов власти и активно продвигались в социальных сетях. По нашему мнению, это очень полезный новый опыт, который положительно влияет как на образ родительства, так и на его продвижение. Мы полагаем, что высокий коэффициент рождаемости в Республике Тыва в условиях низкого уровня обеспеченности экономическими ресурсами может быть обусловлен, в том числе, и региональной информационной политикой в демографической сфере и информационной поддержкой семьи. Однако в будущем, к сожалению, не представится возможность изучать успешный опыт деятельности Агентства по делам семьи и детей Республики Тыва. В мае 2019 года ведомство было ликвидировано, а его официальный сайт и группа в социальных сетях переданы Министерству труда и социальной политики Республики Тыва. Подчеркнем, что сразу после произошедшей реорганизации число подписчиков группы сократилось почти в два раза и по состоянию на начало мая 2019 г. снизилось до 5751 чел. Влияние этого политического решения не демографическую ситуацию в регионе еще предстоит оценить.

Список источников

1. Агентство по делам семьи и детей Республики Тыва. Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: http://tuvasemya.ru/ (дата обращения: 02.05.2019)

2. Ворошилова А. И. Тематические сообщества по семье и родительству в социальной сети: особенности контент-анализа // Динамика и инерционность воспроизводства населения и замещения поколений в России и СНГ: сб. статей VII Уральского демографического форума с междунар. участием. Т. 2. — Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2016. — 438 с.

3. Естественное движение населения. Официальная статистика / Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения: 05.05.2019)

4. Казарян К. Р., Плуготаренко С. А., Воробьева Е. Н., Давыдов С. г., Левова И. Ю., Ишунькина И. В., Сайкина М. В. Интернет в России в 2017 году. Состояние, тенденции и перспективы развития: отраслевой доклад Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям. — М.: Типография «Форвард Принт», 2018. — 96 с.

5. Муромцева А. В. Особенности восприятия информации человеком в современном мультимедийном пространстве // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». — 2015. — № 1. — С. 66-74.

6. Рождаемость и родительство в России: детерминанты и региональная дифференциация : монография / А. П. Багирова, Д. г. Быкова, А. И. Ворошилова, И. В. Шмарова, О. М. Шубат ; под общ. ред. проф. А. П. Багировой. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. — 157 с.

7. Bykova D. G. Promotion of conscious parenting via media: evidence from Russian regions / International Days of Statistics and Economics: Conference Proceedings. — Prague: University of Economics, 2018. — P. 278-287.

Информация об авторах

Быкова Дарья Георгиевна (Россия, Екатеринбург) — кандидат экономических наук, ФГАОУ ВО «УрФУ имени первого Президента России Б.Н. Ельцина» (620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19; e-mail: bykovadarya91@gmail.com).

Багирова Анна Петровна (Россия, Екатеринбург) — доктор экономических наук, кандидат социологических наук, профессор, ФГАОУ ВО «УрФУ имени первого Президента России Б.Н. Ельцина» (620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19 ; e-mail: a.p.bagirova@urfu.ru).

Bykova D.G., Bagirova A.P.

GOVERNMENT INFORMATION SUPPORT FOR FAMILIES IN REGIONS WITH HIGH LEVEL OF FERTILITY

The demographic situation in the Republic of Tyva is characterized by a high level of total fertility rate and natural population growth rate. The paper describes the experience of the Agency for Family and Children of the Republic of Tyva in promoting the image of parenting in social media.

Keywords: Parenting, birth rate, social media, promotion, Republic of Tyva, Sverdlovsk region.

Authors

Bykova Daria Georgievna (Russia, Yekaterinburg) — Ph.D. in Economics, FGAOU VU "UrFU named after the first President of Russia B.N. Yeltsin " (19, Mira str., Yekaterinburg, 620002; e-mail: bykovadarya91@gmail.com).

Bagirova Anna Petrovna (Russia, Yekaterinburg) — Doctor of Economics, Ph.D. in Sociology, Professor, FGAOU VU "UrFU named after the first President of Russia B.N. Yeltsin ", (19, Mira str., Yekaterinburg, 620002; e-mail: a.p.bagirova@urfu.ru).

References

1. Agency for Family and Children of the Republic of Tyva. Official website [Electronic resource]. URL: http://tuvasemya.ru/ (reference date: 02.05.2019)

2. Voroshilova A. I. Thematic Communities on Family and Parenting in the Social Network: Features of Content Analysis / Dynamics and inertia of reproduction of the population and replacement of generations in Russia and the CIS: conference proceedings of VII Ural demographic forum with the international participation. Vol. 2. — Yekaterinburg: Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2016. – 438 p.

3. Natural population movement. Official statistics / Federal State Statistics Service [Electronic resource]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/ rosstat/ru/statistics/ population/demography/# (reference date: 05.05.2019)

4. Kazaryan K. R., Plugotarenko S. A., Vorobyova E. N., Davyd ov S. G., Levova I. Yu., Ishunkina I. V., Saikina M. V. Internet in Russia in 2017. State, trends and development prospects: industry report of the Federal Agency for the Press and Mass Communications. – M .: Printing house "Forward Print", 2018. – 96 p.

5. Muromtseva A.V. Features of the perception of information by the person in the modern multimedia space // Herald of the RSUH. Series "Economy. Control. Right". – 2015. — No. 1. – P. 66-74.

6. Birth rate and parenting in Russia: determinants and regional differentiation: monograph / [A. P. Bagirova, D. G. Bykova, A. I. Voroshilova, I. V. Shmarova, O. M. Shubat]; under total ed. prof. A.P. Bagirova. – Yekaterinburg: Publishing house of Ural Federal University, 2018. – 157 p.

7. Bykova D. G. Promotion of conscious parenting via media: evidence from Russian regions // International Days of Statistics and Economics: Conference Proceedings. — Prague: University of Economics, 2018. — P. 278-287.

УДК 314.17

Ворошилова А. И.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ МЕТОДОВ МАТЕМАТИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ С УЧЕТОМ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ДЕТЕРМИНАНТ[1]

Исследование включает в себя краткий обзор эволюции методов математического моделирования демографических процессов. На основе выявленных тенденций внесены предложения по учету социокультурных детерминант в формировании репродуктивных стратегий.

Ключевые слова: демографические модели, социология культуры, информатизация, цифровое общество, математическое моделирование, теория динамических систем, статистический анализ.

Современное моделирование каких-либо общественных процессов невозможно представить без учета экспоненциально возрастающей информационной связности на всех уровнях и быстрой технологизации общества. В связи с этим существует необходимость переосмысления и совершенствования существующих методов и инструментов математического моделирования демографических процессов с учетом социокультурных детерминант.

Сегодня исследователи не имеют единого мнения по поводу степени влияния различных детерминант на демографические процессы и, в частности, на репродуктивное поведение. Очевидно, что процессы популяционной динамики не могут быть объяснены простыми линейными зависимостями, отражающими влияние ряда социоэкономических, географических, политических и культурных факторов. Отметим, что последние в современном мире начинают приобретать все большую роль за счет массового распространения «нетрадиционных» форм СМИ — социальных сетей, лидеров мнений, блогеров, стримеров и т. д. Примером влияния нетрадиционных СМИ на репродуктивное поведение может служить распространение идеологии чайлдфри (в переводе с английского «свободный от детей»). В 2005 году, по данным ВЦИОМ, в России это движение не было распространено вообще. Сегодня доля «добровольно бездетных» составляет 6-8 % населения. По прогнозам социологов и экономистов (2014 г.), доля бездетных женщин в России с нынешних 8 % может приблизиться к среднеевропейскому уровню в 15 % в ближайшие годы [8]. Анализ контента наиболее популярной в России и СНГ социальной сети «Вконтакте» показал, что интерес к контркультуре чайлдфри достаточно высок и продолжает расти. Так, сегодня в социальной сети

[1] © Ворошилова А.И. Текст. 2019

Исследование проведено в рамках проекта «Рождаемость и родительство в российских регионах: модели, стратегии активизации, прогнозы», поддержанного Советом по грантам Президента РФ на государственную поддержку ведущих научных школ Российской Федерации (НШ-3429.2018.6).

существует порядка 600 сообществ в русле идеологии чайлдфри (включая сообщества «Яжемать», «Подслушано Чайлдфри», «Чайлдфри по-русски»), крупнейшие из которых имеют около 1,5 млн подписчиков. Это указывает на то, что культурно-информационные и демографические процессы имеют определенную степень взаимосвязи и синхронизации.

В то же время известные модели демографических процессов основаны на переносе популяционной динамики живых организмов на человеческое общество и, в основном, были созданы в прошлом веке, в постиндустриальном обществе, отличавшемся высокой степенью централизации при относительно малой горизонтальной связности. Сегодня невозможно представить моделирование каких-либо общественных процессов без учета экспоненциально возрастающей информационной связности на всех уровнях и быстрой технологизации общества. Перспективы развития данной отрасли заключаются в новых способах уточнения и реидентификации мотивационных и популяционных моделей демографических процессов, методов их адаптации к моделированию процессов, протекающих в регионах РФ в существующих социокультурных реалиях.

Важным аспектом предлагаемого развития является конвергенция подходов социологического анализа с современными методами нелинейной динамики. Реидентификация моделей на основе анализа влияния социокультурных факторов (социальных сетей, трендов, мемов и др.) может осуществляться за счет введения дополнительных нелинейных и\или нестационарных параметров в математическое описание модели.

Идея математического моделирования демографических процессов возникла в прошлом столетии и благодаря развитию математического аппарата и технических средств моделирования сегодня является перспективным направлением исследований. Высокая значимость исследований в этой сфере подтверждается тем, что в разные годы ряд работ по моделированию процессов в социально-экономических системах был удостоен Нобелевской премии [4].

Изначально идеи прогнозирования численности популяций методами математического моделирования получили широкое применение в биологии и экологии. Для лучшего понимания динамики биологических популяций биологи-теоретики и прикладные математики на протяжении последнего века улучшали классические модели и разрабатывали новые. Во второй половине двадцатого века была разработана матричная модель популяции — P. H Lesplie были введены возрастные матрицы популяций и рассмотрена модель взросления на их основе. Впоследствии L. P. Lefkovitch обобщил эту идею, рассмотрев матрицы состояния популяций посредством классификации по другим популяционным признакам. В это время появились такие «классические» модели, как логистическое уравнение, уравнения Вольтерра «хищник — жертва» и уравнения Лотки-Вольтерра, которые оказали серьезное влияние на теоретическую и прикладную популяционную динамику. В 1954 B. Ricker описал модель плотности популяции в сезон размножения, которая стала одной из самых известных

дискретно-временных популяционных моделей, широко используемых в теоретическом и прикладном экологическом моделировании. Кроме того, данная модель является классическим примером простой нелинейной модели, демонстрирующей сложную динамику [2].

Новой методологией для получения механистического описания популяционных моделей является «участко-основанный» (site-based) подход, описанный в ряде работ (A. Brannstrom, D. Sumpter, 2005, 2006; A. Johansson, Sumpter, 2003; D. Sumpter, D. Broomhead, 2001) и являющийся развитием идей T. Royama (1992). Делая различные предположения относительно природы и эффектов соперничества в отдельных участках, исследователи разработали широкий класс популяционных моделей.

Активное развитие получило направление, посвященное детерминированным или стохастическим флуктуациям окружающей среды (S. Engen, Ø. Bakke, A. Islam, 1998), а также разработка моделей пространственной диффузии биологических популяций (M. E. Gurtin, R. C. MacCamy, 1977; R. S. Cantrell, C. Cosner 1999; Eduardo H. Colombo, Celia Anteneodo, 2012). В 1874 году F. Galton и W. Watson разработали модель разветвляющихся процессов для анализа вымирания английских фамилий [12]. Современный американский исследователь H. Caswell установил связь между моделью разветвляющихся процессов и диффузионной моделью на основе анализа чувствительности демографической дисперсии. Сегодня именно эти две модели широко используются при изучении эффектов демографической стохастичности.

Структурированные популяции, в которых индивидуумы различаются по возрасту или страте, анализируются при помощи комбинированных разветвляющихся процессов. Применение таких моделей было использовано в демографии для возрастных моделей (J. H. Pollard, 1966) и расширено для стратификационных моделей (H. Caswell, 2001). В таких моделях индивидуум заданного типа характеризуется многомерной функцией распределения числа «потомков» всех типов, производимых за некоторый интервал времени [10].

Однако экстраполяция методов прогнозирования популяций на человека как биологический вид имеет свои ограничения, связанные с социально-культурными особенностями. Поэтому математическое моделирование демографических процессов человеческого общества является одной из наиболее сложных междисциплинарных сфер науки. Так, отечественному физику С. П. Капице принадлежит идея феноменологической теории роста населения Земли и разработка соответствующей ей математической модели [6]. С задачами популяционного роста связано множество известных в естественных науках имен, таких как Фибоначчи, Л. Эйлер, г. Галлей, Т. Мальтус и другие. Модели глобального развития были предложены Дж. Форрестером, Д. Медоузом и др., М. Месаровичем, Э. Пестелем, А. О. Эррерой, Я. Кайя, Я. Судзуки, Х. Линнеманом, У. Робертсом, В. Леонтьевым, и в дальнейшем развиты в работах В. А. Геловани, В. А. Егорова, Ю. Н. Каллистова, В. М. Матросова, С. А. Махова, В. Б. Митрофанова, Н. Н. Моисеева, А. А. Пионтковского.

Следует особо отметить работы основоположников клиометрии и клиодинамики А. А. Акаева, Л. Е. Гринина, С. П. Курдюмова г. г. Малинецкого, С. Ю. Малкова, П. В. Турчина, в работах которых изучены принципы популяционной динамики и математического моделирования исторической динамики, изложен опыт моделирования демографически-структурных циклов, принципиальные результаты в области прогноза поведения сложных систем.

Теоретико-методологические основы построения математических моделей социальных процессов были разработаны в трудах отечественных ученых Е. М. Андреева, В. М. Алексеева, г. Ш. Бахметовой, А. Я. Боярского, А.Г. Волкова, А. г. Вишневского, г. М. Зуева, А. В. Коротаева, А.С. Малкова, Д.А. Халтуриной, Ю. А. Левады, А. В. Подлазова, А. А. Самарского, О. В. Староверова, В. В. Федосеева, В. Ф. Шукаило и других. Имитация особенностей репродуктивного поведения населения с учетом особенностей региона была предложена в работах математиков и экономистов В. Л. Макарова, А. Р. Бахтизина, Е. Д. Сушко. Среди западных ученых-методологов в этой области стоит отметить работы J. M. Alho, L. W. Amiot, H. Foerster, M. Greenberger, P. Heuveline, N. Keyfitz, J. Korbel, M. Kremer, W. Lutz, M. Michael, P. M. Mora, G. H. Orcutt, J. Pollard, S. H. Preston, A. M. Rivlin, A. Rogers, A. Schoen, D. Smith, B. D. Spencer.

Традиционно применение методов моделирования в сфере воспроизводства человеческого капитала сводится к построению демографических прогнозов (Л. П. Шахотько, С. М. Терещенко 1999, M. Bergaglio, 2017; C. Coste, F. Austerlitz, S. Pavard, 2017). В то же время большее развитие получают имитационные модели — стохастические дискретные микромодели, моделирование в которых происходит на основе метода Монте-Карло, применяемого на микроуровне. Сегодня также существует значительное количество работ, анализирующих факторы и детерминанты репродуктивного поведения. В частности, обосновано, что факторами репродуктивного поведения являются социально-демографические характеристики субъектов родительства (G. S. Hubel, W. L.Rostad, S. Self-Brown, A. D. Moreland, 2018), психологический климат в социальной группе и поддержка окружения (Seo et. al. 2018), социально-культурная среда (N. Gonzalez, J. Méndez-Pounds 2018), материально-бытовые условия (A. Sim, M. Fazel, L. Bowes, F. Gardner, 2018) и др. K. C. Samir и W. Lutz в известной работе «The human core of the shared socioeconomic pathways: Population scenarios by age, sex and level of education for all countries to 2100» разработали траектории развития современного мира и доказали значение социальных факторов в развитии демографического сценария [14].

Однако возможности прогнозирования динамики социодемографических процессов с помощью математического моделирования сегодня далеко не исчерпаны. В частности, сложным и малоизученным направлением исследований остаются измерение и учет стремительно меняющихся социокультурных условий, процессов информатизации и новых форм коммуникации в формировании репродуктивных стратегий поведения. На наш взгляд, наиболее адекватным инструментом учета этих детерминант явля-

ется применение нелинейных моделей. Частично такие модели уже применяются для моделирования демографических процессов. Так, европейские исследователи N. Brouhns, M. Denuit и J. Vermunt предлагают использовать улучшенную модель Ли-Картера для предсказания демографических компонент, на основе которых осуществляется прогноз уровня смертности и продолжительности жизни. В 2006 г. H. Caswell в работе «Matrix population models» [10] доказал, что при зависящих от времени коэффициентах или нелинейных коэффициентах матричные модели становятся стохастическими или нелинейными и во втором случае могут демонстрировать каскад бифуркаций и хаотическое поведение.

Обобщая вышесказанное, можно отметить, что, во-первых, известные модели демографических процессов основаны на переносе популяционной динамики живых организмов на область человеческого общества и, в основном, были созданы в прошлом веке, в постиндустриальном обществе, отличавшемся высокой степенью централизации при относительно малой горизонтальной связности; а во-вторых, малоизученным направлением исследований остаются измерение и учет стремительно меняющихся социокультурных условий, процессов информатизации и новых форм коммуникации в формировании репродуктивных стратегий поведения населения. В связи с этим востребованными становятся новые способы уточнения и реидентификации мотивационных и популяционных моделей демографических процессов, методов их адаптации к моделированию процессов, протекающих в регионах РФ в существующих социокультурных реалиях. Перспективным направлением развития этой области исследований видится представление демографических процессов в форме нелинейных динамических систем, оценка их динамики методами статистического, вариационного и других видов анализа. При этом известные демографические модели будут дополнены с точки зрения влияния на них информационно-культурных факторов.

Результатами учета социокультурных детерминант в математическом моделировании будут являться: а) уточнение имитационных и качественных моделей демографических процессов; б) развитие комплекса методов и средств анализа нелинейных систем и процессов; в) более точная эмпирическая и теоретическая оценка влияния социокультурных факторов на демографические процессы и их моделирование, а также новые знания об устойчивости демографических моделей, учитывающих социокультурные факторы. Это позволит усовершенствовать существующие методы прогнозирования социально-демографических процессов и уточнить степень влияния информационно-культурных компонент на популяционную динамику.

Список источников

1. Волков А. г., Сороко Е. Л. Имитационная модель демографического развития семьи // Демографические процессы и их закономерности / под ред. А.Г. Волкова. — М.: Мысль, 1986. — С. 76-88.

2. Демографический энциклопедический словарь / гл. ред. Валентей Д. И. — М.: Сов. энцикл., 1985. — 608 с.

3. Законы истории: Математическое моделирование и прогнозирование мирового и регионального развития / отв. ред. А. В. Коротаев, Ю. В. Зинькина. –Изд. 3, сущ. перераб. и доп. — М.: Издательство ЛКИ, 2010. — 344 с.

4. Нобелевская премия: официальный сайт Фонда им. А. Нобеля [Электронный ресурс]. URL: https://www.nobelprize.org/ (дата обращения:11.05.2019).

5. Носова М. г. Применение математической модели к исследованию процесса изменения демографической ситуации в Российской Федерации // Молодой ученый. — 2017. — № 42. — С. 1-4 [Электронный ресурс]. URL: https://moluch.ru/archive/176/46020/ (дата обращения:11.05.2019).

6. Капица С. П. Общая теория роста человечества: сколько людей жило, живет и будет жить на Земле. — М.: Наука, 1999. — 190 с.

7. Подлазов А. В. Глобальная демографическая теория // Демографическое обозрение. — 2018. — № 5 (1). — С. 39-63 [Электронный ресурс]. URL: https://doi.org/10.17323/demreview.v5i1.7709

8. Рождаемость в России: меры и мнения / Пресс-выпуск Всероссийского центра изучения общественного мнения № 3560 от 22.01.2018 [Электронный ресурс]. URL: https://wciom.ru/ (дата обращения: 11.05.2019).

9. Brouhns N., Denuit M., Vermunt J. K. A Poisson log-bilinear regression approach to the construction of projected lifetables // Insurance: Mathematics and Economics. — 2002. — Vol. 31. — P. 373-393.

10. Caswell H. Matrix Population Models. 2nd Edition. — Sunderland: Sinauer Associates Inc., 2001. — 713 p.

11. Costantino R. F., Desharnais R. A., Cushing J. M., Dennis B. Chaotic dynamics in an insect population // Science. — 1997. — Vol. 275. — P. 389-391. — DOI: 10.1126/science.275.5298.389

12. Galton F., Watson H. W. On the probability of the extinction of families // Journal of the Royal Anthropological Institute. — 1875. — Vol. 4. — P. 138–144.

13. Namboodiri K. Social Dynamics: Models and Methods. By Nancy Brandon Tuma and Michael T. Hannan. Academic Press, 1984 // Cloth, Social Forces. — 1986. — Vol. 64. — I. 4. — P. 1085–1087 [Электронный ресурс]. URL: https://doi.org/10.1093/sf/64.4.1085.

14. Samir K. C., Lutz W. The human core of the shared socioeconomic pathways: Population scenarios by age, sex and level of education for all countries to 2100 // Global Environmental Change. — 2017. — Vol. 42. — P. 181–192. — DOI:10.1016/j.gloenvcha.2014.06.004.

Информация об авторе

Ворошилова Анжелика Игоревна (Россия, Екатеринбург) — кандидат социологических наук, ассистент кафедры социологии и социальных технологий управления, Институт государственного управления и предпринимательства Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19; e-mail: a.i.voroshilova@urfu.ru).

Voroshilova A. I.

PROSPECTS OF THE MATHEMATICAL MODELING METHODS DEVELOPMENT OF DEMOGRAPHIC PROCESSES WITH CONSIDERATION OF SOCIOCULTURAL DETERMINANTS[1]

The study includes a brief overview of the evolution of mathematical modeling methods for demographic processes. On the basis of the identified trends, suggestions were made to account sociocultural determinants in the formation of reproductive strategies.

[1] The article is processed as one of the outputs of the research project "Fertility and parenting in Russian regions: models, invigoration strategies, forecasts", supported by the President of Russian Federation, project no. NSh-3429.2018.6.

Keywords: demographical prediction models, sociology of culture, informatization, digital society, mathematical modeling, theory of dynamical systems, statistical analysis.

Author

Voroshilova Anzhelika Igorevna (Russia, Ekaterinburg) — PhD in Sociology, Assistant of the Department of Sociology and Social Technologies of the Institute of Public Administration and Entrepreneurship of the Ural Federal University (620002, Yekaterinburg, Mira str., 19, e-mail: a.i.voroshilova@urfu.ru).

References

1. Volkov A. G., Soroko E. L. Imitation model of the demographic development of the family // Demographic processes and their laws / ed. A.G. Volkov. — M .: Thought, 1986. — P.76-88.

2. Demographic Encyclopedic Dictionary / Ch. ed. Valentey D. — Moscow: Sov. Encycl., 1985. — 608 p.

3. The laws of history: Mathematical modeling and forecasting of world and regional development / Ed. A. V. Korotaev, Yu. V. Zinkina. — Ed. 3 nd reclaiming and add. — M.: LKI Publishing House, 2010. — 344 p.

4. Nobel Prize: the official website of the Foundation. A. Nobel [Электронный ресурс]. URL: https://www.nobelprize.org/ (access date: 05/11/2019).

5. Nosova M. G. The application of the mathematical model to the study of the process of changing the demographic situation in the Russian Federation // Young Scientist. — 2017. — No. 42. — P. 1-4 [Электронный ресурс]. URL: https://moluch.ru/archive/176/46020/ (access date: 05/11/2019).

6. Kapitsa S.P. General theory of the growth of humanity: how many people lived, lives and will live on Earth. — M .: Science, 1999. — 190 p.

7. Podlazov A.V. Global demographic theory // Demographic Review. — 2018. — No. 5 (1). — . 39-63 [Электронный ресурс]. URL: https://doi.org/10.17323/demreview.v5i1.7709

8. Fertility in Russia: Measures and Opinions // Press Release of the All-Russian Center for the Study of Public Opinion No. 3560 of January 22, 2017 [Электронный ресурс]. URL: https://wciom.ru/ (access date: 05/11/2019).

9. Brouhns N., Denuit M., Vermunt J. K. A Poisson log-bilinear regression approach to the construction of projected lifetables // Insurance: Mathematics and Economics. — 2002. — Vol. 31. — P. 373-393.

10. Caswell H. Matrix Population Models. — 2nd Edition. — Sunderland: Sinauer Associates Inc., 2001. — 713 p.

11. Costantino R. F., Desharnais R. A., Cushing J. M., Dennis B. Chaotic dynamics in an insect population // Science. — 1997. — Vol. 275. — P. 389-391. — DOI: 10.1126/science.275.5298.389

12. Galton F., Watson H. W. On the probability of the extinction of families // Journal of the Royal Anthropological Institute. — 1875. — Vol. 4. — P. 138–144.

13. Namboodiri K. Social Dynamics: Models and Methods. By Nancy Brandon Tuma and Michael T. Hannan. Academic Press, 1984 // Cloth, Social Forces. — 1986. — Vol. 64. — I. 4. — P. 1085–1087 [Электронный ресурс]. URL: https://doi.org/10.1093/sf/64.4.1085

14. Samir K. C., Lutz W. The human core of the shared socioeconomic pathways: Population scenarios by age, sex and level of education for all countries to 2100 // Global Environmental Change. — 2017. — Vol. 42. — P. 181–192. — DOI:10.1016/j.gloenvcha.2014.06.004.

УДК 314.3

Гараева Э. И., Костина Н. Б.

ДОБРОВОЛЬНАЯ БЕЗДЕТНОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ОТНОШЕНИЕ СО СТОРОНЫ ОБЩЕСТВА[1]

В современном российском обществе растет число тех, кто сознательно отказывается от продолжения рода, кто открыто заявляет о своем выборе статуса добровольной бездетности. В связи с этим актуализируется значимость данного феномена через социологический анализ. В статье представлены данные пилотажного исследования посредством интернет-опроса жителей г. Екатеринбурга по блоку отношения общества к добровольной бездетности.

Ключевые слова: добровольная бездетность, сознательная бездетность, чайлдфри, чайлдхейт, семейные ценности.

Данные статистики свидетельствуют о том, что, несмотря на подъем рождаемости в России в отдельные годы, устойчивой тенденцией является ее снижение. По данным портала statistika.ru за 2010г., 42% респондентов к концу репродуктивного периода (к 45 годам) отметили, что в семье двое детей. Только 8% отметили, что у них трое детей, более четырех детей имеют лишь 5% респондентов. Однодетными являются 35% респондентов и 10% не имеют детей [4]. По прошествии восьми лет в статистике детности практически ничего не изменилось, в российском обществе по-прежнему преобладают малодетные семьи. Согласно отчету Росстата, в 2018 году в России родилось 1,69 миллиона детей, что на 10,7% меньше по сравнению с предыдущим годом [1]. Можно сказать, что страна вступила в период массового преобладания малодетной семьи или вовсе бездетности. Все большее количество семей ориентируются на одного ребенка, подчас с «откладыванием» его рождения [6]. Сформировалась и устойчивая группа людей, сознательно отказывающихся от рождения и воспитания детей, выбирающих «жизнь без детей».

В 2018 году Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) выявил и официально зафиксировал категорию добровольно бездетных людей. Как показал проведенный ВЦИОМ опрос, 6% россиян сегодня вообще не хотят иметь детей, а 79% — с учетом жизненных обстоятельств не планируют в будущем еще одного ребенка. «За прошедшее десятилетие репродуктивная стратегия россиян претерпела важные изменения, — отмечает руководитель департамента исследований ВЦИОМ Степан Львов. — Во-первых, мы зафиксировали появление в России «чайлдфри» — людей, сознательно отказывающихся от потомства. В 2005 году их в России еще практически не было, а сегодня их доля составляет уже 6%. Кого больше среди них — организованных или стихийных, предстоит еще выяснить [7].

[1] © Гараева Э.И., Костина Н.Б. Текст. 2019

Можно констатировать, что в современном российском обществе в составе различных социально-демографических, социально-профессиональных групп сформировалась подгруппа добровольно выбирающих статус бездетности. Поскольку данная подгруппа реально существует, актуализируется значимость ее социологического анализа: насколько распространен феномен добровольной бездетности, среди каких демографических, профессиональных, социокультурных групп он наиболее популярен, какие факторы мотивируют к выбору бездетного образа жизни и, конечно же, каково отношение общества к добровольной бездетности.

В демографическом словаре В.М. Медкова бездетность определяется как «отсутствие детей у лица или супружеской пары вследствие отсутствия рождений или младенческой и детской смертности» [5]. В данном случае акцент сделан на вынужденной бездетности. Однако последняя представлена в двух формах: *вынужденной и добровольной*. К первой относят пары, которые не могут иметь детей по биологическим или физиологическим показателям. С медицинской точки зрения это явление обозначается таким термином, как бесплодие. Бесплодие проявляется в неспособности женщины завершить беременность живорождением или неспособности пары зачать ребенка в течение всего или определенной части репродуктивного периода. Вторая форма бездетности — добровольная, выражается в том, что женщины и мужчины, семейные пары отказываются от деторождения при нормальной репродуктивной функции.

Для изучения данного феномена нами было проведено пилотажное социологическое исследование, а именно — опрос населения г. Екатеринбурга. В качестве метода сбора первичной информации использовался анкетный опрос, в ходе которого было опрошено 200 жителей города Екатеринбурга в возрасте от 18 лет и старше, из них 46% мужчин и 54% женщин.

Поскольку добровольная бездетность в нашей стране имеет очень небольшую историю, для большинства граждан нашей страны непривычен, актуальным является определение отношения общества к приверженцам добровольной бездетности.

Респондентам предлагалось ответить на вопрос: *«Как Вы относитесь к людям, которые являются сторонниками добровольной бездетности?»*. На наш взгляд, особенно важным показателем при анализе полученных ответов является наличие детей. Представленные в таблице 1 ответы распределились следующим образом: значительная доля респондентов, имеющих детей, отметили свое положительное отношение к сторонникам чайлдфри (26% и 21%). Как отмечают сами сторонники бездетного образа жизни, они путешествуют, имеют больше свободного времени и могут посвятить себя любимым занятиям и не зависеть от кого-то, имеют возможность карьерного роста и «не выпадать» из профессии на время декретного отпуска. Все эти «прелести жизни», как отмечают сторонники чайлдфри, становятся затруднительными при наличии детей в семье. Возможно, что «детным» респондентам также не хватает каких-то из перечисленных компонентов в собственной жизни, чем и можно объяснить

такой процент опрошенных, выразивших положительное отношение к сторонникам чайлдфри.

По данным нашего исследования, больше четверти респондентов обеих категорий отметили свое нейтральное отношение к людям, не желающим иметь детей. Нейтральное отношение к сторонникам бездетного образа жизни означает толерантное восприятие рассматриваемого феномена, чего, в конечном итоге, и ожидают от общества сами сторонники чайлдфри.

В то же время полученные нами данные свидетельствуют о том, что респонденты, у которых нет детей, склонны скорее к отрицательной оценке бездетного образа жизни. Возможно, они планируют рождение детей и поэтому относятся негативно к тем, кто отказывается иметь потомство.

Общество, по мнению самих чайлдфри, настроено толерантно, но все же есть те, кто относится к ним с непониманием.

Интересным было выявить степень отношения к феномену добровольной бездетности в зависимости от пола респондентов (табл. 2).

Таблица 1

Отношение к сторонникам добровольной бездетности в зависимости от наличия детей у респондентов (в % от числа ответивших)

Отношение к сторонникам добровольной бездетности	**Наличие детей**	
	Да	Нет
Положительное	26	19
Скорее положительное	21	14
Нейтральное	22	23
Скорее отрицательное	14	31
Отрицательное	17	13
Сумма %	100	100

* Коэффициент Крамера [0..1]: 0,209, вероятность ошибки: 5,0%

Таблица 2

Отношение к добровольной бездетности в зависимости от пола, % по

Степень отношения к добровольной бездетности	**Пол**	
	Мужской	Женский
Необходимо предпринимать меры, чтобы сократить масштабы добровольной бездетности (отрицательное)	37	56
Каждый иметь право выбирать, как ему жить (нейтральное)	60	32
Необходимо создавать условия для распространения добровольной бездетности (положительное)	1	4
Затруднились ответить	2	6
Сумма %	100	100

Более половины опрошенных нами мужчин отрицательно относятся к добровольной бездетности. Возможно, это связано с тем, что мужчины хотят продолжения рода, воспитания наследников. Женщины же в большей степени выразили нейтральное отношение к рассматриваемому феномену.

Отношение сторонников добровольной бездетности к детям может варьироваться от равнодушия до высшей степени нетерпимости к ним. Иногда последняя позиция приобретает свою крайнюю, негативную форму, вызывающую неприятие и осуждение со стороны общества — так называемый феномен чайлдхейт (англ. childhate), в переводе на русский язык — «детоненавистники». Речь идет о людях, которые не просто пропагандируют бездетность, а крайне негативно настроены против детей и их матерей. Данный феномен — опасное социальное явление в современном обществе. Люди, относящие себя к этой категории, открыто выражают свою неприязнь к новорожденным, беременным женщинам и всем, кто имеет детей.

Среди представителей детоненавистничества немало молодежи с искаженными представлениями о беременности и материнстве, рождении и воспитании детей. Психологи констатируют, что среди этой подгруппы часто оказываются люди, принадлежащие к асоциальным субкультурам, а также те, кому не уделяли в детстве внимания, либо те, с кем жестоко обращались в детстве. Проявляя агрессию, они таким образом выражают протест против того окружения, в котором им пришлось оказаться, общественных устоев, политических и социальных ситуаций. В свою очередь, путем агрессивных оскорбительных высказываний в адрес людей, имеющих детей, приверженцы детоненавистничества способствуют формированию отрицательных стереотипов и негативного мнения вокруг добровольно бездетных. Благодаря этому, а также ряду отрицательных публикаций о добровольно бездетных в средствах массовой информации, значительная доля представителей различных социальных групп приходит к выводу, что свободные от детей — это люди, имеющие низкий моральный облик и не уважающие семейные ценности, либо люди, страдающие психическими заболеваниями и отклонениями, ненавидящие детей и агрессивно относящиеся к детям и их матерям. В итоге одни начинают жалеть их, считая несчастными людьми, которые добровольно лишают себя счастья иметь ребенка, другие — искренне ненавидеть, считая их опасными для общества [2].

Исследователи же считают, что детоненавистников нельзя назвать типичными представителями добровольно бездетных, а уж тем более относить их к последователям чайлдфри. Ненависть и агрессия по отношению к детям, матерям и беременным женщинам — это крайняя форма неприятия индивидуумом того, с чем ему приходится сталкиваться в жизни, и во многом это обусловлено не только личными проблемами, но и внешними факторами: экономическая нестабильность, отсутствие институциональной поддержки, межнациональные распри, разрушение ценностных ориентиров на фоне негативной политической ситуации и т.д. [3]

Список источников

Государственный доклад о положении детей и семей, имеющих детей, в Российской Федерации за 2016 год [Электронный ресурс]. URL: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71725510.

Добровольная бездетность [Электронный ресурс]. URL: www.haduchadif.ucoz.com

Дюпра-Куштанинна В.А. Женская бездетность и сценарии жизненного пути // Мир России. — 2014. — № 2.

Количество детей в семье: установки и репродуктивное поведение [Электронный ресурс]. URL: http://statistika.ru/naselen/2010/04/29/naselen_16398.html

Медков В.М. Демография. Словарь демографических терминов [Электронный ресурс]. URL: http://socioline.ru/_seminar/library/middle/slovar.php

Пьянкова Л.А., Рундау Т.А. Семья, родительство и детство как явления современной жизни // Тенденции науки и образования в современном мире. — 2016. — № 12–4. Рождаемость в России: меры и мнения [Электронный ресурс]. URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=8898

Информация об авторах

Гараева Эльнара Ильфатовна — аспирант 2 года обучения, Уральская академия государственной службы — филиала РАНХиГС, кафедра теории и социологии управления (Россия, г. Екатеринбург, 8 марта 66; e-mail: elnara.garaeva@ui.ranepa.ru).

Костина Наталия Борисовна — доктор социологических наук, профессор, Уральская академия государственной службы — филиала РАНХиГС, кафедра теории и социологии управления (Россия, г. Екатеринбург, 8 марта 66).

Garayev E. I., Kostina N. B.

VOLUNTARY INTEGRITY IN MODERN RUSSIA: RELATIONSHIP BY THE COMPANY

In modern Russian society, a growing number of those who consciously refuse to procreate, who openly declares their choice of the status of voluntary childlessness. In this regard, the significance of this phenomenon is actualized through sociological analysis. The article presents the data of a pilot study by means of an Internet survey of Yekaterinburg residents on the block of society's attitude to voluntary childlessness.

Keywords: voluntary childlessness, conscious childlessness, childfree, childmade, family values.

Authors

Garaeva Elnara Ilfatovna — Postgraduate 2 course, Ural Academy of Public Service-Branch, Russian Academy of Sciences, Department of Management Theory and Sociology (Russia, Yekaterinburg).

Kostina Natalia Borisovna — Doctor of Sociology, Professor, Ural Academy of Public ServiceBranch of the Russian Academy of Science, Department of Management Theory and Sociology (Russia, Yekaterinburg).

References

1. State report on the status of children and families with children in the Russian Federation for 2016 [Electronic resource]. URL: http://www.garant.ru/products/ipo/prime/ doc / 71725510.

2. Voluntary childlessness [Electronic resource]. URL: www.haduchadif.ucoz.com

3. Dupra-Kushtaninna V.V. Female childlessness and life journey scenarios // World of Russia. — 2014. — No. 2.

4. The number of children in the family: attitudes and reproductive behavior [Electronic resource]. URL: http://statistika.ru/naselen/2010/04/29/naselen_16398.html

5. Medkov V.M. Demography. Dictionary of demographic terms [Electronic resource]. URL: http://socioline.ru/_seminar/library/middle/slovar.php

6. Pyankova L.A., Runda T.A. Family, parenthood and childhood as a phenomenon of modern life // Trends in science and education in the modern world. — 2016. — No. 12-4.

7. Fertility in Russia: measures and opinions [Electronic resource]. URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=8898

УДК 330.16

Глухих П.Л., Осинцев С.И.

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ РОССИЙСКОГО ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ[1]

Статья направлена на исследование актуальной проблемы активизации технологического предпринимательства в рамках государственной задачи достижения глобального технологического лидерства России в сфере передовых технологий к 2035 году (НТИ). Сформулированы основные российские тенденции развития технологических предпринимателей. Растает понимание государственными органами власти необходимости появления таких предпринимателей. В результате анализа эмпирических исследований установлено, что в России не осуществлялась полноценная социально-экономическая научная оценка развитости субъектов технологического предпринимательства. Для получения новых эмпирических данных авторами проведено пробное исследование в формате выборочного опроса российских технологических предпринимателей. Объектом пилотажного исследования выбраны российские технологические предприниматели — участники крупнейшего в России и Восточной Европе мероприятия Startup Village — конкурса стартапов, проходившего на базе Инновационного центра Сколково 29-30 мая 2019 года. Выявлена закономерность относительно уровня общего среднемесячного дохода российских технологических предпринимателей. Обнаружено, что в российских условиях сформировались 3 обособленные группы технологических предпринимателей: тип 1 — наименее обеспеченные предприниматели со среднероссийским доходом (30-39 тыс. рублей). Тип 2 — обеспеченные предприниматели с доходом, в 2 раза превышающим среднероссийский. Тип 3 — наиболее обеспеченные предприниматели с доходом в 3 и более раза выше среднероссийского (от 100 тысяч рублей). Проведенный предварительный социологический опрос позволил составить портрет типичного российского технологического предпринимателя.

Ключевые слова: высокотехнологичное предпринимательство, молодежь, НТИ, тип технологического предпринимателя, стартап, рынки будущего

Пересмотр роли предпринимательства как одного из ключевых источников экономического роста затронул переоценку значения потенциала малого и среднего технологического предпринимательства. Значение такой научной проблемы, как слабая изученность российского малого и среднего технологического предпринимательства, обусловлено следующим противоречием:

---

[1] © Глухих.П.Л., Осинцев С.И. Текст. 2019.

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых МК-6580.2018.6

1. С одной стороны, существенно нарастает интерес к потенциалу малого и среднего технологического предпринимательства со стороны разных субъектов.

А. Инициативное население. В России все более заметным становится такое явление, как стартап-движение молодежи, стремящейся создать собственную успешную стартап-компанию [2, с. 1517]. О размерах этого экономического явления говорят следующие факты:

— удивительными темпами в стране растет количество молодежи, вовлеченной в стартап-движение. Данные одного из крупнейших российских акселераторов — Фонда развития интернет-инициатив (ФРИИ) — свидетельствуют о вовлеченности более 8,5 тысячи проектов, принявших участие в программах фонда. Если учесть, что каждый стартап-проект в среднем состоит из 3 человек, то только этот фонд привлек с высокой степенью участия 25,5 тысячи человек. Поскольку далеко не все доходят до такой высокой стадии проекта, то на входе данный фонд может вовлекать несколько сотен тысяч человек, а учитывая онлайн-версию — значительно больше;

— несмотря на то, что в Россию движение пришло с привычным запозданием, зато было принято с воодушевлением — за 9 лет в стране появилось более 200 различных инкубаторов и акселераторов более чем в 80 городах;

— на содержание и активизацию инфраструктуры, формирующей и развивающей предпринимательские намерения (органы поддержки и регулирования предпринимательства, институты развития предпринимательства: акселераторы, инкубаторы и др.) государство прямо и косвенно тратит миллионы бюджетных денег;

— только в одном 2015 году состоялось минимум 362 события для потенциальных и действующих стартапов, а за первую половину 2016 года — уже 580 событий по всей территории страны.

Б. Крупный российский бизнес начинает создавать корпоративные акселераторы и венчурные фонды, включаясь в мировую тенденцию. Все больше мировых корпораций напрямую или косвенно вкладывают средства в организацию акселераторов, не являются исключением и крупнейшие российские компании. Интересы компаний обычно сводятся к следующим целям:

— определить наиболее прорывные бизнес-модели и стартапы, чтобы стоять у истоков создания новых индустрии и рынков; это является особой страховкой от угрозы сокращения традиционных секторов;

— поучаствовать в модном движении популяризации культуры «открытых инноваций», управлять изменениями, обновлять бизнес-процессы в стиле стартапа, делая компанию более гибкой, результативной и экономной;

— создать репутацию компании, дружественной молодым и талантливым, чтобы привлекать лучшие кадры.

В России корпоративные акселераторы развиваются в разных отраслях: финтех (один из успешных примеров на российском рынке — SBT venture

capital, корпоративный венчурный фонд Сбербанка, также запущены фонды других кредитных организаций — Альфа банк, ВТБ 24, Хоум Кредит и финансовых компаний, например, QIWI и т.д.), телекоммуникационный сектор (Ростелеком) и т.д.

В. Возрастает понимание государственными органами власти необходимости привлечения технологических предпринимателей и их подготовки. В последние десятилетия в развитых странах сформировалась отдельная политика и развернулась специальная инфраструктура, включая «выращивание» и специальную «вербовку» серийных предпринимателей. Под серийным технологическим предпринимательством понимается предпринимательство, имеющее определенный стиль бизнес-лидерства, включающий в себя усилия команды, имеющей необходимые качества для применения передового и научно-технического знания для трансформации развивающегося технологического прогресса с целью дальнейшей продажи текущего бизнеса и открытия нового.

2. С другой стороны, не осуществлялась полноценная социально-экономическая научная оценка развитости в России субъектов технологического предпринимательства, что требует проведения соответствующих исследований.

Рассмотрим одно из самых комплексных исследований российских технологических предпринимателей. Исследование «Влияние моделей индивидуального поведения (механизмов самореализации, стратегий достижения успеха) на эффективность деятельности инновационных высокотехнологичных компаний на примере четырех стран: Россия, Финляндия, Южная Корея, Тайвань» (2011–2013 годы) проведено научным коллективом под руководством профессора О.В. Хархордина [3].

Нельзя не согласиться с авторами исследования в том, что в настоящее время в российском обществе еще не сформировался понятный и массово принятый социальный образ достойного технологического предпринимателя. Его социальная роль существенно размыта, не обрела определенных культурных, статусных, профессиональных и экономических характеристик. Даже сами технологические предприниматели называют себя поразному [6, с. 27-28]: например, инноваторы, ученые, инженеры, проектные менеджеры, технари, бизнесмены, серийные технопредприниматели, производственники и т.п.

Рассмотрим портрет типичного российского технологического предпринимателя, сформировавшийся за последнее десятилетие. Это мужчина в возрасте 30-50 лет с высшим образованием, создавший свой первый инновационный бизнес-проект в возрасте от 30 до 40 лет. Этому предшествовала его работа в научных организациях, как правило, государственных, иногда в технологических корпорациях, реже — нетехнологическом бизнесе. Некоторые технологические предприниматели сохранили связь с предыдущим местом работы. Иногда они совмещают предпринимательство и научную карьеру в академических или отраслевых институтах и университетах.

При всех достоинствах этого и других исследований приходится признать недостаточную изученность именно молодежного сегмента технологических предпринимателей. Поэтому в данной статье предлагается составление социально-демографического портрета российского технологического предпринимателя на основании результатов авторского пилотного социологического опроса. Исследование технологических предпринимателей осложняется особенностями самого объекта изучения. Так, невозможно в полной мере учесть всех субъектов технологического предпринимательства, так как это очень динамичные проекты и компании. На данный момент отсутствует однозначно достоверная статистика количества российских технологических предпринимателей, а также их социально-демографические характеристики.

Выбор исследовательской стратегии подчинен многометодному подходу, включающему базовые методы исследования, В том числе пробное (пилотажное) исследование в формате выборочного опроса (добровольное анкетирование) российских технологических предпринимателей. Данное исследование включает следующие этапы: разработка анкеты (январь — май 2019 г.); полевой период (май — октябрь), включая пробное (пилотажное) анкетирование (май 2019 г.); обработка и анализ данных основного эмпирического исследования (ноябрь — декабрь 2019 г.).

Объектом пробного (пилотажного) исследования выбраны российские технологические предприниматели — участники крупнейшего в России и Восточной Европе мероприятия Startup Village — конкурса стартапов, проходившего на базе Инновационного центра Сколково 29-30 мая 2019 года. На открытой площадке Сколково было представлено около 105 технологических стартапов и стартап-компаний, каждый на отдельном стенде. Возле каждого стенда находился сам технологический предприниматель или его представитель. Участники находились в прямом вербальном контакте, им можно было задавать вопросы или просто общаться по тематике проекта. Технологическим предпринимателям или их представителям было роздано около 50 анкет. Согласились заполнить и вернули анкету 19 технологических предпринимателей, то есть 18% участников. Если взять за основу данные отчета «Экономика Рунета 2018», подготовленного Российской ассоциацией электронных коммуникаций, согласно которым в России на разных стадиях развития действует порядка 700 технологических стартапов [4], то выборка проведенного нами опроса составляет 2,7 %, что позволяет считать надежность данных приближенной (доверительная вероятность — 85%, доверительный интервал — 17%).

В результате авторского опроса получены следующие основные социально-демографические характеристики российских технологических предпринимателей.

Относительно гендерного распределения российских технологических предпринимателей, что ожидаемо, подавляющее большинство основателей технологических стартап-компаний мужчины — 72,2%.

Возраст российских технологических предпринимателей располагается в диапазоне от 23 до 39 лет. То есть средний возраст — 34 года, это значительно моложе, чем в исследовании «Влияние моделей индивидуального поведения (механизмов самореализации, стратегий достижения успеха) на эффективность деятельности инновационных высокотехнологичных компаний на примере четырех стран: Россия, Финляндия, Южная Корея, Тайвань». Объясняется это тем, что в качестве респондентов в нем участвовали технологические предприниматели — резиденты бизнес-инкубаторов. То есть, как правило, проекты более наукоемких секторов технологического предпринимательства, требующие определенного научного задела и существенного времени на проведение исследований.

Однако выявленный в нашем исследовании возраст укладывается в мировую тенденцию: стартапы, в значительной степени, создаются выпускниками высших учебных заведений. Россия не исключение, так, согласно исследованию Академии проектов Farminers (инкубатор стартапов), которая в 2011г. приняла 926 заявок от IT-стартапов из разных регионов на получение инвестиций, средний возраст стартапера 26-30 лет, а тех, кто старше 35 лет, только 8% [5]. Схожие данные показало исследование российского рынка инновационного предпринимательства Startup Barometer за 2017 г.: основателям отечественных стартапов 30-32 года [1]. В связи с этим исследование именно молодежных технологических предпринимателей представляет наибольший интерес как основы инновационного предпринимательства.

Уровень образования российских технологических предпринимателей представлен на рисунке 1.

Одним из аспектов, подлежащих оценке путем проведения социологического опроса, являлось материальное положение технологических предпринимателей (рис. 3). Уровень доходов российских технологических предпринимателей приведен на рисунке 2.

Рис. 1. *Уровень образования российских технологических предпринимателей, %*

Рис. 2. *Общий среднемесячный доход российских технологических предпринимателей, тыс. руб.*

Анализ материального положения технологических предпринимателей позволил выявить интересную закономерность. Так, по уровню общего среднемесячного дохода российские технологические предприниматели делятся на 3 обособленные группы:

– тип 1: наименее обеспеченные предприниматели со среднероссийским доходом (30-39 тысяч рублей). Это самая однородная по доходам группа предпринимателей;

– тип 2: обеспеченные предприниматели с доходом, в 2 раза превышающим среднероссийский уровень (50-79 тысяч рублей). Это вторая по массовости группа предпринимателей — 26,3%;

– тип 3: наиболее обеспеченные предприниматели с доходом, в 3 и более раз превышающим среднероссийский (от 100 тысяч рублей). Это самая массовая группа предпринимателей — 57,9%.

Таким образом, проведенный предварительный социологический опрос позволил составить портрет типичного российского технологического предпринимателя. Это преимущественно мужчина (72,2%) в возрасте 23 до 39 лет с высшим образованием (или без него — 15,9%, или аспирантурой и ученой степенью — 15,8%). Созданный им инновационный бизнес позволяет ему получать доход, как правило, в 3 и более раз выше среднероссийского (от 100 тысяч рублей), реже в 2 раза.

Результаты данного исследования будут полезны при выработке соответствующих превентивных механизмов и инструментов активизации потенциала российского технологического предпринимательства.

Список источников

1. Венчурный барометр 2017 // Исследование российского рынка венчурных инвестиций [Электронный ресурс]. URL: https://drive.google.com/file/d/1KdoaCU2Dgj2sf9IejBa6wlyTHeXoaJuz/view (дата обращения 03.10.2018).

2. Глухих П.Л., Мыслякова Ю.Г., Малышева Е.В., Красных С.С. Взаимосвязь экспортного потенциала региона и стартап-движения молодежи // Экономика региона. — 2018. — № 4. — С. 1512-1525. — DOI: 10.17059/2018-4-35.

3. Исследование технологического предпринимательства // Европейский Университет в Санкт-Петербурге [Электронный ресурс]. URL: https://eu.spb.ru/sts/projects/19311-2011-2013-issledovanie-tekhnologicheskogo-predprinimatelstva (дата обращения 03. 06.2019).

4. Отчет «Экономика Рунета 2018» // Российская ассоциация электронных коммуникаций [Электронный ресурс]. URL: https://raec.ru/activity/analytics/9884/ (дата обращения 03.10.2018).

5. Портрет российского стартапа: кто такой, откуда родом? // Republic [Электронный ресурс]. URL: https://republic.ru/business/portret_rossiyskogo_startapa_kto_takoy_otkuda_rodom-685322.xhtml (дата обращения 03.10.2018).

6. Черныш А.В. Институционализация правил государственной поддержки инновационной деятельности в России 2000-х гг. на примере бизнес-инкубатора в Новосибирской области // Экономическая социология. — 2018. — Т. 19. — № 1. — С. 25-61.

Информация об авторах

Глухих Павел Леонидович (Россия, Екатеринбург) — кандидат экономических наук, с.н.с. (доцент), Институт экономики УрО РАН (620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29); Уральский государственный педагогический университет (620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26); e-mail: Gluchih_P_L@mail.ru

Осинцев Семен Игоревич (Россия, Екатеринбург) — магистрант, Уральский федеральный университет (620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, д.19), e-mail: 97osintsev@mail.ru

Glukhikh P.L., Osintsev S.I.

SOCIO-DEMOGRAPHIC PROFILE OF RUSSIAN TECHNOLOGY ENTREPRENEUR[1]

The article is aimed at studying the actual problem of technological entrepreneurship activation. The relevance is due to the state task of achieving global technological leadership of Russia in the field of advanced technologies by 2035. The main Russian trends in the development of technological entrepreneurs are formulated. The understanding of state authorities in the need for technological entrepreneurs is growing. The analysis of empirical studies shows the absence in Russia of a full-fledged socio-economic scientific assessment of the development of technological entrepreneurs. The authors conducted a trial study in the format of a sample survey of Russian technology entrepreneurs. The object of the pilot study selected Russian technology entrepreneurs — participants of the largest in Russia and Eastern Europe event Startup Village. This startup competition was held on the basis of SKOLKOVO Innovation center on may 29-30, 2019. As a result of the author's survey, a pattern of the total average monthly income of Russian technological entrepreneurs was revealed. Under the Russian conditions, 3 separate groups of technological entrepreneurs were formed. Type 1 — the least wealthy entrepreneurs with an average Russian income (30-39 thousand rubles). Type 2 — wealthy entrepreneurs with income 2 times higher than the average Russian. Type 3 — the most wealthy entrepreneurs with an income of 3 or more times higher than the average Russian (from 100 thousand rubles). The survey made it possible to make a portrait of a typical Russian technology entrepreneur. This is mainly a man aged 23 to 39 years with higher education. The innovative business created by the technological entrepreneur allows to receive the income in 3 and more times higher than the average Russian.

[1] The article was prepared with the financial support of the grant of the President of the Russian Federation for the state support of young Russian scientists MK-6580.2018.6

Keywords: high-tech enterprise, young people, NTI, type of a technology entrepreneur, start-up, the markets of the future

Authors

Glukhikh Pavel Leonidovich (Russia, Yekaterinburg) — candidate of economic sciences, research fellow, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (620014, Yekaterinburg, Moskovskaya Str., 29), Ural State Pedagogical University (620017, Yekaterinburg, Cosmonauts Avenue, 26), e-mail: gluchih_p_l@mail.ru.

Osintsev Semen Igorevich (Russia, Yekaterinburg) — master's degree student, Ural Federal University (620002, Yekaterinburg, Mira str., 19), e-mail: 97osintsev@mail.ru.

References

1. Venture barometer 2017 // Research of the Russian market of venture investments. [Electronic resource.] URL: https://drive.google.com/file/d/1KdoaCU2Dgj2sf9IejBa6wlyTHeXoaJuz/view (accessed 03.10.2018).

2. The deaf P. L., Maslakova Y. G., Malysheva E. V., Red S. S. the Relationship of export potential of the region and start-youth movement // The economy of the region. — 2018. — No. 4. — P. 1512-1525. — DOI: 10.17059/2018-4-35.

3. Research of technological entrepreneurship // European University in St. Petersburg. [Electronic resource.] URL: https://eu.spb.ru/sts/projects/19311-2011-2013-issledovanie-tekhnologicheskogo-predprinimatelstva (accessed 03. 06.2019).

4. Report "Runet Economy 2018" // Russian Association of electronic communications [Electronic resource.]. URL: https://raec.ru/activity/analytics/9884/ (accessed 03.10.2018).

5. Portrait of a Russian startup: who is it, where is it from? // Republic [Electronic resource]. URL: https://republic.ru/business/portret_rossiyskogo_startapa_kto_takoy_otkuda_rodom-685322.xhtml (accessed 03.10.2018).

6. Chernysh A.V. Institutionalization of the rules of state support of innovation in Russia in the 2000s on the example of a business incubator in the Novosibirsk region // Economic sociology. — 2018. — Vol. 19. — No. 1. — P. 25-61.

УДК 332.02

Гончарова К.С.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА, НАПРАВЛЕННАЯ НА СНИЖЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО НЕРАВЕНСТВА НАСЕЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ СУБЪЕКТОВ ЦФО)[1]

В настоящем исследовании методом контент-анализа были определены основные направления и инструменты реализуемой на федеральном и региональном уровнях государственной политики в области социально-экономической дифференциации населения. Проведенный анализ нормативно-правовых актов и стратегических документов позволил выявить три основных подхода к решению проблемы неравенства: создания равенства условий для всех экономических агентов; обеспечения справедливости распределения благ; повышения уровня жизни населения за счет качества экономического роста субъектов Федерации.

Ключевые слова: неравенство доходов населения, государственная региональная политика.

Важной детерминантой уровня здоровья населения является степень его дифференциации. Это может быть связано как с морально-психологическими условиями жизни, так и с физическим состоянием части населения, имеющей наименьшую долю в общем объеме доходов [1, 2]. В аспекте описанной взаимосвязи особый интерес приобретает анализ реализуемой на федеральном и региональном уровнях государственной политики в отношении проблемы неравенства доходов населения, так как ее изучение позволяет, с одной стороны, выявлять приоритеты органов управления по отношению к проблеме экономической дифференциации, с другой — прогнозировать ее дальнейшие тенденции, на основе оценки комплекса проводимых государственными органами мероприятий.

Наше исследование включало два основных этапа.

На первом этапе проанализированы нормативно-правовые акты федерального, отраслевого и регионального уровней на предмет отражения в них проблемы социально-экономического неравенства и возможностей ее нивелирования:

— документы, регламентирующие концептуальные *основы долгосрочного развития* страны, содержащие направления и цели социально-экономической политики, развития и обеспечения национальной безопасности, приоритеты и цели регионального развития России и являющиеся основой для формирования и корректировки перечня государственных программ[2];

---

[1] © Гончарова К.С. Текст. 2019.

Публикация выполнена при поддержке гранта РФФИ № 18-010-01049 «Методология и методика системной оценки взаимосвязи средовых факторов и здоровья населения в задаче устойчивого развития регионов России».

[2] Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28.06.2014 № 172-ФЗ.

— документы федерального, отраслевого и регионального *стратегического планирования*, принятые с целью реализации стратегий социально-экономического развития, национальной безопасности, научно-технологического и пространственного развития России, а также определяющие развитие отдельных отраслей экономики и цели и задачи регионального развития;

— документы, регулирующие *основы реализующейся государственной политики* и определяющие принципы, цели, приоритетные задачи и механизмы реализации государственной политики регионального развития Российской Федерации[1], а также цели, основные задачи и приоритеты политики правительства в области научно-технологического и социально-экономического развития на среднесрочную перспективу[2];

— *государственные программы*, содержащие комплекс мероприятий и инструментов государственной политики, обеспечивающих в рамках реализации ключевых государственных функций достижение приоритетов и целей государственной политики в сфере социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности страны[3].

На втором этапе обобщены результаты анализа предыдущего этапа и определены основные тенденции государственной политики Российской Федерации и ее субъектов.

Концептуальные основы государственной политики

В одном из главных документов, регламентирующих политику долгосрочного социально-экономического развития страны, — Стратегии 2020[4] — значительное внимание уделяется проблеме неравенства и бедности в России.

Для ее решения здесь предполагается проведение комплекса мероприятий, направленных на решение следующих задач:

— построение общества, в котором предоставляются *равные возможности для индивидов* в осуществлении социальной мобильности, реализации конституционных прав и свобод, доступах к транспортной инфраструктуре, информационным технологиям, культурным благам и услугам, а также *для бизнеса* в открытых доступах к рынкам, конкурентным условиям и условиям налогообложения — наравне с государственными учреждениями.

[1] Указ Президента РФ от 16.01.2017 № 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года».

[2] Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 года (утв. Правительством РФ 29.09.2018).

[3] Федеральный закон от 25 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации».

[4] Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р (ред. от 28.09.2018) «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» (вместе с «Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года»)

— создание общества, основанного на *доверии и ответственности*, путем обеспечения эффективности системы государственного управления и поддержания *социальной справедливости*. При этом под социальной справедливостью здесь иметься в виду деятельность по поддержке уязвимых слоев населения, интеграции мигрантов, возможности получения качественного образования, расширения свободы предпринимательства;

— *повышение уровня и качества жизни* населения и общества: рост доли среднего класса, рост размера пенсий и достойная жизнь пенсионеров, установление минимально допустимого уровня жизни (качественное образование, медицинское и культурно-досуговое обслуживание), формирование и развитие экономики, основанной на знаниях, технологиях и обеспечении развития человека, развитая энергетическая и транспортная инфраструктура, а также комплексное сбалансированное социально-экономическое развитие страны.

Документы стратегического планирования

На *федеральном уровне* можно выделить два документа, в которых отражены пути решения проблемы социально-экономического неравенства, — это Стратегия пространственного развития и Стратегия экономической безопасности Российской Федерации.

Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденная Распоряжением Правительства РФ от 13.02.2019 № 207-р, предполагает необходимость сокращения уровня меж- и внутрирегиональной дифференциации в социально-экономическом развитии субъектов России[1].

Достижение этого должно быть осуществлено посредством реализации комплекса мероприятий, основывающихся на следующих принципах:

— *выравнивания социально-экономического положения территорий*, с помощью, во-первых, *нивелирования различий в ценах (тарифах)* на электрическую энергию до среднероссийского уровня для отдельных потребителей электрической энергии Дальневосточного макрорегиона, во-вторых, *обеспечения равных возможностей* для реализации конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации на всей территории Российской Федерации;

— *дифференцирования поддержки* регионов исходя из региональной специфики социально-экономических условий развития.

В *Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года,* утвержденной Указом Президента РФ от 13.05.2017 № 208, основными вызовам и угрозами обозначены: усиление дифференциации населения по уровню доходов и неравномерность пространственного развития Российской Федерации, усиление дифференциации регионов и муниципальных образований по уровню и темпам социаль-

[1] Распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019 № 207-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года».

но-экономического развития[1]. Исходя из этого предполагается решение группы задач:

— снижение дифференциации населения по уровню доходов;

— снижение уровня бедности и имущественного неравенства населения;

— сокращение уровня межрегиональной дифференциации в социально-экономическом развитии субъектов Российской Федерации;

На *отраслевом уровне* примерами стратегий, содержащих мероприятия по сокращению дифференциации, являются Стратегии транспортной и пищевой и перерабатывающей промышленности.

В *Транспортной Стратегии Российской Федерации,* утвержденной Распоряжением Правительства РФ от 22.11.2008 № 1734-р[2], предусматривается стимулирование:

— справедливой конкуренции и недискриминационного доступа к рынку;

— снижения дифференциации в обеспечении доступности транспортных услуг для различных регионов и социальных групп общества.

В *Стратегии развития пищевой и перерабатывающей промышленности на период до 2020 года*, утвержденной распоряжением Правительства РФ от 17.04.2012 № 559-р[3], предполагается:

— развитие инфраструктуры продовольственного рынка для формирования *справедливых* цен на социально значимые виды продовольствия для населения;

— снижение территориальной дифференциации по потреблению основных продуктов питания и доведение потребления до уровня рациональных норм.

С целью анализа стратегических документов *на региональном уровне* нами была проведена оценка стратегий социально-экономического развития субъектов Центрального федерального округа.

В стратегических программах развития рассматриваемых регионов предполагается *повышение адресности и обоснованности получения социальной помощи* малоимущими гражданами, семьями с детьми, работниками бюджетной сферы (стратегии Ивановской, Курской, Липецкой, Московской, Рязанской областей[4]).

---

[1] Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года».

[2] Распоряжение Правительства РФ от 22.11.2008 № 1734-р (ред. от 12.05.2018) «О Транспортной стратегии Российской Федерации».

[3] Распоряжение Правительства РФ от 17.04.2012 № 559-р «Об утверждении Стратегии развития пищевой и перерабатывающей промышленности на период до 2020 года».

[4] Постановление Правительства Ивановской области от 04.06.2015 № 240-п (в ред. от 28.06.2017) «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Ивановской области до 2020 года» [Электронный ресурс]. URL: http://old.derit.ivanovoobl.ru/deyatelnost/strategicheskoe-planirovanie/strategiya-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-oblasti/; Постановление Администрация Курской области от 27 марта 2018 года № 249-па «Об утверждении Плана мероприятий по реализации в 2018 году Стратегии социально-экономического развития Курской области на период до 2020 года» [Электронный ресурс]. URL: https://adm.rkursk.

Также предполагается ряд мероприятий, создающих возможности для опосредованного снижения уровня неравенства. Здесь нами были выделены следующие направления воздействия:

— повышение *социально-экономической мобильности* населения (Курская и Владимирская области[1]);

— увеличение *минимума оплаты труда* (Курская область[2]) и уменьшение доли населения с доходом ниже *прожиточного минимума* (Костромская область[3]);

— рост *доходов населения* (Брянская, Владимирская, Костромская, Липецкая области[4]);

ru/index.php?id=2&mat_id=815; Закон Липецкой области от 25 декабря 2006 года № 10-ОЗ «Стратегия социально-экономического развития Липецкой области на период до 2024 года» [Электронный ресурс]. URL: https://www.admlip.ru/activities/docs/dokumenty-strategicheskogo-planirovaniya-lipetskoy-oblasti/; Постановление Правительства МО от 15.12.2006 № 1164/49 «О Стратегии социально-экономического развития Московской области до 2020 года» (вместе со «Среднесрочной программой социально-экономического развития Московской области до 2010 года») [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/cons/CGI/online.cgi?req=doc&base=MOB&n=47902&dst=100833#04873549687237164; Постановление Правительства Рязанской области от 25 декабря 2018 г. № 418 «Стратегия социально-экономического развития Рязанской области до 2030 года» [Электронный ресурс]. URL: https://admrzn.ru/ekonomika-i-biznes/strategiya-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-ryazanskoj-oblasti

[1] Указ Губернатора Владимирской области от 02 июня 2009 года № 10 «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Владимирской области до 2030 года» [Электронный ресурс]. URL: https://econom.avo.ru/strategia; Постановление Администрация Курской области от 27 марта 2018 года № 249-па «Об утверждении Плана мероприятий по реализации в 2018 году Стратегии социально-экономического развития Курской области на период до 2020 года» [Электронный ресурс]. URL: https://adm.rkursk.ru/index.php?id=2&mat_id=815

[2] Постановление Администрация Курской области от 27 марта 2018 года № 249-па «Об утверждении Плана мероприятий по реализации в 2018 году Стратегии социально-экономического развития Курской области на период до 2020 года» [Электронный ресурс]. URL: https://adm.rkursk.ru/index.php?id=2&mat_id=815

[3] Распоряжение Администрация Костромской области от 27 августа 2013 года № 189-ра «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Костромской области на период до 2025 года» (с изменениями на 7 августа 2017 года) [Электронный ресурс]. URL: http://docs.cntd.ru/document/430638345

[4] Постановление Администрации Брянской области от 20 июня 2008 года № 604 «Об утверждении стратегии социально-экономического развития Брянской области до 2025 года»; Указ Губернатора Владимирской области от 02 июня 2009 года № 10 «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Владимирской области до 2030 года» [Электронный ресурс]. URL: https://econom.avo.ru/strategia; Распоряжение Администрация Костромской области от 27 августа 2013 года N 189-ра «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Костромской области на период до 2025 года» (с изменениями на 7 августа 2017 года) [Электронный ресурс]. URL: http://docs.cntd.ru/document/430638345; Закон Липецкой области от 25 декабря 2006 года № 10-ОЗ «Стратегия социально-экономического развития Липецкой области на период до 2024 года» [Электронный ресурс]. URL: https://www.admlip.ru/activities/docs/dokumenty-strategicheskogo-planirovaniya-lipetskoy-oblasti/

— увеличение *доли среднего класса* в общей численности населения (Белгородская область[1]);

— повышение *качества и уровня жизни* населения (Владимирская область[2]);

— снижение *социально-экономического неравенства* (Костромская область[3]).

Основы реализуемой государственной политики

Мероприятия, направленные на снижение уровня социально-экономической дифференциации в регионах России, содержатся в четырех нормативно-правовых актах, отражающих основы проводимой государственной политики, это:

— Основы государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года;

— План мероприятий по реализации Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года;

— Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 года;

— Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019 - 2025 годы;

— Послание Президента РФ Федеральному Собранию.

В данных документах, во-первых, предусматриваются *равные возможности* реализации:

— *конституционных прав и свобод* граждан Российской Федерации на всей территории страны[4];

— *получения государственных услуг* в сфере миграции, в том числе информационных, для иностранных граждан независимо от их миграционного статуса, уровня доходов и иных обстоятельств[5].

Во-вторых, предполагается:

---

[1] Постановление Правительства Белгородской области от 25 января 2010 года № 27-пп Об утверждении стратегии социально-экономического развития Белгородской области на период до 2025 года (с изменениями на: 25.04.2016)

[2] Указ Губернатора Владимирской области от 02 июня 2009 года № 10 «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Владимирской области до 2030 года» [Электронный ресурс]. URL: https://econom.avo.ru/strategia

[3] Распоряжение Администрация Костромской области от 27 августа 2013 года № 189-ра «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Костромской области на период до 2025 года» (с изменениями на 7 августа 2017 года) [Электронный ресурс]. URL: http://docs.cntd.ru/document/430638345

[4] Указ Президента РФ от 16.01.2017№ 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года»

[5] Указ Президента РФ от 31.10.2018 № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019 - 2025 годы»

— *сглаживание* уровня *бюджетной обеспеченности* субъектов Российской Федерации, что, в конечном итоге, должно *снизить уровень межрегионального неравенства*[1];

— *развитие системы социальной защиты и социального обслуживания* исходя из принципов справедливости, адресности и нуждаемости[2].

В-третьих, оговариваются следующие направления реализации политики:

— сбалансированное пространственное развитие, направленное на сокращение межрегиональных различий в уровне социально-экономического развития[3] и выравнивания размещения производительных сил и расселения населения на территории страны[4];

— *повышение качества и уровня жизни* населения[5].

Государственные программы

На *федеральном уровне* проблема роста социально-экономического неравенства в России находит отражение в двух реализуемых государственных федеральных программах — «Экономическое развитие и инновационная экономика»[6] и «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российская Федерации»[7].

Здесь предусматривается, с одной стороны, предоставление предпринимателям равного доступа к информационной сети Интернет, с возможностью использования «информации о проведении торгов по объектам, находящимся в государственной и муниципальной собственности, и ограниченным ресурсам»[8], что опосредованно должно привести к перераспре-

---

[1] Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 года (утв. Правительством РФ 29.09.2018); Распоряжение Правительства РФ от 5 июня 2017 г. № 1166-р (ред. от 27.08.2018) «О плане мероприятий по реализации Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года»

[2] Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 года (утв. Правительством РФ РФ 29.09.2018)

[3] Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 года (утв. Правительством РФ 29.09.2018)

[4] Указ Президента РФ от 16.01.2017 № 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года»

[5] Распоряжение Правительства РФ от 5 июня 2017 г. № 1166-р (ред. от 27.08.2018) «О плане мероприятий по реализации Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года»

[6] Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 316 (ред. от 13.02.2019) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Экономическое развитие и инновационная экономика» сбалансированного пространственного развития Российской Федерации».

[7] Распоряжение Правительства РФ от 05.05.2018 № 872-р (ред. от 18.10.2018) «Об утверждении Концепции федеральной целевой программы «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2019 - 2025 годы)»»

[8] См. сноску 75

делению доходов от отдельных лиц, владеющих соответствующей информацией, к более широкому их кругу.

В свою очередь, рассматриваемая нами проблема существенно выражена в *региональных государственных программах:* развития образования, занятости и социальной поддержки населения.

Так, повышение степени равенства *доступа к образованию* обосновано в целях и задачах программ Тульской области[1], важное дополнение к ним представлено в программах Курской области[2], где акцентировано внимание на развитии *качественного* общедоступного образования. Последнее замечание, на наш взгляд, является принципиальным, так как затрагивает проблему равенства образования не с точки зрения самого факта *возможности* его получения, а равенства возможности получения образования такого уровня и качества, которые, первое — позволят в дальнейшем продолжить образование в среднем или высшем учебном заведении и/или, второе — соответствуют требованиям работодателя.

В государственных программах *содействия занятости* населения предполагается гарантированное обеспечение безработных граждан социальной поддержкой (зафиксировано в целях, задачах и индикаторах программ Брянской, Костромской областей[3]). Помимо этого, планируется создание благоприятных экономических условий для роста доходов отдельных граждан, чей доход ниже прожиточного минимума (Ивановская область[4]).

В программах *социальной поддержки* граждан фиксируются отдельные положения в осуществлении политики, направленной на *поддержку отдельных категорий граждан*: бедных и малоимущих (Калужская и Ярослав-

---

[1] Постановление Правительства Тульской области от 19 ноября 2013 г. № 637 «Об утверждении государственной программы Тульской области «Развитие образования Тульской области» [Электронный ресурс]. URL: http://ivo.garant.ru/#/document/30373214/paragraph/149403:0

[2] Постановление Администрации Курской области от 15 октября 2013 года № 737-па «Об утверждении государственной программы Курской области «Развитие образования в Курской области»» (с изменениями на 4 февраля 2019 года) [Электронный ресурс]. URL: https://adm.rkursk.ru/index.php?id=1179

[3] Постановление Администрации Костромской области от 31 июля 2014 года № 315-а «Об утверждении государственной программы Костромской области «Содействие занятости населения Костромской области»» (с изменениями на 28 января 2019 года) [Электронный ресурс]. URL: http://docs.cntd.ru/document/424070436; Постановление Правительства Брянской области от 27 декабря 2018 года № 732-п «Об утверждении государственной программы «Содействие занятости населения, государственное регулирование социально-трудовых отношений и охраны труда в Брянской области» (с изменениями на 12 февраля 2019 года) [Электронный ресурс]. URL: http://docs.cntd.ru/document/424034646

[4] Постановление Правительства Ивановской области от 9 июля 2013 года № 279-п Об утверждении государственной программы Ивановской области «Содействие занятости населения Ивановской области» (с изменениями на 28 января 2019 года) [Электронный ресурс]. URL: http://docs.cntd.ru/document/460150935

ская области[1]), семей с детьми (Ярославская область[2]), пенсионеров (Брянская и Владимирская области[3]), а также лиц, попавших в трудную жизненную ситуацию (Брянская, Ивановская области[4]). В качестве основных мер здесь планируется повышение степени социальной защищенности перечисленных выше групп населения — улучшения качества и доступности предоставления социальных трансфертов и льгот, а также уровня их обеспечения (Рязанская область[5]).

Здесь также предполагается *создание условий* для:

— *снижения бедности и социального неравенства* (государственные программы города Москвы и Ярославской области[6]);

---

[1] Постановление Правительства Калужской области от 26 ноября 2013 г. № 628 «Об утверждении государственной программы Калужской области «Социальная поддержка граждан в Калужской области»» (с изменениями на 26 декабря 2018 года) [Электронный ресурс]. URL: https://admoblkaluga.ru/sub/minsocial/gosprogr/sp.php; Постановление Правительства Ярославской области от 4 июня 2014 года N 539-п «Об утверждении государственной программы Ярославской области «Социальная поддержка населения Ярославской области» на 2014 - 2020 годы (с изменениями на 24 апреля 2018 года) [Электронный ресурс]. URL: http://docs.cntd.ru/document/412711845

[2] Постановление Правительства Ярославской области от 4 июня 2014 года № 539-п «Об утверждении государственной программы Ярославской области «Социальная поддержка населения Ярославской области» на 2014 - 2020 годы (с изменениями на 24 апреля 2018 года) [Электронный ресурс]. URL: http://docs.cntd.ru/document/412711845

[3] Постановление Правительства Брянской области от 29 декабря 2018 года № 735-п Об утверждении государственной программы «Социальная и демографическая политика Брянской области»; Постановление Администрации Владимирской области от 13 ноября 2014 г. № 1163 «Об утверждении государственной программы Владимирской области «Социальная поддержка отдельных категорий граждан во Владимирской области на 2014 - 2020 годы»» (с изменениями на 31 января 2019 г.)

[4] Постановление Правительства Брянской области от 29 декабря 2018 г. № 735-п «Об утверждении государственной программы «Социальная и демографическая политика Брянской области»»; Постановление Правительства Ивановской области от 15 октября 2013 г. № 393-п «Об утверждении государственной программы Ивановской области «Социальная поддержка граждан в Ивановской области»» (с изменениями на 13 марта 2019 г.) [Электронный ресурс]. URL: http://docs.cntd.ru/document/460214281

[5] Постановление Правительства Рязанской области от 30 октября 2013 г. № 343 «Об утверждении государственной программы Рязанской области «Социальная защита и поддержка населения»» (с изменениями на 2 апреля 2019 г.) [Электронный ресурс]. URL: http://docs.cntd.ru/document/460210455

[6] Постановление Правительства Москвы от 6 сентября 2011 г. № 420-ПП «Об утверждении Государственной программы города Москвы «Социальная поддержка жителей города Москвы»» (с изменениями на 24 апреля 2018 года) [Электронный ресурс]. URL: http://docs.cntd.ru/document/537907072; Постановление Правительства Ярославской области от 4 июня 2014 г. № 539-п «Об утверждении государственной программы Ярославской области «Социальная поддержка населения Ярославской области» на 2014 - 2020 годы (с изменениями на 24 апреля 2018 г.) [Электронный ресурс]. URL: http://docs.cntd.ru/document/412711845

— *повышения уровня и качества жизни населения* (Калужская, Липецкая[1] области);

— *роста благосостояния* (Тамбовская, Тульская, Ярославская области[2]);

Таким образом, проведенный анализ нормативно-правовых актов и стратегических документов позволил нам выявить **три основных подхода** к решению проблемы неравенства доходов населения в регионах России в контексте реализуемой государственной политики.

Первый подход базируется на **принципе** создания **равенства условий** реализации **прав, свобод и возможностей** всех субъектов — индивидов, домохозяйств, бизнеса.

Второй подход опирается на **принцип** обеспечения **справедливости распределения благ** путем проведения перераспределительной политики в форме социальных трансфертов и налоговых льгот.

Третий подход основывается на **принципе** повышения **уровня жизни населения** за счет качества экономического роста субъектов Федерации.

На наш взгляд, стратегия осуществления социально-экономической политики должна опираться на гармоничное сочетание этих трех подходов, реализуемое на региональном и федеральном уровнях.

Список источников

Римашевская Н. Неравенство доходов и здоровье / Н. Римашевская, О. Кислицина // Народонаселение. — 2004. — № 2. — С. 5—17.

Кислицына О. А. Неравенство в распределении доходов и здоровья в современной России. — М.: РИЦ ИСЭПН, 2005. — 376 с.

Информация об авторе

Гончарова Ксения Сергеевна (Россия, Екатеринбург) — аспирант, Институт экономики УрО РАН (620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29, e-mail: ksenia.gon4arowa@gmail.com).

---

[1] Постановление Правительства Калужской области от 26 ноября 2013 г. № 628 «Об утверждении государственной программы Калужской области «Социальная поддержка граждан в Калужской области»» (с изменениями на 26 декабря 2018 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://admoblkaluga.ru/sub/minsocial/gosprogr/sp.php; Постановление Администрации Липецкой области от 18 декабря 2013 г. № 598 «Об утверждении государственной программы Липецкой области «Социальная поддержка граждан, реализация семейно-демографической политики Липецкой области»» (с изменениями на 22 января 2019 г.) [Электронный ресурс]. URL: http://docs.cntd.ru/document/872621881

[2] Постановление Администрации Тамбовской области от 13 августа 2014 г. № 894 Об утверждении государственной программы Тамбовской области «Социальная поддержка граждан» (с изменениями на 27 декабря 2018 г.) [Электронный ресурс]. URL: http://docs.cntd.ru/document/445058253; Постановление Правительства Тульской области от 16 февраля 2018 г. № 65 «Об утверждении государственной программы Тульской области «Социальная поддержка и социальное обслуживание населения Тульской области»» (с изменениями на 26 февраля 2019 года) [Электронный ресурс]. URL: http://docs.cntd.ru/document/446652907; Постановление Правительства Ярославской области от 4 июня 2014 г. № 539-п «Об утверждении государственной программы Ярославской области «Социальная поддержка населения Ярославской области» на 2014 - 2020 годы (с изменениями на 24 апреля 2018 г.) [Электронный ресурс]. URL: http://docs.cntd.ru/document/412711845

Goncharova K.S.

SOCIO-ECONOMIC POLICY, AIMED TO REDUCE POPULATION ECONOMIC INEQUALITY (ON THE EXAMPLE OF SUBJECTS OF CENTRAL FEDERAL DISTRICT)

In this study, a content-analysis method identified a main directions and tools of state policy implemented at federal and regional levels in the field of socio-economic differentiation of a population. An analysis of legal acts and strategic documents made it possible to identify three main approaches to solving a problem of inequality: creating equal conditions for all economic agents, ensuring fair distribution of benefits and raising a standard of living of a population due to a quality of economic growth of subjects of the Federation.

Keywords: income inequality of population, state regional policy.

Author

Ksenia Goncharova (Russia, Yekaterinburg) — postgraduate, the Institute of Economics at the Russian Academy of Sciences (Ural branch) (620014, Yekaterinburg, Moskovskaya str., 29, e-mail: ksenia.gon4arowa@gmail.com).

References

1. Rimashevskaya N. Income inequality and health / N. Rimashevskaya, O. Kislitsina // Population. — 2004. — No. 2. — P. 5-17.

2. Kislitsyna O. A. Inequality in the distribution of income and health in modern Russia. — M.: Institute of socio-economic problems at the Russian Academy of Sciences, 2005. — 376 p.

UDC 314.174

Dimitrova E. K.

SOCIAL DIFFERENCES IN THE ATTITUDES TOWARDS THE BALANCE OF TIME FOR PAID WORK AND PRIVATE LIFE IN EUROPEAN PERSPECTIVE[1]

The aim of the paper is to study the social differences in the attitudes of the balance of time for paid work and private life in European countries. Data from the European Quality of Life Survey — 2016 has been used for the analysis. The applied method is descriptive statistical analysis. The results show that women more often report that their working time fits in well with their family or social commitments compared to men. The respondents in the age interval 30-44 most frequently experience difficulties with the combination of the time for paid work and that for private life. The share of people who reported that the working time does not fit in well at all with their private life is highest among the separated and divorced respondents. The percentage of people who respond negatively to the question if their working hours fit in with the family and social commitments increases with the increase of the number of children. Problems with the reconciliation of the time for paid work and private life experience more often people with lower than secondary education. Good reconciliation of the time for paid work and the time for family and other social commitments is present among the retired people who still work.

Keywords: working time; life-work balance; socio-economic differences; European Quality of Life Survey

Life-work balance is an object of research in the area of quality of life studies. The interest towards it emerges in the context of welfare societies in which the taylorism is replaces by the stronger emphasis on the satisfaction from labor and the way labor activity combines with other spheres of life. In the roots of the life-work concept lays the advancement of the division of labor [1], the separation of the spheres of the modern society [5] and the division between the public and the private sphere [3].

With the development of the post-industrial societies, life-work balance becomes an issue of special importance. In the era of information technologies, the need for fast and timely reaction on the work place and the changes in the labor activities related to the highly qualified work places become sources of tension provoked by the increasing work demands at the expense of leisure time and private life of the individuals. The increased work demands bring about processes of alienation, reduced time for interaction with the family members, reduced time for care for the dependent household members, reduction of activities such as sport and hobbies, less social contacts and weakened sense of attachment to the community.

One of the theories explaining the concept of life-work balance is the *role theory* [4, p. 43-70]. According to this theory, the individual exercises different roles in the sphere of paid work and private life — worker, parent, partner etc.

[1] © Dimitrova E.K. Text. 2019

The individual engages with these roles and role balance is achieved when full engagement is reached in the fulfillment of the different roles. Role conflict emerges when the individual cannot meet the role expectations, e.g. when the extra-working hours are at the expense of family responsibilities. Role conflicts bring about unbalance between private and professional life and an increased sense of stress and psychological tension due to the unfulfilled role expectations.

The relations between the two sphere of private and professional life go in two directions — not only the long hours of paid work can negatively influence the private life but also the overwhelming family duties can also have a negative impact on the engagement with the paid work. The studies show that the dominant transfer is that from the paid work to the private sphere [2]. The consequences of the unbalance between private and professional life are stress, insufficient engagement at work and at home, decreased quality of life and decreased life satisfaction.

The purpose of this study is to outline the social differences in the attitudes towards the life-work balance reflected in the satisfaction from the time for paid work as a component of the subjective wellbeing of the European citizens. For this purpose data from the European Quality of Life Study of Eurofound from 2016 is used.

One of the questions through which life-work balance is measured in the European quality of life survey is: "In general, how do your working hours fit in with your family or social commitments outside work?". The results show that for almost one fourth (23.4%) of the respondents in the European countries the time for paid work fits in well with their family or social commitments. For 53.8% of the interviewed people it fits in rather well; for 18.8% it fits in rather not well and for 4.1% it does not fit in at all.

On leading positions in the ranking of countries based on the satisfaction from the time for paid work are Sweden, the Netherlands, Slovakia, Denmark

Figure 1. *"In general, how do your working hours fit in with your family or social commitments outside work?" (%)*
Source: *European Quality of Life Survey 2016, Eurofound, author's estimates*

Figure 2. *Country ranking of the satisfaction from the time for paid work among people from the countries participating in EQLS*
Source: *European Quality of Life Survey 2016, Eurofound, author's estimates*

and Ireland. In these countries above 85% of the respondents report that their working time fits in very well or rather well with the other family and social commitments. At the bottom of the ranking are Turkey, Croatia, Greece, Serbia and Bulgaria. In these countries between 60% and 70% of the interviewed people report that their working time fit in very well or rather well with their engagements in private life. Figure 2 shows that the richest countries in Europe have the highest shares of people whose working time combines well with their private lives. This relation can be explained with the high level of the economic development and social protection in these societies. The Scandinavian countries have corporativist welfare regime. In this regime huge investments are directed towards social protection and wellbeing of the individuals/families. This has a positive effect on life-work balance. On the other extreme are the Balkan countries and the post-socialist countries which have weak social policies and low investments in the systems of social protection. This might have also a negative impact on the labor policies, the working time policies and the entire sphere of paid work.

Women in the European countries more often report that their working time fits in well with their family or social commitments compared to men - 24.2% of the women and 22.5% of the men respond that the time for paid work fits in very well. For slightly above 50% of men and women the time fits in rather well. Approximately one fourth of the respondents from both sexes respond that the time for paid work does not fit in very well. It does not fit in well at all for 4% of men and women.

Figure 3. *"In general, how do your working hours fit in with your family or social commitments outside work?" by gender (%)*
Source: *European Quality of Life Survey 2016, Eurofound, author's estimates*

The distribution by age shows that the respondents in the age interval 30-44 most frequently experience difficulties with the combination of the time for paid work and that for private life. In other words, the respondents who are in the most active part of their lives, experience more frequently difficulties in the reconciliation of the time for paid work and the time for family responsibilities. The highest percentage of the answers that the time for paid work combines well with the time for family and other social commitment is registered among the respondents above 50 years. Almost every third person from the respondents above 50 years (27.8%) reports that the working time fits in well with the family or social commitments.

Figure 4. *"In general, how do your working hours fit in with your family or social commitments outside work?" by age (%)*
Source: *European Quality of Life Survey 2016, Eurofound, author's estimates*

Figure 5. *"In general, how do your working hours fit in with your family or social commitments outside work?" by marital status (%) То же замечание*
Source: *European Quality of Life Survey 2016, Eurofound, author's estimates*

The distribution by marital status shows that people who are married, separated or divorced slightly more frequently report that the working time does not fit in well with their family and social engagements — from these groups every fifth respondent shares this opinion. The share of people who reported that the working time does not fit in well at all with their private life is highest among those who are separated and divorced (approximately 5%).

The percentage of people who respond negatively to the question if their working hours fit in with the family and social commitments increases with an increase of the number of children. Respectively, 3% from the respondents without children and two times more among those with three or more children

Figure 6. *"In general, how do your working hours fit in with your family or social commitments outside work?" by number of children (%)*
Source: *European Quality of Life Survey 2016, Eurofound, author's estimates*

Figure 7. *"In general, how do your working hours fit in with your family or social commitments outside work?" by education (%)*
Source: *European Quality of Life Survey 2016, Eurofound, author's estimates*

report that the time for paid work does not fit in well at all with their duties and responsibilities in private life.

Problems with the reconciliation of the time for paid work and private life experience more often people with lower than secondary education. 5.4% of respondents in this category report that they experience significant difficulties to combine the time for paid work and private life. Among the people with tertiary education this share is almost two times lower — 3.1%. Almost every third person from the people with tertiary education reports that his/her working time fits in very well with the family and social commitments. Among the respondents with secondary education this share is a little bit lower — approximately 20%.

Figure 8. *"In general, how do your working hours fit in with your family or social commitments outside work?" by employment status (%)*
Source: *European Quality of Life Survey 2016, Eurofound, author's estimates*

There is a difference in the answers of the respondents by labor status. The results from the study show that good reconciliation of the time for paid work and the time for family and other social commitments is present among the retired people who still work (42.4%). Most likely these are people who work part time or have flexible working time which allows for good reconciliation between paid work and private life.

The conclusion that we can draw is that strong differences exist in Europe in regard to life-work balance and particularly, to the satisfaction with the time for professional life and the way it combines with private life. In the poor countries in Europe, like the Balkan countries, the levels of satisfaction from the working time are lowest. In the richest European societies like the Scandinavian countries in which more flexible forms of labor are spread out and the social systems ensure high social protection of the individuals, the positive evaluation of the balance between the time for paid work and the time for private life is highest. Socio-economic differences between the countries in Europe have important consequences for the quality of labor, the quality of family life and the overall subjective wellbeing of the European citizens.

Author

Dimitrova Elitsa Kuzdova — researcher, PhD, associate professor Institute for Population and Human Studies — Bulgarian Academy of Sciences Acad. Goergi Bonchev str. Bl. 6 Fl. 6 Sofia 113 Bulgaria. E-mail: elitsa_kdimitrova@yahoo.com

References

1.Dyurkem, E. Za razdelenieto na obshtestveniya trud. Sofia: SONM, 2002. [Дюркем, Е. За разделението на обществения труд. София: СОНМ, 2002.] Durkheim, E. On the division of labour. Sofia: SONM, 2002. (translated in Bulgarian).

2.Eurofound. Striking a Balance: Reconciling Work and Life in the EU. Publications Office of the European Union, Luxembourg, 2018.

3.Khabermas, Yu. Strukturni izmeneniya na publichnostta. Sofia: UI "Sv. Kliment Okhridski", 1995. [Хабермас, Ю. Структурни изменения на публичността. София: УИ "Св. Климент Охридски", 1995]. Habermas, J. Structural Transformation of the Public Sphere. Sofia: St. Kliment Ohridski Publ. Press, 1995. (translated in Bulgarian).

4.Marks, S. R. & MacDermid, S. M. Multiple Roles and the Self: A Theory of Role Balance. Journal of Marriage and Family, 1996, no 58 (2), pp. 417–432.

5.Veber, M. Tsennost i smisal. Sofiya: Izd. "Kritika i khumanizam". [Вебер, М. Ценност и смисъл. София: Изд. "Критика и хуманизъм", 1998]. Weber, M. Value and Meaning. Sofia: Kritika i Humanizam Publ. Press, 1998. (translated in Bulgarian)

УДК 331.5

Злотников А.Г., Смалюга А.К.

БЕЛАРУСЬ КАК ДОНОР РОССИЙСКОЙ МИГРАЦИИ[1]

Анализируются масштабы и тенденции белорусской трудовой миграции на рынке труда России. Дается характеристика региональных направлений белорусско-российской миграции. Рассматриваются последствия трудовой миграции для экономики и демографического развития Беларуси и России.

Ключевые слова: трудовая миграция, рынок труда, демографическое развитие, Беларусь, регионы России.

Среди миграционных процессов в Республике Беларусь трудовая миграция — самая массовая, во много раз превышающая другие виды миграций в стране. Она больше численности мигрантов, прибывших в Республику Беларусь на постоянное место жительства (15,1 тыс. чел.) — в 32 раза; больше численности выбывших из Беларуси на постоянное место жительства в другие страны (18,9 тыс. чел.) — в 26 раз; больше численности трудовых мигрантов на белорусском рынке труда (20,7 тыс. чел.) — в 24 раза.

Наибольшая численность белорусских трудовых мигрантов занята на рынке труда

России, и колеблется она в пределах 600-800 тыс. чел. По данным миграционных служб Российской Федерации, в 2015 г. на российском рынке труда получили статус резидентов 307510 граждан Беларуси. Причем в последние годы наблюдается значительный рост трудовых мигрантов из Беларуси на российском рынке труда: так, в 2016 г. их численность составляла 345801 чел., в 2017 г. — 394449 чел. и в 2018 г. — 452064 чел. При этом, как видно из вышеприведенных данных, величина прироста с каждым годом растет: за 2015-2016 гг. этот прирост составил 38,3 тыс. чел, за 2016-2017 гг. стал больше на 48,6 тыс. чел., а за 2017-2018 гг. — еще на 57,2 тыс. чел. За 2015-2018 гг. рост численности трудовых мигрантов из Беларуси, получивших статус резидентов на российском рынке труда, составил почти полтора раза — 147,0%.

Кроме того, по данным Евростата, ежегодно за последние три года в среднем около 80 тыс. белорусов получили статус резидентов в странах Евросоюза. Количество же трудящихся-иммигрантов, въехавших на территорию Республики Беларусь для работы на основе подписанных договоров и контрактов, по данным МВД Республики Беларусь, составило в 2016 г. 20741 чел., в 2017 г. — 15844 чел. [1].

Масштабы белорусской трудовой миграции касаются почти восьмой части трудового потенциала Беларуси. Этот рост отражает проблемы занятости белорусского трудового потенциала на национальном рынке труда. Численность занятых в экономике страны за 2010-2018 гг. сократилась бо-

[1] © Злотников А.Г., Смалюга А.К. Текст. 2019

лее чем на 400 тыс. чел., т.е. ежегодно занятость в экономике уменьшается почти на 50 тыс. чел. Рост численности трудовых мигрантов- белорусов, официально зарегистрированных на рынке труда России, связан также с Декретом Президента Республики Беларусь № 3 «О предупреждении социального иждивенчества», создавшим для нескольких сот тысяч граждан Беларуси правовые и бытовые проблемы. Позже он был приостановлен, но проблемы для не занятых в экономике Беларуси не были сняты. Наличие официальных документов об их регистрации на рынке труда России позволяет белорусским трудовым мигрантам несколько снять проблемы, вытекающие из данного декрета, с налоговыми службами и региональными административными структурами Республики Беларусь.

Особенностью регионального процесса трудовой миграции является то, что, в основном трудовые мигранты из восточных (Витебской, Гомельской и Могилевской) областей ориентируются на российский рынок труда, а население западных регионов (Брестской и Гродненской областей) выбирает западный вектор трудовой миграции. Такая региональная особенность трудовой миграции связана с приграничными реалиями, к которым относится этническая структура областей, а также определенная политика граничащих с Беларусью государств. Так, наряду с государственными границами имеются и этнические границы. Этнические белорусские границы охватывают ряд западных территорий Брянской, Смоленской областей, а также северных территорий Псковской области, как впрочем и этнические русские границы проходят по территории Беларуси. Это сказывается и на величине этнических общностей в приграничных регионах. Если в целом по Беларуси процент этнических русских составил 8,3%, то наиболее он высок в Витебской области — 10,2%, в г. Минске — 10,0%, Могилевской области — 7,8% и Гомельской области — 7,7%.

В отношении западных областей Беларуси важными факторами являются следующие обстоятельства. Во-первых, до 1939 года западные области современной Беларуси были в составе польского государства. Во-вторых, самый высокий удельный вес этнических поляков в национальной структуре Гродненской области. Так, по данным последней национальной переписи населения, в Республике Беларусь проживало 294 тыс. поляков, удельный вес которых в населении Беларуси составил 3,1%. Это третий показатель среди этносов в Беларуси. В Гродненской области поляки — вторая по численности этническая общность. Здесь проживает 230,8 тыс. поляков, или пятая часть (21,5%) населения области. В ряде регионов Гродненской области удельный вес этнических поляков превышает и 50-процентный показатель.

И третье важное обстоятельство западного вектора миграции граждан Беларуси — существование с 2007 г. так называемых «карт поляков», введенных парламентом Польши для граждан стран бывшего СССР с польскими корнями. В первую очередь эти «карты поляков» рассчитаны на граждан Беларуси, Украины и Литвы, территории которых в конце XVIII века входили в Речь Посполитую. Кроме того, Белостокское воеводство в 1939 г. было включено в состав областей Белорусской ССР, из которой оно в 1945 г.

было передано Польше. Одной из целей этой «карты» является привлечение культурно близкого населения в Польшу как в качестве трудовых мигрантов, так и эмигрантов.

Белорусская трудовая миграция на российском рынке труда — самая высокая среди всех миграционных процессов Республики Беларусь. В отличие от миграционных служб Российской Федерации, данными которыми мы оперируем, миграционные службы Республики Беларусь дают информацию о численности белорусских трудовых мигрантов на российском рынке труда во много раз меньшую. По данным МВД Республики Беларусь, занятость белорусских трудовых мигрантов на российском рынке труда на основе подписанных договоров и контрактов составляет немногим более 6 тыс. чел. Причем в последние годы, по белорусским данным, эта численность имеет тенденцию к постоянному снижению.

В отношении трудящихся-мигрантов, официально заключивших с российскими фирмами контракты, большинство видов работ связано с применением преимущественно физического труда. Трудовая деятельность, связанная с умственным трудом, составляет всего около 6%. Российских работодателей интересуют в первую очередь рабочие строительных и сельскохозяйственных специальностей, специалисты нефтегазового комплекса и транспортники. Работать в России на основе контрактов чаще всего приходится вахтовым методом по 40-60 суток. География контрактных потоков носит избирательный характер. Они направлены главным образом в Западную Сибирь (более 80%).

На российском рынке труда белорусские трудовые мигранты сталкиваются с проблемами: узкой специализации занятости — главным образом в строительстве, транспорте, торговле; невысокого уровня квалификации выполняемой работы; недостаточности социальной защищенности.

Сведения миграционных служб Российской Федерации дают почти в 75 раз более высокую цифру о легальных трудовых мигрантов из Беларуси на рынке труда России. Наибольшая численность белорусских трудовых мигрантов, работающих по неофициальным договорам и контрактам, ориентирована на рынок труда Центрального и Северо-Западного федеральных округов, что в настоящее время составляет почти три четверти (74,3%) белорусско-российского рынка труда. Из них на Центральный федеральный округ приходится более половины всех белорусских трудовых мигрантов в России — 50,9%, а на Северо-Западный федеральный округ — около четверти (23,4%). Но, если рост численности трудовых мигрантов из Беларуси в Центральном федеральном округе на уровне их роста в целом по России (147,4%), то их рост в Северо-Западном федеральном округе за 2015-2018 гг. — незначительный (122,5%). Ниже рост численности белорусских трудовых мигрантов только в Уральском федеральном округе — 120,4% (см.: табл. 1).

Основной поток белорусских трудовых мигрантов в Центральном федеральном округе в 2018 г., как и в предыдущие годы, ориентирован на Москву (116,6 тыс. чел., или 50,6%) и Московскую область (50,4 тыс. чел., или 20,5%). Следующими привлекательными для белорусских трудовых мигрантов ре-

Таблица 1

Динамика зарегистрированных трудовых мигрантов из Республики Беларусь по федеральным округам Российской Федерации за 2015-2018 гг. по данным миграционных служб Российской Федерации, чел.

Регион	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Всего по регионам РФ	307510	345801	394449	452064
В том числе по федеральным округам:				
Центральный	156239	178846	208598	230241
Северо-Западный	86374	89685	91852	105806
Южный *)	18108	32608	40933	56603
Северо-Кавказский	1564	1635	2020	2494
Приволжский	16997	18588	22131	23802
Уральский	15402	14840	16539	18545
Сибирский	5575	6537	7766	9449
Дальневосточный	3974	3242	4310	5124

* Данные по Южному ФО за 2015 г. приведены без численности белорусских трудовых мигрантов по Крыму и Севастополю, составивших 3277 чел. В последующие годы в данные включена и численность белорусских трудовых мигрантов по Крыму и Севастополю, составившая соответственно: 2016 г. — 6614 чел., 2017 г. — 9051 г. и 2018 г. — 11882 чел.

гионы являются приграничные с Беларусью: Смоленская (13,7 тыс. чел.), Брянская (10,6 тыс. чел.), также Калужская (10,0 тыс. чел.) области. Смоленское направление в основном обеспечивают трудовые мигранты Могилевской и Витебской областей, Брянское — гомельские и могилевские трудовые мигранты. Калужское («А ну-ка! Дай жизни, Калуга») направление — это приграничное с Подмосковьем направление. В целом можно сказать, что основная часть белорусских трудовых мигрантов в Центральном федеральном округе представляет московское направление (Брянская, Смоленская, Калужская и Московская области, а также г. Москва) – 87,4% округа.

Другой «столичный» регион (г. Санкт-Петербург и Ленинградская область) привлекает белорусских трудовых мигрантов и в Северо-Западном федеральном округе — 76,6 тыс. чел. (72,5%). 9,4 тыс. чел. — таков белорусский «десант» трудовых мигрантов в российском анклаве — Калининградской области. Граничащая с Витебской областью Псковская область — следующий значимый рынок труда для белорусов в этом округе.

Самый высокий рост трудовых мигрантов из Беларуси в 2015-2018 гг. приходится на Южный федеральный округ, где он составил более двух с половиной раз — 264,7%. Это если считать с входящим в настоящее время в РФ Крымом, который миграционная служба России в 2015 г. не учитывала. Если взять данные без Крыма для сравнимости и с 2018 г., то рост белорусских трудовых мигрантов в Южном федеральном округе и без учета Крыма — самый высокий на российском рынке труда (247,0%). Рост численности белорусских трудовых мигрантов в Крыму и Севастополе — еще выше (с 3277 чел. в 2015 г. до 11882 чел., или 362,6% роста).

В связи с тематикой X Уральского демографического форума — «Социально- экономические и демографические аспекты реализации национальных проектов в регионе» — важной и для Уральского региона, и для Беларуси является тенденция самого низкого роста на уральском рынке труда численности белорусских трудовых мигрантов, составившего за 2015-2018 гг. 120,4% при общей по Российской Федерации — 147,0%. Наибольшая численность белорусских трудовых мигрантов в Уральском федеральном округе (см. табл. 2) приходится на нефтяные регионы — Ямало-Ненецкий автономный округ (7238 чел.) и Ханты-Мансийский автономный округ (4008 чел.). При этом в последнем регионе (ХМАО) наблюдается уменьшение занятости белорусских трудовых мигрантов. Для гомельчан (авторов данной статьи) неожиданной оказалась низкая численность белорусских трудовых мигрантов в Уральском федеральном округе. Неожиданной потому, что в годы Великой Отечественной войны многие промышленные предприятия были эвакуированы на Урал. Особенно неожиданной оказалась «привлекательность» Курганской области, а значит и города Курган, где были размещены в эвакуации цеха самого крупнейшего предприятия Гомельской области — завода «Гомсельмаш».

В последнее время столкнулись две стратегии в отношении белорусских трудовых мигрантов, занятых на рынке труда в России. В связи с тем, что особенно много белорусов работает в сфере строительства в России, на самом высоком уровне в Беларуси исходят из того, что если белорусам выгодно трудиться в России — пусть трудятся. Но при этом предлагается, чтобы их семьи по другим, более высоким шкалам, платили за коммунальные услуги. Услуги здравоохранения, обучения и др. для их родственников должны быть только платными.

В противовес этой ограничительной, и по сути дела запретительной, стратегии в России в 2011 г. был принят закон о правовом статусе трудящихся-мигрантов и членов их семей. Этим законом предусмотрена иная стратегия — со значительными преференциями для мигрантов и членов их семей из стран — членов Таможенного союза, с ориентацией, прежде всего, на славянское население из Беларуси. Если прежние юридические основы

Таблица 2

Изменение численности белорусских трудовых мигрантов в регионах Уральского федерального округа в 2017-2018 гг., чел.

Регионы УрФО	2017 г.	2018 г.
Уральский федеральный округ	16539	18545
В том числе:		
Курганская область	224	328
Свердловская область	2332	3337
Тюменская область	1599	1996
Ханты-Мансийский автономный округ	4820	4008
Ямало-Ненецкий автономный округ	5825	7238
Челябинская область	1439	1638

давали преференции только самим трудовым мигрантом из Беларуси, то новые, по сути дела, способствуют объединению семей, а значит в перспективе их закреплению в России.

Современная ситуация с белорусскими трудовыми мигрантами в геополитическом плане стала полем сражения за демографический потенциал. Россия в связи с демографической депопуляцией взяла курс на привлечение в страну этнически близкого к русскому этносу населения. Население Беларуси для России является наиболее приемлемым миграционным источником. Гиперинфляционные процессы в Беларуси 2011 г., вызвавшие почти в 3 раза падение курса национальной валюты и снижение жизненного уровня, увеличили отток белорусского населения на рынок труда России. Из Беларуси выезжают более квалифицированные кадры, чем в нее въезжают, т.е. в борьбе на рынке труда за квалифицированный трудовой потенциал Беларусь проигрывает. Уезжают, в основном, молодые, работоспособные и перспективные в репродуктивном плане люди. Проводимая с 2007 г. Россией либеральная политика в отношении трудовых мигрантов создает им (и прежде всего белорусским мигрантам) основания на получение российского гражданства, чтобы, тем самым, обеспечить за их счет прирост населения.

Ростом численности граждан Беларуси на российском рынке труда Россия, во- первых, удовлетворяет потребность своего рынка труда; во-вторых, Россия в белорусских трудовых мигрантах видит возможность увеличения в перспективе численности своего населения и выхода из депопуляционных процессов; в-третьих, снимает проблемы занятости в Беларуси, позволяя ей иметь самый низкий на постсоветском пространстве уровень регистрируемой безработицы, и, в-четвертых, трудовая миграция позволяет обеспечить приток иностранной валюты в Беларусь (в отдельные периоды до 12 млрд долларов).

Как видно из перечисленного, последствия от белорусской трудовой миграции для Беларуси и России — различные. Как показывает исторический опыт, эта более чем полумиллионная численность белорусских трудовых мигрантов в России может в итоге на 2/3 превратиться в миграционные безвозвратные потери населения Беларуси. Это одновременно и прямые демографические потери, так как значительная часть этих трудовых мигрантов (а это наиболее активная часть и в репродуктивном плане) вступает в незарегистрированные браки в России, что ведет к распаду семей в Беларуси, ограничению рождаемости и, как итог, наличию потенциальной угрозы уменьшения численности населения Беларуси. Тем более, что проводимая в России миграционная политика рассматривает русскоязычное население в новых независимых постсоветских государствах, как важнейший демографический источник.

И здесь национальные демографические интересы Беларуси и национальные интересы России не совпадают. Еще в декабрьском (2012 г.) Послании Федеральному Собранию Российской Федерации Президент России В.В. Путин поставил демографические процессы во главу глобальных пер-

спектив развития страны, говоря, что в современном мире «ужесточается конкуренция за ресурсы ... прежде всего за человеческие ресурсы, за интеллект». И реальная политика, проводимая в демографической сфере в России, в первую очередь отражается на демографических процессах Беларуси, вступая в противоречие с ее национальными демографическими интересами. Но, к сожалению, в Беларуси этого долго не осознавали. И только в 2019 г. в ежегодном Послании к белорусскому народу и Парламенту Президент Республики Беларусь ясно заявил, что для Беларуси вопрос демографии «это вопрос будущего. Будущего и нашей государственности, и нашей национальной идентичности» [2].

Список источников

Учет трудящихся-эмигрантов и трудящихся-мигрантов за 2017 год /Министерство внутренних дел Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: : http://mvd.gov.by/ru/main.aspx?guid=16721 (дата доступа : 10.02.201)].

Лукашенко А.Г. Три столпа уверенного курса нашей страны: Благополучие народа, миролюбивая внешняя политика, национальная безопасность. Выступление Президента А.Г. Лукашенко при обращении с ежегодным Посланием к белорусскому народу и Парламенту // Беларусь сегодня (СБ). — 2019. — 20 апр. — № 75.

Информация об авторах

Злотников Анатолий Геннадьевич (Республика Беларусь, Гомель) — кандидат экономических наук, доцент, профессор кафедры права и экономических теорий, Белорусский торгово- экономический университет потребительской кооперации (246029, Республика Беларусь, Гомель-29, проспект Октября 50, e-mail: zlot@tut.by).

Смалюга Андрей Кондратьевич (Республика Беларусь, Гомель) — заместитель начальника управления по гражданству и миграции УВД Гомельской области (246000, Республика Беларусь, Гомель, проспект Ленина, 45а, e-mail: smalyuga97@mail.ru).

Zlotnikov A.G., Smaluga A.K.

BELARUS AS A DONOR OF RUSSIAN MIGRATION

The magnitudes and trends of the Belarusian labour migration on the labour market of Russia are analyzes. The characteristic of regional directions of Belarusian-Russian migration is given. The consequences of labor migration for the economy and demographic development of Belarus and Russia are considered.

Keywords: labor migration, labor market, demographic development, Belarus, regions of Russia.

References

Registration of emigrant and migrant workers for 2017 / The Ministry of internal Affairs of the Republic of Belarus Mode of access [Электронный ресурс]. URL: http://mvd.gov.by/ru/main.aspx?guid=16721 (date of access: 10.02.2018).

Alexander Lukashenko. The Three Pillars of a Confident Course of Our Country: the Welfare of the People, a Peaceful Foreign Policy, National Security. Speech by President Alexander Lukashenko

in Handling Annual Message to the Belarusian People and the Parliament // Belarus Today (SB). — Apr. 20. — No. 75.

УДК 314.15; 314.3

Злотников А.Г.

ТЕНДЕНЦИИ В СТРУКТУРЕ РОЖДАЕМОСТИ БЕЛАРУСИ[1]

В статье анализируются депопуляционные процессы в Республике Беларусь последних двух лет, характеризующие падение рождаемости, которое в 2017 г. составило 15,2 тыс. чел., а в 2018 г. — 8,5 тыс. чел. На основе материалов демографической статистики дан анализ тенденций изменения репродуктивного поведения демографического потенциала Беларуси 2017-2018 гг. (женщин возрастной когорты 20-34 лет, на которую приходится более 85% рождений). Удельный вес вклада в рождаемость возрастных групп матерей 30-34 лет вырос с 25,8% в 2015 г. до 29,2% в 2018 г. Соответственно наблюдается и рост вклада женщин возраста 35-39 лет — с 10,2 до 13,0%, а также 40 лет и старше — с 1,8 до 2,5%. При этом в 2017-2018 гг. наблюдается тенденция снижения сравнительных коэффициентов рождаемости возрастов 20-34 лет и их рост в возрастных когортах более 35 лет. Значительным падением рождаемости по сравнению с 2016 годом — более чем на 15 промилльных пункта — характеризуется возрастная группа женщин 25-29 лет. Более чем на 10 промилльных пунктов зафиксировано падение рождаемости в возрастной группе 20-24 лет и почти на 8 промилльных пункта в возрастной группе 30-34 лет. Сделан вывод, что изменения в репродуктивных процессах связаны не с уменьшением численности самих возрастных когорт потенциала рождаемости, а с уменьшением рождаемости в этих возрастных когортах. На снижение интенсивности рождений среди возрастных групп последних лет повлияли управленческие механизмы изменения в пенсионной системе. Обосновывается, что новый виток депопуляции вызван факторами социального и экономического характера, порожденными реформой государственных бюджетов («финансовой диетой»). Эта реформа, основанная на изменениях в пенсионном законодательстве, нарушила сложившуюся систему стимулирования рождаемости в Республике Беларусь.

Ключевые слова: депопуляционные процессы, рождаемость, демографический потенциал, возрастные когорты, структурные изменения, Республика Беларусь.

Демографические процессы являются результатом тенденций предшествующего развития в социально-экономической и собственно демографической сфере. Последнее десятилетие XX столетия и первое десятилетие XXI века в демографическом отношении для Беларуси были сложными. Наиболее заметно это проявилось в репродуктивной сфере. В 1991, 1993 и 1995 гг. рождаемость по сравнению с предыдущими годами снижалась в среднем на 10 тыс. младенцев (см. табл. 1). С этого периода — развала

[1] © Злотников А.Г. Текст. 2019

единого демографического пространства, входа в новые социально-политические и социально-экономические процессы — рождаемость в стране постоянно падала.

Особенно низкие показатели рождаемости сложились к 2002 году, когда численность родившихся в уже независимой Беларуси стала ниже 90 тыс. чел. Чтобы выйти из сложившихся депопуляционных процессов, в 2002 году был принят Закон Республики Беларусь «О демографической безопасности в Республике Беларусь», ставший началом постепенного выхода из депопуляционных процессов и положивший начало росту рождаемости. Уже в 2007 г. рождаемость в стране превысила стотысячный рубеж, а 2015 г. дал самый высокий показатель рождаемости в Республике Беларусь — 119 тыс. чел. И в первые девять месяцев 2016 г. по сравнению с соответствующим периодом 2015 г. родилось на 518 человек больше, чем умерло. В январе-сентябре 2016 г. младенцев появилось на свет на 838 человек больше, чем за аналогичный период 2015 г. На основе этих итогов в октябре 2016 г. демографические процессы в стране в ведущих белорусских СМИ были охарактеризованы как выход Беларуси на «светлую дорогу демографии», что наконец-то «демографические ножницы сжались».

Однако через три месяца, по итогам 2016 г., в целом рождаемость оказалась по сравнению с 2015 г. на 1249 человек меньшей, хотя относительные показатели (коэффициенты рождаемости — в расчете на 1000 жителей) остались на уровне 2013-2015 гг. — 12,5‰. То есть уже в последнем квартале 2016 г. в Беларуси наметился спад рождаемости (см. табл. 2), который в бóльших масштабах продолжился и в 2017 г., составив 102,6 тыс. чел. В

Таблица 1

Динамика процесса рождаемости в Республике Беларусь за 1990-2018 гг.

Год	Число родившихся, чел	‰	Год	Число родившихся, чел	‰
1990	142 167	14,0	2005	90 508	9,4
1991	132 045	13,0	2006	96 721	10,1
1992	127 971	12,5	2007	103 626	10,8
1993	117 384	11,5	2008	107 876	11,3
1994	110 599	10,8	2009	109 263	11,5
1995	101 144	9,9	2010	108 050	11,4
1996	95 798	9,4	2011	109 147	11,5
1997	89 586	8,9	2012	115 893	12,2
1998	92 645	9,2	2013	117 997	12,5
1999	92 975	9,3	2014	118 534	12,5
2000	93 691	9,4	2015	119 028	12,5
2001	91 720	9,2	2016	117 779	12,5
2002	88 743	9,0	2017	102 556	10,7
2003	88 512	9,0	2018	94 042	9,9
2004	88 943	9,1			

тенденциях снижения рождаемости, которое по сравнению с предыдущим 2016 г. составило 15,2 тыс. чел., показатель падения рождаемости 2017 г. стал одним из худших результатов в демографической истории Беларуси. Наибольшее падение рождаемости в республике в абсолютных величинах до этого пришлось на 1953 год — на 14,9 тыс. чел. В истории суверенной Беларуси наибольшее падение рождаемости было отмечено на заре ее становления — в 1992-1994 гг. За этот период снижение рождаемости по сравнению с предыдущими годами характеризовалась следующими величинами: 1992 г. — падение рождаемости составило 10,6 тыс. чел., в 1993 г. — 6,8 тыс. чел. и в 1994 г. — 9,5 тыс. чел. Далее падение рождаемости замедлилось, принесшее самые низкие уровни рождаемости в 2002 г. — 88,7 тыс. и в 2003 г. — 88,5 тыс. родившихся младенцев или 9,0‰.

Итоги репродуктивных процессов в Беларуси последнего квартала 2016 г. и в целом 2017 г. для многих социальных институтов оказались неожиданными. Настолько неожиданными, что на фоне предшествующей информационной мажорной тональности ежемесячные, квартальные и полугодовые данные демографической статистики с начала 2017 г. исчезли с интернетовских страниц и публикаций Национального статистического комитета Республики Беларусь. Не стали они предметом озабоченности ежегодных (2017 и 2018 гг.) президентских Посланий к белорусскому народу и Парламенту. По этой причине не стали они и предметом анализа белорусских специалистов в области демографии. Исключением были только публикации в 2017 г. автора данных материалов в статьях «Экспертиза современной репродуктивной ситуации в Беларуси», «Пенсионная система и обеспечение демографической безопасности Республики Беларусь», а также в публикации «Проблемы современных семейно-брачных отношений в Беларуси» в материалах Международной научной конференции VIII Уральского демографического форума.

Возникает вопрос: что же повлияло на сложившееся нынешнее падение рождаемости? Руководство Белстата (Национального статистического

Таблица 2

Сравнительная характеристика поквартальной рождаемости в Республике Беларусь за период 2010-2017 гг. (детей)

Год	Всего за год	Из них по кварталам:			
		1-й квартал	2-й квартал	3-й квартал	4-й квартал
2010	108050			27918	27231
2011	109147	25816	24985	30142	28204
2012	115893	27027	27128	30779	30959
2013	117997	28051	28133	32733	30080
2014	118534	27690	29594	31957	29293
2015	119028	27812	28736	32431	30049
2016	117779	29052	29214	30668	28845
2017	102566	25176	25380	27185	24825

комитета Республики Беларусь) и Минтруда (Министерства по труду и социальной защиты населения Республики Беларусь) объясняет негативные тенденции, процессы в репродуктивной сфере структурными демографическими изменениями — уменьшением численности женщин наиболее активного репродуктивного возраста. Конечно, уменьшение численности репродуктивного потенциала в ближайшей, а тем более в отдаленной перспективе, станет важнейшим структурным фактором депопуляционных процессов. Тенденции показывают, что Беларусь вступает в период наложения нескольких ям демографических волн, как «демографическое эхо»: во-первых, очередной волны последствий Великой Отечественной войны, и, во-вторых, резкого снижения рождаемости как демографических последствий периода развала единого демографического пространства начала 1990-х годов.

Статистическая информация о половозрастной структуре населения Беларуси 2017 и 2018 гг. не дает оснований для утверждения, что все дело в негативных последствиях для демографической структуры «демографического эха». Нынешнее сокращение численности родившихся, исходя из сложившейся половозрастной структуры населения Беларуси, пока незначительно связано с уменьшением численности репродуктивного потенциала. Уменьшение численности тех возрастных когорт демографического потенциала Беларуси, которые в предыдущие годы характеризовались относительно высоким уровнем рождаемости (женщин в возрасте 20-34 лет), в 2016 г. по сравнению с 2015 г. составило 0,4% при снижении численности родившихся на 1,05%. Это же характерно и для соотношении тенденций в рождаемости населения Беларуси, с одной стороны, и уменьшения численности репродуктивных возрастных когорт в последующие годы, с другой стороны. Так, численность родившихся в 2017 г. по сравнению с 2016 г. снизилась на 12,93%. А снижение численности женщин наиболее активного репродуктивного возраста оказалось в 5 раз меньшей — 2,38%. Численность родившихся в 2018 г. в сравнении с 2017 г. оказалась ниже на 8,3%, а численность потенциальных матерей (женщин в возрасте 20-34 лет) оказалась меньшей только на 2,83% (см. табл. 3).

Таблица 3

Численность репродуктивного демографического потенциала населения Республики Беларусь (на начало года, человек)

Год	Численность женщин в возрасте, лет:					
	15-19	20-24	25-29	30-34	35-39	40-44
2014	233 838	326 860	382 297	360 979	338 927	336 836
2015	225 919	307 467	378 674	369 035	340 655	338 177
2016	222 403	288 763	371 688	374 875	343 229	338 060
2017	220 459	269 600	359 474	381 577	346 397	336 387
2018	220 281	249 213	348 588	384 216	350 574	335 305

Последствия низкой рождаемости конца 1990-х — начала 2000-х годов в репродуктивной сфере еще не успели проявиться, так как в 2017-2018 гг. возраст тогда родившихся был в пределах 11-20 лет. А в среднем рождение женщиной первого ребенка в последние два десятилетия приходится на возраст, превышающий 25 лет. 2018 год установил «рекорд» среднего возраста рождения белорусской женщиной первого ребенка — 26,7 года.

Данные таблицы 4 свидетельствуют, что в наиболее репродуктивных возрастах — 20-34 лет, на которые приходится почти 85% рождений, как раз с 2017 г. наблюдается существенное снижение рождаемости. Так, значительным падением рождаемости по сравнению с 2016 годом характеризуется возрастная группа женщин 25-29 лет — более чем на 15 промилльных пунктов. Более чем на 10 промилльных пунктов зафиксировано падение рождаемости в возрастной группе 20-24 года и почти на 8 промилльных пунктов в возрастной группе 30-34 года. То есть изменения в репродуктивных процессах связаны не с уменьшением численности самих возрастных когорт потенциала рождаемости, а с уменьшением рождаемости в этих возрастных когортах. И здесь следует искать объяснения таких изменений.

То, что длительное время наблюдается «постарение» рождаемости, характеризующееся уменьшением вклада в рождаемость молодых возрастных групп, — это объективная тенденция современных мировых демографических процессов. Данные о постоянной тенденции уменьшения численности родившихся у белорусских женщин возрастной группы 15-19 лет подтверждают это. В текущем десятилетии величина их вклада в рождаемость уменьшилась почти в 2 раза. Становится тенденцией уменьшение величины вклада в общую рождаемость и возрастной группы 20-24 года, хотя в период 2010-2016 гг. она оставалась стабильной (около 90 промилльных пунктов), а в отдельные годы (2012 г.) коэффициент возрастной рождаемости этой когорты даже рос. Тенденция уменьшения вклада в рождае-

Таблица 4

Возрастные коэффициенты рождаемости в Республики Беларусь за 2010-2018 гг, ‰

Возраст, лет	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
15-19	20,7	20,9	22,4	22,1	20,5	18,1	16,1	13,4	11,6
20-24	89,8	88,9	93,7	91,7	91,8	89,4	88,0	78,2	72,1
25-29	101,6	103,4	110,8	112,7	113,8	115,4	116,1	100,7	90,5
30-34	62,1	64,8	69,0	75,0	78,0	82,5	84,4	76,3	71,4
35-39	23,2	23,8	27,0	30,1	32,8	35,7	37,7	34,9	34,8
40-44	3,7	4,0	4,4	5,0	5,6	6,1	6,5	6,8	6,7
45-49	0,1	0,1	0,1	0,1	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2
15-49	44,0	45,1	48,7	50,4	51,3	52,1	52,1	45,9	
СКР	1,494	151,5	162,0	166,8	169,6	172,4	173,3	154,1	

мость этой возрастной когорты подтверждается и постоянной тенденцией роста среднего возраста матерей при рождении первого ребенка (ныне это возраст 26,7 года). Но резкое его уменьшение в 2017 г. после стабильных показателей 2010-2016 гг. более чем на 10 промилльных пунктов, а в 2018 г. еще на 6 промилльных пунктов, свидетельствует об изменении репродуктивного поведения этой возрастной группы. При этом очевидно и то обстоятельство, что такой итог не связан с уменьшением численности этой возрастной когорты демографического потенциала.

Для возрастной группы 25-34 лет в период с 2010 до 2016 г. была характерна тенденция роста коэффициентов рождаемости: для возраста 25-29 лет — с 101,6 до 116,1 (рост 14,5 промилльных пунктов) и для возраста 30-34 года — с 62,1 до 84,4 (рост более 22 промилльных пунктов). Но 2017 год, как и для когорты 20-24 лет, и для них стал переломным: для когорты 25-29 лет падение за один год составило более 15 промилльных пунктов, а в 2018 г. — еще на 10 промилльных пунктов; для когорты 30-34 лет снижение возрастных коэффициентов рождаемости составило соответственно более 8 и 5 промилльных пунктов. Все это свидетельствует об изменениях в репродуктивном поведении матерей возрастных групп, а не о влиянии структурных изменений численности этих групп демографического потенциала рождаемости.

Подтверждают тенденцию резкого снижения рождаемости последних двух лет и данные таблицы 5, характеризующие структурные изменения рождаемости в зависимости от возраста матери. Особенно важно понимание сложившихся негативных процессов в группах женщин возрастов 20-34 лет, так как в перспективе их доля в силу предыдущих демографических тенденций может стать значительно меньшей.

На наш взгляд, новый виток депопуляции вызван факторами социального и экономического характера, порожденными реформой государственных бюджетов, названных «финансовой диетой». Эта реформа внесла сбой, нарушив сложившуюся систему функционирования социальной сферы в

Таблица 5

Показатели структурной рождаемости в Республике Беларусь в зависимости от возраста матери за 2015-2018 гг.(детей, %)

Возраст матери, лет	Год							
	2015		2016		2017		2018	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
15-19	4 061	3,4	3 561	3,0	2 956	2,9	2 564	2,7
20-24	26 629	22,4	24 562	20,9	20 271	19,8	17 961	19,1
25-29	43 301	36,4	42 419	36,1	35 630	34,7	31 530	33,5
30-34	30 669	25,8	31 927	37,1	29 191	28,5	27 421	29,2
35-39	12 211	10,2	13 000	11,0	12 141	11,8	12 197	13,0
40 и более	2 157	1,8	2 310	1,9	2 367	2,3	2 369	2,5
Всего	119 028	100,0	117 779	100,0	102 556	100,0	94042	100,0

демографических процессах. Негативным фактором стало влияние изменений в пенсионном законодательстве. С 1 января 2016 года в пенсионное законодательство Республики Беларусь «в целях адаптации социального обеспечения к изменяющимся социально-экономическим условиям» были внесены существенные изменения. В основе назначения трудовой пенсии стал учитываться не трудовой стаж, как прежде, а страховой стаж: «при наличии стажа работы с уплатой обязательных страховых взносов в бюджет государственного внебюджетного фонда социальной защиты населения Республики Беларусь». На основании этой методологии при назначении трудовой пенсии был исключен «декретный отпуск» — срок нахождения матерями по уходу за детьми, который составляет 3 года.

Как свидетельствуют данные таблиц 4 и 5, ныне тенденции роста рождаемости характерны для возрастных групп старше 30 лет. Так, удельный вес вклада в рождаемость возрастных групп матерей 30-34 лет вырос с 25,8% в 2015 г. до 29,2% в 2018 г. Соответственно наблюдается и рост вклада женщин возраста 35-39 лет — с 10,2 до 13,0%, а также 40 лет и старше — с 1,8 до 2,5%. Подтверждается эта тенденция и сравнительными возрастными коэффициентами рождаемости. Эти показатели (в расчете на 1000 женщин соответствующего возраста) в нынешнем десятилетии выросли: в возрастной когорте 30-34 лет — с 62,1‰ в 2010 г. до 71,4‰ в 2018 г., в когорте 35-39 лет — с 23,2 до 34,8‰ и в когорте 40-44 года — с 3,7 до 6,7‰. Хотя управленческие механизмы изменений в пенсионной системе последних лет повлияли на снижение интенсивности рождений и на старшие возрастные группы. Так, в когорте 30-34 лет коэффициент рождаемости снизился — с 84,4‰ в 2016 г. до 71,4‰ в 2018 г. и в когорте 35-39 лет — с 37,7‰ в 2016 г. до 34,8‰ в 2018 г.

Именно это обстоятельство спустя три квартала 2016 г. после внесения изменений в пенсионное законодательство негативно сказалось на репродуктивной ситуации в Беларуси. До этого в январе-сентябре 2016 года наблюдался рост рождаемости, что было итогом зачатий, происшедших еще в 2015 году, т.е. того периода, когда свою стимулирующую роль для репродуктивных процессов играла ранее существующая государственная социальная политика. Прежняя пенсионная система, в которой время нахождения рожениц в декретном отпуске, составляющее в Беларуси 3 года, включалось в трудовой стаж при назначении пенсии, а также вся система социально-экономических отношений были тесно связаны с демографическими процессами. Но спустя 9 месяцев после изменений в пенсионном законодательстве и началось обвальное падение рождаемости.

В нашей статье «Проблемы современных семейно-брачных отношений в Беларуси», опубликованной в материалах Международной научной конференции VIII Уральского демографического форума, которая была подготовлена в апреле 2017 года, вкралась одна неточность. В частности, в ней отмечалась, «что в своих публикациях введенные с начала 2016 года изменения в пенсионное законодательство мы подвергли критике, считая, что они могут негативно сказаться на репродуктивном поведении женщин.

Мы предполагали, что по законам экстранальности социальных явлений и процессов такая финансовая политика отразится на демографических процессах в худшую сторону. И как оказалось позже — были правы. В конце апреля 2017 года эти изменения 2016 года были отменены. Их отмена была вызвана тем, что в рождаемости по итогам сначала двух месяцев, а затем и первого квартала 2017 года в целом в Беларуси резко сократилась рождаемость».

Неверной является фраза «в конце апреля 2017 года эти изменения 2016 года были отменены». Готовя в апреле 2017 года материал для VIII Уральского демографического форума, мы исходили из того, что Федерация профсоюзов Беларуси резко критически отнеслась к этим «новациям» и внесла предложения в Администрацию Президента об их отмене. Также массовой была критика посетителей интернет-ресурсов в их комментариях (т.е. оценка населения) к этим изменениям в пенсионное законодательство. И это позволяло нам думать, что антидемографическое законодательство будет скорректировано. Но автор ошибся, были отменены только моменты, касавшиеся отдельной группы бывших военнослужащих. И в нашем выступлении на VIII Уральском демографическом форуме мы об этом говорили.

К сожалению, происшедшие за последние три месяца 2016 г. в репродуктивной сфере Беларуси процессы не были осознаны и законодательство не было скорректировано. 2017 год принес падение рождаемости на 15,2 тыс. чел., а 2018 год — в 8,5 тыс. чел. Ситуационный анализ негативных тенденций в репродуктивной сфере Республики Беларусь последних двух лет выявляет, что доминирующими факторами современного состояния демографического развития стало не состояние демографической структуры, а иные обстоятельства. Конечно, и изменения возрастной структуры имели место, но они в рождаемости еще не стали доминирующими. Обратим внимание на некоторые аспекты демографических структурных изменений. Первое. В ближайшей, а также и в более отдаленной перспективе, тем более что нынешняя репродуктивная ситуация внесла свой негативный вклад в будущие демографические проблемы, структурные факторы будут играть в демографических процессах ведущую роль. Но этот структурный фактор касается перспективных демографических последствий.

Второе. Наблюдается кажущееся противоречие между некоторыми положениями вышеизложенного анализа. В 2017 г. падение рождаемости составило 15,2 тыс. чел. В 2018 г. падение рождаемости оказалось меньшим — 8,5 тыс. чел. Разбежка в 2017 г. — более чем 5- кратная, а в 2018 г. — только 3-кратная. На наш взгляд, белорусский демографический потенциал воспринял сложившуюся социально-экономическую реальность как объективную, с которой смирился. И в абсолютных величинах снижение рождаемости оказалось меньшим. Если бы было влияние уменьшения численности демографического потенциала, то в 2018 г. падение рождаемости было бы бóльшое. Особенно это нашло отражение в репродуктивном поведении женщин старше 35 лет. Удельный вес вклада матерей возраста 35-39 лет в рождаемость (отложенная рождаемость) выросла, составив в 2016 и 2017 гг.

прирост соответственно по 0,8 процентных пункта. Хотя и в меньших размерах, но рост этой возрастной группы в демографическом вкладе происходил и в 2018 г. Также рост вклада в рождаемость, как в абсолютных, так и в относительных показателях, наблюдался и у матерей возраста более 40 лет.

Таким образом, падение рождаемости в Беларуси в 2017-2018 гг. прежде всего связано с изменением репродуктивного поведения в возрастных когортах женского населения. Эти изменения репродуктивного поведения демографического потенциала последних лет обусловлены факторами экономического и социального управленческого механизма — реализацией реформы государственных финансов Беларуси. Одно из их направлений связано с учетом репродуктивного поведения, вызванного существенными изменениями в пенсионном законодательстве в целях адаптации социального обеспечения к изменяющимся социально-экономическим условиям. Осуществленная таким образом «адаптация» социального обеспечения прежде всего вызвала падение рождамости, что обостряет будущие демографические процессы, создавая трудности устойчивого развития экономики. Именно они существенно повлияли на уменьшение рождаемости в основных возрастных когортах женщин, дающих наибольший удельный вес рождаемости.

Эта ситуация, несмотря на многие нынешние финансовые проблемы, требует политики нейтрализации последствий демографического спада периода 1990-2006 гг. и начавшегося нового спада конца 2016-го и последующих годов, постановки решения проблем демографического развития Беларуси в центр всей системы социальной и экономической политики. Это не только решение текущих демографических, экономических и социальных проблем — это также решение и перспектив демографических, экономических и социальных процессов Беларуси, о чем нам нельзя не думать. А точнее — это должно быть поставлено во главу обеспечения устойчивого развития Беларуси. Думается, что оценка Президентом Республики Беларусь в Послании 2019 г. к белорусскому народу и Парламенту проблемы демографии — «Это вопрос будущего. Будущего, и нашей государственности, и нашей национальной идентичности» — послужит основой для принятия решений, где решение проблем демографического развития должно стать сквозным. Любые социально-экономические решения должны в обязательном порядке проходить демографическую экспертизу.

Список источников

1. Демографический ежегодник Республики Беларусь. — Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2018. — 431 с.

2. Естественное движение населения по Республике Беларусь за 2018 год. — Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2019. — 44 с.

3. Злотников А.Г. Пенсионная система и обеспечение демографической безопасности Республики Беларусь // Потребительская кооперация. — 2017. — № 4. — С. 47-54.

4. Злотников А.Г. Проблемы современных семейно-брачных отношений в Беларуси / А.Г. Злотников, А.А. Злотников // Демографический потенциал стран ЕАЭС : сб. ст. VIII Ураль-

ского демографического форума / отв. ред. д. социол. н. А.И. Кузьмин. — Том I. — Екатеринбург : Институт экономики УрО РАН, 2017. — С. 322-328.

5. Злотников А.Г. Экспертиза современной репродуктивной ситуации в Беларуси // Социология (г. Минск). — 2017. — № 3. — С. 59-68.

6. Лукашенко А.Г. Три столпа уверенного курса нашей страны: благополучие народа, миролюбивая внешняя политика, национальная безопасность /Выступление Президента А.Г. Лукашенко при обращении с ежегодным Посланием к белорусскому народу и Парламенту // Беларусь сегодня (СБ). — 2019. — 20 апр. — № 75.

Информация об авторе

Злотников Анатолий Геннадьевич (Республика Беларусь, Гомель) — кандидат экономических наук, доцент, профессор кафедры права и экономических теорий, Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации (246029, Республика Беларусь, Гомель-29, проспект Октября 50, e-mail: zlot@tut.by).

Zlotnikov A.G.

TRENDS IN THE STRUCTURE OF FERTILITY OF BELARUS

The article analyzes the depopulation processes of the Republic of Belarus in the last two years, which characterize the fall of the birth rate, which in 2017 amounted to 15.2 thousand people, and in 2018 — 8.5 thousand people. Based on the materials of demographic statistics, the analysis of trends in the reproductive behavior of the demographic potential of Belarus in 2017-2018 (women of the age cohort of 20-34 years, who account for more than 85% of births). The share of the contribution to the birth rate of mothers aged 30-34 increased from 25.8% in 2015 to 29.2% in 2018. Accordingly, there is an increase in the contribution of women aged 35-39 years — from 10.2% to 13.0%, and 40 years and older — from 1.8% to 2.5%. At the same time, in 2017-2018 there is a tendency to reduce the comparative fertility rates of the ages of 20-34 years and their growth in the age cohorts of more than 35 years. The age group of women aged 25-29 years is characterized by a significant drop in the birth rate compared to 2016 — more than 15 ppm. More than 10 ppm recorded a drop in the birth rate in the age group 20-24 years and almost 8 ppm in the age group 30-34 years. It is concluded that changes in reproductive processes are associated not with a decrease in the number of age cohorts of fertility potential, but with a decrease in fertility in these age cohorts. Tthe management mechanisms of changes in the pension system in recent years have also affected the decline in the intensity of births and among age groups. It is proved that a new round of depopulation caused by the factors of social and economic changes generated by the reform of public budgets (the "financial diet"). This reform, based on changes in the pension legislation, violated the existing system of stimulating the birth rate of the Republic of Belarus.

Keyword: depopulation processes, fertility, demographic potential, age cohorts, structural changes, the Republic of Belarus.

Author

Zlotnikov Anatoly Gennadievich (Belarus, Gomel) — PhD, Associate Professor, professor Belarusian Trade and Economics University of Consumer Cooperatives (246029, Belarus, Gomel-29, prospect October, 50, e-mail: zlot@tut.by).

References

1. Demographic Yearbook of the Republic of Belarus. Statistical Yearbook. 2018. — Minsk: National Statistical Committee of the Republic of Belarus, 2018. — 431 p.

2. Natural Population Movement in the Republic of Belarus in 2018. — Minsk: National Statistical Committee of the Republic of Belarus. 2019. — 44 p.

3. Zlotnikov A. G. Pension System and Demographic Security of the Republic of Belarus // Consumer Cooperation — 2017. — No. 4. — P. 47-54.

4. Zlotnikov A. G. Problems of Modern Family and Marriage Relations in Belarus / A. G. Zlotnikov, A. A. Zlotnikov // Demographic Potential of the EAEU Countries : sat. article VIII of the Ural Demographic Forum / resp. ed. d. sociology. Dr. A. I. Kuzmin. –Vol. I. — Ekaterinburg: Institute of Economics, RAS, 2017. — P. 322-328.

5. Zlotnikov A. G. Examination of the Modern Reproductive Situation in Belarus // Sociology (Minsk). — 2017. — № 3. — P. 59-68.

6. Alexander Lukashenko. The Three Pillars of a Confident Course of Our Country: the Welfare of the People, a Peaceful Foreign Policy, National Security. Speech by President Alexander Lukashenko in Handling Annual Message to the Belarusian People and the Parliament // Belarus Today (SB). — 2019. — Apr. 20. — No. 75.

УДК 338 (575.3)

Исломов Ф.С.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН[1]

В статье показано, что изменение демографических показателей происходит в результате количественных (увеличение или уменьшение) и качественных изменений (повышение или понижение качественных характеристик) населения. В совокупности количественных и качественных изменений населения происходит демографическое развитие. Факторы демографического развития многообразны: социальные, экономические, психологические, культурные и т.п. Соотношение факторов, влияющих на демографическое развитие, зависит от общего уровня развития общества, который может различаться между странами и регионами.

В данной статье показаны некоторые особенности влияния факторов на демографическое развитие, в частности на репродуктивное поведение населения Республики Таджикистан.

Ключевые слова: рождаемость, факторы, мотивы, миграция, демографический переход, семья, потребность в детях.

Одним из показателей репродуктивного поведения населения является его рождаемость. Общий коэффициент рождаемости населения, помимо других коэффициентов, определяется числом родившихся на 1000 человек. В разных странах этот коэффициент имеет различный уровень: от 45 промилле до его отрицательного прироста.

В Республике Таджикистан коэффициент рождаемости уменьшился с 45,1 в 1900 году до 26,6 промилле в 2016 году.

Материалы исследования проф. С.И. Исламова показали, что во всем мире и в отдельных его частях за период 1900-2016 гг. наблюдалось устойчивое снижение темпов прироста населения, что можно объяснить как всеобщий закон снижения рождаемости населения [1, с.80].

В связи с этим возникают вопросы: почему это происходит, какие факторы, условия и мотивы поведения населения способствуют снижению рождаемости населения? Каковы региональные особенности действия факторов демографического развития?

По нашему мнению, определяющую роль в этом процессе играет потребность в детях.

Под потребностью в детях мы понимаем такое состояние человека, который без наличия в семье того или иного числа детей не может жить или возникают трудности в достижении иных целей. Потребность в детях зависит от общественно-экономического устройства общества, от условий жизни, от структуры жизненных потребностей и т.п.

[1] © Исломов Ф.С. Текст. 2019

Так, например, в традиционной экономике, по нашим данным [2, с. 143], потребность семьи в детях очень высока, ибо эта экономика преимущественно является аграрной. Она характеризуется преимущественно ручным трудом как в общественном хозяйстве, так и в экономике и быту семьи. В этих условиях без наличия в семье 7-8, а там где 7-8, то можно иметь и 10-12 детей, семье очень трудно вести домашнее хозяйство и принимать участие во внесемейных работах.

Например, как показали наши социологические опросы в сельских семьях, ребенок с 6-7 лет уже в соответствии с внутрисемейным разделением труда утром или днем кормит домашних птиц, выполняет другие мелкие работы.

Более взрослые дети занимаются уборкой, стиркой, уходом за младшими и т.д. Другая группа детей занимается выпасом скота, заготовкой дров и корма для скота, запасается пресной водой, работает в огороде и т.д. Другая часть после учебы идет на рынок продавать овощи и фрукты, более взрослые работают вне семьи на предприятиях и в организациях, занимаются бизнесом и т.п.

Если в этой организованной системе не окажется ребенка подходящего возраста и пола, это приводит к напряжению во всей системе. Например, на селе каждый двор по очереди уводит коров сельчан на выпас в горы или на поле. Если требуемого ребенка в семье не имеется, то она нанимает ребенка соседа за деньги, чтобы он выполнил эту работу.

В целом, каждый ребенок, если пересчитать выполняемую им работу в деньгах, приносит определенный доход семье и способствует ее гармоничному функционированию в целом. Все это подкрепляется влиянием обычаев, традиций, религии, качества и уровня жизни и т.д.

Однако жизнь идет вперед. Появляются машины и механизмы, новые профессии и специальности, повышается уровень образованности населения, в семьях появляется электрическая бытовая техника, в хозяйствах применятся техника вспашки, посева, уборки чеканки и т.п. Возникает тяга населения к новым жизненным ценностям. Это и еще многое другое постепенно изменяет образ жизни людей, в их жизни появляются такие социальные ценности, которые в определенной степени стоят выше многодетности. Постепенно многодетность уходит на второй план, на первый план выходят учеба в вузах, в аспирантуре, докторантуре, стремление продвигаться по служебной лестнице, развивать бизнес.

Повышаются качественные характеристики населения, и вместе с этим меняется его репродуктивное поведение. Расширяется возможность более активного его регулирования. Образно говоря, если 100 лет назад прерывание беременности или предохранение женщин от зачатия преимущественно осуществлялись народными средствами и методами, то в наши дни существуют разветвленный ассортимент средств и методов контрацепции, что облегчает доступ всех желающих семей к планированию семьи.

Изменяется влияние религии на сохранение многодетности. В прошлом, учитывая высокий уровень религиозности и сравнительно низ-

кий образовательный уровень населения, основные правила поведения людей, включая их репродуктивное поведение, регулировались религией. В исламе имеется одно магическое слово — «грех». Поэтому религия, пользуясь этим словом, воспитывала население. Например, если руки и лицо утром не помыв, начнешь кушать, — это грех; если утром не поздороваешься с родителями и старшими — грех, если с земли не подберешь лежащий кусок хлеба, веточки, бумагу и т.д. — грех, если не будешь помогать бедным и сиротам, не будешь держать в чистоте тело, носить чистое белье и т.д. — грех. Таких примеров можно привести много. Постепенно этот механизм воспитания населения входил в народный фольклор, в литературу, в поэзию, в репродуктивное поведение: прерывание беременности, ограничение рождаемости, малодетность — великий грех.

В современных условиях в результате серьезного изменения образа жизни и ее качества, качества населения влияние указанных мотивов и факторов ослабляется, воздействуя, в том числе, и на рождаемость, брачность, семью, распад семей и т.д.

Серьезным фактором, оказавшим влияние на демографическое поведение населения Таджикистана, стала внешняя миграция. Главной причиной резкого повышения внешней миграционной активности была прошедшая в стране гражданская война. [2, с. 277].

Основной страной, куда выезжали мигранты, была Россия. За время пребывания в этой стране многие мигранты переняли нормы малодетности, сожительства, новые традиции и обычаи.

По данным нашего социологического опроса мигрантов [3, с.121], основная часть их до отъезда ориентировались на 4-5-детную семью, а после прибытия обратно на родину считали, что лучше иметь 2-3 детей. Мигранты изменили свое мнение относительно брака, развода, сожительства, многоженства и т.д.

Таким образом, перечисленные социально-демографические факторы вместе со многими другими привели к значительному изменению демографической ситуации в Таджикистане. Если в конце 80-х годов прошлого века страна находилась на пике традиционного демографического развития, то в настоящее время в целом находится на переходном этапе от второго этапа к третьему, а в некоторых регионах страны на стадии завершения переходного этапа и становления современного типа демографического перехода.

Список источников

Исламов С.И. Биосоциальное развитие человека. Демографический и социальный переходы. — Душанбе, 2019. — 288 с.

Бабаев А.А. и др. Влияние внешней трудовой миграции на социально-экономическое развитие страны // Таджикистан и современный мир. — 2017. — № 2 (57). — С. 120-128

Исломов Ф.С. Современные тенденции воспроизводства населения и его перспективы. — Душанбе, 2012. — 320 с.

Информация об авторе

Исломов Фарух Садуллоевич (Республика Таджикистан, Душанбе) — доктор экономических наук., ведущий научный сотрудник, Институт экономики и демографии Академии наук Республики Таджикистан (734024, Республика Таджикистан, г. Душанбе, ул. Айни, д. 44). E-mail: islamov43@list.ru,Тел.: 918761486

Islomov F.S.

Social and demographic factors of demographic development of the Republic of Tajikistan

Article reviews that changes of demographic indicators occur due to quantitative (increasing or decreasing) and qualitative changes (increasing or decreasing) characteristics of population. In general due to quantitative and qualitative changes occurs demographic development. There different factors of demographic development: social, economic, psychological, cultural and etc. Ratios of factors impacting on demographic development depend on general level of society development which differs from country to countries and regions.

Article reviews some features of factor impacting on demographic development, partially on reproductive behavior of population of the Republic of Tajikistan.

Keywords: fertility, factors, motives, migration, demographic transition, family. Demand in children.

Author

Islamov Farukh Sadulloevich (Republic of Tajikistan, Dushanbe) — city, principal worker, Dr. of Economics, Institute of Economy and Demography of the Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan (734024, Ayni Str., 44, Dushanbe, Republic of Tajikistan; e-mail: islamov43@list.ru).

References

Islamov яS.I. Biosocial development of humanity. Demographic and social transitions. — Dushanbe, Donish, 2017. — 288 p.

Babaev A.A. and other. Impact of external migration on social and economic development of country // Tajikistan and modern world. — 2017. — No. 2 (57). — P. 120-128.

Islomov F.S. Modern tendency of population reproduction and its perspectives. — Dushanbe, 2012. — 320 p.

УДК 332.14; 314.4

Груздева М.А., Калачикова О.Н.

РАЗВИТИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ЦЕЛЕЙ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТА[1]

В работе представлены результаты сравнительной оценки приоритетного Национального проекта «Здоровье» (2006 — 2012 гг.) и вступившего в силу с 2019 года Национального проекта «Здравоохранение». Показана динамика планируемых в нацпроекте показателей, а также расходов на здравоохранение, физическую культуру и спорт в период 2000–2018 гг., оценены планируемые изменения темпов роста снижения показателей смертности в 2019-2024 гг.

Ключевые слова: человеческий потенциал, национальный проект, здравоохранение, расходы на здравоохранение, смертность

Развитие человеческого потенциала — залог благополучия государства и общества. Кроме задачи сохранения численности населения, не менее важным и значимым стратегическим направлением является достижение высокого уровня его качественных характеристик. Основным параметром, способным детерминировать формирование остальных компонентов человеческого потенциала, выступает здоровье. Именно поэтому в риторике ученых и представителей органов власти широко представлены категории ожидаемой продолжительности жизни, ожидаемой продолжительности здоровой жизни, предотвратимой смертности населения, младенческой смертности и заболеваемости детей. В условиях роста нездоровья населения, особенно детского, высокой смертности россиян трудоспособного возраста на систему здравоохранения, как главный социальный институт, способный стать источником эффективного ответа на данный вызов общественного развития, актором и медиатором необходимых изменений условий и образа жизни семей и населения в целом в части здоровьесбережения.

Президент Российской Федерации В.В. Путин 7 мая 2018 года подписал Указ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», который определил девять национальных целей развития страны на ближайшие годы. Для реализации данных целей Правительству Российской Федерации было поручено совместно с органами государственной власти субъектов Российской Федерации разработать (скорректировать с учетом региональной специфики) национальные проекты.

В результате проведенной работы 11 февраля 2019 года были официально представлены паспорта 13 национальных проектов, которые в свою

[1] © Груздева М.А., Калачикова О.Н. Текст. 2019

Работа выполнена в рамках проекта «Инструменты повышения человеческого потенциала детского населения в условиях социально-экономических трансформаций общества» № 18-011-01039 А, поддержанного РФФИ.

очередь сгруппированы по трем направлениям: человеческий капитал, комфортная среда для жизни, экономический рост. Национальный проект «Здравоохранение» является своеобразным продолжением приоритетного национального проекта «Здоровье», который был запущен в 2006 году и с учетом пролонгации функционировал 7 лет (2006-2008 гг., 2009–2012 гг.), поэтому его анализ, а также изучение развития отечественного здравоохранения в контексте его целевых показателей, обладает актуальностью.

Нацпроект «Здоровье» был ориентирован преимущественно на развитие первичного звена медицинской помощи и параллельное оснащение учреждений диагностическим оборудованием. Поэтому существенными результатами первых двух лет его реализации стали повышение квалификации медицинских кадров и оснащение медицинских учреждений новым оборудованием. Национальный проект «Здравоохранение» же является своеобразным ответом на негативные тенденции в развитии системы здравоохранения России и ставит цель решить такие актуальные проблемы, как высокая смертность, недостаток медицинских кадров, низкий охват профилактическими осмотрами и недостаточный уровень доступности медицинских услуг, особенно в сельской местности. Сравнение двух национальных проектов показало, что современный нацпроект более объемен и по масштабам финансирования, и по целям (табл. 1).

Таблица 1

Сравнение национальных проектов «Здоровье» и «Здравоохранение»

Характеристика	Национальный проект «Здоровье»	Национальный проект «Здравоохранение»
Цели и задачи	Ориентирован преимущественно на развитие первичного звена медицинской помощи и параллельное оснащение учреждений диагностическим оборудованием.	Задачи связаны как с развитием инфраструктуры отрасли, обеспечением учреждений кадрами, так и с повышением доступности и качества медицинской помощи, в том числе через развитие информатизации отрасли.
Срок реализации	7 лет 2006-2008 гг. (3 года), пролонгация проекта на 2009-2012 гг. (4 года).	6 лет
Объем финансирования	1032,88 млрд руб. Первый этап реализации 2006 г. — 79,98 млрд руб., 2007 г. — 131,3 млрд руб., 2008 г. — 145,8 млрд руб., пролонгация проекта: 2009-2012 гг. — 676,8 млрд руб. (примерно 225 млрд руб. в год)	1725,8 млрд руб. 287,6 млрд руб. в год (в паспорте проекта финансирование в разрезе периода реализации не указано)
Источники	Федеральный бюджет, бюджеты субъектов РФ, государственные внебюджетные фонды.	Федеральный бюджет, бюджеты субъектов РФ, внебюджетные источники, иные внебюджетные источники.

Так, на реализацию проекта «Здоровье» было выделено 1032,88 млрд руб. Национальный проект «Здравоохранение» занимает 5-е место в плане финансового обеспечения национальных проектов 2019 года, общий бюджет составляет 1725,8 млрд руб. Наибольшая доля финансирования проекта запланирована из федерального бюджета — 79%, еще 21% приходится на другие, в том числе внебюджетные, источники. Более половины бюджета проекта (56%) будет направлено на борьбу с онкологическими заболеваниями, это обосновано тем, что они занимают вторую позицию в причинах смертности населения.

Стоить отметить, что поставленные в национальном проекте «Здравоохранение» цели обладают неоспоримой важностью в свете сложившихся тенденций в развитии здравоохранения и динамики общественного здоровья. Такое мнение сформировалось и в экспертном сообществе: о необходимости решения указанных проблем, в том числе путем межведомственного взаимодействия при реализации проекта, высказываются как ученые, так и общественные деятели [2, 4]. Среди недостатков можно отметить отсутствие взаимосвязи между национальными проектами. Особенно существенно, что не предлагается развивать научные исследования в области медицины [3], что весьма критично ввиду широкого спектра детерминант общественного здоровья. В паспорте проекта не указано финансирование в разрезе периода реализации, а ряд целевых показателей не поддается анализу, так как они отсутствуют в официальных статистических источниках, все это затрудняет анализ проекта, а также эффективность достижения поставленных показателей. Вероятно, часть показателей будет регистрироваться только ведомственной статистикой, это ставит под вопрос гласность реализуемых мероприятий по развитию здравоохранения.

Для изучения возможностей достижения целевых показателей национального проекта на уровне страны по доступным данным была проанализирована динамика этих показателей за период 2000-2018 гг., а также изменения расходов на здравоохранение, физическую культуру и спорт в Российской Федерации (табл. 2).

Выявлено, что практически по всем анализируемым показателям (за исключением показателя младенческой смертности) в национальном проекте поставлена амбициозная задача за 6-летний период (2019-2024 гг.) превысить темпы роста, достигнутые за предыдущие 19 лет (2000-2018 гг.; табл. 3).

За исследуемый период (2000–2018 гг.) расходы консолидированных бюджетов и фондов обязательного медицинского страхования на здравоохранение, физическую культуру и спорт в сопоставимых ценах выросли в 5 раз. Увеличение данной статьи расходов было относительно постоянным, так, в первые два президентских срока В.В. Путина и его команды (2000–2007 гг.) расходы выросли в 2,4 раза, в президентский срок Д.А. Медведева (2008–2012 гг.) — еще на 36%; в период 2012–2018 гг. (третий президентский срок В.В. Путина, рубеж 4 срока, разработка национальных проектов) — еще на 47%. Вероятно, это стало наряду с множеством других факторов причи-

Таблица 2

Динамика целевых показателей национального проекта «Здравоохранение» за период 2000-2018 гг. и их прогнозируемые значения на 2019-2024 гг. (РФ)

Показатель	Год																		Изменение 2018 к 2000, %	Целевые показатели нацпроекта			Изменение 2024 к 2018, %
	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	20181		2019	2021	2024	
Смертность трудоспособного населения	723,5	742,1	769,7	801,3	800,5	827,8	746,1	695,4	685,7	641,7	634,0	600,9	575,7	560,9	565,6	546,7	525,3	483,5	484,5	-33,0	437,0	401,0	350,0	-19,9
Смертность от болезней системы кровообращения	849,4	869,4	907,0	927,5	895,4	908,0	864,7	833,9	835,5	801,0	805,9	753,0	737,1	698,1	659,5	635,3	616,4	587,6	587,6	-30,8	545,0	505,0	450,0	-17,4
Смертность от новообразований	205,5	204,0	203,1	202,5	201,7	201,2	200,9	203,0	203,8	206,9	205,1	204,6	203,1	203,3	202,2	205,1	204,3	200,6	200,6	-2,2	199,5	193,5	185,0	-7,3
Младенческая смертность	15,3	14,6	13,3	12,4	11,6	11,0	10,2	9,4	8,5	8,1	7,5	7,3	8,6	8,2	7,4	6,5	6,0	5,6	5,6	-63,4	5,4	5,0	4,5	-19,6
Расходы на здравоохранение в расчёте на 100 тыс. населения в сопоставимых ценах 2000 г. млн руб.	151,3	141,9	177,4	185,4	208,0	267,5	321,1	364,2	354,3	324,3	310,0	476,9	515,0	501,0	498,9	467,4	437,3	656,9	759,3	Выросли в 5 раз	-	-	-	-

Таблица 3

Сравнение динамики целевых показателей национального проекта «Здравоохранение»

Показатель	Изменение показателя за 2000– 2018 гг.	Планируемое изменение показателя по национальному проекту «Здравоохранение» 2019-2024 гг.	Резюме
Смертность населения в трудоспособном возрасте	Сократилась на 33% (а в период 2000-2005 гг. показатель имел тенденцию к увеличению)	Снижение на 19,9%	Предполагается увеличение темпов снижения смертности трудоспособного населения в 1,9 раза
Смертность от болезней системы кровообращения	Сократилась на 31% (а в период 2000-2003 гг. показатель имел тенденцию к увеличению)	Снижение на 17,4%	Предполагается увеличение темпов снижения смертности населения от болезней системы кровообращения в 1,8 раза
Смертность от новообразований	Сократилась лишь на 2,4 %	Снижение на 7,3%	Предполагается увеличение темпов снижения смертности населения от новообразований в 7 раз
Младенческая смертность	Сократилась на 63,4%	Снижение на 19,6%	Предполагается некоторое снижение темпов роста на 2%

ной преломления негативных тенденций увеличения смертности в 2000-2003 гг. и достижения темпов снижения данных показателей к 2018 году. Снижение расходов на здравоохранение, физическую культуру и спорт в исследуемом временном периоде отмечалось в 2009, 2010, 2014, 2015, 2016 годах. В контексте существенного роста целевых затрат на здравоохранение в предыдущие периоды возникает необходимость оценки достаточности планируемых финансовых вливаний для достижения поставленных целей нацпроекта.

Большое внимание в дискуссии по поводу национального проекта «Здравоохранение» уделяется именно финансированию. Эксперты считают, что наряду с запланированным ростом экономики доля вложений в здравоохранение по отношению к ВВП не претерпит сильных изменений, что вызывает сомнение в возможности достижения целевых показателей [5, 6]. Кроме того, возникает опасение, что выделение средств для финансирования национальных проектов может обернуться дополнительной налоговой, финансовой нагрузкой на граждан [1].

В заключение стоит отметить, что Национальный проект «Здравоохранение» преследует достижение крайне значимых для развития российского общества целей, в частности, значительного снижения смертности населения, и является более масштабным и комплексным проектом, нежели его предшественник — приоритетный Национальный проект «Здоровье». Открытым остается вопрос о возможности достижения поставленных целевых показателей, учитывая планы по столь существенным изменениям их темпов роста. Важной является оценка достаточности объема финансирования и эффективности реализации проекта на местах.

Список источников

1. Алексей Куринный: Реализация национальных проектов — абсолютно недостаточная мера для улучшения положения граждан // Официальный сайт телеканала «Красная линия» [Электронный ресурс]. URL: https://www.rline.tv/news/2019-04-04-aleksey-kurinnyy-realizatsiya-natsionalnykh-proektov-absolyutno-nedostatochnaya-mera-dlya-uluchsheni/

2. Бухвальд Е.М. Национальные проекты России: региональное измерение / Е.М. Бухвальд, О.Б. Иванов // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. — 2019. — № 1. — С. 37-53.

3. РАН призвала внести в нацпроекты «Наука» и «Здравоохранение» общие проекты по онкологии // Официальный сайт информационного агентства России ТАСС [Электронный ресурс]. URL: https://tass.ru/nauka/5951067

4. Рошаль: Демографию нельзя отрывать от здравоохранения, экологии, условий работы // Официальный сайт Общероссийского народного фронта [Электронный ресурс]. URL: https://onf.ru/2019/03/29/roshal-demografiyu-nelzya-otryvat-ot-zdravoohraneniya-ekologii-usloviy-raboty/

5. Скворцова: нацпроект «Здравоохранение» не решит все проблемы отрасли // Официальный сайт информационного агентства России ТАСС [Электронный ресурс]. URL: https://tass.ru/obschestvo/5736944

6. Стенографический отчет о заседании Совета при Президенте по стратегическому развитию и национальным проектам // Официальный сайт Президента РФ [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/58894

Информация об авторах

Груздева Мария Андреевна (Россия, Вологда) — кандидат экономических наук, с.н.с., зав. лабораторией исследования проблем управления в социальной сфере, ФГБУН «Вологодский научный центр Российской академии наук» (160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56А; e-mail: mariya_antonovarsa@mail.ru).

Калачикова Ольга Николаевна — кандидат экономических наук, зам. директора, зав. отделом исследования уровня и образа жизни населения, ФГБУН «Вологодский научный центр Российской академии наук» (160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56А; e-mail: onk82@yandex.ru).

Gruzdeva M.A., Kalachikova O.N.

The development of domestic health care in the context of the objectives of the national project «Health care»

In the article compares the priority national project "Health" (2006–2012) and the national project "Health care" that came into force in 2019. Shown the dynamics of indicators planned in the national project, costs for health care, physical culture and sports in the period

2000–2018, are evaluated planned changes in the growth rates of the decline in mortality rates in 2019–2024.

Keywords: national project, health care, health care costs, mortality

Authors

Gruzdeva Mariya Andreevna — Candidate of Economics, Senior Researcher, Head of Laboratory of the Federal State Budget Institution of Science "Vologodskiy Scientific Center of the Russian Academy of Sciences", 160014, Vologda, Gorkogo Str. 56A.

Kalachikova Olga Nikolaevna — Candidate of Economics, Deputy Director, Head of the Department of the Federal State Budget Institution of Science "Vologodskiy Scientific Center of the Russian Academy of Sciences", 160014, Vologda, Gorkogo Str. 56A.

References

1. Alexey Kurinniy: Implementation of national projects is an absolutely insufficient measure to improve the situation of citizens // Official site of the Red Line TV channel. - Access mode: https://www.rline.tv/news/2019-04-04-aleksey-kurinnyy-realizatsiya-natsionalnykh-proektov-absolyutno-nedostatochnaya-mera-dlya-uluchsheni/

2. Buchwald E.M. National projects of Russia: the regional dimension / E.M. Buchwald, OB Ivanov // ETAP: economic theory, analysis, practice. 2019. No 1. p. 37-53.

3. The Russian Academy of Sciences has called for the introduction of general projects on oncology into the national projects "Science" and "Health care" // Official site of the Russian Information Agency TASS. - Access mode: https://tass.ru/nauka/5951067

4. Roshal: Demographics cannot be divorced from public health, ecology, working conditions // Official site of the All-Russian Popular Front. - Access mode: https://onf.ru/2019/03/29/roshal-demografiyu-nelzya-otryvat-ot-zdravoohraneniya-ekologii-usloviy-raboty/

5. Skvortsova: the national project "Health care" will not solve all the problems of the industry // Official site of the Russian news agency TASS. - Access mode: https://tass.ru/obschestvo/5736944

6. Stenographic report on the meeting of the Presidential Council for Strategic Development and National Projects // Official site of the President of the Russian Federation. - Access Mode: http://www.kremlin.ru/events/president/news/58894

УДК 331.526

Камарова Т.А.

УСЛОВИЯ ДИСТАНЦИОННОЙ ЗАНЯТОСТИ КАК ФАКТОР ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ: ТИПИЧНО «ЖЕНСКИЕ» ПРОФЕССИИ[1]

В статье рассмотрены практика применения дистанционной женской занятости, ее профессиональная структура и преимущества как одного из факторов демографического развития. В заключении статьи дается вывод о дальнейшем потенциальном развитии данной формы занятости.

Ключевые слова: дистанционная женская занятость, дистанционная занятость, рынок труда, удаленная занятость.

Скоростное развитие Интернета и информационных компьютерных технологий явились предпосылками развития дистанционной занятости. Цель настоящего исследования состоит в изучении распространения дистанционной занятости среди женщин, выявлении типично «женских» профессий, а также преимуществ применения женской дистанционной занятости и ее влияния на обеспечение социально-экономических условий для трудовой деятельности женщин. Задачами исследования являются: определение доли дистанционной потенциальной занятости по профессиональным областям и обобщение основных достоинств работы дистанционно.

Изучением дистанционной занятости по различным ее аспектам занимаются российские и зарубежные ученые. Можно выделить отдельно работы по исследованию дистанционной женской занятости. Так, вопросам отношения к дистанционной занятости женщин посвящены работы таких ученых, как И.А. Кулькова, М.И. Плутова, г.Ф. Хуснутдинова, Е.М. Воробьев [1-2]. Специфику, проблемы и возможности дистанционной женской занятости отразили в коллективной монографии ученые Н.В. Тонких, О.А. Коропец, И.А. Кулькова, Т.А. Камарова, Е.Е. Лагутина, А.С. Мельникова, А.В. Пеша, М.В. Чудиновских [3]. Исследования особенностей, критериев эффективности, дистанционной женской занятости отражены в трудах А.В. Бабинцевой, Н.В. Тонких, О.А. Коропец [4-5]. Правовые аспекты рассмотрены в работах Ю.В. Васильева, С.В Шуралева [6]. Ряд работ Н.В. Тонких посвящены изучению влияния дистанционной занятости на выполнение женщиной родительских функций [7-9].

Автором был проведен анализ около 600 вакансий среди женщин, которые искали удаленную работу в период января — февраля 2019 г. Вакансии размещены на портале «Rabota.ru» — одном из лидеров рынка онлайн-рекрутмента, основными задачами которого являются круглосуточ-

[1] © Камарова Т.А. Текст. 2019.

Исследование выполнено при поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-010-00774 «Исследование влияния развития дистанционной женской занятости на институт родительства».

ное предоставление сервисов по поиску работы в разных городах России, трудоустройство всех профессиональных групп соискателей от массовых позиций, вакансий специалистов и менеджеров среднего звена до топ-менеджеров. Цель исследования заключалась в изучении распространения дистанционной работы и выявлении профессиональной структуры дистанционной женской занятости.

Проведя анализ женских вакансий с указанием в графике работы «удаленная», автор сгруппировал все вакансии по профессиональной принадлежности. В профессиональной структуре представлены 18 профобластей, наиболее часто встречающихся, среди которых можно выделить топ-5: оператор ПК, административный персонал, продажи (торговля), оператор call-центра (диспетчер на телефоне), бухгалтерия. Ранжирование вакансий по профобластям представлено в таблице 1.

В настоящее время можно отметить появление новых интернет-профессий, например такой, как Smm-(контент)менеджер, деятельность которых заключается в разработке стратегий и ведении рекламные кампаний, а также сборе и анализе результатов кампаний, кураторстве каналов бренда в социальных сетях. В первую очередь это связано с развитием IT-

Таблица 1

Ранжирование профобластей женской дистанционной занятости относительно количества поданных вакансий

№ п/п	Профессиональная область	Количество вакансий	%
1	Оператор ПК	137	23,25
2	Административный персонал	105	17,82
3	Продажи (торговля)	72	12,23
4	Оператор call-центра (диспетчер на телефоне)	63	10,69
5	Бухгалтерия	48	8,14
6	Управление персоналом	32	5,44
7	Smm-(контент)менеджер	28	4,76
8	Рекрутер-фрилансер	23	3,91
9	Искусство, масс-медиа	22	3,73
10	Образование	19	3,23
11	IT	12	2,03
12	Финансы	11	1,86
13	Туризм	4	0,68
14	Реклама, маркетинг	4	0,68
15	Юристы	3	0,52
16	Начало карьеры	3	0,52
17	Страхование	2	0,34
18	Недвижимость	1	0,17
	ИТОГО	589	100

технологий, изменениями структуры экономики, глобальным внедрением Интернета во все сферы жизнедеятельности, в частности популяризации социальных сетей, которые изменили процесс коммуникаций и ведения бизнеса. В ближайшем будущем можно прогнозировать увеличение спроса на эти профессии и долю занятыхв них. Например, если рассмотреть такой on-line метод поиска работы, как социальные сети, набирающий все большую популярность, то в Instagram предложений Smm-(контент)менеджера можно встретить очень много. Популярность такой профессии подтверждает эксперт одной из кадровых компаний города Екатеринбурга, по ее данным, местные работодатели готовы брать на дистанционную работу SMM-менеджера, а также бухгалтера, рекрутера, на такие вакансии отклик большой — на 1 вакансию до 150 резюме. По экспертной оценке, обращающихся в поиске дистанционной работы женщин примерно 60%, мужчин — 40% в целом по всем профессиям.

Ранжирование среднего возраста женщин, находящихся в поиске вакансий дистанционно, по профобластям представлено в таблице 2.

Можно сделать вывод, что средний возврат соискателей дистанционной работы составляет 33 года. Учитывая тот факт, что средний возраст женщи-

Таблица 2

Ранжирование профобластей женской дистанционной занятости относительно среднего возраста, указанных в вакансиях

№ п/п	Профессиональная область	Средний возраст
1	Начало карьеры	21,0
2	Финансы	26,81
3	Юристы	27,66
4	Недвижимость	29
5	Оператор ПК	29,8
6	Smm-(контент) менеджер	32,03
7	Туризм	32,75
8	Административный персонал	33,58
9	IT	34,25
10	Рекрутер-фрилансер	34,6
11	Продажи (торговля)	34,77
12	Образование	35,72
13	Оператор call-центра (диспетчер на телефоне)	35,74
14	Искусство, масс-медиа	36,8
15	Управление персоналом	36,84
16	Страхование	36,84
17	Реклама, маркетинг	39,5
18	Бухгалтерия	43,97
	Среднее значение по всем профгруппам	33,42

ны в России на момент рождения первого ребенка в конце 2017 г. составлял 28,5 года, по данным исследователей Института социального анализа и прогнозирования, соответственно увеличивается возраст рождения второго ребенка. Одной из причин является экономическая. Можно сделать вывод, что дистанционная работа идеально подходит для женщин с детьми, так как дает им возможность осуществлять трудовую деятельность и параллельно быть занятыми по уходу за ребенком. Тем самым женщина, работая дистанционно, зарабатывает деньги, не теряет свои профессиональные навыки, занимается детьми, ведь именно дистанционная работа позволяет сократить время на дорогу до работы и обратно, а также выстроить удобный график работы. Далее более подробно рассмотрим основные преимущества дистанционной занятости (табл. 3).

Таблица 3

Структура выявленных преимуществ дистанционной занятости по профобластям, % ответов опрошенных

Профессиональная область	**Возможность самостоятельно распределять свое рабочее время**	**Экономия времени и денег на дорогу**	**Возможность совмещать несколько работ одновременно**	**Возможность работать из другого региона/страны**	**Возможность совмещения работы с учебой, уходом за ребенком и т.д.**	**Возможность самостоятельно обустроить рабочее место**	**Отсутствие дресс-кода**	**Никто не мешает работать**	**Можно больше времени проводить с родными и близкими**
IT	78	84	39	79	42	57	46	54	37
Административный персонал	78	75	43	54	46	45	47	49	34
Бухгалтерия	84	69	56	49	43	32	24	43	33
Искусство, масс-медиа	88	83	58	67	45	50	47	52	37
Начало карьеры, студенты	78	78	46	63	57	49	44	44	33
Недвижимость	76	70	58	63	35	38	27	44	32
Образование	80	74	54	60	62	28	24	22	36
Продажи	78	74	41	63	39	43	37	44	28
Реклама, маркетинг	79	78	53	74	49	42	35	44	36
Туризм	87	80	51	67	48	57	52	43	41
Управление персоналом	85	72	57	64	42	32	25	36	34
Финансы	76	72	37	52	35	33	37	43	26
Юристы	84	77	66	70	51	51	38	44	34

Авторами был проведен анализ результатов опроса, который проводила служба исследований «HeadHunter» среди 3 693 соискателей с 25 декабря 2018 по 13 января 2019 г. При изучении вопроса, как российские соискатели относятся к тому, чтобы работать удаленно, были выявлены основные преимущества такой занятости. В таблице представлено распределение ответов на вопрос: «Какие вы видите плюсы в том, чтобы работать удаленно?» среди работников различных профобластей.

Таким образом, можно отметить, что возможность совмещать несколько работ одновременно рассматривают как плюс удаленной работы в первую очередь юристы (66%). Экономия времени на дорогу рассматривают как плюс 84% представителей IT-сферы и 83% работников сферы искусства. 79% работников IT-сферы считают плюсом удаленной работы то, что можно делать это из другой страны или региона. Совмещение работы с учебой или отпуском по уходу за ребенком считают плюсом 62% работников сферы образования, а также 57% соискателей, только начинающих свою карьеру.

Далее рассмотрим преимущества дистанционной работы по среднему значению ответов в профессиаотнальных группах, представленных на рисунке.

Проведя ранжирование среднего значения ответов респондентов каждой профессиональной области, можно выделить топ-5 преимуществ работы дистанционно: возможность самостоятельно распределять свое рабочее время (80,84%), экономия времени и денег на дорогу (75,84%), возможность совмещать несколько работ одновременно (50,69%), возможность работать

Рис. *Структура выявленных преимуществ дистанционной занятости по профогруппам, среднее значение*

из другого региона, страны (63,46%), возможность совмещения работы с учебой, уходом за ребенком (45,69 %).

Можно сделать вывод, что дальнейшее распространение дистанционной занятости по всем профессиональным областям может рассматриваться как одно из условий для осуществления трудовой деятельности женщин, воспитывающих детей, а также как предпосылку для решения главной задачи национального проекта «Демография» — увеличения суммарного коэффициента рождаемости.

Обобщая, можно сделать вывод, что дистанционная занятость имеет большие перспективы для своего развития, ее применение выгодно для женщин. Совершенствование регулирования дистанционной занятости на законодательном уровне будет способствовать дальнейшему развитию дистанционной занятости.

Список источников

Кулькова И.А. Изучение отношения учащихся девушек к дистанционной занятости и ее влияния на рождаемость // Кулькова И.А., Плутова М.И. Фундаментальные исследования. — 2018. – № 11-2. — С. 251-255.

Воробьев Е.М. Женщины с детьми на рынке труда: обучение и переобучение с целью трудоустройства // Хуснутдинова г.Ф., Воробьев Е.М. Современные проблемы науки и образования. — 2015. — № 1-1.

Дистанционная женская занятость: специфика, проблемы и новые возможности: кол. моногр. / под ред. Н. В. Тонких; Мин-во науки и высшего образования РФ, Урал. гос. экон. ун-т. — Екатеринбург: Юника, 2018. — 211 с.

4. Бабинцева А.В. Дистанционная женская занятость: проблемы управления и перспективы развития / Бабинцева А.В., Тонких Н.В. //Сборник статей I международной научно-практической конференции «Менеджмент и предпринимательство в парадигме устойчивого развития материалы»: в 2-х томах; отв. за выпуск Е.Б. Дворядкина, А.Е. Плахин. — Екатеринбург, 2018. — С. 148-153.

5. Коропец О.А., Дистанционная женская занятость: специфика, проблемы, критерии эффективности / Коропец О.А Тонких, Н.В. // Социодинамика. — 2018. — № 12. — С. 63-77.

6. Васильева Ю.В. Дистанционная занятость и дистанционная работа с позиций российского трудового права / Васильева Ю.В., Шуралева С.В. // Российский ежегодник трудового права. — 2014. — № 9. — С. 385-390.

7. Тонких Н.В. Влияние дистанционной занятости женщин на развитие института родительства // // VIII Уральский демографический форума «Демографический потенциал стран ЕАЭС»: сборник статей / отв. редактор А. И. Кузьмин. — Екатеринбург. 2017. — С. 238-243.

8. Тонких Н.В. Применимость методов нормирования в исследованиях совмещения женской занятости и родительского труда // Сборник статей X Международной научно-практической конференции «Достойный труд — основа стабильного общества» / отв. за выпуск Е.Е. Лагутина, М.И. Плутова. — Екатеринбург, 2018. — С. 252-257.

9. Тонких Н.В. Корреляция характера женской занятости и качества выполнения родительских функций // IX Уральский демографический форум «Демографическая и семейная политика в контексте целей устойчивого развития»: сб. статей. — Екатеринбург, 2018. — С. 391-400.

Информация об авторе

Камарова Татьяна Александровна (Россия, Екатеринбург) — старший преподаватель, Уральский государственный экономический университет, кафедра экономки труда и управления персоналом (6200144, г. Екатеринбург, ул. 8 марта, 62, e-mail: kta-2014@yandex.ru).

Kamarova T.A.

CONDITIONS OF REMOTE EMPLOYMENTAS A FACTOR OF DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT:TYPICAL «WOMEN» PROFESSIONS

The article discusses the practice of using remote female employment, its professional structure and advantages as one of the factors of demographic development. The conclusion of the article provides a conclusion on the further potential development of this form of employment.

Keywords: women's distance employment, distance employment, labor market, remote employment, distance employment.

Author

Kamarova Tatiana (Russia, Yekaterinburg) — Lecturer in the Ural State University of Economics (62, 8th of March Str., 620219, Ekaterinburg, Russia e-mail: kta-2014@yandex.ru.

References

1. Kulkova I.A., Study of the attitude of female students to distance employment and its effect on fertility / Kulkova I.A., Plutova M.I. // Basic research. — 2018. — No. 11-2. — P. 251-255.

2. Vorobiev E.M. Women with children in the labor market: training and retraining for the purpose of employment / Khusnutdinova G.F., Vorobyev E.M. // Modern problems of science and education. — 2015. — No. 1-1.

3. Distance female employment: specificity, problems and new opportunities: [col. Monograph] / ed. N.V. Tonkikh; Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, the Urals. State Econ. Un-t. — Ekaterinburg: Yunika, 2018. — 211 p.

4. Babintseva AV, Distance female employment: management problems and development prospects / Babintseva AV, Tonkikh N.V. // Collection of the I International Scientific and Practical Conference "Management and Entrepreneurship in the Paradigm of Sustainable Development Materials": a collection of articles in 2 volumes. Responsible for the release of E. B. Dvoryadkina, A.E. Plahin. Ekaterinburg, 2018. — P. 148-153.

5. Koropets O.A., Distance female employment: specificity, problems, performance criteria / Koropets O.A. Tonkikh, N.V. // Sociodynamics. — 2018. — No. 12. — P. 63-77.

6. Vasilyeva Yu.V. Remote employment and remote work from the standpoint of Russian labor law / Vasilieva Yu.V., Shuraleva S.V. // Russian yearbook of labor law. — 2014. — No. 9. — P. 385-390.

7. Tonkikh N.V. The impact of women's distance employment on the development of the institution of parenthood // Collection VIII Ural demographic forum "The demographic potential of the countries of the EAEU": a collection of articles / Executive editor A. I. Kuzmin. — Ekaterinburg, 2017. — P. 238-243.

8. Tonkikh N.V. The applicability of methods of valuation in research combining women's employment and parental labor // Collection of X international scientific-practical conference. "Decent work is the basis of a stable society." Responsible for the release of E.E. Lagutin, M.I. Dodger. Ekaterinburg, 2018. — P. 252-257.

9. Tonkikh N.V. Correlation of the nature of women's employment and the quality of parental functions // Collection IX Ural demographic forum «Demographic and family policy in the context of sustainable development goals»: a collection of articles. — Ekaterinburg, 2018. — P. 391-400.

УДК 31.311

Кованова Е.С.

СОВРЕМЕННЫЕ ТРЕНДЫ МИГРАЦИЙ СЕЛЬСКОЙ МОЛОДЕЖИ

В статье выделены современные проблемы сельской молодежи и состояние информационной базы в области государственной молодежной политики. Одной из главных проблем государственной молодежной политики является нехватка системы анализа и социального мониторинга состояния молодежной среды. Выборочное обследование выявило достаточно высокую трудовую миграцию сельской молодежи аграрного региона. В ходе проведенного исследования выявлен масштабный отток сельской молодежи в город, который негативно отражается на развитии сельскохозяйственного кластера экономики республики, остро нуждающегося в молодых специалистах разного профиля. Отрицательное влияние на социально-экономическое развитие региона может оказать постоянное снижение численности сельской молодежи, что впоследствии приведет к сокращению численности сельского населения.

Ключевые слова: трудовая миграция сельской молодежи, причины миграции, последствия миграции, выборочное обследование, аграрный регион.

На сегодняшний день одной из актуальных проблем государственной молодежной политики является разработка комплексной системы диагностики и социального мониторинга состояния молодежной среды. Поэтому актуальную значимость приобретает оценка состояния и эффективности реализации государственной молодежной политики на базе количественных методов анализа и моделирования. Решение накопившихся проблем имеет огромное значение, и прежде всего для депрессивных регионов Российской Федерации с аграрной специализацией.

Коренные направления и ориентиры государственной молодежной политики в стране определены распоряжением Правительства РФ «Основы государственной молодежной политики в Российской Федерации на период до 2025 года». В распоряжении отмечается, что в «государстве в целом сложилась и действует система формирования и реализации молодежной политики на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. …Новые вызовы, связанные с изменениями в глобальном мире, новые цели социально-экономического развития страны требуют системного обновления, развития задач и механизмов государственной молодежной политики». В качестве основных научно-аналитических механизмов реализации государственной молодежной политики названы расширение практики системных научных исследований по проблемам молодежи, формирование и регулярная актуализация совокупности статистических, социологических и иных показателей положения молодежи и реализации государственной молодежной политики, а также обеспечение систематического наблюдения и осуществление мониторинга оценки качества реализации

программ и проектов в сфере государственной молодежной политики на всех уровнях управления [1].

Цель исследования состоит в формировании информационной базы на основе системы статистических показателей, позволяющих оценить качество реализации, и проводить своевременную корректировку управленческих решений в области государственной молодежной политики. Актуальность формирования современной системы наблюдения и мониторинга усиливается в условиях новых вызовов в виде мощного информационного воздействия деструктивного характера на российскую молодежь. В этих условиях и на фоне роста имущественной дифференциации, падения реальных доходов населения возможны рост неуправляемой агрессии среди молодежи, снижение ее толерантности, а также всплеск социальной нестабильности в российском обществе. Опыт западных стран свидетельствует о том, что в социальных волнениях активно участвуют молодые люди [2].

Информационные ресурсы государственной статистики активно используются при анализе реализации и определении перспектив развития молодежной политики РФ. Современная государственная система информации включает данные государственной и ведомственной статистики. Государственная статистика молодежи базируется на целостной системе сплошного и выборочного обследования населения, а также специально организуемых наблюдений. Информационная база ведомственной статистики по молодежи распылена по многочисленным министерствам и ведомствам, ответственным за реализацию государственной молодежной политики.

Для аграрной республики (Калмыкии) сельская молодежь является сложным объектом научного исследования из-за недостаточности информационной базы. Для выявления перспектив развития аграрного региона анализ состояния и движения сельской молодежи представляет большой научный и практический интерес [3]. Численность и структура молодежи влияют на предрасположенность региона к инновационному развитию, переменам. Проблема заключается не в абсолютных величинах демографической ситуации, а в более глубинном соотношении, сочетании совокупности социальных, культурных, экономических, политических факторов молодежной среды. В этом случае очень важно обратить внимание на последствия влияния этих факторов.

По данным государственной статистики, в регионе происходит постоянное снижение удельного веса молодежи в общей численности населения, и прежде всего необходимо отметить большую скорость изменений в структуре сельского населения (табл.).

Информационная база для проведения исследования формировалась на использовании данных государственной статистики, а также проведенного выборочного обследования населения региона. В выборку вошло 801 домохозяйство в городских поселениях и 1029 в сельских поселениях. Такая структура четко отображает современное расселение жителей региона [4]. Выборочное обследование позволило получить детальную и полную

Таблица

Динамика удельного веса молодежи в общей численности населения Республики Калмыкия,% [4]

Год	Все население, %		Городское население, %		Сельское население, %	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины
2012	28,3	25,6	29,1	25,2	27,7	25,9
2013	27,3	24,6	28,3	24,5	26,6	24,8
2014	26,3	23,6	27,4	23,6	25,5	23,7
2015	25,3	22,7	26,5	23,0	24,3	22,5
2016	24,3	21,8	25,5	22,0	23,4	21,6

информацию по исследуемым вопросам, осуществляя при этом контроль за точностью результатов и снижая трудовые и финансовые затраты.

Как показали результаты выборочного обследования, сельская молодежь имеет высокую миграционную подвижность, и направления миграционных потоков претерпевают изменения. Отмечено преобладание межрегиональной миграции. Объем внутрирегиональной миграции сельской молодежи сдерживается факторами регионального характера: это высокий уровень безработицы, низкий уровень жизни населения и дотационность регионального бюджета.

Молодое сельское население участвует в миграционных процессах активнее, чем городское. Результатом этого процесса является мощный отток молодой рабочей силы из сельской местности. Постоянным миграционным притоком характеризуется г. Элиста, столица республики. Это объясняется более широким рынком труда и уровнем заработной платы. Больше половины уехавших из республики — молодые трудовые мигранты, сосредоточенные в строительстве, добыче и обработке полезных ископаемых и в других видах деятельности. Одной из главных особенностей трудовой миграции молодых сельских жителей из Калмыкии является их высокий образовательный уровень (свыше 70 % мигрантов имеют среднее и высшее профессиональное образование).

Причины активного выбытия сельской молодежи следующие. Доля молодых мигрантов, уехавших на поиски работы, составляет около 21 %, а удельный вес мигрантов, выбывших в поисках творческой и интересной работы, — около 7 %. По мнению опрошенных, смена места жительства и последующий переезд связаны с низким уровнем материального обеспечения. Эту причину указали более 70 % опрошенных. Таким образом, миграционные мотивы молодого населения носят экономический характер. Обследование показало, что сельская молодежь стремится получить хорошее образование — в качестве причины миграции получение качественного образования указали 19,2 % опрошенных.

Выборочное обследование показало высокую трудовую мобильность молодого сельского населения аграрной Республики Калмыкия. В связи с

активным отъездом молодых сельских жителей аграрная экономика может остаться без рабочих кадров, и впоследствии данная тенденция будет усиливаться. Причина такой тенденции заключается в перманентном кризисе отрасли и неразвитости сельского рынка труда. Выбытие молодежи усугубляет непростую демографическую ситуацию в республике.

На сегодняшний день в научной литературе проблемы молодежной политики и ее эффективности обсуждаются, но не в полном объеме и недостаточно глубоко. Решение накопившихся проблем имеет огромное значение и прежде всего для депрессивных регионов РФ с аграрной специализацией.

В перспективе рост миграционного движения молодых сельских жителей в город может оказать влияние на деформацию возрастной структуры и старение сельского населения. Учитывая перманентный характер и длительность экономического кризиса в аграрной сфере региона, можно говорить о трудновосполнимой потере человеческого капитала, что отразится на перспективах социально-экономического развития региона и снижении его инвестиционной привлекательности. Негативным последствием роста трудовой миграции сельской молодежи может стать нехватка квалифицированных кадров в основной сельскохозяйственной отрасли региона.

Список источников

Распоряжение Правительства Российской Федерации «Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года» от 29.11.2014 г. № 2403-р [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/cons/ (дата обращения: 09.01.2019).

Государственная молодежная политика: российская и мировая практика реализации в обществе инновационного потенциала новых поколений: кол. моногр. / под общ. ред. В. А. Лукова. — М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2013. — 718 с.

Эльдяева Н. А. О результатах структурно-динамического анализа межрегиональной внутренней трудовой миграции населения российских регионов / Н. А. Эльдяева, Е. С. Кованова // Мы продолжаем традиции российской статистики. Материалы I Открытого российского статистического конгресса. — М., 2015. — С. 121-122.

Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru (дата обращения: 16.03.2019).

Информация об авторе

Кованова Екатерина Сергеевна (Россия, Элиста) — кандидат экономических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова», e-mail: ekovanova@yandex.ru.

Kovanova E.S.

MODERN TRENDS OF MIGRATION PROCESSES OF RURAL YOUTH

The article highlights the current problems of rural youth and the state of the information base in the field of state youth policy. One of the main problems of the state youth policy is the lack of a system of analysis and social monitoring of the state of the youth environment. A sample survey revealed a fairly high labor migration of rural youth in the agrarian region. In the course of the study, a large-scale outflow of rural youth to the city was revealed, which negatively affects the development of the agricultural cluster of the republic's economy, which is in dire need of young specialists of different profiles. The negative impact on the socio-

economic development of the region can have a permanent decline in the number of rural youth, which subsequently lead to a reduction in the number of rural population.

Keywords: labor migration of rural youth, causes of migration, consequences of migration, sample survey, agrarian region.

Author

Ekaterina Sergeevna Kovanova (Russia, Elista) — candidate of economic Sciences, associate Professor, KALMYK state University named after B. B. Gorodovikov, e-mail: ekovanova@yandex.ru

References

Order of the Government of the Russian Federation «Basics of the state youth policy of the Russian Federation for the period until 2025» dated November 29, 2014 № 2403-p. Available at: http://www.consultant.ru/cons/ (accessed 15.01.2018).

Lukov V. A. State youth policy: the Russian and world practice of realization in the society of the innovative potential of new generations: scientific monograph. M., 2013. — 718 p.

Eldyayeva N. A., Kovanova E. S. On the results of the structural-dynamic analysis of interregional internal labor migration of the population of the Russian regions. We continue the traditions of Russian statistics. Materials of the I Open Russian Statistical Congress, 2015. — P. 121-122.

Official site of the Federal State Statistics Service. Available at: http: www.gks.ru (accessed 10.01.2018).

УДК 314.144

Козлова О.А., Секицки-Павленко О.О.

МЕТОД САЛЛИВАНА КАК ОДИН ИЗ ИНСТРУМЕНТОВ КАЧЕСТВЕННОЙ ОЦЕНКИ ОБЩЕСТВЕННОГО ЗДОРОВЬЯ[1]

Необходимость качественной оценки показателей общественного здоровья для решения вопросов социально-экономического характера назрела уже давно. Одним из интегральных показателей такой оценки служит ожидаемая продолжительность здоровой жизни (ОПЗЖ), рассчитанная по методу Салливана. В данной статье приводится обзор отечественных исследований показателя ОПЗЖ и детально разбирается метод Салливана. Рассматриваются плюсы и минусы этого метода.

Ключевые слова: качественная оценка здоровья населения, ожидаемая продолжительность здоровой жизни, таблицы смертности, метод Салливана

Одним из наиболее универсальных показателей, характеризующих общественное здоровье, является ожидаемая продолжительность жизни (ОПЖ). Величина и динамика данного показателя выступает в качестве базового индикатора качества жизни и уровня социально-экономического развития региона.

Наряду с показателем ОПЖ, который дает количественную оценку демографическим процессам, весьма интересным, на наш взгляд, является показатель ожидаемой продолжительности здоровой жизни (далее ОПЗЖ), отражающий качественную характеристику предстоящей жизни, а именно аспект здоровья.

Введению в обиход понятия ОПЗЖ предшествуют попытки объединения данных о состоянии здоровья, наличии/отсутствии заболеваемости с данными таблиц смертности. Так в 1964 г. Б. Сандерс, при изучении уровней заболеваемости в округе Кит-Карсон (штат Колорадо, США), предложил использовать в расчетах данные таблиц смертности, справедливо отмечая, что здоровье является одним из атрибутов, для которых невозможно установить верхнюю границу [9].

Несколькими годами позже, в 1971 г., Даниэль Ф. Салливан на основе таблиц смертности рассчитал ожидаемую продолжительность жизни населения США, рожденного в 60-е годы «с ограничением в дееспособности» и «без ограничения в дееспособности», дифференцировав ее при этом по полу и двум возрастным категориям (при рождении и старше 65 лет). Благодаря Салливану термин «ожидаемая продолжительность жизни без ограничения в дееспособности» Disability-Free Life Expectancy (DFLE) прочно закрепился в научной литературе [10]. Опираясь на метод, разработанный

[1] © Козлова О.А., Секицки-Павленко О.О. Текст. 2019.

Публикация подготовлена при поддержке гранта РФФИ №18-010-01049 «Методология и методика системной оценки взаимосвязи средовых факторов и здоровья населения в задаче устойчивого развития регионов России».

Салливаном в 60-70-х годах XX века, было проведено множество исследований состояния здоровья населения США и Европы. К началу 2000-х понятие ОПЗЖ прочно утвердилось в лексиконе Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ). Причем ВОЗ включила показатель ОПЗЖ в систему мониторинга здоровья населения Европейского союза European Health expectancy Monitoring Unit (EHEMU) [8, 11].

В нашей стране научных работ, посвященных качественной оценке здоровья населения, с применением показателя ОПЗЖ на порядок меньше, нежели за рубежом. Среди них стоит выделить исследование, проведенное в 1997 г. Ю.Н. Комаровым, С.П. Ермаковым и А.Е. Ивановой по оценке ОПЗЖ населения в России в состоянии инвалидности [3].

В статье Е.М. Андреева, В.М. Школьникова и МакКима на основании самооценок здоровья респондентов и таблиц смертности проводятся сравнения между ОПЗЖ в России и странах Европы [1]. Подобное сравнение в уровнях ОПЗЖ между Россией и Швецией с использованием данных о самооценке здоровья и показателей недееспособности приводится в статье М. Бобака [12].

Весомый вклад в изучение ОПЗЖ внесло исследование С.Я. Щеброва и С.Г. Шульгина, которые провели оценку ОПЗЖ по регионам России, используя метод Салливана и расширенные таблицы смертности [7]. Д.И. Шмаковым были проведены расчеты экономического ущерба вследствие потерянных лет предстоящей жизни [13].

Теоретическая база расчета ОПЗЖ подробно рассмотрена М.Б. Денисенко в одной из глав монографии, посвященной медико-социальным последствиям демографического старения [2].

Среди исследователей, чье внимание сфокусировано на исследовании интегральных оценок здоровья с применением различных вариаций метода Салливана, следует отметить работы А.В. Рамонова [4, 5, 6].

Исследование уровней здоровья с применением показателей ОПЗЖ также можно найти в работах Е.С. Киселёвой, А.А. Шабуновой, Е.М. Щербаковой, Б.Б. Прохорова и др.

Всевозможные исследования в области расчета интегральных показателей здоровья, таких как индекс здоровья ИРЧП, метод Кирьянова, метод Неймана и др., свидетельствуют о необходимости применения качественных характеристик в оценке уровня здоровья населения. На фоне вышеперечисленных методов модель Салливана для оценки ОПЗЖ зарекомендовала себя как одна из наиболее простых и успешных. Вероятно, именно по этой причине приказом Росстата № 95 от 25.02.2019 г. была утверждена Методика расчета показателя «Ожидаемая продолжительность здоровой жизни (лет)» в качестве официальной[1].

Суть методики расчета ОПЗЖ по методу Салливана состоит в следующем:

1. Исследователь должен располагать данными таблиц смертности и данными выборочных наблюдений о состоянии здоровья населения.

[1] См.: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_319186/

2. Каждый из респондентов, в зависимости от своих ответов на вопросы анкеты, должен быть отнесен к одной из групп по состоянию здоровья. Обычно выделяют две группы — «здоровое» и «нездоровое» население.

3. Каждая из групп, выделенных по состоянию здоровья, в свою очередь распределяется по возрасту.

4. В соответствии с таблицами смертности исследователь определяет следующие значения:

x — точный возраст, *x* находится в интервале от 0 до *w*, причем *w* — максимальный возраст;

l_x — число доживших до точного возраста *x* (по таблицам смертности);

L_x — число человеко-лет, прожитых в возрастном интервале от *x* до *x* + 1.

Ожидаемая продолжительность предстоящей жизни для доживших до точного возраста x равна:

$$E_x = \frac{\sum_x^w L_i}{l_x} \tag{1}$$

Далее необходимо определить $\pi_x(j)$ - долю лиц, находящихся в различных состояниях здоровья j во всех возрастных группах x.

Затем выделяем число человеко-лет $L_x(j)$, прожитое в возрасте от x до x + 1 в состоянии здоровья j, согласно формуле:

$$L_x(j) = L_x \times \pi_x(j) \tag{2}$$

Далее, суммируя значения $L_x(j)$, находим общее число человеко-лет $T_x(j)$, прожитых теми лицами, кто дожил до возраста *x*, а после ожидаемую продолжительность жизни в возрасте *x*, в состоянии здоровья *j* по формуле:

$$E_x(j) = \frac{\sum_x^w L_x(j)}{l_x} \tag{3}$$

После, путем вычета разницы между ОПЖ и ОПЗЖ, исследователь получает среднее число лет, которые предстоит прожить в нездоровом состоянии

Как и для любого демографического анализа, основанного на использовании таблиц смертности, при применении метода Салливана необходимо исходить из предположения о неизменности показателей смертности и здоровья отдельных возрастных групп. То есть показатель ОПЗЖ, рассчитанный данным методом, нам показывает, сколько в среднем предстоит прожить новорожденному в здоровом состоянии при условии, что показатели смертности и заболеваемости, зафиксированные в год его рождения, останутся константными.

Как и всякий научный инструментарий, метод Салливана имеет свои преимущества и недостатки. К достоинству данного метода следует от-

нести, прежде всего, простоту расчета и относительную доступность данных. Помимо этого он обеспечивает хорошую информативность при условии, что показатели заболеваемости с течением времени изменяются медленно.

Однако проблема данного метода состоит в том, что он имеет так называемый накопительный эффект, т.е. отражает не только текущий уровень заболеваемости, но и состояние здоровья населения в прошлом, в каждой возрастной когорте. Кроме того, данный метод основывается на неизменности показателей заболеваемости (инвалидности) и предполагается, что лица заболевшие (ставшие инвалидами) остаются такими до конца жизни, что противоречит действительности, так как не все виды заболеваемости и инвалидности являются постоянными. Учитывая этот факт, следует отметить, что метод Салливана не может быть применим в период эпидемий, военных действий, катастроф и других обстоятельств, способствующих резкому увеличению уровня заболеваемости и смертности. Помимо этого, при сборе информации о здоровье следует учитывать социо-культурные особенности респондентов и субъективное восприятие ими своего здоровья, поскольку это может привести к некоторым искажениям при сопоставимости данных (например, между странами или культурными регионами).

Однако, несмотря на все недостатки, метод, предложенный Салливаном, даже спустя почти полвека по-прежнему остается актуальным и востребованным.

Список источников

1. Андреев Е. М., Школьников В. М., МакКи М. Продолжительность здоровой жизни // Вопросы статистики. — 2002. — № 11. — С. 16-21.

2. Гридасов Г.Н., Денисенко М.Б., Сиротко М.Л., Калмыкова Н.М., Васин С.А. Медико-социальные последствия старения (на примере Самарской области). — Самара: ООО «Волга-Бизнес», 2011. — С. 168-200.

3. Комаров Ю. Н., Ермаков С. П., Иванова А. Е. Продолжительность жизни населения России с учетом инвалидности: динамика, региональные аспекты, основные причины потерь. — М., 1997.

4. Рамонов А.В. Анализ статуса здоровья населения России с использованием интегральных показателей // Социологические исследования. — 2012. — № 3. — С. 104-116.

5. Рамонов А.В. Ожидаемая продолжительность здоровой жизни как интегральная оценка здоровья россиян // Экономический журнал Высшей школы экономики. — 2011. — Т. 15. — № 4. — С. 497-518.

6. Рамонов А.В. Ожидаемая продолжительность здоровой жизни в России // Демоскоп Weekly. 2011, № 463-464 [Электронный ресурс]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/2011/0463/tema01.php

7. Щебров С.Я., Шульгин С.Г. Продолжительность здоровой жизни населения России. Моделирование, региональные оценки и прогнозирование (Length of a Healthy Life of the Population of Russia. Modeling, Regional Assessments and Forecasting) (March 12, 2018). Available at SSRN [Электронный ресурс]. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3139631

8. On the Estimation of Disability-Free Life Expectancy: Sullivan' Method and Its Extension [Электронный ресурс]. URL: https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC4533834/

9. Sanders B. Measuring community health levels. American journal of public health, 1964, 54: 1063-1070 [Электронный ресурс]. URL: https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC1254928/

10. Sullivan D. A single index of mortality and morbidity. HSMHA health report, 1971, 86: 347-354 [Электронный ресурс]. URL: https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC1937122/

11. WHO methods for life expectancy and healthy life expectancy. Department of Health Statistics and Information Systems WHO, Geneva. March 2014 [Электронныйресурс]. URL: https://www.who.int/healthinfo/statistics/LT_method_1990_2012.pdf

12. Bobak M., Kristenson M., Pikhart H., Marmot M. Life span and disability: a cross sectional comparison of Russian and Swedish community based data. BMJ. 2004 Oct 2;329(7469):767. Epub 2004 Sep 17. [Электронныйресурс]. URL: https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/15377571

13. Шмаков Д.И. Разработка методики оценки потерь капитала здоровья. [Электронныйресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/v/razrabotka-metodiki-otsenki-poter-kapitala-zdorovya

Информация об авторах

Козлова Ольга Анатольевна (Россия, Екатеринбург) — доктор экономических наук, профессор, руководитель центра исследования социоэкономической динамики, Институт экономики УрО РАН (620014, Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: olga137@mail.ru).

Секицки-Павленко Ольга Олеговна (Россия, Екатеринбург) — ведущий экономист, Институт экономики УрО РАН (620014, Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: pavlenko_ola@mail.ru).

Kozlova O.A., Sekicki-Pavlenko O.O.

THE SULLIVAN METHOD AS ONE OF THE TOOLS OF QUALITATIVE PUBLIC HEALTH ASSESSMENT

The need for a qualitative assessment of public health indicators to address issues of socio-economic nature is long overdue. One of these integral indicators is the expected healthy life expectancy calculated by the Sullivan method. This article provides an overview of domestic studies of the indicator of the expectation of healthy life expectancy and examines the Sullivan method in detail. The positive and negative aspects of this method are considered.

Keywords: qualitative assessment of public health, healthy life expectancy, life tables, Sullivan method.

Authors

Kozlova Olga Anatolyevna (Russia, Yekaterinburg) — Doctor of Economics, Professor, Head of the Center for Socioeconomic Dynamics Research, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (620014,Yekaterinburg, Moskovskaja str., 29; e-mail: olga137@mail.ru).

Sekicki-Pavlenko Olga Olegovna (Russia, Yekaterinburg) — a leading economist. Institute of Economics, Ural Branch, Russian Academy of Sciences (620014, Yekaterinburg, Moskovskaja str., 29; e-mail: pavlenko_ola@mail.ru).

References

1. Andreev E. M., Shkolnikov V. M., Makki M. Duration of healthy life // Questions of statistics. — 2002. — No. 11. — P. 16-21.

2. Gridasov G.N., Denisenko M.B., Sirotko M.L., Kalmykova N.M., Vasin S.A. Medical and social consequences of aging (on the example of the Samara region). — Samara: Volga-Business LLC, 2011. — P. 168-200.

3. Komarov Yu. N., Ermakov S. P., Ivanova A. E. Life expectancy of the population of Russia taking into account disability: dynamics, regional aspects, main causes of losses. — M., 1997.

4. Ramonov A.V. Analysis of the health status of the population of Russia using integral indicators // Sociological Studiesю — 2012. — No. 3. — S. 104-116.

5. Ramonov A.V. Healthy life expectancy as an integral assessment of the health of Russians // Economic Journal of Higher School of Economics. — 2011. — Vol. 15. — No. 4. — S. 497-518.

6. Ramonov A.V. Expected healthy life expectancy in Russia // Demoscope Weekly. 2011, No. 463-464 Access mode: http://www.demoscope.ru/weekly/2011/0463/tema01.php

7. Schebrov S.Ya., Shulgin S.G. Duration of healthy life of the population of Russia. Modeling, Regional Estimates and Forecasting (March 12, 2018). Modeling, Regional Assessment and Forecasting. Available at SSRN: Access Mode: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3139631

8. On the Estimation of Disability-Free Life Expectancy: Sullivan 'Method and Its Extension. Access mode: https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC4533834/

9. Sanders B. Measuring community health levels. American journal of public health, 1964, 54: 1063-1070. Access mode: https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC1254928/

10. Sullivan D. A single index of mortality and morbidity. HSMHA health report, 1971, 86: 347-354. Access mode: https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC1937122/

11. WHO methods for life expectancy and healthy life expectancy. Department of Health Statistics and Information Systems WHO, Geneva. March 2014 Access mode: https://www.who.int/healthinfo/statistics/LT_method_1990_2012.pdf

12. Bobak M., Kristenson M., Pikhart H., Marmot M. Life span and disability: a cross sectional comparison of Russian and Swedish community based data. BMJ. 2004 Oct 2;329(7469):767. Epub 2004 Sep 17. Access mode: https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pubmed/15377571

13. Shmakov D.I. Development of a methodology for assessing health capital loss. Access mode: https://cyberleninka.ru/article/v/razrabotka-metodiki-otsenki-poter-kapitala-zdorovya

УДК 314.7:338.2

Коровкин А.Г., Королев И.Б., Синица А.Л.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ И ИХ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ ЗА ПЕРИОД 1991-2015 ГОДОВ[1]

На основе данных Росстата анализируется миграция населения между регионами России за период 1991-2015 гг. Показано, что экономическая специализация и географическое положение региона заметно влияют на долю населения, не изменившего свой статус, но в меньшей степени — на вероятность переехать в этот же регион.

Ключевые слова: миграция, баланс движения населения и трудовых ресурсов, регионы России, экономическое развитие, региональная дифференциация.

Проблемы распределения и перераспределения населения внутри любой страны всегда были основными для ее социально-экономического развития, поскольку пространственное размещение населения может как стимулировать экономический рост, так и препятствовать ему. Так, в настоящее время перед Россией стоит непростая задача реализации масштабных проектов в регионах со сложными условиями проживания, привлечь в которые людей непросто. Ситуация осложняется тем, что долгое время на них не обращали внимания, что привело к значительному миграционному оттоку из регионов Крайнего Севера. Не менее важна проблема развития Дальнего Востока страны и целого ряда других регионов, теряющих население и трудовые ресурсы. Знать надо направления и интенсивность движения населения регионов в масштабах всей страны, поскольку в большинстве случаев перед органами власти стоят похожие проблемы в области занятости.

Такие трудности свойственны всем странам с большой территорией и значительной дифференциацией показателей, характеризующих социально-экономическое развитие (обзор литературы и проблем по этому вопросу см. в [7]). Пример России интересен тем, что возникли дополнительные шоки, связанные с последствиями развала СССР и социально-экономических трансформаций 1990-х годов. Миграция населения наглядно иллюстрирует все это.

Об объемах миграции населения в России в постсоветский период и ее направлениях сказано достаточно много, поэтому сконцентрируемся на менее изученном аспекте — миграции с учетом экономической специализации регионов на основе анализа динамики движения населения регионов России за 1991-2015 годы. В рамках исследования попытаемся ответить на два вопроса: насколько неравномерно федеральные округа и отдельные

[1] © Коровкин А.Г, Королев И.Б., Синица А.Л. Текст. 2019.

Работа подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 19-010-00944 «Межсекторальное движение рабочей силы как фактор перспективной динамики рынка труда РФ и ее регионов».

регионы принимают мигрантов из регионов России и как на это влияют межрегиональные различия в структуре экономики. Исследование базируется на методологии балансов движения населения и трудовых ресурсов (БДНиТР) и соответствующем прогнозно-аналитическом инструментарии [2; 5].

Основой анализа послужили данные Росстата о внутрироссийской миграции населения за рассматриваемый период, которые публикуются в виде матрицы межрегиональных переходов. Эти данные в рамках БДНиТР дополняются сведениями о естественном движении населения и внешней миграции в региональном разрезе. На этой основе были построены БДНиТР для следующих временных периодов: 1991-1995, 1996-2000, 2001-2005, 2006-2010, 2011-2015, 1991-2000, 2001-2010 и 1991-2015 годы. Рассмотрим только последний из них. При оценке уровня социально-экономического развития регионов нами использовались несколько классификаций регионов, которые оказались наиболее удобными [3; 6; 8], хотя есть и другие (например, [1; 4]). Распределение регионов проводилось на основе иерархической кластеризации по методу Уорда.

Рассмотрим доли населения, которое за рассматриваемый период не меняло свое состояние, то есть в 2015 г. проживало в том же месте, в каком оно проживало и на протяжении всего рассматриваемого периода. Миграционная подвижность населения наибольшая в регионах, полностью или частично расположенных в зоне Крайнего Севера. Это ожидаемо, поскольку помимо высокого уровня миграционной подвижности из-за специфики ведения хозяйственной деятельности распад СССР ударил в первую очередь по тем территориям, которые из-за сложных природно-климатических условий в значительной степени зависят от качества государственного управления и системы социальных гарантий и льгот, направленной на компенсацию влияния этих условий. Как только они перестали соответствовать друг другу, а из-за закрытия предприятий и организаций эти регионы стали трудоизбыточными, отъезд и смертность населения приняли значительные формы. Если не рассматривать ныне упраздненные автономные округа, то менее 40% от исходного населения смогли сохранить Мурманская область (37,2%), Амурская область (39,1%), Республика Коми (39,5%) и Сахалинская область (39,9%). Наибольшим снижение было в Чукотском АО и Магаданской области, которые смогли сохранить соответственно лишь 20,4% и 22,8% от изначального населения. Среди регионов с высокой долей населения, не изменившего свое изначальное состояние (более 60%), ожидаемо находятся финансово обеспеченные регионы — Московская область (60,2%), города Москва (86,8%) и Санкт-Петербург (62,6%). Уровень жизни в этих регионах высокий, поэтому люди уезжают из них только в связи с действительно серьезной причиной. Также мало меняло состояние и население Северо-Кавказского федерального округа: республики Северная Осетия (61,4%), Кабардино-Балкарская (65,2%), Чеченская (73,0%), Дагестан (77,0%), Ингушетия (93,4%). В подавляющем большинстве регионов (69 из 83) не изменило своего состояния от 40 до 60% населения,

Рис. *Распределение регионов России по доле населения, не изменившего свой статус в 1991-2015 годах.*

коэффициент вариации составляет около 20%, что является достаточно низким результатом.

Для кластеризации мы исключили из рассмотрения республики Дагестан, Ингушетия, Чеченская и г. Москву из-за очень высоких значений, а Магаданскую область и Чукотский АО — из-за очень низких значений (на рисунке они отмечены серым цветом). Всего было выделено четыре кластера. К первому кластеру (белый цвет) относятся регионы, в которых состояние не изменилось у 37,2-42,4% населения. В кластере 2 (на рисунке отмечен светло-серым цветом) состояние не изменило 43,3-47,8% населения. Регионы кластера 3 (на рисунке отмечен темно-серым цветом) смогли сохранить 48,4-53,2% населения. Кластер 4 состоит из регионов, которые смогли сохранить 53,9-65,2% населения (черный цвет).

На карте видно, что географическое расположение региона оказывает заметное влияние на подвижность населения: в регионах Севера, Сибири и Дальнего Востока она выше. Если попытаться связать ее с экономической специализацией региона, то увидим, что регионы с высокой долей сельского хозяйства смогли сохранить более высокую долю населения по сравнению с регионами, ориентированными на добычу полезных ископаемых. Вероятно, это связано с тем, что значительная часть населения этих регионов обладает навыками, которые менее нужны вне сельскохозяйственных регионов. Экономики столиц и Московской области имеют высокую долю сферы услуг (их можно назвать постиндустриальными регионами), являются финансово обеспеченными и способны предоставить населению

высокий уровень жизни, поэтому жители стараются не покидать их. Регионы с более диверсифицированной экономикой и высокой долей обрабатывающей промышленности также смогли сохранить более высокую долю населения. Регионы, в которых есть промышленность, но доля сельского хозяйства относительно высока (промышленно-аграрные и аграрно-промышленные регионы), смогли сохранить меньшую долю населения. Если обобщить, то наибольшую долю населения смогли сохранить наиболее бедные сельскохозяйственные регионы и наиболее развитые регионы со специализацией на сфере услуг и финансах. Затем шли регионы с диверсифицированной экономикой, а после — промышленные регионы с высокой долей сельского хозяйства. Замыкают список северные добывающие регионы, где получил распространение вахтовый метод работы.

Если рассмотреть структуру выбытия населения по видам событий, то вероятность не двигаться и совершить перемещение внутри региона за период является наиболее высокой. Для большинства регионов она составляет 55-65%. В качестве регионов с высокой такой долей можно выделить Москву и большинство регионов Северного Кавказа. В Москве это наблюдалось на протяжении всего периода и связано с тем, что данный регион является центром притяжения и имеет развитый рынок жилья, а в республиках Кавказа внешняя миграция была незначительной в 1990-е годы, но затем увеличилась. Кроме того, это регионы с высокой долей сельского населения, для которого наиболее привычным и естественным перемещением будет миграция в ближайший город. Низкие вероятности на диагонали матрицы внутрирегиональной миграции (от 40 до 50%) отмечены в регионах Крайнего Севера: Мурманской области, Республике Коми, Камчатском крае, Ямало-Ненецком АО. Она связана с условиями проживания и ведения хозяйственной деятельности в этих регионах. Наиболее низкой (от 20 до 25%) она была в Магаданской области и Чукотском АО, которые ощутили на себе социально-экономическую нестабильность 1990-х годов наиболее сильно.

Население регионов Севера имело и наиболее высокую (более 3,5%) вероятность выбыть в страны ближнего зарубежья. Самой высокой она была в Ямало-Ненецком АО (9,2%), Магаданской области (9,3%) и Чукотском АО (13,4%). Следующие за ними Мурманская область и Республика Саха (Якутия) имели вероятность 5,5% и 4,7% соответственно. Выше средней она была преимущественно в менее развитых регионах, а также в Ленинградской области и Санкт-Петербурге, тогда как в более развитых вероятность была несколько ниже средней. Регионы с низкой вероятностью миграции разнородны, и выявить зависимость для них не представляется возможным, но к ним относятся как наиболее развитые, так и наименее. Различия между регионами, измеренные на основе коэффициента вариации, велики и составляют около 90%. Еще менее очевидна связь между уровнем экономического развития и вероятностью мигрировать в страны дальнего зарубежья, но межрегиональная дифференциация в этом случае еще выше и составляет 132%. Оба вопроса требуют отдельного исследования, поэтому здесь затронуты вскользь.

Наконец, рассмотрим вероятность переехать в другой регион с учетом его хозяйственной специализации. Коэффициенты парной корреляции Спирмена для большинства регионов значимы даже на уровне 1%, а также превышают 0,7, что позволяет говорить о сильной статистической значимости связи между регионами.

Среди внутренних направлений наиболее высокой вероятность выбытия была в регионы, находящиеся в том же федеральном округе, что и регион выбытия. В среднем она составляла 4,5% (при минимуме 0,8% и максимуме 9,6%), а коэффициент вариации — около 46%. Экономическая специализация оказывает достаточно слабое влияние на эту вероятность. К регионам с высокой вероятностью уехать относятся: наименее развитые сельскохозяйственные республики Северного Кавказа и развитые регионы с долей обрабатывающей и добывающей промышленности выше средней, а также высокоразвитый финансовый центр — Московская область. Регионы с низкой вероятностью выбытия разнородны, и в эту группу входят регионы с разным уровнем развития, но в ней много регионов как с развитой промышленностью, так и высокой долей сельского хозяйства.

Если мы рассмотрим для каждого региона вероятности выбытия, которые не лежат на главной диагонали матрицы, то коэффициент вариации будет значительным: менее 700% он имел значение лишь для Магаданской, Мурманской областей, Республики Калмыкия, Камчатского края и Чукотского АО. В этих регионах хозяйственная деятельность привлекала работников из многих регионов или у населения отмечалось сильное желание уехать из региона проживания куда угодно, поэтому и исходящий поток более равномерный по сравнению с остальными регионами, в которых показатель вариации составлял 700-800%.

Среди всех федеральных округов лидером по притяжению является Центральный федеральный округ (ФО). Вероятность выбытия в этот макрорегион была наибольшей почти во всех регионах России. В первую очередь мигрантов привлекали г. Москва и Московская область, но некоторый вклад внесли Белгородская, Курская и Ярославская области. За Центральным следовал Приволжский ФО, в котором много экономически развитых регионов, а население многочисленное и распределено достаточно компактно. Наиболее важными в нем были Самарская и Саратовская области, но мигрантов также привлекали Нижегородская область, Республика Башкортостан и Пермский край. На третьем месте по вероятности попасть шел Южный ФО. В нем вероятности были наиболее высокими для Ростовской и Волгоградской областей и также Краснодарского края. Северо-Западный ФО с развитыми Санкт-Петербургом и Ленинградской областью, а также Мурманской областью, завершает перечень более привлекательных федеральных округов.

Из менее благоприятных федеральных округов в наилучшем положении находится Сибирский ФО. Красноярский край и Иркутская область, Кемеровская, Новосибирская области и Алтайский край, которые составляют основу экономики, имели наибольшую вероятность привлечь население из

других регионов России. Несмотря на то, что Уральский ФО имеет высокий уровень экономического развития, вероятность выбыть в него является относительно высокой только для Свердловской области. Вероятность для прочих регионов, за исключением Курганской области, была немного ниже по сравнению с представленными выше тремя последними регионами Сибирского ФО. Регионы Северо-Кавказского ФО имели в целом низкую вероятность привлечь население. Лишь Ставропольский край имел высокую вероятность, которая была немного выше по сравнению со Свердловской областью. Дальневосточный федеральный округ в качестве преимущественного макрорегиона для выбытия выбрало населения лишь трех регионов: Амурской, Еврейской автономной областей и Хабаровского края. Во всех остальных случаях вероятности выбытия в Дальневосточный ФО были гораздо ниже среднего по стране уровня. Жители этого макрорегиона не рассматривали его в качестве направления выбытия. Лидерами с наиболее высокими вероятностями являются Республика Саха (Якутия), Приморский и Хабаровский края.

Наше исследование показало, что географическое расположение и уровень экономического развития региона оказывают влияние на привлечение внутренних мигрантов из других регионов России. Тем не менее, мы рассмотрели период 1991-2015 годов в качестве единого целого. Если разбить его на пяти- или десятилетние группы, возможно уточнить вероятности выбытия и более корректно вписать их в исторический контекст. В первую очередь это касается наиболее проблемных Дальневосточного и СевероКавказского федеральных округов, но подобное исследование актуально и для страны в целом.

Список источников

1. Бакланов П.Я., Мошков А.В. Пространственная дифференциация структуры экономики регионов Арктической зоны России // Экономика региона. — 2015. — № 1. — С. 53-63.

Баранов Э.Ф., Бреев Б.Д. Основные принципы построения балансов движения трудовых ресурсов. — М.: ЦЭМИ АН СССР, 1969.

2. Голяшев А.В., Григорьев Л.М. Типы российских регионов: устойчивость и сдвиги в 2003-2013 годах: Аналитический доклад. — М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, 2017. — 47 с.

3. Дубынина Т.Г., Малахов В.А. Анализ тенденций регионально-отраслевой структуры экономики субъектов Российской Федерации // Проблемы прогнозирования. — 2014. — № 3. — С. 96-107.

4. Коровкин А.Г. Динамика занятости и рынок труда: вопросы макроэкономического анализа и прогнозирования. — М.: МАКС Пресс, 2001. — 320 с.

5. Кузнецова О.В. Структура экономики российских регионов и уровень их социально-экономического развития // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. — М.: МАКС Пресс, 2018. — С. 473-493.

6. Михеева Н.Н. Приоритеты регионального развития как фактор экономического роста // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. — М.: МАКС Пресс, 2018. С. 32-52.

7. Татаркин А.И., Романова О.А. Промышленная политика: генезис, региональные особенности и законодательное обеспечение // Экономика региона. — 2014. — № 2. — С. 9-21.

Информация об авторах

Коровкин Андрей Германович (Россия, Москва) — доктор экономических наук, заведующий лабораторией прогнозирования трудовых ресурсов, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН (117418, г. Москва , Нахимовский проспект, д. 47); профессор кафедры экономики труда и персонала экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 46. E-mail: ecfor1809@mail.ru).

Королев Иван Борисович (Россия, Москва) — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник лаборатории прогнозирования трудовых ресурсов, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН (117418, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 47. E-mail: ecfor1809@mail.ru).

Синица Арсений Леонидович (Россия, Москва) — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник лаборатории прогнозирования трудовых ресурсов, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН (117418, г. Москва, Нахимовский проспект, д. 47); научный сотрудник лаборатории экономического образования экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 46. E-mail: ecfor1809@mail.ru).

Korovkin A.G., Korolev I.B., Sinitsa A.L.

MAIN DIRECTIONS OF THE MIGRATION OF THE POPULATION OF THE REGIONS OF RUSSIA AND THEIR ECONOMIC DEVELOPMENT IN 1991-2015

On the basis of the Rosstat data the interregional migration of the population of Russia in 1991-2015 is analyzed. It is shown that the economic specialization and geographical location of the region affect significantly the proportion of the population that did not changed its status, but to a lesser extent affect the probability of moving into it.

Keywords: migration, balance, regions of Russia, economic development, regional differentiation.

Authors

Korovkin Andrey Germanovich (Russia, Moscow) — Doct. of Sci. (Econ), Head of the Laboratory for labour force forecasting, Institute of Economic Forecasting, RAS. (117418, Moscow, Nachimovskij av. 47); Chair of Labour Economics and Staff, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University (119991, Leninskie gory, 1-46. E-mail: ecfor1809@mail.ru).

Korolev Ivan Borisovich (Russia, Moscow) — Cand. of Sci. (Econ.), senior researcher of the Laboratory for labour force forecasting, Institute of Economic Forecasting, RAS. (117418, Moscow, Nachimovskij av. 47. E-mail: ecfor1809@mail.ru).

Sinitsa Arseniy Leonidovich (Russia, Moscow) — Cand. of Sci. (Econ.), senior researcher of the Laboratory for labour force forecasting, Institute of Economic Forecasting, RAS. Russia (117418, Moscow, Nachimovskij av. 47); researcher of the Laboratory for Economic Educarion, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University (119991, Leninskie gory, 1-46. E-mail: ecfor1809@mail.ru).

References

1. Baklanov P.Ya., Moshkov A.V. Prostranstvennaya differentsiatsiya struktury ekonomiki regionov Arkticheskoi zony Rossii // Ekonomika regiona. — 2015. — No. 1. — S. 53-63.

2. Golyashev A.V., Grigor'ev L.M. Tipy rossiiskikh regionov: ustoichivost' i sdvigi v 2003-2013 godakh. Analiticheskii doklad. — M.: Analiticheskii tsentr pri Pravitel'stve Rossiiskoi Federatsii, 2017. — 47 s.

3. Dubynina T.G., Malakhov V.A. Analiz tendentsii regional'no-otraslevoi struktury ekonomiki sub"ektov Rossiiskoi Federatsii // Problemy prognozirovaniya. — 2014. — No. 3. — S. 96-107.

4. Korovkin A.G. Dinamika zanyatosti i rynok truda: voprosy makroekonomicheskogo analiza i prognozirovaniya. — M.: MAKS Press, 2001. — 320 s.

5. Kuznetsova O.V. Struktura ekonomiki rossiiskikh regionov i uroven' ikh sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya // Nauchnye truda: Institut narodnokhozyaistvennogo prognozirovaniya RAN. — M.: MAKS Press, 2018. — S. 473-493.

6. Mikheeva N.N. Prioritety regional'nogo razvitiya kak faktor ekonomicheskogo rosta // Nauchnye truda: Institut narodnokhozyaistvennogo prognozirovaniya RAN. — M.: MAKS Press, 2018. — S. 32-52.

7. Tatarkin A.I., Romanova O.A. Promyshlennaya politika: genezis, regional'nye osobennosti i zakonodatel'noe obespechenie // Ekonomika regiona. — 2014. — No. 2. — S. 9-21.

УДК 314.3

Кулькова И. А.

О ВЗАИМОСВЯЗИ РОЖДАЕМОСТИ С УВЕЛИЧЕНИЕМ ПЕНСИОННОГО ВОЗРАСТА В РОССИИ[1]

Статья посвящена изучению факторов рождаемости, связанных с повышением пенсионного возраста в России, что не было изучено в процессе принятия управленческого решения. Доказано наличие взаимосвязи, определены векторы влияния каждого из факторов.

Ключевые слова: рождаемость, факторы рождаемости, повышение пенсионного возраста, родственная поддержка, депопуляция.

Современная демографическая ситуация в России характеризуется рядом неблагоприятных тенденций: в первую очередь, снижением уровня рождаемости (1); сохранением высокого уровня разводимости семей (2); стабилизацией показателя средней продолжительности жизни (3), хотя ранее прогнозировался его поступательный рост; неблагоприятной ситуацией в регулировании миграционных потоков (4).

Так, по данным Росстата за первый квартал 2019 года, показатель рождаемости в России снизился на 9,1% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года, причем снижение рождаемости в России наблюдается уже третий год. Серьезным моментом для демографической безопасности страны является тот факт, что суммарный коэффициент рождаемости в годовом исчислении опустился ниже 1,5 ребенка на женщину. В таких условиях даже на фоне уменьшения показателей смертности естественная убыль населения может в ближайшие годы достичь 300 тыс. человек в год.

Ученые выделяют ряд факторов рождаемости. Так, в рамках диссертационного исследования об особенностях репродуктивного поведения населения Я.А. Скрябина классифицировала меры, необходимых для повышения рождаемости, на меры общего характера и меры улучшения условий жизни семьи [1]. К первой группе были отнесены общая экономическая стабильность, обеспечение качественного медицинского обслуживания, стабильная высокооплачиваемая работа, развитие системы досуга, физической культуры, спорта, пропаганда СМИ семейных ценностей, уважительного отношения к женщине, детям, здорового образа жизни и другие. Проведенный ею опрос показал, что самым важным фактором, по мнению женщин, является наличие стабильной высокооплачиваемой работы (79,5%), также важными являются: наличие общей экономической стабильности (74,6%), качественное медицинское обслуживание (66,2%), т.е. факторы социально-экономического благополучия. Кроме того, 44,7% респондентов полагают,

[1] © Кулькова И.А. Текст. 2019.

Исследование выполнено при поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-010-00545 «Прогноз влияния повышения пенсионного возраста на рождаемость в России»

что средствам массовой информации необходимо пропагандировать семейные ценности, уважительное отношение к женщине, детям, здоровый образ жизни.

Ко второй группе был отнесен ряд факторов, которые указжем в порядке убывания их значимости [1]: субсидии молодым семьям для приобретения жилья (91,4%), увеличение размера пособий на каждого ребенка и социальных выплат матерям при рождении детей (78,1%), наличие полной семьи, хорошие взаимоотношения в семье (61,1 %), субсидии для оплаты содержания детей в детских садах (52,0 %), налоговые льготы для работающих матерей и отцов (51,4%), частичные изменения трудового законодательства (51,0 %), оплата материнского труда с учетом трудового стажа (36,9 %), помощь старших родителей по воспитанию детей (12,3 %), запрещение абортов (8,4 %). Как видно из результатов исследования, помощь старших родителей по воспитанию детей является важным фактором рождаемости для 12,3 % молодых женщин.

Несмотря на меры, направленные на улучшение жилищных условий молодых родителей, что было названо ведущим фактором, в России значительное сокращение рождаемости, сочетающееся с небольшим сокращением смертности, привело к старению населения, сокращению численности трудоспособного населения, и как следствие — к росту нагрузки на одного экономически активного. Это послужило причиной повышения пенсионного возраста в России на пять лет и для мужчин, и для женщин. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий» № 350-ФЗ был принят 3 октября 2018 года не только без широкого предварительного обсуждения в обществе, но даже и без открытого научного обсуждения. Так, еще в 2010 году О.В. Синявская — специалист в области оценки экономических последствий возможного изменения пенсионного возраста — предлагала иные пути пенсионной реформы, не включающие повышение пенсионного возраста [2].

В процессе принятия решения о повышении пенсионного возраста явно не учитывались некоторые неочевидные негативные последствия, о которых пишут современные исследователи:

– рост безработицы и выплат социального характера на пособия по безработице [3];

– проблемы трудоустройства лиц предпенсионного возраста [4];

– рост социальной напряженности в компаниях в связи с сокращением карьерных перспектив молодежи [5];

– рост инвалидизации населения и расходов на пенсии инвалидов [6, с. 131].

Однако на современном этапе практически отсутствуют научные исследования о влиянии повышения пенсионного возраста на рождаемость населения, так как данное влияние является опосредованным. В рамках поддержанного проекта РФФИ № 19-010-00545 «Прогноз влияния повышения пенсионного возраста на рождаемость в России» автором планируется

выявить характер и степень влияния повышения пенсионного возраста на рождаемость. С этой целью в 2020 году будет проведен масштабный социологический опрос женщин фертильного возраста о факторах рождаемости. В текущем году разрабатывается инструментарий для опроса, и с этой целью было проведено пилотажное исследование в Свердловской области в целях доработки анкеты. Всего было опрошено 107 женщин разных групп фертильного возраста в городской и сельской местности. Некоторые результаты пилотажного исследования представлены в качестве справочной информации далее в статье; хотелось бы отметить, что делать какие-либо выводы и прогнозы по ним некорректно.

В настоящее время выявляется, в каких аспектах проявляется взаимосвязь повышения пенсионного возраста с уровнем рождаемости в стране. Члены научного коллектива, выполняющего грант, выявили наличие взаимосвязи в четырех аспектах, причем теоретически три из них могут способствовать увеличению рождаемости:

удлинение трудовой жизни женщины может увеличить число рождений у старших по возрасту фертильных женщин, так как, продолжая дольше работать, женщины, родившие после 40 лет, успевают до своей пенсии вырастить поздно рожденного ребенка, обеспечить его в подростковом возрасте за счет наличия заработной платы, их социальный статус будет приемлемым в глазах друзей подростка и т.п.

В рамках пилотажного исследования был задан вопрос, собираются ли женщины родить еще одного ребенка, поскольку будут работать теперь дольше. Никто из 107 опрошенных женщин не согласился с этим утверждением, 10,1 % опрошенных ответили «может быть», в то время как 4% ответили «как раз наоборот»; подавляющее большинство опрошенных не видят связи между продолжением трудовой жизни и рождением ребенка;

2) наличие материальной поддержки со стороны продолжающих работать дедушек и бабушек. В нашей стране так сложилось, что заработная плата молодых родителей обычно бывает недостаточной для полноценного обеспечения семьи, поэтому продолжающие работать дедушки и бабушки помогают деньгами и материальными средствами. С выходом на пенсию возможности помогать у старших членов семьи сокращаются, если же они будут продолжать работать, то смогут и больше помочь.

В процессе пилотажного исследования женщинам был задан вопрос о возможности положительного решения о рождении еще одного ребенка, если родители дольше смогут помогать материально. Никто из опрошенных женщин не ответил однозначно положительно, хотя 6,1% ответили «скорее да, чем нет», зато 34,1% ответили «скорее нет, чем да», и 54 % опрошенных однозначно ответили отрицательно;

3) сокращение возраста выхода на пенсию многодетным матерям. Описанный ранее Федеральный закон № 350-ФЗ установил, что пенсионные пособия назначают матерям с четырьмя несовершеннолетними или взрослыми детьми и, если каждому из них уже есть 8 лет, — с 56 лет, матерям 3

детей, которым исполнилось как минимум 8 лет, — с 57 лет (при этом страховой стаж должен быть равен как минимум 15 годам). Вопрос по данному аспекту в пилотажном исследовании не задавался;

Четвертый аспект проявления взаимосвязи повышения пенсионного возраста с уровнем рождаемости в стране действует в обратном направлении, сокращая рождаемость. Речь идет об отсутствии возможности у бабушек и дедушек очно помогать в воспитании ребенка. Это может значительно снизить показатели рождаемости, поскольку, по результатам предшествующих исследований (87% ответивших или 37% семей с детьми) [7, с.630], такая помощь является важным фактором, влияющим на решение родить ребенка (особенно второго и последующих).

По данному аспекту был задан вопрос о согласии с утверждением: «родители будут продолжать работать и не смогут помочь мне «посидеть» с ребенком, поэтому от рождения еще одного ребенка придется отказаться»? 6,3% респондентов ответили, что это именно их ситуация, еще 16,7 % согласились, что, возможно, так оно и будет. Остальные из 107 опрошенных ответили, что их желание родить (еще одного) ребенка не зависит от возможностей родителей помогать им в воспитании детей, а, следовательно, данный аспект для них незначим.

Репрезентативный прогноз влияния повышения пенсионного возраста на рождаемость возможно будет сделать только на основе полного опроса, проведенного по всей стране, однако уже после проведения пилотажного исследования можно сделать предварительный вывод о том, что рождаемость, скорее всего, сократится из-за увеличения пенсионного возраста. Таким образом, мы можем получить усугубление демографической проблемы.

Список источников

Скрябина Я.А. Особенности репродуктивного поведения населения в условиях трансформационной российской экономики: автореф. дис. …канд. экон. наук. — Екатеринбург, 2011.

Синявская О.В. Российская пенсионная реформа: куда идти дальше? // SPERO. — 2010. — № 13. — С. 187-210.

Курганова В.А. Какие проблемы может повлечь повышение пенсионного возраста в России // Молодой ученый. — 2016. — № 2 (106). — С. 527-530.

Садкова И.В. Особенности трудоустройства людей предпенсионного возраста // Human Progress. — 2019. — Т. 5. — № 2 [Электронный ресурс]. URL: http://progress-human.com/images/2019/Tom5_2/Sadkova.pdf (дата обращения 15.05.2019).

Барсуков В.Н. Барьеры социальной интеграции старшего поколения в контексте проблемы межпоколенческих коммуникаций // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2018. — Т. 11. — № 5. — С. 214-230.

Римашевская Н.М. Три предложения по совершенствованию демографической и семейной политики // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2013. — № 6 (30). — С. 127-132.

Ибрагимова Д.Х. Сколько «стоит» российская бабушка? // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе / под науч. ред. Т.М. Малеевой, О.В. Синявской. — М.: НИСП, 2007.

Информация об авторе

Кулькова Инна Анатольевна (Россия, Екатеринбург) — доктор экономических наук, профессор кафедры экономики труда и управления персоналом, ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет» (620144, . Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, 62/45; e-mail: i.a.koulkova@mail.ru).

Kulkova I. A.

ON THE RELATIONSHIP OF FERTILITY WITH THE PENSION AGE INCREASE IN RUSSIA

The article is devoted to the study of fertility factors associated with raising the retirement age in Russia, which has not been studied in the decision-making process. The interrelation is proved, each factor influence vectors is determined.

Keywords: fertility, fertility factors, retirement age increase, kindred support, depopulation.

Author

Inna A. Kulkova (Russia, Ekaterinburg) — doctor of economics, professor of the Labor Economics and HR-management Department in Ural State University of Economics (620144, Yekaterinburg, 62, 8 Marta str., e-mail: i.a.koulkova@mail.ru).

References

1. Scriabina Ya.A. Features of reproductive behavior of the population in a transformative Russian economy. Abstract of Thesis Cand. of economy — Ekaterinburg, 2011.

2. Sinyavskaya O.V. Russian pension reform: where to go next? // SPERO. — 2010. — No. 13. — P. 187-210.

3. Kurganova V.A. What problems may entail raising the retirement age in Russia // Young Scientist. — 2016. — No. 2 (106). — P. 527-530.

4. Sadkova I.V. Features of employment of people of pre-retirement age // Human Progress. 2019. — Vol. 5. — No. 2. URL: http://progress-human.com/images/2019/Tom5_2/Sadkova.pdf.

5. Barsukov V.N. Barriers of social integration of the older generation in the context of the problem of intergenerational communications // Economic and social changes: facts, trends, forecast. — 2018. — Vol. 11. — No. 5. — P. 214-230.

6. Rimashevskaya N.M. Three proposals to improve the demographic and family policy // Economic and social changes: facts, trends, forecast. — 2013. — No. 6 (30). — P. 127-132.

7. Ibragimova D.Kh. How much is “Russian grandmother” worth? // Parents and children, men and women in the family and society / Under scientific. ed. T.M. Maleeva, O.V. Sinyavskoy. — Moscow: NISP, 2007.

УДК 314.5, 314.6, 316.4

Кучмаева О.В.

ТЕНДЕНЦИИ БРАЧНОСТИ И ВЕРОЯТНОСТЬ ВСТУПЛЕНИЯ В БРАК В РОССИИ[1]

Демографические данные свидетельствуют об изменении модели брачного поведения россиян, которое может быть описано концепцией второго демографического перехода. Увеличивается возраст вступления в брак, растут масштабы окончательного безбрачия, значительны масштабы внебрачной рождаемости. Для выявления факторов, влияющих на вероятность вступления в брак, был использован метод регрессионного анализа. Модель probit бинарного выбора построена на микроданных Российского мониторинга экономики и здоровья за 2011-2017 гг. Модель построена на основе 9205 наблюдений — индивидов, не состоящих в браке на момент опроса, среди которых 2641 мужчина и 6564 женщины.

Вероятность вступить в брак для людей, которые состоят в разводе, выше, чем для тех, кто никогда не состоял в браке. Наличие определенного брачного опыта в прошлом может свидетельствовать об ориентации людей на вступление в брак, создание семьи, способствовать их желанию вновь вступить в брак. Возраст значительно влияет на вероятность вступления в брак — с увеличением возраста вероятность вступить в брак снижается. Вероятность вступления в брак не зависит от пола, местожительства респондента, наличия вредных привычек, состояния его здоровья или внешних характеристик. В условиях малодетности наличие детей также не влияет на вступление в брак. Люди стремятся получить образование, достичь материальной независимости и затем создавать семью. Принадлежность к какой-либо конфессии, следование правилам исповедуемой религии повышают вероятность вступления в брак. Выделяются различные траектории брачного поведения россиян.

Ключевые слова: семья, брак, брачная структура, вероятность вступления в брак, модель брачности

В настоящее время в России происходят заметные изменения в демографических процессах. Они касаются в том числе перемены в семейном и брачном поведении, от которого напрямую зависит уровень рождаемости в стране. Именно с брака начинается семья, закладывается основа общества. Прочность брака, в свою очередь, может способствовать укреплению социальных отношений в обществе и поддержанию стабильности в государстве.

Сегодня отношение большой части населения к браку сильно отлично от того, что было даже 50 лет назад. С течением времени происходит существенное изменение ценностей людей. Если раньше общественное мнение настаивало на официальном оформлении брачных отношений, то сейчас считается нормой отсутствие регистрации брака. Все большее распространение получает такая форма совместного проживания людей, как

[1] © Кучмаева О.В. Текст. 2019.

сожительство. Кроме того, меняется отношение как к разводам, так и к повторному вступлению в брак.

Заметно изменение модели брачного поведения, которое включает в себя такие тенденции, как увеличение возраста вступления в брак, рост числа внебрачных рождений, а также стремление людей не заключать брак вовсе. Важной исследовательской задачей выступает выявление факторов, которые приводят к переменам в брачном поведении людей в современном обществе и влияют на вероятность вступления в брак.

Основные тенденции в изменении модели брачного поведения могут быть описаны концепцией «второго демографического перехода», которая рассматривается во многих работах как зарубежных, так и российских авторов.

Так, А.Г. Вишневский [1, с. 6-33] в своей статье рассматривает происходящие в течение последних лет изменения института семьи, которые связаны с концепцией «второго демографического перехода». Эту концепцию сформулировали Р. Лестэг и Д. ван де Каа в 1986 году. [2] Автор статьи подчеркивает, что изменение брачных отношений исходит из самой структуры демографического поведения. Демографическое поведение включает семейные нравы, статус и формы брака и семьи, социальные роли родителей. Среди признаков, характерных для «второго демографического перехода», отмечены следующие: широкое распространение незарегистрированных браков, рост числа людей, вступающих в повторные браки, увеличение количества неполных семей, распространение внебрачного рождения детей. При этом происходит падение рождаемости.

В статье Mogi и Canudas-Romo [3, p. 1423-1456] рассматривается изменение брачного поведения, которое авторы связывают с концепцией «второго демографического перехода». Основными характеристиками данного перехода служат откладывание момента официальной регистрации брачных отношений или же полное отсутствие желания вступать в брак. Авторы в ходе исследования хотят определить, какая из названных тенденций оказывает наибольшее влияние на изменение брачного возраста. Для анализа изменений брачного поведения с течением времени вводится специальный индекс, который называется Expected years ever married (EYEM). По итогам работы авторами сделан вывод, что отложенный момент вступления в брак имеет наиболее значимое влияние на изменения в брачном поведении.

Меняется брачный состав населения России. В структуре населения бракоспособного возраста сокращается доля состоящих в зарегистрированных браках при увеличении доли лиц, выбравших для себя незарегистрированный брак. Так, за 2002-2010 гг. доля состоящих в зарегистрированном браке мужчин (в возрасте старше 16 лет) сократилась с 565 до 531 на 1000 человек. В то же время доля состоящих в незарегистрированном браке увеличилась с 61 до 81 человека. Для женщин соответствующие показатели составили 474 и 441 женщину из 1000 для состоящих в зарегистрированном браке и 51 и 67 женщин — для незарегистрированных. Особенно значителен уровень незарегистрированных браков среди лиц молодых возрастов. Так,

Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения, проведенное Росстатом в 2017 году[1], показало, что доля состоящих в фактических брачных отношениях в возрасте до 25 лет составила 38,6% для женщин и 46,7% для мужчин, в возрасте 25-29 лет — 20,0% и 22,3% соответственно. Каждый пятый ребенок в России рождается вне официально зарегистрированного брака.[2] Подобные данные свидетельствуют о снижении значимости официальной регистрации брачных отношений.

Рассмотрим факторы, влияющие на вероятность вступления в брак, с помощью регрессионного анализа. Построение регрессионной модели позволит определить факторы, которые влияют на вероятность вступления в брак. Информационной базой для модели послужили микроданные Российского мониторинга экономики и здоровья (РМЭЗ) за 2011-2017 гг., проводимого НИУ ВШЭ. Были отобраны данные о респондентах, которые не состояли в браки в период с 2011 по 2016 гг., то есть их семейное положение было одним из следующих: никогда не состоял(а) в брак, разведен(а), вдовец (вдова). В данном случае зависимая переменная будет равна 1, если индивид вступил в брак в течение года, и 0 в обратном случае.

Совокупность независимых переменных (факторов модели) была сформирована на основе анализа проводимых исследований и показателей брачной ситуации в России. Показатели брачности значительно различаются для городского и сельского населения, что необходимо учесть при построении модели.

Пол используется в качестве одной из независимых переменных в работе, поскольку, как показывают данные демографической статистики, возраст вступления в брак различается для мужчин и женщин. Кроме того, одна из основных тенденций — повышение брачного возраста. В зависимости от возраста люди меняют свои цели и строят новые планы на своем жизненном пути. Если, например, в начале своей самостоятельной жизни человек хочет построить успешную карьеру, то при ее достижении чаще возникают мысли о создании собственной семьи. Следовательно, возраст в существенной мере определяет события, происходящие на протяжении всей жизни человека, хотя и не является единственным фактором. Кроме того, до определенного возраста люди не могут официально регистрировать свои отношения ввиду законодательного ограничения.

Также важно учитывать вероисповедание и степень религиозности человека. Если человек относит себя к какой-либо религии, он должен соблюдать определенные правила и строить свое поведение в соответствии со своей верой.

Прошлый брачный опыт, то есть определение того, состоял ли человек когда-либо раньше в браке, являлся ли разведенным или овдовевшим в год, предшествующий регистрации брачных отношений, также стоит учесть в

[1] Данные Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения в 2017 году [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/RPN17/index.html

[2] Рассчитано по: Демографический ежегодник России — 2017 [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B17_16/Main.htm

модели. Данный показатель, помимо всего прочего, позволит оценить отношение общества к повторному вступлению в брак и разводам.

Ввиду того, что физическая привлекательность для многих имеет значение в случае принятия решения о вступлении в брак, необходимо проверить эту гипотезу при моделировании. Для учета данного факта в модель был включен показатель «индекс массы тела человека» (отношение веса к квадрату роста).

Национальность стоит включить в модель, поскольку традиции и нормы, характерные для той или иной нации, могут существенно различаться в отношении брака. Для некоторых национальностей имеются строго регламентированные правила оформления отношений, связанные в том и числе и с религиозной составляющей.

Предположительно, образование оказывает влияние на вероятность регистрации брака. Если человек в данный момент учится, значит, у него меньше времени на поиск своей пары. Кроме того, наличие законченного высшего образования может свидетельствовать о том, что человек более заинтересован в построении успешной карьеры, нежели в создании семьи. С другой стороны, хорошее образование увеличивает шансы на получение стабильного высокого заработка, который позволяет содержать семью в случае вступления в брак. Построение модели с включением показателя образования в число независимых переменных позволит определить, действительно ли наличие образования влияет на вероятность вступления в брак.

Уровень доходов также является важным фактором, который стоит брать во внимание при оценке возможности регистрации отношений между людьми. Ожидается, что недостаточная материальная обеспеченность может служить препятствием на пути к заключению брака. Кроме того, отношение к вступлению в брак меняется в зависимости от того, что для человека представляет большую ценность — высокий доход или личные отношения.

Соответственно, в качестве независимых переменных при построении модели определены следующие: фиктивные переменные, отвечающие за год проведения обследования; тип населенного пункта — областной центр; тип населенного пункта — город; статус разведенного(ой); статус вдовца(ы); наличие среднего специального образования; наличие высшего образования; пол; возраст; национальность (переменная равна 1, если человек по национальности является русским); логарифм среднемесячной заработной платы; вероисповедание (православие; мусульманство; другие религии); обучение в институте, университете, академии; наличие детей; индекс массы тела; состояние здоровья; курение; употребление алкогольных напитков. Названия переменных и принимаемые ими значения приведены в таблице 1.

В ходе предварительной подготовки данных для анализа исключены те респонденты, по которым нет данных по какой-либо из выбранных переменных. В результате оставлены наблюдения по 9205 индивидам, среди которых 2641 мужчина и 6564 женщины.

Таблица 1

Описание переменных, используемых при построении модели вероятности вступления в первый брак

Название переменной	Описание
Year_2011	Фиктивная переменная, равная 1, если обследование проводилось в 2011 году, и 0, если иначе
Year_2012	Фиктивная переменная, равная 1, если обследование проводилось в 2012 году, и 0, если иначе
Year_2013	Фиктивная переменная, равная 1, если обследование проводилось в 2013 году, и 0, если иначе
Year_2014	Фиктивная переменная, равная 1, если обследование проводилось в 2014 году, и 0, еслииначе
Year_2015	Фиктивная переменная, равная 1, если обследование проводилось в 2015 году, и 0, если иначе
Status1	Фиктивная переменная, равная 1, если тип населенного пункта — областной центр, и 0, иначе
Status2	Фиктивная переменная, равная 1, если тип населенного пункта — город, и 0, если иначе
Educ1	Фиктивная переменная, равная 1, если среднее специальное образование, и 0, если иначе
Educ2	Фиктивная переменная, равная 1, если высшее образование, и 0, если иначе
Age	Возраст респондента
Nationality	Фиктивная переменная, равная 1, если национальность — русский(ая), и 0, если иначе
Lnwage	Логарифм среднемесячной заработной платы
Material_ satisfaction	Фиктивная переменная, равная 1, если удовлетворен своим материальным положением, и 0, иначе
Student	Фиктивная переменная, равная 1, если учится в институте, университете, академии, и 0, если иначе
Orthodoxy	Фиктивная переменная, равная 1, если исповедует православие, и 0, если иначе
Islam	Фиктивная переменная, равная 1, если исповедует мусульманство, и 0, если иначе
Other_ religion	Фиктивная переменная, равная 1, если исповедует другую религию, и 0, если иначе
Children	Фиктивная переменная, равная 1, если есть дети, и 0, если иначе
Bmi	Индекс массы тела
Healthy	Фиктивная переменная, равная 1, если очень хорошее и хорошее здоровье, и 0, если иначе
Smokes	Фиктивная переменная, равная 1, если курит, и 0, если иначе
Drinks	Фиктивная переменная, равная 1, если употребляет алкогольные напитки, и 0, если иначе

Таблица 2

Сравнение моделей logit и probit для вероятности вступления в брак

Критерии моделей	logit	probit
Критерий отношения правдоподобия	380,02	381,43
R-квадрат Макфаддена	0,0746	0,0749
Критерий Акаике	4760,99	4759,58
Критерий Шварца	4939,18	4937,77

Поскольку зависимая переменная является дискретной переменной, принимающей два значения, будут использованы probit и logit модели бинарного выбора. Для проверки статистической значимости моделей используем критерий отношения правдоподобия. Статистика χ^2для модели logit принимает значение 380,02, а для probit — 381,43. Поскольку $p < 0{,}05$, гипотеза о незначимости модели отвергается на уровне значимости 0,05 для обеих моделей. Это подтверждает, что обе полученные модели статистически значимы. Сравним обе модели (табл. 2).

Проверка на мультиколлинеарность подтвердила отсутствие мультиколлинеарности для переменных в обеих моделях. Информационные критерии чуть меньше для второй модели, что свидетельствует в пользу нее. Кроме того, в соответствии с тестом на нормальное распределение ошибок для модели probit тестовая статистика составляет 2,81. Значение $p > 0{,}05$, то есть гипотеза о том, что ошибки распределены нормально, не отвергается на 5%-ном уровне значимости. Следовательно, более качественной является probit модель.

На основании полученной модели можно сделать выводы о влиянии исследуемых факторов на зависимую переменную. Значимыми считаются те переменные, у которых p-значение больше 0,05.

Положительные знаки при фиктивных переменных, отвечающих за год проведения опроса, говорят о том, что вероятность вступления в брак в 2011, 2012 и 2014 годах выше по сравнению с 2016 годом. Коэффициенты перед переменными, воспроизводящими 2013 и 2015 годы проведения обследования, оказались незначимыми.

Предположение о том, что тип населенного пункта оказывает влияние на вероятность вступить в брак, не подтвердилось. В модели переменные, отвечающие за этот показатель, оказались незначимыми.

Вероятность вступить в брак для людей, которые состоят в разводе, выше, чем для тех, кто никогда не состоял в браке. Если человек в прошлом уже состоял в браке, это вряд ли станет препятствием к повторному заключению брака. В то же время наличие определенного брачного опыта в прошлом может свидетельствовать об ориентации людей на брак, способствовать их желанию состоять вновь в браке.

Наличие среднего специального образования оказывает отрицательное влияние на зависимую переменную. Это может быть связано с тем, что человек нацелен на поиск работы, продолжение образования и по-

Таблица 3

Результаты оценивания probit модели вероятности вступления в брак

Название	Коэффициент	p-значение
const	-1,9	9*10-7
Year_2011	0,25	0,0005
Year_2012	0,17	0,015
Year_2013	0,07	0,37
Year_2014	0,15	0,04
Year_2015	-0,01	0,91
Status1	0,08	0,12
Status2	-0,03	0,61
Divorced	0,36	1,12*10-7
Widowed	0,22	0,02
Educ1	-0,13	0,02
Educ2	-0,05	0,41
Male	0,03	0,58
Age	-0,03	2,68*10-31
Nationality	-0,02	0,81
Lnwage	0,12	0,0006
Student	-0,02	0,79
Orthodoxy	0,26	0,0005
Islam	0,29	0,04
Other_religion	-0,3	0,29
Children	0,02	0,82
Bmi	-0,01	0,16
Healthy	-0,03	0,55
Smokes	0,06	0,19
Drinks	0,1	0,04

строение карьеры. Следовательно, для таких людей семья и важность заключения брака вероятнее всего менее важны, чем возможность устроиться на хорошую работу. При этом, возможно, человек со средним специальным образованием еще не успел получить высшее образование, то есть возможно их возраст ниже или в приоритете дальнейшее обучение, а не заключение брака. При этом полученная модель неожиданно указала на незначимость такого фактора, как наличие у индивида высшего образования.

Возраст, как и предполагалось, значительно влияет на вероятность вступления в брак. Отрицательный знак коэффициента при данной переменной указывает на то, что с увеличением возраста вероятность вступить в брак снижается.

Фиктивная переменная, характеризующая мужской пол, также оказалась незначима. Возможно, это связано с тем, что доля мужчин в общей совокупности составила всего около 30%.

Размер среднемесячной заработной платы индивида оказывает значимое положительное влияние. Это логически объяснимо, ведь материальное положение является очень важным. Для того, чтобы люди могли обеспечивать себя при совместном проживании в браке, им нужен определенный достаток. Соответственно, прежде чем вступить в брак, желательно иметь стабильный заработок.

Факт того, является ли человек православным или мусульманином, оказывает одинаково положительное влияние на вероятность вступления в брак по сравнению с ситуацией, когда индивид не исповедует никакую религию. Вероятно, это связано с более негативным восприятием отношений вне брака верующими людьми.

Наличие детей не влияет на вступление в брак. Отсюда, даже если у человека уже есть дети, это не приводит к уменьшению шансов на вступление в брак для данного индивида. Такая ситуация обусловлена малодетностью большинства россиян.

Показатель, отвечающий за индекс массы тела, также оказался незначимым. Это значит, что в действительности физические характеристики не являются такими уж важными. Вне зависимости от физического состояния люди имеют равные шансы заключить брак. Исходя из построенной модели, показатель хорошего здоровья также не оказывает значимого влияния на зависимую переменную.

Что касается вредных привычек, в ходе анализа выявлено, что если человек курит, это не оказывает особого влияния на его шансы заключения брака. При этом коэффициент при фиктивной переменной, отвечающей за употребление алкоголя, статистически значим и имеет положительный знак, то есть если человек пьет хотя бы иногда алкогольные напитки, он имеет больше шансов вступить в брак. Это можно объяснить тем, что употребление алкоголя может служить фактором, который способствует объединению людей, ведь общие интересы сближают. Кроме того, употребление алкогольных напитков может делать людей менее закрытыми и более открытыми к общению и новым знакомствам. К тому же факт того, употребляет ли человек алкоголь, может говорить о разных моделях поведения. Так, для одних людей моут быть приоритетны здоровье и личные интересы, а для других важнее общение, допустимы вредные привычки и при этом выше ценность брака.

Следовательно, вероятность вступления в брак не зависит от пола, местожительства респондента, наличия вредных привычек, состояния здоровья или внешних характеристик респондента. В условиях малодетности наличие детей так же не влияет на вступление в брак. Люди стремятся получить образование, достичь материальной независимости и затем создавать семью. Принадлежность к какой-либо конфессии, следование правилам исповедуемой религии повышают вероятность вступления в брак.

Список источников

1. Вишневский А.Г. Демографическая революция меняет репродуктивную стратегию вида homo sapiens // Демографическое обозрение. Электронный научный журнал. — 2014. — № 1. — С. 6-33.

2. Lesthaeghe R. Second Demographic Transition, Basil Blackwell [Электронный ресурс]. URL: http://www.vub.ac.be/SOCO/ron/final_textSDTBasilBlackwellEncyclop.doc

3. Mogi Ryohei; Canudas-Romo Vladimir. Expected years ever married // Demographic Research. Jan-June. — 2018. — Vol. 38. — P.1423-1456

Информация об авторе

Кучмаева Оксана Викторовна (Россия, Москва) — доктор экономических наук, профессор, МГУ им. М.В.Ломоносова, кафедра народонаселения (119991, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы; e-mil: kuchmaeva@yandex.ru).

Kuchmaeva Oksana V.

TENDENCIES OF MARRIAGE AND PROBABILITY OF ENTRY INTO MARRIAGE IN RUSSIA

Demographic data indicate a change in the pattern of marital behavior of Russians, which can be described by the concept of a second demographic transition. The age of entry into marriage is increasing, the scale of final celibacy is increasing, and the rate of extramarital birth rate is considerable. To identify factors affecting the probability of marriage, the method of regression analysis was used. The probit binary choice model is based on the microdata of the Russian Economic and Health Monitoring for 2011-2017. The model is based on 9205 observations — individuals who are not married at the time of the survey, among them 2,641 men and 6,564 women. Marriage rates for people who are divorced are higher than those who have never been married. The presence of a certain marriage experience in the past may indicate that people are oriented toward getting married, creating a family, and promoting their desire to remarry. Age significantly affects the likelihood of marriage — with increasing age, the likelihood of marriage decreases. The probability of marriage does not depend on the gender, residence of the respondent, the presence of bad habits, the state of health or the external characteristics of the respondent. In conditions of small children, the presence of children also does not affect marriage. People want to get an education, achieve material independence and then start a family. Belonging to any denomination, following the rules of a professed religion increases the likelihood of marriage. There are various trajectories of marital behavior of Russians.

Keywords: family, marriage, marital structure, probability of marriage, model of marriage

Author

Kuchmaeva Oksana V. (Russia, Moscow) — doctor of Economics, Professor, Department of popularization, Moscow State University M. V. Lomonosov (e-mail: kuchmaeva@yandex.ru).

References

1. Vishnevskij A.G. Demograficheskaya revolyuciya menyaet reproduktivnuyu strategiyu vida homo sapiens // Demograficheskoe obozrenie. Elektronnyj nauchnyj zhurnal. — 2014. — No. 1. — S. 6-33.

2. Lesthaeghe R. Second Demographic Transition, Basil Blackwell [Electronic resourse]. URL: http://www.vub.ac.be/SOCO/ron/final_textSDTBasilBlackwellEncyclop.doc

3. Mogi Ryohei; Canudas-Romo Vladimir. Expected years ever married // Demographic Research. Jan-June. — 2018. — Vol. 38. — P.1423-1456.

УДК 314.02

Лавров А. С.

УСЫНОВЛЕНИЕ (УДОЧЕРЕНИЕ) В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ГОСУДАРСТВЕННОЕ И ОБЩЕСТВЕННОЕ СТИМУЛИРОВАНИЕ СЕМЕЙ[1]

В статье проанализированы актуальные показатели усыновления в РФ. Рассматривается формирование государственного и общественного стимулирования усыновления в РФ, выявляются различия, преимущества, недостатки и способы их исправления.

Ключевые слова: сиротство, усыновление, государственное стимулирование, общественное стимулирование, культура усыновления.

Вопрос о судьбах сирот и детей, оставшихся без родительского попечения, остается актуальным практически во всех странах мира. Согласно данным Детского фонда ООН (ЮНИСЕФ) на 2017 год, более 2,7 млн детей в мире проживают без родителей в интернатах, детских домах и аналогичных учреждениях [6]. Данная статистика не учитывает количество детей-сирот в слаборазвитых странах Африки и Южной Америки. Упущены данные частных детских домов и школ-интернатов. Предположительно количество осиротевших детей в настоящее время увеличивается в связи с обострением политической ситуации в странах Центральной и Передней Азии. В свою очередь, государственные образования и общественные организации решают указанную проблему различными путями и средствами.

В Российской Федерации проблема частично регулируется размещением детей в государственных учреждениях различных видов. Так, в дома ребенка поступают малыши возрастом не более 3-4 лет. В социальных приютах и социально-реабилитационных центрах ребенок содержится до постановления компетентных органов о дальнейшей судьбе сироты: передача его кровным родственникам или помещение в детский дом или школу-интернат, в которых ребенок находится круглосуточно. Созданные в данных учреждениях условия позволяют не только первично социализироваться детям-сиротам, но и способствуют получению индивидами знаний и навыков, необходимых для полноценной жизни в обществе.

Несмотря на это, основной акцент в нашем государстве делается на приоритетность воспитания ребенка именно в семье. Принцип приоритетного семейного воспитания, предоставляющего каждому ребенку комфортные условия для развития, закреплен в Семейном кодексе РФ. Согласно документу, родители имеют преимущественное право на воспитание своих детей перед всеми другими лицами, включая и близких родственников ребенка. В свою очередь, родители обязуются заботиться о физическом, психическом, духовном и нравственном здоровье своих детей; учитывать их желания и интересы во время воспитательного процесса [5]. Так, семья

[1] © Лавров А.С. Текст. 2010

играет важную роль в продолжении человеческого рода, интеграции ребенка в общество, адекватной социализации и становлении личности.

В случае отсутствия попечения родителей приоритетной формой устройства детей остается усыновление или удочерение[1]. Усыновление — как форма принятия в семью осиротевшего ребенка — впервые появилась во времена первобытно-общинного строя, очевидно, в связи с ситуацией смерти родителей. В большинстве случаев сироту брали в свою семью родственники по отцу, в исключительных случаях — по матери [2, с. 39]. Однако, заметим, что первоначальным стимулом усыновления выступала потребность в сохранении прочности общины. При дальнейшей популяризации религиозных верований сформировался иной стимул — наличие наследника для почитания душ умерших бездетных супругов. Стоит отметить, что эта традиция сохранилась у большинства «малых» народов нашей страны до сегодняшнего дня.

В современном понимании усыновление или удочерение — это форма семейного воспитания детей, лишенных родительской опеки, с установлением между усыновленным и усыновителем правовых (личных и имущественных) отношений, существующих между родителями и детьми [1, с. 1394]. Характерной особенностью российского права является усыновление только несовершеннолетних лиц. Иные вариации не предусмотрены. С точки зрения родителей, допуск к усыновлению только лиц, не достигших возраста восемнадцати лет, создает дополнительную ответственность по отношению к ребенку. Стоит подчеркнуть, что усыновленный ребенок приобретает статус кровного и теряет статус сироты. В Семейном кодексе РФ нет точного определения понятий «усыновление» и «сирота», но предоставлена регламентированная информация о лицах, имеющих право быть усыновителями.

Но указанные феномены не находят широкого распространения среди населения России. Согласно социологическому опросу Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) приблизительно 80% респондентов не готовы усыновить ребенка. Наиболее распространенными причинами отказа опрошенные называли: возрастной фактор усыновителей — 30%, материальный фактор — 22%, жилищный фактор — 7% [4]. К началу проведения опроса Федеральной службой государственной статистики суммарно в субъектах РФ зафиксирована 73 тыс. 331 сирота, в 2017 г. — 54,5 тыс.

Число детей-сирот в детских домах страны снизилось с 2015 года на 46 % и составляет в настоящее время 47,1 тыс. Наблюдаемая тенденция к увеличению случаев усыновления вызвана двумя условными видами стимулов: государственными и общественными.

Государственное стимулирование со стороны Правительства РФ берет свое начало с президентской программы «Дети России». 18 августа 1994 года президентом Б. Ельциным был издан указ, который постановлял утвердить федеральную программу в составе целевых программ: «Дети-ин-

[1] п. 1 ст. 124 СК РФ от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 18.03.2019).

валиды», «Дети-сироты», «Дети Севера», «Дети Чернобыля», «Планирование семьи» и программа «Развитие индустрии детского питания в РСФСР на 1991-1995 годы». Одним из ожидаемых конечных результатов программы выступало создание условий для интеграции в общество детей-инвалидов, детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

По мнению ряда исследователей, политическая программа «Дети России» оказалась провальной. Основным их доводом выступает факт того, что до развала СССР и наступления экономического кризиса в нашей стране в 90-х годах XX века государство гарантировало детям-сиротам получение образования на льготных условиях и по достижении совершеннолетия — востребованную работу [2, с. 38]. Отношение к усыновлению детей определяется политическими, экономическими и культурными показателями страны. В связи с ухудшением экономического положения государство было неспособно реализовать поставленную правительством цель обеспечения детей-сирот льготами и местом работы.

Совершенно иная ситуация складывается на сегодняшний день. Государственное стимулирование в 2019 году проходит согласно Федеральному закону «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» от 22 августа 2004 года. Закон предусматривает финансовую и социальную поддержку семей с приемным ребенком. Так, семьям гарантируются: внеплановый декретный отпуск при условии взятия малыша меньше трех месяцев; ежемесячные выплаты матери до достижения ребенком 1,5 года; установление единовременного пособия при усыновлении. Размер единовременной выплаты определяется несколькими факторами, одним из которых выступает здоровье ребенка. Вместе с тем, государство гарантирует: льготное зачисление и бесплатное питание в детских садах; возмещение платы за услуги ЖКХ.

Кроме того, граждане России имеют право выбирать иную, предусмотренную законодательством, форму устройства ребенка в семью — опекунство или попечительство. Эти формы устройства детей предполагают выплату ежемесячного денежного пособия на содержание ребенка с 14 до 23 лет[1].

Совместно с компетентными органами опеки и попечительства функционируют многопользовательские школы «Приемные родители», которые предоставляют свои услуги как в регионах страны, так и через Интернет. В рассматриваемых организациях на безвозмездной основе проводятся курсы подготовки для желающих усыновить ребенка. Требования к содержанию программы курсов строго регламентируются[2]. По завершению подготовки у граждан формируются представления о правах и обязанностях усыновителей по отношению к усыновленным, развиваются необходимые

[1] Федеральный закон от 24.04. 2008 г. N 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве».

[2] Приказ Минобрнауки России от 20.08.2012. № 623 «Об утверждении требований к содержанию программы подготовки лиц, желающих принять на воспитание в свою семью ребенка, оставшегося без попечения родителей, и формы свидетельства о прохождении такой подготовки на территории Российской Федерации».

воспитательные и родительские навыки. Гарантом прохождения курсов выступает выдаваемое лично или по письменному заявлению заказным почтовым отправлением свидетельство.

Остро стоящая проблема социального сиротства, рост числа беспризорных и безнадзорных детей, рост интереса к международным усыновлениям приводят к проблеме поиска социального внутригосударственного стимулирования в России. Общество одновременно с государством ставят основной своей целью приоритетное воспитание детей в семьях. Отличительной особенностью рассматриваемых стимуляций выступают масштабность и локальность действий. Так, активная политика правительства в данной сфере распространяется повсеместно на всей территории государства и носит строго нормативный характер в соответствии с действующим законодательством. Стимуляция со стороны общества не закреплена в законодательных актах и носит локальный характер со специфическими особенностями в каждом регионе.

Общественное стимулирование усыновления направлено на формирование определенной культуры, выступающей основой для успешной коммуникации родителей и детей. Указанная культура включает в себя три универсалии: «Дом», «Семья» и «Родство» [3, с. 105]. В «Дом» входят все условия среды, позволяющие ребенку интегрироваться в окружающий его социум и успешно самореализовываться в нем как личность. «Семья» наполняет нормами и ценностями «Дом» и транслирует их новым поколениям. «Родство» представляет собой определенную социальную привязанность, иногда превозмогающую биологическое. Симбиоз указанных универсалий формирует определенный тип мышления, направленного на возвышение роли семьи как главенствующей социальной ячейки общества.

В истории формирования культуры усыновления в России можно выделить четыре этапа: дохристианский, христианский, советский и постсоветский [3, с. 106]. В интересующий нас постсоветский этап наблюдается отсутствие четко действующей системы, которая одновременно объединяла бы усилия общественных институтов и рядовых граждан в формировании потребности к усыновлению детей [3, с. 108]. Например, набирающее популярность среди граждан России общественное движение чайлдфри призывает к сознательному отказу от усыновления и деторождения.

Таким образом, рассматриваемая нами проблема требует дополнительного изучения. Сбор статистических данных и результатов социологических опросов сделают возможным при правильном анализе полученной информации разработать актуальные на данный момент общественные и государственные проекты по работе с сиротами и детьми, оставшимися без родительского попечения. Необходимо определить современные причины утраты гражданами родительских прав по отношению к своим детям.

В свою очередь, государственная программа «Молодая семья» в 2020 году завершает свое функционирование. В связи с этим при составлении новейшего проекта по стимулированию населения целесообразно включить следующие аспекты:

— увеличение материального поощрения от государства;

— обеспечение семей с большим количеством усыновленных детей доступным жильем и транспортом за казенный счет. При этом внести дополнительную отчетность усыновителей за предоставленные удобства;

— проведение профилактических бесед с семейными парами, имеющими одного или не имеющих совсем детей.

— создание и дальнейшая популяризация телевизионных передач о состоянии сирот в детских домах и школах-интернатах.

— создание дополнительного раздела в программе школьного курса обществознания о правах и обязанностях детей-сирот и усыновителей.

Предложенные положения не оспаривают приоритетность семейного воспитания детей и легко реализуемы в условиях развития нашей страны на ближайшее десятилетие.

Список источников

1. Прохоров А.М. Большой энциклопедический словарь. — М.: Советская энциклопедия, 1993. — 1632 с.

2. Зайкова О.Н. Усыновление в России: история и современность // Вестник ЮУрГУ. — 2006. — № 17. — С. 38-40.

3. Зайкова О.Н. Формирование культуры усыновления в России // Вестник НГПУ. — 2012. — № 3. — С.104-110.

4. Добрынина Е. Россияне не готовы к усыновлению детей // Российская газета. — 2013. — 19 февраля.

5. Гриневич И. М. Права и обязанности родителей в отношении детей. Осуществление родительских прав // Молодой ученый. — 2011. — № 10. — Т. 2. — С. 152-154. URL https://moluch.ru/archive/33/3695/ (дата обращения: 16.05.2019).

6. Data gaps on children in residential care leave the most vulnerable unaccounted for — UNICEF. 2017 [Electronic resourse]. URL https://www.unicef.org/turkey/en/press-releases/data-gaps-children-residential-care-leave-most-vulnerable-unaccounted (дата обращения: 15.05.2019).

Информация об авторе

Лавров Алексей Сергеевич (Россия, Екатеринбург) — бакалавриат, ст. гр. ИО-1801, ИОН, Уральский государственный педагогический университет (e-mail: uspu@uspu.me).

Lavrov A.S.

ADOPTION (HANDLING) IN RUSSIAN FEDERATION: STATE AND PUBLIC INCENTIVE

The article analyzes the current indicators of adoption of the Russian Federation. The formation of state and public incentive adoption in the Russian Federation. There are differences in incentives, advantages, disadvantages and ways to eliminate them.

Key words: orphanhood, adoption, state inspiration, public inspiration, adoption culture.

Author

Lavrov Alexey Sergeevich (Russia, Ekaterinburg) — Bachelor, student group IO — 1801, Institute of Social Sciences, Ural State Pedagogical University (e-mail: uspu@uspu.me).

References

1. Prokhorov A.M. Big encyclopedic dictionary. — M. : Soviet Encyclopedia, 1993. — 1632 p.

2. Zaikova O.N. Adoption in Russia: history and modernity // Herald SUSU. — 2006. — No. 17. — P. 38-40.

3. Zaykova O.N. Forming a culture of adoption in Russia // Herald NSPU. — 2012. –No. 3. — P. 104-110.

4. Dobrynina E. Russians are not ready for the adoption of children // Rossiyskaya Gazeta. — 2013. — February 19.

5. Grinevich I. M. Rights and obligations of parents in relation to children. The exercise of parental rights // Young scientist. — 2011. — No. 10. — T. 2. — P. 152-154 [Electronic resourse]. URL https://moluch.ru/archive/33/3695/ (appeal date: 05/16/2019).

6. Data gaps on children in residential care leave the most vulnerable unaccounted for — UNICEF. 2017 [Electronic resourse]. URL https://www.unicef.org/turkey/en/press-releases/data-gaps-children-residential-care-leave-most-vulnerable-unaccounted (appeal date: 15.05.2019).

УДК 311.213

Левина Е. И., Бозоян М. В.

РОЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ФАКТОРА ПРИ РАЗЛИЧНЫХ ВИДАХ ОПРОСА[1]

Представленная статья раскрывает роль человеческого фактора на основе результатов проведенного авторами опроса мигрантов Кемеровской области. Приведены основные причины того, что при анкетировании человек делает неправильный выбор. В качестве главных проблем доминируют: недостатки информационного обеспечения, отсутствие учета человеческого фактора; ошибки, вызванные внешними факторами; ошибки, вызванные физическим и психологическим состоянием и свойствами человека. Также рассмотрены основные составляющие, от которых зависит человеческий фактор.

Ключевые слова: человеческий фактор, опрос, миграция.

Актуальность темы исследования обусловлена высокой значимостью влияния человеческого фактора при различных видах опроса.

Человеческий фактор — термин, описывающий возможность принятия человеком ошибочных решений в конкретных ситуациях [7, с. 43]. Любому человеку свойственны ограничения возможностей или ошибки. Не всегда психологические и психофизиологические характеристики человека соответствуют уровню сложности решаемых задач или проблем.

Для того чтобы разобраться, как влияет человеческий фактор при различных видах опроса, следует для начала дать определение термину «опрос». Опрос — метод сбора первичной информации, применяемый в социальных исследованиях [10, с. 172]. Опрос является одним из видов статистического наблюдения. Он может проводиться в виде ответов людей на вопросы анкеты (анкетирование) либо в виде бесед-интервью с ними (интервьюирование). Одно из важнейших преимуществ опроса заключается в том, что исследователь может опросить большое количество людей и при этом получить сравнимые и легко анализируемые данные [5, с. 284]. Задача опроса — узнать общественное мнение и проанализировать его.

Согласимся, что общество в своей массе неоднородно и по национальному признаку, и по уровню образования, и по половому и другим признакам. Структура ответов в разрезе различных групп населения позволяет понять мнение населения, его отношение к поставленным вопросам и проблемам [6, с. 75]. И если, к примеру, анкетирование проводится непредвзято, а формулировки вопросов и ответов понятны, то полученные знания будут достаточно достоверно отражать картину по рассматриваемой теме.

Для того чтобы показать, как влияет человеческий фактор при различных видах опроса, нами был проведен опрос.

Методика статистического наблюдения основана на социологическом обследовании. Сбор данных осуществлялся преподавательским коллекти-

[1] © Левина Е.И., Бозоян М.В. Текст. 2019.

вом кафедры управленческого учета и анализа Кузбасского государственного технического университета имени Т. Ф. Горбачева и обучающимися по направлению подготовки 38.03.01 «Экономика» (профиль «Бухгалтерский учет, анализ и аудит») в мае 2017 г. по методике, предложенной О. В. Аракчеевой, с адаптацией ее к нашим условиям. Исследованием было охвачено население Кемеровской области — женщины в возрасте 18 — 55 лет и мужчины в возрасте 18 — 60 лет, которые случайным образом были выбраны для участия в этом опросе. Вся собранная информация использовалась исключительно в научных целях и только в сводном виде [3, с. 220 — 227].

По случайной выборке было опрошено 865 человек, из них 47 % мужчины и 53 % женщины. Социологическое обследование среди приехавших в Кемеровскую область было проведено с целью выявления степени адаптации мигрантов на новом месте жительства. Несмотря на то, что Кемеровская область остается самым густонаселенным регионом Сибирского федерального округа (СФО), ежегодно наблюдается снижение численности населения. Снижение численности было обеспечено как естественной, так и механической убылью населения области. Однако, несмотря на негативные тенденции в динамике численности, есть все основания считать миграцию основным источником возможного пополнения численности населения Кемеровской области [3, с. 220 — 227].

Миграцию рассматривают не только как механическое передвижение людей, но и как достаточно сложный общественный процесс, который имеет отношение ко многим сторонам социально-экономической жизни [1, с. 35]. Исследование различных сторон миграции нашло отражение в трудах Л.Л. Рыбаковского, О.С. Чудиновской, О.В. Кучмаевой и др. ученых [4, 9, 2].

Результаты анкетирования показали, что большая часть мигрантов — это люди трудоспособного возраста (более 90,0 %), приехавшие в Кемеровскую область из других регионов Российской Федерации и из стран ближнего зарубежья — Казахстана, Таджикистана, Узбекистана, а также из Азербайджана, Грузии и Армении. 27 % приехавших в область мигрантов — люди в возрасте от 23 до 30 лет, а 23 % мигрантов приходится на возраст от 31 до 50 лет. Несмотря на молодой возраст, более половины мигрантов состоят в браке и имеют детей. Именно безысходность заставляет многих из них соглашаться на разные условия труда и сменить место жительства [3, с. 220 — 227].

Большинство мигрантов, а именно 44 % от общего числа опрошенных, приехали в Кемеровскую область из крупных городов и областных центров, 22 % — из малых городов, 30 % — из сельских поселений, 5 % — из поселков городского типа.

На территории Кемеровской области проживают представители более ста разных национальностей и этнических групп, и они взаимно обогащают свои культуры. По национальному составу среди опрошенных преобладают русские (54 %). Наибольшую долю среди опрошенных мигрантов составляют представители кавказских (36 %) и среднеазиатских (10 %) на-

родов. Подобная многокомпонентная структура миграционного потока говорит о существенном разнообразии миграционных связей региона, а само это многообразие может быть использовано для регулирования миграционных потоков и привлечения необходимых категорий населения в область.

Природные и климатические условия для адаптации в Кемеровской области опрошенные оценили как благоприятные. Удовлетворительные во всех отношениях природные условия в области охарактеризовали 60 % респондентов. «Неблагоприятными» оценили природные условия 13 % мигрантов именно по условиям ведения сельского хозяйства, а не по комфортности.

К основным причинам, по которым люди были вынуждены покинуть свое место жительства, относятся: поиск лучшей жизни, жилье (40 %), безработица (27 %), учеба (21 %). Люди переезжают из одной страны в другую или же из региона в регион ради своих семей и самих себя, с целью уйти от бедности, стихийных бедствий, вооруженных конфликтов, и все это ради поиска лучшей жизни. Проблема безработицы является достаточно важной. Отсутствие денег, занятости и какого-либо социального статуса толкает мигрантов на добывание денег, в результате они вынуждены покинуть свое место жительства в надежде решить проблему безработицы. В Кемеровской области за последние годы наблюдается поток мигрантов по причине учебы: переезжают с целью получения образования, повышения профессиональных навыков.

Среди проблем, с которыми столкнулись мигранты после переезда в Кемеровскую область, — возможность решения жилищной проблемы (44 %). Данная проблема всегда является затруднительной для адаптации в регионе, ее сумели решить 65 % мигрантов, а 20 % респондентов, не имеющих собственного жилья, проживают у родственников или знакомых. В сельских поселениях области существуют достаточно много пустующих домов, в связи с этим большинство мигрантов хорошо обстроились на новом месте жительства. Более 12 % переселенцев снимают жилье — это больше относится к людям, которые живут в городах. К проблемам, с которыми столкнулись мигранты после переезда относятся трудоустройство (18 %) и приспособление к чужой культурной среде (21 %). Многие мигранты, приехавшие в Кемеровскую область, работают не по специальности и не имеют работы. Практически все переселенцы сталкиваются с трудностями адаптации к чужой культурной среде. Сложности данной проблемы возникают при взаимодействии с местными жителями, в восприятии местных обычаев, правил и норм.

Люди достаточно по-разному адаптируются к новым условиям жизни, среде, а также к работе. Люди до 30 лет более подвижны, имеют совокупность определенных взглядов, устоявшиеся идеи, но у них отсутствует профессиональный опыт работы. Адаптация мигрантов старше 40 лет на рынке труда облегчена тем, что у них сформированы определенные материальные и нематериальные блага. Из опрошенных респондентов 34 %

имеют среднее образование, 29% — незаконченное высшее, 21 % — высшее образование и 16 % — среднее специальное. Низкий уровень образования является одним из факторов, снижающих адаптационные возможности человека. Высокий уровень образования считают фактором, снижающим уровень стресса адаптации к новой культуре, способствующим успешным контактам. Зачастую уровень образования не гарантирует успешность адаптации, так как не обеспечивает получение работы, соответствующей специальности и квалификации. Поэтому мигрантам приходится снижать свой профессиональный уровень, переходя на неквалифицированную работу в других сферах. Таким образом, на кемеровский рынок труда прибывают квалифицированные, с высоким уровнем образованием мигранты, тем самым увеличивая конкуренцию и безработицу на рынке труда.

Согласно данным анкетирования большинство опрошенных мигрантов (53 %) зарабатывают от 10000 до 15000 рублей в месяц. Примерно одинаковое количество респондентов имеют доходы от 10000 рублей и от 20000 до 50000 рублей (22 и 20 % соответственно). Однако в ходе анкетирования были и такие респонденты, которые отказывались отвечать на данный вопрос, а некоторые и вовсе отрицательно реагировали. Распределение доходов мигрантов осуществляется по-разному. В основном (63 %) заработной п латыхватает только на питание и оплату коммунальных услуг. Данная ситуация относится ко всем, потому что люди не хотят переезжать на новые места, не имея какой-то определенности. 15 % мигрантов удовлетворяют разумные потребности, покупают товары длительного пользования, недорогой отдых. Таким образом, можно сделать вывод, что материальная необеспеченность мигрантов усложняет их адаптацию в Кемеровской области.

Один из вопросов нашего социологического обследования звучал так: «Отношение к Вам местного населения». Одной из самых важных и сложных проблем для мигрантов является адаптация к новому. Отношение коренного населения к респондентам влияет на успешность процесса адаптации. Однако 30 % мигрантов чувствуют равнодушное отношение, а 15 % — подозрительное и враждебное отношение со стороны коренных жителей. Проблема взаимоотношений местных жителей и мигрантов остра в основном в сельской местности, потому что здесь люди больше общаются между собой.

На вопрос «Ваши планы на будущее» 40 % опрошенных ответили, что останутся в Кемеровской области, а 25 % хотят переехать другой регион России, остальные 25 % — уехать из страны. Несмотря на сложные социальные и экономические проблемы в Кемеровской области, регион все же привлекает мигрантов, но работа по их обустройству далека от совершенства. Все это требует выработки конкретной миграционной политики для лучшей адаптации мигрантов на новом месте жительства.

В ходе нашего социологического обследования мы пришли к выводу, что люди не готовы идти на контакт и не каждый был согласен проходить опрос. Перед нами встали вопросы, с чем это связано и почему люди отказываются участвовать? Основными причинами нежелания участвовать в

опросе были названы: отсутствие времени; отсутствие желания разговаривать; недоверие к опросу.

Как мы говорили выше, человеческий фактор — возможность принятия человеком ошибочных решений в конкретных ситуациях.

Основными причинами того, что при анкетировании человек делает неправильный выбор, являются [8, с. 15]:

– отсутствие информационного обеспечения, недостаток учета человеческого фактора;

– ошибки, вызванные внешними факторами (отвлечение внимания от возникшей ситуации);

– ошибки, обусловленные физическим и психологическим состоянием и свойствами человека (неожиданное напряжение при совокупной размеренной работе, эмоциональная напряженность, импульсивность);

– неверная оценка ситуации.

Так, ошибочные действия многообразны и влекут за собой негативные последствия, такие как: неправильная регистрация и обработка данных социологического обследования; ошибочные оценочные значения, возникающие в результате неверной интерпретации фактов; неверно предложенные мероприятия по решению выявленной проблемы.

Отметим, что существуют составляющие, от которых зависит человеческий фактор. Рассмотрим основные из них:

1. Физическое состояние. Под данным элементом понимают состояние организма, которое обусловлено здоровым развитием всех органов и систем. При нормальном функционировании все органы и системы хорошо работают, следовательно, весь организм человека правильно развивается. Благодаря правильному процессу организм не даст возможности человеку допустить ошибку действием или бездействием с точки зрения физического наступления события. Например, предположим, нездоровый человек перепутал варианты ответа при анкетировании, в результате неверная обработка данных, неверно предложены мероприятия по решению выявленной проблемы.

2. Психологическое состояние. Ошибки при различных видах опроса, вероятно, взаимосвязаны с неудовлетворительным психическим состоянием человека: депрессивное состояние, повышенная вспыльчивость, неспешность реакций, и изредка, наоборот, чрезмерное беспокойство, подвижность, лишняя говорливость. В результате человек становится невнимательным, возникают ошибки при выполнении необходимых действий.

3. Возраст. Желание выделить возраст человека в отдельный фактор вполне оправданно, так как если анализировать вышесказанное, то можно обратить внимание на то, что возраст воздействует на все: физическое и психическое состояния, в том числе выносливость к стрессу.

Таким образом, можно сделать вывод, что человеческий фактор играл, играет и будет играть одну из самых важных ролей при различных видах опроса. Этот фактор может, как навредить, так и помочь при правильных условиях обработки данных опроса. То есть, можно сказать, что именно

человеческий фактор, вбирающий в себя умение размышлять, изобретать, модернизировать, играет наиважнейшую роль при разработке опроса.

Благодарность

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 18-010-01049 А «Методология и методика системной оценки взаимосвязи средовых факторов и здоровья населения в задаче устойчивого развития регионов России»/

Список источников

1. Воробьева О. Д. Миграционные процессы населения: вопросы теории и государственной миграционной политики // Проблемы правового регулирования миграционных процессов на территории Российской Федерации: Аналитический сборник Совета Федерации ФС РФ. — 2003. — № 9 (202). — С. 35.

2. Кучмаева О. В. Демографическая статистика: учебник / под ред. О.В. Кучмаевой. — М.: КноРус, 2017. — 921с.

3. Левина Е. И. Миграция в Кемеровской области: оценка проблем на основе результатов опроса населения / Левина Е. И., Бозоян М. В., Табакова А. О. // Демографическая и семейная политика в контексте целей устойчивого развития: сб. статей IX Уральского демографического форума: в 2-х томах / отв. ред. д. социол. н. А. И. Кузьмин. — Т. I. — Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2018. — С. 220-227.

4. Рыбаковский Л. Л. Миграция населения (вопросы теории): учебник / под ред. Л.Л. Рыбаковского. — М.: Владос, 2013. — 218 с.

5. Балдин К. В. Общая теория статистики: учебник / под ред. К. В. Балдина, А. В. Рукосуева. — 2-е изд. — М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2017. — 312 с.

6. Громыко г. Л. Теория статистики: учебник / под ред. г.Л. Громыко. — 5-е изд., испр. и доп. — М.: ИНФРА-М, 2018. — 238 с.

7. Тиц С. Н. Человеческий фактор: учебник / под ред. С. Н. Тиц. — Самара: Изд-во СГАУ, 2019. — 64 с.

8. Рыбалкина В. В. Человеческий фактор и психология: учебное пособие / под ред. В. В. Рыбалкина, А. Л. Рыбалкиной. — М.: МГТУ ГА, 2016. — 36 с.

9. Чудиновских О.С. Большие данные и статистика миграции // Вопросы статистики. — 2018. — № 25 (2) — С. 48–56.

10. Харченко Н. М. Экономическая статистика: учебник / под ред. Н. М. Харченко. — М.: Дашков и К°, 2010. — 365 с.

Информация об авторах

Левина Елена Ивановна (Россия, Кемерово) — старший преподаватель, Кузбасский государственный технический университет имени Т. Ф. Горбачева (650000, г. Кемерово, ул. Весенняя, 28; e-mail: lei.bu@kuzstu.ru).

Бозоян Марине Варужановна (Россия, Кемерово) — студент, Кузбасский государственный технический университет имени Т. Ф. Горбачева (650000, г. Кемерово, Весенняя, 28; e-mail: marine.bozoyan@mail.ru).

Levina E. I., Bozoyan M. V.

The role of the human factor in different types of surveys

The article reveals the role of the human factor on the basis of the results of the survey of Kemerovo region migrants conducted by the authors. The main reasons for the fact that a person makes the wrong choice during the survey are given. As the main problems dominate:

shortcomings of information support, lack of consideration of the human factor; errors caused by external factors; errors caused by the physical and psychological condition and properties of the person. Also, the basic components which depend on the human factor.

Keywords: human factor, survey, migration.

Authors

Levina Elena Ivanovna (Russia, Kemerovo) — associate professor, T.F. Gorbachev State Technical University (650000, Kemerovo, 28 Vesennyaya st.; e-mail: lei.bu@kuzstu.ru).

Bozoyan Marine Varuzhanovna (Russia, Kemerovo) — student, T.F. Gorbachev State Technical University (650000, Kemerovo, 28 Vesennyaya st., e-mail: marine.bozoyan@mail.ru).

References

1. Vorobyova O. D. Migration processes of population: problems of theory and state migration policy // Problems of legal regulation of migration processes in the territory of the Russian Federation / Analytical collection of the Federation Council of the FS of the Russian Federation. — 2003. — No. 9 (202). — P. 35.

2. Kuchmaeva O. V. Demographic statistics: a textbook / ed. O.V. Kuchmaeva. — Moscow: KnoRus, 2017. — 921c.

3. Levina E. I. Migration in the Kemerovo region: an assessment of the issues based on the results of the survey of population / Levina E. I., Bozoyan, M. V., Tabakova A. O. // Demography and family policy in the context of sustainable development: collection of articles of IX Ural demographic forum in 2 vols / ed. ed. d. sociology. n. A. I. Kuzmin. — Vol. I. — Ekaterinburg: Institute of Economics, RAS, 2018. — P. 220-227.

4. Rybakovsky L. L. Migration of the population (questions of theory): textbook / edited by L. L. Rybakovsky. — Moscow: Vlados, 2013. — 218 p.

5. Baldin K. V. General theory of statistics: textbook / ed. K. V. Baldin, A. V. Rukosuev. — 2nd ed. — Moscow: Publishing and trading Corporation «Dashkov and K°», 2017. — 312 p.

6. Gromyko G. L. Theory of statistics: textbook / edited by G. L. Gromyko. — 5th ed., Rev. and additional — Moscow: INFRA-M, 2018. — 238 p.

7. Titz S. N. The human factor: the textbook / under the editorship of S. N. TIC — Samara: Publishing house SSAU, 2019. — 64 p.

8. Rybalkina V. V. The human factor and psychology: the textbook / under the editorship of V. V. Rybalkina, A. L. Rybalkina. — Moscow: MGTU GA, 2016. — 36 p.

9. Chudinovskikh O. S. Big data and migration statistics / O. S. Chudinovskikh // statistical Issues, 2018. — No. 25 (2) — P. 48-56.

10. Kharchenko N. M. Economic statistics: textbook / ed. M. Kharchenko. — Moscow: Dashkov and K°, 2010. — 365 p.

УДК 911.3

Литвиненко Т. В.

РЕСУРСОПОЛЬЗОВАНИЕ, МИГРАЦИЯ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОСЕЛЕНИЙ В ВОСТОЧНЫХ РЕГИОНАХ РОССИИ: ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ И РАЗЛИЧИЯ[1]

Показана взаимосвязь ресурсопользования, миграции и трансформации поселений в Республике Саха (Якутия). Выделены типы постсоветской трансформации поселений и показана связь трансформации поселений с миграцией, ресурсопользованием, географическим и этническим факторами.

Ключевые слова: миграция, поселение, ресурсопользование, Республика Саха (Якутия), восточные регионы

Общеизвестно, что освоение природных ресурсов на востоке страны во времена СССР сопровождалось миграционным притоком некоренного населения и созданием новых поселений. В 1979–1988 гг. миграционный приток населения в Восточнуууюю Сибирь и Дальний Восток составил 375 тыс. чел., из них 333 тыс. чел. — на Дальний Восток. Распад СССР, постсоветская трансформация экономики и ее ресурсного сектора оказали влияние на миграционное поведение населения восточных регионов. Миграционный приток сменился оттоком, в том числе из-за ликвидации многих хозяйствующих субъектов, связанных с добычей и переработкой природных ресурсов по причине их нерентабельности.

Вопросы миграции населения Якутии и других регионов востока России в постсоветский период, в том числе в сравнении с общероссийской ситуацией, изложены во многих публикациях [1-2, 4-7 и др.]. Исследованы пространственная дифференциация населения Республики Саха [8] и эволюция поселений проживающих на ее территории коренных малочисленных народов Севера [9]. При этом вне поля зрения исследователей остались вопросы влияния миграции на трансформацию поселений и роль типа ресурсопользования и этнической структуры населения в этом процессе. Цель данного исследования — на примере Якутии, крупнейшего региона страны, с внутренней асимметрией пространства, показать влияние миграции на трансформацию поселений во взаимосвязи с ресурсопользованием и этническим фактором (долей коренного населения в общей его численности). Под трансформацией поселений понимается процесс их изменения (преобразования, превращения), который отражает динамику взаимодействия расселения с природными и социально-экономическими факторами и проявляется, главным образом, в динамике населения и изменении внешнего облика поселений [3]. Материалами исследований явились данные официальной статистики, переписей населения и материалы экспедиционных обследований поселений в 2010 и 2017 годах.

[1] © Литвиненко Т.В. Текст. 2019.

После распада СССР и последовавшим за этим политическим кризисом, население Республики Саха стало снижаться за счет миграционного оттока с 1992 г. За 1990-2019 гг. население сократилось на 23,0%, а в период между переписями 1989 и 2010 гг.– на 11,4%. Доля русских в общей численности населения в межпереписной период 1989-2010 годов сократилась с 50% в 1989 г. до 37% в 2010 г., а доля якутов увеличилась с 33 до 49%, эвенков — с 1,3 до 2,2% соответственно.

На внутрирегинальном уровне наблюдаются большие различия в динамике населения в 1990-2017 гг.: от роста на 40% и более в Якутске и Намском улусе до снижения более чем на 60% в Усть-Майском и Нижнеколомском улусах (таблица).

Более северное и восточное местоположение вдали от регионального центра и основных транспортных магистралей, меньшая доля коренного (этнического) населения и развитие горнопромышленного типа ресурсопользования на момент распада СССР и в начале постсоветского периода способствовали большему сокращению населения. Наоборот, более южное, западное и центральное (по отношению к региональному центру) местоположение вблизи основных транспортных магистралей, большая доля коренного (этнического) населения и развитие традиционного природопользования способствовали меньшему сокращению численности населения или его росту в постсоветский период.

Разнонаправленная динамика населения оказала воздействие на трансформацию поселений. Исследованиями выявлены следующие типы трансформации поселений: (1) ликвидированные; (2) возникшие новые временные вахтовые поселения; (3) сохранившиеся с советского периода и сократившие людность; (4) сохранившиеся с советского периода и увеличившие людность. В Якутии первый тип трансформации, получивший наибольшее распространение в кризисные 1990-е гг., был следствием миграционного оттока населения из-за закрытия горнодобывающих и лесопромышленных предприятий, приостановки геологических работ и остановки строительства шахт, или был связан с дороговизной содержания инфраструктуры поселений. Наибольшее количество ликвидированных поселений было в Усть-Янском, Оймяконском и Алданском районах с горнопромышленным типом ресурсопользования на момент распада СССР. Примером этого типа могут служить ликвидированные поселки Снежный, Канкунский, Каталах, Безымянный после миграционного оттока населения из-за закрытия предприятия «Алданслюда».

Возникновение новых временных вахтовых поселений (второй тип) в восточных регионах (в том числе Якутии) было связанно с временными трудовыми миграциями из-за освоения новых месторождений минеральных ресурсов. Примером этого типа служит вахтовый поселок возле Эльгинского месторождения угля в Нерюнгринском районе республики.

Большинство поселений Якутии сохранилось, но их людность сократилась (третий тип в нашей классификации), в основном из-за миграционного оттока. Это поселения расположены на севере и северо-востоке с преобладающим коренным населением, или на юге в Алданском и Нерюн-

Таблица

Динамика населения в улусах (районах) Республики Саха (Якутия) в 1990-2017гг. (%).

Наименование улуса (района)	Динамика численности, 1990-2017, %	Доля коренного населения, 2010 г.,%
Рост численности населения 30 -60%		
Намский	+43	96
Город Якутск	+60	43
Рост численности населения 0-30%		
Оленёкский	+0.4	96
Таттинский	+3	95
Эвено-Бытантайский	+7	98
Амгинский	+8.5	93
Чурапчинский	+14	97
Горный	+19	97
Сокращение численности населения 0-30%		
Усть-Алданский	-2	99
Мегино-Кангаласский	-3	91
Хангаласский	-8	61
Сунтарский	-9	93
Анабарский	-10	71
Вилюйский	-13	84
Нюрбинский	-16	82
Олёкминский	-19	46
Среднеколымский	-20	88
Мирнинский	-20	8.9
Ленский	-25	9
Жиганский	-25	82
Момский	-26	88
Сокращение численности населения 30-60%		
Алданский	-38	8
Аллаиховский	-48	59
Булунский	-52	53
Верхнеколымский	-58	36
Верхоянский	-48	74
Нерюнгринский	-36	4
Кобяйский	-38	71
Томпонский	-43	35
Сокращение численности населения более 60%		
Усть-Майский	-64	33
Нижнеколымский	-68.2	51
Оймяконский	-76	34
Усть-Янский	-83	52

Источник: составлено автором по данным официальной статистики.

гринском районах с преобладающим русским населением. В первом случае имел место миграционный отток коренного населения в центральные улусы республики, а в другом — отток русского населения в другие регионы. Примером этого типа является город Нерюнгри, где население сократилось в связи с миграционным оттоком некоренного населения из-за сокращения занятости и доходов в компании «Якутуголь».

Сохранившиеся с советского периода и увеличившие людность поселения (четвертый тип) расположены (за некоторым исключением) в Центральной Якутии и в районах с преобладающим коренным (этническим) населением. Примером этого типа является село Намцы. Рост его населения связан со многими благоприятствующими факторами: 1) долей коренного населения более 90%; 2) традиционным (этническим) типом ресурсопользования и наличием ресурсов для его развития, 3) близостью к г. Якутску; 4) статусом районного центра и наличием колледжа.

Миграция населения во взаимосвязи с трансформацией поселений повлияла на внешний облик поселений Якутии: от полностью заброшенных и неиспользованных зданий и строений в ликвидированных поселениях до полностью новых в вахтовых поселках.

Пример Якутии демонстрирует взаимосвязь ресурсопользования, динамики населения и трансформации поселений. Трансформация ресурсопользования влияет на миграцию населения, а она, в свою очередь, воздействует на динамику населения и видоизменение облика поселений.

Благодарность

Исследование проводилось в рамках мегапроекта № 0148-2019-0008 «Проблемы и перспективы территориального развития России в условиях его неравномерности и глобальной нестабильности» (2019-2021 гг.) и РФФИ №19-05-00822.

Список источников

Бородина Т.Л. Региональные особенности динамики населения России в постсоветский период // Известия РАН. Серия географ. — 2017. — № 1. — С. 47–61. DOI:10.15356/0373-2444-2017-1-47-6

Денисов Е. А. Миграционные процессы в городах российского Севера в 1990-2010-е гг. // Региональные исследования. — 2017. — № 2 (56). — С. 44–55.

Литвиненко Т.В. Социально-экологические последствия трансформации использования природных ресурсов в восточной части России в постсоветский период // Известия РАН. Серия географ. — 2012. — № 3. — С. 42– 55.

Мищук С. Н. Внутренняя и международная миграция на российском Дальнем Востоке в середине XIX — начале XXI в.// Известия РАН. Серия географ. — 2013. — № 6. — С. 33–42.

Мотрич Е.Л. Население Дальнего Востока России / отв. ред. П.А. Минакир. — Владивосток; Хабаровск: Хабаров. краевая типография, 2006. — 224 с.

Сидоркина З.И. Территориальная организация и социальная самоорганизация населения в слабозаселенном регионе. — Владивосток: Дальнаука, 2014. — 240 с.

Сукнёва С.А. Тенденции миграционной динамики в республике Саха (Якутия)// Вестник СВФУ. Серия «Экономика. Социология. Культурология». — 2017. — № 1 (05). — С. 31-40.

Филиппова В.В., Гнатюк г.А. Пространственно-временная дифференциация населения Республики Саха (Якутия)// Уровень жизни населения регионов России. — 2017. — № 3 (205). — С. 59-65.

Filippova V., Savvinova A. Indigenous people of the North in Yakutia: Evolution of the settlements in the XX century| // Practical Geography and XXI Century Challenges International Geographical Union Thematic Conference dedicated to the Centennial of the Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences. — 2018. — С. 612-613.

Информация об авторе

Литвиненко Тамара Витальевна (Россия, Москва) — кандидат географических наук, доцент, с.н.с., Институт географии Российской академии наук (109017, Москва, Старомонетный перулок, д. 29; e-mail: litvinenko@igras.ru).

Litvinenko T.V.

Natural Resource use, migration and transformation of human settlements in the Eastern regions of Russia: geographical peculiarities and differences

This paper shows up the relationship between natural resource use, migration, and transformation of human settlements in the Republic of Sakha (Yakutia). It highlights the types of post-Soviet transformation of human settlements. The link of the settlement's transformation type with migration, natural resource use, geographical and ethnic factors is shown.

Keywords: migration, human settlements, natural resource us, Republic of Sakha (Yakutia), eastern regions

Author

Litvinenko Tamara Vitalievna (Russia, Moscow) — PhD, associate professor, senior research fellow, Institute of geography, Russian Academy of Sciences (109017, Moscow, Staromonetniy pereulok, 29; e-mail: litvinenko@igras.ru

References

Borodina T. L. Regional features of population dynamics in Russia in the post-Soviet period// Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya. — 2017. — No. 1. — P. 47–61. — DOI:10.15356/0373-2444-2017-1-47-6

Denisov E. A. Migration processes in the cities of the Russian North in 1990-2010s // Regional studies. — 2017. — No. 2 (56). — P. 44-55.

Litvinenko T. V. Socioecological consequences of the transformation of natural resource utilization in Russia's eastern part in the post-Soviet period// Izvestiya RAN. Seriya Geograficheskaya. — 2012. — No. 3. — P. 42– 55.

Mishchuk S. N. Internal and international migration in the Russian Far East in the middle of the XIX — beginning of XXI century // Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya. — 2013. — No. 6. — P. 33-42.

Motrich E. L. Population of the Far East of Russia / Edited by P. A. Minakir. — Vladivostok; Khabarovsk: Khabarovsk regional printing house, 2006. — 224 p.

Sidorkina Z. I. Territorial organization and social self-organization of the population in a sparsely populated region. — Vladivostok: Dalnauka, 2014. — 240 p.

Sukneva S. A. Trends of migration dynamics in the Republic of Sakha (Yakutia) // Vestnik of North-Eastern Federal University. Series «Economics. Sociology. Culturology». — 2017. — No. 1 (05). — P. 31-40.

Filippov V. V., Gnatyuk, G. A. Spatial and temporal differentiation of the population in the Republic of Sakha (Yakutia)// Living Standards and Quality of Life. — 2017. — No. 3 (205). — P. 59-65.

Filippova V., Savvinova A. Indigenous people of the North in Yakutia: Evolution of the settlements in the XX century //Practical Geography and XXI Century Challenges International Geographical Union Thematic Conference dedicated to the Centennial of the Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences. — 2018. — P. 612-613.

УДК 314

Лифшиц М.Л.

ПРОГНОЗНАЯ МОДЕЛЬ МИГРАЦИОННОГО ПРИРОСТА НАСЕЛЕНИЯ РФ

Рассмотрены основные трудности прогнозирования миграционного прироста в РФ. Описаны прогнозные модели, построенные автором по данным за периоды 1990-2019, 1995-2019 и 1999-201 гг. Сделаны прогнозные оценки по этим моделям до 2030 г.

Ключевые слова: международная миграция, факторы миграции, постсоветское пространство, миграционный прирост населения, эконометрические модели

Факторы миграции к настоящему времени довольно хорошо изучены. Однако для прогнозирования миграционного прироста населения РФ этого знания недостаточно. Главная трудность состоит в том, что официальные данные Росстата о международной миграции сильно искажены вследствие неоднократных изменений правил миграционного учета. В 2000-2006 гг. данные были сильно занижены, так как в качестве прибывших мигрантов стали регистрировать только лиц, получающих вид на жительство. В 2007 г. к ним были добавлены те, кто получал разрешение на временное проживание. С 2011 г. статистическому учету подлежат все, кто приехал в РФ на срок от 9 месяцев. В 2015 г. были основательно изменены административные барьеры для официальной занятости, в результате легальная занятость резко выросла, поэтому больше приезжающих мигрантов стали регистрироваться на срок от 9 месяцев, но с определенным временным лагом. В 2019 г. процедуры статистического учета вновь были изменены, чтобы компенсировать накопившийся недоучет, причем сущность этих последних изменений пока не вполне ясна. Определенное искажающее влияние оказывали также разнообразные военные и этнические конфликты на территории постсоветского пространства.

Таким образом, прежде чем строить прогнозную модель для оценки будущего миграционного прироста, необходимо скорректировать оценки миграционного прироста населения РФ в 2000-2019 гг. С этой целью следует, прежде всего, построить модели факторов миграционного прироста населения РФ из 11 стран постсоветского пространства, которые являются основными миграционными партнерами России (все, кроме стран Балтии). Затем сделать оценки, каким мог бы быть миграционный прирост в каждый год периода 2000-2019, если бы сумма общего прироста из каждой страны за этот период соответствовала данным текущего учета, но не было бы ни войн, ни изменений разнообразных правил. И лишь затем по скорректированным значениям построить прогнозную модель и сделать оценки наиболее вероятного миграционного прироста населения до 2031 г.

По итогам переписей населения 2002 и 2010 гг. Росстат корректировал оценки миграционного прироста в сторону увеличения. Однако этими данными невозможно воспользоваться в наших целях, поскольку дополнительный миграционный прирост не был разбит по странам исхода.

Вторая трудность связана с выбором периода, для которого следует построить модель факторов для корректировки данных. 1990-е гг. отличаются от последующих лет составом и интенсивностью действовавших факторов, поскольку тогда доминировала тенденция к «возвращению домой», а в последующие годы на первый план вышла трудовая миграция. Если использовать весь имеющийся массив данных с начала 1990-х, то прогноз получается заниженным, так как в начале 1990-х действовал мощный импульс, заданный самим фактом распада большой страны. Однако, если не принимать во внимание статистику за 1990-е, то прогноз окажется завышенным из-за изменений различных правил, о чем сказано выше.

Сравним факторы, оказывавшие влияние на нетто-миграцию в РФ в периоды 1990-2019, 1995-2019 и 1999-2019 гг . согласно реальным данным Росстата и скорректированным оценкам автора. При построении моделей были использованы также данные Всемирного банка и переписей населения стран постсоветского пространства. При расчетах было сделано предположение, что за 2019 г. миграционный прирост из каждой страны постсоветского пространства будет в 3 раза больше, чем за январь-апрель.

Все модели показали большое влияние миграционных сетей и этнических факторов:

— чем больше какая-либо этническая диаспора в РФ, тем больше чистый приток из соответствующей страны (высокая значимость в каждой модели);

— чем больше в стране доля людей титульной этнической принадлежности, тем меньше чистый приток в РФ (высокая значимость в каждой модели);

— чем больше уже приехало людей из какой-либо страны, тем больше чистый приток из этой страны в последующие годы (высокая значимость в каждой модели, но с убывающим эффектом, то есть влияние фактора в логарифмическом виде сильнее, чем в линейном).

Было протестировано 11 экономических факторов. Из них наиболее важными оказались следующие:

— рост ВВП в стране исхода (высокая значимость в каждой модели, влияние отрицательное);

— соотношение ВВП на душу населения в стране исхода (СИ) и в РФ в текущих долларах (фактор значим в каждой модели: наиболее высокая значимость (0.1-1%) в моделях для периода 1999-2019 гг., в других моделях значимость 5%);

— доля РФ в совокупной экономике 12 стран, выраженной в текущих долларах (фактор значим для периодов 1990-2019 и 1995-2019 на 1-5% уровне);

— доля РФ в совокупной экономике 12 стран, выраженной в постоянных ценах (ППС) (фактор значим только в моделях по скорректированным данным на 0.1-1% уровне);

— ВВП на душу населения (в постоянных ценах, ППС) в РФ по отношению к среднемировому уровню (фактор значим в моделях для периода 1999-2019 гг. на высоком уровне, 0.1%).

Последние три фактора отражают миграционную привлекательность России и емкость рынка труда. Интересно то, что экономический рост в России не влияет на миграционный прирост населения, влияет только рост в странах исхода.

То же самое можно сказать о демографии. Чем больше прирост трудоспособного населения в стране исхода (использован показатель «соотношение возрастных групп 05-14 и 55-64 лет за 13 лет до года наблюдения»), тем больше чистая миграция в Россию, однако демографическая ситуация в самой России не влияет на уровень миграционного прироста населения.

Таблица

Модели миграционного прироста населения РФ

Фактор	**Модели по реальным данным**			**Модели по скорректированным данным**		
	1990-2019	**1995-2019**	**1999-2019**	**1990-2019**	**1995-2019**	**1999-2019**
	46.82 (56.86)	-5.05 (38.60)	28.15** (14.01)	-92.15 (68.66)	-124.8*** (40.8)	21.76 (29.33)
	-1.249**** (0.153)	-1.039**** (0.143)	-0.807**** (0.134)	-1.193**** (0.138)	-0.997**** (0.105)	-0.832**** (0.062)
Этнические сети в РФ	1.919**** (0.204)	1.909**** (0.168)	1.681**** (0.135)	1.893**** (0.177)	1.894**** (0.119)	1.629**** (0.061)
Экономический рост, СИ	-1.226**** (0.149)	-1.035**** (0.190)	-0.784**** (0.187)	-1.198**** (0.126)	-0.980**** (0.130)	-0.705**** (0.092)
СИ/РФ, $	-17.78** (7.89)	-12.78** (6.28)	-19.70**** (4.68)	-14.10** (6.69)	-8.561** (4.273)	-19.12**** (2.18)
ln (население), СИ	-3.245* (1.829)	–	–	-2.985* (1.554)	–	-2.459**** (0.601)
Доля РФ, $	131.8** (58.5)	109.5** (46.4)	–	123.8** (49.6)	102.8*** (31.5)	–
0514/5564, СИ	2.237*** (0.779)	1.785*** (0.673)	1.351** (0.578)	2.117*** (0.669)	1.645**** (0.465)	1.469**** (0.266)
Мигр. сети	6.312**** (1.347)	5.744**** (1.100)	–	7.346**** (1.141)	6.738**** (0.752)	–
(Мигр. сети)2	-0.322**** (0.089)	-0.285**** (0.073)	–	-0.397**** (0.076)	-0.360**** (0.051)	–
Доля РФ, ППС	–	–	–	180.7*** (61.4)	160.6**** (39.4)	88.88*** (29.40)
ln(Мигр. сети)	–	–	6.847**** (1.286)	–	–	5.477**** (0.633)
РФ/Мир, ППС	–	–	25.79**** (6.09)	–	–	15.98**** (3.25)
R2	0.525	0.555	0.620	0.612	0.731	0.884
N	320	274	231	320	274	231

В таблице представлены коэффициенты регрессионных моделей, построенных по реальным и скорректированным данным за периоды 1990-2019, 1995-2019 и 1999-2019 гг. В скобках под коэффициентами — стандартные ошибки. Звездочки означают уровень значимости коэффициентов; чем больше звездочек, тем выше уровень значимости: * — 0.1, ** — 0.05, *** — 0.01, **** — 0.001 (здесь число — вероятность того, что фактор незначим).

Третья трудность — прогнозирование параметров, от которых зависит нетто-миграция в Россию. В данном случае сделано предположение, что продолжатся все существующие тенденции. Единственное исключение касается параметров экономического роста. Здесь взято допущение, что рост ВВП на душу населения в каждой стране будет равен среднемировому за последние 35 лет (1.60%). Хотя развивающиеся страны, как правило, растут быстрее.

Почти все факторы говорят о том, что миграционный прирост населения РФ должен снижаться. Вопрос лишь, с какой скоростью это будет происходить. Чем более поздний год мы берем в качестве начала периода, тем более высокий прогноз мы получаем (рис.).

Уход к минусовым значениям кажется почти невероятным, ведь Россия еще долгое время будет экономически более развитой, чем большинство стран исхода. И здесь мы понимаем, что столкнулись с четвертой трудностью: выбором спецификации модели. Не исключено, что в прогнозных целях лучше сработала бы так называемая «гравитационная» модель, где все переменные взяты в логарифмическом виде. Хотя с математической точки зрения брать в логарифмическом виде следует лишь те переменные, которые ближе к логнормальному, а не нормальному распределению. С другой стороны, зависимость результата от точки начала периода может говорить о том, что действие хотя бы некоторых факторов нелинейно. Тестирование гравитационных моделей в качестве прогнозных, видимо, должно стать следующим этапом работы. Альтернативная версия: возможно, следует использовать вместо фактора «доля РФ, ППС», который появляется только в моделях для скорректированных данных и имеет последовательную нис-

Рис. *Миграционный прирост в РФ из 11 постсоветских стран: реальные данные, скорректированные и варианты прогноза*

ходящую динамику, фактор времени, взятый в логарифмическом виде, поскольку процесс отдаления постсоветских стран друг от друга постепенно замедляется.

Информация об авторе

Лифшиц Марина Лазаревна (Россия, Екатеринбург) — аспирант, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: lifmarina@yandex.ru).

Lifshits M.L.

PROJECTION MODEL OF MIGRATION INCREASE IN POPULATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

The paper presents the main difficulties of forecasting of migration gain in the Russian Federation. The author constructed the projection models based on data for the periods of 1990-2019, 1995-2019 and 1999-2019. Projections on these models up to 2030 are made.

Keywords: international migration, migration factors, former Soviet Union, migration increase in population, econometric models

Author

Lifshitz Marina Lazarevna (Russia, Ekaterinburg) — postgraduate, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, (620014, Yekaterinburg, Moskovskaya St., 29, lifmarina@yandex.ru)

УДК 616.9

Лифшиц М.Л., Неклюдова Н.П.

ФАКТОРЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ЭНТЕРОБИОЗА И ПЕДИКУЛЕЗА В РЕГИОНАХ РФ[1]

В работе сделана попытка средствами эконометрического анализа проследить изменение факторов распространения энтеробиоза и педикулеза в 83 субъектах РФ в 2009-2016 гг. на основе данных Росстата и ЕМИСС.

Ключевые слова: энтеробиоз, педикулез, инфекционные заболевания, регионы России

Энтеробиоз и педикулез — два наиболее распространенных в России инфекционных заболевания из Перечня заболеваний, представляющих опасность для окружающих[2], более 200 тысяч случаев ежегодно. По обоим заболеваниям преобладает тенденция к улучшению ситуации, но это происходит довольно медленно и непоследовательно (рис.).

Рис. *Заболеваемость энтеробиозом и педикулезом в РФ, тысяч случаев в год*

Цель исследования — выяснить факторы, влияющие на уровень и динамику заболеваемости энтеробиозом и педикулезом в 83 регионах России (состав субъектов РФ на конец 2013 г.). Использованы данные ЕМИСС и Росстата. Данные по заболеваемости энтеробиозом имеются с 2009 г., педикулезом — с 2010 г.

Основной метод исследования — эконометрический анализ. Панельное уравнение множественной регрессии имеет вид:

$$Y_{(t,R)} = a_0 + a_1 X_{1(t,R)} + \cdots + a_n X_{n(t,R)} + \varepsilon, \qquad (1)$$

где Y — объясняемая переменная, вектор с координатами времени и пространства; X_i — факторы, влияющие на объясняемую переменную; a_i — коэффициенты, ε — остаток уравнения.

[1] © Лифшиц М.Л., Неклюдова Н.П. Текст. 2019.

[2] Утвержден постановлением Правительства Российской Федерации от 1 декабря 2004 г. № 715.

В таблице 1 представлены результаты эконометрического моделирования по методу наименьших квадратов. Коэффициенты полученных уравнений являются случайными величинами, поэтому после каждого в скобках стоит его стандартное отклонение (стандартная ошибка). Уровень значимости коэффициентов обозначен звездочками: * — 0,1, ** — 0,05, *** — 0,01, **** — 0,001. N — число наблюдений, R^2 — коэффициент детерминации.

Остальные обозначения в таблице 1 следующие.

Б1 и **Б2** — заболеваемость на 100 тыс. населения энтеробиозом и педикулезом соответственно.

ОКан — отсутствие в жилище канализации (туалет вне жилища или отсутствует), доля домохозяйств на начало года, %. Диапазон значений: от 0.06 в Москве (с 2011 г.) до 66.7 в Республике Тыва (2009 .).

ССР(Б*k*) — ситуация с заболеванием ***k*** в соседних регионах РФ (имеющих общую границу с рассматриваемым субъектом РФ). Средневзвешенное значение, веса — миграционные связи с соседними регионами. Миграционные связи между регионами А и Б — это сумма численности уроженцев региона А, проживающих в регионе Б, и численности уроженцев региона Б, проживающих в регионе А. Источник данных о миграционных связях — переписи населения 2002 и 2010. У Москвы до 2012 г. единственным соседом была Московская область, а с 2012 г. ее соседом стала также Калужская область. У Сахалинской области нет сухопутной границы с другими регионами, ее соседи через море — Камчатский, Приморский и Хабаровский края. Для Калининградской области, которая является анклавом, значение **ССР** равно средневзвешенному значению заболеваемости в Москве, С.-Петербурге, Брянской, Псковской и Смоленской областях. Такой выбор сделан на основании транспортной доступности и миграционных связей между регионами. Но при расчете ССР для этих пяти субъектов РФ Калининградская область не считалась соседом.

Д0104 и **Д0509** — доля в населении детей 1-4 лет и 5-9 лет, соответственно, на начало года, %.

Алк — впервые поставленные диагнозы алкоголизм и алкогольный психоз, на 10 тыс. населения.

ДГор — доля городского населения, на начало года, %.

ИУО — индекс уровня образования, рассчитан как сумма произведений доли населения (в возрасте 15 лет и более) с определенным уровнем образования на балл, присвоенный этому уровню: отсутствие образования — 0, начальное общее образование — 1, неполное общее среднее — 2, полное общее среднее и начальное профессиональное — 3, среднее профессиональное — 4, неоконченное высшее и бакалавриат — 5, высшее и послевузовское — 6.

НацР — фиктивная переменная, принимает значение 1 для 26 «национальных» субъектов РФ (республик и автономных образований) и 0 в остальных случаях.

Фактор времени (***t***) — фиктивная переменная, принимает значение 1 в 2005, 2 в 2006, …, 12 в 2016 г.

УЗан — доля занятых в экономике среди населения возрастной группы 15-72 лет, %.

БККС — больничные койки круглосуточных стационаров, на 1000 населения, на начало года.

ГрГр — фиктивная переменная, принимает значение 1, если у субъекта РФ есть общая граница с Грузией, и 0 в остальных случаях. С Грузией граничат Краснодарский край и все 6 республик Северо-Кавказского федерального округа.

Таблица 1

Модели выявленного распространения в регионах РФ энтеробиоза и педикулеза

Модели	Б1.1	Б1.2	Б1.3	Б2.1	Б2.2	Б2.3
Constant	–291.0*** (103.2)	–48.80*** (16.35)	–21.08 (45.16)	–3.958*** (1.247)	–1.597*** (0.594)	–2.088*** (0.758)
ОКан	3.623**** (0.988)	0.6304**** (0.1812)	–	0.02441*** (0.00858)	–	0.00601** (0.00290)
ССР(Б1)	0.6818**** (0.1656)	–	0.08758**** (0.03481)	–	–	–
Д0104	24.38** (9.33)	4.186** (1.599)	–	–	–	–
Алк	0.2893** (0.1378)	–	–	–	–	–
ДГор	1.777* (0.998)	0.4141** (0.1588)	0.7214**** (0.1997)	0.04026**** (0.00883)	–	–
Б1(t-1)	–	0.8741**** (0.0193)	1.0074**** (0.0215)	–	–	–
ИУО	–	–	–25.37** (12.26)	–	0.4308*** 0.1592	0.6398*** (0.1974)
НацР	–	–	11.11** (4.66)	–	–0.1888*** (0.0746)	–
t	–	–	4.799** (2.147)	–	–	–
УЗан	–	–	–	0.05861**** (0.01655)	–	–
БККС	–	–	–	0.1286*** (0.0383)	–	0.04517** (0.001888)
ГрГр	–	–	–	–0.6783* (0.3540)	–0.3926*** (0.1419)	–0.2464* (0.1405)
ln(Б2(t-1))	–	–	–	–	0.9035**** (0.0347)	0.8008**** (0.0363)
Д0509	–	–	–	–	0.07344** (0.02786)	–
N	83	332	249	83	249	249
R2	0.481	0.920	0.945	0.720	0.879	0.859
Период	2009	2010-2013	2014-2016	2010	2010-2013	2014-2016

В случае, если использованы данные переписей населения 2002 и 2010 гг., предполагается, что значения показателей между переписями менялись линейно, а после 2010 г. не изменялись.

Все предикторы включались в модели только в случае их значимости и при отсутствии явной мультиколлинеарности.

Уровень заболеваемости педикулезом взят в моделях в логарифмическом виде, так как распределение этой переменной гораздо ближе к логнормальному, чем нормальному: уровень заболеваемости в Москве в несколько раз превышает уровень во втором и третьем худших по данному показателю регионах. Когда мы берем какой-то показатель в логарифмическом виде, на первый план выходят наблюдения с меньшими значениями показателя.

Между моделями энтеробиоза и педикулеза есть некоторое сходство. В обоих случаях значима со знаком плюс доля городского населения. Видимо, сельские жители реже обращаются к врачу и чаще предпочитают от этих двух заболеваний «народные средства». Неудовлетворительные санитарно-гигиенические условия способствуют распространению обоих заболеваний, особенно это характерно для энтеробиоза. Еще одно сходство в том, что в обоих случаях в модели входят показатели возрастной структуры населения. Энтеробиозом чаще всего болеют маленькие дети, поэтому в моделях Б1.1 и Б1.2 значима переменная Д0104. А в модели Б2.2 значима переменная Д0509, так как школьники, особенно младших классов, часто привозят педикулез после летнего отдыха в детских лагерях или заражаются в школе.

В период 2014-2016 гг. выявленная заболеваемость энтеробиозом увеличивалась, хотя в 2010-2013 гг. наблюдалось снижение. Наибольшие негативные изменения происходили в ряде национальных субъектов РФ (Ненецкий АО, Республика Калмыкия, Республика Коми, Республика Тыва, Чувашская Республика), в то время как в некоторых регионах с наиболее высоким уровнем образования ситуация улучшалась. Это отражено в модели Б1.3.

Семьи алкоголиков нередко живут в антисанитарных условиях, это может способствовать распространению энтеробиоза и педикулеза, поэтому в модели Б1.1 значим фактор **Алк**. В других моделях энтеробиоза эта переменная незначима, однако здесь надо иметь в виду, что входящая в модели Б1.2 и Б1.3 переменная Б1(t-1) косвенно отражает также факторы, действовавшие в предыдущем году. В моделях для педикулеза фактор **Алк** незначим, хотя корреляция **Алк** с ln(Б2) больше, чем с Б1 (табл. 2).

Переменная ССР значима только для энтеробиоза: здесь, видимо, она отражает географический фактор, поскольку наибольшая заболеваемость наблюдается в регионах, расположенных близко друг к другу. Чаще всего это Республика Тыва, Ненецкий АО, Еврейская АО, Удмуртская Республика и соседние с ними субъекты РФ. А для педикулеза это не характерно. Из года в год наибольшая заболеваемость педикулезом фиксируется в Москве, с большим отрывом от всех остальных регионов, но в соседней Московской области значения Б2 неизменно меньше медианных.

Таблица 2

Корреляция уровня выявленной заболеваемости энтеробиозом и педикулезом с некоторыми характеристиками регионов

Переменная	Объясняемые переменные и периоды					
	Б1			ln(Б2)		
	2009	2010-2013	2014-2016	2010	2011-2013	2014-2016
ОКан	0.499	0.565	0.504	–0.212	–0.172	–0.146
ССР(Б4)	0.528	0.522	0.623	–	–	–
Д0104	0.399	0.454	0.452	–	–	–
Алк	0.131	0.139	0.117	0.408	0.411	0.325
ДГор	–0.248	–0.228	–0.084	0.663	0.638	0.620
ИУО	–0.359	–0.348	–0.301	0.383	0.407	0.436
НацР	0.222	0.300	0.307	–0.238	–0.297	–0.205
t	–	–0.069	0.071	–	–0.043	0.004
Б1(t-1)	–	0.957	0.968	–	–	–
УЗан	–	–	–	0.676	0.552	0.436
БККС	–	–	–	0.539	0.505	0.465
ГрГр	–	–	–	–0.668	–0.659	–0.628
Д0509	–	–	–	–0.276	–0.192	–0.129
ln(Б2(t-1))	–	–	–	–	0.932	0.921

Наименьшие официальные показатели заболеваемости педикулезом — в республиках Северного Кавказа. Население вообще всех регионов редко обращается к врачу с этим заболеванием, поскольку «народные» методы лечения хорошо известны. Поэтому неясно, то ли на Северном Кавказе меньше заболеваемость педикулезом, то ли там просто не принято обращаться по этому поводу к врачу. Таким образом, переменная ГрГр в моделях для педикулеза — это лишь указание локализации с наименьшей официально фиксируемой заболеваемостью.

Чаще всего педикулез диагностируют в школах и при санитарной обработке бездомных [1; 2; 3]. По-видимому, он может быть обнаружен при госпитализации в больницу (по совсем иному поводу), поэтому значима переменная БККС со знаком плюс. Переменная «доля бездомных в населении» была протестирована, но оказалась незначима. Согласно переписи-2002, Москва была в числе «лидеров» по доле бездомных в населении. Но в период переписи-2010 этот показатель оказался здесь ниже среднероссийского.

Что касается значимых переменных ИУО и УЗан, то неясно, является ли это лишь указанием на Москву, или в самом деле более образованное население с более высоким уровнем занятости в экономике с большей вероятностью предпочтет обратиться к врачу при обнаружении этой проблемы.

Благодарность

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 18-010-01049 А «Методология и методика системной оценки взаимосвязи средовых факторов и здоровья населения в задаче устойчивого развития регионов России»

Список источников

Аникина А. С. Проблема педикулеза в современном обществе//Бюллетень медицинских интернет-конференций. — 2016. — Т. 6. — № 1. — С. 91.

Таха Т. В., Нажмутдинова Д. К. Актуальность проблемы педикулеза//РМЖ. — 2010. — Т. 18. — № 12. — С. 768-769.

Лопатина Ю.В., Еремина О.Ю. Резистентность к инсектицидам вшей, собранных с бездомных людей в Москве//Мед. паразитол. — 2011.– № 4. — С. 31-36.

Информация об авторах

Лифшиц Марина Лазаревна (Россия, Екатеринбург) — аспирант, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: lifmarina@yandex.ru).

Неклюдова Наталья Павловна (Россия, Екатеринбург) — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29); доцент кафедры экономики и информатизации Гуманитарного университета (620049, г. Екатеринбург, ул. Студенческая, д. 19; e-mail: nnp81@mail.ru).

Lifshitz M. L., Neklyudova N. P.

Factors of Enterobiasis and Pediculosis Extension in Regions of the Russian Federation

The paper presents the analysis of factors of enterobiasis and pediculosis extension in 83 territorial subjects of the Russian Federation. The analysis was made by means of econometrics and covers the period since 2009 up to 2016. Database is taken from Rosstat and EMISS.

Keywords: энтеробиоз, pediculosis, infectious diseases, regions of Russia

Authors

Lifshitz Marina Lazarevna (Russia, Ekaerinburg) — postgraduate, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (620014, Ekaterinburg, Moskovskaya St., 29; e-mail: lifmarina@yandex.ru)

Neklyudova Natalya Pavlovna (Russia, Ekaterinburg) — PhD in Economics, senior research associate, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, (620014 Yekaterinburg, Moskovskaya St., 29;); assistant professor of Chair of economics&IT at the Liberal Arts University (620049, Yekaterinburg, Studencheskaya St., 19; e-mail: nnp81@mail.ru).

References

1. Anikina A. S. A pediculosis problem in modern society//the Bulletin of medical Internet-conferences. — 2016. — Vol. 6. — No.1. — P. 91.

2. Taha T. V., Nazhmutdinova D.K. Relevance of pediculosis problem //RMZh. — 2010. — Vol. 18. — No. 12. — P. 768-769.

3. Lopatina Yu.V., Eremin O.Yu. Rezistentnost to insecticides of the louses who are brought together from homeless people in Moscow// Medical parasitology and parasitic diseases journal.–2011. — No. 4. — P. 31-36.

УДК 316.334.52: 314.7(234.851)

Логинов В.Г.

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА УРАЛЬСКОГО СЕВЕРА[1]

В статье выполнены ретроспективный анализ формирования и оценка человеческого потенциала в северных субъектах Федерации Уральского федерального округа. Рассмотрены особенности привлечения и использования трудовых ресурсов этих субъектов.

Ключевые слова: северный и арктический регион, человеческий потенциал, воспроизводство населения, естественный прирост, миграция, вахтовый метод.

Демографические факторы при их сложном взаимодействии между объемом знаний и институтами определяют процесс экономических изменений, происходящих в пространственном развитии во временном аспекте [8, с. 121]. Они являются одним из индикаторов уровня освоенности территории и характеризуют основные количественные показатели населения и человеческого потенциала: его половозрастной состав, воспроизводство и занятость.

Демографические процессы в северных и арктических районах России отличаются значительной дифференциацией: наряду с территориями, испытывающими значительную убыль населения, в том числе трудоспособного, имеются регионы, сохранившие положительный прирост его численности. К ним относятся так называемые районы «нового» промышленного освоения 1970-1980-х гг., не исчерпавшие свой природно-ресурсный и экономический потенциал, в первую очередь, регионы нефтегазодобывающей специализации: Ханты-Мансийский (ХМАО-Югра) и Ямало-Ненецкий (ЯНАО) автономные округа, входящие в настоящее время в Уральский федеральный округ (УрФО), занимая его северную окраину — Уральский Север. Здесь наблюдается положительный естественный прирост и до настоящего времени в отдельные годы положительное сальдо миграции. Естественный прирост населения был обеспечен благодаря низким коэффициентам смертности и более молодой половозрастной структурой населения. Высокий уровень жизни населения делает автономные округа привлекательным для мигрантов — как легальных, так и нелегальных.

По данной проблематике имеются многочисленные публикации, как научные статьи, так и монографии, и их разделы, отражающие различные аспекты демографических процессов в рассматриваемых регионах [1-7, 9 и многочисленные интернет-ресурсы]. Занимая срединное положение в северной зоне России, они обладают большим природно-ресурсным потенциалом и являются важнейшими стратегическими территориями с самыми благополучными условиями жизни.

[1] © Логинов В.Г. Текст. 2019.

В рамках Российской Федерации Ханты-Мансийский автономный округ — Югра занимает 4-е, Ямало-Ненецкий автономный округ — 5-е место, а в совокупности — второе место после Москвы по производству ВРП (8% от общероссийского, при доле населения 1,5%). В Уральском федеральном округе удельный вес их по этому показателю составил почти 56% (55,9%, 2017 г.), при превышении на душу населения в 3,14 раза (2,7 млн руб.) (табл.1).

Северные субъекты имеют более высокий уровень рождаемости и естественного прироста и самые низкие показатель смертности, составляющие по отношению к средним показателям по УрФО, соответственно: 113,9; 48,4 и 520%.

Открытие высокоэффективных месторождений нефти и газа обеспечило быстрый приток инвестиций и рост населения уже на начальной стадии их освоения, что сделало эти малозаселенные районы Западной Сибири главным проектом СССР второй половины XX века. За исторически краткий период времени изменился экономический, инфраструктурный и социальный ландшафт территории. Были построены промышленные объекты топливно-энергетической и лесной отраслей, появились железные и автомобильные дороги, разветвленная сеть газо- и нефтепроводов, выросли города и рабочие поселки.

Управляемость формирования и использования человеческого потенциала на Севере и в Арктике имеет свои особенности и определенные ограничения. Отдельные элементы данного процесса нашли свое отражение в

Таблица 1

Доля Уральского Севера в УрФО, 2018 г.

Показатель	Количественный показатель	Доля в УрФО, %
Территория, тыс. кв. км	1304,1	71,7
Среднегодовая численность населения, чел.	2199448	17,8
Плотность населения, чел./на 100 кв. км	169	24,9
Среднегодовая численность занятых, тыс. чел.	1428,4	22,5
Среднемесячная зарплата, руб.	74920	164,0
ВРП, млн руб.*	5972570,3	55,9

Примечание. *2017 г.

Рассчитано по источникам: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: стат. сб. / Росстат. — М., 2017. — С.18-20; Национальные счета [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/# (дата обращения 18.08.18); Демографический ежегодник (2003-2007): стат. сборник: в 4-х частях. Часть III. Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, Ч. IV. Ямало-Ненецкий автономный округ. — Тюмень, 2007; Демографический ежегодник (2007-2011): стат. сборник: в 4-х частях. Часть II. Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, Ч.III. Ямало-Ненецкий автономный округ. — Тюмень, 2011; Демографический ежегодник (2012-2016): стат. сборник: в 3-х частях. Тюмень, 2016; Численность и миграция населения Российской Федерации в 2017 году: стат. бюллетень. М., 2018.

государственном законодательстве. На федеральном и региональном уровнях разработаны формальные правила, направленные на формирование как постоянного населения, так и временного контингента в этих регионах. Для стимулирования привлечения и закрепления трудовых ресурсов на законодательном уровне прежде всего введены районные коэффициенты и северные надбавки к заработной плате населения (в рыночных условиях они распространяются только на бюджетную сферу)[1]. Для привлечения временной рабочей силы — региональные квоты на выдачу иностранным гражданам разрешений на работу. Управлению и регулированию миграционного процесса способствует реализация государственных и корпоративных программ переселения, в основном лиц старшего поколения, в более благоприятные для проживания районы страны. Временная занятость населения регулируется бизнес-структурами, осуществляется межрегиональным вахтовым методом. В целях обеспечения стабильной ситуации на рынке труда реализуются мероприятия в рамках государственных и региональных программ «Содействие занятости населения» в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах.

Сохраняются неформальные правила миграционного оборота населения — как законные (привлечение по цепочке землячеств национальными диаспорами), так и противозаконные — использование труда нелегальных мигрантов.

Динамика численности населения Уральского Севера в советский период в большей степени определялась не рождаемостью и смертностью, а миграцией. В настоящее время основным источником воспроизводства населения является естественный прирост. Население рассматриваемой территории характеризуется положительными тенденциями: бо́льшей, по сравнению с общероссийскими показателями, средней продолжительностью жизни; низким уровнем смертности; высокой долей лиц трудоспособного возраста и др.

Северные и арктические территории страны, к которым относятся ХМАО-Югра и ЯНАО, традиционно отличались повышенным миграционным оборотом населения, что было связано не только с суровостью климата, но и степенью социальной обустроенности территории, скоростью отработки запасов природных ресурсов и др. В связи с этим наиболее значительные изменения количественных и качественных показателей человеческого потенциала происходят на пионерном этапе освоения территории и природных ресурсов, который в рассматриваемых регионах пришелся на 1970-1980-е гг. В этот период на долю прибывших из других регионов приходилось в отдельные годы более 80% общего прироста. Это связано с тем, что на ранних этапах освоения — в момент строительства — резко возрастает потребность в трудовых ресурсах, которая обеспечивается за счет более широкой географии мигрантов в основном молодых возрастов. Дан-

[1] О государственных гарантиях и компенсациях для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях: закон РФ от 19.02.1993 г. № 520-1 (в ред. Федерального закона от 08.01.1998 №4-ФЗ).

ный процесс сопровождался высоким суммарным оборотом миграции, порядка 30% к среднегодовой численности населения.

Изменения в направлениях миграционных потоков и их количественных характеристик связаны в основном с экономическими причинами: реструктуризацией промышленного производства, сокращением объемов нового строительства, отработкой крупных месторождений полезных ископаемых, конъюнктурой мирового сырьевого рынка. Сохранению отрицательного сальдо миграции способствует и превалирующий подход к освоению новых месторождений полезных ископаемых, которые располагаются в прибрежной и шельфовой зоне, когда большая часть квалифицированных работников привлекается межрегиональным вахтовым методом без создания стационарных поселений, то есть без соответствующего роста постоянного населения, что позволяет экономить на социальной инфраструктуре, обходясь вахтовыми и трассовыми поселками.

Основные территории использования вахтового метода — места добычи нефтегазовых ресурсов: Нефтеюганский, Нижневартовский и Сургутский районы (ХМАО-Югра); Надымский и Пуровский районы, в 2010-е гг. быстро увеличивается вахтовый персонал в заполярных районах ЯНАО. Закономерным является повышение доли вахтовиков в общей численности рабочей силы в периферийных арктических территориях. В связи с этим в Ямало-Ненецком автономном округе значимость этого метода была значительно выше, чем в Югре, в силу более суровых природно-климатических условий, препятствующих формированию постоянного контингента работников. Так, в Тазовском и Ямальском районах (Заполярье) доля вахтовиков в составе рабочей составляет более 80% от общей численности работающих. Широкое использование вахтового метода в этих районах обосновано в первую очередь необходимостью сокращения численного состава постоянно работающих в экстремальных условиях Арктики.

Межрегиональная трудовая миграция осуществляется не только вахтовым методом, но и другими способами: командировки, привлечение сезонных рабочих как из стран СНГ, так и российских регионов, приглашение зарубежных и отечественных специалистов. В последние годы наблюдается рост положительного сальдо трудовой миграции. С 2010 по 2016 гг. общая величина его в Югре выросла в 2,1 раза, в ЯНАО — в 2,4, в целом по Уральскому Северу — в 2,2 раза. При этом доля трудовых мигрантов среди занятых составляла, соответственно, согласно вышеназванной очередности, 13,8; 20,9 и 15,8% (табл. 2).

Таблица 2

Сальдо межрегиональной трудовой миграция, тыс. чел.

Территория	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.
ХМАО-Югра	67,8	77,2	96,4	90,8	105,1	115,2	141,1
ЯНАО	35,4	40,7	45,9	65,2	70,3	67,9	84,1
Всего	103,2	117,9	142,3	156,0	175,4	183,1	225,2

Таблица 3

Численность иностранных граждан, имеющих разрешение на работу, 2016 г., чел.

Регион	Всего	1	2	3	4	5	6	7
Югра	9875	57	20	697	56	192	1441	6897
ЯНАО	2703	689	476	741	322	2	7	69
Всего	12578	746	496	1438	378	194	1448	6966

1. Специалисты в области естественных и инженерных наук.
2. Специалисты среднего уровня квалификации физических и инженерных направлений деятельности.
3. Рабочие, занятые на горных, горно-капитальных и строительно-монтажных и ремонтно-строительных работах.
4. Операторы, аппаратчики, машинисты и слесари-сборщики стационарного оборудования.
5. Водители и машинисты подвижного оборудования.
6. Неквалифицированные рабочие, общие для всех направлений.
7. Иные профессионально-квалифицированные группы.

Трудовая миграция связана с процессом проникновения как легальных мигрантов, так и нелегалов, который обычно идет по классической схеме, имеющей место не только в районах Уральского Севера, но и на межстрановом уровне, — к сформировавшимся национальным диаспорам (цепочке землячеств), легально осевшим уже в стране или в регионе. Формирование диаспор способствует росту миграции [4, с. 59]. При этом зачастую возникают проблемы и между коренным населением и мигрантами.

Численность привлекаемых иностранных граждан определяется региональными квотами и потребностями рынка труда как в квалифицированной, так и неквалифицированной рабочей силе. Структура иностранной рабочей силы представлена в таблице 3.

Удельный вес привлекаемых иностранных граждан составляет в общей величине сальдо трудовой миграции незначительную величину — менее 6% (7% — в Югре и 3,2% — в ЯНАО, 2016 г.).

Контингент как прибывшей, так и выбывшей рабочей силы имеет высокий качественно-квалификационный состав. В ХМАО-Югре на долю лиц с высшим и не- законченным высшим профессиональным образованием в последние годы (2014-2016) приходилось в среднем 33,5% прибывших, а лиц со средним специальным образованием — 28,8%, что в совокупности составило 62,3%. В ЯНАО аналогичные показатели составили 35,4 и 33,4%, а в совокупности — 68,5%. В отношении этих категорий специалистов Югра имела в эти годы отрицательное сальдо (-5248, высшее и незаконченное, а среднее профессиональное +23), ЯНАО — соответственно -5088 и -8640 чел., что в конечном итоге влияет на качественный состав местных трудовых ресурсов (табл. 4).

Таблица 4

Динамика распределения мигрантов по образованию в возрасте старше 14 лет (сальдо миграции) в ХМАО-Югре и ЯНАО, чел.

Уровень образования	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2011-2016 (средне-годовое)
ВПО	-1458	-2271	-3348	-2990	-1650	-654	-2062
	277	-1639	-3035	-1581	-1622	-825	-1404
Незаконченное ВПО	-40	-24	-353	-114	-71	231	-62
	381	-958	-463	-378	-553	-129	-350
СПО	3725	521	-1862	-1343	-137	1457	393
	4431	2756	-1519	-2641	-4973	-1026	495
Всего	5661	1569	-5609	-2697	-2168	2579	-111
	5881	-1855	-8649	-6333	-12245	-3956	-4526

Примечания: ВПО — высшее профессиональное образование; СПО — среднее профессиональное. В знаменателе данные по ХМАО-Югре; в числителе — по ЯНАО.

Рассчитано по данным Ханты-Мансийскстата и Ямалстата.

Следует отметить, что с 2013 г. наметилась положительная тенденция снижения отрицательного сальдо миграции среди специалистов с высшим и незаконченным высшим образованием как в Югре (в 5,75 раза), так и в ЯНАО (3,7 раза). В ХМАО-Югре такое же положение сложилось среди лиц, имеющих среднее специальное образование. Ввиду отсутствия данных по возрасту можно предположить, что основными причинами сложившегося положения являются: либо выезд лиц пенсионного возраста, либо изменение на рынке труда, связанное с сокращением рабочих мест для этих категорий. Скорее всего здесь присутствует и то, и другое. Работодатели в случае нехватки специалистов решают эту проблему за счет вахтовиков.

В промышленном освоении ХМАО-Югры и ЯНАО активное участие принимало население бывших союзных республик и регионов РФ, сформировав многонациональный состав населения. Нефтегазовая специализация Уральского Севера делала его привлекательным для мигрантов с ранее освоенных районов нефте- и газодобычи: Азербайджана, Северрного Кавказа и Урало-Поволжья, выходцы из которых составили костяк работающих в нефтегазовом комплексе. Смена политического курса страны сохранила географию привлекаемой рабочей силы, но изменило интенсивность в направлении этих потоков. Об этом свидетельствуют данные переписей населения (1989, 2002 и 2010 гг.) о динамике количественных показателей национального состава населения автономных округов УрФО. С конца 1980-х по 2010 год значительно сократилась численность украинцев (в 1,7 раза, или на 93 тыс. чел), белорусов (в 1,9 раза, 19 тыс. чел.). Незначительно увеличилось число татар (в 1,1 раза, 13 тыс. чел.) и башкир (в 1,1 раза, 4 тыс. чел.). Зато быстро растет число выходцев из

Центральной Азии (7,7 раза) и республик Северного Кавказа (в 4,4 раза). Однако их доля в общей численности населения незначительна, составляя соответственно 1,5 и 2,7%. Тем не менее сформировавшиеся национальные диаспоры создают предпосылки для привлечения своих соплеменников с этих территорий, что подтверждается ростом числа мигрантов из центрально-азиатских и северокавказских республик. Рост численности трудового контингента с вышеназванных территорий связан в первую очередь со структурными изменениями в экономике, в части увеличения численности занятых в сфере услуг, менее востребованных среди квалифицированной рабочей силы.

Субъекты РФ Уральского Севера обладают значительным человеческим потенциалом, фундамент которого был заложен еще в советский период на этапе пионерного освоения этих территорий. В настоящее время население ХМАО-Югры и ЯНАО, в сравнении с другими регионами и со средними показателями по России, имеет бо́льшую продолжительность жизни; более низкий уровень смертности и относительно высокую рождаемость, и эти территории остаются наиболее привлекательными в социально-экономическом отношении.

Список источников

1. Агранат г.А. Использование ресурсов и освоение территории зарубежного Севера. — М.: Наука, 1984. — 200 с.

2. Борисов Д.В. Вахтовый метод как особая форма организации трудового процесса: на примере предприятий нефтегазовой промышленности: дис. ... канд. экон. наук. — М., 2004. — 143 с.

3. Демографическое развитие Ханты-Мансийского автономного округа: ситуация, прогноз, политика /под ред. Л.Л.Рыбаковского и А.В.Филипенко. — М.: Экон-информ, 2002. — 213 с.

4. Коллиер П. Исход: как миграция меняет наш мир. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. — 384 с.

5. Логинов В.Г., Балашенко В.В. Срединный арктический регион: ресурсы, социум, экология и экономика. — Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2014. — 291 с.

6. Логинов В.Г., Мельников А.В. Трудовые ресурсы и занятость населения ХМАО-Югры: проблемы и перспективы. — Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2009. — 78 с.

7. Маркин В.В., Силин А.Н. Циркумполярный регион в контурах социально-пространственной трансформации территории (на примере Ямала) //Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2016. — № 6 (48). — С. 28-52.

8. Норт Д. Понимание процесса экономических изменений. — М.: Изд. дом Гос.ун-та — Высшей школы экономики, 2010. — 256 с.

9. Силин А.Н. Социологические аспекты вахтового труда на территориях севера Западной Сибири //Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2015. — № 4 (40). — С. 109-123.

Благодарность

Статья подготовлена при финансовой поддержке проекта УрО РАН «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Урала: потенциальные возможности, приоритеты и перспективы».

Информация об авторе

Логинов Владимир Григорьевич (Россия, Екатеринбург) — доктор экономических наук, заведующий сектором регионального природопользования и экологии, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: log-wg@rambler.ru).

Loginov V.G.

Peculiarities of formation the human potential of the ural north

The retrospective analysis was performed in the article. It is devoted to the formation and evaluation of human potential in the Northern regions of the Ural Federal district. Features of attraction and use of labor resources of these subjects are considered in article.

Keywords: northern and arctic region, human potential, population reproduction, natural increase, migration, rotation method, labor resources, age structure of the population

Author

Loginov Vladimir Grigorevich (Russia, Ekaterinburg) — Doctor of Economics, Head of the Sector for Regional Environmental Management and Ecology, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (620014, Yekaterinburg, Moscovskaya st., 29; e-mail: log-wg@rambler.ru).

References

1. Agranat G.A. Ispol`zovanie resursov i osvoenie territorii zarubezhnogo Severa. — M.: Nauka, 1984. — 200 s.

2. Borisov D.V. Vaxtovy`j metod kak osobaya forma organizacii trudovogo processa : Na primere predpriyatij neftegazovoj promy`shlennosti. — Diss. ... kand. ekon. nauk. — M., 2004. — 143 s.

3. Demograficheskoe razvitie Xanty`-Mansijskogo avtonomnogo okruga: situaciya, prognoz, politika /pod red. L.L.Ry`bakovskogo i A.V.Filipenko. — M.: E`kon-inform, 2002. — 213 s.

4. Kollier P. Isxod: kak migraciya menyaet nash mir. — M.: Izd-vo Instituta Gajdara, 2016. — 384 s.

5. Loginov V.G., Balashenko V.V. Sredinny`j arkticheskij region: resursy`, socium, e`kologiya i e`konomika. — Ekaterinburg: Institut e`konomiki UrO RAN, 2014. — 291 s.

6. Loginov V.G., Mel`nikov A.V. Trudovy`e resursy` i zanyatost` naseleniya XMAO-Yugry`: problemy` i perspektivy`. — Ekaterinburg: Institut e`konomiki UrO RAN, 2009. — 78 s.

7. Markin V.V., Silin A.N. Cirkumpolyarny`j region v konturax social`no-prostranstvennoj transformacii territorii (na primere Yamala) //E`konomicheskie i social`ny`e peremeny`: fakty`, tendencii, prognoz. — 2016. — No. 6 (48). — S. 28-52.

8. Nort D. Ponimaniye protsessa ekonomicheskikh izmeneniy. — M.: Izd. dom gos.un-ta — Vysshaya shkola ekonomiki, 2010. — 256 s.

9. Silin A.N. Sociologicheskie aspekty` vaxtovogo truda na territoriyax severa Zapadnoj Sibiri //E`konomicheskie i social`ny`e peremeny`: fakty`, tendencii, prognoz. — 2015. — No. 4 (40). — S.109-123.

УДК 37.048.45:378.147:379.835

Майданова Т. В.

СОЦИАЛЬНАЯ АКТИВНОСТЬ МОЛОДЕЖИ КАК ИНСТРУМЕНТ ДЛЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ОРИЕНТАЦИИ И ПОСТРОЕНИЯ КАРЬЕРЫ (НА ПРИМЕРЕ ПОДГОТОВКИ ВОЖАТСКИХ КАДРОВ)[1]

В статье рассматривается проявление социальной активности молодежи в условиях вуза на примере подготовки вожатских кадров в ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет». Автором также анализируется образовательная деятельность окружного координационного центра УрФО в направлении профессиональной ориентации студенческой молодежи.

Ключевые слова: социальная активность молодежи, компоненты социальной активности, подготовка вожатых

В современных условиях образовательная среда вуза направлена не только на формирование определенных профессиональных компетенций у бакалавров, но и на формирование социальной активности молодежи. В то же время активное включение в социальные отношения ставит перед молодежью ряд задач.

По мнению С.А. Потаповой, социальная активность определяется как «социально-психологическая, ценностная профессиональная установка субъекта, реализуемая в его деятельности» [5, с. 48]. В этой связи социальная активность может рассматриваться и как степень проявления возможностей и способностей человека, и как степень активности личности в обществе в целом [3, с. 46]. В то же время для молодежи особенно характерно стремление к самостоятельности и реализации личных потребностей.

Студенческая молодежь выделяется как самостоятельная разновидность молодежи, которой присущи как общие характеристики молодежи, так и специфические черты, такие как чувство сопричастности, предприимчивость, чувство собственного достоинства, а также инициативность в достижении личных целей.

В настоящее время многие социологи выделяют такие признаки молодежи, как: возрастные особенности, особенности социального положения, связанные с обучением по профессии. [1, с. 76]. К специфическим особенностям относятся социально-психологические свойства личности, особенности культуры и воспитания [2, с. 9].

Для высших учебных заведений наиболее значимыми являются:

— трудовая активность студенческой молодежи — форма, проявляющаяся в реализации интеллектуального и физического потенциала рабочей силы в процессе трудовой деятельности;

— деловая активность студенческой молодежи — интенсивная деятельность в сфере профессии и должности.

[1] © Майданова Т.В. Текст. 2019.

В 2015г. в Российской Федерации была принята «Стратегия развития воспитания на период до 2025 года» (от 29.05.2015 г. № 996-р), где воспитание детей рассматривается как стратегический общенациональный приоритет, требующий консолидации усилий различных институтов гражданского общества и ведомств на федеральном, региональном и муниципальном уровнях.

Для достижения целей Стратегии воспитания были выдвинуты следующее задачи:

— создание условий для консолидации усилий социальных институтов по воспитанию подрастающего поколения, для повышения ресурсного, организационного, методического обеспечения воспитательной деятельности и ответственности за ее результаты;

— повышение эффективности воспитательной деятельности в системе образования и др.

В 2017 г. Министерством образования и науки Российской Федерации предложен «Проект внедрения воспитывающей среды в образовательные организации и организации отдыха детей и их оздоровления». 26 декабря 2018 г. был принят профессиональный стандарт «специалиста, участвующего в организации деятельности детского коллектива» (вожатого).

Для реализации целей Стратегии воспитания, а также внедрения модели воспитывающей среды в образовательные организации и организации отдыха детей и молодежи в Российской Федерации на базе педагогических университетов созданы восемь окружных координационных центров. В Уральском федеральном округе такой центр стал работать в ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет».

Основной целью окружного координационного центра по подготовке и сопровождению вожатских кадров УрФО стало: оказание методического сопровождения образовательным организациям высшего и среднего профессионального образования по подготовке вожатых во взаимодействии с «Российским движением школьников», формирование социальной активности молодежи, посредством подготовки вожатских кадров, кадров для системы детского отдыха и оздоровления детей.

Необходимо отметить, что в УрГПУ с 2013 г. готовят специалистов в области воспитания по профилям подготовки: 44.03.05 Педагогическое образование: Управление воспитательной работой и Правоведение, Управление воспитательной работой и Иностранный язык, 44.03.01 Педагогическое образование: Управление воспитательной работой. Направления подготовки магистратуры; 44.04.01. Педагогическое образование: Управление воспитывающей средой в образовательных организациях. 44.04.02. Психолого-педагогическое образование: Тьюторство в образовательной и социальной сферах. Всего выпущено и обучается на очной и заочной формах обучения более 500 человек. А также УрГПУ предлагает программы повышения квалификации и профессиональной переподготовки по следующим направлениям: «Реализация патриотических проектов в молодежной среде в условиях смены» — 16 часов, «PR-коммуникации с целевыми аудиториями (родители, общественные организации и государственные структуры)» — 16 ч,, «Оказание первой по-

мощи детям в детском оздоровительном лагере» — 16 ч., «Основы вожатской деятельности» — 72 ч., «Коучинг в управлении детским оздоровительным лагерем» — 36 ч., «Организация ивент-мероприятий в детском оздоровительном лагере» — 36 ч., «Применение интернет-технологий в условиях детского оздоровительного лагеря» — 36 ч., «Основы деятельности детского аниматора» — 36 ч., «Воспитательная деятельность в системе РДШ: методика эффективной комплексной организации деятельности вожатого» — 72 ч., «Методологическое и методическое сопровождение программного обеспечения и экспертная оценка деятельности пришкольных и загородных лагерей» — 72 ч., «Содержание и организация деятельности воспитателей в организациях отдыха и оздоровления детей» — 72 часа и другие программы [4, с. 135].

Для осуществления деятельности окружного центра были заключены 2 основных договора:

Соглашение о сотрудничестве между Министерством общего и профессионального образования Свердловской области и ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»,

Договор о сотрудничестве и взаимодействии между ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет» и ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет».

Одним из значимых направлений деятельности стало образовательное (подготовка кадров для системы детского отдыха и оздоровления детей: вожатых, воспитателей и др. специалистов, реализация модуля «Основы вожатской деятельности», в рамках реализации основной образовательной программы в вузе). За 2017 — 2019 гг. специалистами окружного координационного центра по подготовке и сопровождению вожатских кадров в УрФО было подготовлено 738 вожатых и воспитателей (табл. 1).

Таблица 1

Образовательная деятельность окружного координационного центра УрФО

Формы подготовки	**2017/18 учеб. г.**	**2018/19 учеб. г.**
Проект «Уральская школа вожатых»	5 групп, 161 человек	-
На основании договора с загородными детскими оздоровительными комплексами	2 группы, 100 человек.	3 группы, 164 человека
Проект «Всероссийская школа вожатых на Урале»	-	6 групп, 58 человек
Реализация модуля «Основы вожатской деятельности» в УрГПУ	2 группы, 56 студентов	3 группы, 75 студентов
Проведение курсов повышения квалификации за счет финансирования из субсидий федерального бюджета, направленных на подготовку вожатских кадров УрФО: «Основы вожатской деятельности», «Воспитательная деятельность в системе РДШ: методика эффективной комплексной организации деятельности вожатого»		группы, 124 человека
ИТОГО	317 человек	421 человек

Окружным координационным центром по подготовке и сопровождению вожатских кадров проводится мониторинг образовательных организаций среднего профессионального и высшего образования. Так, в мае 2019 г. было опрошено 6 педагогических вузов и 10 колледжей УрФО, по результатам мониторинга было выявлено, что общее количество обучающихся по УГСН 44.00.00 «Образование и педагогические науки» по состоянию на 1 мая 2019 года составило 13 384 человек, из них «Основы вожатской деятельности» освоили 1 373 студентов образовательных организациях УрФО, педагогическая практика в условиях ЗДОЛ проводится в 13 образовательных организациях и оценивается по:

— характеристике руководителя организации с места прохождения практики — 15 организаций;

— письменным отчетам обучающихся по итогам практики — 15;

— устным докладам обучающихся по итогам практики — 9;

— публикациям обучающихся по итогам практики — 5;

— итогам личного присутствия куратора практики от образовательной организации на мероприятиях, проводимых обучающимися в период практики — 7;

— отзывам работодателя — 7;

— отзывам детей, с которыми взаимодействовали обучающиеся в период практики — 4;

— отзывам родителей детей, с которыми взаимодействовали обучающиеся в период практики — 1;

— наличию благодарственных писем/грамот/дипломов, полученных обучающимися в период практики — 7;

— результатам проведения конференции по итогам практики — 3.

Примером проявления социальной активности студенческой молодежи служит реализация модуля «Основы вожатской деятельности» в УрГПУ, который включил в себя не только учебную дисциплину «Основы вожатской деятельности» (2 курс, IV семестр), но и инструктивно-методические сборы в ЗДОЛ «Самоцветы», «Исетские зори», научно-исследовательскую ра-

Таблица 2

Образовательная деятельность образовательных организаций УрФО

Место проведения практики	2017/18 учеб. г.	2018 /19 учеб. г.
1. Загородные детские оздоровительные лагеря/ центры	1 104	1730
2. Пришкольные/городские лагеря	636	35
3. Образовательные организации (школы)	149	643
4. Образовательные организации (школы), работающие по направлениям деятельности РДШ	20	14
5. Иные базы вожатских практик (ВДЦ «Орленок», ВДЦ «Смена»)	157	191
Итого	2251	2613

боту студентов: курсовые работы и конференции, круглые столы, сборники студенческих публикаций по теме вожатской деятельности, педагогическую практику студентов и отчетную научно-практическую конференцию по итогам практики, а также реализацию проекта «Сердца детям в УрГПУ» (подготовка вожатых для работы в федеральных центрах: «Артек», «Орленок», «Смена» и «Океан»), зарубежную стажировку студентов УрФО в Германии в летних детских лагерях.

Социальная активность студентов проявилась и формировалась во время организации и проведении:

— мастер-класса «Основы вожатской деятельности: оказание первой помощи» для участников VI регионального смотра-конкурса: «Лучший выпускной класс г. Екатеринбурга и Свердловской области 2017-2018 учебном году»;

— круглого стола «Подготовка вожатых на современном этапе развития образования» в рамках IX Международных социально-педагогических чтениям им. Б.И. Лившица и социальная работа: вчера, сегодня, завтра»;

— круглого стола «Самовоспитание и саморазвитие школьников в условиях детского оздоровительного лагеря» со студентами группы УВРП-1601 ФМОиСГК в рамках VII Международного форума «Самовоспитание и саморазвитие субъектов образования: теория и практика»;

— деловой игры «Проблемы организации волонтерства и добровольчества в условиях детского оздоровительного лагеря» в рамках XV студенческой научно-практической конференции «Волонтерское движение студентов как основа личностной и профессиональной самореализации».

Необходимо отметить, что педагогическая практика студентов в условиях загородных детских оздоровительных лагерей (ЗДОЛ) проводится на основании заключения со студентами трудового договора, т.е. на каждого студента заводится трудовая книжка с соответствующей записью, идет трудовой стаж, начисляется заработная плата за отработанный период. Многие студенты остаются на 2 — 3 смены, а также трудоустраиваются в ЗДОЛ в последующие годы во время летних каникул. Тем самым частично решается вопрос летней трудовой занятости студенческой молодежи, и мы можем говорить о проявлении положительной динамики трудовой активности студенческой молодежи.

Обучение по дополнительной образовательной программе «Основы вожатской деятельности» также включает разнообразную социальную активность слушателей курсов. Помимо лекционных и практических занятий слушатели курсов принимают участие в конкурсах, научных конференциях, встречаются с представителями областного педагогического отряда «Пламенный», областной профсоюзной организации, принимают участие в межрегиональных форумах и встречах.

Так, с сентября 2018 г. по май 2019 г. студенты УрФО приняли участие:

— во Всероссийской научно-практической конференции «Экспертная оценка создания воспитывающей среды в образовательных организациях и организациях отдыха и оздоровления детей». В проведении конферен-

ции приняли участие 158 человек (67 специалистов образовательных организаций и организаций отдыха детей и их оздоровления, 3 эксперта, 6 представителей власти, 82 студента) из Челябинской, Тюменской, Свердловской, Ульяновской, Московской областей, ХМАО;

— в Окружном конкурсе эссе «Я — вожатый Урало-Сибирского региона». В конкурсе приняли участие 50 вожатых из Екатеринбурга, Челябинска, Ишима, Тюмени, Новосибирска, Магнитогорска, В. Пышмы, Красноуфимска, Артемовского и др. городов УрФО;

— в Окружном семинаре «Методика эффективной комплексной организации деятельности вожатого в системе РДШ, экспертиза и оценка его деятельности». В семинаре приняли участие 46 человек: координаторы, специалисты, вожатые РДШ из Новоуральска, В. Салды, Ишима, Сургута, Челябинска, Тюмени, Кургана, Новосибирска, Екатеринбурга и др. городов Уральского федерального округа;

— в заочной Межрегиональной научно-практической конференции «Актуальные вопросы развития детского отдыха: практика и перспективы», которая проводилась в рамках III Межрегионального форума руководителей и педагогов организаций отдыха детей и их оздоровления «Уральские каникулы». Шесть статей студентов, посвященных технологиям проведения отрядных мероприятий, формированию временного детского коллектива, программам летнего оздоровительного лагеря, внедрению РДШ в условиях загородных детских оздоровительных лагерей вошли в электронный сборник тезисов и статей «Эффективные практики организаций отдыха и оздоровления детей Уральского федерального округа».

В апреле 2019 г. студенты УрГПУ приняли активное участие в организации и проведении Открытого окружного конкурса социальных проектов обучающихся организаций среднего общего, среднего профессионального, высшего образования и вожатых лагерей с дневным пребыванием и загородных детских оздоровительных лагерях УрФО «Живинка в деле». В очном туре прошли публичную защиту 17 проектов обучающихся школ и колледжей Уральского федерального округа. Студенты, будущие вожатые Уральского государственного педагогического университета выступили в качестве кураторов, сопровождающих, членов экспертной комиссии и ведущих конкурса. Всего было задействовано около 30 человек.

Социальная активность студенческой молодежи УрФО отражена в социальных сетях, в том числе в группе ВК «Всероссийская школа вожатых на Урале», где размещается полная информация о подготовке вожатых, проведении разнообразных мероприятий по направлению организации детского отдыха и оздоровления детей в Российской Федерации, публикуются аудио- и видеоматериалы по проблеме подготовки вожатых, методические материалы, сборники научных работ, статей и тезисов и многое другое.

Таким образом, можно констатировать, что подготовка вожатых в Уральском федеральном округе не только способствует формированию социальной активности студенческой молодежи, но и является инструмен-

том для профессиональной ориентации и построению будущей карьеры у студенческой молодежи УрФО.

Список источников

Волков Ю.Г. Социология молодежи: учеб. пособие / Ю.Г.Волков, В.И.Добреньков, Ф.Д.Кадария, И.П.Савченко, В.А. Шаповалов /под ред. проф. Ю.Г.Волкова. — Ростов-н/Д.: Феникс, 2007.

Вовлечение молодежи в общественную практику как приоритет государственной молодежной политики: сб. науч. статей / сост. канд. пед. наук г.Г.Николаев; научн. ред. канд. пед. наук М.Е.Кульпединова. — М.: ФГУ «ГосНИИ семьи и воспитания», 2006.

Ильинский И.М. Молодежь как будущее России в категориях войны: докл. на науч.-практ. конф. «Молодежная политика и молодежное движение: 15 лет перемен». — М.: Изд-во МосГУ, 2005.

Майданова Т. В. Внедрение модели создания воспитывающей среды в образовательных организациях и организациях отдыха детей и их оздоровления в Уральском федеральном округе // Особенности формирования воспитывающей среды в полиэтнических и национальных детских коллективах : сб. науч. тр. по итогам всерос. науч.-практ. конф. (Хабаровск, 21 декабря 2018 г.) / под ред. Л. П. Лазаревой. — Хабаровск : Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2019. — 224 с.

Потапова С.А. Социальная активность студенческой молодежи современного молодого города (на материалах г.Нижнекамска). –СПб.: Инфо-да, 2005.

Информация об авторе

Майданова Татьяна Витальевна (Россия, Екатеринбург) — директор окружного координационного центра по подготовке и сопровождению вожатских кадров Уральского федерального округа, ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26; e-mail: maidanova_tv@mail.ru)

Maidanova T.V.

Youth social activity as a tool for professional orientation and career development (for example training of camp counselors)

The article deals with the manifestation of social activity of young people in the conditions of high school on the example of training of camp counselors in the FSBEE HE "Ural state pedagogical university". The author also analyzes the educational activity of the district coordination center of the Ural Federal District in the direction of professional orientation of students.

Keywords: social activity of youth, components of social activity, training of camp counselors.

Author

Maidanova Tatiana Vital'evna (Russia, Ekaterinburg) — Director of the regional coordinating centre for training and support of camp counselors of the Ural Federal district of the FDBEE HE «Ural state pedagogical university» (Ekaterinburg, Avenue of Cosmonauts, 26; e-mail: maidanova_tv@mail.ru)

References

Volkov Yu. G. Sociology of youth: Studies Manual / Yu. G. Volkov, V. I. Dobren'kov, F. D. Kadaria, I. P. Savchenko, B. A. Shapovalov, ed. by Prof. Yu. G. Volkov. — Rostov-on-Don: Phoenix, 2007.

Involvement of young people in public practice as a priority of the state youth policy: Collection of scientific articles. / collection by candidate of Ped. Sciences G. G. Nikolaev; scientific ed. by candidate of Ped. Sciences M. E. Kul'pedinova. — M.: state FSU "The state research Institute of family and upbringing», 2006.

Ilyinsky I. M. Youth as the future of Russia in the categories of war: report to the scientific and practical conference "Youth policy and youth movement: 15 years of change" — M.: Moscow state university publ., 2005. — P. 46.

4. Features of the formation of the educational environment in multi-ethnic and national children's groups: collection of scientific papers on the results of All-Russian scientific and practical Conf. (Khabarovsk, December 21, 2018) / edited by L. P. Lazareva. — Khabarovsk : Publishing house of the Pacific State University, 2019. — 224 p.

5. Potapova S. A. Social activity of students of the modern young city (on materials of Nizhnekamsk). — SPb.: Info-Yes, 2005.

УДК 314.17

Макарова М.Н.

ФАКТОРЫ ЗДОРОВЬЯ В ОЦЕНКАХ МОЛОДЕЖИ: РЕЗУЛЬТАТЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ[1]

В статье приводятся результаты пилотного социологического опроса, посвященного исследованию факторов здоровья населения. В опросе приняли участие 537 человек, преимущественно студенческая молодежь города Екатеринбурга. Результаты анкетирования показали, что для повышения уровня здоровья населения важными являются не только социально-экономические факторы (состояние окружающей среды, доступность и качество медицинской и спортивной инфраструктуры, благосостояние населения), но и поведенческие (стрессы, режим дня и питания, физическая активность, здоровый образ жизни). Результаты опроса могут использоваться для формирования приоритетов как государственной и региональной социально-демографической политики, так и для разработки социальных программ для студентов на уровне вуза.

Ключевые слова: факторы здоровья, молодежь, опрос

Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) определяет здоровье как состояние полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствие болезней и физических дефектов [4]. ВОЗ предложена классификация факторов здоровья: биологические свойства организма (18-22%); развитие системы здравоохранения (8-10%); качество окружающей среды (18-20%); образ жизни и социально-экономические условия (49-53%) [1]. Таким образом, сохранение и поддержание здоровья детерминировано всей системой социальных отношений, потребностями и интересами как личности, так и общества. А само состояние здоровья личности формируется и поддерживается в результате взаимодействия объективных и субъективных факторов [3].

Результаты Национального мониторинга здоровья населения, который проводит ВЦИОМ, показывают, что в 2017 году только 35% респондентов оценивают свое здоровье как хорошее и очень хорошее, еще 49% — как удовлетворительное. При этом около 70% опрошенных удовлетворены состоянием здоровья своего и своих близких. Среди причин неудовлетворительного состояния здоровья лидируют стресс (35%), отсутствие средств на профилактику и лечение заболеваний (35%), плохая окружающая среда (32%), а также возраст (28%) [2].

Цель нашего исследования состоит в том, чтобы показать, какие факторы образа жизни влияют на оценку уровня собственного здоровья молодежью крупного города с учетом социально-демографических характеристик опрошенных, и оценить, насколько полученные результаты совпадают с общероссийскими тенденциями.

[1] © Макарова М.Н. Текст. 2019.

В пилотном опросе, проведенном преимущественно среди студентов Уральского федерального университета в 2018 году, приняли участие 537 человек, из них в возрасте 15-24 года — 88%. Среди опрошенных 33% составляют мужчины и 67% женщины. Для 56% респондентов основной деятельностью является учеба, еще 41% совмещают учебу с работой, 3% респондентов только работают.

Оценивая уровень собственного здоровья, только 21,7% респондентов отметили, что имеют проблемы со здоровьем, что неудивительно в связи с подавляющим преобладанием среди респондентов молодежи в возрасте до 25 лет. При этом стоит отметить, что женщины более внимательно относятся к своему здоровью и указывают на имеющиеся проблемы в этой сфере чаще (24,7%), чем мужчины (13,6%). Те, кто совмещают учебу с работой, реже указывают на проблемы со здоровьем (18,3%), чем те, кто только учатся (23,3%) или только работают (21,4%), что скорее указывает не на лучшее состояние здоровья, а на существенно меньшее внимание к этой сфере.

Среди причин, отрицательно влияющих на здоровье, были отмечены следующие:

— стрессы на работе, учебе и дома — 80%;
— грязный атмосферный воздух — 78%;
— плохое качество воды — 45,3%;
— низкий уровень доступности качественного здравоохранения — 39,7%;
— отсутствие времени для отдыха — 39,4%;
— неблагоприятные климатические условия — 34,7%;
— отсутствие режима дня — 34%;
— низкие доходы семьи — 14,4%;
— другие факторы — 2,8% (больные в общественном транспорте, неправильное питание, вредные привычки)

Таким образом, наш опрос подтверждает результаты Национального мониторинга здоровья населения ВЦИОМ, о котором упоминалось выше: образ жизни (стрессы, доходы семьи и доступность медицинских услуг, режим дня) и состояние окружающей среды (воздуха и воды, а также климатические условия) являются ключевыми для здоровья населения.

Этот же вывод подтверждается теми факторами, которые респонденты отметили в качестве положительно влияющих на уровень здоровья респонденты (табл. 1). Наиболее популярными ответами являются улучшение экологической ситуации (73,9%), развитие инфраструктуры здравоохранения (57,7%) и спортивной инфраструктуры (40,3%), повышение благосостояния населения (50,9%). Отдельно стоит отметить сравнительно низкую актуальность факторов развития медицинской и спортивной инфраструктуры для работающих респондентов (28,6% и 7,1% соответственно)

Среди перечисленных факторов, положительно влияющих на здоровье, практически 50% респондентов отметили необходимость воспита-

Таблица 1

Факторы, которые могут оказать положительное влияние на здоровье, % опрошенных

Варианты ответов	Пол респондента		Занятость респондента			Всего
	женский	мужской	работа	работа и учеба	учеба	
Улучшение экологической ситуации	76,19%	69,49%	71,43%	74,89%	74,00%	73,88%
Развитие инфраструктуры здравоохранения	57,14%	58,19%	28,57%	56,62%	60,00%	57,65%
Повышение благосостояния населения	49,02%	55,37%	64,29%	55,71%	46,67%	50,93%
Воспитание культуры самосохранения и здорового образа жизни	48,74%	50,28%	57,14%	50,68%	48,33%	49,44%
Развитие спортивной инфраструктуры	36,97%	46,89%	7,14%	41,10%	41,67%	40,30%
Регулярное прохождение проф. осмотров	26,89%	11,30%	28,57%	19,63%	22,67%	21,64%
Другие факторы	-	-	-	-	-	0,56%

ния культуры самосохранения и здорового образа жизни — это именно то, что человек может реализовать самостоятельно. Однако стоит отметить, что это существенно меньше, чем доля тех, кто считает, что здоровье зависит от нас самих (свыше 90%). Более того, укрепление собственного здоровья является ценностью только для 46,8% респондентов. Это свидетельствует о том, что в реальности только половина респондентов готова нести ответственность за собственное здоровье, несмотря на теоретические знания о важности самосохранительного поведения. Вместе с тем молодой возраст и общее хорошее самочувствие также могут выступать причинами недостаточно пристального внимания к здоровью среди опрошенных.

Ответы респондентов на вопрос о том, что такое здоровый образ жизни, распределились следующим образом (табл. 2). Вне зависимости от социально-демографических характеристик первое место занял ответ, отражающий ориентацию респондентов на сохранение здоровья в целом, во всех его проявлениях (45,9%). Эта ориентация чуть сильнее у мужчин, чем у женщин (49,7% против 43,7%) и более ярко выражена у работающих, чем только учащихся (50-52% против 41,7%).

На втором месте — определение здорового образа жизни как соблюдения режима дня и правильного питания (31,7% в целом по выборке). Однако наблюдаются значительные различия в ответах в зависимости от социально-демографических характеристик респондентов. Так, данная ориентация более выражена в ответах женщин (37,3%), а также учащихся

Таблица 2

Определение здорового образа жизни, % опрошенных

Варианты ответов	Пол респондента		Занятость респондента			Всего
	женский	мужской	работа	работа и учеба	учеба	
Это возможность делать то, что приятно	3,08	5,08	21,43	2,28	3,00	3,73
Это занятия спортом и закаливание	3,64	11,86	0,00	5,94	7,00	6,34
Это образ жизни, направленный на сохранение здоровья	43,70	49,72	50,00	52,05	41,67	45,90
Это соблюдение режима дня и правильного питания	37,25	20,90	21,43	25,57	37,00	31,72
Затруднились ответить	12,32	12,42	7,14	14,6	11,33	12,31
Итого	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00	100,00

(37%) и учащихся и работающих одновременно (25,6%). Отдельно стоит отметить ярко выраженное понимание здорового образа жизни как возможности делать то, что нравится, у 21,4% работающих респондентов, что может свидетельствовать о высоком уровне стресса на рабочем месте и/или неинтересной, нелюбимой работе.

Таким образом, наше исследование еще раз подтверждает важность поведенческих факторов в формировании здоровья населения. Также существенную роль в повышении уровня здоровья играют социально-экономические факторы, такие как состояние окружающей среды, доступность и качество медицинской и спортивной инфраструктуры, благосостояние населения, что определяет приоритеты государственной и региональной социально-демографической политики.

Благодарность

Публикация подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 18-010-01049 «Методология и методика системной оценки взаимосвязи средовых факторов и здоровья населения в задаче устойчивого развития регионов России».

Список источников

1. Асланов Д.И. Факторы и условия, определяющие формирование здоровья человека // Управленец. — 2011. — № 3-4. — С. 68-71.

2. Национальный мониторинг здоровья населения ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116194 (дата обращения 22.04.2019).

3. Рахимова Е.А. Отношение к здоровью учащейся молодежи // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. — 2012. — № 9 (91). — С. 134-139.

4. Устав ВОЗ [Электронный ресурс]. URL: http://www.who.int/about/mission/ru/ (дата обращения 22.04.2019).

Информация об авторе

Макарова Мария Никитична (Россия, Екатеринбург) — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра исследований социоэкономической динамики, Институт экономики УрО РАН (620014, Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: maria_makarova87@mail.ru)

Makarova M.N.

Health factors in the estimates of youth: the results of sociological research

The article presents the results of a pilot sociological survey devoted to the study of public health factors. We conducted a survey with 537 people participated being mostly students of the city of Yekaterinburg. The results of the survey showed that both socio-economic factors (environment, availability and quality of medical and sports infrastructure, well-being of population) and behavioral factors (stress, diet, physical activity, healthy lifestyle) are important for improving population health. The results of the survey can be used to form the priorities of both state and regional socio-demographic policy, and to develop social programs for students at the University level.

Keywords: health factors, youth, survey

Author

Makarova Mariya Nikitichna (Russia, Ekaterinburg) — Candidate of Economics, senior researcher at Centre of socioeconomic dynamics research, Institute of Economics, the Urals branch of Russian Academy of Sciences (620014 ,Yekaterinburg, 29, Moskovskaya st., e-mail: maria_makarova87@mail.ru)

References

1. Aslanov D. I. Factors and conditions determining the formation of human health // Upravlenets. — 2011. — No. 3-4. — P. 68-71.

2. National monitoring population health by VTSIOM. [Electronic resource]. URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116194 (accessed 22.04.2019).

3. Rakhimova E. A. Attitude to the health of students // Scientific notes of the University named after P. F. Lesgaft. — 2012. — No. 9 (91). — P. 134-139.

4. The WHO Constitution [Electronic resource]. URL: http://www.who.int/about/mission/ru/ (accessed 22.04.2009).

УДК 312:173

Максакова Л.П.

СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА В АСПЕКТАХ ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО СТАРЕНИЯ[1]

Актуальность изучения социальной работы как вида трудовой деятельности обусловлена нарастающим демографическим старением. Целью данной работы является оценка состояния оказания услуг на дому уязвимым категориям населения, нуждающегося в посторонней помощи, и обоснование путей решения проблемы. Это новое направление исследований и для автора, и для Республики Узбекистан.

Ключевые слова: воспроизводство населения, демографическое старение, уязвимые категории, социальная работа, зарубежные практики, подготовка кадров.

В настоящее время демографическое старение является одной из важнейших характеристик мирового населения. Оно выражается в увеличении доли пожилых и старых людей в общей численности населения. Процессы старения населения обозначились в середине XX века, на что обратили внимание известные демографы А. Сови, А.Я. Боярский, Ц. Урланис, Э. Коул и другие. Они выявили, что основными факторами старения населения являются снижение рождаемости (старение «снизу») и рост продолжительности жизни населения (старение «сверху») [3, с. 77-78], и определили основные показатели его измерения. [4, с.70-71]. В новом веке демографическое старение планеты развивается нарастающими темпами, захватывая даже развивающиеся страны. В мировом населении число людей 65 лет и старше растет в 2,2 раза быстрее его общей численности[2]. На территории СНГ быстро стареет население России, Украины, Молдовы, Грузии, Армении, Казахстана. В Узбекистане, несмотря на устойчивый и достаточно высокий уровень рождаемости, эти процессы тоже наметились. По данным Госкомстата республики, за последние три десятка лет доля детей и подростков сократилась с 43 до 30 %, а лиц пенсионного возраста — поднялась с 7,6 до 9,0%.

Демографическое старение сопровождается увеличением численности пожилых и старых людей, многие из которых попадают в уязвимые слои населения и не могут обходиться без посторонней помощи. Причинами могут быть инвалидность, утрата трудоспособности, перенесенные тяжелые заболевания и т.д. Нередко положение их усугубляется сокращеним доходов, невысокими пенсиями и пособиями, малыми инвестициями в престарелых, перекладыванием ответственности по поддержанию пожилых людей на семью, недостаточной медицинской помощью. Не случайно у людей этой категории населения возникает ощущение своей бесполезности, ненужности ни семье, ни обществу. Когда люди попадают в такое трудное положение, проблема обслуживания ложится главным образом на семью.

---

[1] © Максакова Л.П. Текст. 2019

[2] World Population, Data Sheet. Population Reference Bureau, 2010-2016гг.

Нередко кому-то из членов семьи приходится оставить работу, чтобы обслуживать своих родственников в сложившейся ситуации. Для решения этой проблемы возникает необходимость формирования института социальных работников, которые могут оказывать реальные услуги по оказанию помощи, реабилитации таких категорий населения и вывода их из состояния уязвимости.

Социальная работа представляет собой одну из форм социального обслуживания, основной целью которого является обеспечение населения доступными социальными услугами надлежащего качества, создающими благоприятные условия не только для достойного существования, но для поддержания качества человеческого капитала. Особенно важно, что оно позволяет сохранять и развивать социальное положение личности в уязвимых слоях населения. [1]. На международном Конгрессе Федерации социальных работников (Копенгаген, июнь 2001г.) было определено, что социальная работа — это «профессиональная деятельность по организации помощи и взаимопомощи людям и группам, попавшим в трудные жизненные ситуации, их психосоциальной реабилитации и интеграции».

Социальная работа как профессия зародилась на рубеже Х1Х-ХХ веков. В ее становление и развитие огромный вклад внесли европейские страны, прежде всего Германия и Франция, затем другие страны Европы. В 1928 г. в Париже был учрежден Международный совет по социальному благосостоянию, в функции которого входила координация усилий различных стран в сфере социальной работы.

В современном мире социальная работа как вид трудовой деятельности осуществляется повсеместно во всех странах мира. Но как научное понятие оно не вошло в широкий научный оборот и требует дальнейших исследований как с научно-методологической, так и с практической точек зрения. Очень точное определение этого вида деятельности дал российский исследователь Р. Баркер: «предоставление конкретных социальных услуг людям для удовлетворения потребностей, необходимых для их нормального развития, людям, зависящим от других (тем, кто не может сам о себе позаботиться)» [1, с.133]. Приоритетными группами для оказания услуг являются граждане, находящиеся в опасном или беспомощном состоянии: это инвалиды, дети-сироты, пожилые люди, одинокие престарелые и пенсионеры.

Одним из видов социальной работы является оказание услуг на дому. В мире накоплен обширный опыт работы по оказанию услуг на дому. Это разнообразные виды социальной работы по бытовому обслуживанию уязвимых слоев населения: доставка обедов и продуктов на дом, купание в ванне, мытье, стрижка, стирка, смена белья, транспортные услуги, гимнастика с помощью инструктора, благоустройство квартир и т.д. Определенная часть социальной работы направлена на приобретение этими людьми навыков и умений, которые со временем помогут им адаптироваться и в большей мере рассчитывать на собственные силы. К таким видам работ относятся обучение навыкам самообслуживания, приобретение умений приготовления пищи, пользования общественными местами.

В условиях демографического старения важным направлением по оказанию социальных услуг в европейских странах является внедрение целого ряда профилактических мер по поддержанию активной жизни пожилого населения, предотвращению сугубо «старческих недугов». Во многих странах (из СНГ — в Беларуси) функционируют «институты третьего возраста» или «университеты третьего возраста», работающие с целевыми группами населения старше 50 лет. В них с помощью инструкторов — пожилых волонтеров — организуются компьютерные курсы, настольные игры, творческие студии, охватывающие различные виды искусств, поддержание физической активности, спортивные занятия, организация досуга.

Достаточно распространено оказание медицинской помощи на дому. Она осуществляется по двум основным направлениям. С одной стороны, обслуживание на дому происходит в форме дневного пребывания в стационаре, проведения периодических курсов оздоровительного лечения при сочетании со стационарным обслуживанием. Дневные центры социального обслуживания укомплектованы социальными работниками и специалистами требуемого профиля (психологи, терапевты, медсестры, инструкторы и т.д.). С другой стороны, медико-санитарное обслуживание осуществляется непосредственно на дому. Во многих странах приоритетным является именно обслуживание на дому. Причем современной тенденцией является повышение приоритетности домашнего пребывания людей, нуждающихся в особой защите. Во Франции, Финляндии, например, приоритет отдается нестационарным услугам. В результате число домов для престарелых и количество клиентов в них неуклонно уменьшаются с одновременным увеличением числа пансионатов и домов с полным обслуживанием для престарелых, а также предоставлением услуг на дому, оказанием помощи по личным вопросам.

Социальная работа имеет и огромное общественное значение. В решениях Международного Конгресса Федерации социальных работников (Копенгаген, июнь 2001г.) отмеччается, что «профессиональная деятельность социальных работников способствует общественным изменениям, решению проблем человеческих взаимоотношений; содействует укреплению способностей к функциональному существованию в обществе и освобождению людей в целях повышения их уровня благополучия».

Большую роль в обеспечении социального благополучия людей играет государство. В современном мире сложились две основные модели социального обслуживания — американская и европейская. Они существенно отличаются друг от друга. Исторически системы социальной защиты зародились в Европе, и в большинстве стран — по инициативе государства, поэтому здесь сложился и до настоящего времени преобладает государственный тип социальной поддержки населения. В отличие от нее, американская модель ориентирована на всемерное привлечение частных инициатив при минимальном участии государственных структур. Обе эти модели предполагают необходимость профессиональной социальной работы, но в евро-

пейских странах высокая степень участия государства обеспечивает больше гарантий и возможностей для поддержки своих граждан.

В Европе помощь уязвимым слоям населения оказывают широкий круг организаций, которые оплачивают расходы за предоставляемые услуги за счет государственных фондов, пожертвований отдельных граждан и гонораров, а также местные власти, которые обеспечивают большую часть социальных услуг в дневных центрах, пансионатах и общежитиях, больницах, интернатах или дневных школах.

Обобщая зарубежные практики социальной работы, следует выделить следующие ее направления:

— социальная терапия на индивидуально-личностном и семейном уровне, оказание услуг на дому;

— социальная работа в общине, по месту жительства, с охватом большего круга пользователей и расширением сети услуг;

— социальная работа с группами, образованными по объединяющим признакам (пол, возраст, профили услуг, схожесть проблем, интересов и т.д.).

Исходя из своих возможностей и приоритетов, каждая страна вырабатывает собственные подходы и механизмы социального обслуживания населения. В Узбекистане уязвимые слои населения являются объектом особой заботы и государственной поддержки. Здесь сложилась скорее европейская модель социального обслуживания. Принятый закон «О социальных услугах для престарелых, инвалидов и других социально уязвимых категорий населения» (№ ЗРУ-415 от 26 декабря 2016 г.) регулирует эту сферу деятельности. Законодательством Узбекистана определены следующие виды социальных услуг: услуги социального сопровождения и консультативные услуги, социальные услуги в учреждениях дневного и (или) кратковременного пребывания, в интернатных учреждениях и на дому [1].

По данным Госкомстата республики, социальная защита населения имеет достаточно большие и растущие масштабы. В 2017 году численность лиц, получивших пенсии и пособия, составила 3488,9 тыс. человек, что в 1,4 раза больше, чем в 1991 году[2]. Из них 2568,3 тыс. человек получили пенсии по возрасту и 920,6 тыс. человек — по инвалидности, потере кормильца, социальные пособия. Государство финансирует детские интернатные учреждения, особое внимание уделяя домам — специальным интернатам для детей с инвалидностью[3]. В 2019 году при Министерстве здравоохранения Узбекистана было создано Агентство по медико -социальной помощи населению, одной из функций которого является курирование социальной работы.

---

[1] Закон Республики Узбекистан «О социальных услугах для престарелых, инвалидов и других социально уязвимых категорий населения» (№ ЗРУ-415 от 26.12. 2016 г.), Статья 13.

[2] Семья в Узбекистане 2013-2017 / Государственный комитет Республики Узбекистан по статистике. — Ташкент, 2018. — С. 151

[3] Там же. — С. 154-157.

В указанном выше законе сформулированы принципы социальных услуг, соответствующие условиям республики и международным практикам применения. Основными из них определены: законность, соблюдение прав человека, гуманность, доступность, профилактическая направленность, добровольность и адресность (Статья 3). Как показывают международные практики, они согласуются с основными принципами социального обслуживания очень многих стран.

В законодательстве Узбекистана предусмотрены точные механизмы выявления категорий граждан, нуждающихся в предоставлении им современных услуг, в том числе на дому. Оцениваются условия жизни лица, нуждающегося в социальной помощи, разрабатывается индивидуальная программа социальных услуг, ведется мониторинг ее выполнения. Результаты мониторинга являются основанием для пересмотра или прекращения индивидуальной программы.

Однако при достаточно динамичном развитии сферы социального обслуживания именно в области социальной работы имеется немало проблем, требующих своего решения. Прежде всего, при всех позитивных сдвигах, масштабы социального обслуживания недостаточны, особенно на дому. По данным Госкомстата, в 2016 году в Узбекистане государственную социальную помощь на дому получили 14,7 тыс. человек, в 2017 — 15,3 тыс., а число социальных работников составило соответственно 2,2 и 2,0 тыс. человек[1]. По данным Агентства по медико-социальной помощи населению, они оказывают услуги по бытовому обслуживанию (приобретение и доставка на дом продуктов питания, необходимых промышленных товаров и медикаментов, содействие в приготовлении пищи и уборке, осуществлении гигиены). Однако и размеры социальной работы, и основные направления деятельности свидетельствуют о недостаточном развитии этой сферы обслуживания.

Зарубежный опыт характеризуется большим разнообразием и организаций, предоставляющих социальные услуги, и самих услуг. В развитых странах система социального обслуживания представлена целой сетью организаций по оказанию широкого спектра социальных услуг. Среди них стационарные, нестационарные, обслуживание на дому, системы срочного обслуживания и т.д. Наиболее востребованными являются обслуживание на дому (услуги сиделки, оказание разовых социально-бытовых услуг). В развитых странах спектр социального обслуживания тоже значительно шире. В частности, он охватывает целый ряд услуг по реабилитации людей в послеоперационный период, при тяжелых заболеваниях, ампутациях и т.д. Многие услуги оказываются на платной основе, но они в определенной мере освобождают семью от полной ответственности за своих членов, оказавшихся в тяжелом положении. Имеются практики организации санаториев на дому, т.е. оказание больным людям из уязвимых слоев медицин-

[1] Государственный комитет Республики Узбекистан по статистике. Социальная защита населения Узбекистана, 2017 год. — Ташкент, 2018. — С. 9.

ских услуг на дому в течение 21-24 дней по полной программе стационарного санаторного лечения.

Большое внимание уделяется реабилитации населения трудоспособного возраста, особенно молодым людям, оказавшимся в сложной жизненной ситуации. Важнейшим приоритетом в этом направлении является обеспечение эффективной работы по возвращению людей этой категории к трудовой деятельности.

В настоящее время в Узбекистане назрела необходимость расширения возможностей предоставления социальных услуг. По мнению исследователей, махалля, являясь механизмом реализации адресной социальной политики республики, действительно осуществляет немалую работу в этом направлении, «но в условиях быстро развивающегося и модернизирующегося общества комплексное решение проблем возможно при участии социальных служб, осуществляющих профессиональную помощь нуждающимся» [2, с. 372-374]. Как показывает опыт развитых стран, эффективная организация социальной работы требует создания необходимой законодательной и нормативной базы, развитой инфраструктуры, сложившейся в соответствии с национальными и историческими особенностями населения, а также системы профессиональной подготовки кадров и специалистов для такой сферы деятельности.

С развитием социальной работы как вида трудовой деятельности возникла потребность в соответствующей подготовке кадров. Первые школы социальной работы и профессиональные организации социальных работников появились в начале XX века в Бельгии, Норвегии, Италии. В Швеции и других европейских странах в эти годы стали создаваться институты, готовившие социальных работников. Соответственно расширялись масштабы и разнообразились виды социальной работы.

В 1930-е годы прошлого века подготовку специалистов по социальной работе стали осуществлять практически все европейские страны. В них постепенно формировались национальные школы по подготовке социальных работников, с учетом культурных и национальных особенностей стран, степени зрелости и характера взаимодействия различных социальных институтов, уровня профессионального образования. В настоящее время профессиональная подготовка социальных работников приобрела огромные масштабы. Только в Европе существует свыше 500 специализированных учебных заведений и факультетов в вузах по этому направлению обучения. Достаточное развитие сфера профессиональной подготовки получила также в США, Канаде, Австралии, Новой Зеландии и других странах.

Социальная работа является достаточно сложной и эмоционально нагруженной деятельностью. Это многопрофильная деятельность, к тому же социальная работа — это работа с особым контингентом пользователей, оказавшихся в трудных жизненных ситуациях. Она предъявляет особые требования к личности специалиста. Поэтому подготовка специалистов требует обучения по целому комплексу дисциплин: социологии, педагогике, психологии, праву, медицине, теории управления. Обучение происхо-

дит с учетом специализации будущей работы. Продолжительность вузовской подготовки по социальной работе составляет от двух до четырех лет. В США существуют три уровня подготовки социальных работников: начальный уровень, магистратура и докторантура.

С распадом советской системы необходимость социальной работы как самостоятельной формы профессиональной деятельности и подготовки кадров для этой сферы возникла и в государствах СНГ. Об этом, в частности, свидетельствуют сложившиеся практики в постсоветских странах. В России, например, уже в начале 90-х годов стала формироваться система вузовской подготовки и переподготовки специалистов с высшим образованием по специальности «Социальная работа». В 1994/95 учебном году десять вузов России осуществили первый выпуск профессиональных социальных работников. В настоящее время в российских вузах по очной, заочной и очно-заочной формам обучается более 30 тыс. будущих социальных работников. В подготовке специалистов по социальной работе в России участвует более 3 тыс. преподавателей, две трети из них — доктора и кандидаты наук, профессора и доценты [5].

В Узбекистане в настоящее время подготовка социальных работников осуществляется в Национальном университете Узбекистана, в некоторых вузах Ферганской долины, но в относительно небольших размерах. В регионах республики проводится подготовка этих работников и среднего профессионального уровня. Но в целом масштабы ее недостаточны. Из-за ограниченности или отсутствия возможностей получения квалифицированной помощи на дому людям приходится обращаться за помощью к частным лицам, не имеющим соответствующей профессиональной подготовки. Следует отметить также, что в Узбекистане действительная потребность населения в социальном обслуживании на дому неясна.

В современном мире проблема подготовки и переподготовки специалистов по социальной работе стоит все острее. По прогнозным оценкам, в предстоящие 25 — 30 лет население республики демографическое старение будет более интенсивным, около половины прироста численности населения будет происходить за счет лиц пенсионных возрастов. К этому надо заранее готовиться. С учетом таких перспектив и специфики этой сферы деятельности необходимо формирование многоступенчатой, многоуровневой системы подготовки и переподготовки социальных работников, соответственно с особенностями социально — экономического и демографического состояния страны и ее регионов.

С учетом международного опыта в Узбекистане следует уделить внимание следующим направлениям решения данной проблемы:

— совершенствование законодательства о социальном обслуживании населения;

— создание специализированных организаций по обеспечению адаптации граждан, находящихся в трудной жизненной ситуации и нуждающихся в особой поддержке;

— разработка стандартов обслуживания на дому и в специализированных учреждениях;

— усиление партнерства государственных, негосударственных, благотворительных организаций и бизнеса в сфере социального обслуживания населения, в частности, по созданию специального фонда по социальной поддержке особо уязвимых слоев населения;

— расширение подготовки кадров для профессиональной социальной работы в образовательных учреждениях различного уровня, включая курсовое обучение в системе среднего профессионального образования, а также высшие учебные заведения;

— организация научных исследований в области социальной работы, с изучением возможностей использования зарубежного опыта применительно к условиям республики;

— более широкое привлечение волонтеров к работе по социальному обслуживанию населения;

— ориентация на активные формы социальной защиты, содействие вовлечению в трудовую деятельность людей с ограниченной трудоспособностью, внедрение удачных зарубежных практик социального предпринимательства;

— внедрение социальных инноваций на основе адаптации лучших зарубежных практик.

Список источников

1. Малофеев И. В. Развитие системы социальных услуг для населения: опыт и проблемы // Учёные записки ЗабГУ. Серия: Философия, социология, культурология, социальная работа. — 2012. — № 4.

2. Мирзахолов Х. Т. Социальная работа: концепция, проблемы, перспективы // Молодой ученый. — 2016. — № 5. — С. 372-374.

3. Сови А. Общая теория населения.Т.2. — М.: Прогресс, 1977. — С. 77-78.

4. Сови А. Общая теория населения.Т.2. — М.: Прогресс, 1977. — С. 70-71.

5. Становление системы подготовки социальных работников в России: достижения и проблемы [Электронный ресурс]. URL: https://studopedia.org/3-117914.html

Информация об авторе

Максакова Людмила Петровна (Республика Узбекистан, Ташкент) — доктор экономических наук, гл. научный сотрудник, Международный неправительственный благотворительный Фонд «Саглом авлод учун» («За здоровое поколение») (Узбекистан, 100047, г. Ташкент, ул. Истикбол, 15; e-mail: Lyudmila.maksakova@gmail.com)

Maksakova L.P.

Social Work in the Aspects of Aging Demography

Due to increasing aging population, it is instrumental to study a social work as a type of employment. The purpose of this article is to assess the state of home-based services for vulnerable groups who need assistance, and to justify ways to solve the problem. This is a new research stream for the author/researcher and as well as for Uzbekistan.

Keywords: reproduction, aging, vulnerable categories, social work, foreign practices/experiences, staff training

Author

Maksakova Lyudmila Petrovna (Republic of Uzbekistan, Tashkent) — Doctor of Economics. Chief Scientific Officer, Saglom Avlod Uchun International Non-Government Charitable Foundation (For a Healthy Generation) (Uzbekistan, 100047, Tashkent City, Isticbol St., 15; e-mail: Lyudmila.maksakova@gmail.com)

References

1. Malofeev I.V. Development of the system of social services for the population: experience and problems // Uchenye zapiski ZabGU. Series: Philosophy, sociology, cultural studies, social work. — 2012. — No. 4.

2. Mirzaholov Kh. T. Social work: concept, problems, prospects // Young scientist. — 2016. — No.5. — P. 372-374.

3. Sowie A. General theory of population. Vol. 1. — M.: Progress, 1977. — P. 77-78.

4. Sowie A. General theory of population. Vol. 2. — M.: Progress, 1977. — P. 70-71.

5. Formation of the system of training social workers in Russia: achievements and problems [Electronic resourse]. URL: https://studopedia.org/3-117914.html

УДК 330.567.2: 332.68

Малыш Е.В.

ВЛИЯНИЕ РЕНТООРИЕНТИРОВАННОГО ПОВЕДЕНИЯ РАНТЬЕ НА СЕМЕЙНУЮ ПОЛИТИКУ[1]

В статье рассматривается различие понятий рентоориентированного поведения и поиска ренты в региональной экономике. Указываются направления влияния рентоориентированного поведения современных рантье на благосостояние домохозяйств в регионе.

Ключевые слова: рентоориентированное поведение, поиск ренты, рантье, благосостояние семьи, семейная политика.

Методологической основой системного анализа рентоориентированного поведения рантье нужно считать фундаментальную триаду «собственность — власть — нравственность» как общее условие функционирования общества и индивида. Основными факторами экономического поведения будут являться отношения распределения, экономической власти и собственности. Основные виды противоречий в современной российской рентной экономике связаны: во-первых, с наличием разных типов экономического поведения экономических субъектов и, во-вторых, с противоречивостью и неоднозначностью развития постиндустриального общества.

Термин рентоориентированное поведение считаем некорректным. По итогам анализа триады «поведение — действие — деятельность» и исходя из основных понятий экономического поведения рентоориентированное поведение нужно называть рентоориентированной деятельностью. Подмена понятий произошла, по нашему мнению, из-за того, что в определении ренты указывается на непроизводительный характер действий рантье. Сейчас следует говорить не только о традиционных ресурсных факторах производства, которые, будучи задействованными в процессе производства, приносят своим владельцам некий сверхдоход, столько о неэкономических ресурсах, также способных генерировать рентные доходы. В современной экономике источник рентных сверхдоходов следует связывать не столько со сферой производства благ, сколько со сферой их обмена (обращения) и потребления, поведения экономических субъектов. В экономической теории исследованием проблем поведения социально-экономических агентов занимаются представители институционального подхода. Проявление рентных отношений в современной экономике в рамках институционального подхода происходит в виде рентоориентированного поведения.

Для всех субъектов рентных отношений характерно рентоориентированное поведение, обусловленное рентным интересом, т. е. действиями, направленными на получение рентного дохода. В рамках институционализма исследование рентных отношений значительно усложняется: в экономической системе появляются не только те рентные доходы, образование и присвоение

[1] © Малыш Е.В. Текст. 2019.

которых происходит в результате действия естественных факторов, но есть и различные виды ренты, которые создаются искусственно, вследствие действия отрицательных стимулов и поведения социально-экономических агентов. Эта концепция получила название теория «поиска ренты». Возможность получения ренты является основным стимулом для владельцев ресурсов искать варианты их наиболее выгодного размещения. Но достижение наиболее выгодного результата возможно двумя путями.

Первый путь — расширение предложения товаров и услуг в рамках производительной деятельности на базе традиционных ресурсов — называют «поиском прибыли». Второй путь — в процессе усовершенствования ресурсов предприниматель делает их всё более редкими и уникальными, предложение ресурсов не является эластичным, в процессе своего использования подобные ресурсы приносят в составе выручки от реализации продукции, созданной с их участием, всё большую рентную составляющую. Процесс называют «поиском ренты».

А.П. Заостровцев, изучая отличие поиска ренты от поиска прибыли, делает вывод в том, что «поиск прибыли имеет место тогда, когда размещение ресурсов ради получения ренты генерирует рост общественного благосостояния, поиск ренты — когда размещение ресурсов ради той же цели обусловливает потери общества» [10, с. 34]. Политическую ренту ряд исследователей изучают в русле рентоориентированного поведения. Среди исследователей есть мнение, например у Е.А. Дориной, что частный капитал, «интегрируясь в политический процесс, извлекает прибыль или политическую ренту, т. е. приобретает право использовать процесс достижения межгруппового согласия для извлечения дополнительных привилегий» [7, с. 69]. Таким образом, нет разницы между рентоориентированным поведением и политической рентой. Зарубежные ученые-экономисты, основатели теории поиска ренты, не делая различий в терминах (рентоориентированное поведение и поиск ренты), ответственным за поведение называют государство, которое, вмешиваясь в экономику, нарушает рыночное равновесие и влияет на принятие решений экономическими субъектами.

В отечественных экономических учебниках о поиске ренты или рентоориентированном поведении упоминается редко. Так, в учебнике под авторством Р. Нуреева [13] можно найти описание рентоориентированного поведения; определение дается по указанным выше иностранным источникам. За сравнительно небольшой период отечественных исследований в современной российской литературе можно встретить следующее терминологическое разнообразие применения рентных отношений в институциональной среде: рентоориентированное поведение, погоня за рентой, поиск ренты. При этом некоторые авторы проводят разделение рентоориентированного поведения и погони за рентой. В этом ключе написана работа О.В. Архиповой: «Погоня за рентой <…> возникает вследствие асимметричности информации и агентских отношений в общественном секторе» [4, с.15]. Автор сужает терминологическое наполнение рентоориентирован-

ного поведения до погони за рентой и связывает погоню исключительно с бюрократией. Другие исследователи не видят различий в терминах, и для них рентоориентированное поведение и погоня за рентой означает одно и то же. В качестве примера можно привести работу А.В. Латкова, Н.Г. Барашова [5], в которой под рентоориентированным поведением понимают такое «поведением экономических агентов в условиях институциональной трансформации, когда индивидуальные усилия по максимизации стоимости порождают потери общества, а не выгоду для него» [5, с.13].

Ряд авторов (А.Н. Задорожная и П.А. Канапухин [9, 11]) связывают рентоориентированное поведение с другими видами поведения. Многие исследователи изучают оппортунистическое поведение. Российские ученые уделяют внимание проблемам оппортунистического и рентоориентированного поведения, в основном, в корпоративных институтах. В частности, О.Ю. Абросимова и М.Ю. Малкина [1] исследуют оппортунистическое поведение менеджеров организаций естественных монополий, которые по отношению к собственникам из монопольной прибыли извлекают корпоративную ренту, включенную в бонусы, заработную плату, в социальные выплаты. В.Ю. Волошина [6] изучает проблемы рентоориентированного поведения как части оппортунистического поведения с позиции преодоления административных барьеров. Искусственно создаваемый рентный поток делится между менеджментом предприятий и коррумпированными политиками, и бюрократами.

В результате исследования неформальной занятости на рынке труда Р.Л. Агабекян выделяет две группы «населения», проявляющиЕ подобное поведение, — это «чиновничество и директорат». Поведение этих субъектов «представляет собой использование служебного положения в целях присвоения чужой собственности или доступа к экономическим ресурсам и трансакциям, что позволяет максимизировать личный экономический интерес в ущерб интересам других экономических агентов (государства, организаций или частных граждан)» [3, с. 60]. Указанный феномен, по мнению Р.Л. Агабекян, близок к оппортунистическому поведению, но по смыслу шире его и именно он является основой неформальной экономики. Нельзя не согласиться с автором в том, что особенностью российского рентоориентированного поведения является его неявный характер и встроенность в социальную структуру.

Ю.Н. Лебедева изучает информационную асимметрию и бюрократизацию отношений органов власти и бизнеса, объясняет методы извлечения выгоды и ренты асимметричностью информации [12]: ценовая дискриминация; сегментирование потребителей; монополизм поставщиков; поиск ренты; политическое манипулирование. А.А. Соколов, изучая инсайдерский контроль в государственных корпорациях [15], указывает порядка десяти механизмов, приводящих к извлечению ренты. Это и необоснованно высокие зарплаты, бонусы и привилегии менеджмента, и чрезмерные непрофильные расходы, и злоупотребления в сфере проведения торгов, и использование оффшорных схем, и взятки, и «откаты», и другое.

Ряд авторов связывают рентоориентированное поведение *с* использованием политических институтов. Так, Р.Ф. Абубакиров, исследуя сферу рентоориентированного присвоения, указывает на то, что монопольная и политическая ренты связаны между собой, особенно в условиях ухудшения макроэкономических показателей развития экономики. Поведение экономических агентов изменяется под воздействием интересов социальных страт. «Кризисные явления вынуждают корпорации оптимизировать издержки, что находит отражение в сокращении финансирования социальных и экологических программ, уменьшении инвестиций в человеческий капитал компании» [2]. Н.Л. Саталкина указывает на то, что при трансформации экономических систем расширяется как численность, так и сфера влияния субъектов рентных отношений, разрастаются факторы образования ренты. Рентоориентированное поведение субъектов становится повсеместным и, что плохо, усиливает так называемый «неформальный» сектор экономики. Исследование Н.Л. Саталкиной находится в рамках поведенческой концепции рентных отношений, поэтому на первый взгляд вызывает сомнение сочетание терминов в теме диссертации и цели исследования: «система экономических взаимодействий рентных отношений» [14, с.104]. Но формулировки объекта и предмета изучения всё ставят на свои места. Объектом выбраны «экономические взаимодействия субъектов в системе поиска ренты», предметом — «экономические отношения, связанные с системой регулирования рентных отношений». Мы считаем, что употребление понятий «взаимодействия» и «отношения» в одном контексте может привести к синонимичности терминов и смешению понятий. Но в данной работе четко разделяются действия субъекта как субъекта экономики, его же и эти же действия как субъекта рентных отношений. Таким образом, Н.Л. Саталкина выделяет в рамках институциональной экономики и называет, по нашему мнению верно, особый тип поведения экономических субъектов, за которым закрепился устойчивый термин «поиск ренты» или «рентоориентированное поведение». Автор указывает на то, что при трансформации экономических систем расширяется как численность, так и сфера влияния субъектов рентных отношений, разрастаются факторы образования ренты. Рентоориентированное поведение субъектов становится повсеместным и, что плохо, усиливает «неформальный» сектор экономики.

О.В. Дремова, Д.И. Мацкуляк, А.В. Цурелин понимают под рентоориентированным поведением такое поведение, которое «направлено на получение материальных выгод (ренты) не из реальной прибыли, реального добавочного продукта, а из легального монопольного положения субъектов — государственных чиновников, субъектов бизнеса, из их доступа к государственным административным механизмам распределения ресурсов» [8, с. 75]. Суть любого рентоориентированного поведения состоит в том, государственные ресурсы, вовлекаясь в экономический оборот, приобретают свойство ограниченности и позволяют из узурпации каких-либо правомочий извлекать ренту. Когда в современных исследованиях употребляют термин «погоня за рентой», то чаще всего имеют в виду характер воздей-

ствия неких групп экономических субъектов на экономику. Особо изучается погоня за рентой, связанная с действиями государства. Здесь возможны две направления исследований: 1) бизнес использует государство для получения сверх\прибыли; 2) действия государств-рантье изучаются в разрезе «ресурсного проклятия», рента государства сравнивается с ресурсной рентой.

Есть авторы (А.В. Швецов, Н.К. Швецова), которые считают нужным применять к действиям государств-рантье термин «клановый капитализм» [16, с.104]. Принципом объединения субъектов в группу является интерес в поиске или погоне за рентой. Погоня за рентой будет целесообразна только в том случае, когда выгоды от получения ренты превышают расходы на ее получение. Цель групп лоббирования состоит в стремлении получить исключительные привилегии от государства, «законные» монополии, их целью является формирование и присвоение монопольной ренты. Группы лоббирования «искусственно» формируют высокие барьеры вхождения в бизнес. Основные расходы на погоню за рентой складываются из недопущения к рентным процессам тех, кто не заплатил за доступ к ренте. Искатели ренты объединяются в группы по стратегии лоббирования. Чем группа однороднее, чем она более мобильна как в погоне за рентой, так и в отсечении нежелательных участников группы от процесса погони. При этом понятно, что чем меньше численность группы, тем более эффективна она в действиях и легче поддается управлению.

Погоня за рентой может быть прямой и косвенной, легитимной и нелегитимной. Итак, в современной экономической литературе можно выделить две модели рентоориентированного поведения. Во-первых, модель конкурентного поиска ренты, авторство Р. Познера. Рента, полученная в результате монополизма, полностью теряется для общества. Во-вторых, модель неконкурентного поиска ренты, авторство г. Таллок. Рентоориентированное поведение здесь — это игра типа лотереи. Модель рассматривается в связи с анализом проблемы отдачи от масштаба рентоориентированного поведения. Под ним следует понимать лишь самое начало рентоориентированной деятельности, касаемое целевых установок. На этом уровне рантье решает вопрос о продуктивности своих рентных действий. Решается вопрос о выборе «поиска прибыли» или «поиска ренты». Соответственно, уже на этом уровне нужно решать вопрос о необходимости стимулирования продуктивной рентоориентированной деятельности и об ограничении контрпродуктивной. В рамках нашего исследования общепринятую терминологию — рентоориентированное поведение — мы считаем неверной, все действия рантье будем называть рентоориентированной деятельностью.

Введем понятие продуктивности рентоориентированной деятельности (по аналогии с понятием, применяемым в зарубежных источниках, — растрачивание рент, англ. rent dissipation). Она определяется отношением стоимости затрачиваемых ресурсов, которые вкладывает рантье, к величине рентных доходов, которые ему удалось присвоить. В продуктивной рентоориентированной деятельности лежит стимул для привлечения до-

полнительных ресурсов в те виды деятельности, где формируется рента. Положительные ренты характерны для конкурентной экономики и приводят к нормальному поиску ренты, которые характеризуется эффективным распределением ресурсов и справедливым присвоением рентных доходов. Привлечение новых ресурсов в эти отрасли создает новую стоимость. Контрпродуктивная рентоориентированная деятельность (отрицательная рента) способствует оттоку ресурсов из отраслей, их эффективным распределением вне отрасли, в которых была сформирована. Это возможно в условиях нерыночных ограничений, формируемых как государством и регионом, так и неконкурентной борьбой.

Основными целями семейной политики и демографического развития являются: стабилизация и улучшение демографической ситуации; создание условий жизнедеятельности семьи, обеспечивающих возможность выполнения ею своих основополагающих функций; реализация мер, направленных на улучшение благополучия семей; повышение уровня жизни населения. Современная рентная экономика — это экономика, приносящая семьям доход в виде социальных рент. Социальные ренты позволяют рантье формировать свое властное экономическое пространство, что приводит к перекосам в мотивации и к силовому присвоению результатов чужого труда.

Ключевым условием отнесения любого экономического агента к той или иной группе рантье-субъектов является характер ведения рентоориентированной деятельности. Если исторический рантье использовал в своей рентоориентированной деятельности в основном функции собственности, то современный кроме нее еще использует отношения власти. Современный рантье осуществляет следующие властные функции: 1) формирование мотивов для эксплуатации рентообразующих ресурсов в направлении минимизации использования; 2) создание целевых установок по управлению фондами рентных доходов для субъектов окружающей сферы и максимизации рентных доходов. Содержанием властного воздействия рантье являются: стремление реализовать отношения собственности; участие в управлении доходами, прибылью и рентой; концентрация своего места в коллективной организации труда; позиционирование субъективной роли в экономической деятельности; конкретизация рамок ответственности за результаты собственного труда и деятельности организации.

Введение понятия продуктивности рентоориентированной деятельности позволит определить границу, за которой деятельность рантье будет приносить отрицательные эффекты экономике. Соотношением стоимости затрачиваемых ресурсов, которые вкладывает рантье, к величине рентных доходов, которые ему удалось присвоить, и будет этой границей. В основе продуктивной рентоориентированной деятельности лежит стимул для привлечения дополнительных ресурсов в те виды деятельности, где формируется рента. Положительные ренты характерны для конкурентной экономики и приводят к нормальному поиску ренты, которые характеризуется эффективным распределением ресурсов и справедливым присвоением

рентных доходов. Привлечение новых ресурсов в эти отрасли создает новую стоимость. Контрпродуктивная рентоориентированная деятельность (отрицательная рента) способствует оттоку ресурсов из отраслей, их эффективным распределением вне отрасли, в которых была сформирована. Это возможно в условиях нерыночных ограничений, формируемых как государством, так и неконкурентной борьбой.

Список источников

1. Абросимова О.Ю., Малкина М.Ю. Особенности функционирования естественных монополий в современной России // Экономический анализ: теория и практика. — 2012. — № 12(267). — С.57-64.

2. Абубакиров Р.Ф. Механизмы реализации инновационных отношений в социальной сфере // Проблемы современной экономики. — 2008. — № 1. — С.55-58.

3. Агабекян Р.Л. Динамика и структура занятости в неформальной экономике современной России // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. — 2013. — № 2(46). — С. 56-62.

4. Архипова О.В. Анализ провалов государства и провалов рынка в сравнительной форме // Вестник Челябинского государственного университета. — 2010. — № 27. — С.12-16.

5. Барашов Н.Г., Латков А.В. Политические факторы цикла деловой активности в условиях рентоориентированного поведения // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. — 2009. — № 5. — С.13-17.

6. Волошина В.Ю. Административные барьеры как фактор динамики экономических институтов в транзитивный период развития России // Экономика и управление в России на рубеже веков: сб. статей. — Вып. 3. — Ростов на Дону: Изд-во СКАГС, 2005. — 299 с.

7. Дорина Е.А. Теоретико-методологические подходы к анализу политико-административных ресурсов крупных бизнес корпораций в России // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2012. — № 9-1. — С. 68-73.

8. Дремова О.В., Мацкуляк Д.И., Цурелин А.В. О коррупции в системе государственной службы и безопасности // Финансовая экономика. — 2011. — № 3-4. — С. 74-86.

9. Задорожная А.Н. Сущность и структура хозяйственного механизма // Омский научный вестник. — 2006. — № 4(38). — С. 157-160.

10. Заостровцев А.П. Теория общественного выбора: экономический анализ поиска ренты, бюрократии и диктатуры. — СПб: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов, 2009. — 220 с.

11. Канапухин П.А., Хаустов Ю.И. и др. Собственность и экономические интересы. — Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 2000. — 302 с.

12. Лебедева Ю.Н. Теоретические подходы к классификации асимметрии информации как экономического феномена // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 3. Экономика. Экология. — 2011. — № 1(18). — С. 25-31.

13. Нуреев Р. Курс микроэкономики. — М.: Норма-Инфра-М, 1998. — 463 с.

14. Саталкина Н.Л. Рента как экономическая основа российской экономики // Вестник научных конференций. — 2016. — № 2-2(6). — С. 103-104.

15. Соколов А.А. Инсайдерский контроль над государственными корпорациями и его последствия для российской экономики // Общество и экономика. — 2013. — № 3. — С. 122-133.

16. Швецов А.В., Швецова Н.К. Как развивать частный сектор // Вестник МОСИ. — 2015. — № 2. — С. 102-106.

Статья подготовлена в соответствии с планом НИР для ФГБУН «Институт экономики УрО РАН на 2019-2021 гг.».

Информация об авторе

Малыш Елена Владимировна (Россия, Екатеринбург) — кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: malysz.elena@mail.ru).

Malysh Y. V.

Influence of search of a rent on family policy

In article the difference of concepts of rent behavior and search of a rent in regional economy is considered. The directions of influence of search of a rent of modern rentier on welfare of households in the region are specified.

Keywords: rent-seeking behavior, search of a rent, rentier, welfare of family, family policy.

Author

Malysh Yelena Vladimirovna(Russia, Ekaterinburg) — Ph.D., Senior Research Associate, Institute of Economics Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (620014, Yekaterinburg, Moskovskaya St., 29; e-mail: malysz.elena@mail.ru).

References

1. Abrosimova O.Ju., Malkina M.Ju. Features of functioning of natural monopolies in modern Russia // Economic analysis: theory and practice. — 2012. — No.12(267). — P. 57-64.

2. Abubakirov R.F. Mechanisms of realization of the innovative relations in the social sphere // Problem of modern economy. — 2008. — No.1. — P. 55-58.

3. Agabekjan R.L. Dynamics and structure of employment in informal economy of modern Russia // Bulletin of the Belgorod university of cooperation, economy and the right. — 2013. — No. 2(46). — P. 56-62.

4. Arhipova O.V. The analysis of failures of the state and failures of the market in a comparative form // Bulletin of the Chelyabinsk state university. — 2010. — No. 27. — P. 12-16.

5. Barashov N.G., Latkov A.V. Political factors of business cycle in the conditions of rentooriyentirovanny behavior // Bulletin of the Saratov state social and economic university. — 2009. — No.5. — P. 13-17.

6. Voloshina V. Ju. Administrative barriers as a factor of dynamics of economic institutes during the transitive period of development of Russia // Economy and management in Russia at the turn of the century. Collection of articles. — Release 3. — Rostov to Dona: SKAGS publishing house, 2005. — 299 p.

7. Dorina E.A. Teoretiko-metodologichesky approaches to the analysis of political and administrative resources large business of corporations in Russia // Historical, philosophical, political and jurisprudence, cultural science and art criticism. Questions of the theory and practice. — 2012. — No. 9-1. — P. 68-73.

8. Dremova O.V., Mackuljak D.I., Curelin A.V. About corruption in the system of public service and safety // Financial economy. — 2011. — No. 3-4. — P.74-86.

9. Zadorozhnaja A.N. Essence and structure of an economic mechanism // Omsk scientific bulletin. — 2006. — No. 4(38). — P. 157-160.

10. Zaostrovcev A.P. Theory of the public choice: economic analysis of search of a rent, bureaucracy and dictatorships: monograph. — SPb.: Publishing house of Saint Petersburg State University of Economics and Finance, 2009. — 220 p.

11. Kanapuhin P.A., Haustov Ju. I. Property and economic interests. — Voronezh: Publishing house of Voronezh State University, 2000. — 302 p.

12. Lebedeva Ju. N. Theoretical approaches to classification of asymmetry of information as economic phenomenon // Messenger of the Volgograd state university. — Series 3. Economy. Ecology. — 2011. — No.1(18). — P. 25-31.

13. Nureev R. Microeconomics course. — M.: Norma-Infra-M, 1998. — 463 p.

14. Satalkina N.L. Rent as economic fundamentals of the Russian economy // Messenger of scientific conferences. — 2016. — No. 2-2(6). — P. 103-104.

15. Sokolov A.A. Insider control over the state corporations and its consequences for the Russian economy // Society and economy. — 2013. — No. 3. — P. 122-133.

16. Shvecov A.V., Shvecova N.K. How to develop the private sector // Messenger of MOSI. — 2015. — No. 2. — P. 102-106.

УДК 314.07

Мельникова А.С.

ОСОБЕННОСТИ ЖЕНСКОЙ ДИСТАНЦИОННОЙ ЗАНЯТОСТИ В ИНТЕРНЕТ-БИЗНЕСЕ[1]

Статья посвящена исследованию женской трудовой активности в интернет-бизнесе. В первую очередь такая активность проявляется в социальных сетях и интернет-магазинах. Если ранее активность в социальных сетях не приравнивалась к занятости, то на сегодняшний день появляется множество новых инструментов дистанционной занятости, которые позволяют женщинам получать дополнительный доход. Такой доход позволяет снизить дифференциацию в уровне жизни женщин с дополнительной репродуктивной и домашней занятостью. Еще одной особенностью трудовой активности в интернет-бизнесе является возможность управления временем занятости, своим доходом и, главное, возможностью быть трудоустроенными дистанционно без привязки к конкретной местности и необходимости переезда. Известно, что одним и основных препятствий для получения высокоэффективной работы в нашей стране является ее территориальная неоднородность. Это часто приводит к необходимости изменения места жительства, что неприемлемо для многих женщин именно с точки зрения своих семейных обязанностей. Также существенным препятствием для получения традиционной занятости могут стать финансовые возможности, в частности, переезда.

Возможность женской трудовой активности в интернет-пространстве позволяет выравнивать возможности женщин с различной позицией на рынке труда и снижает дискриминацию. Современные подходы к трудоустройству являются на сегодняшний день альтернативой занятости для женщин, имеющих семейные обязанности и не имеющих возможности оставлять семью на целый рабочий день. Также в дистанционную занятость могут быть включены женщины, имеющие ограничения по здоровью, учащаяся молодежь, желающие найти дополнительный заработок. Изучение особенностей женской активности в интернет-бизнесе, емкости рынка и финансовых возможностей — актуальная задача для исследователей.

Ключевые слова: *рынок труда, женщины, репродуктивный и домашний труд, дистанционная занятость.*

Дистанционная работа в последние годы стала полноправным элементом рынка труда России. Российское законодательство выделяет такой вид занятости, создается нормативно-правовое обеспечение и защита для участников такого вида трудовых отношений. Общество также становится

---

[1] © Мельникова А.С. Текст. 2019

Статья подготовлена при поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18–010–00774 «Исследование влияния развития дистанционной женской занятости на институт родительства».

более гибким в отношении своей занятости. Появляются целые профессии, связанные с интернет-технологиями, когда физическое присутствие сотрудника не- обязательно и можно разработать такую систему стимулирования, что необходимость в контроле времени работы может отпасть. Это существенно может сэкономить затраты финансовых средств на персонал, что крайне актуально в настоящее время. В первую очередь специалисты связывают это с быстрым развитием технологичных профессий и интернет-технологий. Снижение зависимости от месторасположения работника и работодателя дает возможность изменения характера и содержания труда, но большие изменения затронули процесс организации труда.

Дистанционная занятость на сегодняшний день является полноценным участником трудовых отношений и регламентируется трудовым законодательством. Так, под дистанционной занятостью законодательство РФ подразумевает выполнение с трудовым договором трудовой функции вне места нахождения работодателя…, вне стационарного рабочего места… при условии использования для выполнения данной трудовой функции и для осуществления взаимодействия между работодателем и работником по вопросам, связанным с ее выполнением, информационно-телекоммуникационных сетей общего пользования, в том числе сети «Интернет» (ст. .1 ТК РФ). Исходя из определения трудового законодательства дистанционная занятость прямо связана с интернет-бизнесом и интернет- коммуникациями. Федеральным законом от 05.04.20113 г. № 60-ФЗ были внесены изменения в Трудовой кодекс РФ, которые говорят о необходимости оформления дистанционной занятости между работником и работодателем трудовым договором. Трудовым кодексом даны разъяснения о возможности и порядке применении электронного документооборота при работе на дистанции. Исходя из законодательных норм, можно сделать вывод, что удаленная работа приравнена к традиционной, признана современным рынком труда, распространена и часто связана возможностями Интернета. Но при этом следует отметить, что многие проблемы трудовых отношений при удаленной занятости не решены, что отрицательно может повлиять на отношения работника и работодателя. Так, остается проблема организации рабочего места и его обеспечения, соблюдения графика работы, кадрового документооборота. Эти проблемы актуальны и требуют решения в ближайшие годы, поскольку дистанционная занятость занимает все большую долю на рынке труда. Так, автором проведено исследование предпочтений студентов выпускных курсов Уральского государственного экономического университета. Более 60% из них предпочитают в будущем работу с гибкой занятостью, работу на дистанции, проектную работу. Касательно времени работы современная молодежь также хотела бы самостоятельно решать, сколько часов необходимо для работы, и предпочитают более интенсивную работу в короткие сроки традиционной.

Также следует отметить низкую разработанность проблемы женской дистанционной занятости. Официальная статистика по такому виду занятости не ведется и для анализа доступны только эмпирические данные.

Ряд авторов [4] провели социологическое исследование занятости женщин, которое показало очень низкую распространенность (14%) дистанционной занятости женщин и, более того, практически полное отсутствие знаний о таком виде работы у женщин (30%). Это говорит о низкой распространенности удаленной работы среди работодателей, слабых социально-трудовых знаниях как работников, так и работодателей. При этом часть работодателей начинает понимать финансовую и организационную привлекательность удаленной работы и переводить сотрудников на альтернативные виды занятости. Дистанционная работа получает распространение в таких отраслях, как IT-технологии и сектор продаж.

К особенностям дистанционной занятости можно отнести, в первую очередь, профессиональную направленность такой работы. Параллельно с выделением наиболее значимых в этой сфере профессий проведем анализ половых предпочтений на рынке труда. Следует отметить разные подходы специалистов к оценке распространенности вакансий, но основные тенденции на рынке удаленной занятости анализ позволяет определить. Исследование [1] 2016 г. ранжирует привлекательность профессий следующим образом: IT-специалисты (24%), менеджеры по продажам (18%), бухгалтерия и финансы (11%), рекрутинг (10%), дизайн (9%). В этом рейтинге мы наблюдаем повышенное внимание к специалистам информационной направленности, где представлены чаще мужчины, и торговым представителям. Также здесь представлены преимущественно женские направления, такие как бухгалтерия, финансы и ректрутинг (21%). В рейтинге журнала ПрофиКоммент[1] наблюдается схожая картина, но содержит некоторые особенности. В 2019 г. были проанализированы ТОП-20 вакансий удаленной работы и представлены в виде списка по убыванию рейтинга. Первые 11 мест отданы традиционно профессиям, связанным с интернет-технологиями — разработка сайтов, обработка данных, продвижение сайтов, дизайн и наполнение сайтов: программист, вебмастер, копирайтер, контент-менеджет, SSM-специалист, веб-дизайнер, SEO- оптимизатор и т.д. Отметим, что по сложившейся традиции эти специальности преимущественно мужские. Далее идут 6 мест, которые условно можно связать с продажами, продвижением товара и рекламой: администратор интернет-магазина, маркетолог, директолог, менеджер по продажам и пр. В этих профессиях нет выраженного полового предпочтения работодателей. Следующим выделяется блок сферы услуг: переводчики и репетиторы. Здесь предпочтение часто отдается именно женщинам. Завершают рейтинг трейдеры — специалисты по финансовым операциям, где сложно выделить четкую зависимость привлекательности профессии от половой принадлежности.

Следующим был проведен анализ действующих вакансий (май 2019 г.) с сайта SuperJob, одного из лидеров предоставления услуг поиска работы в России. Исследование автора показало общие тенденции развития рынка дистанционной работы, но были найдены и различия. Максимальное

[1] См.: https://proficomment.ru/top-20-internet-professij-vakansii-udalennoj-raboty/ (доступ 15.05.2019 г.).

количество удаленных вакансий было зафиксировано по специальности менеджер по удаленным продажам (3230). Следующим по популярности следовал блок, связанный с разработкой и продвижением интернет-услуг: программист (1218), web-программист (419) и тестировщик ПО (148). Если в первой группе работодатели предпочитают брать на работу как мужчин, так и женщин, то при приеме технических специалистов чаще принимают мужчин. Следующие по популярности — рекрутер (129) и трейдер (112), где также либо половые предпочтения не выражены, либо преимущественно принимаются женщины. Отдельно была рассмотрена вакансия бухгалтер, которая в первом рейтинге заняла значительное место, она оказалась на 9-м месте (84).

Анализ рынка удаленной работы показал схожие тенденции по развитию профессиональной структуры по времени и источникам анализа. Также можно сделать вывод, что имеющая место градация по половому признаку присуща и интернет-работе, в которой большая часть вакансий принадлежит условно мужским профессиям. При этом дистанционная занятость женщин дает возможность решения многих актуальных проблем, включая совмещение с репродуктивной и домашней занятостью, равные возможности получения образования и дохода, неполную занятость в период ухода за детьми и т.д.

Рассмотрим особенности женской удаленной занятости с точки зрения ее преимуществ по сравнению с традиционной. Как уже отмечено выше, такая нестандартная занятость помогает снизить риски для женщин при выполнении ими репродуктивной и домашней занятости. Среди молодежи существует тенденция вступления в брак и рождения детей в более позднем, чем в предыдущих поколениях, возрастах. Это во многом связано с ограничениями в получении работы и дохода в период беременности, родов и ухода за ребенком. Также можно отметить важный для нашей страны вопрос удаленности работника и работодателя. Трудовая мобильность граждан России значительно менее распространена, чем в странах Европы и Америки. Так, если в нашей стране гражданин в среднем меняет место жительства 1,5 раза, то в других странах этот показатель варьируется около 7 раз. Это связано как с менталитетом людей, так и с объективными обстоятельствами, такими как слабо развитое жилищное законодательство, обширность территорий и финансовые возможности для переезда. Еще одним преимуществом можно назвать вовлечение в полную или частичную занятость людей с ограниченными возможностями, что сейчас становится популярным именно в интернет-бизнесе. Это также повышает возможности трудовой мобильности и вовлечения в трудовой процесс различных слоев.

Остановимся подробнее на репродуктивных функциях, поскольку именно они присущи в значительной мере больше женщинам, чем мужчинам. Под репродуктивным трудом специалисты понимают работу по жизнеобеспечению семьи, которая должна выполняться ежедневно. К такому труду относят: уход за детьми, уход за пожилыми родственниками, работу

по дому, уборку, приготовление пищи и т.д. Репродуктивный труд по напряженности может приблизиться к тяжелому мужскому труду, особенно у женщин, проживающих в сельской местности [3]. Такой труд присущ женщинам, не оплачивается и, как правило, сочетается с трудом по основной оплачиваемой работе. Исследования автора показали [2], что в целом женщины тратят на домашние обязанности на 31% больше, чем мужчины. При этом в исследовании были изучены ответы респондентов на вопросы о видах домашнего труда и трудозатрат на них. Всего было изучено 11 видов домашнего труда, включая традиционно женские и мужские. Если рассмотреть наиболее близкие к репродуктивным функциям виды труда, то сразу видна их женская направленность. Так, досуг с детьми, внуками, уход за ними у женщин занимает на 44,6% времени больше, чем у мужчин. Уборка квартиры — на 69,2%, приготовление еды — на 69,1% больше. Таким образом, каждая женщина, включая не имеющих детей и семьи, в среднем тратит 39 мин в день на выполнение домашних обязанностей. Но следует отметить, что у женщин, имеющих детей, время на репродуктивную и домашнюю работу значительно увеличивается. Анализ показал, что увеличение времени работы для женщин с детьми может составлять 8%, или 115,2 мин в день уже при появлении первого ребенка. В семьях с большим количеством детей увеличивается время ухода за детьми и выполнения домашней работы. Тогда как у мужчин заметной зависимости не обнаружено.

Еще один фактор следует учесть при оценке необходимости развития дистанционной женской занятости. Как уже было отмечено, женщины для выполнения репродуктивного труда тратят значительно больше времени, чем мужчины, и часто совмещают его с основной работой. Если проанализировать трудозатраты женщины, то они выше, чем у мужчин, при этом значительная часть такой работы не оплачивается, например, домашний труд. Женщина, работая больше, часто получает доход ниже мужчины, что сказывается на ее возможностях образования, мобильности, отдыха и медицинского ухода. Автором был проведен расчет потерь трудоспособного времени женщин, имеющих детей. Исследование показало, что рождение первого ребенка, с учетом пособий, отнимает у женщины 8% дохода всей трудовой деятельности. Имея двоих детей, женщина теряет 16% дохода, троих — 24%. В расчете финансовых потерь было учтено российское законодательство, включая оплату декретных, пособие на ребенка, возможность взять отпуск по уходу за ребенком до 3 лет. Такая ситуация вынуждает женщин искать нестандартные возможности занятости и совмещения работы с уходом за детьми. Особенно остро ситуация ощущается в неполных семьях, где снижение дохода значительно более остро ощущается на возможностях семьи, полноценного воспитания и ухода за ребенком.

На сегодняшний день государственные программы больше внимания уделяют защите работников при сохранении полного традиционного рабочего дня. Законодательство принимает возможность дистанционной работы, но уравнивает ее со стандартной. Наши расчеты показывают большую загруженность женщин всеми видами работы, включая уход за детьми. Это

дает основание говорить об их заинтересованности не столько в полном рабочем дне и его гарантиях, сколько в возможности самостоятельно решать, сколько она может потратить времени на основную или дополнительную работу, особенно, в периоды выполнения семейных функций. В этой связи дальнейшее исследование можно связать не только с возможностью привлечения женщин к удаленному труду и их социально-трудовой защите, но и новыми формами учета и распределения рабочего времени, формами неполной занятости, системами стимулирования, которые нацелены не на процесс работы, а на ее результат.

Список источников

Анненко П.Н. Дистанционная занятость как перспективная форма организации труда в России // Human Progress. — 2017. — Т. 3. — № 3.

Дистанционная женская занятость: специфика, проблемы и новые возможности: кол. моногр. / под ред. Н. В. Тонких; М-во науки и высшего образования РФ, Урал. гос. экон. ун-т. — Екатеринбург:Институт экономики УрО РАН, 2018. — 211 с.

Нарративный анализ негативных факторов в трудовой сфере / Федорова А. Э., Коропец О. А., Тонких Н. В. // Социодинамика. — 2017. — № 9. — С. 102–112.

Тонких Н.В. Исследование отношения женщин к социально-экономическим условиям дистанционной занятости // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. — 2018. — № 4 (64). — С. 153-166.

Информация об авторе

Мельникова Анна Сергеевна (Россия, Екатеринбург) — кандидат экономических наук, доцент, Уральский государственный экономический университет (Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 62; e-mail: anuta_kk@mail.ru).

Melnikova A.S.

Features of women's remote employment in internet business

Article is devoted to a research of female labor activity in Internet business. First of all such activity is shown on social networks and online stores. If earlier the activity on social networks was not equated to employment, then today there is a set of new tools of remote employment which allow women to gain additional income. Such income allows to reduce differentiation in the standard of living of women with additional reproductive and house employment. One more feature of labor activity with Internet business is the possibility of management of busy time, the income and, the main thing, an opportunity to be employed remotely without binding to the concrete area and need of moving. It is known that some and main obstacles for receiving highly effective work in our country its territorial heterogeneity is. It often results in need of change of the residence that is not acceptable for many women in terms of the family duties. Financial opportunities, in particular, of moving can become also essential obstacle for obtaining traditional employment.

The possibility of female labor activity in the Internet space allows to level possibilities of women with various position in labor market and reduces discrimination. Modern approaches to employment are an employment alternative for the women having family duties and not having an opportunity to leave family for the whole working day today. Also remote employment can include the women having restrictions on health, the studying youth, persons interested to find additional earnings. Studying of features of female activity in Internet business, market capacity and financial opportunities a relevant task for researchers.

Keywords: labor market, women, reproductive and house work, remote employment.

Author

Melnikova Anna Sergeyevna (Russia, Yekaterinburg) — PhD Econ., associate professor, Ural state economic university (Russia, Yekaterinburg, on March 8 62; e-mail: anuta_kk@mail.ru)

References

1. Annenko P.N. Remote employment as a perspective form of the organization of work in Russia // Human Progress. — 2017. — Vol. 3. — No. 3.

2. Remote female employment: specifics, problems and new opportunities: stake. the monograph / under the editorship of N.V. Tonky; M-in sciences and the higher education of the Russian Federation, the Urals. state. экон. un-t. — Ekaterinburg: YuNIKA, 2018. — 211 p.

3. The narrative analysis of negative factors in the labor sphere / Fedorov of A. E., Koropets O.A., Thin N. V.// The Sociodynamics. — 2017. — No. 9. — P. 102-112.

4. Thin N.V. Issledovaniye of the relation of women to social and economic conditions of remote employment / Bulletin of the Omsk university. Series: Economy. 2018. No. 4 (64). Page 153-166.

УДК 332.01

Неганова В.П., Седельников В.М.

ЦЕННОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННЫЙ ПОДХОД В МАРКЕТИНГЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ[1]

Рассмотрены теоретические аспекты ценностно-ориентированного подхода в маркетинге взаимоотношений, а именно определена дефиниция понятия ценность. Выделены основные составляющие, а также ключевые принципы ценностно-ориентированного подхода. Сформированы классификации ценностей основных целевых аудиторий региона, таких как органы власти, население и бизнес.

Ключевые слова: ценностно-ориентированный подход, маркетинг взаимоотношений, целевые аудитории региона

В настоящее время в научном сообществе актуализируется проблематика задействования и вовлечения различных активных групп влияния в региональное стратегическое планирование. С одной стороны, это связано с внешними неблагоприятными условиями, такими как принятие санкций, и рассматривается как возможность консолидации различных групп общества внутри страны для решения ключевых экономических задач. Однако существуют и внутренние факторы, такие как снижение покупательной способности населения, падение курса рубля, которые не позволяют органам государственной власти и местного самоуправления в одиночку решить накопившиеся проблемы на федеральном, региональном и местном уровнях. Именно поэтому необходимо находить компромисс между различными целевыми аудиториями, их мнениями, запросами и проблемами [7].

При этом компромисс должен обеспечиваться как по вертикали (федеральный центр — регион — муниципальное образование через принятие соответствующих законов, стратегических планов и программ, взаимодействие с федеральными целевыми программами), так и по горизонтали (участие в общественных слушаниях при актуализации ключевых программ и стратегий развития региона, а также взаимодействие в форме кластеров или государственно-частного партнерства), а основным результатом данного компромисса является вовлечение в экономический оборот ресурсов всех субъектов для устойчивого развития экономики региона в целом [8].

Однако одного только вовлечения целевых аудиторий в процесс разработки и реализации региональных стратегий будет недостаточно, необходимо сделать так, чтобы они становились ключевыми акторами данных преобразований, которые имеют свои собственные права, обязанности, полномочия и ответственность. На наш взгляд, необходимо выделить те ценности каждой группы, которые существуют в настоящее время, с целью формирования новых общих совместных ценностей в стратегиях развития региона на перспективу.

[1] © Неганова В.П., Седельников В.М. Текст. 2019

Именно поэтому в дальнейшем мы будем придерживаться ценностно-ориентированного подхода при разработке и реализации региональных стратегий.

Исходя из данного подхода, ценность может рассматриваться как субъективная категория, формируемая в сознании потребителя и представляющая собой разность полученных потребителем выгод и издержек, связанных с приобретением товара [6].

В качестве основных принципов ценностно-ориентированного подхода в рамках маркетинга взаимоотношений могут быть названы:

Принцип предложения ценности — ценность фирмы помимо товара также включает послепродажное обслуживание, репутационные характеристики компании, желание вернуться за повторной покупкой, эмоциональное сопровождение и т.д.

Принцип развития взаимоотношений — ценность заключается в долгосрочном взаимодействии с клиентом, формировании особой потребительской заинтересованности, предоставлении особых условий или преференций при длительном взаимодействии.

Принцип совместного создания ценности — потребитель наравне с фирмой является одним из ключевых действующих лиц при совместном создании ценности, важное значение при этом приобретает личный опыт каждого из потребителей и совместный опыт взаимодействия.

Рис. *Основные составляющие ценностно-ориентированного подхода в маркетинге взаимоотношений*

Основные составляющие ценностно-ориентированного подхода в рамках маркетинга взаимоотношений представлены на рисунке. Рассмотрим их более подробно.

Как мы можем видеть из рисунка, первая составляющая ценностно-ориентированного подхода рассматривает ценность как объективную категорию результирующего фактора использования товара или услуги, которая складывается из соотношения результатов и затрат, различных классификаций ценностей (физиологических, психологических, социальных видов), а также потребительского опыта, формирующегося под влиянием внешних и внутренних факторов.

В рамках данной статьи для нас особый интерес представляет рассмотрение второй составляющей ценностно-ориентированного подхода — процесса создания ценности.

Исходя из рисунка, существуют три варианта процесса создания ценности:

Вариант 1. Центральная роль в этом процессе отводится компании, которая создает потребительскую ценность без участия потребителя.

Вариант 2. Совместное создание ценности, в котором участвует и компания, и потребитель.

Вариант 3. Преимущественная роль потребителя как создателя ценности, а компания больше рассматривается в контексте обеспечения данного процесса.

Как отмечает С.П. Кущ, в настоящее время происходит замена концепции простого экономического обмена концепцией обмена ценностями [3].

Рассмотрим классификации и специфику ценностей социально-экономического и нематериального характера для каждой целевой аудитории региона (органы власти, бизнес, население), что можно увидеть в таблицах 1, 2 и 3.

Как мы можем видеть из таблиц 1 — 3, и у органов власти, и у населения, и у бизнеса имеются свои ожидания, свои интересы и свои ценности. Так, население ощущает потребность в улучшении качества жизни, увеличении числа рабочих мест и улучшении экологии в регионе, органы власти — в стабилизации бюджетной ситуации в регионе, росте ВРП и развитии межрегиональных связей, а бизнес и инвесторы — в получении максимального дохода от вложенного капитала.

По отдельности каждая из сотрудничающих сторон, обладая определенными специфическими ресурсами, не способна удовлетворить все общественные потребности. Однако при объединении ресурсов достигается синергетический эффект, суть которого состоит в том, что итог партнерского взаимодействия дает не просто сумму объединенных ресурсов, а превосходящий результат [2].

Данный ценностно-ориентированный подход способствует выработке баланса интересов и экономически взаимовыгодных отношений у всех участников стратегического планирования и управления для обеспечения эффективного функционирования и развития территории, а также для до-

Таблица 1

Классификация ценностей региональных органов власти

Целевя аудитория региона	Ключевая задача целевой аудитории	Ценности
Органы власти	Создание условий для повышения качества жизни	1. Ценности социально-экономического характера
		Обеспечение достаточного количества рабочих мест, высокого уровня заработной платы, необходимой для поддержания покупательной способности населения и достижения высокого уровня жизни. Развитие инфраструктуры региона, основных систем его жизнеобеспечения. Финансовая стабильность, в т.ч. за счет грамотного перераспределения трансфертов между региональным и федеральным центрами. Поддержка отечественных товаропроизводителей, обеспечение продовольственной безопасности региона. Повышение инвестиционной привлекательности региона, создание условий для привлечения инвестиций. Рост валового регионального продукта (ВРП).
		2. Ценности нематериального характера
		Поддержание высокого имиджа и деловой репутации в глазах общественности. Налаживание механизма партнерства между основными целевыми аудиториями. Внедрение практик поощрения корпоративной социальной ответственности бизнеса.

Источник: составлено авторами на основании материалов [1], [4-6].

Таблица 2

Классификация ценностей населения региона

Целевая аудитория региона	Ключевая задача целевой аудитории	Ценности
Население	Максимальная вовлеченность в региональные стратегии развития	1. Ценности социально-экономического характера
		Повышение доходов населения, уровня и качества его жизни. Увеличение продолжительности жизни. Улучшение качества окружающей среды. Развитие потребительского рынка. Увеличение числла рабочих мест.
		2. Ценности нематериального характера
		Желание быть услышанными, привлечь внимание к своим социальным проблемам и заинтересованность в их решении с помощью бизнеса и власти. Заинтересованность в развитии механизмов получения финансовой поддержки от власти (гранты, конкурсы и т.д.) и бизнеса (социальные инвестиции бизнеса, социальная ответственность и т.д.) и в расширении источников финансирования. Заинтересованность в получении достоверной, полной и своевременной информации, в ее открытости и доступности и т. д.

Источник: составлено авторами на основании материалов [1], [4-6].

Таблица 3

Классификация ценностей бизнеса в регионе

Целевая аудитория региона	Ключевая задача целевой аудитории	Ценности
Бизнес (инвесторы)	Двойственная задача — получение стабильного уровня прибыли и максимальное участие в социальных проектах развития региона	1. Ценности социально-экономического характера
		Повышение общего уровня прибыли. Формирование условий для создания привлекательного бизнес-климата, комфортности ведения бизнеса и повышение инвестиционной привлекательности; Развитие региональных рынков, укрепление положения фирмы на рынке и обеспечение выхода на новые региональные рынки. Налаживание эффективных кооперационных связей с различными сторонами (в первую очередь с поставщиками и подрядчиками).
		2. Ценности нематериального характера
		Улучшение взаимоотношений с местными сообществами. Улучшение репутации компании. Повышение лояльности сотрудников. Создание уникальной организационной культуры и норм взаимоотношений внутри компании. Повышение мотивации сотрудников.

Источник: составлено автороами на основании материалов [1], [4-6].

стижения стратегических целей за счет активизации процесса самоорганизации с положительной поведенческой обратной связью. Стоит отметить, что данная модель обладает высоким потенциалом, в которой партнерские отношения между равноправными стейкхолдерами расширяют возможности решения актуальных социально-экономических проблем и вносят существенный вклад в развитие гражданского общества. Кроме того, именно совместные проекты становятся основополагающим инструментом развития экономики территорий, привлечения инвестиций, повышения качества оказываемых населению услуг.

Список источников

Батаева Б.С. Пути повышения степени вовлеченности бизнеса в решение социальных проблем (на примере Северо-Кавказского федерального округа) // Управленческие науки. — 2012. — № 1. — С. 61-68.

Копытова Е.Д. К вопросу о взаимодействии власти, бизнеса и общества в решении задач развития территорий // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2017. — Т. 10. — № 5. — С. 197-215.

Кущ С.П. Маркетинг взаимоотношений на промышленных рынках / С.-Петерб. гос. ун-т, Факультет менеджмента. — СПб.: Издат. дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2006. — 272 с.

Неганова В.П. Категория ценности в маркетинге взаимоотношений // Известия УрГЭУ. — 2012. — № 3 (41). — С.122-127.

Неганова В.П. Маркетинг взаимоотношений: механизмы формирования портфеля потребителей // Известия УрГЭУ. — 2012. — № 4 (42). — С. 81–86.

Неганова В.П., Седельников В.М. Концепт ценности в маркетинге взаимоотношений // Демографическая и семейная политика в контексте целей устойчивого развития: сб. ст. IX Уральского демографического форума. — Том I. — Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2018. — С. 313–324.

Симонова Е.В. Доверие органам местного самоуправления и участие граждан в региональных практиках инициативного бюджетирования: характер взаимосвязи (На примере Тверской области) // Научный результат. Социология и управление. — 2017. — Т. 3. — № 1. — С. 26-37.

Тажитдинов И.А. Применение стейкхолдерского подхода в стратегическом управлении развитием территорий // Экономика региона. — 2013. — № 2. — С. 17-27.

Информация об авторах

Неганова Валентина Петровна (Россия, Екатеринбург) — доктор экономических наук, профессор, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (620014, г. Екатеринбург, Московская, 29; e-mail: vp-neganova@yandex.ru).

Седельников Владислав Михайлович (Россия, Екатеринбург) — аспирант, младший научный сотрудник Лаборатории моделирования пространственного развития территорий, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (620014, г. Екатеринбург, Московская, 29; e-mail: vms-1990@mail.ru).

Neganova V.P., Sedelnikov V.M.

Value-oriented approach in relationship marketing

Are examined the theoretical aspects of the value-oriented approach in relationship marketing, namely, is defined the definition of the concept of value. Are highlighted the main components, as well as the key principles of value-oriented approach. Are formed the classifications of values of the main target audiences in the region, such as government, population and business.

Keywords: value-oriented approach, relationship marketing, target audiences of the region

Authors

Neganova Valentina Petrovna (Russia, Ekaterinburg) — Doctor of Economics, Professor, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (620014, Ekaterinburg, Moscovskaya, 29; e-mail: vp-neganova@yandex.

Sedelnikov Vladislav Mikhailovich (Russia, Ekaterinburg) — postgraduate student, junior researcher at the Laboratory for Modeling Spatial Development of Territories, Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (620014, Ekaterinburg, Moscovskaya, 29; e-mail: vms-1990@mail.ru).

References

Bataeva B.S. Ways to increase the degree of business involvement in solving social problems (on the example of the North Caucasus Federal District) // Management Sciences. — 2012. — No. 1. — P. 61-68.

Kopytova E.D. On the question of the interaction of government, business and society in solving the problems of territorial development // Economic and social changes: facts, trends, forecast. — 2017. — Vol. 10. — No. 5. — P. 197-215.

Kusch S.P. Relationship marketing in industrial markets: monograph /St. Petersburg state University, Faculty of Management. — SPb .: Izdat. St. Petersburg House state University, 2006. — 272 p.

Neganova V.P. A category of value in marketing of mutual relations // Izvestiya UrGeU. — 2012. — No. 3 (41). — P.122-127.

Neganova V.P. Relationship Marketing: Consumer Portfolio Formation Mechanisms // Izvestiya UrGeU. — 2012. — No. 4 (42). — P. 81–86.

Neganova V.P., Sedelnikov V.M. The concept of value in relationship marketing // Demographic and family policy in the context of sustainable development goals: Coll. Art. IX Ural Demographic Forum. — Vol. I. — Ekaterinburg: Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2018. — P. 313–324.

Simonova E.V. Confidence in local governments and citizen participation in regional practices of proactive budgeting: the nature of the relationship (On the example of the Tver region) // Scientific result. Sociology and management. — 2017. — T .3. — No. 1. — P. 26-37.

Tazhitdinov I.A. Application of the stakeholder approach in the strategic management of the development of territories // Economy of the region. — 2013. — No. 2. — P. 17-27.

УДК 316.334.2

Ошергин М. Н., Багирова А. П.

ОРИЕНТАЦИИ РОССИЙСКИХ ЮНОШЕЙ НА ОТЦОВСКИЙ РОДИТЕЛЬСКИЙ ТРУД: ОЦЕНКА И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ[1]

В статье представлены результаты исследования, проведенного среди российских молодых людей в возрасте от 16 до 30 лет, с целью оценки их ориентаций на будущий родительский труд. По результатам исследования разработаны практические рекомендации по формированию и развитию ценностных установок юношей на качественное исполнение ими отцовских функций: необходимость совершенствования существующего законодательства, введение обязательных дней отцовского отпуска, развитие нематериальных инструментов поддержки семей с детьми.

Ключевые слова: родительский труд, отцовство, отцовский родительский труд.

Практически вся новейшая история существования Российской Федерации сопровождается отрицательным естественным приростом населения. В условиях низкой рождаемости государство предпринимает соответствующие меры для улучшения демографической ситуации в стране. По нашему мнению, все предпринятые меры направлены, в первую очередь, на стимулирование женщин и семей в целом. Например, материнский (семейный) капитал, который можно использовать для улучшения жилищных условий, увеличения пенсии матери или направить на оплату образовательных услуг, получателем которых будет мать ребенка. В то же время Концепция демографической политики РФ на период до 2025 года предусматривает развитие родительских компетенций у мужчин (пропаганда ответственного отцовства; поддержка НКО, чья деятельность связана с пропагандой семейных ценностей; реализация дополнительных образовательных программ для мужчин с целью формирования ответственного отцовства и повышения социальной роли отца[2]), но эти положения не отражаются в последующих нормативно-правовых документах, касающихся сферы родительства и рождаемости. Таким образом, мужчины остаются практически лишенными каких-либо государственных инструментов поддержки родительства.

Основой для разработки инструментов повышения рождаемости в РФ может стать разрабатываемая уральскими учеными концепция родительского труда. Ранее учеными было доказано, что родительский труд являет-

[1] © Ошергин М.Н., Багирова А.П. Текст. 2019.

Исследование проведено в рамках проекта «Рождаемость и родительство в российских регионах: модели, стратегии активизации, прогнозы», поддержанного Советом по грантам Президента РФ на государственную поддержку ведущих научных школ Российской Федерации (НШ-3429.2018.6).

[2] Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года: Указ Президента РФ от 09 окт. 2007 г. № 1351: с изм и доп. [Электронный ресурс]. URL: http://base.garant.ru/191961/ (дата обращения: 10.05.2019).

ся трудовой деятельностью, исполнение которой влечет за собой затраты на ее реализацию, а также имеет свои результаты (человеческий капитал детей). В то же время, несмотря на высокую степень разработанности проблемы (исследования проблем специфики анализа и управления родительским трудом, его прекаризации, мотивов и условий реализации и др.) [1, 2, 3, 4], учеными не поднималась проблематика отцовского родительского труда. Таким образом, наше исследование является первой попыткой определить понятие и специфику отцовского родительского труда, а также оценить установки молодых на его реализацию.

Отцовский родительский труд понимается нами как осознанная и целенаправленная деятельность по уходу, воспитанию, обучению и развитию детей, их социализации и дальнейшей профессионализации, выполняемая мужчиной — субъектом родительского труда — на всех стадиях воспроизводства человеческих ресурсов, которая зависит от общественных ожиданий от роли отца в конкретной культуре и в конкретный период развития общества.

В июне-октябре 2018 года нами был проведен онлайн-опрос российских молодых мужчин в возрасте от 16 до 30 лет, общее количество опрошенных составило более 400 человек. По результатам исследования нами были разработаны и предложены соответствующие рекомендации. Взаимосвязь полученных результатов исследования и разработанных рекомендаций представлена в таблице 1.

Поясним представленные результаты и рекомендации.

1. Введение обязательных дней отцовского отпуска (на примере шведского опыта).

Данные онлайн-опроса показали, что более половины юношей (54,9 %) хотят взять отпуск по уходу за ребенком (рис. 1). Молодым людям, которые ответили отрицательно, был задан вопрос «Возьмете ли Вы отпуск по уходу за ребенком, если Ваша жена будет зарабатывать больше, чем Вы?» — ока-

Таблица 1

Взаимосвязь результатов исследования и предложенных рекомендаций

Результаты исследования	Рекомендации
Желание юношей взять отцовский отпуск по уходу за ребенком (54,9% опрошенных)	Введение обязательных дней отцовского отпуска (на примере опыта Швеции)
Наличие постоянного дохода — наиболее важный фактор для готовности стать отцом (72,4% респондентов)	Содействие трудоустройству молодежи (на примере опыта стран ЕС)
Необходимость развития нематериальных инструментов поддержки семей с детьми (43,4% желающих обучаться на курсах для будущих отцов)	Использование различных методов продвижения идеи ответственного отцовства
Несовершенство федерального законодательства	Разработка федерального стандарта оказания социальных услуг для мужчин

залось, что 47,1 % таких респондентов сменили свое мнение относительно отцовского отпуска с отрицательного на положительное (рис. 2).

В связи с этим мы предлагаем внесение изменений в Трудовой Кодекс РФ, в которых необходимо закрепить обязательные дни отцовского отпуска по принципу «используй или потеряй». Основываясь на опыте реализации такого отпуска в скандинавских странах, мы предлагаем закрепить за мужчиной — отцом ребенка 90 обязательных оплачиваемых дней.

2. Содействие трудоустройству молодежи (на примере опыта стран ЕС).

Рис. 1. *Распределение ответов респондентов на вопрос* **«Хотите ли** *Вы взять отпуск по уходу за ребенком» (в % от числа опрошенных).*

Рис. 2. *Распределение ответов респондентов на вопрос «Возьмете ли Вы отпуск по уходу за ребенком, если Ваша жена будет зарабатывать больше, чем Вы?» (в % от числа ответивших отрицательно на вопрос о желании взять отпуск по уходу за ребенком).*

Таблица 2

Факторы, без которых респонденты не решились бы стать родителем (в % от числа опрошенных)

Обязательное наличие фактора	Постоянный доход	Наличие собственного жилья	Наличие законченного образования
Да	72,4	62,4	37,5
Нет	27,6	37,6	62,5
Итого	100	100	100

Результаты онлайн-опроса показали, что постоянный доход является наиболее важным фактором, без которого молодые люди не будут готовы к зачатию ребенка (табл. 2). Государством приняты меры финансовой поддержки семей с детьми, но они носят адресный характер, а также выплачиваются только до достижения ребенком определенного возраста. В связи с этим мы предлагаем создание специализированных центров карьеры для молодежи, а также проведение профориентационной работы как со школьниками, так и со студентами. Ярким примером является проводимая работа по оказанию содействия трудоустройству молодежи в странах ЕС — в частности, в Германии, Франции и Латвии. Основными задачами данных учреждений являются мониторинг потребностей рынка труда и трудоустройства выпускников, подготовка рекомендаций по ротации бюджетных мест в вузах, проведение практических занятий — беседы с работодателями, экскурсии, семинары по составлению резюме, занятия по тайм-менеджменту и стресс-менеджменту и прочее [5]. Такие центры карьеры, по нашему мнению, должны оказывать не только профориентационную поддержку, но и способствовать развитию концепции «обучение на протяжении всей жизни», что особенно важно для людей, совмещающих профессиональные и родительские обязанности.

3. Совершенствование федерального законодательства.

Анализ нормативно-правовой базы позволил выявить, что действующее федеральное законодательство не рассматривает мужчин как клиентов социальных служб. По данным Росстата, в 2017 году за социальной помощью в государственные учреждения обратилось более 1 млн мужчин, что составляет 27,7% от общего количества обращений [6]. Анализ ГОСТа «Социальное обслуживание населения. Социальные услуги семье» показал отсутствие выделения социальных услуг для мужчин как членов семьи и при осуществлении консультационной работы по социально-правовым вопросам. Также стоит упомянуть о наличии ГОСТа «Социальное обслуживание населения. Социальные услуги женщинам» и отсутствии аналога для мужчин.

4. Использование различных методов продвижения идей ответственного отцовства.

По нашему мнению, актуально учреждение праздника «День отца» на федеральном уровне в период с последнего воскресенья октября по вто-

рое воскресенье декабря. Выбор именно этого временного промежутка обусловлен близостью к празднованию «Дня матери», что позволит региональным и муниципальным властям, а также НКО реализовывать связанные между собой мероприятия, направленные на укрепление в общественном сознании семейных ценностей, распространение модели ответственного отцовства, а также увеличивать совместное времяпрепровождение родителей и ребенка вне домашней обстановки.

В рамках данной рекомендации мы также предлагаем создание ежегодных фотоконкурсов в городах России «Мой папа — лучший на Земле». Суть конкурса заключается в представлении снимков отцов со своими детьми вне зависимости от возрастной категории, его организатором могут выступать, например, и муниципальные образования. В конкурсе могут быть представлены 5 номинаций — 4 для отцов с детьми разных возрастных групп (новорожденные, дети дошкольного и школьного возрастов, взрослые дети и их отцы), а также номинация для профессиональных фотографов. Лучшие работы будут определяться путем голосования на специально созданной публичной странице в социальной сети «ВКонтакте» либо на официальном сайте конкурса; они должны размещаться в местах притяжения горожан (в Екатеринбурге, например, это могут быть улица Вайнера, крупные торгово-развлекательные центры («Гринвич», «Мега» и др.), ЦПКиО им. Маяковского, набережная Исети и др.). На этой же странице должна быть организована и регистрация участников.

Основные выводы нашего исследования сводятся к следующим:

1. Рекомендация о введении обязательных дней отцовского отпуска обусловлена желанием молодых людей воспользоваться таким отпуском (54,9% отпрошенных), а также исследованиями психологов о высокой степени влияния роли отца на становление личности ребенка.

2. Оказание содействия трудоустройству выпускников через создание центров карьеры необходимо не только для того, чтобы повысить их репродуктивную активность, но и для поддержания концепции «обучение на протяжении всей жизни», что необходимо для молодых родителей, совмещающих родительский и профессиональный труд.

3. В соответствии с Концепцией демографического развития России до 2025 года нами были предложены рекомендации по продвижению идей ответственного отцовства (организация на федеральном уровне «Дня отца», фотоконкурса «Мой папа — лучший на Земле» с широким продвижением его результатов), а также внесение изменений в федеральное законодательство (в частности, внедрение ГОСТа по оказанию социальных услуг мужчинам).

Список источников

1. Багирова А. П., Абилова М. г. Родительский труд и репродуктивная активность: социально-экономический анализ. — Челябинск, 2013. — 79 с.

2. Багирова А. П., Шубат О. М., Пшеничникова М. М. Родительский труд: специфика анализа и управления. — Екатеринбург: УрФУ, 2013. — 208 с.

3. Багирова А. П., Быкова Д. г., Ворошилова А.И. Родительский труд: условия реализации, мотивы и результаты. — Екатеринбург: УрФУ, 2015. — 171 с.

4. Багирова А. П., Ворошилова А. И., Быкова Д. г., Ильвес И. В., Черешова С. В. Родительский труд: экономический и социологический анализ / под общ. ред. проф. А. П. Багировой. — Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2017. — 208 с.

5. Василенко В. А. Европейский опыт содействия трудоустройству студентов (проблемы, подходы, организация) / В. А. Василенко, А. Л. Карпукова. — Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014. — 101 с.

6. Женщины и мужчины России 2018: стат. сборник [Электронный ресур]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2018/wo-man18.pdf (дата обращения: 04.06.2019).

Информация об авторах

Ошергин Максим Николаевич (Россия, Екатеринбург) — магистрант, Уральский федеральный университет (г. Екатеринбург, ул. Мира 19).

Багирова Анна Петровна (Россия, Екатеринбург) — доктор экономических наук, профессор, Уральский федеральный университет (г. Екатеринбург, ул. Мира, 19).

Oshergin M. N., Bagirova A. P.

Orientations of young russian people to the father's parental labour: assessement and development directions

The article presents the results of a study conducted among Russian young people aged from 16 to 30 years to assess their orientation towards future parental labour. According to the results of the study practical recommendations were designed for the formation and development of value attitudes of young men to the qualitative performance or paternal functions: to improve existing legislation, implementation of mandatory days of paternal leave, the development of non-material tools to support families with children.

Keywords: parental labour, fatherhood, father's parental labour.

Authors

Oshergin Maxim (Russia, Ekaterinburg) — graduate student, Ural Federal, University (Ekaterinburg, Mira str. 19).

Bagirova Anna (Russia, Ekaterinburg) — Doctor of Economics, professor, Ural Federal University (Ekaterinburg, Mira str., 19).

References

1. Bagirova A. P., Abilova M. G. Parental work and reproductive activity: socio-economic analysis. — Chelyabinsk, 2013. — 79 p.

2. Bagirova A. P., Shubat O. M., Pshenichnikova M. M. Parent work: specificity analysis and management. — Ekaterinburg: Urfu, 2013. — 208 p.

3. Bagirova A. P., Bykova D. G., Voroshilova A. I. Parental work: conditions of realization, motives and results. — Ekaterinburg: Urfu, 2015. — 171 p.

4. Bagirova A. P., Voroshilov I. A., Bykova D. G., Ilves, I. V., S. V. Cherezova Parental work: an economic and sociological analysis / under the General editorship of Professor A. P. Bagirova. — Ekaterinburg: Publishing House of Ural University, 2017. — 208 p.

5. Vasilenko V. A. European experience in promoting employment of students (problems, approaches, organization) / V. A. Vasilenko, A. L. Karpukova. — Irkutsk: Publishing house of ISU, 2014. — 101 p.

6. Women and men of Russia 2018. Statistical collection [Electronic resourse]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2018/wo-man18.pdf (date accessed: 04.06.2019).

УДК 331.52

Панькова А.А., Назаров А.В.

ТЕЛЕЗАНЯТОСТЬ КАК ФОРМА НЕСТАНДАРТНОЙ ЗАНЯТОСТИ[1]

На рынке труда — в том числе российском — наблюдается тенденция роста использования информационных технологий, интеллектуальных факторов. В данной статье представлен анализ телезанятости в России по возрастному составу и сферам деятельности.

Ключевые слова: дистанционная занятость, удаленная работа, нестандартная занятость, телеработа.

Нетрадиционная занятость — занятость, которая исключает признаки стандартной занятости. Она начала развиваться в Европе и США еще в конце XX века, но в России особую популярность получила после 2000-х годов. За последние 10 лет в России наблюдается рост населения, работающего на дому. Свое распространение телезанятость получила из-за развития сети Интернет и технического прогресса в России и пока что проходит период институциализации.

Так как в России нет четкого определния понятия «телезанятость», то в дальнейшем понятия «дистанционная работа», «дистанционная занятость» и «телезанятость» будут использоваться как синонимичные.

К отличительным особенностями дистанционной занятости относятся следующие:

— удаленность рабочего места сотрудника от места расположения организации работодателя;

— использование сети Интернет для осуществления трудовой деятельности;

— гибкий график рабочего времени, гибкое расположение рабочего места [3].

Стоит отметить, что дистанционная занятость (телезанятость) не является аналогом надомной работы, так как в процессе ее реализации наблюдаются признаки как традиционных форм работы по найму, так и самозанятости [1]. Если рассматривать телезанятость в первом случае, то работа выполняется в рамках индивидуального предпринимательства, а во втором — работа выполняется в рамках действия трудового договора между телеработниками и работодателем, не имеющего отличий по содержанию от трудовых договоров с другим персоналом. В том числе рабочие контакты осуществляются в реальном режиме времени, а обучение, продвижение, оплата труда и оценка таких сотрудников производятся по регламентам, применяемым работодателем в области управления персоналом [2].

Таким образом, дистанционная занятость является преимуществом работников с большой степенью поддержки и доверия работодателя (заказчика) и состоит в выборе мест выполнения трудовых функций между

[1] © Панькова А.А., Назаров А.В. Текст. 2019

Рис. 1. *Элементы телезанятости [5]*

домом и местоположением работодателя, определяемых по усмотрению работника. Можно выделить характерные признаки и элементы дистанционной занятости (рис. 1).

Анализ признаков телезанятости позволил выявить следующие предпосылки появления удаленной работы:

— взрывное развитие высокоскоростных средств передачи информации и инфокоммуникационных технологий;

— виртуальный рабочий стол с сетевым доступом ко всей необходимой информации из любого места с любого устройства уже сейчас способен заменить стационарное компьютерное рабочее место работника;

— трансформация и виртуализация рабочего оборудования глобально меняет принципы офисной работы и создает новый тренд в процессе организации труда — удаленные рабочие места [6].

Ежегодно количество сотрудников, работающих дистанционно, растет. Если обращаться к статистике, то по мировым показателям ежегодный прирост числа телезанятых составляет 20-30%. Несомненным лидером в области дистанционной занятости являются США, где доля телезанятых составляет 34-36%. По всему миру удаленно трудятся 29% рабочего населения, в то время как в России, по официальной статистике, этот показатель не превышает 1% (около 600 тыс. человек) [5].

По прогнозам J'son & Partners Consulting, к 2020 году около 20% рабочих мест в России будут виртуальными, а совокупная экономия от этого перехода составит более 1 трлн руб. Такая оценка экономического эффекта учитывает только прямую экономию и не учитывает эффект повышения производительности труда. Максимального экономического результата компания сможет добиться только за счет внедрения специализирован-

Рис. 2. *Производительность труда в странах в 2014 году [7]*

ного комплексного программного обеспечения для автоматизации производственных процессов и повышения навыков управления проектами [7].

По данным диаграммы (рис. 2) можно сделать вывод, что Россия находится только на 10-м месте в мире по производительности труда телезанятых в час, в то время как абсолютным лидером производительности является Норвегия, что говорит о том, что в этой стране наилучшим образом развиты автоматизированные технологии и взаимодействия между рабочим и работодателем.

Основными причинами отставания России в производительности труда являются:

— неэффективная организация труда;
— устаревшие технологии;
— низкий уровень автоматизации в российских компаниях;
— наличие ненужных функций и процессов в российских компаниях (в частности в государственных компаниях);
— дефицит навыков управления персоналом.

Для того чтобы разобраться, что собой представляет рынок дистанционной работы в России, необходимо проанализировать структуру телезанятых в стране. На площадке «Стартапы и бизнес» специалистом Дарьей Хохловой был проведен опрос среди пользователей «Моего круга» и «Хабрахабра», благодаря которому было собрано и обработано около 3000 ответов.

На рис. 3 представлена доля удаленных сотрудников по отношению к офисным по возрастным категориям в 2017 г. По данным рис. 3 можно заметить, что наибольшая доля дистанционных сотрудников по отношению к офисным наблюдается у сотрудников в возрасте от 30 до 39 лет. А вот доля дистанционно работающих в возрасте до 30 лет ниже, хотя это поколение погрузилось в информационные технологии в более раннем возрасте, чем другие поколения. Скорее всего это связано с тем, что на начальном этапе

Рис. 3. *Доля удаленных сотрудников по отношению к офисным по возрастным категориям в 2017 г. [8]*

профессиональной деятельности человеку нужно пройти некую социализацию и получить опыт очного взаимодействия с другими людьми [8].

На рис. 4 представлена доля удаленных сотрудников по отношению к офисным по сферам деятельности в 2017 г. По данным рисунка можно заметить, что наибольшая доля дистанционных сотрудников по отношению к офисным наблюдается в сфере контент-специалистов, маркетинга и дизайна, а наименьшая — в сфере HR-менеджеров и аналитики.

Существует достаточно большое количество работных сайтов для удаленной работы, в большинстве случаев — это американские сайты, которые позволяют найти удаленную работу по разным профессиональным направ-

Рис. 4. *Доля удаленных сотрудников по отношению к офисным по сферам деятельности в 2017 г. [8]*

Рис. 5. *Анализ удаленных вакансий по России за период с 3 апреля по 3 мая 2019 г. [4]*

лениям. Для анализа удаленных вакансий возьмем достаточно доступный сервис HeadHunter и проанализируем количество вакансий на удаленную работу за месяц. По России с 3 апреля по 3 мая было выявлено 12 110 вакансий с удаленной работой. Наибольшее количество предложений представлено в Москве и Санкт-Петербурге.

На рис. 5 отображены актуальные вакансии с удаленной работой по крупным городам [4].

В Екатеринбурге не наблюдается большого предложения вакансий с удаленной работой, в частности по Свердловской области было найдено 374 вакансии с удаленной работой, но эти вакансии опубликованы свердловскими работодателями. Если рассмотреть количество вакансий по профобластям, то на сайте hh.ru в Свердловской области отображается более 600 компаний; наиболее популярные профобласти отображены на рис. 6.

Стоит отметить, что в Екатеринбурге более востребованными на удаленную работу являются IT-специалисты, а также специалисты в области продаж, науки и образования. Наименьшее количество вакансий на удаленную работу присутствуют в области медицины, строительства и искусства — вполне понятно почему, так как работу по данным профессиям не всегда можно выполнять удаленно.

При анализе дистанционной занятости было выявлено, что наибольшее количество вакансий на удаленную занятость сконцентрировано в Москве, Санкт-Петербурге. Относительно Екатеринбурга, анализ вакансий по профобластям показал, что в регионе наибольшей популярностью пользуются IT-специалисты и специалисты в области продаж, также значительное количество вакансий представлено в области науки и образования.

Рис. 6. *Анализ вакансий г. Екатеринбурга по профобластям за период с 3 апреля по 3 мая 2019 г. [4]*

Список источников

1. Адамчук В.В. Экономика труда. — М.: ИНФРА- М, 2015. — 415 с.

2. Анненко П. Н. Дистанционная занятость как перспективная форма организации труда в России // “Human Progress”. — 2017 — № 3 (3) [Электронный ресурс]. URL: http://progress-human.com/images/2017/tom3_3/Annenko.pdf (дата обращения 26.04.2019).

3. Гимпельсон В.Е. Нестандартная занятость в российской экономике. / В.Е. Гимпельсон, Р.И. Капелюшников / Высшая школа экономики. — М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2014. — 400 с.

4. Сервис вакансий HeadHunter [Электронный ресурс]. URL: https://hh.ru/search/vacancy?clusters=true&enable_snippets=true&items_on_page=100&no_magic=true&schedule=remote&specialization=1 (дата обращения: 04.05.2019).

5. Пеша А. В. Влияние нестандартных форм занятости на физическое и психосоциальное здоровье женщин. Обзор исследований //Вестник Омского университета. Серия «Экономика». — 2018. — №. 4 [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-nestandartnyh-form-zanyatosti-na-fizicheskoe-i-psihosotsialnoe-zdorovie-zhenschin-obzor-issledovaniy (дата обращения: 15.04.2019).

6. Тонких Н.В. Дистанционная занятость в социально-экономическом развитии региональных систем / Н.В. Тонких, Т.А. Камарова // Персональное образование и рынок труда — 2014. — № 8 [Электронный ресурс]. URL: http://po-rt.ru/home/Article?id=1482 (дата обращения: 14.04.2019).

7. Юзбекова И. В. Пятая часть россиян будет работать удаленно к 2020 году // РБК. — 2015 [Электронный ресурс]. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/17/06/2015/558051 5f9a7947e7bf4bfc99 (дата обращения: 02.04.2019);

8. Хохлова Д.Д. Состояние рынка удалённой работы в России — исследование «Моего Круга» // Стартапы и бизнес — 2017. [Электронный ресурс]. URL: https://vc.ru/flood/24254-moykrug-remote (дата обращения: 14.04.2019).

Информация об авторах

Панькова Анастасия Александровна (Россия, Екатеринбург) — магистрант кафедры управления персоналом, Институт магистратуры Уральского государственного экономического университета, (г. Екатеринбург, ул. 8 марта; 62; e-mail: cafetr@usue.ru).

Назаров Александр Вячеславович (Россия, Екатеринбург) — магистрант кафедры управления персоналом, Институт магистратуры Уральского государственного экономического университета, (г. Екатеринбург, ул. 8 марта, 62; e-mail: nazarov_av@usue.ru)

Pankova A.A., Nazarov A.V.

Remote employment as a form of non-traditional employment

There is a growing trend in the use of information technology and intellectual factors on the labor markets, including Russian market. The article presents the analysis of remote employment in Russia by age and spheres of activity.

Keywords: remote employment, remote work, non-standard employment, telecommuting.

Authors

Pankova Anastasia Aleksandrovna (Russia, Ekaterinburg) — undergraduate of department of human resource management, Ural state economic university (Yekaterinburg, March 8 St., 62; e-mail: cafetr@usue.ru).

Nazarov Alexander Vyacheslavovich (Russia, Ekaterinburg) — undergraduate of department of human resource management, Ural state economic university (Yekaterinburg, March 8 St., 62; e-mail: nazarov_av@usue.ru)

References

1. Adamchuk V. V. Labor Economics // M.: INFRA- M, 2015. — 415 p.

2. Annenko P. N. Remote employment as a promising form of organization of labor in Russia // “Human Progress”. — 2017. — No. 3 (3) [Electronic resource]. URL: http://progress-human.com/images/2017/tom3_3/Annenko.pdf (accessed 26.04.2009);

3. Gimpelson V. E. non-standard employment in the Russian economy / V. E. Gimpel’son, R. I. Kapelyushnikov / Higher school of Economics. — Moscow: Publishing house of HSE, 2014. — 400 p.

4. Job service HeadHunter [Electronic resource]. URL: https://hh.ru/search/vacancy?clusters=true&enable_snippets=true&items_on_page=100&no_magic=true&schedule=remote&specialization=1 (date accessed 04.05.2019);

5. Pesha A.V. Influence of non-standard forms of employment on the physical and psychosocial health of women Research Overview // Bulletin of Omsk University. Economy series. — 2018. No. 4 [Electronic resource]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-nestandartnyh-form-zanyatosti-na-fizicheskoe-i-psihosotsialnoe-zdorovie-zhenschin-obzor-issledovaniy (Access date: 04/15/2019);

6. Tonkikh N. In. Remote employment in the socio-economic development of regional systems / N. Vl. Tonkikh, T. A. Kamarova // Personal education and the labor market. — 2014. — No. 8 [Electronic resource]. URL: http://po-rt.ru/home/Article?id=1482 (date accessed 14.04.2019);

7. Yuzbekova I. V. the Fifth part of Russians will work remotely by 2020 // RBC — 2015. [Electronic resource]. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/17/06/2015/5580515f9a7947e7bf4bfc99 (date accessed 02.04.2019);

8. Khokhlova D. D. the State of the remote work market in Russia — the study of “My Circle” // Startups and business-2017 [Electronic resource]. URL: https://vc.ru/flood/24254-moykrug-remote (date accessed 14.04.2019)

УДК 330.15:312

Патрушева С.Б.

АДАПТАЦИЯ И ДЕМОГРАФИЯ: ДВА ВЗАИМОСВЯЗАННЫХ ПОНЯТИЯ ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ МАЛОИЗУЧЕННЫХ ТЕРРИТОРИЙ[1]

В данной статье рассматривается понятие «адаптация». Авторы по-разному трактуют данное понятие. Существуют разные виды адаптации: нормальная адаптация, незавершенная адаптация личности, патологическая адаптация и др. Автор предлагает свое определение данного понятия — «инновационная адаптация», по мнению автора, этот термин является очень актуальным и представляет особый интерес для значительной части населения.

Ключевые слова: адаптация населения, инновации, виды адаптаций, территории, демографические процессы.

Адаптация и демография — два взаимосвязанных понятия при исследовании территорий. При рассмотрении демографических процессов в регионе можно использовать понятие адаптация.

Социальная адаптация в общем смысле трактуется как процесс приспособления личности и социальных групп к изменяющимся условиям социальной среды [4]. В авторском понимании под социальной адаптацией понимается процесс приспособления личности и социальных групп к изменяющимся условиям не только социальной среды, но и природной среды, конкурентной среды). Мы предполагаем, что природная среда тоже играет ключевую роль в социальной адаптации.

Теоретические обоснования этого понятия представлены в работах Т. Парсонса, полагавшего, что в любой социальной системе происходят адаптационные процессы, формирующие отношения между системой и ее средой, например, экономической, которая должна обеспечить людям необходимый минимум материальных благ [1], Э. Гидденса, который рассматривает социальную адаптацию как процесс социализации или приспособления к выполнению определенной роли [2], Р. Мертона, выделившего пять типов приспособления (адаптации) людей к социально и культурно заданным целям и средствам [3], в работах отечественных авторов А. Здравомыслова, Н. Гаценко, В. Посконина и др.

1. Нормальная адаптация — это процесс, который приводит к устойчивой приспособленности личности в типичных проблемных ситуациях без патологических изменений ее структуры и, одновременно, без нарушения норм той социальной группы, в которой протекает этот процесс. Нормальная адаптация личности, в свою очередь, может быть подразделена на защитную и незащитную, поскольку реальные жизненные ситуации,

[1] © Патрушева С.Б. Текст. 2019

Публикация подготовлена в соответствии с планом НИР Института экономики УрО РАН на 2019-2022 гг.

как правило, очень сложны, то индивиду приходится комплексно использовать защитные и незащитные механизмы адаптации, поэтому как основной необходимо выделить смешанный защитно-незащищенный тип адаптации [5].

2. Незавершенная адаптация личности — процесс, когда личность чувствует себя достаточно комфортно в конкретной социальной среде, в то время когда другие участники социального процесса ждут от нее другого поведения, другими словами, поведение данной личности отклоняется от социальных норм, принятых в данной социальной группе.

3. Патологическая адаптация — когда процесс полностью или частично осуществляется с помощью девиантных форм поведения. В процессе патологической адаптации используются такие защитные механизмы, которые выводят поведение личности за пределы нормальной адаптации, становятся неадекватными реакциями на возникающие сложные ситуации в контексте миграционных процессов. Социальная адаптация предстает еще и как особый тип социального процесса, направленного на то, чтобы включить в обычную жизнь общества группу (категорию) людей, которая была искусственно вырвана из этой жизни в результате каких-либо экстремальных условий. Следовательно, суть социальной адаптации состоит в «переключении» людей с одного образа жизни на другой. Вынужденное переселение — это особый образ жизни, для которого характерны экстремальность ситуации, унижение, подавление личности, он накладывает весьма существенный отпечаток на структуру личности, ее ценностные ориентации, восприятие, поведение. Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что адаптация является одним из основных компонентов современной социологической науки, позволяющих глубоко осмыслить теоретические аспекты социальной адаптации вынужденных переселенцев и беженцев, выработать конкретные практические рекомендации по урегулированию этого сложного социального процесса. Социальная адаптация реализуется в органическом единстве двух сторон — социологической и социально-психологической, ее характерным признаком является ориентация на цели самосохранения общества и личности, оптимизация их взаимосвязей и развития. Специфика социальной адаптации определяется уровнем развития и характером потребностей личности, социальной группы. Т. Парсонс рассматривал социальную адаптацию как важнейшее условие социализации, как приспособление индивида к среде путем усвоения заданных обществом норм, правил и т.п. Адаптация индивидов к социальной среде влечет за собой кристаллизацию самых важных дифференцированных ролей. Парсонс подчеркивал естественный характер адаптационного процесса, который предполагает усвоение личностью определенных нормативных структур, символов культуры, чему способствует приобщение личности к современным реальным условиям.

Как определяет А.И. Ковалева, в социальной адаптации реализуются два взаимосвязанных компонента: первое — создание индивидом в процессе социализации внутренних средств для функционирования в обще-

стве, когда происходит поэтапное структурное изменение личности, повышающее ее способность включаться в социальные связи, деятельность; второе — поддержание обществом внешних для индивида средств его социальной адаптации, включающих адекватные материально-вещественную и социокультурную среды, а также фиксирование продвижения индивида в освоение социальных связей и деятельности. Социальная адаптация рассматривается как комплекс сложно организованных социальных действий, включающих одновременно мотивацию рационального, максимизирующего индивидуальную функцию полезности «экономического человека», а также факторы адаптации в процессе социализации в определенной культурной среде. По мнению автора, необходимо исследовать социальные, экономические, политические, экологические и другие факторы. Социальная адаптация вынужденных переселенцев и беженцев к иной социокультурной среде представляет собой процесс вхождения вынужденных мигрантов в иную социальную среду, сопровождающийся овладением навыками, умениями взаимодействовать с окружающей средой, усвоением норм, установок, ценностей и принятием их для создания собственной линии поведения в новой сфере. Этот процесс является, с одной стороны, самостоятельной деятельностью со своей логикой, а с другой стороны, сопутствующим результатом деятельности, направленной на реализацию главной цели. Являясь многосторонним, многоуровневым, многоэтапным процессом, социальная адаптация включает в себя адаптацию социально-психологическую, профессиональную и культурную.

В данном исследовании мы рассматриваем изменение численности населения по низкому варианту прогноза: 146880,4 тыс. чел. в 2018 году, 146725,8 тыс. чел. в 2019 году — показатели численности населения уменьшаются. В 2035 году — 138809,6 тыс. чел., в 2036 году — 138129,5 тыс. чел. — показатели численности населения тоже уменьшатся. Рассмотрим высокий вариант прогноза: в 2018 году 146880,4 — показатель не изменился, в 2019 году немного увеличился (146895,8, тыс. чел.). Это может быть связано с тем, что рождаемость повысилась, смертность уменьшилась, уровень жизни стал выше, соответственно необходимо улучшать качество предоставления медицинских услуг, повышать уровень образования. По высокому варианту прогноза в 2035 году — 152681,7, а в 2036 году 153224,2 тыс. чел. — показатель увеличился. По данным показателям видно, что наблюдается оптимистическая ситуация, соответственно адаптация населения происходит быстрее, люди быстрее адаптируются к новым изменениям. Если будут внедрять новую технику, технологии на данные территории, повысится уровень жизни и качество жизни. Авторское видение понятия «инновация» — разработанные и внедренные новые техники и технологии с улучшенным качеством. Также необходимо внедрять инновации во все сферы жизнедеятельности (медицину, образование, здравоохранение, науку, культуру). Если внедрять инновации в здравоохранение, то повысится рождаемость, смертность уменьшится,

Таблица

Изменение численности населения по вариантам прогноза, тыс. человек[1]

Год	Население на начало года	
	Низкий вариант прогноза	Высокий вариант прогноза
2018	146880,4	146880,4
2019	146725,8	146895,8
2020	146634,3	147021,2
2021	146430,5	147208,1
2022	146116,8	147445,1
2023	145750,7	147736,6
2024	145350,5	148080,6
2025	144918,8	148483,7
2026	144440,7	148879,7
2027	143916,9	149260,8
2028	143353,6	149638,6
2029	142755,7	150018,0
2030	142134,0	150407,3
2031	141491,2	150813,9
2032	140831,0	151242,1
2033	140161,3	151689,8
2034	139486,8	152169,3
2035	138809,6	152681,7
2036	138129,5	153224,2

[1] Изменение численности населения по вариантам прогноза (тысяч человек) [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#

продолжительность жизни увеличится. Сейчас в России внедряются передовые технологии (сотовые телефоны, планшеты), люди могут, имея сотовый телефон, фотографироваться, или заходить в Интернет и смотреть нужную информацию, школьники младших классов уже имеют сотовый телефон и смогут при необходимости связаться с родителями. При наличии сотового телефона и владении передовыми технологиями у людей быстрее происходит адаптация.

В образовании проектор подключен к компьютеру, на экране отображается излагаемый материал. Это тоже инновация, студенты, видя материал на экране, а не на слух, или пытаясь понять, что написано на доске, быстрее усваивают данный материал.

В здравоохранении внедрено новое оборудование для диагностики, люди будут чаще обращаться к врачам, повысится продолжительность жизни, смертность уменьшится. Сейчас распространено платное лечение, и люди обращаются в те, есть новейшее оборудование. Не все могут позво-

лить себе платно лечиться (особенно пенсионеры), и поэтому необходимо внедрять новое оборудование и в государственные бюджетные поликлиники и больницы.

Сейчас есть практически у всех Интернет, и люди берут из этого источника интересные фильмы и перестали ходить в театры и кино. Посещение кино и театров повышает культурный уровень, сопровождается общением людей, а просмотр по Интернету оно сокращается.

Люди общаются по Интернету через разные источники (сайт «Одноклассники» или смс-общение), а не приезжают к человеку, Интернет удобен в том случае, когда можно общаться по скайпу, если человек находится в другом городе или области.

Авторское понимание инновационной адаптации — приспособление к инновационной техники, инновационным технологиям. Люди среднего возраста медленнее привыкают к инновационным технологиям, люди пожилого возраста не склонны пользоваться инновациями, молодежь легко пользуется новыми технологиями. Инновационные технологии позволяют улучшить качество и уровень жизни населения и способствуют перспективному развитию экономики.

Список источников

1. Парсонс Т. Система современных обществ. — М., 1998. — 270 с.

2. Гидденс Э.Устроение общества: очерк теории структурации. — М., 2003. — 210 с.

3. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. — М.: Аст, 2006. — 873 с.

4. Гущина И.А., Кондратович Д.Л., Положенцева О.А., Яковчук А.А. Некоторые аспекты социальной адаптации населения арктического региона (по результатам социологических исследований в Мурманской области) [Электронный ресурс]. URL: http://itportal.ru/science/economy/nekotorye-aspekty-sotsialnoy-adapta/

5. Антуфьев С. В. Социальная адаптация мигрантов как фактор стабильности российского общества: автореф. дис…. канд. социол. наук / РАН. Институт социально-политических исследований. — М., 2005.

Информация об авторе

Патрушева Светлана Борисовна (Россия, Екатеринбург) — кандидат экономических наук, научный сотрудник, Институт экономики УрО РАН (620014, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: bronshtein_sveta@mail.ru).

Patrusheva S.B

Adaptation and demography of two related concepts under the study of low-learned territories

This article discusses the concept of "adaptation". the authors interpret this concept differently. there are different types of adaptation: normal adaptation, incomplete adaptation of the personality, pathological adaptation, etc. The author offers his own definition of the concept of "adaptation" "innovative adaptation", in the opinion of the author this term is very relevant and is of particular interest to a large number of people.

Keywords: population adaptation, innovations, types of adaptation, territories, demographic processes.

Author

Patrusheva Svetlana Borisovna (Russia, Yekaterinburg) — candidate of economic sciences, researcher, Institute of economics, Ural branch of the Russian academy of sciences (620014, Yekaterinburg, Moskovskaya st., 29; e-mail: bronshtein_sveta@mail.ru).

References

1. Parsons T. System of modern societies. — M., 1998. — 270 p.

2. Guiddens E. Building society: a sketch of the theory of structuration. — M., 2003. — 210 p.

3. Merton R. Social theory and social structure.– M .:Ast, 2006. — 873 p.

4. Gushchina I.A., Kondratovich DL, Polozhentseva O.A., Yakovchuk A.A. Some aspects of social adaptation of the population of the Arctic region (according to the results of sociological research in the Murmansk region) [Electronic resource]. URL: http://itportal.ru/science/economy/nekotorye-aspekty-sotsialnoy-adapta/

5. Antufiev S.V. Social adaptation of migrants as a factor of stability of Russian society: author. dis ... Cand. Sociol. Sciences / RAS. — Institute of Social and Political Studies, M., 2005.

6. Population change by projection options (thousand people) [Electronic resource]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/#

УДК 314.7

Пациорковский В.В.

ИЗМЕНЕНИЕ ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДСКИХ ОКРУГОВ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ РАЙОНОВ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ В 2010-2018 ГГ.[1]

В работе рассматривается изменение численности населения всех 73 муниципальных образований первого уровня (городских округов и муниципальных районов) Свердловской области в 2010-2018 гг. По этому показателю муниципальные образования разбиты на четыре группы. В первую группу вошли 16 городских округов, бывших районных центров. Во вторую группу вошли 13 городских округов, которые также создавались на основе бывших районных центров, но с наделением их частью территории преобразованных районов. В третью группу вошли 39 городских округов, которые созданы в границах бывших административных районов или той их части, которая осталась после наделения все тех же городов — бывших районных центров — частью территории упраздненных административных районов. Наконец, четвертую группу составили 5 муниципальных районов, образованных в ходе муниципальной реформы 2004-2006 гг. По всем муниципальным образованиям представлено изменение общей численности населения. Показано, что в рассматриваемый период основной прирост населения пришелся на муниципальные образования, входящие в состав Екатеринбургской агломерации. В то же время утраты населения приходятся на городские округа и муниципальные районы, которые имеют огромные административные территории, но находятся на периферии основной полосы расселения региона.

Ключевые слова: муниципальные образования, городские округа, муниципальные районы, городские и сельские поселения, движение населения.

В 2017 г. на VIII Уральском демографическом форуме нами был сделан доклад, в котором рассматривалось движение населения муниципальных образований Среднего Урала в 2010-2016 гг. [1, с. 330-336]. При этом для целей анализа наблюдаемые муниципальные образования были упорядочены по динамике перемен от максимальных значений утрат населения до минимальных и через ноль от минимального роста до максимума прироста численности населения.

Цель настоящей статьи — анализ связи изменения численности населения муниципальных образований первого уровня (городских округов и муниципальных районов) в зависимости от их организационно-правовой формы. По этому основанию все 73 муниципальных образования области разбиты на четыре группы.

Первая группа. В нее вошли городские округа — бывшие районные центры. Границы такого муниципального образования совпадают или близки к границам города-ядра, зафиксированным в его генеральном пла-

[1] © Пациорковский В.В. Текст. 2019

не. Таких городских округов 16, или 21,9% от общего числа наблюдаемых муниципальных образований. Примерами здесь могут служить следующие городские округа: Арамиль, Верхнее Дуброво, Ирбит и др.

Вторая группа. Городские округа, созданные на основе бывших районных центров с наделением их частью территории бывших районов. Таких городских округов 13, или 17,8%. Наличие обширных административных территорий — весьма характерная особенность этой группы городских округов. Примерами здесь могут служить городские округа Алапаевск (площадь его ядра — города Алапаевск –25 км^2, а площадь одноименного городского округа — 1082 км^2). В эту группу муниципальных образований попадает и областной центр — городской округ город Екатеринбург. Площадь его ядра составляет 487 км^2, а площадь столичного муниципального образования равна 1143 км^2.

Третья группа. Городские округа, которые созданы в границах бывших административных районов или той их части, которая осталась после наделения все тех же городов — бывших районных центров частью территории упраздненных административных районов. Таких округов 39, или 53,4%. Примером здесь может служить муниципальное образование Алапаевское, имеющее статус городского округа. Его центр — пгт Верхняя Синячиха. У этого городского округа нет города-ядра, но раскинулся он на 5100 км^2. Это фактически на четверть больше, чем Москва в старых границах (до 2012 г.).

Четвертая группа. В нее вошли все пять муниципальных районов: Байкаловский, Камышловский, Нижнесергинский, Слободо-Туринский и Таборинский, которые были образованы в ходе муниципальной реформы 2004-2009 гг. Уместно отметить, что только в них исходно была сохранена двухуровневая система местного самоуправления, предполагающая наличие городских и сельских поселений.

Исследование базируется на двух основных гипотезах. Согласно одной из них организационно-правовая форма муниципальных образований второй группы склонна к стимулированию притока городского населения. Согласно другой гипотезе, организационно-правовая форма муниципальных образований первой, третьей и четвертой групп стимулирует отток и городского, и сельского населения.

Хорошо известно, что Средний Урал — высокоурбанизированная территория. В 2010 г. сельское население составляло менее пятой его части (18,2%). В период с 2010 по 2018 гг. население региона выросло на 0,64%. А численность сельского населения сократилась до 15,2%. В разрезе описанных ранее четырех групп муниципальных образований (МО) движение населения в наблюдаемый период представлено в таблице.1.

Из данных табл. 1 видно, что в наблюдаемый период вся прибавка населения ушла в рост численности горожан второй группы муниципальных образований. А именно в 13 городских округов, которые были сформированы на основе бывших районных центров с наделением их частью территории бывших районов. Три другие группы муниципальных образований теряли как городское, так и сельское население. При этом основной при-

Таблица 1

Изменение численности населения Среднего Урала в четырех группах муниципальных образований в 2010-2018 гг.

Группа МО	Население (тыс. чел.) 2010 г.			Население (тыс. чел.) 2018 г.		
	Все население	Городское население	Сельское население	Все население	Городское население	Сельское население
Первая	855313	839691	15622	837382	822769	14613
Вторая	1912702	1798298	114404	2028448	1916718	111730
Третья	1422158	932556	491611	1359431	896722	462709
Четвертая	107574	33491	74083	99995	30647	69348
Всего	4297747	3604036	695720	4325256	3666856	658400

Источник: База данных «Муниципальная Россия».. Авторы и правообладатели: Пациорковский В.В., Коленникова О.А., Симагин Ю.А. Номер государственной регистрации: RU 2014620760 от 27.05.2014 г.

рост населения пришелся на 4 муниципальных образования рассматриваемой группы: Екатеринбург, Березовский, Верхняя Пышма и Дегтярск (рис.). Причем два последних городских округа дали прирост как городского, так и сельского населения.

Если учесть, что Екатеринбург является ядром огромного формирующегося мегаполиса, а все три указанные выше муниципальные образования представляют собой его ближайшие пригороды, то станет более ясным, куда ушел весь прирост населения. Это обстоятельство подтверждается и тем фактом, что и некоторые другие муниципальные образования, тяготеющие к областному центру, но не попавшие в рассматриваемую группу, были привлекательны для населения. Например, городские округа Арамиль, Белоярский, Березовский, Заречный, Ревда, Среднеуральск и Сысерть (см. рис.1). В то же время Первоуральск, находящийся в 40 км от ядра мегаполиса, уже терял население в наблюдаемый период. Преодолеть удаленность от центра и сохранить население смогли только три муниципальных образования. Это городские округа Свободный и Староуткинск, и муниципальный район Камышловский (см. рис. 1).

В целом сальдо движения населения по всем муниципальным образованиям области составляет в наблюдаемый период 27509 чел. В то же время потери 59 муниципальных образований, терявших численность населения, составляют — 120016 чел., тогда как прирост населения 14 муниципальных образований составляет 147525 чел. Иными словами, указанная ранее разница в 27509 чел. может рассматриваться как итог внешнего притока и внешней убыли населения области.

Больше всего в наблюдаемый период теряли население городские округа Нижний Тагил (-8589 чел.), Каменск-Уральский (-5790 чел.) и Асбест (-4969 чел.). Среди муниципальных районов наибольшие потери характерны для Нижнесергинского (-4564 чел.) и Слободо-Туринского района (-20117 чел.). Минимальные потери численности населения наблюдаются

Рис. *Контурная карта муниципальных образований Свердловской области*
Примечание. Муниципальное деление Свердловской области (на 1 января 2017 года): городские округа (ГО) и муниципальные районы. Обозначения: 1 — Волчанский ГО, 2 — Серовский ГО, 3 — ГО Красноуральск, 4 — Верхнесалдинский ГО, 5 — ГО ЗАТО Свободный, 6 — ГО Нижняя Салда, 7 — МО г. Алапаевск, 8 — МО г. Ирбит, 9 — Кировградский ГО, 10 — Невьянский ГО, 11 — ГО Староуткинск, 12 — ГО Верхний Тагил, 13 — ГО Верх-Нейвинский, 14 — Новоуральский ГО, 15 — ГО Верхняя Пышма, 16 — ГО Среднеуральск, 17 — Берёзовский ГО, 18 — Малышевский ГО, 19 — ГО Рефтинский, 20 — Асбестовский ГО, 21 — Бисертский ГО, 22 — ГО Дегтярск, 23 — МО «город Екатеринбург», 24 — ГО Верхнее Дуброво, 25 — ГО Заречный, 26 — Белоярский ГО, 27 — МО «посёлок Уральский», 28 — Арамильский ГО.
Источник: https://ru.wikipedia.org/wiki/Административно_территориальное_деление_Свердловской _области

в городских округах Каменский (-141 чел.) и «Поселок Уральский» (-13чел.), который, кстати сказать, находится немногим более 30 км от региональной столицы (см. рис. 1).

Справедливости ради следует отметить, что в регионе, проводя муниципальную реформу, старались максимально учесть издержки, связанные с отказом от поселенческого уровня муниципальных образований в пользу городских округов. Поэтому их и было создано такое огромное число. К сожалению, опорный каркас расселения оказался весьма и весьма слабым, а территория области огромная. В результате центрами городских округов оказались не только малые города (Артемовский, Верхняя Салда, Талица, Туринск), поселки городского типа (Гари, Пелым, Тугулым), но и многие сельские населенные пункты (Байкалово, Туринская Слобода). В наблюдаемый период в таких муниципальных образованиях наблюдался максимальный отток населения. К примеру, Талицкий городской округ потерял 22,6%, Сосьвинский — 14,9%, Североуральский — 13%, Алапаевский, Верхнесалдинский, и Новоуральский по 10% соответственно. Вместе с тем известно, что сокращение населения более чем на 2% ежегодно «уже в среднесрочной перспективе может привести к практически полному обезлюдению таких территорий и прекращению на них экономической деятельности» [2, с. 38].

Скорее всего, предложенный региональными властями подход был бы более щадящим, если бы в наблюдаемый период указанные выше центры муниципальных образований получили широкое развитие и поддержку. Между тем события развивались совсем в другом направлении. Под лозунгом оптимизации закрывались некомплектные школы, сельские медицинские учреждения и клубы.

В то же время сами муниципальные образования все шире стали использоваться как институциональная среда капитализации различного рода ресурсов, находящихся на административной территории. В первую очередь это коснулось возобновляемых природных ресурсов: воды, земли и леса. Например, в 2018 г. в области было зафиксировано 58 случаев незаконной вырубки леса [3], по итогам 2017 г. в свердловских лесах было убрано 140 несанкционированных свалок мусора, а всего, по данным департамента, на территории государственного лесного фонда региона выявлено 450 незаконных свалок [4]. При этом только в Екатеринбурге список граждан, включенных в очередь на предоставление земельных участков для индивидуального жилищного строительства, с 2009 по 2018 гг. насчитывает более 23 тыс. чел. [5]. Лишившись доступа к местным ресурсам и социальным услугам, население просто вынуждено искать источники своего существования и социальную защищенность в других местах.

Список источников

Пациорковский В.В. Движение населения муниципальных образований Среднего Урала в 2010-2016 гг. // Демографический потенциал стран ЕАЭС: сб. материалов VIII Уральского демографического форума. — Том 2. — Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2017.

Симагин Ю.А., Пациорковский В.В., Муртузалиева Д.Д. Дифференциация естественного прироста населения в муниципальных образованиях России // Народонаселение. — 2018. — Т. 21. — № 4. — С. 36-49.

В Свердловской области зафиксировано 58 случаев незаконной вырубки леса. [Электронный ресурс]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3779950 (дата обращения 25.04.2019).

В Свердловской области за год ликвидировали 140 несанкционированных свалок [Электронный ресурс]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3507206 (дата обращения 20.04.2019).

5. The provision of land ownership for free for individual housing construction. [Electronic resource]. URL: https: //xn--80acgfbsl1azdqr.xn--p1ai/%D0%B6%D0%B8% D1% 82% D0% B5% D0% BB% D1% 8F% D0% BC /% D0% BF % D0% BE% D0% BC% D0% BE% D1% 89% D1% 8C /% D0% B6% D0% B8% D0% BB% D0% BF% D0% BE% D0% BB% D0% B8% D1% 82% D0% B8% D0% BA% D0% B0 /% D0% B8% D0% B6% D1% 81 /% D1% 81% D0% BF% D0% B8% D1% 81% D0% BA% D0%B8 (circulation date is April 23, 2019).

Информация об авторе

Пациорковский Валерий Валентинович (Россия, Москва) — доктор экономических наук, главный научный сотрудник, Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН (117218, Москва, Нахимовский проспект, д. 32, ИСЭПН РАН; e-mail: patsv@mail.ru).

Patsiorkovskiy V.V.

Changes in the population of urban and municipal districts of the Sverdlovsk region in 2010-2018

The paper discusses the change in the population of all 73 municipalities of the first level (urban and municipal districts) of the Sverdlovsk region in 2010-2018. According to this indicator, municipalities are divided into four groups. The first group consisted of 16 urban districts, former district centers. The second group consisted of 13 urban districts, which were also created on the basis of the former district centers, but with their allotment of part of the territory of the transformed districts. The third group consisted of 39 urban districts, which created within the borders of the former administrative districts. Finally, the fourth group consisted of 5 municipal districts, formed during the 2004-2006 municipal reform. For all municipalities, the change in total population is presented. It is shown that in the period under review, the main population growth occurred in the municipalities that are part of the Yekaterinburg agglomeration. At the same time, population losses occur in urban and municipal districts, which have vast administrative territories, but are located on the periphery of the main settlement zone of the region.

Keywords: municipalities, urban districts, municipal districts, urban and rural settlements, population movement.

Author

Patsiorkovskiy Valery Valentinovich (Russia, Moscow) — Doctor of Economics, Chief Researcher, Institute of Socio-Economic Problems of Population of the Russian Academy of Sciences (117218, Moscow, Nakhimovskiy Avenue, 32, ISEPN RAS; e-mail: patsv@mail.ru).

References

1. Patsiorkovskiy V.V. The movement of the population of municipalities of the Middle Urals in 2010-2016 // Demographic potential of the EAEU countries. VIII Ural demographic forum. — Vol. 2. — Ekaterinburg: IE of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2017.

2. Simagin Yu.A., Patsiorkovskiy, V.V., Murtuzalieva, D.D. Differentiation of the natural population growth in the municipalities of Russia // Population. — 2018. — Vol. 21. — No. 4. — P. 36-49.

3. In the Sverdlovsk region, 58 cases of illegal logging were recorded [Electronic resource]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3779950 (circulation date is April 25, 2019).

4. In the Sverdlovsk Region, 140 unauthorized dumps were liquidated in a year [Electronic resource]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3507206 (circulation date is April 20, 2019).

5. The provision of land ownership for free for individual housing construction [Electronic resource]. URL: https: //xn--80acgfbsl1azdqr.xn--p1ai/%D0%B6%D0%B8% D1% 82% D0% B5% D0% BB% D1% 8F% D0% BC /% D0% BF % D0% BE% D0% BC% D0% BE% D1% 89% D1% 8C /% D0% B6% D0% B8% D0% BB% D0% BF% D0% BE% D0% BB% D0% B8% D1% 82% D0% B8% D0% BA% D0% B0 /% D0% B8% D0% B6% D1% 81 /% D1% 81% D0% BF% D0% B8% D1% 81% D0% BA% D0%B8 (circulation date is April 23, 2019).

УДК 910.3

Пономарева Н.С.

БЕДНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ КАК ОДИН ИЗ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ, ВЛИЯЮЩИХ НА УРОВЕНЬ РОЖДАЕМОСТИ В РОССИИ[1]

Актуальность исследования основывается на том, что демографическая ситуация в современной России носит кризисный характер, а уровень бедности в последние годы показывает тенденцию роста. В данной статье рассматривается влияние уровня бедности населения на уровень рождаемости в России, а также динамика уровня бедности населения и уровней рождаемости, смертности и естественного прироста во временном промежутке 2000-2017 гг. В результате исследования была выявлена зависимость рождаемости от уровня экономического благосостояния населения России, показаны возможные пути решения данной проблемы

Ключевые слова: демографическое развитие, бедность населения, демографическая политика, прожиточный минимум, рождаемость, естественный прирост.

Демографическое развитие подразумевает изменение численности населения и его структур в определенный период. Демографическое развитие образуют длительные периоды эволюции и качественные сдвиги или периоды демографического перехода, а также демографических революций [2, с. 412].

Процессы обеднения в разных странах мира связаны с различными проблемами территории, на которой они начинают развиваться. К таким проблемам можно отнести политические, экономические, природно-географические, этнические, религиозные и др.

Бедность — характеристика экономического положения индивида или социальной группы, при котором они не могут удовлетворить определенный круг потребностей, необходимых для жизни, сохранения трудоспособности, продолжения рода.

В настоящее время на демографическое развитие определенной территории влияют социальная и экономическая обстановка, уровень развития территории, проблемы развития населения данной территории. Одним из главных факторов, тормозящих демографическое развития населения России, является бедность населения. В условиях бедности люди редко решаются заводить семью и детей. Поэтому можно говорить о том, что в России существует прямая зависимость между уровнем бедности населения и показателями демографического развития. В России основными показателями бедности являются доходы и прожиточный минимум. Прожиточный минимум — это минимальный уровень доходов, которым располагает человек и ниже которого он считается бедным. Прожиточный минимум является показателем состояния экономики и уровня жизни страны в целом. На основании данного показателя правительством делаются выводы, вносят-

[1] © Пономарева Н.С. Текст. 2019.

Таблица 1

Динамика населения России с доходами ниже прожиточного минимума[1]

Год	Млн. чел.	% от населения	Год	Млн. чел.	% от населения
2000	42,3	29,0	2009	18,4	13,0
2001	40,0	27,5	2010	17,7	12,5
2002	35,6	24,6	2011	17,9	12,7
2003	29,3	20,3	2012	15,4	10,7
2004	25,2	17,6	2013	15,5	10,8
2005	25,4	17,8	2014	16,1	11,2
2006	21,6	15,2	2015	19,5	13,3
2007	18,8	13,3	2016	19,8	13,5
2008	19,0	13,4	2017	21,1	14,4

[1] Уровень жизни [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/

ся соответствующие изменения и улучшения для стабилизации экономической ситуации. Прожиточный минимум рассчитывается для трех категорий граждан: трудоспособного населения, пенсионеров и детей. Связано это с тем, что у данных групп населения разные потребности, возможности и доходы. Прожиточный минимум на первый квартал 2019 года для всего населения России установлен на уровне 10444 рубля (средний). Для трудоспособного населения эта величина в первом квартале 2019 года составляет 11 280 рублей, для пенсионеров — 8 583 рублей, а для детей — 10390 рублей.

Число людей с доходами ниже прожиточного минимума сократилось с 42,3 млн до 15,4 млн. В процентном соотношении это составляет 29% и 10,7% соответственно. Эта благоприятная тенденции очевидно свидетельствовала о преодолении в этот период экономического кризиса, вызванного распадом СССР, и о последующей стабилизации экономической и социальной обстановке в стране [2, с. 407].

В период 2014-2017 гг., напротив, наметился значительный рост уровня бедности. В 2014 г. численность бедных составляла 16,1 млн человек, а в 2017 г. она достигла 21,1 млн. В процентном перерасчете уровень бедности вырос с 11,2 до 14,4%. Повышение уровня бедности в этот период было результатом реакции стран Запада на проведение референдума по присоединению Республики Крым и г. Севастополь к России в марте 2014 года. Последствия данного события до сих пор отражаются на экономической ситуации в стране.

В период 2000-2013 гг. естественная убыль населения постепенно сокращалась. Уровень смертности постепенно снижался, а уровень рождаемости постепенно рос. Данную тенденцию можно объяснить тем, что вместе со стабилизацией экономической обстановки в стране в период фертильности вступало достаточное поколение женщин 1985-1995 г.р., начало повышаться качество жизни в стране, успокоилась криминогенная обстановка [1, с. 277].

Такие благоприятные социально-экономические события позволили людям понять то, что в таких условиях можно заводить семьи и рожать детей, которых они смогут обеспечить всеми жизненно необходимыми условиями, дать им достойное образование.

Рис. 1. *Динамика уровня бедности населения РФ в период 1992-2017 гг.*[1]

[1] Уровень жизни [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/

Рис. 2. *Рождаемость, смертность и естественный прирост населения в России в 2000-2017 гг.*[1]

[1] Естественное движение населения [Электронный ресурс] URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/

Таблица 2

Рождаемость, смертность и естественный прирост населения России в 2000-2017 гг.[1]

Год	Всего, человек			На 1000 человек населения		
	Родив-шихся	Умерших	Естественный прирост	Родив-шихся	Умерших	Естественный прирост
2000	1266800	2225332	-958532	8,7	15,3	-6,6
2001	1311604	2254856	-943252	9,0	15,6	-6,6
2002	1396967	2332272	-935305	9,7	16,2	-6,5
2003	1477301	2365826	-888525	10,2	16,4	-6,2
2004	1502477	2295402	-792925	10,4	15,9	-5,5
2005	1457376	2303935	-846559	10,2	16,1	-5,9
2006	1479637	2166703	-687066	10,3	15,1	-4,8
2007	1610122	2080445	-470323	11,3	14,6	-3,3
2008	1713947	2075954	-362007	12,0	14,5	-2,5
2009	1761687	2010543	-248856	12,3	14,1	-1,8
2010	1788948	2028516	-239568	12,5	14,2	-1,7
2011	1796629	1925720	-129091	12,6	13,5	-0,9
2012	1902084	1906335	-4251	13,3	13,3	0,0
2013	1895822	1871809	24013	13,2	13,0	0,2
2014	1942683	1912347	30336	13,3	13,1	0,2
2015	1940579	1908541	32038	13,3	13,0	0,3
2016	1888729	1891015	-2286	12,9	12,9	-0,01
2017	1690307	1826125	-135818	11,5	12,4	-0,9

[1] Естественное движение населения [Электронный ресурс] URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/

В период 2014-2017 гг. уровень рождаемости начал постепенно снижаться. Данное снижение снова совпало с изменением экономической ситуации в стране. Уровень бедности в стране начинает расти, доходы населения медленно падают. Многие молодые люди оказываются в тяжелой экономической ситуации, в которой они не могут обеспечивать не только будущих детей, но и себя.

В ходе исследования было выявлено, что уровень рождаемости очень чувствителен к политико-экономической ситуации в стране. Уровень рождаемости зависим от уровня бедности населения страны. Связано это с тем, что люди фертильного возраста на современном этапе развития общества в первую очередь задумываются о том, смогут ли они обеспечить себя и будущих детей всем необходимым. Если люди будут уверены в том, что они

смогут прокормить семью и могут рассчитывать на поддержку со стороны государства, то и уровень рождаемости будет расти. Поэтому первоочередные задачи государства в области демографической политики — урегулирование социально-экономической ситуации в стране, повышение уровня доверия молодых людей к государству и уверенности в их будущем.

Список источников

1. Проблема бедности в современной России и возможные пути ее решения / А.С. Селиверстов [и др.] // Молодой ученый. — 2017. — № 7. — С. 276-278.

2. Сафиуллин Р.Г., Сафиуллина Р.М., Фаронова Ю.В. Эффективность территориального развития России: факторы и условия, реальность и тренды // Актуальные вопросы университетской науки: сб. научных трудов. — Уфа, 2016. — С. 400-410.

Информация об авторе

Пономарева Наталья Сергеевна — студент, ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», г. Уфа, ул. Карла Маркса 3/4, e-mail: natalya17017@mail.ru

Ponomareva N.S.

The poverty of the population as one of the socio-economic factors affecting fertility in Russia

The relevance of the study is based on the fact that the demographic situation in modern Russia is of a crisis nature, and the level of poverty in recent years shows a trend of growth. This article discusses the impact of poverty on the level of fertility in Russia, the dynamics of poverty and fertility levels, mortality and natural growth in the time period 2000-2017. As a result of the study, the dependence of fertility on the level of economic well-being of the population of Russia was revealed, possible ways of solving this problem were shown

Keywords: demography, poverty of the population, demographic policy, a living wage, birth rate, natural increase.

Author

Ponomareva Natalia Sergeevna (Russia, Ufa) — student, FSBEI HE «Bashkir State University», e-mail:natalya17017@mail.ru

References

1. The problem of poverty in modern Russia and possible solutions / A. S. Seliverstov [et al.] // Young scientist. — 2017. — No. 7. — P. 276-278.

2. Safiullin R. G., Safiullina R. M., Sharonova Yu. V. Efficiency of territorial development of Russia: factors and conditions, reality and trends // Actual questions of University science. Collection of proceedings. — Ufa, 2016. — P. 400-410.

УДК 314.44

Сандомирский И.А.

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ РИСКАХ[1]

Конкретизирована связь успешности нацпроекта «Демография» с решением социально-экономических проблем. Отмечены последствия нестыковок. Указано на качество жизни в контексте демографических рисков. Даны примеры противодействия информационной агрессии.

Ключевые слова: качество жизни; экспортно-сырьевая модель экономики; налоговая политика; факторы демографического развития, последствия социально-демографических рисков

Демографическое развитие обусловлено как факторами динамики народонаселения, так и факторами социально-экономической политики. В национальных проектах РФ на 2018-2024 годы прослеживается взаимозависимость факторов. Так, экспортно-сырьевая модель экономического развития, неадекватная кредитно-денежная и налоговая политика, изобилующее контрастами социально-экономическое неравенство, гибельная пенсионная реформа, пассивность государства в противодействии информационной агрессии антироссийской направленности не способствуют ни прогрессу страны в целом, ни уверенности граждан в завтрашнем дне. Научное сообщество неоднократно выражало озабоченность демографической ситуацией. Так, член-корреспондент РАН Н.М. Римашевская в 2004 г. в докладе Президиуму РАН отмечала: «К концу 90-х годов, особенно после дефолта 1998 г., стало очевидно, что продолжать формировать рынок в России, не обращая внимания на физическое и психологическое состояние граждан страны, уже невозможно. Однако неолиберальная идеология не позволила адекватно ответить на социальные вызовы. Чтобы переломить гибельные для страны тенденции, необходимо незамедлительно и радикально изменить политику государства, повернуть ее к социальной сфере, руководствуясь идеологией социального государства» [5]. На данные проблемы указывали в 2012 г. С. Гуриев [1], в 2014 г. ученые СО РАН [3], в 2016 г. Б.А. Ревич и др. [4], в 2017 г. Замятина Н.Ю. и Пилясов А.Н. [2] и т.д..» По оценкам ЮНИСЕФ, несомненной доминантой в формировании нездоровья населения России в современных условиях является снижение социально-экономического благополучия ее жителей и, прежде всего, семей с детьми, особенно многодетных и неполных» [8].

К протестам ученых власти не прислушались. Последствия не замедлили сказаться. Это и депопуляция, и утрата семейных ценностей, и «утечка мозгов» и т.д. В национальных проектах на 2018-2024 годы заметны отсутствие системности, ответственности власти, формализм. Представляется неприемлемым отсутствие в нацпроектах мер адекватного противодействия информационной агрессии, проходящей под прикрытием планиро-

[1] © Сандомирский И.А. Текст. 2019

вания семьи и повлекшей тяжелейшие последствия для молодежи (девиантные проявления). Данная агрессия, по сути, несет гибридную угрозу и имеет проводников среди должностных лиц внутри страны. На насаждение чуждых природе человека нравственных ценностей (планирование семьи, childfree — идеология бездетности, baby box, АУЕ, гедонизм, наркоагрессия и т.п) в СМИ и социальных сетях необходимо реагировать в государственном масштабе: комплексной политикой и социальной рекламой, а не конкурсами «для галочки»! И не только призывами к прорыву. На территории Сибири, в том числе в Новосибирской области, велика заболеваемость болезнями системы кровообращения, новообразованиями, также заболеваемость детей и подростков [6,7,8]. Соответственно имеются тревожные показатели смертности и инвалидизации. В территориях Арктической зоны, с их экстремальными условиями, весьма затруднительно получать здоровое потомство. То же касается экологически неблагополучных территорий. Беременные женщины порой не имеют возможности выносить ребенка и родить в комфортных условиях, при надлежащем медицинском обеспечении. Где общественность может в полный голос заявить о многолетних социальных проблемах и обсудить их на уровне специалистов? Система подготовки специалистов демографического профиля не создана. В Уральском федеральном округе готовятся в мае 2019 г. провести X демографический форум. В Новосибирской области и в СФО — ни одного. В России до сих пор не создано Российское демографическое общество. В то время как для создания широкого демографического движения вовсе не потребуются ни триллионы, ни миллиарды затрат. За рубежом имеется положительный опыт создания стимулов и условий привлечения персонала к работе в Арктике. Недостаток внимания к ценностным и информационным приоритетам остро воспринимается обществом, включая и сферу воспроизводства населения. Общий вывод: национальный проект «Демография» нуждается в корректировке.

Список источников

1. Гуриев С. Мифы экономики. Заблуждения и стереотипы, которые распространяют СМИ и политики. — М.: Альпина Бизнес Букс, 2012.

2. Замятина Н.Ю., Пилясов А.Н. Новое междисциплинарное научное направление: арктическая региональная наука // Регион: экономика и социология. — 2017. — № 3.

3. Перспективы и риски развития человеческого капитала в Сибири. — Новосибирск: Изд. СО РАН, 2014.

4. Ревич Б.А. и др. Демографические процессы, динамика трудовых ресурсов и риски здоровью населения Европейской части Арктической зоны России. — М.: «ЛЕНАНД», 2016.

5. Римашевская Н.М. Социально-экономические и демографические проблемы современной России //Вестник РАН. — 2004. — Т.74. — № 3. — С. 209-218.

6. Соболева С.В. Демографическая ситуация в Сибири на фоне общероссийских тенденций // Регион: экономика и социология. — 2014. — № 2.

7. Соболева С.В. и др. Многорегиональный анализ демографических рисков на территории Сибири // Регион: экономика и социология. — 2016. — № 3.

8. Соболева С.В. и др. Особенности динамики заболеваемости детей и подростков СФО в контексте российских тенденций // Регион: экономика и социология. — 2018. — № 3.

Информация об авторе

Сандомирский Игорь Александрович (Россия, Новосибирск) — демограф-общественник, общественное движение «Защитим город-лес Академгородок»

Sandomirskiy I.A

On discussion of the social-demographic risks

The concrete defenition between success of national project "Demography" and solution of social-economic problems is shown. Consequences of unconformity are marked. There is indication to quality of life in demographic risks context. There are examples of opposition to informatinal agression.

Keywords : quality of life, export-resource model of the economy, factors of demographic development, consequences of social-gemographic risks

Author

Sandomirskiy Igor Alexandrovich (Russia, Novosibirsk) — demodraph, public-spirited person, social movement " To defend wood-town Academgorodok"

References

1. Guriev S. Mythes of economics. Errors and steretypes, which MPI and political figures spread. — M.: Alpina Business Books, 2012.

2. Zamyatina N. Y, Pelyasov A.N. A new interdisciplinary area of study: Arctic regional science // Region: Economics and Sociology. — 2017. — No. 3 (95). — P. 3-30.

3. Perspectives and risks of human potencial development in Siberia. — Novosibirsk, Mockery SO RAN, 2014.

4. Revich B.A. and others.Demgraphic processes, dinamics of labour resources and risks for popular health in European-part of arctic Russia- zone. — M.: LENAND, 2016.

5. Rimashevskaya N.M. Social-economic and demographic problems of modern Russia // Herald of RAN. — 2004. — Vol.74. — No. 3. — P. 209-218.

6. Soboleva S.V. Demographic Situation in Siberia against the Background of All- Russian Trends // Region: Economics and Sociology. — 2014 . — No.2 (82). — P. 97-115.

7. Soboleva S.V. and others. The Dinamics of Demographics Risks in Siberia: a Multiregional Analysis // Region: Economics and Sociology. — 2016. — No. 3 (91). — P. 76-97.

7. Soboleva S.V. and others. Features of the Child and Adolescent Morbidity Dynamics of the Sibirian Federal District in the Context of Russian Trends // Region: Economics and Sociology. — 2018. — No. 3 (99). — P. 91-119.

УДК 910.3

Сафиуллин М.Р., Сафиуллина Р.М., Щербина И.В.

ДИНАМИКА ГЕОГРАФИИ БЕДНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ ЗА 2012 — 2018 ГОДЫ[1]

На современном этапе развития России роль демографического фактора приобретает все большее значение. Ухудшающаяся демографическая ситуация в стране актуализирует важность повышения человеческого капитала в регионах страны. Требуется трансформация территориальной социальной политики в России в направлении обеспечения пространственного социально-экономического развития и решение накопившихся проблем в географии эффективной занятости и бедности населения, реального повышения и нивелирования разницы в его доходах. К моменту наступления нового усиливающегося цикла демографического кризиса, который наступит в 2033 году и будет продолжаться до 2050 года, необходимо проблему территориальной бедности населения решить. Главной научно-практической целью географического изучения бедности населения субъектов Российской Федерации является поиск направлений достижения благоприятной для людей пространственной организации социальной жизни. В статье даны анализ и оценка изменений в географии бедности населения в разрезе субъектов Российской Федерации за 2012-2018 годы. Произведена группировка субъектов РФ по уровню бедности населения. Использованы методы статистического, картографического анализа географии бедности. Обосновывается необходимость учета пространственных различий бедности населения в дальнейшем социально-экономическом развитии страны.

Ключевые слова: социальная политика, география бедности, демографическая ситуация, население, субъект, пространственное развитие

Изучение динамики эффективности социального развития с географических позиций позволяет определить общие тенденции и специфику территориально-структурного социального развития регионов России, выявить особенности воздействия территориальных, демографических, социально-культурных факторов на развитие социальной сферы и учесть по возможности сложившиеся тренды при реализации пространственной социальной политики.

В настоящее время научных работ и исследований, посвященных изучению территориальных аспектов социального развития городов и сельских местностей в рыночных условиях, явно недостаточно. Особенно это относится к проблеме географии бедности населения страны. Например, такие важнейшие компоненты территориального социального развития, как доходы населения, уровень бедности, уровень развития здравоохранения, образования, условия труда, жилищное строительство, транспортная обеспеченность, а также новые условия влияния глобализации на террито-

[1] © Сафиуллин М.Р., Сафиуллина Р.М., Щербина И.В. Текст. 2019

риальное социальное развитие в общественной географии остаются также недостаточно изученными.

Главной научно-практической целью географического изучения территориальной эффективности социальной сферы субъектов Российской Федерации является достижение благоприятной для людей пространственной организации социальной жизни. В трудах географов проводятся анализ и оценка факторов и условий эффективного территориального развития России в современных рыночных условиях [2, 4-9].

Показателями, характеризующими территориальную эффективность социального развития страны, являются: уровень доходов населения и его соотношение с величиной прожиточного минимума, занятость на рынке труда, жилищное обеспечение, демографическая ситуация, экологические условия, обеспеченность объектами социальной инфраструктуры и многое другое, что может комплексно фиксировать сложившуюся территориальную ситуацию в социальной сфере страны [1].

Первый показатель, использованный нами для оценки территориального социального развития страны, — уровень среднедушевых денежных доходов населения. Это один их тех показателей, которые характеризуют уровень бедности и территориального благосостояния и качества жизни граждан страны. К сожалению, проблема территориального неравномерного распределения доходов среди социальных групп была, остается и будет актуальна долгие годы.

Среднедушевые доходы в целом по стране сократились с 601 долл. в 2008 году до 516 долл. в 2018 году. Денежные доходы по стране начали снижаться еще с 2014 года. В 2015 году доходы населения снизились на 3,2%, а в 2016 на 6%. В 2018 году среднедушевые доходы сократились по сравнению с 2017 годом на 1,2%. Последний раз максимального уровня доходы в России достигли в 2013 году (814,1 долл.). Таким образом, в стране пятый год подряд происходит снижение денежных доходов на душу населения.

Россияне обеднели за последние три года почти на 20%. При этом наблюдается повышение цен на продукты на 28%, на непродовольственные товары — на 26,2%, на услуги — на 21,3%. Министр труда и социальной защиты М. Топилин в декабре 2018 года заявлял, что населению России не хватает 750-800 млрд рублей, чтобы уровень бедности в стране свести к нулю. В одном из интервью каналу «Россия 24» он отметил, что 13,3% — около 20 млн человек нашей страны — находятся ниже уровня бедности и, что к 2024 году необходимо снизить уровень бедности на 6,5 -6%, т.е. почти в два раза [10].

Рассмотрим в динамике, как изменились среднедушевые денежные доходы населения в территориальном разрезе по субъектам страны за 2008-2018 годы. В связи с высоким уровнем инфляции в России денежные доходы населения пересчитаны в долларовом эквиваленте по курсу доллара за соответствующий год.

В России сохраняется проблема территориального неравенства доходов населения среди субъектов. По-прежнему самая напряженная ситуация, как и за все предыдущие годы, сохраняется на Северном Кавказе (Ингуше-

тия — 259 долл., Карачаево-Черкессия — 294, Кабардино-Балкария — 349 и Чечня — 380 долл.). Три проблемных региона выделялись в Сибирском федеральном округе: Тыва — 241 долл., Алтай — 315 и Забайкальский край — 380 долл. На Дальнем Востоке проблемной остается Еврейская АО — 401 долл., а в Южном ФО — Калмыкия (252 долл.). Для всех этих субъектов характерны существенная хроническая бедность и низкий уровень социально-экономического развития.

Безусловными лидерами являются Ямало-Ненецкий (1230 долл.) и Ненецкий (1208 долл.) АО, районы Крайнего Севера, в которых добывается более 90% российского природного газа и 6% нефти. К числу лидирующих регионов по среднедушевым денежным доходам населения относятся г. Москва, Московская область, г. Санкт-Петербург, Чукотский АО, Татарстан, Магаданская и Сахалинская области.

Таким образом, в России четко выражена сохраняющаяся и расширяющаяся территориальная диспропорция по среднедушевым доходам населения. Самые высокие показателя дохода характерны для богатых природными ресурсами, прежде всего нефтью и газом, регионов, г. Москвы и Московской области, г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Что касается самых бедных регионов, то сюда вошли удаленные от центра районы, где отсутствуют разработки газа и нефти и слабо развиты промышленность, сельское хозяйство и туризм [3].

Население России продолжает беднеть, несмотря на то, что официальная статистика страны гласит о выходе экономики из кризиса. Согласно данным, предоставляемым Росстатом, количество людей, имеющих доходы ниже прожиточного минимума, в 2018 году составило около 20 млн человек (12,9%), что практически не изменилось в сравнении с предыдущим годом (13,2 %), но эксперты считают, что эти значения выше в 1,5-2 раза. Соцопросы же показывают, что около 80 % граждан причисляют себя к категории бедняков. Это может быть выгодно тем, что властям не придется выделять дополнительных материальных средств на помощь беднякам [10]. Президент В.В. Путин в майском указе 2018 года поставил перед правительством задачу снизить к 2024 году уровень бедности в 2 раза. Если брать за основу показатель 2018 года, то к 2024 году он как минимум должен снизиться до 6,6 %.

В стране сформировалась устойчивая территориальная диспропорция в уровне бедности населения. Самыми обеспеченными в материальном плане субъектами, т.е. где доля населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума не превышала 12%, по данным за 2018 год, являются г. Москва, Ненецкий, Ямало-Ненецкий и Ханты- Мансийский АО, Чукотский АО и Сахалинская область.

Самыми бедными являются республики Адыгея, Карачаево-Черкессия, Кабардино-Балкария, Ингушетия, Дагестан, Калмыкия, Марий Эл, Алтай, Тыва и Еврейская автономная область. В центральной части России также имеются регионы с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума: Смоленская и Псковская области.

Таким образом, проблема устойчивой территориальной бедности населения в России относится к числу приоритетных национальных проектов. Требуется использование эффективных мер, направленных на обеспечение социально-экономического развития страны за счет приоритетного расширения внутреннего потребительского рынка страны, с обеспечением повышения реальной заработной платы и доходов населения (как работающего, так и пенсионного), обязательной отменой и введением до 2024 года дифференцированный шкалы налогообложения (с доведением максимальной шкалы налогообложения на доходы до 50%), сокращением бюджетных расходов на военные цели и увеличением бюджетного финансирования науки, здравоохранения, школьного и вузовского образования.

Список источников

1. Бакланов П.Я. Пространственное развитие региона: основные принципы и подходы к анализу и оценкам // Социально-экономическая география. Вестник ассоциации российских географов-обществоведов. — 2017. — № 6. — С. 4 — 12.

2. Гатауллин Р.Ф., Сафиуллин Р.Г., Исянбаев М.Н., Гарипов Ф.Н., Каримов А.Г. и др. Структуризация экономического пространства региона: сущность, факторы, проектирование. — Уфа: ИСЭИ УНЦ РАН, 2016. — 216с.

3. Кузнецова О.В. Доходы населения крупнейших российских мегаполисов как важная составляющая качества жизни // Проблемы теории и практики управления. — 2019. — № 9. — С. 6 — 9.

4. Салимгареев Н.Г., Сафиуллин Р.Г. Критерии оценки пространственного развития региона // Регионология. — 2009. — № 3. — С. 19-27.

5. Сафиуллин Р.Г., Сафиуллина Р.М., Хамадеева З.А., Глухих И.А. География миграционных процессов Республики Башкортостан: содержание, эволюция, политика. — Уфа: УГАЭС, 2012. — 136 с.

6. Сафиуллин Р.Г., Сафиуллина Р.М. Территориально-структурная оценка геодемографической ситуации арктических территорий России // Социально-экономические и пространственно-временные особенности развития демографических процессов в регионах России. материалы VI Уральского демографического форума с международным участием / отв. редакторы: А. И. Татаркин, А.И. Кузьмин. — Екатеринбург: УрО РАН, 2015. — С. 349-355.

7. Сафиуллин Р.Г., Сафиуллина Р.М. Эффективность территориального развития России: теория, реальность, проблемы // Инновационные технологии управления социально-экономическим развитием регионов России. — Уфа: ИСЭИ УНЦ РАН, 2015. — С. 37-47.

8. Сафиуллин Р.Г. Эффективность территориального развития России: факторы и условия, реальность и тренды / Р.Г. Сафиуллин, Р.М. Сафиуллина, Ю.В. Фаронова // Актуальные вопросы университетской науки: сб. научных трудов. — Уфа, 2016 — С. 400–410.

9. Сафиуллин Р.Г., Сафиуллина Р.М., Щербина И.В. Территориальная эффективность социального развития России // Пространственная организация общества: теория, методология, практика: материалы Всероссийской научной конференции. — Пермь: ПГНИУ, 2018. — С. 263-268.

10. Уровень и черта бедности в России в 2018 — 2019 годах: статистика в процентах, самые бедные города и регионы [Электронный ресурс]. URL: https://visasam.ru/russia/goroda/bednost-v-rossii.html (дата обращения: 14.12. 2018)

Информация об авторах

Сафиуллин Марат Радикович (Россия, Уфа) — кандидат географических наук, доцент кафедры туризма, геоурбанистики и экономической географии ФГОУ ВПО «Башкирский государственный университет» (450074, Республика Башкортостан, г.Уфа, ул. К. Маркса, д.3/4; e-mail: Marek1987@yandex.ru)

Сафиуллина Роза Маратовна (Россия, Уфа) — кандидат географических наук, доцент кафедры туризма, геоурбанистики и экономической географии, Башкирский государственный университет (Республика Башкортостан, 450074, г. Уфа, ул. Карла Маркса, ¾; e-mail — RMSafiullina@yandex.ru).

Щербина Ирина Васильевна (Россия, Уфа) — студентка 4 курса географического факультета ФГОУ ВПО «Башкирский государственный университет» (Республика Башкортостан, 450074, г.Уфа, ул. К. Маркса, д.3/4; e-mail: ira.shcherbina.97@mail.ru)

Safiullin M. R., Safiullina R.M., Shcherbina I. V.

The dynamics of the geography of poverty of the Russian population for 2012 — 2018 years

At the present stage of Russia's development, the role of the demographic factor is becoming more important than before. The deteriorating demographic situation in the country actualizes the importance of increasing human capital in the country's regions. It is necessary to transform the territorial social policy in Russia in the direction of ensuring spatial socio-economic development and the solution of the accumulated problems in the geography of effective employment and poverty of the population, the real increase and leveling of the difference in income of the population. By the time the new cycle of the growing demographic crisis, which will come in 2033 and will last until 2050, should the issue of territorial poverty to solve it. The main scientific and practical purpose of the geographical study of poverty of the population of the Russian Federation is to find ways to achieve a favorable spatial organization of social life for people. The article analyzes and assesses the changes in the geography of poverty in the context of the subjects of the Russian Federation for 2012-2018. The grouping of subjects of the country on the level of poverty of the population is made. The methods of statistical, cartographic analysis of the geography of poverty are used. The necessity of taking into account the spatial differences of poverty in the future socio-economic development of the country.

Keywords: social policy, geography of poverty, demographic situation, population, subject, spatial development

Authors

Safiullin Marat Radikovich (Russia, Ufa) — candidate of geographical Sciences, associate Professor of tourism, geourbanistics and economic geography Department of the Bashkir state University (Republic of Bashkortostan, 450074, Ufa, K. Marx str., ¾; e-mail: Marek1987@yandex.ru)

Safiullina Rosa Maratovna (Russia, Ufa) — candidate of geographical Sciences, associate Professor of tourism, geourbanistics and economic geography, Bashkir state University (Republic of Bashkortostan, 450074, Ufa, Karl Marx str., ¾; e-mail: RMSafiullina@yandex.ru).

Shcherbina Irina Vasiliyevna (Russia, Ufa) — 4th year student of the faculty of geography of FSU VPO «Bashkir state University» (Republic of Bashkortostan, 450074, Ufa, K. Marx str., ¾; e-mail: ira.shcherbina.97@mail.ru)

References

1. Baklanov P. Ya. Spatial development of the region: basic principles and approaches to analysis and evaluation / P. Ya. Baklanov // Socio-economic geography. Bulletin of the Association of Russian geographers and social scientists. — 2017. — No. 6. — P. 4 — 12.

2. Gataullin R. F., Safiullin R. G., Isyanbayev M. N., Garipov F. N., Karimov A. G. et al. Structuring the economic space of the region: essence, factors, design. — Ufa: ISEI Usc RAS, 2016. — 216 p.

3. Kuznetsova O. V. Incomes of the population of the largest Russian megacities as an important component of quality of life // Problems of theory and practice of management. — 2019. — No. 9. — P. 6 — 9.

4. Salimgareev N. G., Safiullin R. G. Criteria for assessing the spatial development of the region // Regionology. — 2009. — No. 3. — P. 19-27.

5. Safiullin R. G., Safiullin R. M., Khamadeeva Z. A., Glukhikh I. A. Geography of migration processes in the Republic of Bashkortostan: content, evolution, politics. — Ufa: ugaes, 2012. — 136 p.

6. Safiullin R. G., Safiullina R. M. Territorial and structural assessment of the geodemographic situation of the Arctic territories of Russia // Socio-economic and spatio-temporal features of demographic processes in the regions of Russia: Materials of the VI Ural demographic forum with international participation. OTV. Editors: A. I. Tatarkin, A. I. Kuzmin. — Ekaterinburg: UO Russian Academy of Sciences, 2015. — P. 349-355.

7. Safiullin R. G., Safiullina R. M. Efficiency of territorial development of Russia: theory, reality, problems // Innovative technologies of management of social and economic development of regions of Russia. — Ufa: ISEI UNC RAS, 2015. — P. 37-47.

8. Safiullin R. G. The Effectiveness of territorial development in Russia: factors and conditions, reality and trends / R. G. Safiullin, R. M. Safiullina, Voronova Y. V. // Actual problems of University science. Collection of proceedings. — Ufa, 2016. — P. 400-410.

9. Safiullin R. G., Safiullina R. M., Shcherbina I. V. Territorial efficiency of social development of Russia: Materials of the all-Russian scientific conference // Spatial organization of society: theory, methodology, practice. — Perm: PGNIU, 2018. — P. 263-268.

10. Level and poverty line in Russia in 2018 — 2019: statistics in percent, the poorest cities and regions [Electronic resource]. URL: https://visasam.ru/russia/goroda/bednost-v-rossii.html (accessed on 14.12. 2018)

УДК 314.8

Симагин Ю.А.

ДИНАМИКА СИСТЕМЫ МАЛЫХ ГОРОДСКИХ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ РОССИИ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА[1]

В статье рассмотрены тенденции развития в последние десятилетия самых малых по количеству жителей городских населенных пунктов России — поселков городского типа. Выявлено катастрофическое сокращение сети таких поселков и численности населения в них — значительно более существенное, чем по сети населенных пунктов страны в целом. Рассмотрены особенности разных функциональных типов таких поселков, которые во многом определяют перспективы их будущего социально-экономического развития.

Ключевые слова: поселки городского типа России, моноотраслевые населенные пункты, динамика системы расселения

В России, в отличие от большинства стран мира, существует две формы городских населенных пунктов — города и поселки городского типа (ПГТ). ПГТ — это, как правило, самые малые по количеству жителей городские населенные пункты. Тем не менее, они имели важное значение в процессах урбанизации нашей страны, особенно на региональном уровне. ПГТ появились в 1920-е гг. как переходная форма между «настоящими» городами и сельскими населенными пунктами. Введение в тот период новых критериев разделения населенных пунктов на городские и сельские было вызвано необходимостью устранить противоречие между экономическими функциями и административным статусом, которое отмечалось В.П. Семеновым-Тян-Шанским для многих крупных сельских населенных пунктов Российской империи в начале XX века [4, с. 85-87].

Введение новых критериев выделения городских населенных пунктов было приурочено к первой послереволюционной всеобщей переписи населения страны 1926 года. Проведенная реформа была научно обоснованной и оправданной с точки зрения улучшения административного управления территориями. Хотя, по всей видимости, она имела и определенный идеологический оттенок — стремление властей социалистического государства увеличить долю «прогрессивных» городских жителей по сравнению с «отсталыми» сельскими. При этом четко разделить все населенные пункты только на города и сельские населенные пункты при уровне развития урбанизации того времени, когда многие относительно крупные неаграрные поселения находились на начальной стадии своего городского развития, было очень сложно. Поэтому в России и других республиках СССР и была введена новая категория населенных пунктов — поселки городского типа.

На территории современной России поселков городского типа уже в 1920-е гг. было образовано значительно больше, чем существовало горо-

[1] © Симагин Ю.А. Текст. 2019

дов. В итоге к моменту переписи населения в декабре 1926 г. ПГТ в стране было в 1,5 раза больше, чем городов, — 702 и 461 соответственно. Предполагалось, что по мере развития неаграрных отраслей экономики, в первую очередь приоритетной для государства в то время промышленности, численность населения поселков будет расти, и со временем они станут «настоящими» городами. То есть ПГТ должны были стать промежуточным звеном на пути преобразования сельских населенных пунктов, поселений в города.

При этом уже с 1930-х гг. статистические данные свидетельствуют о том, что ПГТ стали развиваться по своему «особому» пути. Существовавшие ранее и многочисленные вновь появлявшиеся поселки при небольших промышленных предприятиях, как правило, не вырастали в города. С конца 1940-х гг. широко распространилась тенденция образования новых городов из сельских населенных пунктов или на «пустом месте», а не из ПГТ. В итоге к концу 1950-х гг. ПГТ в России оформились как особый тип населенных пунктов, промежуточный между сельскими населенными пунктами и городами, но не находящийся непосредственно на пути преобразования сел в города, что и было зафиксировано в материалах всеобщей переписи населения 1959 года.

Двойственная «сельско-городская» сущность не мешала ПГТ успешно расти и развиваться в условиях увеличения численности населения и экономического потенциала страны в период 1950 — 1980-х гг. Количество поселков городского типа, численность и доля населения в них в численности населения России вплоть до начала 1990-х гг. увеличивались — максимальным количество ПГТ в России было в 1991 году, когда их насчитывалось около 2,2 тыс. Хотя с 1960-х гг. начали сокращаться средняя численность жителей в одном ПГТ и их доля в городском населении страны (табл. 1).

Таблица 1

Основные характеристики поселков городского типа России, по данным всеобщих переписей населения*[5][1]

Характеристика	1926	1959	1989	2002	2010	2018
Количество ПГТ, единиц	702	1459	2193	1842	1286	1195
Численность населенХия в них, тыс. чел.	2557	9447	13510	10513	7787	7134
Средняя численность населения в одном ПГТ, тыс. чел.	3,6	6,5	6,2	5,7	6,1	5,9
Доля населения ПГТ в населении России, %	2,8	8,0	9,2	7,2	5,5	4,9
Доля населения ПГТ в городском населении России, %	15,4	15,3	12,5	9,9	7,4	6,5

* 2018 год — по данным текущего учета численности населения.

[1] Официальный сайт государственной службы статистики Российской Федерации (Росстата). URL: http: www.gks.ru. (дата обращения: 22.10.2018)

То есть ПГТ росли, но медленнее, чем города, при сокращении численности сельского населения в стране. После начала радикальных реформ в 1990-е гг. система ПГТ стала развиваться совершенно иначе, чем системы городов и сельских населенных пунктов страны. Численность населения ПГТ сильно сократилась — на 47,3% за 1989-2018 гг. (население всей России в сравнимых границах за этот период уменьшилось примерно на 4%), а доля ПГТ в населении страны снизилась с 9,2 до 4,9%. В 2010-2018 гг. численность населения России в целом увеличивалась, но депопуляция в ПГТ не прекращалась. То есть при общих негативных тенденциях динамики численности населения России в последние десятилетия особенно ярко этот процесс проявился именно в ПГТ, которые оказались, таким образом, наиболее «пострадавшей» с начала 1990-х гг. категорией населенных пунктов страны.

При этом примерно ¾ сокращения численности населения ПГТ за период с начала 1990-х гг. пришлись на административно-территориальные (в последние годы — муниципально-территориальные) преобразования. Их основная тенденция заключается в преобразовании поселков городского типа в сельские населенные пункты. Только за счет этого процесса за 1991-2017 гг. прекратили свое существование более 800 ПГТ с общей численностью населения около 3 млн человек. Произошла «административная рурализация» [1], затормозившая рост доли городского населения в стране, наблюдавшийся на протяжении почти всего XX века. Особенно массовыми преобразования городских населенных пунктов в сельские были в таких субъектах Российской Федерации, как Алтайский край, Ростовская, Оренбургская и Тюменская области, республики Карелия, Калмыкия, Алтай и Удмуртия. В целом можно сказать, что преобразования были более характерными для национальных автономий и южных аграрных регионов России. В некоторых субъектах Российской Федерации не осталось ни одного ПГТ, тогда как в начале 1990-х гг. таких регионов в стране не было. Фактически из системы расселения «пропал» важный элемент, объединявший в единое целое городские и сельские населенные пункты.

Произошедшие преобразования имели как объективные, так и субъективные причины. Среди первых — реально произошедшее сокращение численности населения и неаграрного экономического потенциала во многих ПГТ, что было особенно характерно для периода острого социально-экономического кризиса 1990-х гг. В итоге многие поселки перестали удовлетворять статистическим критериям выделения городских населенных пунктов по численности населения и структуре занятости. Главная субъективная причина — материальная заинтересованность жителей в преобразованиях. Сельское население в России имеет определенные льготы по сравнению с городским — больше возможностей получения земли для ведения личного подсобного хозяйства, меньше тарифы на электроэнергию, существенные надбавки к заработной плате для работников бюджетной сферы. Кроме этого, урбанизация и городской образ жизни не укоренились в культуре и сознании основной массы населения страны, хотя уже с 1950-х гг. большинство жителей считались горожанами [2]. Корень этого в

фактически сельском образе жизни населения небольших городов и ПГТ с их низкой степенью благоустройства, преобладанием усадебного жилья, незначительным количеством центров культуры.

Еще около 300 ПГТ за период 1991-2017 гг. исчезли вследствие присоединения их к соседним городам в рамках проводившейся с 2003 года муниципальной реформы. При этом вся территория страны была разделена на городские округа и муниципальные районы, а последние — на городские и сельские поселения. ПГТ в рамках этой системы могут существовать только в муниципальных районах в качестве городских поселений. Тогда как в городских округах никаких других городских населенных пунктов, кроме главного города, быть не может. Присоединение многих ПГТ, реально находившихся непосредственно вблизи городов («пригородных») в этой системе муниципальных образований, можно считать оправданным. Но частями городов стали и удаленные ПГТ, особенно в рамках набирающего масштабы в последние годы процесса преобразования муниципальных районов в городские округа. Особенно широкое распространение эта тенденция получила в областях Свердловской, Сахалинской, Московской. При этом бывшие ПГТ становятся удаленными «городскими микрорайонами», теряя местное самоуправление. Вслед за этим начинает сворачиваться сеть учреждений обслуживания жителей — школы, детские сады, поликлиники и др. Поэтому усиливается отток молодежи и трудоспособного населения. Например, после преобразования Шатурского муниципального района Московской области в городской округ бывшие поселки городского типа Радовицкий, Черусти, Мишеронский и другие стали микрорайонами города Шатуры, хотя удалены от него по автодорогам на 20-40 км. Такая ситуация является очевидной деформаций реально существующей системы расселения и способствует депопуляции бывших ПГТ.

Около ¼ сокращения численности населения ПГТ за период с начала 1990-х гг. примерно в равной степени приходится на естественную убыль и отрицательное сальдо миграций, характерные для большинства из сохранившихся поселков городского типа. Эти процессы взаимосвязаны, так как уезжают из ПГТ в основном молодежь и население трудоспособного возраста с детьми. То есть миграционный отток приводит к постарению возрастной структуры оставшегося населения, что, в свою очередь, приводит к усилению или появлению естественной убыли. В итоге за сравнительно короткое время население может сократиться не только до необходимых для формального существования ПГТ 2-3 тыс. постоянных жителей, но и вообще практически исчезнуть. Примеров последнего итога довольно много можно было наблюдать на протяжении последних 25 лет в регионах Крайнего Севера и Дальнего Востока России. Так, по состоянию на начало 2018 года имелось 2 ПГТ без населения в Республике Саха (Якутии), 3 — в Республике Коми, 4 — в Магаданской области.

Таким образом, повышенная естественная убыль в ПГТ связана со старой возрастной структурой населения — более старой, чем в городах (но более молодой, чем в российской сельской местности), а также с низкой «го-

родской» рождаемостью. То есть рождаемость в ПГТ такая же низкая, как в городах, а смертность — почти такая же высокая, как в сельской местности. Миграционное сальдо большинства ПГТ отрицательное, поскольку они не имеют ни свободных рабочих мест и высокого социально-экономического потенциала в целом (как большие города), ни свободного жилья и широких возможностей самообеспечения за счет занятия сельским хозяйством (как сельские населенные пункты) [3, с. 98].

Миграционный отток молодежи и трудоспособного населения из ПГТ во многих случаях связан также с тем, что большинство из них имеют моноотраслевой характер экономики. При плановой экономике советского типа это способствовало появлению многочисленных ПГТ по мере экономического освоения территорий и формирования новых отраслей промышленности. Но в рыночных условиях зависимость всей жизнедеятельности поселка от стабильного функционирования одного-двух, к тому же сравнительно небольших, как правило, предприятий, может иметь очень негативные последствия. Полифункциональными можно считать лишь ПГТ, являющиеся районными центрами или расположенные около больших городов («пригородные»). Но в сумме поселки этих двух функциональных типов составляют лишь около 1/3 ПГТ России. Остальные 2/3 — это фактически моноотраслевые населенные пункты, большинство из которых являются центрами добывающей или тяжелой обрабатывающей промышленности (табл. 2). Не удивительно, что в случае кризиса или закрытия градообра-

Таблица 2

Распределение ПГТ России по функциональным типам [6, с. 61-70]

Функциональный тип ПГТ	Доля от количества ПГТ, %	Средняя численность населения, тыс. чел.	Динамика численности в конце XX — начале XXI вв., %*
Районный центр	23,6	7,9	-5,1
Пригородный центр	9,4	7,7	-0,8
Центр тяжелой обрабатывающей промышленности	21,1	5,7	-9,6
Центр легкой или пищевой промышленности	8,2	4,3	-6,1
Центр добывающей промышленности	25,8	4,3	-19,9
Центр строительства	0,8	5,7	+9,1
Транспортный центр	3,0	5,2	-15,6
Военный центр	1,6	7,9	+0,5
Научный центр	0,2	9,4	+6,6
Курортный центр	1,0	3,7	-10,3
«Остаточный» центр	4,3	0,9	-41,9
Тип не определен	1,0	5,5	-12,1
Все ПГТ	100	5,7	-11,7

* Для ПГТ, существовавших в 2002 г.

зующих предприятий, что особенно широко было распространено в России в 1990-е гг., население таких поселков начинает быстро сокращаться — в некоторых случаях вплоть до полного исчезновения. Из данных таблицы 2 видно, что наиболее быстрыми темпами сокращается население именно «остаточных» ПГТ, то есть таких, в которых закрылись все градообразующие предприятия.

Еще сильнее влияют преобразования на динамику сельского населения, как это видно из данных таблицы 3. На территориях, которые были преобразованы из муниципальных районов в городские округа за период после проведения всеобщей переписи населения 2010 года, сельское население сокращалось в 2 раза быстрее, чем по стране в целом. В тех регионах, где численность сельского населения увеличивалась (например, в Московской области), рост в преобразованных районах был значительно медленнее, чем в сохранивших статус муниципальных районах.

В итоге административной мерой для стабилизации ситуации в малых городских населенных пунктах и сельской местности, не требующей финансовых затрат, можно назвать запрет на преобразование районов в городские округа, особенно в тех случаях, где площади районов значительные, а больших городов в их составе нет, — это полностью соответствует сути существующего законодательства о местном самоуправлении. В моноотраслевых поселках прежде всего необходима особая поддержка малого и среднего бизнеса, самозанятости населения — именно эти формы экономической активности в малых городских населенных пунктах способны сформировать разнообразие сфер деятельности для жителей, повысить уровень их жизни. От научного сообщества требуется разработка «типо-

Таблица 3

Динамика численности сельского населения за период 2010-18 гг. [1]

Территория	Численность населения, тыс. человек		Динамика численности населения, %
	2010 г.	2018 г.	
Муниципальные районы, преобразованные в городские округа (без Москвы и Московской области)	861,5	834,2	-3,2
Сельское население России без Москвы и Московской области	36057,9	35472,9	-1,6
Муниципальные районы, преобразованные в городские округа в Москве и Московской области	412,1	420,7	+2,1
Муниципальные районы, сохранившие статус в Москве и Московской области	1411,4	1543,9	+9,4

[1] Официальный сайт государственной службы статистики Российской Федерации (Росстата). — URL: http: www.gks.ru. (дата обращения: 22.10.2018)

вых» программ социально-экономического развития для ПГТ в зависимости от их функционального типа, географического положения, транспортной доступности. Региональные и муниципальные органы власти смогут дорабатывать такие «типовые» программы для конкретных условий, что значительно проще, чем разрабатывать индивидуальные программы социально-экономического развития для каждого поселка.

Таким образом, можно сказать, что в России в последние десятилетия ПГТ совместили недостатки больших городов и сельских населенных пунктов, одновременно не располагая соответствующими достоинствами. С этим во многом связано быстрое сокращение численности населения ПГТ. При этом именно ПГТ вместе с малыми городами во многих регионах России образуют каркас городского расселения, разрушение которого приведет не только к значительному ухудшению условий жизни всего населения, но и в перспективе к полному обезлюдению многих территорий. Поэтому для прекращения деградации и возрождения системы самых малых городских населенных пунктов России необходимы разработка и реализация специальных программ их развития, осуществляемых органами власти всех уровней, частным бизнесом и общественными организациями.

Список источников

1. Алексеев А.И., Зубаревич Н.В. Кризис урбанизации и сельская местность России // Миграции и урбанизация в СНГ и Балтии в 90-е годы. — М.: Центр изучения проблем вынужденной миграции в СНГ, 1999. — С. 83-94.

2. Алексеев А.И., Симагин Ю.А. Аграрный характер российского менталитета и реформы в сельской местности России // Российские регионы в новых экономических условиях. — М.: Институт географии РАН, 1996. — С. 120-126.

3. Демография: учебное пособие / под ред. В.Г. Глушковой и Ю.А. Симагина. — М.: КНОРУС, 2013. — 304 с.

4. Лаппо г.М. Истинные города В.П. Семенова-Тян-Шанского сегодня // Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен. — М.: ОГИ, 2001. — 560 с.

5. Население России. 2000 год. — М.: Центр демографии и экологии человека, 2001. — 90 с.

6. Симагин Ю.А. Поселки городского типа России: трансформация сети и особенности населения. — М.: Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН, 2009. — 224 с.

Информация об авторе

Симагин Юрий Алексеевич (Россия, Москва) — кандидат географических наук, доцент, заведующий лабораторией, Институт социально-экономических проблем народонаселения РАН (117218, Москва, Нахимовский проспект, 32; e-mail: yas63@yandex.ru).

Simagin Y. A.

Dynamics of system of small towns points of Russia in the early XXI century

The article deals with the development trends in the last decade of the smallest number of residents of urban settlements in Russia. A catastrophic reduction in the network of such settlements and the population in them — much more significant than the network of settlements in the country as a whole. The features of different functional types of such

settlements are indicated, which largely determine the prospects for their future socio-economic development.

Keywords: settlements of urban-type of Russia, single-industry settlements, the dynamics of the system baseline

Author

Simagin Yuriy Alekseevich (Russia, Moscow) — Cand. Sc. (Geography), Associated Professor, Head of Laboratory of Institute for Socio-Economic Studies of the Population, Russian Academy of Science (117218, Russia, Moscow, Nachimovskiy, 32; e-mail: yas63@yandex.ru.

References

1. Alekseev A. I., Zubarevich N. V. Crisis of urbanization and rural areas of Russia // Migration and urbanization in the CIS and Baltic States in the 1990s. — Moscow: Center for the study of forced migration in the CIS, 1999. — P. 83-94.

2. Alekseev A. I., Simagin Yu. A. A. Agrarian character of Russian mentality and reforms in rural Russia // Russian regions in new economic conditions. — Moscow: Institute of geography, RAS, 1996. . — P. 120-126.

3. Demography: a textbook. / Under the editorship of V. G. Glushkova and Yu. A. Simagin. — M.: KNORUS, 2013. — 304 p.

4. Lappo G. M. The true cities of V. P. Semenov-Chan-Shan today // City and village in European Russia: a hundred years of change. — M.: OGI, 2001. — 560 p.

5. Population of Russia. 2000. — Moscow: Center for demography and human ecology, 2001. — 90 p.

6. Simagin Yu. A. Urban settlements of Russia: the transformation of the network and the features of the population. — Moscow: Institute of socio-economic studies of population RAS, 2009. — 224 p.

УДК 314.37

Субхонов А.И. , Носирзода А. Одинаев Дж. К., Азизова У.У.

ВОПРОСЫ ПЛАНИРОВАНИЯ СЕМЬИ В УСЛОВИЯХ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН

Данная статья посвящена вопросам планирования семьи в условиях рыночной экономики. В статье на основе официальных статистических данных посредством анализа суммарного коэффициента рождаемости в разрезе города и села, а также коэффициента рождаемости по возрастам матери дается характеристика планирования семьи в Республике Таджикистан.

Ключевые слова: семья, рождаемость, суммарный коэффициент рождаемости, репродуктивный возраст, возраст матери, статистика

Планирование семьи является одним из элементов, важных для рыночной экономики и оптимального демографического развития, ибо рыночная экономика не будет принимать семью как некий традиционно уважаемый социальный объект, потому что такой системе экономики необходимы только трудовые ресурсы. Необходимость расширения современных методов планирования семьи в республике является весьма актуальной с двух точек зрения: во-первых, население является молодым, к примеру, доля трудоспособного населения в начале 2018 года составила 60,2%, а население моложе трудоспособного возраста составило 34,3%, то есть в Таджикистане большой демографический потенциал, что и требует расширения доступного и качественного планирования семьи; во-вторых, доля населения в сельской местности в том же году составила 73,6%, но при этом она не имеет тенденцию к снижению, поэтому вопросы рождения и репродуктивных установок женщины являются актуальными для республики.

Рождение детей в развитых странах не является актуальным вопросом, ибо ребенок терял свою ценность, затем и семья теряла свою ценность, но в развивающихся странах пока позитивная динамика еще держится в силу сохранившихся традиций, обычаев и др.

Рождение того или иного количества детей в семьях обусловливается социально-экономическим и социально-демографическим состоянием семьи. Традиционно каждая семья желает иметь детей, ибо без детей она считается неполной семьей, а в новых условиях рыночной экономики семья может не иметь детей или ограничить их количество до желаемого. Оба случая имеют пагубные последствия, в первом случае чрезмерное увеличение количества многодетных семьей ведет к перенаселению, а далее к демографическому кризису, во втором случае чрезмерное уменьшение количества малодетных семей ведет к депопуляции, далее демографическому кризису. Как мы видим, оба случая являются барьером для устойчивого демографического развития и экономического роста страны, поэтому в демографической науке было выдвинуто такое понятие, как демографиче-

ский оптимум * [1, с. 549-550]. Проблема оптимума населения выдвигалась еще мыслителями древности (Конфуций, Платон, Аристотель и др.)

Со временем, в процессе развития семьи, репродуктивные установки* женщины менялись, на их изменение оказали влияние различные факторы как внутреннего, так и внешнего характера, в зависимости от развитости страны [1, с. 655-656]. Каждый этап общественного развития внес свои корректировки. К примеру, в развитых странах по причине долговременного устойчивого экономического развития семейные ценности менялись, на место создания традиционной семьи с определенным количеством детей приходят фиктивные браки, некоторые традиционные функции семьи коренным образом менялись, а часть из них перестала существовать. К примеру, свойственное природе человека стремление к воспроизводству себе подобного и соответствующее поведение человека создавали предпосылку для планирования семьи** [1, с. 576], а это в свое время требовало внести изменения в демографическое, репродуктивное и матримониальное поведение населения. В то время как в развивающихся странах пока в силу социально-экономических и религиозных причин сохраняется традиционный уклад жизни, то есть традиционный подход к созданию семьи и репродуктивному поведению, и формировалась закономерность, что второй подход является более устойчивым и перспективным. По данному вопросу был проведен глубокий анализ С.И. Исламовым [2, с. 5-14], который отметил, что «…каждый исторически длительный этап общественного развития (с позиции формационного подхода — первобытнообщинное, рабовладельческое, феодальное, капиталистическое, коммунистическое) в зависимости от уровня общественного развития складывается специфическая тенденция рождаемости и смертности».

Резкий переход от плановой к рыночной экономике и обострение социально-экономической ситуации коренным образом требовали пересмотреть «демографический путь», характеризующийся высоким коэффициентом рождаемости, низким уровнем мобильности населения и т.п., избранный еще до распада СССР, для адаптации к современным условиям. По объективным причинам плавного перехода к рыночному пути демографического развития не получилось, и чтобы переставить «демографическую тележку» на другие рельсы, были задействованы соответствующие международные организации, при основной упор был сделан на планирование семьи путем раздачи бесплатных презервативов в вузах и др. местах, в основном среди молодежи, и это был первый шаг для осведомления населения о различных методах планирования семьи, которые не практиковались

[1] Наиболее рациональный из всех возможных с точки зрения избранного критерия тип воспроизводства населения данной страны или общества, включая не только оптимальную интенсивность процессов рождаемости и смертности, но и соответствующее воспроизводство демографических структур, а также миграцию населения.

[2] Социопсихический регулятор поведения, предрасположенность личности, определяющая согласованность разного рода действий, обусловленных положительным или отрицательным отношением к рождению определенного числа детей.

в республике, но существовали в развитиях странах. По этому вопросу С.И. Исламов в своей работе отметил, что «в Республике Таджикистан индивидуальный контроль рождаемости и использование средств контрацепции практически использовались давно, но при весьма необходимых случаях. Наши исследования в 80-х годах XX века показали, что основная часть простого населения (преимущественно сельского) смутно представляла себе планирование семьи и использование средств контрацепции» [3].

Демографический аспект планирования семьи был исследован С.И. Исламовым и в работе под названием «К вопросу о планировании семьи», он писал: «Планирование семьи, на научной основе, возникло в классовом обществе при капитализме, духовным вдохновителем которого был Томас Роберт Мальтус. Он впервые подвел под демографическую политику научно-реакционную основу. До него в рабовладельческом обществе тоже проводилась демографическая политика, но она не была научно обоснованной, а была чисто практической и политической. Она допускала для уменьшения численности населения детоубийство, ухудшение экономических условий жизни населения и другие меры» [3].

Показатели рисунка 1 свидетельствуют, что семьи в республике в целом принимают планирование семьи, поскольку суммарный коэффициент рождаемости в разрезе города и села снизился с 3,5 до 2,5 (в процентном отношении — 28,6%), в селе число детей уменьшилось с 6 до 3 (в процентном отношение — 100,0%). Следовательно, можно констатировать факт,

Рис. 1. *Суммарный коэффициент рождаемости населения в Республике Таджикистан (РТ) за 1990-2017 гг. [5]*
(2010 ОМДМС) Обследование младенческой, детской и материнской смертности, 2010 г.
(2012 МДИ) Медико-демографическое исследование, 2012 г.
(2017 МДИ) Медико-демографическое исследование, 2017 г.

что в сельской местности наблюдается массовое применение методов планирования семьи. В городской местности, на наш взгляд, наблюдается плавный переход репродуктивных установок в сторону малодетности (1-2 ребенка), в то же время в сельской местности формировалась тенденция к среднедетности семьи (3-4 ребенка).

Кроме официальных статистических данных, в диаграмме имеются данные социологического опроса, проведенного в республике с большой выборкой: обследование младенческой, детской и материнской смертности (ОМДМС) в 2010 году и медико-демографические исследования (МДИ), проведенные в 2012 и 2017 годы, результаты которых приведены наряду с официальными данными в демографическом ежегоднике республики. Исходя из приведенных данных, можно сказать, что суммарный коэффициент рождаемости намного выше, чем по зарегистрированным данным.

К примеру, в 2010 году, по данным (ОМДМС), разница составила: по городу на 1,1 ребенка больше, по селу — на 0,3 ребенка и в целом по стране — на 0,7 ребенка. По данным МДИ, в 2012 году разница составила по городу на 1,0 ребенка больше, по селу — на 1,2 ребенка и в целом по стране — на 1,2 ребенка. По данным МДИ в 2017 году разница составила по городу на 0,5 ребенка больше, по селу — на 1,0 ребенка и в целом по стране на 1,1 ребенка.

Отсюда можно сделать вывод, что в условиях дезурбанизация такой уровень рождаемости, какой указан в опросах межударного стандарта, показывает более лояльную картину.

Анализ статданных рисунка 2 позволяет нам смело говорить, что планирование в семьях есть, ибо разница между 1990 и 2017 годами очень

Рис. 2. *Коэффициенты рождаемости по возрасту матери в городской и сельской местности Республики Таджикистан [4]*
**Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан: Демографический ежегодник РТ. Душанбе, 2018. С. 127.*

большая, уровень рождаемости в 2017 году снижается, уровень воспроизводства населения может обеспечить устойчивое развитие населения, но вопрос, насколько эффективно семьей используется контрацепция, какая доля использует традиционные ее методы, и какая — современные методы контрацепции в целях планирования семьи.

UNFPA (ЮНФПА) в своем отчете отмечает, что в развивающихся регионах около 214 миллионов женщин по-прежнему не имеют безопасных и эффективных методов планирования семьи в связи с отсутствием информации или услуг, из-за отсутствия поддержки со стороны их партнеров или общин. Это угрожает их способности строить лучшее будущее для себя, своих семей и их сообществ.

По данным МДИ 2017 года, почти 3 из 10 замужних женщин репродуктивного возраста (29%) используют метод контрацепции [5].

Среди замужних женщин использование современных методов (27%) более распространено, чем использование традиционных (2%). Наиболее широко используемый метод — это, на сегодняшний день, ВМС (18%), за которым следуют мужские презервативы (4%), прерванный половый акт и таблетки (по 2%). Использование любых контрацептивов увеличивается с возрастом, достигая 46% среди замужних женщин в возрасте 35-39 лет, а затем снижается до 23% среди женщин в возрасте 45-49 лет. Как видно, вышеуказанная статистика говорит о том, что республике планирование семьи практикуются, но, к большому сожалению, уровень социально-экономического развития республики не позволяет использовать современные качественные методы планирования семьи.

Список источников

1.Демографическая энциклопедия / редкол: Ткаченко А.А., Аношкин А.В., М.Б. Денисенко и др. — М.: ООО «Издательство «Энциклопедия», 2013.

2. Исламов С.И. Показатели, используемые при анализе рождаемости населения // Современные проблемы демографического развития Республики Таджикистан. — Душанбе: Ирфон, 2010. –С. 5-14.

3. Исламов С.И. К вопросу о планировании семьи // URL: https://anrt.tj/ru/novosti/1003-k-voprosu-o-planirovanii-semi

4. Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан, Демографический ежегодник РТ, Душанбе, 2018. С. — 127-128.

5. Медико-демографическое исследование Таджикистана в 2017 г. Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан, Министерство здравоохранения и социальной защиты населения Республики Таджикистан и ICF, Душанбе, 2018, 471 с.

Информация об авторах

Субхонов Акбар Идрисович (Республика Таджикистан, Душанбе) — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт экономики и демографии Академии наук Республики Таджикистан Душанбе, ул. Айни, д. 44; e-mail: a-subkhonov@list.ru

Носирзода Абдухомид (Республика Таджикистан, Душанбе) — научный сотрудник, Институт экономики и демографии Академии наук Республики Таджикистан (Душанбе, ул. Айни, д. 44).

Одинаев Джахонгир (Республика Таджикистан, Душанбе) — младший научный сотрудник, Институт экономики и демографии Академии наук Республики Таджикистан, улица Айни, д. 44

Азизова Умеда (Республика Таджикистан, Душанбе) — младший научный сотрудник, Институт экономики и демографии Академии наук Республики Таджикистан (Душанбе, ул. Айни, д. 44).

Subkhonov A.I., Nosirzoda A.A., Odinaev J.K., Azizova U.U.

Issues of family planning in condition of market economy of the Republic of Tajikistan

This article devoted to the issues of family planning in the condition of market economy. Carried out an analysis of total fertility rate by urban and rural, also coefficients of fertility by the age of mother on the base of official statistical data for the sake of understanding the level of using family planning.

Keywords: family, fertility, coefficient, population, reproductive age, age of mother, statistics.

Authors

Subkhonov Akbar Idrisovich (Republic of Tajikistan, Dushanbe) — PhD Econ., leading researcher, Institute of economy and demography of Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan (Dushanbe, Ayni str., 44; e-mail Street: a-subkhonov@list.ru).

Nosirzoda Abdukhomid (Republic of Tajikistan, Dushanbe) — research associate, Institute of economy and demography of Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan (Dushanbe, Ayni str., 44)

Odinayev Jakhongir (Republic of Tajikistan, Dushanbe) — junior researcher, Institute of economy and demography of Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan (Dushanbe, Ayni str., 44).

Azizova Umeda (Republic of Tajikistan, Dushanbe) — junior researcher, Institute of economy and demography of Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan (Dushanbe, Ayni str., 44).

References

1. Demographic encyclopedia / Editorial board.: Tkachenka A.A., Anoshkin A.B., M.B. Denisinko and other. — M.: Company Limited «Publishing house «Eencyclopedia », 2013.

2.Islamov S.I. Indicators which use for population fertility rate analysis. // Modern problems of demographic development of the Republic of Tajikistan. Dushanbe: Irfon, 2010. — P. 5-14.

3. Islamov S.I. Issues about family planning // URL: https://anrt.tj/ru/novosti/1003-k-voprosu-o-planirovanii-semi

4. Agency of Statistics under the President of the Republic of Tajikistan, Demographic Yearbook, of RT, Dushanbe, 2018.

5. The results of Demographic –Healthy Survey (DHS) in Republic of Tajikistan, 2017 y.

УДК 331.2

Терентьева М. А.

РЫНОК ТРУДА В СЕВЕРНЫХ РЕГИОНАХ: ОСОБЕННОСТИ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА[1]

В статье рассматривается рынок труда Российского Севера, являющегося стратегически важным макрорегионом, для которого характерны дискомфортные условия жизни и трудовой деятельности. Политика освоения Севера России связана была с промышленным развитием, поэтому с целью освоения ресурсов государственная политика проводилась на Севере в рамках заселения, закрепления населения. Население Российского Севера сформировалось в основном за счет миграции, до 1990-х гг. она являлась фактором роста численности населения, но с переходом на рыночные условия хозяйствования населени стало покидать Север. Государственная политика заселения Российского Севера до 1990-х гг. была направлена на стимулирование миграции в основном за счет создания института высокой заработной платы. Это обусловило специфику рынков труда на Севере, где высокая экономическая активность, соответственно и более высокая занятость. Однако актуальной для современного этапа развития северных регионов стала проблема высокого уровня безработицы (выше среднероссийского значения), что приводит к росту напряженности на рынке труда. Целью исследования является рассмотрение института оплаты труда как одного из основных элементов государственной политики на Севере. Исследования последних лет указывают на тенденцию «сближения» заработной платы северян со среднероссийской. Выявлено, что фактор дискомфортности труда на Севере, обуславливающий повышение уровня заработной платы, имеет тенденцию к снижению. Исходя из этого в работе описаны два возможных варианта дальнейшего развития северных территорий, охарактеризованы их положительные и отрицательные стороны. В статье использованы такие методы, как анализ, систематизация научных данных, сравнение критериев.

Ключевые слова: рынок труда, государственная политика, заработная плата, Север.

Актуальность выбранной темы обусловлена особенностями рынка труда северных регионов России. Север России — стратегически важный макрорегион со сложными природно-климатическими условиями жизни и труда. В целом для северных регионов характерна высокая экономическая активность (исключением является Республика Тыва), данный показатель превышает среднероссийское значение: в среднем 71,9% на Севере, 68,3% по РФ в 2018 году. Соответственно и уровень занятости здесь выше.

---

[1] © Терентьева М.А. Текст. 2019.

Статья подготовлена в рамках выполнения НИР «Население северных территорий России: история формирования и перспективы развития» (№ ГР АААА-А19-119012190103-0, 2019-2021 гг.)

Уровень безработицы в северных регионах России характеризуется высоким уровнем, выше общероссийского значения. Это приводит к росту напряженности на северных рынках труда, в 2018 г. в среднем по Северу — 3,45 чел. незанятого населения в расчете на 1 заявленную вакансию, в то время как по России — 2,5 человека.

При наличии такой специфики следует решать проблемы безработицы, на преодоление которой должно быть нацелено регулирование рынка труда. Детерминантой нестабильности на рынке труда на Севере является монопрофильный характер экономики (к примеру, ухудшение финансового состояния градообразующих предприятий вызывает не только увеличение безработицы, но и снижение качества социальной инфраструктуры, сокращение ресурсных возможностей местных сообществ и регионов в целом и приводит к снижению уровня жизни).

Политика освоения Севера России связана была с промышленным развитием, поэтому с целью освоения ресурсов государственная политика проводилась в рамках заселения, закрепления населения на Севере. Поэтому население Российского Севера сформировалось в основном за счет миграции, до 1990-х гг. она являлась фактором роста численности населения, но с переходом на рыночные условия хозяйствования население стало покидать Север [5, с. 182]. Государственная политика заселения Российского Севера до 1990-х гг. была направлена на стимулирование миграции в основном за счет создания института высокой заработной платы. Это обусловило специфику рынков труда на Севере, которая заключается в высокой экономической активности населения (ехали за заработками), в результате северный рынок труда имеет высокую занятость. Одновременно с высокой экономической активностью и занятостью северные рынки имеют высокие показатели безработицы.

Северная специфика рынков труда проявляется в формировании размера оплаты за труд на более высоком уровне за счет государственных гарантий (применение районного коэффициента) для населения, проживающего в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях.

Основа для сегодняшнего института оплаты труда была заложена еще в советские годы, в 1918 году был принят первый Кодекс законов о труде РСФСР[1]. Позже, в 1922 году, был принятболее лояльный к трудящимся в вопросах трудовой повинности Кодекс законов о труде РСФСР, действовавший до 1971 года. Действовавшая единая централизованная отраслевая тарифная политика оплаты труда в советский период определила формирование института оплаты труда в северных регионах на нормативных и законодательных актах, принятых в СССР и РСФСР. С 1931 г. Постановлением Совета Народных Комиссаров РСФСР «О хозяйственном развитии районов Крайнего Севера»[2] государственная политика в области организации

[1] Кодекс законов о труде (1918) [Электронный ресурс]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_416.htm

[2] О хозяйственном развитии районов Крайнего Севера: Постановление СНК РСФСР от 08.09.1931 № 957. [Электронный ресурс]. URL: http:// base.consultant.ru

и оплаты труда ознаменовалась формированием систематического характера в районах Севера. В июле 1932 г. было принято первое Постановление Совнаркома СССР о льготах для лиц, работающих на Крайнем Севере и территориях, приравненных к нему. В ходе косыгинской (с 196 по 1970 гг. — золотая пятилетка) реформы, которая совпала с промышленной эксплуатацией нефтегазовых месторождений, в области оплаты труда произошли существенные изменения, стало уделяться внимание увеличению премиального фонда для поощрения лиц, добившихся трудовых результатов. Применялись «прогрессивные системы оплаты труда», бригадные формы оплаты труда и т.д., появилась «тринадцатая зарплата». В 70-80-е годы существенным прогрессом стало введение с 1 апреля 1972 г. нового Кодекса законов о труде РСФСР, где была выделена отдельная статья «О льготах в области труда для рабочих и служащих, работающих в районах Крайнего Севера и в приравненных к ним местностях». Это обусловило высокий уровень заработной платы, большую социальную защищенность, компенсационные выплаты, и т. д., что и способствовало росту численности трудовых ресурсов на Севере. Система централизованного регулирования организации оплаты труда и заработной платы в северных регионах просуществовала практически до 1990-х гг. Стоит также отметить принятый в 1986 году Закон СССР «Об индивидуальной трудовой деятельности», определивший развитие кооперативов, в которых организация и оплата труда носила бессистемный характер.

В 1991 г. в соответствии с Постановлением Совета Министров РСФСР «О некоторых мерах по социально-экономическому развитию районов Севера» регионам была дана возможность самостоятельно рассматривать вопросы районного регулирования оплаты труда. В связи с переходом на рынок в стране произошла либерализация социально-трудовых отношений.

Современный институт оплаты труда сформировался благодаря принятию в 2002 г. Трудового кодекса РФ, где была предусмотрена отдельная глава о регулировании труда лиц, работающих на Крайнем Севере и приравненных к нему местностях, а также содержатся отдельные части статей Трудового кодекса 59, 116 и 287. С 2004 г. в главу 50 ТК внесены поправки, предусматривающие право органов местного самоуправления и работодателей, не относящихся к бюджетной сфере, с учетом замечаний профсоюзных организаций самостоятельно устанавливать дополнительные гарантии и компенсации.

Это позволило повысить размеры гарантий и компенсаций для работников бюджетной сферы. Предприятия коммерческой формы такие выплаты вводили через коллективные договоры, локальные нормативные акты, трудовые договоры. Стоит отметить и такую специфику северных регионов, как применение районных коэффициентов и процентных надбавок к заработной плате. Данная система стимулирования работников северных районов через надбавки к должностным окладам, льготы и компенсации, используемые более 70 лет, трансформировалась за это время (менялись условия получения и размеры выплат).

Таким образом, в силу дополнительных производственных издержек на рабочую силу по причине дискомфортности, на северных рынках труда должна устанавливаться высокая цена на труд. В рамках теории компенсирующих различий повышение ставки заработной платы на Севере должно обеспечить высокую занятость, несмотря на неблагоприятные условия для жизни. Однако последние исследования указывают на снижение эффективности компенсирующих выплат в северных регионах, уровень северной заработной платы сближается со среднероссийской. Это связано прежде всего с отменой ограничений на размер заработка, на который происходит начисление северной компенсации (районный коэффициент и процентные надбавки). В результате наблюдается тенденция к экономической бедности северян [1], свидетельствующая о несовершенстве северных институтов социального управления, в том числе института организации и оплаты труда. Встает вопрос о перспективах развития данного института в северных территориях. В научной литературе можно встретить две кардинально различные точки зрения относительно дальнейшего развития Севера.

Первая точка зрения вытекает из основ российского трудового законодательства, которое относится к жесткому типу. Считается, что принятый Трудовой кодекс, являясь «защитником» слабой стороны (стороны работника), препятствует развитию экономики [2]. Так, например, при слабом экономическом шоке жесткое трудовое законодательство способствует снижению уровня напряженности на рынке труда, предотвращает резкое снижение занятости и даже в перспективе способствует экономическому росту за счет сохранения занятости. Но при затянувшихся во времени экономических кризисах жесткое трудовое законодательство способствует высокой миграции, закрытию старых предприятий и неоткрытию новых, идет сокращение рабочих мест, а новые не создаются, ситуация в экономике усугубляется. Исследования российского рынка труда [3, с. 25] показывают высокую гибкость заработной платы, это приводит к распространению бедности работающего населения и порождает значительное неравенство в распределении доходов. При этом экономическая активность российского населения не зависит от колебаний экономической конъюнктуры. А государственная политика, сдерживающая уровень безработицы на низком уровне, направлена не на создание новых рабочих мест, а на защиту существующих. Поэтому зарегулированность занятости обостряет неблагоприятные процессы на рынке труда, создавая опасность для «попадания» в институциональную ловушку «социальной стабильности». Исследования по оценке влияния заработной платы на занятость в северных регионах указывают на то, что жесткость институционального регулирования занятости на Севере страны приводит к сужению спроса на труд в связи с повышенными затратами найма и увольнения северных работников, а повышение заработной платы стимулирует миграцию в северные регионы. Приток мигрантов впоследствии негативно отражается на северном рынке труда, так как избыточное предложение труда снижает реальную заработную плату, повышает уровень безработицы и, с некоторым временным лагом, при-

водит к миграционной убыли населения, а компенсирующая составляющая в северной заработной плате «съедается» за счет роста региональных цен. Поэтому длительный миграционный отток населения из северных регионов [4] фактически означает ухудшение условий занятости и снижение северной «компенсации» в заработной плате.

Противоположная точка зрения основывается на неоднородности Севера, это проявляется в территориальных различиях стоимости жизни и средней заработной платы, обусловленных разными условиями проживания, степени сложности природно-климатических и социально-экономических условий труда и проживания [6]. Отсюда возникает вопрос: какой должна быть компенсация за дискомфортность проживания в том или ином северном регионе? Существующие размеры районных коэффициентов в северных субъектах РФ постоянно критикуются, предлагается их отменить или пересмотреть в сторону понижения ставок. Но для северного населения характерна более сильная степень расслоения доходов. Сгладить негативные тренды возможно за счет перерасчета северных районных коэффициентов каждые 5 лет с учетом изменений стоимости жизни и средней заработной платы.

Таким образом, северные территории имеют назревшие за почти 30-летний период проблемы рынка труда. С одной стороны, заработная плата, являясь значимым фактором, положительно влияет на привлечение мигрантов на Север. А с другой стороны, уровни занятости и безработицы «чутко» реагируют на повышение уровня заработной платы, причем влияние имеет отрицательный характер. При таких сложившихся обстоятельствах северному рынку труда в ближайшем будущем предстоит решить, как развиваться дальше. С одной стороны, учитывая факт снижения влияния природно-климатического фактора (именно новые энергосберегающие технологии и быстрое их освоение людьми в настоящее время является основным конкурентным преимуществом национальных экономик; наличие тенденций сокращения «климатических издержек» имеет место быть, и доля их в ВВП снижается), это «кардинальный» способ смены имеющегося положения, требующий построения нового института, установления «новых правил игры» на рынке труда. С другой стороны, не менять существующий институт рынка труда, а лишь пересмотреть имеющуюся ситуацию, оставить действующий институт, но добавить необходимые изменения в «правила игры».

Список источников

1. Корчак Е.А. Благосостояние населения северных и арктических регионов России // Современные проблемы науки и образования. — 2013. — № 3. URL: http://science-education.ru/ru/article/view?id=9380 (дата обращения: 26.03.2019).

2. Назаров В. Нужна ли реформа МРОТ? // Russian economic development. — 2017. — Vol. 24. — No. 11. — P. 69-72.

3. Российский рынок труда: тенденции, институты, структурные изменения / под ред. В. Гимпельсона, Р. Капелюшникова, С. Рощина. — М.: Изд-во ВШЭ, 2017. — 148 с.

4. Фаузер В.В. Оценка демографического и трудового потенциалов Республики Коми // Известия Коми научного центра УрО РАН. — 2010. — № 1 (1). — С. 105-111

5. Фаузер В.В. Оценка роли миграций в формировании населения Республики Коми // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник НИЦ КПУВИ СыктГУ. — 2014. — № 4. — С. 170-183.

6. Широкова Л.Н. Современные проблемы рынка труда в северных регионах, включая Арктику // Север и рынок: формирование экономического пространства. — 2017. — №. 1 (52). — С. 60-71.

Информация об авторе

Терентьева Марина Алексеевна (Россия, Сыктывкар) — кандидат экономических наук, научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр Коми научный центр, Уральское отделение РАН, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера (Республика Коми, Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26; e-mail: iesp@mail).

Terentyeva M.A.

Labor market in northern regions: features and state policy

The article discusses the labor market in the Russian North, it is a strategically important macro-region, characterized by uncomfortable living and working conditions. The developing policy was associated with industrial development in the Russian North, therefore the state policy was carried out within the framework of settlement, consolidation in the North. The Russian Northern population was formed mainly due to migration, until the 1990s it was a factor in population growth, but the population began to leave the North in market conditions. Priority of the State Policy Settlement in the Russian North until the 1990s was to encourage migration. This was due to the creation of high salaries. This led to the specifics of labor markets in the North, where high economic activity, respectively, and higher employment. However, the current stage of development of the Russian North is characterized by high unemployment (above the national average), which increases tensions in the labor market. The research objective is to examine the institution of wages and state policy in the North. Studies in recent years indicate a tendency of convergence of northern wages with the average Russian. It is revealed that the factor of discomfort of labor, causing an increase in the level of wages, tends to decrease. From this, the paper describes two possible options for further development in the Russian North, presents their positive and negative. The article used such methods as analysis, systematization of scientific data, comparison of criteria.

Keywords: labor market, state policy, wages, North

Author

Marina Terentyeva (Russia, Syktyvkar) — PhD in Economics, Research Fellow, Federal Research Center Komi Science Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Institute of Social, Economic and Power Problems of the North (Komi Republic, Syktyvkar, Kommunisticheskaya Str., 26; e-mail: iesp@mail.ru).

References

1. Korchak E.A. The welfare of the population of the northern and Arctic regions of Russia // Modern problems of science and educationю. — 2013. — Vol. 3 [Electronic resourse]. URL: http://science-education.ru/ru/article/view?id=9380 (Accessed 26 Marth 2019).

2. Nazarov V. Is a minimum wage reform necessary? // Russian economic development, — 2017. — Vol. 24 (11). — P. 69-72.

3. Gimpelson V., Kapelyushnikov R., Roshchina S. Rossijskij rynok truda: tendencii, instituty, strukturnye izmeneniya [Russian labor market: trends, institutions, structural changes]. — Moscow, HSE Publishing House, 2017. — 148 p.

4. Fauser V.V. Evaluation of the demographic and labor potentials of the Komi Republic // Izvestiya Komi nauchnogo centra UrO RAN [Proceedings of the Komi Science Centre of the Ural Division of the Russian Academy of Sciences]. — 2010. — Vol. 1 (1). — P. 105-111. (in Russian)

5. Fauser V.V. Assessment of the role of migration in the formation of the population of the Komi Republic // Corporate Governance and Innovative Economic Development of the North: Bulletin of Research Center of Corporate Law, Management and Venture Investment of Syktyvkar State University. — 2014. — Vol. 4 [Electronic resourse]. URL: http://vestnik-ku.ru/ru/articles/2014/4/15.pdf (Accessed 30 April 2019).

6. Shirokova L.N. Modern problems of the labor market in the northern regions, including the Arctic // North and the market: the formation of economic space. — 2017. — Vol.1 (52). — P. 60-71.

УДК 331.526; 314.6

Тонких Н.В.

ХАРАКТЕРИСТИКА ВЛИЯНИЯ ДИСТАНЦИОННОЙ ЖЕНСКОЙ ЗАНЯТОСТИ НА РЕПРОДУКТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ[1]

В статье излагаются основные результаты опроса женщин по проблемам участия в дистанционном формате занятости. Актуальность исследования связана с наличием управленческой проблемы повышения рождаемости, с одной стороны, и сокращения дефицита трудовых ресурсов, поддержки занятости — с другой. Указанные проблемы нашли свое отражение в приоритетных национальных проектах РФ, для оптимизации реализации которых ощущается недостаток информации о потребностях, установках и ценностях женщин по вопросам совмещения работы и родительства. Объект исследования — женщины фертильного возраста, проживающие на территории Свердловской области, обратившиеся в территориальные центры занятости за содействием в трудоустройстве. Технология опроса — анкетирование. Анкеты заполнялись женщинами самостоятельно во время ожидания ответа на свое обращение от специалистов службы занятости. Общее количество женщин-респондентов составило 1922 чел., опрос проводился в период с апреля по октябрь 2018 года. Цель исследования: выявление влияния условий дистанционной занятости на репродуктивное поведение женщин, установление его характера. В статье кратко раскрываются основные результаты анкетирования, дается обобщенная характеристика отношений женщин к дистанционным условиям работы, сравнительная оценка потенциальных преимуществ дистанционной занятости в отношении стандартного характера работы, определяется влияние дистанционной занятости на качество жизни женщины, ее семьи и детей. Публикуются данные о распространенности опыта дистанционной занятости среди женщин на рынке труда региона, их готовность к такой работе. Выявлена корреляция в предпочтениях женщин в зависимости от типа населенного пункта, где проживает респондент. Желание работать дистанционно выше в крупных городах, чем в малых и сельской местности. Проведена количественная оценка потенциального влияния дистанционной занятости на репродуктивное поведение и реализацию женщины в рамках института родительства. Подтверждено наличие процессов изменения социально-экономических установок в сфере репродуктивного поведения женщин в результате обособления института семьи и института родительства.

Ключевые слова женская занятость, дистанционная занятость, репродуктивное поведение, родительский труд, мотивация к труду, рынок труда, дистанционная женская занятость

---

[1] © Тонких Н.В. Текст. 019.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-010-00774 А «Исследование влияния развития дистанционной женской занятости на институт родительства».

Актуальность исследования условий дистанционной женской занятости обусловлена несколькими причинами. Первая причина связана с новизной дистанционного формата социально-трудовых отношений для России, с процессами цифровизации экономики. Нормативно-правовая база регулирования дистанционной занятости до конца еще не сформирована. Соответствующая глава в Трудовом кодексе РФ, регулирующая особенности взаимоотношений с дистанционными работниками, появилась относительно недавно, в 2013 году[1]. В правовой дискуссии по данному аспекту выделяют достаточно много зон для дальнейшего уточнения и развития действующих регламентов. К примеру, сегодня активно обсуждаются вопросы обеспечения охраны труда дистанционных работников. Так, в связи с ужесточением требований в сфере охраны труда часть работодателей организовала формальный «перевод» своих наемных работников на дистанционный формат трудовых договоров, чтобы снять с себя ответственность. Активно обсуждаются также предварительные итоги эксперимента по установлению специального налогообложения для самозанятых граждан РФ, среди которых обособленно выделяется дистанционная самозанятость.[2] Цель эксперимента — «вывести» самозанятых граждан из «тени» за счет предоставления льготного режима налогообложения и упрощения (цифровизации) отчетности. По различным экспертным оценкам, в том числе по результатам проекта «Перепись фрилансеров» (2008 и 2011 гг.) [6], электронная самозанятость признается перспективной и выгодной формой трудовых отношений, но она практически полностью находится в зоне неформальной экономики.

Вторая причина нашего внимания к формату дистанционной занятости для женщин обусловлена наличием национальных задач по повышению рождаемости, с одной стороны, и сокращению дефицита трудовых ресурсов, поддержки занятости — с другой. Указанные ориентиры нашли свое отражение в приоритетных национальных проектах РФ. Авторская гипотеза заключается в предположении, что гибкость условий дистанционной работы может способствовать гармоничному сочетанию занятости женщины с выполнением ею родительских функций, что, возможно, скажется на репродуктивном поведении женщин. Мы рассматриваем условия дистанционной занятости как социально-экономический фактор, оказывающий влияние на демографический потенциал территории.

Цель исследования, результаты которого мы раскрываем здесь только в общих чертах: выявление влияния условий дистанционной занятости на репродуктивное поведение женщин, установление его характера.

---

[1] Трудовой кодекс РФ [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/

[2] Федеральный закон «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» в городе федерального значения Москве, в Московской и Калужской областях, а также в Республике Татарстан» от 27.11.2018 № 422-ФЗ (последняя редакция [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_311977/

Теоретико-методологической основой нашего проекта послужили положения и результаты эмпирических исследований, выполненных в рамках теории баланса между работой и личной, семейной жизнью (Work/Family Border theory); теории характеристик работ (Job Characteristics theory) [2]; теории родительского труда [4]; теорий воспроизводства населения и демографического потенциала [3,8]. Систематизация ряда исследований в области дистанционной занятости, нестандартной занятости, фриланса, женской занятости и родительского труда позволила сделать заключение о необходимости разработки авторского инструмента и технологии по сбору социологической информации. Открытые базы данных массовых обследований населения, результаты он-лайн опросов фрилансеров, иных социологических исследований на региональном и российском уровнях не позволяют достичь заявленной нами цели. Данные по женщинам не вычленяются, или они есть, но не полные, не достаточные для выявления возможной связи между условиями дистанционной занятости и репродуктивным поведением.

К примеру, в публикациях Д.О. Стребкова и А.В. Шевчук достаточно подробно характеризуется класс фрилансеров, однако, как пишут и сами авторы, фрилансеры — это интеллектуальная верхушка дистанционной занятости, то есть не вся ее часть. Тем не менее, в их трудах есть статистика о наличии гендерных различий по профессионально-квалификационной структуре фрилансеров, то есть можно составить список профессий (занятий), наиболее часто занимаемых фрилансерами-мужчинами, и он будет отличаться от аналогичного списка женских фриланс-профессий (занятий). В структуре электронной самозанятости фрилансеров-женщин почти на 20 п.п. меньше, чем мужчин (39% по результатам опроса 2011 года). В среднем имеют детей 36% фрилансеров. К сожалению, мы не нашли в публикациях данные о доле женщин-фрилансеров, имеющих детей, но есть интересные сведения о домохозяйках, воспитывающих детей в возрасте до 3 лет. Их удельный вес в структуре фрилансеров достаточно значим и составляет 7%. Фрилансерам задавались вопросы о ценностях и мотивах работать дистантно и самостоятельно (самозанято). «Рождение ребенка» отнесено к группе мотивов вынуждающего характера, его указали 8% респондентов [5]. На основе регрессионного анализа сделан вывод о наличии взаимосвязи между стремлением сбалансировать работу с жизнью и выбором характера работы [1].

Таким образом, представленные данные можно считать аргументом в пользу следующего утверждения: гибкие условия дистанционной работы «подходят» для занятости мамочек, воспитывающих детей младшего и школьного возраста. Однако не дают ответа на вопрос, а может ли распространение дистанционной занятости среди женщин стать фактором роста рождаемости. Есть ли «обратное» влияние?

В период с апреля по октябрь 2018 года автором был запущен пилотажный проект, направленный на апробацию специально разработанного под цель исследования инструмента и технологии опроса женщин. Пилот про-

ходил на уровне региона. Генеральная совокупность — женщины, обратившиеся за содействием в трудоустройстве в Государственную службу занятости населения Свердловской области. Метод сбора данных — традиционное анкетирование, заполнение бумажных бланков. Женщины заполняли анкеты при обращении в территориальные Центры занятости Свердловской области во время ожидания решения по их запросу. Количество респондентов — 1922 чел., что составляет чуть более 10% от среднегодовой численности женщин, обращающихся в Службу занятости (согласно статистической отчетности Департамента по труду и занятости населения Свердловской области за последние три года (2015-2017 гг.)). Анкетирование проводилось в два этапа, сначала в административном центре региона, Екатеринбурге, затем – на остальных территориях области. Первичная обработка общих данных по региону была окончена в феврале 2019 г. По Екатеринбургу результаты анкетирования были получены раньше, они уже опубликованы и находятся в открытом доступе [7].

Кратко отметим, что полученные данные в среднем по региону не слишком значительно отличаются от результатов опроса женщин — жительниц Екатеринбурга. От 17 до 20% женщин считают, что работая дистанционно, они смогут улучшить разные аспекты своей жизни. Они станут чаще ходить с детьми в театр, будут больше уделять времени развитию и обучению детей, дома станет уютнее и чище и тому подобное. Если к утвердительным ответам прибавить ответы «скорее да, чем нет», то положительное влияние условий дистанционной занятости на качество жизни женщины и их семьи, детей отмечают от 40 до более чем 50% женщин. Под дистанционной работой мы понимаем занятость, отвечающую трем ключевым условиям:

1) это работа вне офиса работодателя, не на территории предприятия (организации). Исполнитель ее может выполнять дома или где-нибудь еще на свое усмотрение. На территории работодателя могут проходить только совещания;

2) объем работ (задание) исполнитель выполняет за компьютером или на телефоне, планшете;

3) исполнитель самостоятельно определяет время начала и окончания работы.

Опыт дистанционной работы есть у 11% респондентов, желание работать дистанционно — у 34%. Обнаружилась значимая корреляция предпочтений дистанционной занятости в зависимости от типа населенного пункта. В крупных городах женщины чаще выбрали бы дистанционную работу вместо стандартной занятости, если бы у них была такая возможность. Для жительниц средних, малых и сельских населенных пунктов дистанционный формат интересен в меньшей степени. Развернутый анализ итогов анкетирования планируется опубликовать в ближайшее время. Остановимся на следующем аспекте, а именно, попытаемся ответить на исследовательский вопрос: может ли дистанционный формат занятости каким-то образом повлиять на решение женщин родить «дополнительных» детей, позволить себе иметь больше детей?

Таблица 1

Социально-демографическая характеристика респондентов по брачному статусу и количеству детей

Варианты ответы на вопрос «Вы замужем?»		Распределение женщин по ответам на вопрос «Сколько у Вас детей?»				Итого
		нет	один	двое	трое и больше	
Не ответили на вопрос о состоянии в браке	чел.	9	17	19	4	49
	%	2,3	2,4	3,1	2,9	2,7
Да, гражданский брак	чел.	73	144	74	22	313
	%	18,8	20,3	12,2	15,9	17,0
Да, официально	чел.	88	298	386	82	854
	%	22,7	41,9	63,8	59,4	46,4
Нет	чел.	218	252	126	30	626
	%	56,2	35,4	20,8	21,7	34,0
Количество женщин, ответивших на вопрос о количестве детей, всего	чел.	388	711	605	138	1842
	%	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

В пилотажном исследовании задавался специальный вопрос для незамужних женщин, не имеющих детей: «В каком случае Вы решитесь родить ребенка без мужа (без помощи отца ребенка)?». Таких женщин, по результатам обработки социально-демографической информации респондентов, было чуть более 11% от опрошенных (табл. 1), соответствующая ячейка выделена жирным шрифтом.

Общее количество женщин, ответивших на вопрос о наличии детей, меньше, чем общая численность респондентов (1922 чел.), так как были женщины, не ответившие на данный вопрос.

В таблице 2 представлена характеристика возможного репродуктивного поведения женщин, которые пока не замужем и не имеют детей.

Таблица 2

Состав и структура ответов на вопрос «В каком случае Вы решитесь родить ребенка без мужа (без помощи отца ребенка)?»

Варианты ответов	Чел.	%
Затрудняюсь ответить	154	51,9
Ни в коем случае	62	20,9
Если я к 35+ буду еще не замужем	33	11,1
Если в декрете у меня будет возможность работать дома, дистанционно	23	7,7
Если это произойдет случайно	18	6,1
Другое	7	2,4
Итого	297	100,0

Большинство женщин затруднились ответить на этот вопрос, поэтому полученные результаты не могут считаться доказательством или опровержением наличия влияния условий дистанционной занятости на репродуктивное поведение женщин. Скорее всего, «уход» от описания своего поведения связан с отсутствием у бездетных, незамужних женщин личного опыта родительской, семейной жизни. Сложно дать какой-то прогноз своих действий в данном аспекте. Тем не менее, почти 8% женщин решились бы родить ребенка «для себя» при условии наличия возможности работать дистанционно. Поэтому принято решение «не выбрасывать» этот вопрос из анкеты при проведении общероссийского опроса женщин, а задать его всем респондентам, независимо от брачного статуса и наличия детей. Анализ свободных формулировок женщин (нарративов) по поводу своих репродуктивных планов позволяет сделать предварительный вывод о продолжении тенденции обособления института брака (семьи) и института родительства. Наличие мужа не является обязательным условием для принятия решения о рождении ребенка, все большее значение приобретают материальные, социально-экономические условия, в которых находится женщина. Данный вывод еще требует проверки и будет уточняться по результатам общероссийского опроса. В качестве дискуссионного аспекта предлагаем рассмотреть целесообразность включения в методику оценки демографического потенциала [8] показатель, характеризующий условия женской занятости.

Список источников

Shevchuk A., Strebkov D. Heterogeneous Self-Employment and Work Values: The Evidence from Online Freelance Marketplaces // Bögenhold D., Bonnet J., Dejardin M., Garcia Pérez de Lema D. (eds). Contemporary Entrepreneurship. — Springer, Cham, 2016. — P. 141-158

Shevchuk A., Strebkov D. (2015). The rise of freelance contracting on the Russian-language internet // Small Enterprise Research. — 2015. — No. 22(2–3). — P. 146–158.

Региональное измерение социально-экономической дифференциации врспроизводства трудового потенциала населения / Козлова О.А., Макарова М.Н., Тухтарова Е.Х., Бедрина Е.Б., Кузьмин А.И., Неклюдова Н.П., Пышминцева О.А., Мельникова А.С., Хромов Н.И., Половян А.В., Синицына К.И., Вертиль Н.Н., Полшков Ю.Н., Ишуков А.А. — Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2017. — 200 с.

Родительский труд: условия реализации, мотивы и результаты : кол. моногр. / А. П. Багирова, Д.Г. Быкова, А.И. Ворошилова, Э.В. Ильевс, О.М. Шубат ; под общ. ред. проф. А. П. Багировой; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федерал. ун-т. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. — 171 с.

Стребков Д.О., Шевчук А.В. Электронная самозанятость в России// Вопросы экономики. — 2011. — № 10. — С. 91 — 112.

Стребков Д. О., Шевчук А. В. Фрилансеры в информационной экономике: как россияне осваивают новые формы организации труда и занятости (по результатам Первой всероссийской переписи фрилансеров): препринт WP4/2009/03. — М.: ГУ-ВШЭ, 2009. URL: www.hse.ru/data/2011/03/02/1226720313/WP4_2009_03.pdf

Тонких Н.В. Исследование отношения женщин к социально-экономическим условиям дистанционной занятости // Вестник Омского университета. Серия: Экономика. 2018. — № 4 (64). — С. 153-166.

Шубат О.М., Багирова А.П., Акишев А.А. Методика анализа демографического потенциала российских регионов на основе нечеткой кластеризации данных// Экономика региона. — 2019. — Т. 15. - № 1. — С. 178-190.

Информация об авторе

Тонких Наталья Владимировна (Россия, Екатеринбург) — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики труда и управления персоналом, Уральский государственный экономический университет (620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной Воли, д. 62/45; e-mail: nvvorob1@mail.ru); старший научный сотрудник, Институт экономики Уральского отделения РАН (620014, Россия, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: nvvorob1@mail.ru).

Tonkikh N.V

Characteristics of the effect of distance female employment on reproductive behavior

The article presents the main findings and results of a survey of women on the problems of participation in remote employment. The relevance of the study is associated with the presence of a management problem of increasing fertility on the one hand, and reducing the shortage of labor resources, supporting employment — on the other. These problems are reflected in the priority national projects of the Russian Federation, for the implementation of which there is a lack of information about the needs, attitudes and values of women on the issues of combining work and parenthood. The object of the study is women of fertile age living in the Sverdlovsk region, who applied to the territorial employment centers for assistance in finding employment. Technology survey — questioning. The questionnaires were filled in by women themselves while waiting for a response from their experts from the Employment Service. The total number of women respondents was 1922 people, the survey was conducted in the period from April to October 2018. Objective: to identify the influence of conditions of distance employment on the reproductive behavior of women, to establish its nature. The article briefly describes the main results of the survey, gives a generalized description of women's attitudes to remote working conditions, a comparative assessment of the potential benefits of remote employment in relation to the standard nature of work, determines the effect of remote employment on the quality of life of a woman, her family and children. The data on the prevalence of distance employment experience among women in the region's labor market and their readiness for such work are published. A correlation was found in the preferences of women depending on the type of settlement where the respondent lives. The desire to work remotely is higher in large cities than in small and rural areas. A quantitative assessment of the potential impact of distance employment on reproductive behavior and the implementation of women in the framework of the institution of parenthood. The existence of processes of changing socio-economic attitudes in the field of reproductive behavior of women, as a result of the separation of the institution of the family and the institution of parenthood, was confirmed.

Keywords: female employment, remote employment, reproductive behavior, parental work, motivation to work, labor market, remote female employment

Author

Tonkikh Natalia Vladimirovna (Russia, Yekaterinburg) — candidate of sience, associate professor of Labour economics and personal management department, Ural State University of Economics (62, 8th of March Str., 620219, Ekaterinburg, Russia; e-mail: nvvorob1@mail.ru); senior research associate of Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya St., Yekaterinburg, Russia; e-mail:nvvorob1@mail.ru).

References

1. Shevchuk A., Strebkov D. Heterogeneous Self-Employment and Work Values: The Evidence from Online Freelance Marketplaces // Bögenhold D., Bonnet J., Dejardin M., Garcia Pérez de Lema D. (eds) Contemporary Entrepreneurship. — Springer, Cham, 2016. — P. 141-158.

2. Shevchuk A., Strebkov D. (2015). The rise of freelance contracting on the Russian-language internet // Small Enterprise Research. — No. 22(2–3). — P. 146–158.

3. Regional dimension of the socio-economic differentiation of the production of the labor potential of the population /Kozlova OA, Makarova MN, Tukhtarova E.Kh., Bedrina EB, Kuzmin AI, Neklyudova NP, Pyshmintseva OA, Melnikova A.S., Khromov N.I., Polovyan A.V., Sinitsyna K.I., Vertil N.N., Polshkov Yu.N., Ishukov A.A. Ekaterinburg. — Publishing house of the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2017. - 200 p.

4. Parental work: conditions of implementation, motives and results: monograph / A. P. Bagirova, D.G. Bykova, A.I. Voroshilova, E.V. Ilievs, O.M. Shubat; under total ed. prof. A.P. Bagirova; M-Education and Science Ros. Federation, Ural. federal un-t. — Ekaterinburg: Ural University Publishing, 2015. — 171 p.

5. Strebkov D.O., Shevchuk A.V. Electronic self-employment in Russia // Questions of economy. — 2011. — No. 10. - P. 91 — 112.

6. Strebkov D. O., Shevchuk A. V. Freelancers in the Information Economy: How Do Russians Learn New Forms of Labor and Employment Organization (Based on the Results of the First All-Russian Freelance Census): Preprint WP4 / 2009/03. — M .: State University - Higher School of Economics, 2009. URL: www.hse.ru/data/2011/03/02/1226720313/WP4_2009_03.pdf

7. Tonkikh N.V. Research on women's attitudes towards the socio-economic conditions of distance employment // Herald of Omsk university. Series: Economy. — 2018. — No. 4 (64). — P. 153-166.

8. Shubat O.M, Bagirova A.P., Akishev A.A. Analysis of the demographic potential of Russian regions based on fuzzy data clustering // Economy of the region. — 2019. — Vol. 15. — No. 1. — P. 178-190.

УДК 314.72

Фаузер В.В.

МИГРАЦИОННЫЙ ФАКТОР И КОМПОНЕНТЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ КОМИ – СОСТАВНОЙ ЧАСТИ РОССИЙСКОЙ АРКТИКИ[1]

Рассматривается динамика численности населения Республики Коми за относительно длительный период времени (1897-2018 гг.), приводятся компоненты демографической динамики, результаты естественного и механического прироста населения.

Ключевые слова: Республика Коми, воспроизводство населения, демографическая динамика, миграция.

Введение. Площадь Республики Коми — 416,8 тыс. км^2 — 11-е место среди регионов России. Расстояние по прямой от Сыктывкара до арктической Воркуты — 901 км, а до Москвы — 1105 км. Численность постоянного населения на 1 января 2019 г. составила 830,2 тыс. человек — 60-е место среди субъектов РФ (в 1990 г. — 48-е место). Доля коренного этноса коми составляет 23,7%, в то время как максимальная она в Чеченской Республике — 95,3%, а минимальная в Республике Карелия — 7,4% (2010 г.). Индекс человеческого развития достаточно высок — 0,882 (14 место) против 0,952 у Москвы (1 место). В республике 10 городов, по людности выделяются: Сыктывкар — 244,8 тыс. чел., Ухта — 96,0 и Воркута — 54,2 тыс. чел. Средняя плотность — 2 человека на 1 кв. км. До начала 1960-х гг. преобладали принудительные формы привлечения населения [2]. Республика имеет низкий уровень демографической устойчивости — 50, тогда как по Северу в целом — 55, а по России — 53 [7, с. 1379]. Если негативные демографические процессы продолжатся [9, с. 108-111], то в 2035 г. в республике будут жить 678,5 тыс. чел., а к 2050 г. численность населения сократится до 574,3 тыс. человек [4, с. 100].

Динамика численности населения Республики Коми. По переписи населения 1897 г., в Коми крае проживало 171 тыс. человек, в том числе в городской местности — 5 тыс. и в сельской — 166, соответственно 3 и 97%. Благодаря вовлечению в хозяйственный оборот запасов леса, угольных залежей, месторождений нефти и газа население республики стремительно росло и достигло своего пика в 1989 г. — 1251 тыс. человек (миллионный житель в республике появился в 1972 г.). Из аграрной республика стала высоко- урбанизированной: 75% — это жители городов и пгт. С 1897 по 1989 гг. население республики увеличилось на 1 млн 80 тыс. человек, или в 7,3 раза. Особенно выросло городское население — на 939 тыс. человек, или в 189 раз, сельское население также увеличилось — на 141 тыс. человек, или в 1,9 раза.

[1] © Фаузер В.В. Текст. 2019.

С 1990-х гг. с приходом рынка отношение к северным территориям резко изменилось. По мнению Т. Лыткиной, это связано с изменением государственной политики, усилившей потребительский способ освоения Севера [1, с. 33-39; 3, с. 146-150]. Результатом такой политики стало то, что у населения появилось «чемоданное настроение» и оно стало массово покидать свою малую родину. С 1989 по 2019 гг. население республики уменьшилось на 421 тыс. человек и составляет 66,3% от исходной численности (табл. 1).

В Республике Коми шесть городских округов (ГО) и 14 муниципальных районов (МР). С началом перестройки из шести ГО только Сыктывкар имел положительный общий прирост населения — 22,8 тыс. человек, что обеспечило ему рост численности населения с 237,5 до 260,3 тыс. человек, или на 109,6%. Еще в двух ГО был положительный естественный прирост населения: в Воркуте — 4992 и Усинске — 6828 человек. Эти три ГО смогли обеспечить, пусть и небольшой, естественный прирост городского населения республики — 187 человек. В остальных трех ГО и 14 МР была естественная убыль. Что касается миграционной убыли населения, то она была в пяти ГО и 14 МР. В результате отрицательной демографической динамики республика за период 1990-2018 гг. потеряла 418,7 тыс. человек, в том числе 295,9 городского и 122,8 сельского населения.

Для большинства ГО и МР анализируемый период стал демографически неблагоприятным. Можно предложить следующую шкалу оценки отрицательной демографической динамики (демографических потерь): критическая — 50-100%, неблагоприятная — 25-50, допустимая — 0-25%

Таблица 1

Динамика численности населения Республики Коми по данным переписей населения 1897-2010 гг. и текущего учета за 2011-2019 гг.

Год переписи	Все население, тыс. человек	В том числе:		Доля в общей численности населения, %		На начало года	Все население, тыс. человек	В том числе:		Доля в общей численности населения, %	
		городское	сельское	городское	сельское			городское	сельское	городское	сельское
1897	171	5	166	3	97	2011	899,2	692,7	206,5	77,0	23,0
1926	225	10	215	4	96	2012	889,8	687,2	202,6	77,2	22,8
1939	319	29	290	9	91	2013	880,6	681,1	199,6	77,3	22,7
1959	816	484	332	59	41	2014	872,1	675,7	196,3	77,5	22,5
1970	967	598	369	62	38	2015	864,4	671,5	192,9	77,7	22,3
1979	1110	786	324	71	29	2016	856,8	667,1	189,7	77,9	22,1
1989	1251	944	307	75	25	2017	850,6	663,4	187,1	78,0	22,0
2002	1019	767	252	75	25	2018	840,9	656,8	184,1	78,1	21,9
2010	901	693	208	77	23	2019	830,2	649,4	180,8	78,2	21,8

потерь от исходной численности населения. В критическую группу попали ГО: Воркута, Вуктыл и Инта; МР: Княжпогостский и Троицко-Печорский. В допустимую группу вошли ГО Ухта и Сыктывдинский МР, остальные 12 ГО и МР оказались в группе с неблагоприятной демографической динамикой (табл. 2).

Таблица 2

Компоненты изменения численности населения по муниципальным образованиям Республики Коми, 1990-2018 гг., человек

Муниципальные образования	Численность населения на 01.01.1990 г.	Изменения за 1990-2018 гг.			Численность населения на 01.01.2019 г.
		общий прирост, убыль (-)	В том числе:		
			естественный прирост, убыль (-)	миграционный прирост, убыль (-)	
Республика Коми	1248891	-418656	-24602	-394054	830235
городское население	945362	-295911	187	-296098	649451
сельское население	303529	-122745	-24789	-97956	180784
городские округа					
1.Сыктывкар	237519	22826	4135	18691	260345
2. Воркута	216662	-141906	4992	-146898	74756
3. Вуктыл	27372	-15878	-67	-15811	11494
4. Инта	70542	-42973	-1520	-41453	27569
5. Усинск	71636	-27945	6828	-34773	43691
6. Ухта	142601	-26352	-4261	-22091	116249
муниципальные районы					
7. Ижемский	23406	-6277	-403	-5874	17129
8. Княжпогостский	39407	-20691	-4192	-16499	18716
9. Койгородский	12100	-4768	-933	-3835	7332
10. Корткеросский	26907	-8836	-2244	-6592	18071
11. Печора	93872	-44128	-6489	-37639	49744
12. Прилузский	28308	-11392	-3387	-8005	16916
13. Сосногорск	62286	-19347	-4242	-15105	42939
14. Сыктывдинский	27511	-3119	-1263	-1856	24392
15. Сысольский	19306	-6765	-2201	-4564	12541
16. Троицко-Печорский	26075	-15189	-2093	-13096	10886
17. Удорский	24361	-7208	-859	-6349	17153
18.Усть-Вымский	42701	-17324	-4260	-13064	25377
19. Усть-Куломский	39715	-15946	-1963	-13983	23769
20. Усть-Цилемский	16604	-5438	-180	-5258	11166

Компоненты демографической динамики. Компонентами демографической динамики являются рождаемость и смертность. Рассмотрим их на основе абсолютных данных.

Рождаемость. Информация по рождаемости в Коми крае имеется с 1897 г. В тот год в крае родилось 8808 детей, в том числе в городе — 177 и на селе — 8631. Первый пик числа родившихся пришелся на 1940 г. — родилось 14976 детей. Следующий пик был в 1959 г. — 26328 детей. Максимальное число рождений в городской местности было в 1986 г. — 17333ребенка. Для сельской местности республики наиболее урожайным был 1940 год. Ни в предыдущие, ни в последующие годы число рождений в сельской местности не достигало уровня 1940 г. — 13335 детей. Третий пик числа рождений был в 1984 г. — 24217 детей. В последующие годы число рождений плавно уменьшалось вплоть до 1999 г., когда родилось наименьшее число детей — 9680 [10, с. 27]. Затем число родившихся вновь увеличивалось до 2004 г., а последовавший спад в 2005-2006 гг. был остановлен принятием в 2005 г. приоритетных национальных проектов (ПНП): «Здоровье», «Образование», «Жилье» и «Развитие АПК», что стимулировало увеличение рождаемости до 2013 г. [5]. Число родившихся с 2006 по 2013 гг. увеличилось с 10872 до 12436 детей. В 2014 г. родилось на 145 детей меньше, в 2017 г. уже на 2700 детей меньше, в 2018 г. на 3875 по отношению к 2013 г. (табл. 3).

С целью улучшения ситуации с воспроизводством населения в мае 2018 г. выходит Указ Президента России № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации до 2024 года» где предусматривается обеспечение устойчивого естественного роста численности населения Российской Федерации, повышение ожидаемой продолжительности жизни до 78 лет к 2024 г. и до 80 лет к 2030 г.

Смертность. При **а**нализе чисел умерших за XX в. обращает на себя внимание 1940 год, на который приходится пик смертей — 12422 случая. Объяснить данное явление, с одной стороны, можно тем, что страна в очередной раз переживала волну репрессий. С другой стороны, не менее важной причиной, по-видимому, являлось то, что с 1940 г. стала регистрироваться и попадать в статистику смертность заключенных ГУЛАГа. В особом

Таблица 3

Динамика числа родившихся в Республике Коми, 1980-2018 гг., человек

Год	Все население	В том числе:		Год	Все население	В том числе:	
		городское	сельское			городское	сельское
1980	20685	14800	5885	2010	11648	8536	3112
1985	23303	16729	6574	2015	11789	8853	2936
1990	16930	12608	4322	2016	11220	8432	2788
1995	11105	8212	2893	2017	9736	7311	2425
2000	9906	7547	2359	2018	8561	6455	2106
2005	10975	8300	2675				

Таблица 4

Динамика числа умерших в Республике Коми, 1980-2018 гг., человек

Год	Все население	В том числе:		Год	Все население	В том числе:	
		городское	сельское			городское	сельское
1980	9169	5503	3666	2010	11819	7980	3839
1985	9334	5795	5795	2015	10644	7511	3133
1990	9321	6463	2858	2016	10565	7426	3139
1995	15057	10674	4383	2017	9947	6957	2990
2000	13594	9503	4091	2018	9923	6978	2945
2005	15074	10220	4854				

ряду стоят также 1927 г. — 7215 и 1933 г. — 10523 случая, когда страну постиг небывалый голод; 1936-1938 гг. (в среднем более 8000 случаев в год); 1947 г. — 8539 и 1948 г. — 6336 случаев. В целом можно отметить, что пиковые значения чисел умерших приходятся на годы индустриализации, коллективизации и политических репрессий. Очередной всплеск смертности в республике приходится на 1984-1985 гг. (новый перелом в истории России). В последующие годы в результате активизации борьбы с алкоголизмом удалось добиться временного снижения смертности [10, с. 52]. Однако с начала 1990-х гг. началось новое ее повышение (табл. 4).

Роль миграции в формировании населения. Второй составляющей общей динамики численности населения является миграция. Для Коми края миграции населения всегда играли исключительно важную роль. До начала 1990 гг. они способствовали росту населения, а затем, наоборот, стали основным фактором его убыли. Можно констатировать, что миграционная убыль населения связана с тем, что государство перестало проводить патерналистскую политику по отношению к северным регионам. Ситуацию ухудшил принятый Федеральный закон №122-ФЗ от 22 августа 2004 г., призванный «упорядочить» все нормативно-правовые акты и снять противоречия в существующих законах относительно территорий Севера России. Результат оказался обратным. Ряд северных льгот был просто «потерян» [8]. Простой пример: раньше родившийся на Севере автоматически получал начисление к заработной плате северных надбавок, сейчас же должен их зарабатывать, пусть и в ускоренном порядке, но зарабатывать.

В период 1927-2018 гг. республика дважды имела положительный механический прирост населения. В 1927-1965 гг. он был выше естественного прироста, соответственно 8,7 и 8,5 тыс. человек в год. Второй период пришелся на 1971-1985 гг., но здесь механический прирост в три раза уступал естественному приросту, соответственно 4,1 и 12,2 тыс. человек. В остальные периоды механический прирост имел отрицательную величину. В целом за 92 года новой истории Республика Коми имела в среднем естественный прирост населения на уровне 6,5 тыс. человек, а механическую убыль — 0,4 тыс. человек (табл. 5).

Таблица 5

Прирост населения Республики Коми по источникам формирования, 1927-2018 гг., тыс. человек

Годы	Прирост, убыль (-)			Среднегодовой прирост, убыль (-)	
	общий	естественный	механический	естественный	механический
1927-1965*	670,2	329,3	340,9	8,5	8,7
1966-1970	30,0	54,8	-24,8	11,0	-5,0
1971-1985*	245,1	183,4	61,7	12,2	4,1
1986-1990	28,3	60,5	-32,2	12,1	-6,4
1991-1995	-107,2	-2,3	-104,9	-0,5	-21,0
1996-2000	-89,8	-11,6	-78,2	-2,3	-15,6
2001-2005	-79,9	-19,9	-60,0	-4,0	-12,0
2006-2010	-63,8	-4,5	-59,3	-0,9	-11,9
2011-2015	-42,4	7,0	-49,4	1,4	-9,9
2016-2018	-26,6	-0,9	-25,7	-0,3	-8,6
1927-2018	563,9	595,8	-31,9	6,5	-0,4

* В отмеченные периоды естественный и механический прирост имеют положительное значение.

В действительности влияние миграции на демографические процессы значительно сложнее и не так все однозначно. По переписи населения 1926 г. в республике проживало 224,9 тыс. человек, естественный прирост за 1927-2018 гг. составил 595,8 тыс. человек. Если к численности населения в 1926 г. прибавить естественный прирост, то численность населения на начало 2019 г. составила бы 820,7 тыс. человек, фактически она составляет 830,2, «недобор» равен 9,5 тыс. человек. Формально получается, что это вклад миграции. На самом деле мигранты внесли более весомый вклад в численность населения через свое участие в воспроизводстве населения [6].

Анализ динамики численности населения Республики Коми показал, что всю историю заселения можно разбить на два больших этапа: до начала 1990-х гг., когда шел рост населения, и последующий этап, связанный с его убылью. В разные периоды роль естественного и механического прироста менялась. У механического прироста были два положительных периода, оба до начала рыночных реформ — 1927-1965 и 1971-1985 гг., у естественного прироста также два, первый до 1990 гг. и второй, связанный с реализацией ПНП, — 2011-2015 гг. Демографический прогноз показывает, что в ближайшие годы миграции будут определять демографическую динамику населения Республики Коми. Опыт реализации ПНП показал, что демографические процессы управляемы и при должном финансировании демографическую динамику можно существенно улучшить.

Благодарность

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект «Факторы и механизмы взаимовлияния миграционных процессов и динамики социально-экономического развития арктических регионов России» (№18-010-00509, 2018-2020 гг.)

Список источников

1. Лыткина Т. С. Социальный потенциал северного города: от игнорирования к признанию // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2014. — Т. 17. — № 3. – — С. 33-47.

2. Лыткина Т.С., Фаузер В.В. Государственное управление принудительной миграцией как способ освоения Севера России в 1930-1950-е гг. // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2016. — Т. XIX. — №1 (84). — С. 90-109.

3. Лыткина Т.С. Человек на Севере после распада СССР: от признания к игнорированию // Известия Коми научного центра УрО РАН. — 2014. — №3 (19). — С. 144-151.

4. Смирнов А.В. Методологические вопросы демографического прогнозирования: характеристики населения и уровни прогноза // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Экономика. Информатика. — 2016. — № 9 (230). — С. 95-102.

5. Фаузер В.В. Государственное регулирование рождаемости // Проблемы теории и практики управления. — 2014. — № 5. — С. 58-64.

6. Фаузер В.В., Лыткина Т.С. Миграционные процессы на российском Севере // Социальная политика и социология. — 2017. — Т. 16. — №1 (120). — С. 141-149. — DOI: 10.17922/2071-3665-2017-16-1-141-149.

7. Фаузер В.В., Лыткина Т.С., Смирнов А.В. Устойчивое развитие северных регионов: демографическое измерение // Экономика региона. — 2018. — № 4. — С. 1370-1382. — DOI: https://doi.org/10.17059/2018-4-24.

8. Фаузер В.В., Лыткина Т.С., Фаузер г.Н. Государственные преференции для населения отдаленных и северных территорий России // Арктика и Север. — 2017. — № 29. — С. 90-127. — DOI: 10.17238/issn2221-2698.2017.29.90.

9. Фаузер В.В. Оценка демографического и трудового потенциалов Республики Коми // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. — 2010. — №1. — С. 105-111.

10. Фаузер В.В., Рожкин Е.Н., Загайнова г.В. Республика Коми в XX веке: демография, расселение, миграция. — Сыктывкар, 2001. — 124 с.

Информация об авторе

Фаузер Виктор Вильгельмович (Россия, Сыктывкар) — доктор экономических наук, профессор, руководитель лаборатории демографии и социального управления, Федеральный исследовательский центр «Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук», Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера (Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26; e-mail: fauzer.viktor@yandex.ru, http://vvfauzer.ru)

Fauzer V.V.

Migration factor and components of the demographic dynamics in Komi Republic — a part of the russian Arctic

The article discusses the dynamics of the number in the Komi Republic over a long period of time (1897-2018), presents the components of demographic dynamics, the results of natural and mechanical migration.

Keywords: Komi Republic, population reproduction, demographic dynamics, migration.

Author

Fauzer Viktor Vilgelmovich (Russia, Syktyvkar) — Doctor of economic sciences, professor, the head of the department of socio-economic problems, Institute of socio-economic and energy problems of the North, Komi Science Centre, Ural Branch of the Russian academy of sciences, Federal Research Center (Komi Republic, Syktyvkar, Communist St., 26; e-mail: fauzer.viktor@yandex.ru, http://vvfauzer.ru).

References

1. Lytkina T.S. Social potential of the northern cities of ignoring the recognition // The Journal of Sociology and Social Anthropology. — 2014. — Vol. XVII. — No. 3. — P. 33-47.

2. Lytkina T.S., Fauzer V.V. State management of forced migration as a way of development the North in 1930-1950 // The Journal of Sociology and Social Anthropology. — 2016. — Vol. XIX. — No. 1 (84). — P. 90-109.

3. Lytkina T.S. Man in the North after the collapse of the USSR: from recognition to ignoring. Proceedings of the Komi Science Center of the UrB RAS. — 2014. — No. 3 (19). — P. 144-151.

4. Smirnov A.V. Methodological issues of demographic forecasting: characteristics of the population and forecast levels // Scientific Gazette of Belgorod State University. Series: Economy. Computer science. — 2016. — No. 9 (230). — P. 95-102.

5. Fauzer V.V. State regulation of fertility. Problems of the theory and practice of management, 2014, no.5, pp. 58-64.

6. Fauzer V.V., Lytkina T.S. Migration processes in the Russian North // Social policy and sociology. — 2017. –Vol. 16. — No. 1(120). — P. 141-149.

7. Fauzer V.V., Lytkina T.S., Smirnov A.V. Sustainable development in the northern regions: a demographic dimension // Economy of Region. — 2018. — No. 4. — P. 1370-1382. –DOI: https://doi.org/10.17059/2018-4-24.

8. Fauzer V.V., Lytkina T.S., Fauzer G.N. State preferences for the population in the Russian remote and northern territories // Arctic and North. — 2017. — No. 29. — P. 90-127. — DOI: 10.17238/issn2221-2698.2017.29.90.

9. Fauzer V.V. Evaluation of demographic and labor potential of the Komi Republic // News of the Komi Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. — 2010, pp. 105-111.

10. Fauzer V.V., Rozhkin E.N., Zagaynova G.V. The Komi Republic in the XX century: demography, dispersal, migration. — Syktyvkar, 2001. — 124 p.

УДК 353.2

Февралева С.В.

ОЦЕНКА ПРОДВИЖЕНИЯ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ К ЦЕЛЯМ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ[1]

Для текущего контроля выполнения программ развития Хабаровского края используется метод индикативного планирования. В статье дана оценка его выполнения в части роста средней продолжительности предстоящей жизни населения и минимизации человеческих потерь в результате смертности от болезней системы кровообращения (БСК). За 2014-2018 гг. фактический рост ожидаемой продолжительности жизни составил +3,4% при рекомендованном +3,2%, рекомендованное сокращения уровня смертности от БСК не более чем на 11% при фактическом более чем на 12% позволяет относительно высоко оценивать успехи в продвижении края к формированию эффективной социально-экономической системы. Такой же относительной успешностью обладает и структурный фактор минимизации человеческих потерь от ишемической и цереброваскулярной смертности.

Ключевые слова: средняя продолжительность жизни, целевое значение показателя, индикатор, степень достижения, дорожная карта, болезни системы кровообращения, предотвратимая смертность

Согласно опубликованным с 2012 года данным, в РФ начался восстановительный период роста средней продолжительности предстоящей жизни к уровню 1990 года, что связано с множеством причин, в том числе и с проводимой эффективной демографической политикой. Но изолированное влияние отдельных направлений оценить крайне сложно. Несмотря на предпринимаемые меры и некоторые позитивные изменения в экономике РФ Хабаровский край отстает по одному из ключевых показателей демографического развития на 4-5% от общероссийского. По расчетам Росстата, вследствие снижения значимости Хабаровского края в пространственном развитии Российской Федерации средняя продолжительность жизни при рождении к 2025 году с учетом сложившихся демографических тенденций и принимаемых мер демографической политики может составлять в РФ 75,5 года, по Хабаровскому краю — 73,5 года.[2]

Долгосрочные цели и параметры социально-экономического развития Хабаровского края определены Стратегией социального и экономического развития Хабаровского края до 2025 года, в которой перспективное и желаемое развитие региона сводится к формированию такой территориальной социально-экономической системы, которая обеспечивала бы высокий

[1] © Февралева С.В. Текст. 2019.

[2] Предположительная численность населения РФ до 2035 года [Электронный ресурс]. URL: http:// www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/ (дата обращения: 08.05.2019).

жизненный уровень и качество жизни населения для реализации геополитической задачи закрепления населения на Дальнем Востоке на основе формирования и развития высококонкурентной экономики при соблюдении соответствующих экологических ограничений [1].

Для текущего контроля промежуточных итогов выполнения программ и подпрограмм развития в практику введены ориентиры, достижение которых желательно в свете поставленных задач. Ожидаемым итогом реализации региональных программ должен стать рост ожидаемой продолжительности жизни населения, являющейся одной из самых информативных характеристик в оценке эффективности развития региональной системы здравоохранения.

В соответствии с постановлением Правительства РФ «О мерах по реализации Указа Президента РФ «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации»» Министерству здравоохранения Хабаровского края, начиная с 2014 года, устанавливается целевое значение (индикатор) ожидаемой продолжительности жизни. Степень приближения фактического показателя к целевому характеризует степень продвижения к целям социально-экономического развития.

Индикативные показатели ожидаемой продолжительности жизни, определяемые с учетом местных медико-демографических показателей, структуры заболеваемости и смертности, отражены в таблице 1.

Таблица 1

Соответствие показателя ожидаемой продолжительности жизни ориентирам развития Хабаровского края

Год	Ожидаемая продолжительность жизни населения 2, лет		Отклонение по сравнению с РФ, лет
	целевая	фактическая	
2014	68,0	68,01	– 2,92
2015	68,7	68,72	– 2,67
2016	69,0	69,13	– 2,13
2017	69,1	69,74	– 2,96
2018	70,2	70,30	– 2,10

Согласно официально опубликованным данным Министерства здравоохранения Хабаровского края рекомендованный рост показателя за 2014-2018 гг. должен составить +3,2%. Фактический рост +3,4%. Степень достижения промежуточных итогов выполнения программ «Модернизация здравоохранения Хабаровского края» и «Развитие здравоохранения

[1] Стратегия социального и экономического развития Хабаровского края на период до 2025 года (с изменениями на 26 мая 2011 года): Постановление Правительства Хабаровского края от 13 января 2009 года №1-пр [Электронный ресурс]. URL: http://docs.cntd.ru (дата обращения: 1.05.2019).

Хабаровского края» можно признать достаточно устойчивой даже в условиях существующего временного лага, рекомендательного характера установленного ориентира, достижение которого желательно в свете поставленных задач.

Но с учетом продолжающегося старения населения в сформированном положительном тренде отмечается некоторое замедление продвижения к целям социально-экономического развития края. В совокупности факторов, способствующих ускорению, определенное положительное место занимает борьба с распространенностью и тяжестью болезней системы кровообращения (БСК).

Освобожденный от влияния возрастных структур, Хабаровский край по коэффициенту смертности к 2017 году вошел в рейтинг двадцати субъектов с самым высоким коэффициентом смертности населения, заняв 16-е место.

Согласно официально опубликованной Министерством здравоохранения Хабаровского края «дорожной карте» соотношение рекомендованного сокращения уровня смертности от БСК и фактического позволяет достаточно высоко оценивать продвижение Хабаровского края к формированию эффективной социально-экономической системы (табл. 2).

Успех в реализации программы по борьбе за минимизацию потерь от БСК связан с расширением доступа к медицинским возможностям. В крае открыты кардиологические кабинеты в Верхнебуреинском, Амурском, Советско-Гаванском, Николаевском, им. Лазо муниципальных районах с соблюдением маршрутизации пациентов в сосудистые центры. Определенную роль играют и образовательные мероприятия для населения по ведению здорового образа жизни, а также коммуникативная кампания по информированию населения о факторах риска сердечно-сосудистой заболеваемости. Но, как и в динамике средней продолжительности жизни, отмечается замедление сокращения людских потерь от БСК.

Таблица 2

Соответствие уровня смертности от БСК ориентирам развития Хабаровского края

Год	Коэффициент смертности, на 100 тыс. населения3		Степень достижения целей, %	Отклонение по сравнению с РФ, %
	целевой	фактический		
2014	724,7	694,5	104,3	+5,3
2015	691,7	662,3	104,4	+4,2
2016	654,3	643,8	101,6	+4,4
2017	646,3	643,3	100,5	+9,5
2018	638,4	612,0	104,3	+6,7
% к 2014 г.	88,1	87,2	–	–

Таблица 3

Структура смертности населения Хабаровского края от болезней системы кровообращения, % [1]

Год	Коэффициент смертности				Вклад предотвратимой смертности по причинам БСК, %
	от всех причин	от БСК	В том числе от:		
			ишемической болезни сердца	цереброваскулярных заболеваний	
2014	100,0	52,2	51,5	28,7	26,0
2015	100,0	49,4	50,0	30,4	17,2
2016	100,0	49,1	48,6	31,3	18,7
2017	100,0	49,5	47,2	32,1	19,2
2018	100,0	48,2	53,7	29,6	-

[1] Рассчитано по ф. С-52 Хабаровскстата.

Динамика уровня смертности населения Хабаровского края от БСК отражает среднероссийскую динамику последних лет, в том числе и структурную. Большая часть человеческих потерь происходит от ишемической болезни сердца (табл. 3).

С точки зрения ускорения продвижения Хабаровского края к целям социально-экономического развития определенный ресурс есть в сокращении предотвратимой смертности, в том числе и по причинам БСК. Структура смертности всего населения отличается от структуры преждевременной смертности. В первом случае самой весомой причиной являются болезни системы кровообращения, во втором — травмы, отравления и другие последствия воздействия внешних факторов.

Обобщая итоги разработки материалов статистики смертности населения Хабаровского края, можно отметить, что в 2014-2017 гг. доля умерших от предотвратимых причин БСК в общем числе умерших от предотвратимых причин имеет благоприятную тенденцию к сокращению. Если в 2014 году практически каждого четвертого случая смерти можно было бы избежать, то в 2017 году — каждого пятого.

Список источников

1. Февралева С.В. Долговременные тенденции распространенности и тяжести заболеваемости болезнями системы кровообращения работающего населения Хабаровского края и их экономические последствия // Вестник ХГУЭП. — Хабаровск: РИЦ ХГУЭП № 1, 2018.

Информация об авторе

Февралева Светлана Викторовна (Россия, Хабаровск) — кандидат экономических наук, доцент, кафедра государственного и муниципального управления, Хабаровский государственный университет экономики и права (Хабаровск, ул. Тихоокеанская, д.134); e-mail shurshum_86@mail.ru

Fevraleva S.V.

Assessment of progress of the Khabarovsk territory to the objectives socio-economic development

The method of indicative planning is used for the current control of the implementation of the Khabarovsk territory development programs. The article assesses its implementation in terms of increasing the average life expectancy of the population and minimizing human losses as a result of mortality from diseases of the circulatory system. For 2014-2018, the actual increase in life expectancy +3.4% with the recommended +3.2%, the recommended reduction in the mortality rate from BSC by no more than 11% with the actual more than 12% allows us to assess relatively highly the progress in the region's progress towards the formation of an effective socio-economic system. The same relative success has the structural factor of minimizing human losses: an increase in the contribution of ischemic and cerebrovascular mortality by 3.1 percentage points, an increase in the share of losses due to preventable causes of death of BSC.

Key words: the average life expectancy, the target value of the indicator, the indicator, the degree of achievement, a road map, diseases of the circulatory system, preventable mortality

Author

Fevraleva Svetlana Viktorovna (Russia, Khabarovsk) — vice-doctor, associate professor, Khabarovsk State University of Economics and law, department of public administration (Khabarovsk, st. Pacific, 134; e-mail: shurshum_86@mail.ru).

References

1. Fevraleva, S. V. Long-term trends in the prevalence and severity of diseases of the circulatory system, the working population of the Khabarovsk territory and their economic implications In the book: Bulletin of HGMP. — Khabarovsk: RITS, HGMP, 2018. — No. 1.

УДК 311.2;316

Хакназаров С.Х.

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОКТЯБРЬСКОГО РАЙОНА ЮГРЫ В РАЗРЕЗЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ[1]

Известно, что охрана окружающей среды в наши дни играет важную роль в вопросе выживания человечества. Актуальность данной проблемы проявляется во всех климатических поясах земного шара. Беспредельный и бесконтрольный рост потребления минерального сырья без учета экологических ограничений и развития безукоризненной технологии может привести в недалеком будущем к глобальному экологическому кризису. В данной статье рассматриваются результаты мониторинговых исследований, проведенных в 2018 году и ранее на территории Октябрьского района Ханты-Мансийского автономного округа — Югры по выбранной тематике. В сравнительном контексте анализируются мнения респондентов об экологических проблемах. Исследования проводились анкетным методом. Результаты мониторинга обработаны в программе для обработки социологической информации «Vortex».

Ключевые слова: коренные народы Севера, экологические проблемы, Октябрьский район ХМАО, социологические исследования.

Проблема окружающей среды — одна из глобальных проблем человечества на современном этапе развития промышленности. Любая промышленная разработка полезных ископаемых, вне зависимости от их вида (твердых, газообразных и т. д.) осуществляется с помощью несовершенных технологий. Интенсивное развитие промышленности без проведения необходимых мероприятий по охране окружающей среды приводит к загрязнению почвы, Мирового океана, растительного и животного мира, а нередко к гибели некоторых видов флоры и фауны. Промышленное освоение углеводородного сырья (нефти и газа) затрагивает интересы коренных малочисленных народов Севера (КМНС). Это связано с тем, что месторождения полезных ископаемых, удовлетворяющие промышленные нужды, сосредоточены в основном на территориях традиционного природопользования КМНС. К территориям традиционного природопользования (ТТП) относятся: родовые, общинные (семейные) и пастбищные угодия. За последние 40-50 лет в округе произошло значительное сокращение ТТП КМНС. Страдают их основные традиционные виды хозяйственной деятельности. Вследствие этого происходит ухудшение социально-экономического положения КМНС, и эта проблема требует в настоящее время особого внимания. Воздействие промыслов на окружающую природную среду прежде всего сводится к загрязнению воздушной среды вследствие открытого сжигания топлива в амбарах и на факельных установках и к сбросу на рельеф и водоемы производственных и хозяйственно-бытовых сточных

[1] © Хакназаров С.Х. Текст. 2019.

вод. Наиболее негативное воздействие на окружающую природную среду оказывают аварии на объектах, в первую очередь на внутрипромысловых и магистральных трубопроводах. В данной работе мы будем рассматривать эти проблемы в контексте социологических исследований на примере Октябрьского района Югры.

Краткая характеристика района исследований. В географическом отношении Октябрьский район Югры расположен в пределах Западно-Сибирской низменности, по обе стороны нижнего течения р. Обь, с севера на юг район протянулся на 258 км, с запада на восток — 166 км. Общая площадь территории составляет 24,5 тыс. кв. км[1] . В составе района находятся 23 населенных пункта, в которых проживает 29,3 тыс. чел., среди них более 2000 представителей КМНС, из них: 74% — ханты, 25% — манси, 1,5% — ненцы. Для улучшения их социально-экономического положения в районе организованы 4 национальные общины, 8 фермерских хозяйств. Согласно информации бывшего Департамента по вопросам малочисленных народов Севера, на территории района расположено 54 ТТП КМНС (67 семей) общей площадью 346 802 га (23 из них находятся на границах лицензионных участков общей площадью 115 981 га) [2]. Октябрьский район лежит в пределах крупнейшей Западно-Сибирской нефтегазоносной провинции и относится к территориям с высокой плотностью запасов, которые составляют около 4 млрд т. Загрязнение атмосферного воздуха на территории Октябрьского района определяется преимущественно местными источниками и в малой степени атмосферными переносами из других районов. Основными причинами загрязнения атмосферного воздуха являются: промышленные выбросы от предприятий, сжигание попутного нефтяного газа на факелах, испарение легких фракций углеводородов с поверхности аварийных разливов нефти, шламовых амбаров, резервуаров хранения нефти, а также выхлопные газы автотранспорта. Как следует из данных информационного бюллетеня [3], многими нефтегазодобывающими предприятиями была проведена инвентаризация земель, в результате которой получены уточненные данные по площади земель, загрязненных нефтепродуктами. В результате на начало 2007 г. по Нижневартовскому и Октябрьскому районам показатели площади нефтезагрязненных земель увеличились на 152 га по сравнению с 2006 г., в Сургутском районе уменьшились на 44 га. Согласно данным бывшего Департамента охраны окружающей среды и экологической безопасности Югры за 2008 г.[2], на территории Октябрьского района сожжено на факелах 142,384 млн м^3 газа, произошло 16 аварий на нефтепроводах. В окружающую природную среду при авариях попали 8261,95 т загрязняющих веществ. При этом общая площадь земель, загрязненных при авариях, составила 188,385 га.

В 2017 г. сотрудниками Обско-угорского института прикладных исследований и разработок (г. Ханты-Мансийск) с целью изучения современного

[1] Общие сведения [Электронный ресурс]. URL:http://oktregion.ru/about/o-rayone/obshchie-svedeniya/

[2] Там же.

экологического и социально-экономического состояния КМНС Югры были проведены этносоциологические исследования на территории Югры (в том числе в Октябрьском районе). Опросы проводились в анкетной форме.

В исследованиях 2017 г. приняли участие 86 респондентов. Из них мужчин — 27,1%, женщин — 72,1%; хантов — 44 (47,7%), манси — 16 (18,6%), русских и других национальностей — 29 (33,8%). Место жительства респондентов — Октябрьский район Югры.

В аспекте рассматриваемой темы немаловажной является оценка респондентами экологического состояния региона. Мнения респондентов о том, что происходит в результате промышленных разработок недр, представлены в таблице 1.

Из представленных в таблице 1 данных видно, что абсолютное большинство (64,0%) респондентов Октябрьского района отметили, что в результате промышленных разработок недр происходит ухудшение экологического состояния их региона (района) проживания. Респонденты на второе место поставили вариант ответа, что в результате промышленных разработок происходит вытеснение коренного населения с территории их проживания и деградация их культуры (25,6%). Лишь незначительная часть (9,3%) респондентов района считает, что в результате промышленных разработок недр происходит улучшение экологического состояния их региона (района) проживания. Для сравнения отметим, что по результатам опроса, проведенного в 2008 г. [4], значительное большинство респондентов из числа представителей КМНС и экспертов Октябрьского района также отметили, что в результате промышленных разработок недр происходит ухудшение экологического состояния региона, вытеснение коренного населения с территории их проживания и деградация их культуры (26,7% в целом по массиву). Как видим, взгляды респондентов района по данному вопросу практически не изменились.

Таблица 1

Мнения респондентов о результатах промышленных разработок недр (*n= 86), в % от числа опрошенных**

Варианты ответа	Количество ответивших	% от числа опрошенных*
Ухудшается экологическое состояние региона (района).	55	64,0
Улучшается экологическое состояние региона (района)	8	9,3
Происходит вытеснение коренного населения с территории проживания	22	25,6
Другое	7	8,1
Затруднялись ответить	9	10,5

* Сумма превышает 100%, поскольку один опрошенный мог дать несколько ответов одновременно.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Как Вы оцениваете экологическое состояние региона в настоящее время?» (*n* = 86), в % от числа опрошенных

Варианты ответа	Количество ответивших	% от числа ответивших	% от числа опрошенных
Удовлетворительно	31	36,5	36,0
Неудовлетворительно	38	44,7	44,2
Никак	6	7,1	7,0
Затруднялись ответить	11	11,8	12,8
Итого	86		100,0

Далее, отвечая на вопрос: *«Как Вы оцениваете экологическое состояние региона в настоящее время?»,* большинство респондентов (44,2% и 44,7% соответственно от числа опрошенных и частоты ответов) отметили неудовлетворительное экологическое состояние региона. Считают его удовлетворительным 36,0% и дали ответ «никак» 7,0% респондентов (табл. 2).

Говоря о результатах предыдущих опросов (2008 г.) по данному вопросу, отметим, что большинство респондентов (67,2%) также оценили экологическое состояние региона как неудовлетворительное Заметим, что уменьшилось количество респондентов, которые считают, что экологическое состояние региона ухудшается [4].

Для того чтобы выяснить причины неудовлетворительной оценки респондентов, нами был поставлен вопрос такого характера: *«А если неудовлетворительно, то почему?»* (табл. 3). Ответы респондентов распределились следующим образом (в скобках данные за 2008 г.): 1) происходит загрязнение рек и водоемов — 53,5% (68,57%); 2) уменьшается численность

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: «Если неудовлетворительно, то почему?» (*n* = 86), %

Варианты ответа	Количество ответивших	% от числа опрошенных
Происходит загрязнение рек и водоемов	46	53,5
Уменьшается численность животных, дичи и рыбы	40	46,5
Высыхают и вырубаются леса	18	20,9
Происходит загрязнение почвы	17	19,8
Выводятся из оборота огромные территории промысловых угодий и оленьих пастбищ	16	18,6
Происходит загрязнение атмосферного воздуха	16	18,6
Другое	2	2,3
Затруднялись ответить	26	30,3

животных, дичи и рыбы — 46,5% (51,2%); 3) высыхают и вырубаются леса — 20,9% (30,4%); 4) происходит загрязнение почвы — 19,8%; 5) происходит загрязнение почвы и атмосферного воздуха — 18,6% и выводятся из оборота огромные территории угодий и оленьих пастбищ — 18,6% (23,8%).

Отвечая на вопрос *«Как Вы думаете, существует ли связь между Вашим здоровьем (здоровьем Ваших детей) и состоянием окружающей среды?»,* большинство респондентов (57,0%) утвердительно сказали, что да, безусловно, существует связь. Отметили «да, может быть» 17,4% респондентов. Ответы «Нет, вряд ли» и «Нет» дали 2,3% и 5,8% респондентов соответственно.

Подводя итог, отметим, что анализ вышеизложенного материала показывает, что жители Октябрьского района, как и жители других исследованных районов Югры, о результатах разработки полезных ископаемых думают неодинаково. И, несмотря на это, большинство респондентов отмечают, что происходит ухудшение экологического состояния региона, о чем свидетельствуют аналитические данные, изложенные выше. А также и происходит вытеснение коренного населения с территории их проживания и деградация их культуры.

Список источников

1. Коренные народы [Электронный ресурс]. URL: http//www.admhmao.ru (дата обращения 22.07.2010)

2. Хакназаров С.Х. Проблемы социально-экономического развития территорий традиционного природопользования коренных народов ХМАО-Югры (по материалам социологических исследований): монография. — Ханты-Мансийск: Изд-во: ООО «Югорский формат», 2016. — 100 с.

3. О состоянии окружающей среды Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в 2006 — 2007 гг.: Информационный бюллетень. — Ханты-Мансийск, 2008. — 112 с.

4. Хакназаров С.Х. Геоэкологические проблемы Октябрьского района Югры в контексте социологических исследований: сравнительный аспект // Вестник угроведения. — 2011. — № 3(6). — С. 131-134.

Информация об авторе

Хакназаров Саидмурод Хамдамович (Россия, Ханты-Мансийск) — кандидат геолого-минералогических наук, заведующий научно-исследовательским отделом социально-экономического развития и мониторинга, Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок (628011, Тюменская обл., г. Ханты-Мансийск, ул. Мира, 14-а; e-mail: S_haknaz@mail.ru)

Khaknazarov S. Kh.

Ecological problems of the october district of Ugra in the section of sociological studies

It is known that environmental protection in our days plays an important role in the issue of human survival. The urgency of this problem is manifested in all climatic zones of the globe. The unlimited and uncontrolled growth of mineral consumption without taking into account environmental constraints and the development of impeccable technology may lead to a global environmental crisis in the near future. This article discusses the results of monitoring studies conducted in 2018 and earlier in the territory of the Oktyabrsky district of the Khanty-Mansiysk

Autonomous Okrug — Ugra on the selected topics. In a comparative context, respondents' opinions on environmental issues are analyzed. Researches were conducted by a personal method. The monitoring results were processed in the program for processing sociological information "Vortex".

Keywords: indigenous peoples of the North, environmental problems, Oktyabrsky District Khanty-Mansi Autonomous Okrug, case studies

Author

Khaknazarov Saidmurod Khamdamovich (Russia, Khanty-Mansiysk) — Candidate of geological and mineralogical sciences, Head of the research department for socio-economic development and monitoring Ob-Ugric institute of applied researches and developments (628011, Russia, Tyumen Region, Khanty-Mansiysk, Mira 14-a st.; e-mail:S_haknaz@mail.ru)

References

1. Indigenous peoples [Electronic resource]. URL: http // www.admhmao.ru (appeal date 07/22/2010)

2. Khaknazarov S.Kh. Problems of the socio-economic development of the territories of traditional environmental management of indigenous peoples of the KMAO-Ugra (based on sociological research): monograph Pec. Publishing house: LLC Yugorsky format. — Khanty-Mansiysk, 2016. –100 p.

3. On the state of the environment of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug — Ugra in 2006 — 2007: Informational bulletin. — Khanty-Mansiysk, 2008. — 112 p.

4. Khaknazarov S.Kh. Geoecological problems of the Oktyabrsky district of Yugra in the context of sociological research: a comparative aspect // Bulletin of Ugric Studies. — 2011. — No. 3 (6). — P. 131-134.

УДК 911.3

Хуснутдинова А.А.

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В ЕКАТЕРИНБУРГСКОЙ АГЛОМЕРАЦИИ[1]

В данной статье рассмотрены демографическая ситуация, территориальный состав и границы Екатеринбургской агломерации.. Исследование геодемографических особенностей населения городов Екатеринбургской агломерации как с теоретической, так и с практической точки зрения является крайне актуальным. Ведь именно рассмотрение изменений динамики демографических показателей необходимо для принятия решений в вопросах, затрагивающих интересы общества в целом. Для раскрытия цели и задач статьи автором применялись следующие методы: общенаучные (описательный, аналитический) и общегеографические (статистический).

Ключевые слова: Екатеринбургская агломерация, территориальные различия, демографическая обстановка, классификация городов, демографическая политика.

В настоящее время резко возросла роль городских агломераций как важных центров мировой экономики, генерирующих основной вклад в мировой валовый продукт. Екатеринбургская агломерация является одной из наиболее развитых агломераций России. Она активно развивается, что проявляется в фактическом срастании населенных пунктов в единую урбанизированную зону, череду промышленных и жилых зон, а также в увеличении маятниковой миграции. Неконтролируемое разрастание городской агломерации без четкого видения территориальных ограничений и возможностей всей территории может повлечь серьезные негативные последствия, усугубить экологические и транспортные проблемы [1, 4-6]

Формирование Екатеринбургской агломерации (ЕА) — результат процесса самоорганизации и саморазвития города Екатеринбурга и окружающих его территорий. Изучение ЕА начинается с рассмотрения ее территориального состава и границ. Классификации городов Екатеринбургской агломерации различны: по численности населения, по признаку функций городов, по дальности городов от центра.

Екатеринбургская агломерация — агломерация моноцентрического типа, включающая в себя ядро (Екатеринбург) и его пригородную зону. В состав ЕА включены четырнадцать городов: Арамиль, Асбест, Берёзовский, Верхняя Пышма, Дегтярск, Екатеринбург, Заречный, Михайловск, Нижние Серги, Полевской, Первоуральск, Ревда, Среднеуральск и Сысерть [2, 3].

На территории Екатеринбургской агломерации четко выделяются девять лучей расселения (Невьянский, Верхнепышминский, Режевский, Богдановичский, Каменск- Уральский, Сысертский, Полевской, Ревдинский, Первоуральский). Эти лучи расселения сформировались вдоль четырнадцати основных транспортных направлений и нескольких концентрических

[1] © Хуснутдинова А.А. Текст. 2019

зон расселения (ближняя, средняя, дальняя), отличающихся друг от друга интенсивностью межселенных связей и транспортной связанностью с центром агломерации, плотностью населения и густотой населенных пунктов, характером сложившегося производства и др. [2, 4].

Свердловская область, являясь высокоурбанизированным регионом страны, также характеризуется сложной демографической обстановкой, особенно в городских поселениях. Низкая регулируемая со стороны городской семьи рождаемость, высокая смертность вследствие демографического старения, снижение численности населения, увеличение количества разводов и снижение количества браков ведут зачастую к деформации демографических структур, необходимости решения демографических проблем на разных территориальных уровнях управления — от городских округов до муниципалитетов [9, 13].

Об щая чи сленность на селения Ек атеринбургской гор одской аг ломерации со ставляет 20 1118 5 человек. Очевидно, чт о бо льшая ча сть чи сленности на селения ЕА — жи тели го рода Екатеринбурга, чи сленн ость населения ко торого со ставляет 146 8 17 2 че ловек, ил и 72,1% от об щей чи сленности на селения ЕА (табл.1). На чи сленность ос тальной ча сти на селения аг ломерации пр иходится 56 1 01 3 че ловек, ил и 27, 9%. В ис торической ретроспективе за по следние 60 ле т на селение Ек атеринбургской аг ломерации вы росло пр актически вдвое, но да нный пр оцесс пр отекал не равномерно ка к во времени, та к и в от ношении ра зличных на селенных пунктов. Пр имерно до 19 90 го да на блюдался бу рный рост, св язанный с ак тивным пр омышленным ра звитием территории. В пе риод 19 90 — 20 00 гг. ид ет не которое снижение численности, св язанное с со кращением гр адообразующей ба зы в пе риод перестройки. И, наконец, с 20 00 го да на блюдается ум еренный ро ст с те мпом 0,5-1% в го д (рис.1).

Рис. 1. *Численность постоянного населения Екатеринбургской агломерации, млн чел.*[1]

[1] См.: http://www. sverdl.gks.ru

Таблица 1

Динамика изменения численности населения основных городских округов Екатеринбургской агломерации с 2013 по 2018 гг., чел.[1]

На именование ГО	Чи сленность по стоянного населения, чел.			
	2013 г.	2015 г.	2017 г.	2018 г.
МО «Г ород Ек атеринбург»	1429433	1461372	1488406	1501652
г. Ек атеринбург	1396074	1428042	1455514	1468833
Ве рхняя Пы шма	76104	79537	83017	84103
Ср еднеуральск	21434	22383	23479	24011
За речный	30379	31155	31207	31182
Пе рвоуральск	149830	149279	147520	146511
Ре вда	63402	63820	64291	69729
По левской ГО	71058	70619	70233	64340
Де гтярск	15875	16031	16188	16051
Бе лоярский ГО	34210	34487	34954	35073
Ар амильский ГО	17749	17981	18379	18523
Сы сертский ГО	61145	62244	62285	62095
Бе резовский ГО	72229	73916	74344	74754
Ве рхнее Ду брово	4890	4983	5078	5120

Во всех основных городских округах происходит рост численности постоянного населения, за исключением ГО Первоуральск и Полевской, в этих округах происходит постепенное снижение численности населения.

В разрезе территориальных различий в Свердловской области город Екатеринбург, а также зона влияния ЕА, относятся к группе с благоприятной демографической обстановкой. Это выражается в увеличении численности населения за счет естественного прироста, а также положительной миграционной составляющей. В Екатеринбургской агломерации преобладают малые города с численностью до 20 тыс.человек, а про признаку удаленности городов от центра преобладают города дальней периферии, расположенные на расстоянии от 50 и более километров [7-10,12].

Рассмотреть демографическую политику городов ЕА можно через демографическую политику Свердловской области, в состав которой и входит агломерация. Министерством экономики Свердловской области по итогам реализации демографической политики в 2018 году были представлены следующие положения:

— сократился показатель общей смертности на 0,2 ‰ по сравнению с 2017 годом (с 14,2 до 14,0 ‰) — это 582 человека;

[1] Там же.

— наблюдается снижение показателей смертности от болезней системы кровообращения на 2,2 %, показателей смертности от дорожно- транспортных происшествий на 6,6 % и показателей смертности от туберкулеза на 15,0 % по сравнению с 2017 годом;

— увеличилась средняя продолжительность жизни до 70 лет;

— на 3,8 % снизилась рождаемость, фиксируется естественная убыль населения в количестве 759 человек [11].

Современная демографическая ситуация, сложившаяся в Екатеринбургской агломерации, довольно неоднозначная, изучение которой представляется актуальным. Низкая регулируемая со стороны городской семьи рождаемость, высокая смертность вследствие демографического старения, снижение численности населения, увеличение количества разводов и снижение количества браков ведут к изменению демографических структур, необходимости решения демографических проблем на разных территориальных уровнях управления — от городских округов до муниципалитетов.

Список источников

1. Анимица Е. г. Крупнейшие города России в контексте глобальных урбанизационных процессов // Ars administrandi. — 2013. — № 1. — С. 82–96.

2. Анимица Е. г. О территориальной структуре и границах Свердловской городской агломерации / Е. г. Анимица, В. А. Скутин // Труды кафедры экономической географии. — Вып. 2. — Свердловск, 1970. — С. 60–66.

3. Вахрушева Е.А. Особенности города Екатеринбурга как будущего центра Екатеринбургской городской агломерации // Проблемы современной науки и образования. — 2017. — № 20 (102). — С. 41-44

4. Власова Н. Ю. Городские агломерации: история и современность // Голиковские чтения: сб. науч. тр. № 4 / отв. ред. А. Ю. Даванков. — Челябинск : ЧелГУ, 2008. — С. 192–203.

5. Волчкова И.В. Особенности социально-экономического развития городских агломераций в России: монография. — Томск: Изд-во Том. гос. архит.-строит. унт-та, 2013. — 92 с.

6. Иванова Ю.Н., Озтюрк Д.М. Городские агломерации в России: тенденции, проблемы и перспективы развития// Научные труды Вольного экономического общества России. — 2016. — Т. 198. — № 2. — С. 71-80.

7. Ижгузина Н.Р. Подходы к делимитации городских агломераций// Дискуссия. — 2014. — 9(50). — С. 44-52

8. Ижгузина Н.Р. Разработка методических подходов к оценке социально-экономического развития городских агломераций (на примере крупных агломераций Свердловской области)// European social science journal. — 2014. — № 9-2 (48). — С. 271-276.

9. Казаков Н.А. География населения основами демографии: учеб. -метод. пособие. — М., 2000. –140 с.

10. Липухин Д.Н. О типах геодемографической ситуации в городских муниципалитетах Екатеринбургской агломерации // Муниципальные образования современных регионов: проблемы исследования, развития и управления в условиях геоэкономической и политической нестабильности, 2016. — С. 51-54.

11. Макарова М.Н. Методика оценки влияния Екатеринбурга на города в составе Екатеринбургской агломерации //Территориальные исследования: цели, результаты и перспективы тезисы всероссийской школы-семинара молодых ученых, аспирантов и студентов, 2015. — С. 217-219

12. Сафиуллин Р.Г., Сафиуллина Р.М., Ибрагимова З.Ф. Проблемы эволюции города-миллионера и территориальные предпочтения населения (на примере г.Уфы) //Успехи современного естествознания. — 2017. — № 3. — С. 117-121.

13. Слука А.Е., Слука Н.А. География населения с основами демографии: учеб.-метод. пособие. — М., 2000. — 140 с.

Информация об авторе

Хуснутдинова Альбина Александровна (Россия, Уфа) — магистр 1-го года обучения программы «Геоурбанистика: управление городскими системами» географического факультета, Башкирский государственный университет (г. Уфа, ул. К. Маркса, д. 3/4); e-mail: albi.khusnutdinova@yandex.ru

Khusnutdinova A. A.

Territorial differentiation of the demographic situation in the Ekaterinburg agglomeration

This article describes the demographic situation of the territorial structure and borders in the Ekaterinburg agglomeration.. Studies of demographic characteristics of the population of the cities of Yekaterinburg agglomeration, both from a theoretical and practical point of view is extremely relevant. After all, it is the consideration of changes in the dynamics of demographic indicators that is necessary for making decisions on issues affecting the interests of society as a whole. To reveal the purpose and objectives of the article the author used the following methods: General scientific (descriptive, analytical) and General geographic (statistical).

Keywords: Yekaterinburg agglomeration, territorial differences, demographic situation, classification of cities, demographic policy.

Author

Khusnutdinova Albina Aleksandrovna (Russia, Ufa) — Master of 1 year of study program «Geourbanistics: urban systems management» faculty of geography, Bashkir state University (Ufa, K. Marx str., 3/4); e-mail: albi.khusnutdinova@yandex.ru

References

1. Animitsa E. G. the Largest cities of Russia in the context of global urbanization processes // Ars administrandi. — 2013.– No. 1. — S. 82-96.

2. Animitsa E. G. On the territorial structure and boundaries of the Sverdlovsk city agglomeration / E. G. Animitsa, V. A. Skutin // Proceedings of the Department of economic geography. — Issue. 2. — Sverdlovsk, 1970. — P. 60-66.

3. Vakhrusheva E. A. Features of the city of Yekaterinburg as the future center of the Yekaterinburg city agglomeration //Problems of modern science and education. — 2017. — No. 20 (102). — P. 41-44

4. Vlasova N. Y. Metropolitan areas: history and modernity // Golikovskii reading: collection of scientific works. Tr. No. 4 / resp. edited by A. Y. Davankov. — Chelyabinsk : Chelyabinsk State University, 2008. — P. 192-203.

5. Features of socio-economic development of urban agglomerations in Russia: monograph / I. V. Volchkova. — Tomsk: Publishing house. state archit.-builds. CNT-TA, 2013. — 92 p.

6. Ivanova Yu. N., Ozturk D. M. Urban agglomerations in Russia: trends, problems and prospects of development// Scientific works of the free economic society of Russia. — 2016. — Vol. 198. — No. 2. — P. 71-80.

7. Yegoshina N. R. Approaches to delimitation of urban agglomerations// Discussion. — 2014. — No. 9(50). — P. 44-52.

8. Yegoshina N. R. Development of methodical approaches to assessment of socio-economic development of urban agglomerations (on the example of the cities of the Sverdlovsk region)// Eigroup social science journal. — 2014. — No. 9-2 (48). — P. 271-276.

9. Kazakov N. Geography of population with demography bases: proc.: method. benefit. — M., 2000. –140 p.

10. Lipukhin D. N. On the types of geodemographic situation in the urban municipalities of the Yekaterinburg agglomeration // Municipal formations of modern regions: problems of research, development and management in the conditions of geo-economic and political instability, 2016. — P. 51-54.

11. Makarova M. N. Methods of assessing the impact of Yekaterinburg on the city as part of the Yekaterinburg agglomeration //Territorial research: goals, results and prospects theses of the all-Russian school-seminar of young scientists, graduate students and students, 2015. — P. 217-219.

12. Safiullin R. G., Safiullina R. M., Ibrahimova Z. F. Problems of evolution of the city-millionaire and territorial preferences of the population (on the example of Ufa) //Successes of modern natural science. — 2017. –No. 3. — P. 117-121.

13. Sluka A. E., Sluka N. Geography of population with demography bases:proc.: method. benefit. — M., 2000 — 140 p.

УДК 331.5

Царенко И.В.

ОСОБЕННОСТИ ОБОРОТА ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПЕРМСКОГО КРАЯ[1]

В статье рассматриваются особенности оборота трудовых ресурсов в Пермском крае с точки зрения трех взаимосвязанных направлений движения трудовых ресурсов: естественного, миграционного и социального. При этом анализ производится в разрезе муниципальных районов Пермского края с целью возможной дифференциации территорий и выявления территориальных особенностей. С помощью применения методов статистического анализа с использованием пространственно-временных данных в работе отмечается, что Пермский край имеет разнонаправленные тенденции развитии трудовых ресурсов, что обусловлено и уровнем социально-экономического развития отдельных территорий. На этом основании автор делает вывод о взаимосвязанности оборота трудовых ресурсов с ключевыми социально-экономическими характеристиками региона и о возможности актуализации направлений совершенствования регулирования трудовых ресурсов в регионе при условии разработки соответствующего методического инструментария и механизмов реализации. Автор отмечает необходимость стратегического регулирования трудовых ресурсов региона как условия сбалансированного социально-экономического развития края, акцентируя внимание на базовых характеристиках и показателях развития трудовых ресурсов, таких как состав и качество трудовых ресурсов, востребованность на рынке труда, миграционная составляющая, наличие государственной поддержки кадровой политики в регионе.

Ключевые слова: оборот трудовых ресурсов, развитие региона, движение населения.

Развитие регионов Российской Федерации зависит от имеющихся ресурсов и возможности их эффективного использования в экономике. Современные вызовы ориентируют региональную политику на изменение экономической стратегии в сторону развития несырьевых отраслей, информатизации [1]. Безусловно, это требует разработки и принятия оптимальных решений по организации современных рабочих мест, подготовке квалифицированных кадров, четкой стратегической позиции относительно трудовых ресурсов.

Трудовые ресурсы представляют собой одно из наиболее активных звеньев, оказывающих значимое воздействие на социально-экономические процессы развития региона [2]. От того, насколько профессионально и ка-

[1] © Царенко И.В. Текст. 2019.

Статья опубликована в соответствии с Планом НИР Института экономики УрО РАН на 2019-2021 г.

чественно реализуются трудовые ресурсы, зависит стабильное социально-экономическое развитие региона.

Вместе с тем вопросам взаимовлияния трудовых ресурсов и социально-экономического развития региона уделяется недостаточно внимания. В регионах РФ функции управления трудовыми ресурсами реализуются в большинстве случаев традиционными методами [3-5]. В рамках данной работы автору представилось целесообразным рассмотреть особенности развития трудовых ресурсов в Пермском крае, выявив особенности их регулирования.

В статье использованы методы анализа информационной базы в части раскрытия теоретико-методологических основ; статистического и сравнительного анализа при выявлении тенденций социально-экономического развития регионов, что позволило определить направления совершенствования регулирования трудовых ресурсов в Пермском крае.

Проведем дифференциацию территорий Пермского края по естественному, миграционному и социальному движению населения (табл. 1).

В январе 2019 г. по сравнению с 2018 г. естественная убыль населения увеличилась на 524 человек, или на 29,14%, в основном за счет сокращения числа родившихся на 548 человек.

В Пермском крае коэффициенты естественного прироста населения высоки в Пермском, Сивинском, Карагайском, Частинском, Чернушинском районах, низкие — в Кизеловском, Гремячинском, Кишерском районах.

Территориальная дифференциация по показателю «общий коэффициент естественного прироста (убыли)» по муниципальным образованиям Пермского края за 2016-2017 гг. приведена в таблице 2.

Из данных таблицы 2 видим, что в 2017 году по сравнению с 2016 годом наибольшее улучшение показателя имеет Усольский муниципальный район — общий коэффициент естественной убыли сократился на 3,7 промилле,

Таблица 1

Показатели естественного движения населения в Пермском крае

Показатели	Человек			На 1000 человек населения		01.01.2019 в % к 2018	на 1000 чел. в целом за 2018
	2019	2018	Прирост/ убыль	2019	2018		
Число родившихся	4215,00	4763,00	-548,00	10,00	11,22	88,51	11,32
Число умерших	6013,00	6037,00	-24,00	14,32	14,23	99,62	13,51
в том числе детей в возрасте до 1 года	14,00	20,00	-6,00	2,91	3,81	70,1	4,71
Естественный прирост, убыль	-1798,0	-1274,0	-	-4,31	-3,1	-	-2,22

Таблица 2

Общий коэффициент естественного прироста (убыли) промилле в муниципальных районах Пермского края, промилле

Муниципальный район	2016 г.	2017 г.	Изменение
Усольский	-5,51	-1,82	3,71
Кишертский	-11,21	-8,21	3,11
Кочевский	-2,73	0,31	3,21
Еловский	-5,0	-2,82	2,22
Кудымкарский	-1,41	0,32	1,72
Гайнский	-1,92	-0,51	1,42
Косинский	-7,74	-6,62	1,13
Верещагинский	0,92	1,92	1,1
Юсьвинский	-6,31	-5,53	0,82
Нытвенский	-2,83	-2,63	0,22
Гремячинский	-14,0	-13,92	0,11
Уинский	-1,32	-1,33	0,0
Кунгурский	-1,71	-2,2	-0,33
Пермский	3,63	3,32	-0,33
Краснокамский	-0,62	-1,3	-0,42
Куединский	-1,42	-1,82	-0,43
Горнозаводский	-5,0	-5,41	-0,43
Чердынский	-4,42	-4,91	-0,52
Чусовской	-4,32	-4,92	-0,62
Юрлинский	0,52	-0,21	-0,72
Ильинский	-4,72	-5,43	-0,73
Кизеловский	-12,33	-13,23	-0,93
Александровский	-5,14	-6,3	-0,92
Красновишерский	-3,52	-4,43	-0,93
Большесосновский	0,13	-1,23	-1,34
Октябрьский	-1,12	-2,52	-1,43
Чайковский	1,22	-0,41	-1,62
Добрянский	-0,33	-2,11	-1,81
Карагайский	1,82	-0,21	-2,2
Соликамский	-0,83	-3,2	-2,22
Ординский	0,0	-2,43	-2,43
Оханский	-2,92	-5,33	-2,43
Осинский	1,22	-1,33	-2,51
Суксунский	-0,63	-3,22	-2,61
Бардымский	-1,22	-3,91	-2,71

Окончание табл. 2

Муниципальный район	2016 г.	2017 г.	Изменение
Чернушинский	2,92	0,11	-2,82
Очерский	0,0	-2,91	-2,92
Частинский	3,82	0,53	-3,33
Сивинский	3,12	-1,1	-4,13
Березовский	0,52	-3,93	-4,43

а наибольшее ухудшение имеет Березовский муниципальный район — общий коэффициент естественного прироста сократился на 4,4 промилле.

Далее рассмотрим общую характеристику миграционной ситуации в Пермском крае (табл. 3).

В январе-феврале 2019 г. по сравнению с январем-февралем 2018 г. миграционное снижение населения сократилось на 559 человек, или на 68,08%, за счет сокращения миграций населения в пределах России на 278 человек (35,77%) и международного миграционного прироста населения на 281 человек (638%).

Отметим, что международный миграционный прирост населения в Пермском крае в январе-феврале 2019 г. по сравнению с январем-февралем 2018 г. вырос в основном за счет миграционного прироста населения со странами дальнего зарубежья на 177 человек.

Таблица 3

Общая характеристика миграционной ситуации в Пермском крае

Показатели миграции	На 01.012019		На 01.01.2018	
	Всего	На 10 тыс. человек населения	Всего	На 10 тыс. человек населения
Число прибывших	10293,00	244,0	11130,0	262,52
Число выбывших	10555,0	250,22	11951,0	281,93
Миграционный прирост / снижение	-262,0	-6,22	-821,0	-19,43
В пределах РФ				
Число прибывших	9666,01	229,12	10584,0	249,72
Число выбывших	10165,02	240,93	11361,0	268,2
Миграционный прирост, снижение	-499,0	-11,82	-777,0	-18,32
Международная миграция				
Число прибывших	627,0	14,91	546,0	12,91
Число выбывших	390,0	9,22	590,2	13,92
Миграционный прирост / снижение	237,0	5,71	-44,2	-1,1

Таблица 4

Миграционный прирост в Пермском крае, чел.

Наименование муниципального района	2016 г.	2017 г.	Изменение
Пермский	670,00	2017,00	1347,00
Кунгурский	-354,00	-173,00	181,00
Александровский	-355,00	-264,00	91,00
Березовский	-153,00	-68,00	85,00
Чернушинский	-297,00	-218,00	79,00
Ординский	-186,00	-108,00	78,00
Кишертский	-135,00	-72,00	63,00
Большесосновский	-148,00	-100,00	48,00
Еловский	-132,00	-100,00	32,00
Осинский	-201,00	-171,00	30,00
Оханский	-1,00	28,00	29,00
Усольский	37,00	54,00	17,00
Бардымский	-58,00	-43,00	15,00
Горнозаводский	-228,00	-221,00	7,00
Косинский	-127,00	-125,00	2,00
Ильинский	8,00	-1,00	-9,00
Куединский	-359,00	-375,00	-16,00
Гремячинский	-165,00	-193,00	-28,00
Соликамский	-99,00	-137,00	-38,00
Карагайский	-73,00	-126,00	-53,00
Кудымкарский	-288,00	-343,00	-55,00
Гайнский	-109,00	-165,00	-56,00
Очерский	73,00	-1,00	-74,00
Суксунский	-51,00	-136,00	-85,00
Октябрьский	-287,00	-374,00	-87,00
Кочевский	-47,00	-145,00	-98,00
Чусовской	-287,00	-390,00	-103,00
Юрлинский	-47,00	-153,00	-106,00
Чердынский	-223,00	-337,00	-114,00
Юсьвинский	-178,00	-295,00	-117,00
Частинский	10,00	-113,00	-123,00
Уинский	29,00	-99,00	-128,00
Краснокамский	240,00	104,00	-136,00
Сивинский	-91,00	-248,00	-157,00
Нытвенский	-141,00	-316,00	-175,00
Красновишерский	-96,00	-280,00	-184,00

Окончание табл. 4

Наименование муниципального района	2016 г.	2017 г.	Изменение
Кизеловский	-408,00	-598,00	-190,00
Верещагинский	-413,00	-624,00	-211,00
Добрянский	1,00	-250,00	-251,00
Чайковский	376,00	-417,00	-793,00

Далее проведем территориальную дифференциацию по показателю миграционного прироста по муниципальным образованиям Пермского края за 2016-2017 гг. в таблице 4.

Из таблицы 4 видим, что в 2017 году по сравнению с 2016 годом наибольшее улучшение показателя имеет Пермский муниципальный район — миграционный прирост увеличился на 1347 человек, а наибольшее ухудшение имеет Чайковский муниципальный район — миграционный прирост снизился на 793 человек.

По данным на 1 января 2019 г. в состав Пермского края входило 32 муниципальных района; в них: 21 городское поселение, 213 сельских поселений, 25 городов, 27 посёлков городского типа, 3576 сельских населённых пунктов.[1]

Данные таблицы 5, представленной ниже, дают наглядное представление о дифференциации численности населения Пермского края, проживающего в его муниципальных районах.

Из данных таблицы 5 можно заключить, что по уровню численности населения муниципальные районы Пермского края можно разделить на несколько групп: лидеры (Пермский, Чайковский районы), районы со средней численностью (Чернушинский, Осинский, Октябрьский районы и др.), районы с малой численностью населения.

Второе место Добрянского муниципального района, состоящего из города Добрянки и подчиненного его администрации пгт Полазна, объясняется тем, что значительная часть трудоспособного населения этих поселений занята на предприятиях энергетики и в сфере нефтедобычи.

В Чернушинском и Нытвенском муниципальных районах, входящих в первую десятку рейтинга, сосредоточены производственные мощности компании «Лукойл». Значительная часть населения занята добычей нефти. Отраслевая специфика этих территорий объясняет высокий уровень заработной платы проживающего там населения. То есть сосредоточение населения в тех или иных районах объясняется наличием значительной производственной базы и рабочих мест.

Исходя из особенностей и тенденций социально-экономического развития Пермского края, направления совершенствования регулирующего

[1] Официальные данные органов государственной статистики / Пермстат [Электронный ресурс]. URL.: http://permstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/permstat/ru/municipal_statistics/list_of_municipalities/

Таблица 5

Численность населения Пермского края в разрезе муниципальных районов, чел.

Муниципальный район	На 01.01.2018			Удельный вес, %
	Все население	В том числе:		
		городское	сельское	
Пермский край	2623122,00	1988243,00	634879,00	100
Бардымский	25059,00	-	25059,00	0,962
Березовский	15351,00	-	15351,00	0,591
Большесосновский	12497,00	-	12497,00	0,482
Верещагинский	39723,00	21969,00	17754,00	1,511
Горнозаводский	23634,00	22465,00	1169,00	0,902
Гремячинский	10971,00	9105,00	1866,00	0,422
Добрянский	56091,00	45690,00	10401,00	2,141
Еловский	9185,00	-	9185,00	0,352
Ильинский	18926,00	3457,00	15469,00	0,723
Карагайский	21338,00	-	21338,00	0,811
Кизеловский	19660,00	14883,00	4777,00	0,752
Кишертский	11599,00	-	11599,00	0,441
Красновишерский	20261,00	15359,00	4902,00	0,772
Краснокамский	74069,00	58795,00	15274,00	2,821
Куединский	24564,00	-	24564,00	0,942
Кунгурский	41878,00	-	41878,00	1,603
Нытвенский	41647,00	29687,00	11960,00	1,591
Октябрьский	27612,00	14782,00	12830,00	1,052
Ординский	14735,00	-	14735,00	0,561
Осинский	28576,00	21061,00	7515,00	1,092
Оханский	16068,00	7087,00	8981,00	0,611
Очерский	22766,00	17456,00	5310,00	0,872
Пермский	110366,00	-	110366,00	4,212
Сивинский	13839,00	-	13839,00	0,532
Соликамский	16135,00	-	16135,00	0,623
Суксунский	19433,00	8082,00	11351,00	0,743
Уинский	10534,00	-	10534,00	0,402
Усольский	14262,00	6323,00	7939,00	0,543
Чайковский	104780,00	83077,00	21703,00	3,991
Частинский	12813,00	-	12813,00	0,492
Чердынский	20293,00	9480,00	10813,00	0,771
Чернушинский	50438,00	32909,00	17529,00	1,921

Окончание табл. 5

Чусовской	67353,00	52894,00	14459,00	2,571
Гайнский	11978,00	-	11978,00	0,462
Косинский	6288,00	-	6288,00	0,242
Кочевский	10121,00	-	10121,00	0,393
Кудымкарский	22631,00	-	22631,00	0,863
Юрлинский	8501,00	-	8501,00	0,323
Юсьвинский	17494,00	-	17494,00	0,672

воздействия на оборот трудовых ресурсов должны опираться на долгосрочное прогнозирование и управление влиянием трудовых ресурсов на социально-экономическое развитие региона.

Кроме того, необходима разработка методологического инструментария и механизмов, способных определить характер влияния ключевых параметров оборота трудовых ресурсов на динамику социально-экономического развития края, выявляя наиболее существенные диспропорции такого рода влияния, и обосновать рекомендации по совершенствованию управления и регулирования данных процессов.

Список источников

1. Алферова Т.В., Третьякова Е.А. Определение тенденций социально-экономического развития экономики Пермского края // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. — 2018. — № 2. — С. 137-146.

2. Завалишин А.В. Теоретические аспекты функционирования рынка труда // Вопросы экономики и управления. — 2014. — №4. — С. 42 — 45.

3. Методология управления трудовыми ресурсами: монография / под ред. А.П. Егоршина, И.В. Гуськовой. — Н. Новгород: НИМБ, 2008. — 352 с.

4. Фадеева г.В. Стимулирование труда работников сельскохозяйственных организаций в условиях трансформации механизма хозяйствования: автореф. дис. канд. экон. наук. — М., 2014. — 24 с.

5. Якимов А.В. Проблемы регулирования региональных рынков труда // Инвестиции и инновации. — 2015. — № 4. — С.43 — 47.

Информация об авторе

Царенко Ирина Владимировна (Россия, Пермь) — научный сотрудник, Пермский филиал ИЭ УрО РАН, e-mail: pfie@mail.ru

Tsarenko I.V.

The turnover of labor resources in the socio-economic development of the Perm region

The article discusses the features of the turnover of labor resources in the Perm Territory from the points of view of three interrelated areas of labor movement: natural, migration and social. At the same time, the analysis is performed in the context of municipal districts of the Perm Territory with the aim of possible differentiation of territories and identification of

territorial features. Using the methods of statistical analysis using spatial-belt data, it is noted that the Perm Territory has multidirectional trends in the development of labor resources, which is also due to the level of socio-economic development of individual territories. On this basis, the author makes a conclusion about the interconnectedness of the turnover of labor resources with key socio-economic characteristics of the region and about the possibility of updating the directions for improving the regulation of labor resources in the region, subject to the development of appropriate methodological tools and implementation mechanisms. The author notes the need for strategic regulation of labor resources in the region as a condition for a balanced socio-economic development of the region, focusing on basic characteristics and indicators of human resources development, such as the composition and quality of labor resources, demand for labor market, migration component, availability of state support for personnel policy in the region.

Key words: labor turnover, development of the region, population movement.

Author

Tsarenko Irina (Russia, Perm) — Researcher, Perm Branch of IE UB RAS, e-mail: pfie@mail.ru

References

1. Alferova T.V., Tretyakova E.A. Identification of trends in the socio-economic development of the economy of the Perm region // Bulletin of the Perm National Research Polytechnic University. Socio-economic sciences. — 2018. — No. 2. — S. 137-146.

2. Zavalishin A.V. Theoretical aspects of the functioning of the labor market // Questions of economy and management. — 2014. — No. 4. — P.42 — 45.

3. Methodology of human resource management: monograph / Ed. A.P. Egorshina, I.V. Guskova. — N. Novgorod: NIMB, 2008. — 352 p.

4. Fadeeva G.V. Stimulation of labor of workers of agricultural organizations in the conditions of transformation of the mechanism of management: Author's abstract. dis. Ph.D. — M., 2014. — 24 p.

5. Yakimov A.V. Problems of regulation of regional labor markets // Investments and innovations. — 2015. — No. 4. — P.43 — 47.

УДК 314.32.

Черешова С.В.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА И НАСТРОЕНИЯ СУБЪЕКТОВ РОДИТЕЛЬСКОГО ТРУДА[1]

В статье исследуется влияние государственной политики на настроения и поведение субъектов родительского труда. Выявлена неидентичность восприятия субъектами труда декларируемой государственной политики и реальных действий по ее воплощению.

Ключевые слова: труд, родительский труд, субъект родительского труда, государственная политика

Различные аспекты выполнения родительского труда в современной России уже не раз становились предметом исследований отечественных социологов и экономистов. Сложнейшая демографическая ситуация, сложившаяся в современном российском обществе, вынуждает вновь и вновь обращаться к вопросу о том, что является определяющим вектором в формировании настроений субъектов родительского труда и стимулирует последних к его выполнению.

Представляется, что политическая система и политический режим в части, которая имеет непосредственное отношение к условиям действий субъектов родительского труда, влияет на настроения субъектов родительского труда не меньше, чем экономическая ситуация. Интерес правительства к родительскому труду узкопрактический, он возникает в первую очередь в силу необходимости адресной работы по производству и воспроизводству человеческих ресурсов. Государственная политика, которая проводится в России в соответствующем направлении, неоднозначна. С одной стороны, можно согласиться с мнением таких авторов, как Ж.В. Чернова [6, с. 51], Л.Л. Рыбаковский [5, с. 25], М.А. Клупт [3, с. 31]: примерно после 2007-2008 гг. российское правительство начало уделять семейной и демографической политике гораздо более адресное внимание, чем в прежние годы, и задействовало на работу в этом направлении очень внушительные ресурсы. С другой стороны, эффективность проводимой политики оказалась несколько спорной. Во-первых, эксперты указывают на целый ряд тактических просчетов этой политики: отсутствие усилий по созданию условий для совмещения родительского труда с иной занятостью [7, с. 295-308], тяготение только к монетаристским методам стимулирования рождаемости [2, с. 27], скромный размер выплачиваемых денежных пособий [4, с. 37] и др. Во-вторых, номинальная эффективность этой политики отнюдь не оче-

[1] © Черешова С.В. Текст. 2019.

Исследование проведено в рамках проекта «Рождаемость и родительство в российских регионах: модели, стратегии активизации, прогнозы», поддержанного Советом по грантам Президента Российской Федерации на государственную поддержку ведущих научных школ Российской Федерации (НШ-3429.2018.6).

видна. Данные Росстата говорят о том, что ее текущим результатом стал только разовый скачок численности населения в 2014-2015 гг., но не отчетливый и постоянный ее рост (рис.) [1], который возможно объяснить не столько предпринимаемыми мерами, сколько созданием Крымского федерального округа с численностью более 3 млн человек.

По сути, можно сказать, что политика, проводимая российскими властями в соответствующей области, интенсивна и постоянна, но при этом несистемна и пренебрегает вниманием к целому ряду важных вопросов. Можно согласиться с Ж.В. Черновой в том, что в сложившейся ситуации государство декларирует важность семейной политики и поддержки рождаемости, но лишь ограниченно удовлетворяет реальные бытовые запросы, с которыми сталкиваются конкретные исполнители родительского труда [6, с. 52]. Здесь возникает определенный парадокс общественного сознания, напрямую касающийся деятельности и настроений субъектов родительского труда. Активный акцент государства на важности рождения и воспитания детей создает благоприятные условия для популяризации в обществе репродуктивных установок. Но частое несоответствие реальных действий государства запросам непосредственных исполнителей родительского труда формирует негативное отношение к роли государственных институтов в процессе работы с детьми. Сложившийся контекст благоприятствует своего рода «персонализации» сферы родительского труда: люди чувствуют важность рождения и воспитания детей, но рассчитывают в этих вопросах только на собственные ресурсы и силы, а не на государственные институты.

Такая «персонализация» находит косвенное отражение и в данных нашего собственного социологического исследования, проведенного в 2018 г. в г. Екатеринбурге. Исследование выполнялось в форме социологического опроса среди реальных субъектов родительского труда (всего опрошено более 600 человек с использованием квотной выборки по полу, возрасту, характеру участия в выполнении родительского труда). В ходе анкетирова-

Рис. *Численность населения России, 2008-2018 гг., млн человек*

ния система потенциальных мотивов субъектов родительского труда проверялась нами с использованием комбинированных техник.

Для определения степени удовлетворенности респондентов текущей государственной политикой в области поддержки родительского труда за основу были взяты два вопроса:

«С каким из этих суждений Вы согласны в большей степени?» (*«Российские власти активно помогают родителям в воспитании детей»; «Российские власти не мешают родителям воспитывать детей, но помощи от них тоже нет»; «Действия российских властей часто только создают проблемы родителям»).* Варианты ответа обобщены: выбравшие первый вариант ответа отнесены к категории считающих, что государство помогает реализации родительского труда, тогда как выбравшие второй и третий вариант ответа — к категории тех, кто не видит помощи государства;

«Как Вы считаете, кто должен заниматься выполнением родительского труда в обществе?». Варианты ответа преобразованы. Те, кто назвал государство среди тех субъектов, которые должны заниматься реализацией родительского труда, отнесены к категории ожидающих действий государства. Те, кто не назвал государство в числе таких субъектов, отнесены к категории людей, не ожидающих участия государства.

Мнения респондентов обобщены в таблице.

Более половины ответивших (54,9 %) не рассчитывают на помощь государства в процессе осуществления родительского труда и не ожидают ее, при этом всего лишь 8,1% убеждены, что государство должно помогать в реализации родительского труда, и считают, что оно реально помогает. Почти половина опрошенных (48,8 %) категорически не желают видеть государство в качестве исполнителя родительского труда при ответе на вопрос о желательных субъектах родительского труда. В целом можно сделать вывод о том, что нестабильность социально-экономической ситуации в стране и издержки семейной и демографической политики правительства объективно осложняют условия выполнения родительского труда.

Таблица

Удовлетворенность субъектов родительского труда текущей государственной политикой в области поддержки родительского труда

Категории	Доля, %
Убеждены, что государство должно помогать реализации родительского труда, и считают, что российское государство реально помогает	8,1
Убеждены, что государство должно помогать реализации родительского труда, но считают, что российское государство реально не помогает	20,0
Считают, что государство не обязано помогать реализации родительского труда, но видят, что российское государство помогает	17,1
Считают, что государство не обязано помогать реализации родительского труда, и видят, что российское государство не помогает	54,9
Итого	100,0

В данном контексте оптимизм субъектов родительского труда в оценке условий его выполнения заслуживает отдельного внимания. Мнения респондентов разделились примерно в одинаковых пропорциях. 24,6 % респондентов считают, что детей стало воспитывать проще, чем 10-15 лет назад, и ожидают, что в будущем станет еще проще. 23,6% опрошенных полагают, что сейчас детей стало сложнее воспитывать, чем 10-15 лет назад, и ожидают, что в будущем станет еще сложнее. 20,1% субъектов родительского труда полагают, что сейчас детей воспитывать не проще и не сложнее и в дальнейшем ничего не изменится. В связи с этим можно сказать, что оценка сложности осуществления родительского труда его субъектами происходит на основе сформировавшегося у них мнения о текущей ситуации, которая в неизменном виде проецируется и на будущее время.

Удовлетворенность субъекта родительского труда сложившейся политикой государства — сильный фактор его оптимизма в оценке условий воспитания детей: чем более позитивно оценивается политика государства — тем более оптимистично воспринимается ситуация в целом. Коэффициент Крамера составляет 0,405, что свидетельствует о высокой зависимости этой связи. Можно сказать, что государственная политика в области рождения и воспитания детей является одним из определяющих факторов макроуровня, формирующим вектор настроений субъектов родительского труда. Чем более положительно оценивается такая политика и соответствующие меры по ее реализации непосредственными исполнителями родительского труда, тем более позитивные настроения к его выполнению у субъектов родительского труда и формируются.

Список источников

1. Данные о численности и составе населения Российской Федерации // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/demo11.xls (дата обращения 28.09.18.)

2. Дмитриев А.В. Об ограничениях материалистического подхода к демографической и миграционной политике // Социологические исследования. — 2017. — №. 3.

3. Клупт М.А. Государство, «третий сектор» и демографическая политика // Социологические исследования. — 2016. — № 6.

4. Попов Н.Н., Карповская Е.Е. Отношение населения к проблемам семьи, детей, государственным программам повышения рождаемости // Мониторинг общественного мнения. — 2015. — № 1.

5. Рыбаковский Л.Л. Демографическое будущее России в экстраполяционных и нормативных координатах // Социологические исследования. — 2014. — № 2.

6. Чернова Ж.В. Родительство в современной России: политика государства и гражданские инициативы // Мониторинг общественного мнения. — 2013. — №. 7.

7. Чернова Ж.В. Баланс семьи и работы: политика и индивидуальные стратегии матерей // Журнал исследований социальной политики. — 2012. — Т. 10. — № 3. — С. 295–308.

Информация об авторе

Черешова Светлана Васильевна (Россия, Екатеринбург) — аспирант кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления, Уральский федераль-

ный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (620075, г. Екатеринбург, просп. Ленина, 51; e-mail: s.v.chereshova@yandex.ru)

Chereshova S.V.

Public policy and the mood of the subjects of the parent work

The article examines the influence of state policy on the mood and behavior of the subjects of parental work. The non-identity of perception of declared state policy and real actions on its implementation by subjects of labor is revealed.

Keywords: employment, remuneration, parental work, the subject of the parent work, state policy

Author

Chereshova Svetlana Vasilevna (Russia, Ekaterinbrg) — Postgraduate Student of the Chair of Sociology and Technology of the State and Municipal Administration, Ural Federal University named after the first President of Russia Boris Yeltsin (620075, Ekaterinburg, 51, Lenin Ave., e-mail: s.v.chereshova@yandex.ru)

References

1. Data on the number and composition of the population of the Russian Federation // Official website of the Federal state statistics service [Electronic resource]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/demo11.xls (accessed 28.09.18)

2. Dmitriev A.V. On the limitations of the materialist approach to demographic and migration policy // Sociological studies. — 2017. — No. 3.

3. Klupt M. A. State, «third sector» and demographic policy // Sociological studies. — 2016. — No. 6.

4. Popov N. N., Karpovskaya E. E. Attitude of the population to the problems of family, children, state programs to increase the birth rate // Monitoring. — 2015. –No. 1.

5. Rybakovsky L. L. Demographic future of Russia in extrapolation and normative coordinates // Sociological researches. — 2014. — No. 2.

6. Chernova Zh. V. Parenting in modern Russia: state policy and civil initiatives // Monitoring of public opinion. — 2013. — No. 7.

7. Chernova Zh. V. Balance of family and work: politics and individual. strategies of mothers // Journal of social policy studies. — 2012. — Vol. 10. — No. 3. — P. 295-308.

УДК 331.5.024.5

Чистова Е.В.

ЗАНЯТОСТЬ ПЕНСИОНЕРОВ В РОССИИ: КОНЦЕПЦИЯ АКТИВНОГО ДОЛГОЛЕТИЯ[1]

В статье рассматривают два противоположных подхода к занятости пенсионеров в России. Первый подход основывается на концепция активного долголетия, в рамках которой предполагается использование потенциала лиц старших возрастов, а их занятость на рынке труда способствует укреплению их здоровья. Второй подход основывается на медико-демографической специфике российских регионов, не позволяющей наращивать потенциал активного долголетия.

Ключевые слова: занятость, здоровье, пенсионеры, пожилое население, активное долголетие

С 2019 г. возраст выхода на пенсию в России повышен для мужчин до 65 лет, для женщин — до 60 лет. Такая мера является распространенным ответом на старение население и связанные с ним социально-экономические и финансовые проблемы [8]. По оценкам Минфина РФ[2], эффект от реализации данной меры на среднесрочную перспективу выражается в устойчивом росте собственных доходов Пенсионного фонда России в 2019-2021 гг. (+5,9%, +4,8% и +6,8% соответственно), а также снижении начиная с 2020 г. трансферта из федерального бюджета на обязательное пенсионное страхование на 9,3 млрд руб., а в 2021 г. — уже на 156,3 млрд. Однако, как показали наши предыдущие исследования, решение о повышении пенсионного возраста должно сопровождаться рядом серьезных дополнительных мер, в первую очередь в сфере занятости населения (создание рабочих мест, повышение производительности труда и заработной платы, снижение масштаба теневой занятости и др.). В противном случае повышение пенсионного возраста отрицательно скажется не только на пенсионном обеспечении, но и на экономике в целом.

Разрабатываемые в последнее время государственные меры в области повышения уровня жизни пожилых людей основываются на новом подходе, заключающемся в ориентации не столько на обеспечение различных механизмов социальной защиты, сколько на стимулирование развития и использования потенциала лиц старших возрастов. В рамках этого подхода относительно недавно появились новые термины — люди «третьего возраста» [3] и «четвертого возраста» [2], которые отрицают прошлые представления о старости. Также широкое распространение получила концеп-

[1] © Чистова Е.В. Текст. 2019.

[2] Проект основных направлений бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2019 год и на плановый период 2020 и 2021 годов / Министерство финансов Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://www.minfin.ru/ru/document/?id_4=123006#_4.3 (дата обращения: 17.09.2018).

ция активного долголетия, сформированная в 1990-е годы под влиянием ВОЗ и направленная на решение проблемы старения населения [4]. Эти идеи нашли свое отражение в исследованиях российских ученых, в которых пожилое население рассматривается как «ресурс» общества, а не как «ноша» [7], а также в государственном документе «Стратегия действий в отношении граждан пожилого возраста до 2025 года», утвержденном в 2016 г. Так, акценты постепенно смещаются от обоснования способов организации пенсионного обеспечения (уровни, виды, модели) к анализу возможностей использования пенсионной системы в качестве механизма стимулирования труда, а накоплений пенсионных фондов — для инвестиций и экономического роста.

Действительно, сегодняшнее поколение российских пенсионеров более активно участвует в трудовой, социальной и общественной жизни, чем ранее. Каждый третий пенсионер продолжает свою трудовую деятельность. Однако такой подход может столкнуться с серьезными барьерами в виде социальной стратификации и региональной дифференциации по состоянию здоровья, уровню доходов, активности пожилого населения и др. Как справедливо отмечает А.Г. Вишневский [6], в России, в отличие от европейских стран, старение происходит почти целиком за счет низкой на протяжении многих десятилетий рождаемости, а сохраняющаяся высокая смертность оказывается весомым ограничением, не позволяющим наращивать потенциал активного долголетия. Поэтому с этой точки зрения действующая государственная политика в сфере пенсионного обеспечения населения требует доработки и уточнения.

Социологические и медицинские исследования [9-10] показывают, что работающие пенсионеры более здоровые. Данный факт говорит как в пользу политику активного долголетия, так и против нее, поскольку наличие связи между состоянием здоровья пенсионеров и их занятостью не раскрывает, что является причиной, а что следствием. На рисунке представ-

Рис. *Схема причинно-следственных связей «здоровье пенсионеров» — «занятость пенсионеров»*

лена схема причинно-следственных связей «здоровья пенсионеров» и «занятости пенсионеров».

Постановка задачи в таком ключе позволит выявить причинно-следственную связь между занятостью пенсионеров и их состоянием здоровья, что позволит дать ответ на вопрос: здоровье является причиной занятости пенсионеров, или занятость позволяет поддерживать хорошее состояние здоровья населения?

Благодарность

Исследование выполнено при поддержке гранта Президента (№МК-1494.2019.6 «Достойный уровень пенсий в России: резервы и пути достижения, модели оптимизации обеспечения и алгоритмы решения»).

Список источников

1. Chansarn S. Active ageing of elderly people and its determinants: empirical evidence from Thailand // Asia-Pacific Social Science Review. — 2012. — Vol. 12. — No 1. — P. 1-18.

2. Gilleard C., Higgs P. Aging without agency: Theorizing the fourth age // Aging & Mental Health. — 2010. — Vol. 14 (2). — P. 121-128. — Doi: 10.1080/13607860903228762.

3. Laslett P. The Emergence of the Third Age // Ageing & Society. — 1987. — Vol. 7. — Issue 2. — P. 133-160. — Doi: 10.1017/S0144686X00012538.

4. Walker A. A strategy for active ageing // International Social Security Review. — 2002. — Vol. 55. — No 1. — P. 121-139. — Doi: 10.1111/1468-246X.00118.

5. Zaidi A. Creating and using the evidence base: the case of the Active Ageing Index // Contemporary Social Science. — 2015. — Vol. 10. — No 2. — P. 148-159. — Doi: 10.1080/21582041.2015.1056750.

6. Вишневский А.Г., Васин С.А., Рамонов А.В. Возраст выхода на пенсию и продолжительность жизни // Вопросы экономики. — 2012. — № 9. — С. 88-109.

7. Григорьева И.А., Бершадская Л.А., Дмитриева А.В. На пути к нормативной модели отношений общества с пожилыми людьми // Журнал социологии социальной антропологии. — 2014. — № 3. — С. 82-85.

8. Гурвич Е.Т. Принципы новой пенсионной реформы // Вопросы экономики. — 2011. — № 4. — С. 4-31.

9. Короленко А.В., Барсуков В.Н. Состояние здоровья как фактор трудовой активности населения пенсионного возраста // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. — 2017. — № 4 (32). — С. 643-657.

10. Толченова Е.А., Егорова О.В. Роль руководящего состава учреждений здравоохранения в охране здоровья работающих женщин пенсионного возраста // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Медицина. — 2009. — № 4. — С. 705-706.

Информация об авторе

Чистова Елена Витальевна (Россия, Екатеринбург) — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт экономики УрО РАН (620014, Екатеринбург, ул. Московская, 29; e-mail: elvitvas@ya.ru).

Chistova E.V.

Employment of pensioners in Russia: the concept of active ageing

The article considers two opposite approaches to employment of pensioners in Russia. The first approach is based on the concept of active ageing, in which the potential of older

persons is used. The second approach is based on the medical and demographic specifics of the Russian regions, which does not allow to increase the potential of active ageing.

Keywords: employment, health, pensioners, elderly population, active ageing

Author

Chistova Elena Vitalievna (Russia, Ekaterinburg) — PhD in Economics, senior researcher, Institute of Economics, Ural branch, Russian Academy of Sciences (620014, Ekaterinburg, Moskovskaya St., 29; e-mail: elvitvas@ya.ru).

References

1. Chansarn S. Active aging of elder people and its determinants: Imperial evidence from Thailand // Asia-Pacific Social Science Review. — 2012. — Vol. 12. — No. 1. — P. 1-18.

2. Gilleard C., Higgs P. Agency without agency: Theorizing the fourth age // Aging & Mental Health. — 2010. — Vol. 14 (2). — P. 121-128. — Doi: 10.1080/13607860903228762.

3. Laslett P. The Emergence of the Third Age// Ageing & Society. — 1987. — Vol. 7. — Issue 2. — P. 133-160. — Doi: 10.1017/S0144686X00012538.

4. Walker A. A strategy for active aging // International Social Security Review. — 2002. — Vol. 55. — No. 1. — P. 121-139. — Doi: 10.1111/1468-246X.00118.

5. Zaidi A. Creating and using the evidence base: the case of the Active Aging Index // Contemporary Social Science. — 2015. — Vol. 10. — No. 2. — P. 148-159. — Doi: 10.1080/21582041.2015.1056750.

6. Vishnevsky A.G., Vasin S.A., Ramonov A.V. Retirement Age and Life Expectancy in the Russian Federation // Economic Issues. — 2012. — No. 9. — P. 88-109.

7. Grigorieva I.A., Bershadskaya L.A., Dmitrieva A.V. On the Way to the Normative Model of Relationships between Society and Older People // Journal of sociology of social anthropology. — 2014. — No. 3. — P. 82-85.

8. Gurvich E.T. Principles of the new pension reform // Economic Issues. — 2011. — No. 4. — P. 4-31.

9. Korolenko A.V., Barsukov V. N. Health status as a factor of labor activity of the retirement-age population // Bulletin of Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology. — 2017. — No. 4 (32). — P. 643-657.

10. Tolchenova E. A., Egorova O. V. Role of the administrative board of establishments of public health services in health protection of working women of pension age // Bulletin of the Russian University of friendship of peoples. Series: Medicine. — 2009. — No. 4. — P. 705-706.

УДК 314.174, 311.16

Чучкалова С.В., Зяблых М.М.

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ЧИСЛЕННОСТИ ЖЕНЩИН РЕПРОДУКТИВНОГО ВОЗРАСТА[1]

В статье рассматривается моделирование численности женщин репродуктивного возраста на примере Кировской области. Выбор значимых факторов, влияющих на репродуктивный потенциал, был осуществлен с помощью корреляционно-регрессионного анализа.

Ключевые слова: математическое моделирование, численность населения, регрессионный анализ, метод возрастных передвижек.

В конце прошлого века Россия оказалась в ситуации депопуляции. Одной из причин явилась низкая рождаемость. Будет ли в стране положительный естественный прирост, в основном зависит от уровня рождаемости. Вследствие этого возникает необходимость изучения факторов репродуктивного потенциала населения. Репродуктивный потенциал определяется как «показатель, отражающий способность популяции к воспроизведению репродуктивного здоровья из поколения в поколение» [1, с.108].

Для получения более полной картины о репродуктивном потенциале населения территории (муниципальные образования Кировской области) использовались статистические данные[2] по Кировской области.

Целью исследования является построение прогноза численности женщин репродуктивного возраста на примере Кировской области с учетом социально-экономических факторов.

В ходе исследования были поставлены и решены следующие задачи:

– определение значимых социально-экономических факторов, влияющих на репродуктивный потенциал;

– построение прогноза численности женщин репродуктивного возраста Кировской области с помощью метода возрастных передвижек.

Для прогнозирования численности женщин фертильного возраста использовался метод возрастных передвижек. Для применения метода были взяты данные об общей численности женщин Кировской области по возрастным группам с периодом в 5 лет, о числе умерших, а также возрастные коэффициенты рождаемости. Также используется среднее число живущих людей в том или ином возрастном интервале, которое берется из таблиц смертности (дожития).

Для пятилетних групп на основе данных таблиц смертности рассчитываются коэффициенты дожития:

---

[1] © Чучкалова С.В., Зяблых М.М. Текст. 2019.

[2] Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Кировской области [Электронный ресурс]. URL: http://kirovstat.gks.ru (дата обращения 30.01.19).

$$P_{x/x+4} = \frac{L_{x+1/x+4}}{L_{x/x+4}} = \frac{L_{x+5} + L_{x+6} + L_{x+7} + L_{x+8} + L_{x+9}}{L_x + L_{x+1} + L_{x+2} + L_{x+3} + L_{x+4}}, \quad (1)$$

где L_x — среднее число людей, живущих в возрасте от x до x+1 .

Передвижка осуществляется по временным шагам, равным длине возрастной группы (5 лет), с таким расчетом, чтобы с каждым шагом прогноза оставшаяся в живых численность возрастной группы переходила в следующий (старший) возрастной интервал. Так как шаг равен 5, то через пять лет численность будет равна:

$$S_{x+5} = S_x P_{x/x+4}, \quad (2)$$

где S_x — численность населения в возрасте x лет на начало отчетного периода;

S_{x+5} — ожидаемая численность населения в возрасте x+5 лет по итогам возрастных передвижек без учета миграции;

$P_{x/x+4}$ — коэффициент дожития, принятый в расчет при возрастных передвижках и рассчитанный по данным таблиц дожития [2, с. 295].

Для исследования влияния социально-экономических факторов на репродуктивный потенциал использовался корреляционно-регрессионный анализ.

Для отбора весомых факторов были взяты социально-экономические показатели с 2000 по 2016 гг. (все факторы были приведены к безразмерным величинам):

x_1 — число семей, состоящих на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях, на конец года;

x_2 — величина прожиточного минимума, руб.;

x_3 — численность безработных, человек;

x_4 –средняя заработная плата, руб.;

x_5 — средние коммунальные расходы одной семьи, руб.;

x_6 — стоимость минимальной потребительской корзины, руб.;

x_7 — индекс промышленного производства, % к предыдущему году;

x_8 — выпуск валового регионального продукта на душу населения, тыс. руб.;

x_9 — средние цены на продовольственные товары, руб.;

x_{10} — расходы, приходящиеся на здравоохранение, руб. на душу населения;

x_{11} — количество абортов на 1000 женщин;

x_{12} — загрязняющие выбросы в атмосферу на душу населения, кг;

x_{13} — потребление крепких алкогольных напитков на душу населения, л;

x_{14} — потребление слабых алкогольных напитков на душу населения, л;

x_{15} — численность медицинского персонала на 10000 населения.

В результате корреляционного анализа выявилось существенное влияние на репродуктивный потенциал коэффициента рождаемости (r = 0,97). При помощи пошагового режима компьютерного пакета Statistica были

получены значимые коэффициенты множественной регрессии. Таким образом, было установлено, что на коэффициент рождаемости оказывают влияние следующие факторы: выпуск валового регионального продукта x_8; расходы на здравоохранение в рублях на душу населения x_{10}; число абортов на 1000 женщин x_{11}.

Уравнение множественной регрессии:

$$r = 0,0065 + 0,00005 * x_8 + 0,0000005 * x_{10} - 0,00005 * x_{11}, R^2 = 0,87.$$

Уравнение регрессии значимо, $F_p > F_{кр}$ (0,05; 2; 14). Коэффициенты регрессии также были проверены на значимость с помощью критерия Стьюдента.

Анализ регрессионного уравнения показывает, что рост ВРП увеличивает коэффициент рождаемости. Средний уровень доходов населения и ВРП положительно коррелируют между собой, поэтому рост благосостояния населения положительно влияет на рождаемость. Увеличение расходов на здравоохранение приводит к увеличению коэффициента рождаемости. Высокий уровень развития медицины позволяет рожать женщинам из «группы риска». В таком случае у женщины появляется уверенность в том, что она может родить здорового ребенка. Аборты отрицательно влияют на коэффициент рождаемости.

Прогноз численности женщин репродуктивного возраста был построен с помощью метода передвижек по формулам (1) и (2). Результаты моделирования численности возрастных групп представлены на рисунке.

Прогнозируется сокращение численности женщин репродуктивного возраста примерно на 37 тыс. человек к 2021 году по сравнению с 2011 годом. Наибольшее снижение численности наблюдается в возрастных группах 15-19, 20-24, 25-29 лет. А это самый оптимальный возраст для репродуктивной функции. В когортах 35-39, 40-44 лет численность женщин увеличивается, но коэффициент рождаемости в данных возрастных группах меньше, чем в более молодых возрастных группах.

Рис. *Численность женщин репродуктивного возраста по возрастным группам, человек*

В плане демографической политики необходимо продолжать стимулировать к рождению первенцев в молодом возрасте. Не последнюю роль в этом вопросе играет формирование общественного сознания, ориентированного на формирование традиционного типа семьи и реализацию репродуктивных планов. Положительно повлиять на решение проблемы может решение вопросов женской занятости, «двойного рабочего дня», социально-экономического статуса женщин. Необходимо создавать культ многодетности, продолжать национальные проекты в области демографии.

Выводы. Таким образом, на основании результатов анализа выделены ключевые направления увеличения репродуктивного потенциала:

При принятии управленческих решений в области демографической политики учитывать значимые факторы: выпуск валового регионального продукта; расходы на здравоохранение; число абортов; необходимо повышать благосостояние населения. Более рационально и целенаправленно использовать средства программ здравоохранения, что будет способствовать снижению заболеваемости и смертности населения.

Учитывать динамику половозрастной структуры населения. Стимулировать к рождению детей, учитывая особенности каждой возрастной группы женщин репродуктивного возраста.

Список источников

1. Копейкина М. А., Шабунова А. А. Статистический анализ репродуктивного здоровья населения Вологодской области // Математическое и компьютерное моделирование социально-экономических процессов — М.: ЦЭМИ РАН, 2004. — Вып. 3. — С. 108–119.

2. Харченко Л. П. Демография: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Статистика» и др. экономическим специальностям. — 3-е изд., стереотип. — М.: Изд-во «Омега-Л», 2009. — 350 с.

Информация об авторе

Чучкалова Светлана Владимировна (Россия, Киров) — кандидат экономисеских наук, доцент кафедры «Цифровые технологии в образовании» факультета компьютерных и физико-математических наук, Вятский государственный университет (610000, г. Киров, ул. Московская, 36; e-mail: chuchkalova@mail.ru)

Зяблых Марина Михайловна (Россия, Киров) — магистрант кафедры государственного и муниципального управления факультета менеджмента и сервиса, Вятский государственный университет (610000, г. Киров, ул. Московская, 36; e-mail: zyablyh.marina @mail.ru)

Chuchkalova S.V., Zyablyh M.M.

Forecasting the size of women of reproductive age

The article deals with the modeling of the number of women of reproductive age on the example of the Kirov region. The selection of significant factors affecting the reproductive potential was carried out with the help of correlation and regression analysis.

Keywords: mathematical modeling, population size, regression analysis, the method of age movements.

Authors

Chuchkalova Svetlana Vladimirovna (Russia, Kirov) — Candidate of Economics, dozent of department «Digital technologies in education » faculty of computer and physical and mathematical sciences of the Vyatka state university (610000, Kirov, Moscow str., 36; e-mail:chuchkalova@mail.ru)

Zyablyh Marina Mihailovna (Russia, Kirov) — master's degree student of the Department of state and municipal management, faculty of management and service (610000, Kirov, Moscow str., 36; e-mail: zyablyh.marina@mail.ru)

References

1. Kopeikina M. A., Shabunova A. A. Statistical analysis of reproductive health of the population of the Vologda oblast // Mathematical and computer modeling of socio-economic processes — M.: CEMI RAS, 2004. — Issue. 3. — P. 108-119.

2. Kharchenko L. P. Demography: studies. a textbook for students of high schools trained on a speciality "Statistics" and other economic specialties. — 3-e Izd. — M.: Publishing House "Omega-L", 2009. — 350 p.

УДК 332.133.2

Шамова Е.А.

ДИНАМИКА ПРОЦЕССОВ ФОРМИРОВАНИЯ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО КОДА ТЕРРИТОРИИ[1]

Статья посвящена изучению дифференциации развития регионов РФ, связанных с формированием демографических характеристик территорий, в том числе уровня компетенций рабочей силы. На основе методологии генетического подхода к изучению развития региональных социально-экономических систем была разработана методика анализа компетентностного кода территории и произведен количественный анализ, базируясь на данных официальной статистики и системы мониторинга качества приема в вузы страны. Полученные результаты исследования позволяют сделать вывод о наличии девяти типов регионов, характеризующихся разным уровнем компетентностного кода, на основании чего выявлены регионы-реципиенты и регионы-доноры молодых специалистов с вузовским образованием. Это, в свою очередь, позволяет спрогнозировать внутренние миграционные потоки. Также рассмотрена динамика показателей формирования компетентностной составляющей территориального развития через анализ числа бюджетных и коммерческих мест приема в вузы страны. Анализ этих показателей в разрезе выделенных нами типов территорий позволил сформировать обоснованные выводы о процессах, происходящих в сфере высшего образования.

Ключевые слова: генетический подход, коды территориального развития, экономика знаний.

Настоящее исследование базируется на генетическом подходе к рассмотрению региональных экономических систем, в рамках которого поиск причин экономического роста территории связывается с идеей многослойной памяти региона в виде наследственной записи, хранящейся в генетических кодах ее экономического развития. При этом у каждой территории присутствуют «определяющие» и «динамические» коды, первые отражают статические процессы, вторые — эволюционные обновления.

«Определяющие» коды привязаны к конкретному региону, что говорит об их способности оказывать стабильное воздействие на его экономическое развитие. К ним относятся производственный, социальный и институциональный коды региона [1]. Производственный код региона отражает его специализацию, и при этом он непосредственно связан с социальным кодом. Благодаря исследованию поведения социального кода возможно дать оценку возникающим в регионе агломерационным эффектам, позволяющим промышленным предприятиям пользоваться общим рынком труда, привлекать наиболее квалифицированных специалистов. Соедине-

[1] © Шамова Е.А. Текст. 2019.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-010-00802.

ние производственного и социального кодов территории будет нарушено без институционального кода, который, находясь в тесной связи с ними, отвечает за нормы и правила структурных изменений региональной экономики. Таким образом, генетический профиль региона в виде совокупности определяющих кодов его развития выступает ядром. При изменениях внешней среды это «ядро» должно адаптироваться, что приводит к генерированию «динамических» кодов экономического развития региона. Выделяются следующие «динамические» коды [1]: инновационный, цифровой, компетентностный, экспортный и импортный. Динамические коды отражают ресурсную обеспеченность экономики соответствующего вида и, тем самым, генерируют возникновение инновационной, цифровой, знаниеемкой и глобализационной экономик региона, взаимодействие которых обусловливает динамическую модель экономической реальности в системе кодов территориального развития.

В рамках данной статьи описывается проведенное исследование компетентностного динамического кода территории. Данный код связан с формированием на территории экономики знаний и с социальным и институциональным определяющими кодами территориального развития. Компетентностный код отражает как сложившийся уровень квалификационного состава трудовых ресурсов, так и динамические характеристики их изменения и адаптации к изменяющимся потребностям экономики в трудовых ресурсах. Институциональные воздействия, такие как эффективность функционирования системы высшего и среднего образования, внедрение новых требований и образовательных стандартов, поддержка инновационных проектов в сфере образования и т.п., оказывают регулирующее воздействие на данную сферу, но каждая территория формирует свой уникальный компетентностный код развития.

Институциональный фактор воздействия на экономику знаний для всех регионов является общим для всех регионов Российской Федерации, поэтому в настоящем исследовании не рассматривался уровень воздействия данного фактора на формирование динамического кода территории. Но более углубленное изучение данной связи имеет важное значение и требует отдельного исследования.

Таким образом, для определения процессов формирования компетентностного кода территории в рамках указанного методологического подхода были изучены различия регионов по показателям обновления трудовых ресурсов и происходящих динамических изменений в этой сфере.

Первым показателем, который был проанализирован в этой связи, стала расчетная величина численности выпускников вузов, приходящаяся на численность занятого в экономике населения территории. Этот показатель характеризует объем производящейся новой квалифицированной рабочей силы на территории относительно уже занятого в экономике населения. Показатель выше среднего значения (в 2016 году средний показатель составил 16 человек на 1000 занятых) говорит о возможности перепроизводства новых трудовых ресурсов, и, напротив, заниженный показатель говорит о

недостаточности производства трудовых ресурсов на данной территории. Для выводов о возможности «поглощения» территорией новых молодых специалистов данная расчетная величина была сопоставлена с величиной ВРП региона (рис. 1).

Как видно из рисунка 1, все многообразие региональных ситуаций можно свести к следующим группам (табл. 1).

Полученная в результате исследования типологизация регионов наглядно дает представление о сложившемся территориальном компетентностном коде. Ряд территорий (тип 8) генерируют выпуск молодых специалистов значительно больше того уровня, который может быть использован собственной экономикой, а следовательно, способствует последующей внутренней миграции. Другие регионы, напротив, не имеют в достаточной мере необходимых институтов для подготовки молодых специалистов и выступают как регионы-реципиенты (типы 2, 4, 5).

Рис. 1. *Группировка регионов РФ по степени производства новых трудовых ресурсов с высшим образованием относительно объемов региональной экономики, данные 2016 г. (составлено автором на основании данных официальной статистики [2, 3, 4]).*

Таблица 1

Типологизация регионов РФ по компетентностному признаку

Тип	Размер экономики региона	Производство новой квалифицированной рабочей силы	Потенциальные направления трудоустройства	Субъекты Федерации	
1	Крупная	Достаточное	Большинство специалистов могут трудоустроиться в этом же регионе	6	г.Москва, г.Санкт-Петербург, Республика Татарстан, Свердловская область, Красноярский край, Краснодарский край
2	Крупная	Крайне низкое	Регион-реципиент молодых специалистов	3	Московская область, Ханты-Мансийский АО, Ямало-Ненецкий АО
3	Средняя	Достаточное	Большинство специалистов могут трудоустроиться в этом же регионе	18	Ростовская, Самарская, Челябинская, Тюменская области, Республика Башкортостан
4	Средняя	Недостаточное	Регион-реципиент молодых специалистов	5	Приморский край, Пермский край, Республика Саха (Якутия), Архангельская и Кемеровская области
5	Средняя	Крайне низкое	Регион-реципиент молодых специалистов	2	Сахалинская область, Ленинградская область
6	Ниже среднего и малая	Достаточное	У молодых специалистов возникают трудности с трудоустрой-ством в этом же регионе, регион-донор	11	Ивановская, Курганская, Рязанская области, Республики Бурятия, Калмыкия, Марий Эл
7	Малая	Недостаточное	Большинство специалистов могут трудоустроиться в этом же регионе	37	Новгородская, Псковская, Тамбовская, Тверская, Владимирская области
8	Ниже среднего и малая	Больше необходимого	Регион-донор молодых специалистов	4	Томская, Курская, Орловская области и Республика Адыгея
9	Малая	Крайне низкое	Специалистов отдельных квалификаций необходимо привлекать из других регионов	1	Чукотский АО

Для полного анализа уровня компетентностного кода территории исследуется, какая доля выпускников с высшим и средним профессиональным образованием действительно смогла трудоустроиться. В тех регионах, где с большей вероятностью находят работу выпускники со средним профессиональным образованием, можно говорить о низком уровне компетентностного кода, и, напротив, в регионах, где с большей вероятностью находят работу выпускники с высшим образованием, можно говорить о высоком уровне компетентностного кода.

Как видно на рисунке 2, в тридцати трех регионах РФ выпускники как высших, так и средних учебных заведений находят работу после учебы в 85% случаев или выше. Компетентностные коды данных регионов направлены на генерирование экономики знаний с последующим приемом новой молодой рабочей силы в экономику территории. В других трех группах регионов компетентностный код имеет отклонение от нормального состояния. В группе, состоящей из 15 регионов, в большей мере находят место работы выпускники средне-профессиональных образовательных учреждений, тогда как выпускники вузов имеют трудности с трудоустройством. В группе, состоящей из 13 регионов, напротив, у выпускников вузов больше шансов трудоустроиться, нежели у выпускников, получивших среднее профессиональное образование. В 22 регионах выпускники обеих форм образования испытывают сложности с трудоустройством по окончании учебы, при этом внутри данной группы можно выделить подгруппу из семи регионов, уровень трудоустройства выпускников в которой наиболее низок

Рис. 2. *Распределение регионов по уровню трудоустройства выпускников образовательных организаций со средним профессиональным или высшим образованием, 2016 год (составлено автором по данным официальной статистики [5]).*

Таблица 2

Динамика приема абитуриентов в вузы по различным регионам РФ

Тип	Субъект Федерации	Численность мест приема						Изменение, %		
		2013 г.			2017 г.					
		Бюджет	Вне-бюджет	Всего	Бюджет	Вне-бюджет	Всего	Бюджет	Вне-бюд-жет	Всего
	Российская Федерация	**283 349**	**282 280**	**565 629**	**269 994**	**156 271**	**426 265**	**-4,7**	**-44,6**	**-24,6**
1	Свердловская область	8 134	6 857	14 991	7 540	5 756	13 296	-7,3	-16,1	-11,3
2	Ханты-Мансийский АО	1 856	1 418	3 274	2 319	520	2 839	24,9	-63,3	-13,3
3	Челябинская область	2 944	3 039	5 983	4 900	2 415	7 315	66,4	-20,5	22,3
4	Пермский край	3 331	3 284	6 615	4 160	1 815	5 975	24,9	-44,7	-9,7
5	Сахалинская область	488	484	972	325	71	396	-33,4	-85,3	-59,3
6	Курганская область	964	1 019	1 983	1 045	271	1 316	8,4	-73,4	-33,6
7	Новгородская область	857	891	1 748	759	404	1 163	-11,4	-54,7	-33,5
8	Томская область	5 887	5 873	11 760	5 140	2 043	7 183	-12,7	-65,2	-38,9

Составлено автором на основании анализа данных официальной системы мониторинга [7].

по сравнению со среднероссийскими показателями. Это: Калининградская область, Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, Республика Калмыкия, Республика Тыва, Республика Дагестан, Чеченская Республика, Республика Ингушетия. Можно сделать вывод о том, что компетентностный код данных регионов имеет ярко выраженные мутационные сбои, связанные как с низким уровнем генерации экономики знаний, так и невосприимчивостью сложившейся экономической системы для новых кадров, что, в свою очередь, грозит эмиграцией образованной молодежи.

Отдельно необходимо добавить связь формирования компетентностного кода территории с социальным и институциональным определяющими кодами. В данном случае были рассмотрены динамические ряды бюджетных и платных мест в вузах различных субъектов Федерации, характеризующих тот или иной тип регионов по компетентностному коду (табл. 2).

Как видно из проведенного исследования, в целом по Российской Федерации за пять лет на четверть снизился прием абитуриентов в вузы. В большей мере это произошло за счет существенного, почти в два раза, снижения мест коммерческого приема, число бюджетных мест снизилось на 4,7%, и, если ранее число мест в вузах на бюджетной и платной основе было примерно одинаковым, в данное время число бюджетных мест превышает число мест платного обучения в 1,7 раза. Между тем в разрезе регионов динамика показателей не является одинаковой. Самый серьезный спад числа мест приема в вузы, как бюджетных, так и коммерческих, произошел в регионах пятого, седьмого и восьмого типов. В регионах пятого типа это связано с признанием данными регионами особенностей своего компетентностного кода, связанных с тем, что они расположены близко к регионам с крупными вузами и развивать собственные образовательные учреждения достаточно тяжело в связи с невозможностью конкурировать с ними. Молодежь из этих регионов уезжает учиться туда, затем возвращается. В регионах восьмого типа, где расположено большое число вузов, но производство молодых специалистов существенно выше потребности территориальной экономической системы, снижение числа и бюджетных, и платных мест приема соответствует происходящим процессам и не противоречит сложившемуся компетентностному коду территории. Снижение числа мест обучения в вузах регионов седьмого и первого типов, причем с темпом выше среднероссийского уровня, мы характеризуем как негативную тенденцию, которая может привести к снижению обеспеченности регионов квалифицированной рабочей силой. Отметим, что только в регионах первого и третьего типов не произошло существенного сокращения мест коммерческого обучения специалистов, в них роль домохозяйств и их вклада в функционирование вузов остается на довольно высоком уровне, тогда как в остальных регионах снижение было очень существенным, падение составляло от 40 до 85%. В регионах третьего и четвертого типов, к которым относятся экономики с размером выше среднего и есть потенциал дальнейшего роста, отмечается рост числа бюджетных мест, то есть государство достаточно грамотно перераспределило свое внимание на данные

региональные вузы в соответствии с потенциалом трудоустройства молодых специалистов в регионе получения своего образования.

Список источников

1. Мыслякова Ю.Г. Теоретические аспекты формирования региональных кодов экономического развития // Журнал экономической теории. — 2017. — № 3. — С. 137-148.

2. Валовой региональный продукт в основных ценах [Электронный ресурс]. URL: https://www.fedstat.ru/indicator/33379

3. Выпуск специалистов государственными и муниципальными образовательными организациями высшего образования [Электронный ресурс]. URL: https://www.fedstat.ru/indicator/44274.

4. Среднегодовая численность занятых в экономике (расчеты на основе интегрирования данных) по 2016 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.fedstat.ru/indicator/43211

5. Удельный вес трудоустроившихся выпускников образовательных организаций со средним профессиональным или высшим образованием в общей численности выпускников по уровням профессионального образования и субъектам Российской Федерации (процент, значение показателя за год) [Электронный ресурс]. URL: https://www.fedstat.ru/indicator/57519

7. Мониторинг качества приема в вузы [Электронный ресурс]. URL: https://ege.hse.ru/rating/2013/50585497/gos/

Информация об авторе

Шамова Елена Алексеевна (Россия, Екатеринбург) — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт экономики УрО РАН (620014, г. Екатеригнбург, ул. Московская, д.29; e-mail: heleneo@mail.ru).

Shamova E.A.

The dynamics of the formation of the competence code of the territory

The article is devoted to the study of the differentiation of the development of the regions of the Russian Federation related to the formation of the demographic characteristics of the territories, including the level of competence of the workforce. Based on the methodology of the genetic approach to studying the development of regional socio-economic systems, a methodology for analyzing the territory's competence code was developed and a quantitative analysis was made based on official statistics and a system for monitoring the quality of admission to universities in the country. The results of the study allow us to conclude that there are nine types of regions characterized by different levels of competency code, on the basis of which the recipient regions and donor regions of young specialists with a university education have been identified. This, in turn, makes it possible to predict internal migration flows. The dynamics of indicators of the formation of the competence component of territorial development was also considered through an analysis of the number of budget and commercial places of admission to universities in the country. The analysis of these indicators in the context of the types of territories we have identified made it possible to form reasonable conclusions about the processes occurring in the field of higher education.

Keywords. *genetic approach, territorial development codes, knowledge economy.*

Author

Shamova Elena Alekseevna (Russia, Ekaterinburg) — Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (620014, Ekaterinburg, Moskovskaya st., 29; e-mail: heleneo@mail.ru).

References

1. MyslyakovaYu.G. Teoreticheskie aspekty formirovaniya regional'nyh kodov ekonomicheskogo razvitiya // Zhurnal ekonomicheskoj teorii. — 2017. — No. 3. — S. 137-148.

2. Gross regional product at basic prices [Electronic resourse]. URL: https://www.fedstat.ru/indicator/33379

3. Graduation of specialists from state and municipal higher educational institutions [Electronic resourse]. URL: https://www.fedstat.ru/indicator/44274

4. The average annual number of people employed in the economy (calculations based on data integration) for 2016 [Electronic resourse]. URL: https://www.fedstat.ru/indicator/43211.

5. The share of employed graduates of educational organizations with secondary vocational or higher education in the total number of graduates at the levels of vocational education and subjects of the Russian Federation (percentage, annual value of the indicator) [Electronic resourse]. URL: https://www.fedstat.ru/indicator/57519

7. Monitoring the quality of admission to universities [Electronic resourse]. URL: https://ege.hse.ru/rating/2013/50585497/gos/

УДК 314

Шамсутдинова Н. К.

ВОСПРОИЗВОДСТВО ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН: УСЛОВИЯ И ПОСЛЕДСТВИЯ ЕГО ПОТЕРИ[1]

В демографической политике Республики Башкоротстан, как и России в целом, в последние годы делался акцент на повышение рождаемости. Однако автор показал, что в республике рождаемость позволяет сохранять более оптимальный режим воспроизводства населения, говорящий о потенциале для роста численности. Ограничения для приращения численности представляют собой высокие потери человеческого капитала в результате преждевременной смертности и миграции. Прогнозы, произведенные Росстатом, указывают на более высокие темпы потери численности населения в республике на фоне России в целом. Приоритеты демографической политики должны быть неразрывно связаны с политикой, направленной на создание условий для самореализации и роста эффективности использования человеческого капитала на территории республики. Это указывает на актуальность исследования влияния развития человеческого капитала на демографическое воспроизводство.

Ключевые слова воспроизводство населения, численность населения, смертность, миграция, человеческий капитал, Республика Башкортостан

Человеческий капитал измеряется на индивидуальном уровне, на уровне корпораций и регионов, и на национальном (страновом) уровне. Существует множество способов оценки человеческого капитала. Экономический подход заключается в измерении отдачи человеческого капитала: инвестиций в его развитие, стоимостной оценке отдачи и расчете натуральных индикаторов его компонентов [1]. Человеческий капитал в традиционном понимании предстает как сформированный в результате инвестиций и накопленный человеком определенный запас здоровья, знаний, навыков, способностей, мотиваций, которые целесообразно используются в той или иной сфере общественного воспроизводства, содействуют росту производительности труда и тем самым влияют на рост доходов (заработков) данного человека (Т. Шульц, г. Беккер). Демографическое воспроизводство в показателях численности и половозрастной структуры населения представляет количественную сторону воспроизводства человеческого капитала, отражая условия для данного процесса в регионе рассмотрения.

Согласно теории демографического перехода, процесс демографического развития характеризуется сменой равновесия высокой рождаемости и высокой смертности, соотношением низкой рождаемости и низкой смертности, что означает в первом случае цену высокой рождаемости в

[1] © Шамсутдинова Н.К. Текст. 2019.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 17-46-020237 р_а.

семьях более высокой вероятностью умереть до возраста, когда дети сами могут стать родителями. С ростом продолжительности жизни, в первую очередь, в результате снижения смертности детей, формируется более «эффективный» механизм демографического воспроизводства, означающий рост вероятности дожить все большего количества рожденных детей до возраста деторождения. Один из показателей, позволяющих оценить данное явление, — чистый коэффициент воспроизводства, измеряющий количество девочек, рожденных одной женщиной и доживших до конца репродуктивного периода при текущих параметрах рождаемости и смертности. В настоящее время наиболее низкие значения данного показателя сложились в некоторых странах Восточной Европы и Латинской Америки, — скорее, благодаря низкой рождаемости. При том, что чистый коэффициент в 2016 г. варьировался, по имеющимся данным, от 0,59 до 0,96, в России он составлял 0,84[1]. Можно ли говорить о том, что в России сложился оптимальный режим воспроизводства?

Показатели суммарной рождаемости в России не выглядят слишком низкими на фоне европейских стран, чего нельзя сказать об уровне смертности. Следует заметить, что показатели дожития используются в качестве компонента индекса человеческого капитала в докладах Всемирного банка (Human Capital Index): так, если по детской смертности Россия находится на уровне Северной Америки, Европы и Центральной Азии в целом, то ситуация со смертностью в возрасте 15-60 лет не выглядит подобным образом [2]. Это позволяет предполагать, что на динамику численности и режим воспроизводства в России будет оказывать определяющее влияние структура смертности, что справедливо и для регионов России в целом.

Из всех федеральных округов наибольшая доля населения сосредоточена в Центральном федеральном округе (26,8%), в Приволжском федеральном округе проживает немного меньше людей (20,0%), в то же время в сельском населении последний занимает наибольшую долю (22,0%). Один из субъектов, в котором проживает значительная доля населения округа, — Республика Башкортостан (13,8%). В настоящее время республика теряет население в результатет естественной и миграционной убыли, в то время как до 2000-х гг. в нем наблюдался миграционный прирост, а также с 2009 по 2017 гг. возобновился естественный прирост. Общий прирост населения в республике, скорее всего, будет отрицательным, темпы снижения будут зависеть от параметров рождаемости и смертности, миграции.

Процессы демографического воспроизводства в республике отличаются несколько более высокой суммарной рождаемостью и более высокой смертностью в трудоспособном возрасте [3]. Также Башкортостан относится к субъектам со средними показателями миграционной убыли. Так, наибольшее значение для развития человеческого капитала и в количественном, и качественном выражении имеют снижение смертности и миграционный

[1] Нетто-коэффициент воспроизводства, 1950-2016 [Электронный ресурс]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/app/app40nrr.php (дата обращения 10.05.2019)

Рис. 1. *Доля миграционного прироста (убыли) в РБ в миграционном приросте (убыли) ПФО, прогноз, %*

обмен, что означает создание условий для сохранения здоровья и эффективной занятости.

Оценить, как именно может измениться ситуация со смертностью населения в трудоспособном возрасте, позволяет прогноз. Трендовые модели указывают на возможный рост смертности в некоторых возрастах при сохранении текущих тенденций за последние 34 года (в модели были использованы коэфффициенты смертности по полу и возрасту в Республике Башкортостан в 1980-2014 гг.). Дело в том, что у мужчин в возрасте 35-44 года и женщин 30-39 лет рост смертности до 2014 г. не прекращался [3]. Последние данные указывают на то, что и в 2017 г. именно в возрастной группе 30-49 лет у населения республики сохраняется превышение смертности над уровнем 1990 г. Поэтому результаты прогнозирования с применением методов, основанных на экстраполяции, указывают на вероятность роста смертности в данных возрастах.

Прогноз численности населения республики, выполненный Росстатом, указывает на ее снижение во всех вариантах при том, что в высоком варианте ожидается рост в целом по России[1]. Несмотря на то, что в наиболее оптимистичном варианте предполагается возобновление естественного прироста, сокращение численности будет обусловлено отрицательным значением миграционного прироста.

Необходимо учитывать, что согласно прогнозу Росстата при любом варианте развития событий республику ожидает миграционная убыль населения. При этом масштабы убыли могут уменьшаться при высоком и среднем вариантах прогноза и останутся на прежнем уровне при низком.

При этом нужно отметить, что при высоком варианте прогноза доля Башкортостана в миграционной убыли по ПФО возрастает, при среднем — незначительно повышается, а при низком — остается на сегодняшнем уровне.

[1] Предположительная численность населения: стат. бюлл. М.: Федеральная служба государственной статистики, 2018.

Так, при высоком варианте прогноза для ПФО в целом закладывался несколько более позитивный сценарий, чем для РБ. Дело в том, что в данном варианте в ПФО ожидается положительное значение миграционного прироста населения в нескольких субъектах (Республика Татарстан, Мордовия, Нижегородская область, Самарская область), Республики Башкортостан в данном списке нет. Миграционный прирост населения (положительное его значение) в несколько меньших объемах заложен и в среднем варианте. Таким образом, при всех вариантах прогноза РБ пока не удастся стать регионом-реципиентом, притягивающим население, а также вряд ли удастся препятствовать оттоку населения в долгосрочной перспективе. Республика может потерять от 0,4% населения при низком варианте до 4,9% при высоком варианте прогноза, при том, что сокращение численности населения в России в целом может составить до 3,2%, а при высоком варианте даже вырасти на 2,3%. Так, при существующем режиме воспроизводства населения в республике, говорящем о большом потенциале для возобновления новых поколений, наибольший вызов представляет потеря населения в результате миграции. Это говорит о том, что республика останется источником пополнения трудовых ресурсов других регионов при сохранении существующих условий для реализации человеческого капитала.

Список источников

1. Кирьянов Д.А., Сухарева Т.Н. Методы оценки человеческого капитала: анализ объективности и достаточности исходных данных // Теория и практика общественного развития. — 2011. — № 3. — С. 337-340.

2. The Human Capital Project. International Bank for Reconstruction and Development. — The World Bank, 2018.

3. Демографический доклад. Республика Башкортостан. — Вып. 3. — Уфа: Гилем, 2018. — 132 с.

4. The Lee-Carter Method for Mortality Forecasting: the case of the Republic of Bashkortostan// CMDM 2017: The Second Workshop on Computer Modelling in Decision Making. Vol-2018. P. 74-82.

Информация об авторе

Шамсутдинова Наиля Кадымовна (Россия, Уфа) — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт стратегических исследований Республики Башкортостан (г. Уфа, ул. Кирова, д. 15; e-mail@isirb.ru).

Shamsutdinova N.K

Reproduction of human capital in the Republic of Bashkortostan: conditions and consequences of its loss

In the demographic policy of the republic, as well as Russia as a whole, in recent years, emphasis has been placed on increasing the birth rate. However, the author showed that the birth rate in the republic allows one to maintain a more optimal mode of population reproduction, which speaks of the potential for population growth. Restrictions on population growth are high human capital losses due to premature mortality and migration. The forecasts made by Rosstat indicate a higher rate of population loss in the republic against the background

of Russia as a whole. The priorities of the demographic policy should be inextricably linked with the policy in order to create conditions for self-realization and increase the efficiency of the use of human capital in the republic. This indicates the relevance of the study of the impact of the development of human capital on demographic reproduction.

Keywords: population reproduction, population size, mortality, migration, human capital, Republic of Bashkortostan

Author

Shamsutdinova Nailya Kadymovna (Russia, Ufa) — Ph.D., Senior Researcher, Institute for Strategic Studies of the Republic of Bashkortostan (Ufa, Kirov st., 15; e-mail@isirb.ru).

References

1. Kir'yanov D.A., Suhareva T.N. Metody ocenki chelovecheskogo kapitala: analiz ob"ektivnosti i dostatochnosti iskhodnyh dannyh// Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. — 2011. — No. 3. — P. 337-340.

2. The Human Capital Project. International Bank for Reconstruction and Development. — The World Bank, 2018.

3. Demograficheskij doklad. Respublika Bashkortostan. — Vyp. 3. — Ufa: Gilem, 2018. — 132 p.

4. The Lee-Carter Method for Mortality Forecasting: the case of the Republic of Bashkortostan // CMDM 2017: The Second Workshop on Computer Modelling in Decision Making. Vol-2018. P. 74-82.

УДК 314.146:314.15

Шмарова И.В.

РЕЗУЛЬТАТЫ РОДИТЕЛЬСКОГО ТРУДА КАК ИНДИКАТОРЫ ДОСТИЖЕНИЯ ЦЕЛЕЙ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ[1]

Рассмотрение стратегических целей развития РФ до 2024 года выявило проблему недостаточного внимания к вопросу формирования и развития человеческого капитала. Предложено включение индикаторов, характеризующих родительский труд, в совокупность индикаторов достижения целей национальных проектов.

Ключевые слова: человеческий капитал, стратегические цели развития РФ, родительский труд.

Согласно Указу Президента РФ[2] к 2024 году должно быть реализовано «прорывное научно-технологическое и социально-экономическое развитие», которое позволит нашей стране войти в число пяти крупнейших экономик мира. Достижение поставленной цели невозможно без усиления внимания к аспектам, связанным с человеческим капиталом, которым обладает наше государство. С наступлением 4-й промышленной революции конкурентоспособность страны в целом и ее территорий в частности все в бо́льшей степени начинает зависеть от качества людских ресурсов, а значимость влияния основных фондов постепенно начинает снижаться. Это связано с изменением целей производства, компьютеризацией мира, новой ролью и местом человека в организации и др. [1, 2 и др.]. Возникает потребность формирования и развития человеческого капитала, который будет удовлетворять требованиям современных реалий. Решение этого вопроса возможно на основе: 1) воспроизводства человеческих ресурсов и их последующей необходимой подготовки; 2) совершенствования компетенций у существующих поколений. Реализация первого варианта подразумевает разработку мер демографической политики, направленной на увеличение рождаемости, совершенствование программ образования и здравоохранения, культуры и др. Вместе с тем, необходимо учитывать, что развитие интеллектуальных способностей начинается еще до поступления ребенка в школу. При этом затраты, связанные с уходом, воспитанием и развитием детей (особенно на ранних стадиях родительского труда), ложатся прежде всего на плечи родителей, а государственные учреждения (детские сады, школы и др.) начинают подключаться к этим процессам не сразу. Иссле-

[1] © Шмарова И.В. Текст. 2019.

Исследование проведено в рамках проекта «Рождаемость и родительство в российских регионах: модели, стратегии активизации, прогнозы», поддержанного Советом по грантам Президента Российской Федерации на государственную поддержку ведущих научных школ Российской Федерации (НШ-3429.2018.6).

[2] Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [Электронный ресурс]. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/57425.

дования, реализованные зарубежными и отечественными учеными, подтверждают влияние родителей на успешное обучение детей, последующее развитие их карьеры и трудовых отношений [3, 4 и др.]. Следовательно, необходимо принимать во внимание и стимулировать деятельность родителей, направленную на развитие компетенций детей. К сожалению, вопрос оценки затрат родительского труда (особенно материальной его составляющей) сегодня изучен недостаточно. Формирование государственных программ поддержки родительства не сопровождается учетом материальных затрат родительского труда (вследствие отсутствия разработанной методики их учета) и, как следствие, может привести к недостаточной эффективности этих программ. Критике подвергаются и существующие меры материальной поддержки родительского труда. Все это в совокупности обуславливает необходимость исследования вопросов, связанных с определением показателей, при которых цели формирования и развития человеческого капитала будут достигнуты.

Анализ существующих стратегических целей развития России, поставленных Президентом РФ, позволил увидеть, что, несмотря на важность формирования и развития человеческого капитала, задачи, связанные с этими процессами, не обособлены. В свою очередь, это приводит к тому, что разработанные программы направлены на достижение показателей в различных областях и не координируются между собой.

Для решения выявленной проблемы на уровне постановки стратегических целей и определения индикаторов их достижения предлагается выделение двух подцелей: 1) формирование и развитие человеческого капитала; 2) развитие и сохранение уже сформированного человеческого капитала (рис.1). Реализация первой подцели будет ориентирована на решение вопросов роста рождаемости, формирования системы воспитания и развития необходимых компетенций у детей в возрасте 0-18 лет при активном использовании как государственных учреждений, так и родительского труда. 18-летний возраст выбран как порог, отделяющий одно стратегическое направление от другого, в связи с тем, что в соответствии с законодательством РФ именно в этом возрасте наступает совершеннолетие и полная ответственность граждан за свои действия. В фокусе второй подцели будет совершенствование систем дополнительного образования и переподготовки совершеннолетнего населения, здравоохранения.

Одновременно в рамках реализации первой подцели предполагается координация национальных проектов (программ), так как предлагается группировка индикаторов их достижения по стадиям родительского труда.

Рассмотрим более детально каждую группу индикаторов:

1) Индикаторы перинатальной стадии. На данной стадии необходимо сформировать у населения желание иметь детей, а также его реализовать. Кроме того, здесь происходит подготовка к успешной беременности и последующим родам. Таким образом, для оценки эффективности работы программ можно предложить следующие индикаторы:

— число зарегистрированных браков на 1000 человек населения;

— коэффициент неустойчивости браков (число разводов на 1000 человек населения);

— желаемое число детей;

— число прерываний беременности (на 1000 женщин фертильного возраста);

— доступность для населения узких специалистов (в том числе обеспечивающих реализацию программ поддержки репродуктивного здоровья) и получения репродуктивных вспомогательных технологий (количество человек репродуктивного возраста, получивших соответствующие виды медицинских услуг, на 1000 человек населения);

— доступность дополнительного образования в сфере репродукции (количество закончивших школы/курсы подготовки к родительству и родам; нравственного, гигиенического и сексуального воспитания (направленных на формирование ценностных ориентиров здоровья) на 1000 человек населения);

— отношение величины косвенных затрат родительского труда на данной стадии к величине материальных затрат семьи, связанных с подготовкой к успешной беременности и родам.

Рис. 1. *Декомпозиция целей формирования и развития человеческого капитала*

Первые четыре индикатора характеризуют общее состояние института семьи. Действительно, в работах отечественных исследователей было показано наличие положительной корреляционной связи между количеством заключаемых браков и увеличением рождаемости [5], состоянием здоровья у детей и состоянием в зарегистрированном браке их родителей [6]. Последние три показателя отражают уровень и качество деятельности государства, направленной на сохранение репродуктивного здоровья населения, а также популяризацию родительства и родительского труда.

2) Индикаторы младенческой стадии. На данной стадии обеспечивается финансовая поддержка семей в период нахождения одного из родителей в декретном отпуске, возможности для раннего развития малыша, а также доступность услуг медицинских учреждений. Возможными индикаторами на данной стадии могут стать:

— суммарный коэффициент рождаемости;

— отношение величины прямых материальных затрат, финансируемых из бюджета семьи, к величине прямых материальных затрат, компенсируемых государством;

— потребительская ценность дополнительных стимулирующих мер финансового характера (отношение величины выплачиваемого материнского (семейного) капитала к стоимостной величине товаров/услуг, которые можно приобрести на эти средства);

— показатели младенческой смертности;

— доступность медицинской помощи (в том числе услуг, оказываемых узкими специалистами) в течение первых трех лет жизни ребенка (соотношение количества детей в возрасте до 3 лет, получивших соответствующие виды услуг, к общему количеству пациентов 0-18 лет, получивших аналогичные услуги);

— отношение среднего уровня косвенных затрат на здравоохранение, финансируемых государством, на 1 ребенка в возрасте до трех лет к средней величине прямых материальных затрат родителей на здравоохранение в указанном возрасте;

— доступность дополнительных развивающих занятий для детей в возрасте до 3 лет (отношение количества детей, посещающих дополнительные развивающие занятия, к общей численности детей в этом возрасте);

— отношение среднего уровня косвенных затрат на образование, финансируемых государством, на 1 ребенка в возрасте до 3 лет к средней величине прямых материальных затрат родителей на посещение дополнительных развивающих занятий в указанном возрасте.

Предлагаемые индикаторы позволят оценить работу государства, направленную на увеличение рождаемости, сохранение здоровья детей и их раннее развитие. Особое внимание следует уделить доступности дополнительных развивающих занятий для малышей (бассейн, секции, кружки), так как их посещение может помочь развитию физических и умственных способностей детей, более легкой адаптации ребенка в дошкольных учреждениях. Положительным моментом также будет являться возможность

оценить динамику изменения указанных показателей в натуральном и стоимостном выражении.

3) Индикаторы дошкольной стадии. Поскольку на данной стадии к развитию и воспитанию детей активно подключаются государственные учреждения, акцент в индикаторах должен быть сделан на доступности дошкольного образования, а также возможности для возвращения/осуществления трудовой деятельности родителей, до этого находившихся в декретном отпуске или в отпуске по уходу за ребенком. Предлагаются следующие индикаторы:

— доступность дошкольного образования для детей (охват детей в возрасте 1-6 лет дошкольным образованием);

— доступность дополнительных образовательных (развивающих) занятий (отношение количества детей в возрасте от 3 до 7 лет, посещающих дополнительные образовательные (развивающие) занятия на бесплатной/платной основах, к общей численности детей в указанном возрасте);

— отношение среднего уровня косвенных затрат на дополнительное образование детей, финансируемых государством, на 1 ребенка в возрасте 3-7 лет к средней величине прямых материальных затрат родителей на дополнительное образование в указанном возрасте детей;

— доступность медицинской помощи (в том числе услуг, оказываемых узкими специалистами) для детей в возрасте 3-7 лет (отношение количества детей в возрасте 3-7 лет, получивших соответствующие виды услуг, к общему количеству пациентов 0-18 лет, получивших аналогичные услуги);

— отношение среднего уровня косвенных затрат на здравоохранение, финансируемых государством, на 1 ребенка в возрасте 3-7 лет к средней величине прямых материальных затрат родителей на здравоохранение в указанном возрасте детей;

— отношение прямых материальных затрат, финансируемых родителями, на 1 ребенка в возрасте 3-7 лет к величине косвенных затрат на 1 ребенка в этом возрасте.

Важно отметить, что согласно существующему законодательству государственное финансирование прямых материальных затрат родительского труда практически полностью прекращается после достижения ребенком 1,5 года. Вместо этого государство берет на себя обязательства по оплате части затрат, связанных с обучением и социализацией детей (косвенные затраты родительского труда). Следовательно, важно видеть вклад государства в развитие человеческого капитала, в том числе в стоимостном выражении.

4) Индикаторы школьной стадии. Данная стадия характеризует следующий этап развития ребенка. Именно на этом этапе закладываются основы для дальнейшего получения профессиональных знаний, формирования необходимых компетенций. Для оценки эффективности работы программ, ориентированных на данную стадию, можно предложить следующие индикаторы:

— охват детей общим образованием;

— доступность дополнительных образовательных (развивающих) занятий, посещения учреждений культуры и искусства. Данный показатель

может быть измерен с помощью двух индикаторов: 1) отношение количества детей в возрасте от 7 до 18 лет, посещающих дополнительные образовательные (развивающие) занятия на бесплатной/платной основах, к общей численности детей в указанном возрасте; 2) доля посетителей музеев, общественных библиотек, театров в возрасте до 18 лет в общей численности посетителей указанных учреждений культуры;

— отношение среднего уровня косвенных затрат на дополнительное образование детей, финансируемых государством, на 1 ребенка в возрасте 7-18 лет к средней величине прямых материальных затрат родителей на дополнительное образование в указанном возрасте;

— доступность медицинской помощи (в том числе услуг, оказываемых узкими специалистами) для детей в возрасте 7-18 лет (соотношение количества детей в возрасте 7-18 лет, получивших соответствующие виды услуг, к общему количеству пациентов 0-18 лет, получивших аналогичные услуги);

— отношение среднего уровня косвенных затрат на здравоохранение, финансируемых государством, на 1 ребенка в возрасте 7-18 лет к средней величине прямых материальных затрат родителей на здравоохранение в указанном возрасте;

— отношение прямых материальных затрат, финансируемых родителями, на 1 ребенка в возрасте 7-18 лет к величине косвенных затрат на 1 ребенка в этом возрасте.

5) Индикаторы подростковой стадии и стадии профессиональной подготовки. Особенностью данной стадии будет целенаправленная подготовка школьников к поступлению в учебные заведения, осуществляющие профессиональную подготовку и последующее поступление в выбранные заведения. Следовательно, помимо индикаторов, применяемых на предыдущей стадии, необходимо будет оценить качество подготовки в общеобразовательных школах, доступность дополнительных курсов, ориентированных на поступление в учреждения профессионального образования, а также доступность профессионального образования.

Реализованное исследование позволило выявить проблему разграничения стратегических целей РФ, связанных с формированием и развитием человеческого капитала, а также предложить ряд показателей, которые можно рассматривать в качестве индикаторов достижения этих целей. Перспективы дальнейших исследований в этом направлении нам видятся в разработке методик оценки величины ресурсов, достаточных для достижения целевых показателей.

Список источников

1. Сибиряков П.Г. Облик новой промышленной революции в монографии «Четвёртая промышленная революция» Клаус Шваб // Стратегические приоритеты. — 2017. — № 1 (13). — С. 130-140.

2. Дравица В., Курбацкий А. Промышленная революция INDUSTRY 4.0 // Наука и инновации. — 2016. — Т. 3. — № 157. — С. 13-16.

3. Gomes S.B., Deuling, J.K. Family influence mediates the relation between helicopter-parenting and millennial work attitudes // Journal of Managerial Psychology. — 2019. — № 34(1). — С. 2-17.

4. Абрамова М.А., Гончарова г.С., Костюк В.Г. Влияние уровня образования родителей на формирование образовательных стратегий детей (на примере выпускников школ Новосибирской области) // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2015. — Т. 18. — № 2. — С. 87-102.

5. Нечипоренко Л.В., Васин В.В., Денисова Е.И. Оценка влияния размера среднедушевого дохода населения и количества заключаемых браков на уровень рождаемости в Российской Федерации // Молодой ученый. — 2014. — № 7. — С. 385-388.

6. Московская К.Д., Голанцев И.А. Брачность, рождаемость и здоровье детей, рожденных вне брака // Смоленский медицинский альманах. — 2016. — № 1. — С. 155-159.

Информация об авторе

Шмарова Ирина Викторовна (Россия, Екатеринбург) — старший преподаватель, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19; e-mail: i.v.shmarova@urfu.ru)

Shmarova I.V.

The results of parental labor as indicators of achieving the objectives of the national projects [1]

Consideration of the strategic development goals of the Russian Federation until 2024 revealed the problem of insufficient attention to the formation and development of human capital. The proposed inclusion of indicators of parental labour, and the combination of indicators of achieving the objectives of the national projects.

Keywords: human capital, strategic development goals of the Russian Federation, parental work.

Author

Shmarova Irina Viktorovna (Ekaterinburg, Russia) — Senior Lecturer, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (620002, Ekaterinburg, Mira str., 19); e-mail: i.v.shmarova@urfu.ru

References

1. Sibiryakov P. G. the Image of the new industrial revolution in the monograph “the Fourth industrial revolution” Klaus Schwab // Strategic priorities. — 2017. –No. 1 (13). — P. 130-140.

2. Travica B., kurbatskii A. the Industrial revolution “INDUSTRY 4.0” //Science and innovations. — 2016. — Vol. 3. — No. 157. — P. 13-16.

3. Gomes S. B., Deuling, J. K. Family influence mediates the relationship between helicopter-parenting and millennial work attitudes // Journal of Managerial Psychology. — 2019. — No. 34(1). — P. 2-17.

4. Abramova M. A., Goncharova G. S., Kostyuk V. G. the Influence of parents ‘ education level on the formation of children’s educational strategies (by the example of Novosibirsk region school graduates) // Journal of sociology and social anthropology. — 2015. — Vol. 18. — No. 2. — P. 87-102.

5. Nechiporenko L. V., Vasin V. V., Denisova E. I. Assessment of the impact of the average per capita income and the number of marriages on the birth rate in the Russian Federation // Young scientist. — 2014. — No. 7. — P. 385-388.

6. Moscow K. D., Galantsev I. A. Marriages, births and health of children born out of wedlock // Smolenskiy medical almanac. — 2016. — No. 1. — P. 155-159.

[1] The article is processed as one of the outputs of the research project “Fertility and parenting in Russian regions: models, invigoration strategies, forecasts“, supported by the President of Russian Federation, project no. NSh-3429.2018.6.

УДК 314.3

Шубат О.М.

ПЕРСПЕКТИВЫ РОСТА РОЖДАЕМОСТИ В РАМКАХ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРОЕКТА «ДЕМОГРАФИЯ»: СТАТИСТИЧЕСКИЕ ОЦЕНКИ[1]

Цель исследования состоит в оценке перспектив роста рождаемости до целевого уровня, обозначенного в Национальном проекте «Демография» (СКР =1,7). На основе структурного статистического анализа сделан вывод о маловероятности достижения данного уровня.

Ключевые слова: рождаемость, суммарный коэффициент рождаемости, национальный проект, российские регионы, структурный фактор, статистические оценки.

Национальный проект «Демография» — один из 12 национальных проектов, утвержденных в соответствии с Указом Президента РФ от 7 мая 2018 года. Проекты разработаны по трем направлениям: «Экономический рост», «Комфортная среда для жизни» и «Человеческий капитал». В рамках последнего сформирован национальный проект «Демография» (наряду с проектами «Здравоохранение», «Образование» и «Культура»). Его реализация началась 1 января 2019 г., срок окончания — 31 декабря 2024 г. [1].

Национальный проект «Демография» предусматривает ряд целей (целевых показателей). Важнейшей является увеличение суммарного коэффициента рождаемости в стране до величины 1,7 ребенка (табл. 1).

Для достижения заявленных в национальном проекте целей предусмотрен ряд федеральных проектов. На достижение целевого показателя, связанного с ростом уровня рождаемости, очевидно, преимущественно направлены два проекта — «Финансовая поддержка семей при рождении детей» и «Содействие занятости женщин — создание условий дошкольного образования для детей возрасте до трех лет» [3]. Важно отметить, что национальный проект «Демография» — самый затратный в группе проектов в направлении «Человеческий капитал» (табл. 2).

Несмотря на безусловную актуальность и исключительную важность обозначенных в национальном проекте «Демография» целей, достижение суммарным коэффициентом рождаемости к 2024 году значения 1,7 ребенка на женщину представляется маловероятным. Целью представленного в данной работе исследования является оценка перспектив роста рождаемости до уровня, определенного национальным проектом.

Такая оценка поводилась с двух позиций. Во-первых, на основе анализа статистических структур были показаны возможности и ограничения роста рождаемости до целевого уровня. Во-вторых, были проанализированы

[1] © Шубат О.М. Текст. 2019.

Исследование проведено в рамках проекта «Рождаемость и родительство в российских регионах: модели, стратегии активизации, прогнозы», поддержанного Советом по грантам Президента Российской Федерации на государственную поддержку ведущих научных школ Российской Федерации (НШ-3429.2018.6).

Таблица 1

Динамика суммарного коэффициента рождаемости в России, предусмотренная национальным проектом «Демография» [3]

Показатель	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Суммарный коэффициент рождаемости, промилле	1,63	1,65	1,66	1,68	1,69	1,70

Таблица 2

Бюджеты национальных проектов [1]

Национальный проект	Бюджет, млрд руб
Демография	3105,2
Здравоохранение	1725,8
Образование	784,5
Культура	113,5

демографические структуры, и на их основе дана оценка возможности достижения целевого уровня рождаемости. Анализ проводился на данных за период с 2007 г. (начало активной реализации государственных мер поддержки и стимулирования рождаемости) по 2017 г. (последний год, на который имеется официальная статистическая информация по исследуемым демографическим показателям). В анализе также использовались прогнозные оценки Росстата на период до 2035 г.

Прежде всего, покажем особенности региональной структуры показателя суммарной рождаемости. В условиях ярко выраженной региональной дифференциации российских территорий по целому ряду социально-экономических, демографических показателей динамика любого общероссийского индикатора в значительной степени определяется характером этой дифференциации, степенью поляризации региональных индикаторов, тенденциями ее изменения. Проведенный анализ региональных уровней рождаемости, на наш взгляд, не позволяет оптимистично оценивать возможность роста суммарного коэффициента рождаемости (далее — СКР) до целевого уровня в ближайшие 5-6 лет.

В таблице 3 показано изменение за последние годы числа российских регионов, в которых СКР был равным или превышал установленное в наци-

Таблица 3

Изменение числа регионов со значением СКР большим или равным 1,7

Год	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
Удельный вес регионов с уровнем СКР ≥ 1,7, %[1]	14	22	25	38	31	56	56	61	71	71	35
СКР в России[4]	1,416	1,502	1,542	1,567	1,582	1,691	1,707	1,750	1,777	1,762	1,621

[1] Рассчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: Стат. сб. / Росстат. – М., 2018. С. 73-74

[2] Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: Стат. сб. / Росстат. – М., 2018. С. 73-74

Рис. 1. *Взаимообусловленность значений общестранового СКР и числа российских регионов с уровнем рождаемости, превышающим 1,7 ребенка на женщину*

ональном проекте «Демография» целевое значение. Представленные данные однозначно подтверждают статистическое соответствие: чем больше российских регионов показывают уровень СКР, превышающий значение 1,7, тем более вероятно такое превышение и на общероссийском уровне. Историческая перспектива показывает, что специфика сложившейся в стране региональной структуры позволяет достигнуть необходимого уровня рождаемости лишь тогда, когда в более чем половине регионов (более 54%) СКР будет больше или равным значению 1,7 (рис. 1).

Кроме того, в 2017 году удельный вес регионов с установленным в национальном проекте «Демография» целевым уровнем рождаемости критически снизился — более чем в 2 раза. Таким образом, сугубо статистически «поддержать» рождаемость в стране на уровне 1,7 ребенка на женщину могут чуть более трети российских регионов. Усилить такой незначительный «статистический ресурс», очевидно, могли бы высокие (существенно превышающие значение 1,7) региональные уровни рождаемости. Однако тенденции, складывающиеся в последние годы, не позволяют полагаться на такую возможность. Так, например, удельный вес российских регионов со значением СКР, равным 2 и выше, снизился с 23% в 2015 году до 7% в 2017 году[1]. Как следует из данных, представленных на рисунке 2, максимум региональной рождаемости в последние годы также снижается. Таким образом, потенциал позитивного воздействия относительно высоких региональных уровней рождаемости на ее общенациональный уровень снижается.

Еще один «статистический ресурс» роста общенационального уровня рождаемости может быть связан с изменениями в структуре населения по месту жительства. Исторически в России уровни рождаемости в сельской местности заметно выше, чем в городской. Так, например, в 2017 году СКР

[1] Рассчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: стат. сб. / Росстат. – М., 2018. — С. 73-74.

Рис. 2. *Максимальные уровни рождаемости в российских регионах*

Таблица 4

Российские регионы с наиболее заметным увеличением доли сельского населения в период с 2007 по 2017 годы

Субъект РФ	Увеличение доли сельского населения, п.п.[1]	СКР в регионе в 2017 году[2]
Кабардино-Балкарская Республика	5,4	1,612
Тульская область	5,0	1,401
Удмуртская Республика	4,5	1,718
Республика Адыгея	3,7	1,518
Ленинградская область	2,1	1,216

[1] Рассчитано по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: стат. сб. / Росстат. – М., 2018. С. 43-44.

[2] Там же.

в сельской местности составлял 1,923, а в городской — 1,527[1]. Однако структура российского населения по месту жительства остается стабильной уже в течение длительного периода времени — доля городского населения составляет 73-74 %[2]. В тех же регионах, где численность сельского населения выросла за период с 2007 по 2017 гг., этот прирост был незначительный (не более 6 п.п.). Кроме того, уровни рождаемости в этих регионах — не самые высокие по стране (табл. 4).

С другой стороны, наиболее заметное уменьшение доли сельского населения в период с 2007 по 2017 гг. было зафиксировано в двух регионах — Ненецком автономном округе (на 6,8 п.п) и Республике Ингушетия (на 12,7 п.п.). В этих регионах в рассматриваемый период времени уровни рождаемости были достаточно высокими и в отдельные годы превышали значение 1,7.

[1] Суммарный коэффициент рождаемости. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения: 15.06.2019).

[2] Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018: стат. сб. / Росстат. – М., 2018. — С. 43-44.

Таким образом, анализ статистических структур СКР на основе региональной дифференциации и различий по месту жительства не позволяет давать положительные оценки возможности роста рождаемости до целевого значения 1,7, что предусмотрено национальным проектом «Демография».

Анализ демографических структур также не позволяет получать оптимистичные оценки. Известно, что положительная динамика рождаемости может складываться за счет благоприятной половозрастной структуры населения. Так, наибольший вклад в величину итоговой рождаемости вносят возрастные группы женщин в возрастах 20-24, 25-29 и 30-34 лет — их возрастные коэффициенты рождаемости являются наиболее высокими (табл. 5).

Однако представленные данные свидетельствуют о том, что вклад данных возрастных групп женщин в общую рождаемость снижается. Так, в группе 20-24 лет даже в период активной государственной политики поддержки и стимулирования рождаемости ее уровень не показывал однозначную тенденцию к росту, а в последние годы рождаемость в этой группе снижается. В двух других возрастных группах тенденция роста рождаемости в последние годы также прервалась, причем в 2017 году снижение было значительным.

Вместе с тем, согласно Паспорту национального проекта «Демография», к 2024 возрастные коэффициенты рождаемости должны довольно существенно вырасти и достигнуть значений 109,3 на 1000 для группы женщин 25-29 лет и 102,1 для группы женщин 30-34 лет. Здесь важно отметить, что такие уровни рождаемости для данных возрастных групп являются либо исключительной редкостью, либо в принципе не наблюдаемым в современной истории феноменом. Так, с 1990 года возрастной коэффициент рождаемости у группы женщин 25-29 лет достигал целевого значения только в 2014-2016 годах, а в группе женщин 30-34 лет целевое значение уровня рождаемости (и даже близкое к нему) не наблюдалось ни разу, что, безусловно, не позволяет говорить о высокой вероятности роста рождаемости до установленных в национальном проекте целевых значений.

Таблица 5

Возрастные коэффициенты рождаемости
(число родившихся на 1000 женщин соответствующего возраста)[1]

Возрастная группа, лет	Годы										
	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
20-24	89,5	91,2	90,5	87,5	87,5	91,3	89,9	89,8	90	87,2	81,2
25-29	86,9	92,4	95,9	99,2	99,8	106,6	107,6	110,2	112,6	111,5	100,1
30-34	54,1	60	63,6	67,3	68,2	74,3	76,2	79,8	83	84,4	77,2

[1] Возрастные коэффициенты рождаемости. Единая межведомственная информационно-статистическая система [Электронный ресурс]. URL: https://fedstat.ru/indicator/30973 (дата обращения: 04.05.2019).

Кроме того, согласно прогнозам Росстата, удельный вес отмеченных возрастных групп женщин в общей численности женского населения, а также в общей численности населения будет снижаться (рис. 3).

Еще одним потенциальным демографическим ресурсом роста рождаемости в стране может быть миграция. Однако исследователи отмечают, что в современных условиях не существует единого, универсального механизма взаимосвязи миграции и рождаемости — возможны варианты как повышающего, так и понижающего воздействия. К.И. Казенин на основе исследований рождаемости мигрантов в отдельных странах делает вывод о том, что ни одна из сформулированных в демографии гипотез взаимосвязи рождаемости и миграции (гипотеза адаптации, социализации, селективности и разрыва) не является универсально верной, и в репродуктивном поведении одного и того же сообщества мигрантов можно одновременно увидеть подтверждение разных гипотез [2].

Таким образом, результаты представленного в настоящей статье исследования не позволяют оптимистично оценивать возможность роста российской рождаемости в соответствии с целевыми ориентирами, обозначенными в национальном проекте «Демография». Достижение суммарным коэффициентом рождаемости к 2024 году значения 1,7 ребенка на женщину представляется маловероятным. В условиях сложившихся и складывающихся демографических трендов и структур достижение целевого значения уровня рождаемости возможно только за счет очень существенного изменения репродуктивных установок населения.

Рис. 3. *Удельный вес отдельных возрастных групп женщин в структуре женского населения, %*[1]

[1] Рассчитано по: Численность населения по отдельным возрастным группам: демографический прогноз до 2035 года. Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения: 15.05.2019).

Список источников

1. Информационные материалы Правительства РФ о национальных проектах 2019-2024 гг. [Электронный ресурс]. URL: http://government.ru/rugovclassifier/660/events/ (дата обращения: 06.05.2019).

2. Казенин К.И. Рождаемость в семьях мигрантов: данные, гипотезы, модели (обзор зарубежных исследований) // Демографическое обозрение. — 2017. — Том 4. — № 4. — С. 6-79.

3. Паспорт национального проекта «Демография» [Электронный ресурс]. URL: https://rosmintrud.ru/ministry/programms/demography (дата обращения: 10.05.2019).

Информация об авторе

Шубат Оксана Михайловна (Россия, Екатеринбург) — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики и управления на металлургических и машиностроительных предприятиях, Высшая школа экономики и менеджмента. Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (620002, г. Екатеринбург, пр. Мира, д. 19; e-mail: o.m.shubat@urfu.ru).

Shubat O.M.

Prospects for growth of fertility in the National Project "Demography": statistical evaluations

The purpose of the study is to assess the growth prospects of fertility to the target level indicated in the National Project "Demography" (TFR = 1.7). Based on the structural statistical analysis, it was concluded that the achievement of this level is highly unlikely.

Keywords: fertility, total fertility rate, national projects, Russian regions, structural factor, statistical evaluations.

Author

Shubat Oksana Mikhaylonvna (Russia, Ekaterinburg) — Associated Professor, Graduate School of Economics and Management. The Ural Federal University (620002, Ekaterinburg, 19, Mira st.; e-mail: o.m.shubat@urfu.ru).

References

1. Information materials of the Government of the Russian Federation on national projects 2019-2024 [Electronic resourse]. URL: http://government.ru/rugovclassifier/660/events/ (access date: 06.05.2019).

2. Kazenin K.I. Fertility in the families of migrants: data, hypotheses, and models (foreign literature review) // Demographic Review. — 2017. — Vol 4. — Issue 4. — P. 6-79.

3. Passport of the national project «Demography» [Electronic resourse]. URL: http://www.socpol.ru/publications/pdf/PiDMiG1_end.indd.pdf (access date: 10.05.2019).

УДК 314.1

Шутова Н.В.

СТИМУЛИРОВАНИЕ РОДИТЕЛЬСКОГО ТРУДА РАБОТНИКОВ ПРЕДПРИЯТИЙ КАК ФАКТОР ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ[1]

Статья посвящена рассмотрению процесса стимулирования родительского труда на уровне предприятия как фактора демографического развития страны. Выявлены цели, задачи этого процесса, возможности влияния на мотивацию работников к родительскому труду.

Ключевые слова родительский труд, стимулирование родительского труда, демографическое развитие.

В современных неблагоприятных демографических условиях решение вопросов формирования демографического потенциала страны, воспроизводства населения и развития человеческого капитала при помощи эффективного стимулирования родительства как явления в целом и непосредственно родительского труда в частности становится важнейшей задачей и на уровне предприятий. Это объясняется несколькими причинами.

Во-первых, эффективность и конкурентоспособность бизнеса в текущем и перспективном периодах во многом зависят от качества и результатов труда работников, при внимании к их проблемам со стороны работодателя производительность, как правило, повышается.

Во-вторых, современный бизнес — непосредственный «потребитель» существующих и «заказчик» будущих трудовых ресурсов [2] — той части населения, которая имеет потенциальную возможность заниматься трудовой деятельностью и обладает необходимыми для этого характеристиками. Вовлекаясь в экономическую деятельность, трудовые ресурсы трансформируются в рабочую силу, которая, в свою очередь, предопределяет не только результаты хозяйственной деятельности бизнес-организаций, но и ее эффективность.

В-третьих, сегодня в связи с неблагоприятной демографической ситуацией трудовые ресурсы имеют тенденцию к истощению. Это означает, что рано или поздно у работодателей возникнет потребность в их замещении. Иначе говоря, бизнес в долгосрочной перспективе не может использовать одни и те же трудовые ресурсы.

В-четвертых, трудовые ресурсы, как любой ресурс в экономике, имеют свойство ограниченности. Это означает, что занятые в экономике в современных условиях отрицательной динамики их воспроизводства могут оказаться неспособны удовлетворять растущие потребности бизнес-среды.

---

[1] © Шутова Н.В. Текст. 2019.

Исследование проведено в рамках проекта «Рождаемость и родительство в российских регионах: модели, стратегии активизации, прогнозы», поддержанного Совета по грантам Президента Российской Федерации на государственную поддержку ведущих научных школ Российской Федерации (НШ-3429.2018.6).

В-пятых, для поддержания и развития трудовой мотивации существующих трудовых ресурсов работодателям следует разрабатывать новые системы управления ими. В качестве одного из вариантов такой новой системы и может быть предложена подсистема стимулирования родительского труда работников.

Все обозначенные выше причины и факторы показывают необходимость стимулирования воспроизводства трудовых ресурсов и их человеческого капитала как в количественном, так и в качественном выражении не только на макро-, но и на мезоуровне. Работодатели, с точки зрения стратегического обеспечения устойчивости своего бизнеса и той среды, в которой он функционирует, одновременно с государством должны стимулировать родительский труд своих работников, прикладывая к этому определенные усилия в рамках доступных им компетенций.

Основной целью стимулирования родительского труда работников предприятий выступает стратегическое обеспечение устойчивости развития бизнеса (обеспечение необходимого количества качественных трудовых ресурсов) в долгосрочной перспективе. При этом используемые бизнесом способы стимулирования ведут одновременно к достижению целей социально-экономического и демографического развития страны в целом.

В соответствии с целью основными задачами работодателей как субъектов общественно-трудовых отношений выступают: вычленение мотивационной составляющей родительского труда работников и определение факторов, влияющих на нее; стимулирование работающих субъектов родительского труда при помощи различных инструментов и методов с целью обеспечения воспроизводства качественного человеческого капитала; повышение общей удовлетворенности работников условиями и результатами труда.

В настоящее время исследователи выделяют следующие мотивы реализации родительства и родительского труда: мотивы любви и эмоциональной симпатии; мотивы продолжения рода; мотивы самореализации; мотивы компенсации нереализованных личных амбиций; мотивы выполнения общественного долга; мотивы престижа; мотивы выполнения личного долга; мотивы изменения социального статуса; мотивы получения материальной выгоды [5, с. 34]. Следует подчеркнуть, что все мотивы родительского труда относительны и субъективны. У каждого индивида ведущую роль может играть как какой-то отдельно взятый мотив, так и их совокупность. Однако, безусловно, что каким бы ни был мотив родительского труда, реализация данного вида деятельности на всех стадиях зависит от многих факторов. Отметим, что сегодня на мотивацию к рождению ребенка и качественную реализацию родительских функций работников оказывает влияние множество факторов общественно-политического, социально-психологического, экономического характера. Не последнюю роль при этом играют психологическая готовность родителей к воспитанию ребенка, уровень их финансовой состоятельности и система ценностных ориентаций. Задача работодателей — вычленить основные мотивы и факторы,

влияющие на мотивацию к осуществлению родительского труда работников, и создать стимулы для побуждения их к данному виду деятельности.

В целом всю совокупность факторов, влияющих на реализацию труда, в том числе и родительского, делят на три группы: экономические (материальные); организационные; моральные (социальные) [1].

Так, согласно исследованию «Мотивация персонала», проведенному в 2017 году специалистами международного рекрутингового агентства Kelly Services[1], основным мотивирующим фактором к трудовой деятельности у работников является уровень оплаты труда и социальный пакет (72% ответивших). Далее отмечаются такие факторы, как комфортная атмосфера (35%), официальное оформление и «белая заработная плата» (34%), возможности карьерного роста (34%), масштабные и интересные задачи (32%).

В настоящее время не удивительно, что главным мотивирующим фактором к труду у работников, непосредственно влияющим на мотивацию и к родительскому труду, является уровень оплаты труда. Это связано с тем, что оплачиваемый труд (заработная плата, компенсации, дополнительные выплаты и т.д.) в традиционном его понимании — основной источник дохода населения [7] и, соответственно, основной финансовый ресурс для реализации базовых функций родительства. Особенно это актуально для семей, планирующих рождение или уже имеющих детей, ведь обеспечивать и воспитывать ребенка, то есть осуществлять родительский труд, без средств к существованию невозможно.

Как показывает практика, содержание ребенка сегодня требует значительных материальных затрат. Так, согласно социологическому исследованию, проведенному в 2014 году независимым общественным движением в поддержку материнства и детства «Мамы Москвы», средняя сумма затрат на содержание одного ребенка в столице составляет 387 тыс. руб. в год [6]. При этом среднегодовая величина заработной платы по Москве по итогам 2014 года составила около 742,2 тыс. руб.[2] Таким образом, при условии, что ребенок растет в полной семье, свыше 26% от общей величины оплаты труда его среднестатистических родителей, которая является основным источником пополнения семейного бюджета, приходится на содержание одного ребенка. Следует отметить, что эти цифры справедливы при допущении, что в семье растет всего лишь один ребенок, имеющий обоих родителей, не уклоняющихся от исполнения своих родительских обязанностей.

Согласно другим данным, на то, чтобы вырастить и воспитать ребенка вплоть до начала его самостоятельной финансовой жизни в столичном регионе России, родителям придется потратить порядка 13,7 млн руб. [3]. В среднем по стране цифры несколько меняются: содержание одного ребенка в среднем обходится родителям в 234 тыс. рублей в год, или в 4,2 млн руб. за 18 лет. Если же объективно оценивать затраты вплоть до полного

[1] Мотивация персонала 2017: исследование Kelly Services. [Электронный ресурс]. URL: http://hr-elearning.ru/motivaciya-personala-2017-issledovanie-kelly-services/.

[2] Средняя номинальная заработная плата [Электронный ресурс]. URL: http://moscow.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/moscow/ru/statistics/standards_of_life/

высвобождения ребенка из семьи (то есть до условного окончания им вуза в 22 года), суммарные затраты на его содержание превысят 5 млн. руб. [3].

Таким образом, материальное стимулирование работников через уровень оплаты труда, материальные бонусы, поощрения и компенсации, предоставление социального пакета, включающего ДМС, медицинскую страховку для членов семей работников и т.д., обеспечиваемое непосредственно работодателями, играет весьма важную роль в процессе стимулирования субъектов родительского труда как к принятию самого решения о рождении ребенка, так и к качеству и содержанию выполняемых ими функций родительского труда. Следует также отметить, что материальное стимулирование родительского труда работников положительно сказывается и на их профессиональном труде, и отношении к своему работодателю.

Помимо материальной составляющей, особая роль отводится организационным и моральным факторам, влияющим на мотивацию к реализации родительского труда работников. С одной стороны, стремление членов современного общества к самореализации, построению карьеры и обеспечению семьи приводят к тому, что многие откладывают рождение ребенка на более поздний период своей жизни или вовсе предпочитают так называемый «чайлд-фри». При этом подобные решения зачастую не зависят от уровня финансовой состоятельности граждан — даже весьма обеспеченные люди оказываются не готовы стать родителями.

Традиционно одними из основных причин (мотивов), побуждающих граждан к добровольной бездетности, помимо психологических травм и страхов считаются: финансовая неуверенность в будущем, что еще раз подтверждает значимость финансово-экономического аспекта стимулирования родительского труда со стороны работодателей; стремление к личному комфорту, возможность саморазвития и реализации жизненных ценностей в прочих сферах жизни [4, с. 13].

При этом финансовая неуверенность в будущем не всегда определяется текущим уровнем дохода, а личный комфорт зачастую является превалирующим фактором. В условиях рабочей среды, благоприятствующей совмещению функций традиционного и родительского труда, у лиц, находящихся в трудовых отношениях с работодателем, повысится уровень мотивации к родительству и к реализации родительского труда.

Всесторонняя поддержка родителей, а также создание среды, благоприятной для реализации родительских функций и их совмещения с базовыми стремлениями развития личности, позволяют индивидам не только не отказываться от родительства, а, напротив, тесно вовлекать его в свою жизнь, совмещая с профессиональным карьерным ростом. В результате родительство и родительский труд становятся не просто «гражданским долгом». Кроме того, для родителей (как реальных, так и потенциальных) поддержка работодателем самой среды реализации родительских функций выступает в качестве дополнительного мотива для принятия решения о деторождении.

Это, в свою очередь, заставляет задуматься о необходимости формирования работодателями соответствующих возможностей для своих ра-

ботников — будущих родителей. Соответственно, позиция работодателя в вопросе создания для своих сотрудников, имеющих либо планирующих детей, достойных условий труда, возможностей профессионального роста и развития, а также поддержания соответствующей инфраструктуры, оказывает непосредственное влияние на реализацию родительского труда.

Кроме того, чем больше возможностей предприятие-работодатель будет предоставлять для родителей и их детей, тем выше будет уровень лояльности и самоотдачи работающих родителей. Не следует забывать, что общая удовлетворенность действующей на предприятии системой стимулирования, будь то материальные или нематериальные стимулы, предопределяет вовлеченность сотрудников в рабочий процесс, а также способствует более полной реализации их трудового потенциала. Соответственно, чем лучше условия мотивационной системы в сфере родительства, предлагаемые работодателем, тем выше степень удовлетворенности работников, а, следовательно, тем комфортнее они чувствуют себя на рабочем месте и тем устойчивее их ожидания в отношении работы в компании в долгосрочной перспективе.

В настоящее время доказано наличие связи между стимулированием труда, а, следовательно, и родительского труда, и его эффективностью. Таким образом, чем более качественна и полноценна система стимулирования родительского труда, тем выше его эффективность. Как было отмечено ранее, создание достойных условий для реализации функций родительства и их развития повышает общую удовлетворенность работающих родителей условиями труда, стимулирует их лояльность к работодателю, а также повышает их заинтересованность в более качественном выполнении своих должностных обязанностей. Помимо прочего, стимулирование родительского труда на предприятии способно не только повышать уровень индивидуальной трудовой мотивации, но и улучшать качество жизни работающих родителей и членов их семей, а следовательно, оказать положительное влияние и на демографическую ситуацию, и демографическое развитие страны.

Список источников

1. Акулова Н.Г., Ряховский Д.И. Трудовая мотивация и ее роль в процессе управления персоналом бизнес-компаний // Управление экономическими системами. Электронный научный журнал. — 2017 [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/trudovaya-motivatsiya-i-eyo-rol-v-protsesse-upravleniya-personalom-biznes-kompanii (дата обращения: 08.05.2019).

2. Багирова А.П., Абилова М.Г. Активизация родительского труда: реалии и возможности // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. — 2011. — № 10. — С. 2–7.

3. Банки ру. Архив за 2017 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.banki.ru/news/daytheme/?id=10032879 (дата обращения: 08.05.2019).

4. Казачихина М.В. Чайлдфри как одна из форм современной семьи // Вестник социально-гуманитарного образования и науки. — 2014. — № 3. — С. 10–14.

5. Мотивация родительского труда и регулирование установок на родительство населения Уральского региона: монография / А. П. Багирова, О. М. Шубат, А. И. Ворошилова,

С. В. Витик, М. М. Пшеничникова, И. В. Полушкина — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2014. — 271 с.

6. Российская газета. Архив за 2014 г. [Электронный ресурс]. URL: https://rg.ru/2014/06/11/rebenok.html (дата обращения: 08.05.2019).

7. Саликова Н.М. Участие работодателей в содействии занятости населения // Российское право: образование, практика, наука. — 2017. — № 3 (99). — С. 47–53

Информация об авторе

Шутова Наталья Викторовна (Россия, Екатеринбург) — аспирант кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления, Институт государственного управления и предпринимательства, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19; e-mail: ShutovaNV@list.ru)

Shutova N.V.

Stimulation of parental work of employees of enterprises as a factor of the demographic development of Russia

The article is devoted to the consideration of the process of stimulating parental labor at the enterprise level as a factor in the demographic development of the country. The goals, objectives of this process, the possibility of influencing the motivation of employees to parental work are identified.

Keywords: parental work, stimulation of parental work, demographic development

Author

Shutova Natalia Victorovna (Russia, Ekaterinburg) — Postgraduate Student of the Chair of Sociology and Technology of the State and Municipal Administration Ural Federal University named after the first President of Russia Boris Yeltsin (620075, Ekaterinburg, 1, Lenin Ave.; e-mail: ShutovaNV@list.ru).

References

1. Akulova N.G., Ryakhovsky D.I. Labor motivation and its role in the personnel management process of business companies // Economic Systems Management: electronic scientific journal. — 2017 [Electronic resource]. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/trudovaya-motivatsiya-i-eyo-rol-v-protsesse-upravleniya-personalom-biznes-kompanii (appeal date: 05/08/2019).

2. Bagirova A.P., Abilova M.G. Activization of parental work: realities and opportunities // National interests: priorities and security. — 2011. — No. 10. — P. 2–7.

3. Banks py. Archive for 2017 [Electronic resource]. URL: http://www.banki.ru/news/daytheme/?id=10032879 (appeal date: 05/08/2019).

4. Kazachikhina M.V. Childfrey as one of the forms of the modern family // Bulletin of social and humanitarian education and science. — 2014. — No. 3. — P. 10–14.

5. Motivation of parental labor and regulation of attitudes to parenting of the population of the Ural region: monograph / A. P. Bagirova, O. M. Shubat, A. I. Voroshilova, S. V. Vitik, M. M. Pshenichnikova, I. V. Polushkina — Ekaterinburg: Publishing House Ural. University, 2014. — 271 p.

6. Russian newspaper. Archive for 2014 [Electronic resource]. URL: https://rg.ru/2014/06/11/rebenok.html (appeal date: 05/08/2019).

7. Salikova N.M. Participation of employers in promoting employment // Russian law: education, practice, science. — 2017. — No. 3 (99). — P. 47-53

УДК 316.472.3

Южакова Э. В.

ИНВЕСТИРОВАНИЕ РОДИТЕЛЕЙ В ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ ДЕТЕЙ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФАКТОРОВ И РЕЗУЛЬТАТОВ[1]

В статье рассматривается, как инвестирование в образование последующего поколения способствует социально-экономической мобильности или передаче социального неравенства, и раскрываются внутренние семейные факторы инвестирования в образование детей.

Ключевые слова: человеческий капитал, социальное неравенство, социально-экономическая мобильность, передача социального неравенства, формирование человеческого капитала, образование, институт семьи.

В настоящее время главным конкурентным преимуществом любого государства в большой степени является накопленный и реализованный человеческий капитал, поскольку именно люди с их знаниями, умениями и навыками определяют возможности экономического, социального, политического развития общества в целом. Мы определяем человеческий капитал как воплощенный в человеке интеллектуальный и физический потенциал, совокупность общих и специальных знаний и практических навыков, накопленных за определенный период жизни.

Основным институтом, играющим важную роль в формировании и развитии человеческого капитала, включающего человеческие ресурсы и человеческий потенциал, является институт семьи. Роль института семьи в этих процессах можно считать главной по отношению к другим институтам общества, поскольку именно семья, реализуя свои воспитательную функцию и функцию социального контроля, оказывает значительное влияние на социальную структуру общества и социализацию населения посредством накопления и передачи социального опыта от предыдущего поколения нынешнему [1], что в свою очередь способствует воспроизводству, формированию, использованию и накоплению человеческого капитала в целом.

Говоря о человеческом капитале, следует обратить внимание на такой не менее важный его показатель, как качество — если человеческий капитал представляет собой некий объем человеческих ресурсов и человеческого потенциала, влияющий на процесс развития всех сфер общества, то целесообразно также рассматривать и пригодность этих составляющих удовлетворять определенные потребности в соответствии с их назначением. Качество человеческого капитала формируется благодаря инвестициям в него — объемам расходов, увеличивающих умения, навыки и способности

[1] © Южакова Э.В. Текст. 2019.

Исследование проведено в рамках проекта «Рождаемость и родительство в российских регионах: модели, стратегии активизации, прогнозы», поддержанного Совета по грантам Президента Российской Федерации на государственную поддержку ведущих научных школ Российской Федерации (НШ-3429.2018.6)

индивида. Кроме того, затраты, возникающие в ходе инвестирования, осуществляются с расчетом на то, что они будут многократно компенсированы в будущем. Следовательно, можно предположить, что качество человеческого капитала имеет определенную взаимосвязь с таким показателем, как, например, уровень образования — при инвестировании в образование индивида в будущем этот образованный индивид принесет больший «доход», чем те затраты, которые были потрачены на его образование.

Как уже отмечалось выше, институт семьи играет важную роль в формировании человеческого капитала. Следует также отметить, что семья выступает одним из возможных источников инвестирования человеческого капитала. Родители вкладывают средства в своих детей, тем самым повышая качество человеческого капитала следующего поколения семьи, ожидая, что следующее поколение, в свою очередь, будет поддерживать их в дальнейшей жизни — уделять им внимание, помогать финансово, обсуждать их личные проблемы и дела и т.д. Говоря о средствах, которые родители вкладывают в своих детей, мы подразумеваем не только финансовые поступления от родителей детям. Ресурсы родителей, которые они используют для повышения качества человеческого капитала последующего поколения, могут быть выражены, например, в форме свободного времени родителей, которое они проводят со своими детьми, или как желание родителей, чтобы их дети учились в определенном учебном заведении или в определенном коллективе, где, по их мнению, дети смогут получить более качественное образование [3].

Наиболее эффективным способом повышения качества человеческого капитала последующего поколения, доступным в семье, является инвестирование родителей в образование своих детей. Этот ресурс позволяет детям увеличить качество своего человеческого капитала в виде образовательных достижений. В различных источниках образование рассматривается в качестве основной инвестиции в человеческий капитал, что привело к росту исследовательского интереса к образованию как способу развития человеческого капитала [18]. Несмотря на то, что за последние десятилетия мы наблюдаем повышение общего уровня образования во всем мире, до сих пор остаются регионы с низким уровнем образования. Исходя из этого, можно предположить, что инвестирование родителями образования своих детей может способствовать как социально-экономической мобильности последующего поколения в семье, так и «увековечиванию» социального неравенства различных представителей последующего поколения.

Согласно теории человеческого капитала, уровень образования является важным фактором социально-экономической мобильности, а инвестиции в образование повышают производительность труда отдельных лиц, организаций и стран, что затем поможет им получать большее экономическое вознаграждение [19] в виде выручки, заработной платы, ВВП и т.д. Этот процесс основан на предположении о том, что человеческий капитал представляет собой в том числе и экономический капитал (объем ресурсов, необходимых для выхода на новый экономический уровень с дальнейшим покрытием рас-

ходов, возникших в процессе этого перехода), а инвестиции в образование повышают человеческий потенциал и экономическую производительность. Данное предположение поддерживали многие ученые, такие как Гэри Беккер [2], Эльчанан Кон и Терри Геске [6], Тома Пикетти [15]. Они своими исследованиями продемонстрировали, что инвестирование в образование и профессиональную подготовку как способ развития человеческого капитала имеет как экономическую, так и социальную отдачу за счет повышения производительности труда, что оно создает шансы для людей получить более высокое экономическое вознаграждение. Люди, получающие большее экономическое вознаграждение, имеют более высокие шансы на изменение места, занимаемого в социальной структуре, перемещаясь из одного социального слоя в другой или в пределах одного и того же социального слоя.

Исследования человеческого капитала также показывают, что данный вид капитала является определяющим фактором социального неравенства. Разные семьи имеют разное социальное положение в обществе и обладают разными экономическими ресурсами. Родители инвестируют в образование детей те ресурсы, которые доступны им в рамках своего социально-экономического положения. В конечном итоге некоторые представители последующего поколения имеют маленькие возможности и шансы повысить свой социально-экономический статус в обществе ввиду недостатка ресурсов, доступных их родителям, и они получают такое же членство в группе и статус в ней, как их семья или родственная группа. Данное явление также находится в фокусе внимания многих ученых. Так, например, Ампаро Кастелло и Рафаэль Доменек при изучении человеческого капитала пришли к выводу, что уровень образования связан с объемом накоплений физического и человеческого капитала и темпами роста доходов на душу населения [5]. Данные исследований Гломма и Равикумара показывают, что «представители поколений различаются только по объему человеческого капитала своих родителей и, поскольку человеческий капитал полностью определяет доход, распределение дохода определяется распределением человеческого капитала» [9].

Факторы, влияющие на образовательное неравенство между представителями последующего поколения, принято разделять на две группы. Внешние факторы включают государственную политику, которая формирует принципы государственных и частных инвестиций в образование и, следовательно, в значительной степени определяет доступ к образованию населения с разным уровнем дохода. Внутренние факторы включают влияние близкого окружения, а также заинтересованность в воспитании индивидов и формировании культурных ценностей последующих поколений. В целом внешние факторы проявляются на государственном уровне инвестирования в образование последующего поколения, а внутренние факторы — на уровне социальной группы, а именно семьи.

На наш взгляд, при изучении формирования человеческого капитала посредством образования особое внимание следует уделять внутренним семейным факторам, которые могут сыграть важную роль в определении

уровня образования как нынешнего поколения, так и будущего. При обращении к исследованиям, проведенным по данной теме, достаточно часто встречается и информация о сложных семейных явлениях и процессах, способствующих образовательным достижениям детей и повышению уровня образования поколений в целом, что, в свою очередь, влияет на развитие человеческого капитала [7]. В частности, среди таких явлений и процессов исследователи рассматривают:

1) Вовлеченность родителей в процесс образования детей.

Ученые отмечают связь между вовлеченностью родителей и успехами детей в учебе, следовательно, воздействие родителей положительно связано с успеваемостью детей, а также является важным фактором, определяющим уровень их образования [16]. Уровень родительского участия включает в себя многие аспекты взаимоотношений родителей и детей как дома, так и в школе. Ученые пришли к пониманию того, что мнение и участие родителей в процессе образования последующего поколения оказывают сильное влияние и являются определяющими достижения детьми образовательных успехов [11].

2) Признание родителями важности образования.

Данный фактор является важным условием для первого выделенного нами фактора, поскольку вовлеченность родителей в процесс образования детей во многом определяется ценностью образования для родителей даже при наличии благоприятных социально-экономических условий. Признание родителями важности и необходимости образования определяет степень их стремления инвестировать в образование своих детей и также может влиять на их образовательные достижения [12]. Существует высокая вероятность того, что уровень образования ребенка значительно улучшится, если родители будут придавать образованию важное значение. Кроме того, отношение к образованию передается следующему поколению и воспроизводится им [8].

3) Объем инвестируемых родителями ресурсов в образование.

Поскольку неравенство в образовании может сложиться несмотря на равное инвестирование в образование, второй фактор также является определяющим при решении родителей, в каких объемах инвестировать в образование своих детей. Этот аргумент говорит о том, что родители, которые высоко ценят образование своих детей, будут выделять больше ресурсов для достижения ими высокого уровня образования [4].

Также количество ресурсов, которое родители готовы инвестировать в образование своих детей, зависит от общего уровня семейного дохода и в некоторой степени от социальной группы, к которой принадлежит семья, — два человека с одинаковыми способностями, но принадлежащие к разным социальным группам, будут иметь разный уровень инвестирования в их образование ввиду отношения к образованию, существующего в данной социальной группе [13]. В конечном счете, люди с меньшим интересом к образованию, вероятно, будут общаться с единомышленниками, тем самым уменьшая вероятность сокращения образовательного неравенства.

4) Уровень образования родителей.

Уровень образования родителей не менее важен в процессе образования их детей. Даже если ребенок имеет высокий потенциал образовательных достижений, у него больше шансов реализовать его, если родители имеют высокий уровень образования [14]. Родители с высоким уровнем образования более охотно участвуют в образовании своих детей через, например, домашние задания, школьные проекты и мероприятия [20]. Исследования отмечают, что именно знание родителями того или иного предмета в первую очередь определяет их уверенность в важности этого предмета и является сильной детерминантой оценок детей по этому предмету [10]. Также отмечается, что родители с более высоким уровнем образования стремятся обеспечивать своих детей всем самым лучшим в процессе образования (несмотря на уровень дохода) — окружить лучшими, по их мнению, учителями, лучшими условиями образования, лучшим инвентарем и т.д. [17].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что человеческий капитал родителей может влиять на человеческий капитал их детей в процессе воспроизводства человеческого капитала между поколениями. Образование имеет решающее значение для развития человеческого капитала и способствует как социально-экономической мобильности последующего поколения, так и передаче социального неравенства от родителей детям. К основным факторам, влияющим на процесс образования детей как способ повышения качества их человеческого капитала, относятся: вовлеченность родителей в процесс образования детей, признание родителями важности образования, объем инвестируемых родителями ресурсов в образование и уровень образования родителей. Восприятие и отношение к образованию со стороны родителей оказывают влияние на уровень образования их поколений. Дети родителей с высокой ценностью образования имеют более высокие образовательные достижения, чем дети родителей с более низкой оценкой важности образования. Также образовательный уровень поколений повышается с увеличением инвестирования родителей в образование своих детей. Не менее важную роль играет уровень образования самих родителей, который, в свою очередь, способствует увеличению ценности образования для родителей и повышению финансирования образования детей.

Список источников

1. Голод С. И. Семья и брак: историко-социологический анализ. — СПб.: Петрополис, 1998. — 144 с.

2. Becker Gary S. Human capital: A theoretical and empirical analysis, with special reference to education. — Chicago: University of Chicago Press, 2009. — 412 p.

3. Bourdieu P. The forms of capital, in Richardson J. (Eds.) // Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education. — Westport: Greenwood,1986. — P. 241–258.

4. Brock W. A., Durlauf S. N Discrete choice with social interactions // Review of Economic Studies. — 2001. — Vol. 68. — No. 2. — P. 235-260.

5. Castello A., Domenech R. Human capital inequality and economic growth: Some new evidence // Economic Journal. — 2002. — Vol. 112. — No. 478. — P. — C.187-200.

6. Cohn E., Terry Geske G. The Economics of Education (3rd ed.). — New York: Pergamon Press, 1990. — 430 p.

7. Coleman J. S. Social capital in the creation of human capital (first published in 1988), in A.H. Halsey, H. Lauder, P. Brown and A.S. Wells (Eds.) // Education: Culture, Economy and Society. — Oxford: Oxford University Press, 1997. — Pp. 80–95.

8. Erikson R., Goldthorpe J. H. Intergenerational inequality: A sociological perspective // Journal of Economic Perspectives. 2002. Vol. 16. No. 3. P. 31-44.

9. Glomm G., Ravikumar B. Public versus private investment in human capital: endogenous growth and income inequality // Journal of Political Economy. — 1992. — Vol. 100. — No. 4. — P. 818-834.

10. Griffith J. Relation of parental involvement, empowerment, and school traits to student academic performance // Journal of Educational Research. — 1996. — Vol. 90. — No. 1. — P. 33-41.

11. Hokoda A., Fincham F. D. Origins of Children's Helpless and Mastery Achievement Patterns in the Family // Journal of Educational Psychology. — 1995. — Vol. 87. — No. 3. — P. 375-385.

12. Jerrim J., Macmillan L. Income inequality, intergenerational mobility, and the great gatsby curve: is education the key? // Social Forces. — 2015. — Vol. 94. — No. 2. — P. 505-533.

13. McPherson M., Smith-Lovin L., Cook J. M. Birds of a feather: Homophily in social networks // Annual Review of Sociology. — 2001. — Vol. 27. — P. 415-444.

14. Oketch M., Mutisya M., Sagwe J. Parental aspirations for their children's educational attainment and the realisation of universal primary education (UPE) in Kenya: Evidence from slum and non-slum residences // International Journal of Educational Development. — 2012. — Vol. 32. — No. 6. — P. 764-772.

15. Piketty T. Chapter 8 Theories of persistent inequality and intergenerational mobility // Handbook of Income Distribution. — 2000. — Vol. 1. — P. 429-476.

16. Sheppard A. Research section: school attendance and attainment: Poor attenders' perceptions of schoolwork and parental involvement in their education // British Journal of Special Education. — 2009. — Vol. 36. — No. 2. — P. 104-111.

17. Smith F. M., Hausafus C. O. Relationship of family support and ethnic minority students' achievement in science and mathematics // Science Education. — 1998. — Vol. 82. — No. 1. — P. 111-125.

18. Sweetland Scott R. Human capital theory: Foundations of a field of inquiry // Review of Educational Research. — 1996. — Vol. 66. — No. 3. — P. 341-359.

19. Temple J. A positive effect of human capital on growth // Economics Letters. — 1999. — Vol. 6. — No. 1. — P. 131-134.

20. Timkey S. The Influence of Parent Attitudes and Involvement on Children's Literacy Achievement // Education and Human Development Master's Theses, The College at Brockport: State University of New York, 2015. — 7 p.

Информация об авторе

Южакова Эльмира Владиславовна (Россия, Екатеринбург) — инженер-исследователь, Институт государственного управления и предпринимательства, Уральский федеральный университет (620002, Екатеринбург, ул. Мира, д. 19; e-mail: elmira.yuzhakova@mail.ru)

Yuzhakova E.

Investment of parents in the human capital of children: a theoretical analysis of factors and results

The article examines how investing in next-generation education contributes to socioeconomic mobility or the transmission of social inequality, and reveals the internal family factors of investing in children's education.

Keywords: human capital, social inequality, socioeconomic mobility, transmission of social inequality, human capital formation, education, family.

Author

Yuzhakova Elmira (Russia, Ekaterinburg) — researcher, Ural Federal University (620002, Ekaterinburg, Mira st., 19; e-mail: elmira.yuzhakova@mail.ru)

References

1. Golod S. Family and marriage: historical and sociological analysis. — St. Petersburg: Petropolis, 1998. — 144 p.

2. Becker Gary S. Human capital: A theoretical and empirical analysis, with special reference to education. — Chicago: University of Chicago Press, 2009. — 412 p.

3. Bourdieu P. The forms of capital, in Richardson J. (Eds.) // Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education. — Westport: Greenwood,1986. — P. 241–258.

4. Brock W. A., Durlauf S. N Discrete choice with social interactions // Review of Economic Studies. — 2001. — Vol. 68. — No. 2. — P. 235-260.

5. Castello A., Domenech R. Human capital inequality and economic growth: Some new evidence // Economic Journal. — 2002. — Vol. 112. — No. 478. — P. C187-C200.

6. Cohn E., Terry Geske G. The Economics of Education (3rd ed.). — New York: Pergamon Press, 1990. — 430 p.

7. Coleman J. S. Social capital in the creation of human capital (first published in 1988), in A.H. Halsey, H. Lauder, P. Brown and A.S. Wells (Eds.) // Education: Culture, Economy and Society. — Oxford: Oxford University Press, 1997. — P. 80–95.

8. Erikson R., Goldthorpe J. H. Intergenerational inequality: A sociological perspective // Journal of Economic Perspectives. — 2002. — Vol. 16. — No. 3. — P. 31-44.

9. Glomm G., Ravikumar B. Public versus private investment in human capital: endogenous growth and income inequality // Journal of Political Economy. — 1992. — Vol. 100. — No. 4. — P. 818-834.

10. Griffith J. Relation of parental involvement, empowerment, and school traits to student academic performance // Journal of Educational Research. — 1996. — Vol. 90. — No. 1. — P. 33-41.

11. Hokoda A., Fincham F. D. Origins of Children's Helpless and Mastery Achievement Patterns in the Family // Journal of Educational Psychology. — 1995. –Vol. 87. — No. 3. — P. 375-385.

12. Jerrim J., Macmillan L. Income inequality, intergenerational mobility, and the great gatsby curve: is education the key? // Social Forces. — 2015. — Vol. 94. — No. 2. — P. 505-533.

13. McPherson M., Smith-Lovin L., Cook J. M. Birds of a feather: Homophily in social networks // Annual Review of Sociology. — 2001. — Vol. 27. — P. 415-444.

14. Oketch M., Mutisya M., Sagwe J. Parental aspirations for their children's educational attainment and the realisation of universal primary education (UPE) in Kenya: Evidence from slum and non-slum residences // International Journal of Educational Development. — 2012. — Vol. 32. — No. 6. — P. 764-772.

15. Piketty T. Chapter 8 Theories of persistent inequality and intergenerational mobility // Handbook of Income Distribution. — 2000. — Vol. 1. — P. 429-476.

16. Sheppard A. Research section: school attendance and attainment: Poor attenders' perceptions of schoolwork and parental involvement in their education // British Journal of Special Education. — 2009. — Vol. 36. — No. 2. — P. 104-111.

17. Smith F. M., Hausafus C. O. Relationship of family support and ethnic minority students' achievement in science and mathematics // Science Education. — 1998. — Vol. 82. — No. 1. — P. 111-125.

18. Sweetland Scott R. Human capital theory: Foundations of a field of inquiry // Review of Educational Research. — 1996. — Vol. 66. — No. 3. — P. 341-359.

19. Temple J. A positive effect of human capital on growth // Economics Letters. — 1999. — Vol. 6. — No. 1. — P. 131-134.

20. Timkey S. The Influence of Parent Attitudes and Involvement on Children's Literacy Achievement // Education and Human Development Master's Theses, The College at Brockport: State University of New York, 2015. — 57 p.

Научное издание

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ В РЕГИОНЕ

X Уральский демографический форум
Международная научная конференция

Сборник статей

Том 1

Рекомендовано к изданию
Ученым советом Института экономики УрО РАН
Протокол № 2 от 25.06.2019 г. Рег. № 06 (19)

Редактор О. Л. Сафьянова

Подписано в печать
Формат 60×90 1/16 Бумага типографская.
Усл. п. л. 25,31. Уч.-изд. л. 25,31. Тираж 500 экз.
Заказ № 25/09-1

Отпечатано в типографии ООО Издательский Дом «Ажур».
620075, г. Екатеринбург, ул. Восточная, 54.
Телефон/факс: (342) 350-78-28, 350-78-49.
E-mail: azhur.ek@mail.ru, http: www.ajur.ur.ru.